ТРОЕЦАРСТВИЕ
Юрий Никитин
ПРИДОН
ЭКСМО
Юрий
Никитин
ПРИДОН
ТРОЕЦАРСТВИЕ

ТРОЕЦАРСТВИЕ

Цикл Троецарствие

Артания
Придон
Куявия

ПРИДОН

Москва
Эксмо
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Н 62

Оформление серии
и иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Никитин Ю. А.

Н 62 Придон: Фантастический роман / Ю. А. Никитин. — М.: Эксмо, 2007. — 736 с.

ISBN 5-699-19539-4

Любовь нас выбирает... и мы бессильны. Не справиться, не погасить пламя, бушующее внутри. И те, кому повезло быть избранным, живут во сто крат ярче и богаче любого смертного, не удостоенного быть замеченным любовью.

Кем был бы Придон, не вспыхни в нем любовь? Простым воином, пусть и знатного рода, тенью знаменитого брата. Но когда повела божественная сила любви, перед ним рушатся вражеские твердыни чародеев, превращаются в пепел драконы, а бесчисленные войска во главе с сильнейшими магами бегут в диком страхе...

И только одна неприступная крепость впереди — сердце той, кого он любит.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Никитин Ю. А., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-19539-4

Моим друзьям и недругам,
с которыми встречаемся в Корчме
(http://nikitin.wm.ru) и КЛФ
при Центральном доме литераторов.

Часть I

ГЛАВА 1

В огромном шатре так же светло, как и снаружи. Цветные тени медленно переползают по расстеленным на земле шкурам барсов. По ту сторону шелковой ткани стук копыт, тонко кричат в небе птицы, а здесь отгороженный мирок, шерсть под рукой подрагивает, проскакивают искорки, словно в догорающем костре. Разве что не пурпурные, почти белые, но пощелкивают так же сухо, загадочно. Шелковая ткань шатра иногда прогибается под натиском яростного весеннего солнца, полного сил и жажды выжечь остатки сырости.

Придон лежал на спине, что с его страшной раной между лопатками не так просто, но уже почти не ощущает тела, ввалившимися глазами безучастно следил за светлым кругом на куполе.

Жизнь уходит хоть и медленно, но неотвратимо, как неотвратимо наступление ночи. Рядом шумно спит Аснерд, на спине, рот распахнут, оттуда исходит могучий рев, трясется земля, сотрясаются стены шатра, раскачивается шест, что поддерживает свод. Скосив глаза, Придон увидел широкую красную гортань, ведущую в тьму, и сразу вспомнил тот

страшный туннель, что вывел их троих в зал с дивами, где нашли рукоять и Конста. Гортань начиналась красивой аркой, со свода трепещет красный язычок, похожий на тушу барана с содранной шкурой.

Придон отвел взгляд, Аснерд же рычал, гремел, а потом вдруг, всхрапнув и чавкнув, умолк. Дыхание стало ровным, Придон снова опустил голову и тут же подпрыгнул, храп начался с громового взрыва, словно гром ударил прямо в палатку. Когда Аснерд втягивал воздух, свод прогибался, а шест трещал, а при выдохе весь шатер подпрыгивал, и только вбитые в землю колья не давали улететь высоко в небо.

Потом пришло забытье, а когда снова поднялся на поверхность, Аснерд, уже сидя за широким столом, сурово и печально наблюдал за ним с другого конца шатра. В его коричневых глазах Придон видел свое восковое лицо, нос заострился, скулы прорывают иссохшую кожу. Челюсти плотно сжаты, губы совсем синие. Рубашка на груди расстегнута, но лучше бы закрылся: ключицы вот-вот прорвут сухую кожу, желтую, почти мертвую. И вообще могучие мышцы растаяли, одни кости...

— Что с тобой? — спросил Аснерд с печалью. — Ох, Придон!

Веки Придона опускались, как чугунные заслонки. При звуках могучего гласа воеводы медленно открыл глаза, веки сухие, со вздутыми красными прожилками. Глаза прячутся глубоко в темных пещерах, в них сухой блеск, словно на изломе слюды. Аснерду почудилось, что из Придона взглянуло само отчаяние, близкое к безумию.

— Я схожу с ума, — донесся до Аснерда прерывающийся шепот. — Я не знаю, сам ли я вызвал такой гнев богов... или же мстят за грехи моих родителей...

Аснерд встал, похожий на шагающую гору, подошел вплотную и посмотрел сверху вниз. Голос прогромыхал, как гром из приближающейся грозовой тучи:

— Придон, это не гнев.

— А что?

Аснерд сдвинул плечами, Придону послышался треск перемалываемых камней.

— Почему лежишь? Под лежачий камень...

— Я испробовал все, — проговорил Придон глухо. — Я ничего не могу. Я умираю, Аснерд. И, наверное...

— Что?

— Наверное, я все-таки умру.

— Умрешь, — угрюмо подтвердил Аснерд. — Вижу. Не ты первый, Придон. Я видел, как умирали. Но хоть это и не самая постыдная смерть... но все же хуже славной смерти в бою.

— Какой бой, — прошептал Придон тоскливо. — Против кого?.. Я ослеплен, Аснерд... Я ничего не вижу, кроме ее лица!.. Жизнь во мне то замирает, то просыпается... но это значит лишь, спит она или нет... Если я улыбаюсь, то это значит, что она там весело смеется... Я лишь тень ее души, я сам по себе не существую, Аснерд!.. Я лежу здесь, а душа моя у ее ног. Но я умираю, что не могу оказаться там... весь.

Аснерд заложил руки за спину, плотная кожа заскрипела, как новенькое седло под его весом. Он был, как всегда, обнажен до пояса, могучий торс все такой же коричневый от жгучего весеннего солнца. Еще с прошлого года густой солнечный загар, а сейчас новая весна, кожа жадно, как иссохшаяся земля поглощает дождь, впитывает молодое солнце. Он в задумчивости потер чисто выбритый подбородок.

— Ну, положим, мог бы оказаться. Но для нас, артан, есть и повыше ценности, чем валяться у женских ног... Придон, ты должен встать.

— Должен?

— Должен, — громыхнул Аснерд сурово. — Должен сесть на коня. Помни, чего нельзя добром, то можно силой! Мужчины мы или не мужчины?.. Что-то артане начали жиреть без войн и набегов!.. Кони наши тучные, у мужчин на боках я своими глазами видел жир, как у толстых овец, какой позор!.. Ты еще не понял?

Придон вскрикнул слабо, он весь дрожал, а из только что сухих, как слюда, глаз ручьем хлынули слезы:

— Я ничего не понял!.. Я хочу только избавиться от этого наваждения! Я хочу, чтобы из моей груди вытащили змею, что съедает мое сердце.

Полог с шуршанием отодвинулся, в шатер шагнул Вязе-

майт. В спину верховного волхва жарко и сильно бьют солнечные лучи, на плечах кипит и разбрызгивает искры металл. Как и Аснерд, обнажен до пояса, коричневый, с красиво ниспадающими серебряными волосами, с чисто выбритым подбородком, красивый и величественный, хотя, конечно, немолод... очень немолод и как волхв, и как воин.

Суровые глаза верховного волхва смотрели без привычной строгости. Почти на голову ниже гиганта Аснерда, он в то же время излучал, как накаленный горн, величие и достоинство.

— Эх, — сказал он с горечью, — Придон... Намного проще, если бы ты видел в ней только женщину!

Придон прошептал с неимоверной тоской:

— Как можно видеть в ней женщину, когда она не женщина?.. Как будто я не видел женщин, не хватал за волосы и не пользовал среди горящих городов прямо на трупах их мужей!.. Меня не трогают их слезы, их клятвы, их мольбы и лживые обещания. То всего лишь говорящие коровы, козы, свиньи. Но Итания... она из солнца и лунного света! Она... она необыкновенная.

— Да, — согласился Вяземайт печально, — теперь вижу.

— Я помню, что, когда выглянула из носилок, небо заблистало! Свет от ее лица пал на землю, на дома, на все, что создали боги. От звуков ее голоса встрепенулись цветы, а взгляд... о, что за взгляд! Вяземайт, я умираю и не хочу умереть, потому что тогда моя мука прекратится, а я уже не могу жить без этого огня в сердце, что сжигает мне грудь. Я знаю, что, когда подходит к окну, эльфы слетаются к дворцу и любуются ею тайком, чтобы потом создавать песни в ее честь. Ветер не смеет шелестеть, земля под ее ногами изгибается, чтобы прикоснуться к ней...

Голос упал до шепота. Аснерд покачал головой, посмотрел на Вяземайта. Тот молча наклонил голову. Аснерд легко подхватил Придона под мышки. Мог бы взять на руки, сейчас Придон легче перышка, но не хотел позорить героя, который совсем недавно сам мог поднять гору. Голова Придона болталась из стороны в сторону. Вяземайт придержал сбоку, вдвоем вывели из шатра. Солнце ударило по лицу как огромной

нагретой в костре дубиной. Придон застонал и суетливо закрыл иссохшими ладонями лицо.

С конем в поводу подбежал оруженосец Аснерда. Мальчишка вытаращенными глазами смотрел на героя, что полгода назад добыл легендарный меч бога войны Хорса. Даже не Хорса, как говорят, а еще более древнего, грозного и страшного бога. Тот дивный меч мог бы оставить себе, но не оставил, ибо богат тот, кто дарит, а не тот, кто принимает дар. Он вернулся в блеске славы, разгромив и повергнув дивов, колдунов, драконов и чужих богов, но сейчас похож на умирающего. И, самое позорное для артанского воина, он в рубашке, словно женщина или ребенок. Костлявые плечи выпирают, а когда ветер прижимает ткань к телу, ребра проступают настолько четко, словно мяса там нет вовсе. Говорят, на спине героя две страшные раны, их не могут вылечить лекари, не могут волхвы, не в состоянии одолеть даже колдуны и маги.

Аснерд с болью и жалостью смотрел, как Придон с трудом вставил ногу в стремя. В седло поднялся — не взлетел птицей, а поднялся, как старик с постели! — с третьей попытки. Пальцы ухватились за конскую гриву, конь переступил с ноги на ногу, удерживая равновесие, всадника клонило на другой бок.

— Прощай, Аснерд, — сказал он мертвым голосом.

Сердце Аснерда дрогнуло и остановилось.

— Постой, — сказал он тревожно. — Ты куда? Эй, вороной, проследи, чтобы он полежал на зеленой травке, глядя в небо, а потом вернулся...

— Я в Степь, — ответил Придон тем же голосом, что уже не принадлежал этому миру. — Просто в Степь.

Аснерд молча стиснул челюсти. В Степь, просто в Степь, уходят из нор звери, зачуявшие близкую смерть. Уходят подальше и там испускают дух, чтобы... Да кто знает, зачем уходят звери, но человек — не зверь! Или все-таки зверь?

— Боги, — взмолился он, глядя в сгорбленную спину героя, — боги... какого черта? Вы что, спите? Не должен такой человек помирать. Не должен! Говорят, он вхож к вам на небеса... Если правда, то как вы можете вот так? И ничего-ничего, чтобы он... ожил?

Конь двинулся медленно, бережно, чувствуя, что хозяин,

всегда такой могучий и быстрый, сейчас едва держится в седле. Придон в самом деле раскачивался, в ушах и в голове непрерывно звучит ее голос, едва слышный, но в нем боль, недоумение, а кровь поднимается от изнемогающего сердца. Он всхлипывал, не стыдясь бегущих по щекам слез.

Почудилось или в самом деле слышал отчаянный душервущий женский крик, что догнал и больно поразил в спину: «Возьми мое сердце, а песни верни!!!»? Почему не повернул даже головы? Не позволила та буря, что бушевала в нем, та ярость, что разрывала на части, та страсть, что вела по жизни, вела через Огненные Земли, через заснеженные горы, через жуткий Лес?..

Ее отчаянный крик, он слышал его отчетливо, но только крик, ибо ревущая в нем буря заглушила слова. И только потом, уже когда мчался, обезумев от горя, по ровной степи Артании, снова и снова слышал этот крик, этот плач, это отчаяние, клял себя, что не остановился, не повернул коня. Гордость заставила мчаться навстречу рвущему волосы жестокому ветру, гордость не позволила натянуть повод и вернуться в Куявию. Даже не в Куявию, а к Итании. Но потом, когда обессилел и свалился с коня, начал в том грохоте, в том реве урагана, что разрывает изнутри, различать и слова, что отныне терзают сердце сладким миражем.

Теперь он вздрагивает и сам, ибо ее слова оказались целиком из ранящего его крика. Они поразили в спину так, что отныне там глубокая кровоточащая рана. Дважды Итания выкрикнула особое, жгучее, и две жгут отныне раны, что слились краями в одну — кровоточащую, изнуряющую. Единственное, что получил за свои деяния. Единственная плата за меч Азазеля.

За эти полгода он, не находя себе места, исколесил всю Артанию. Его принимали даже у лемков и гуцагов, в племенах, что не признают Скилла тцаром Артании, хотя и обязались в случае нападения куявов, славов или вантийцев выступить на защиту их общей страны.

Одинокий всадник не угроза, к тому же сразу замечали, что он и не пытается подсчитывать, у кого сколько войск, не склоняет знатных людей к измене, а сразу же бросается к зна-

харям и волхвам. Его заставляли пить разведенный в воде пепел сожженных змей, он подолгу лежал на шкурах пардусов, что имеют магические свойства, смотрел на луну, в то время как воскуряли лечебные травы, он давал навешивать на себя амулеты, обстригать волосы, отворять кровь, но все оставалось по-прежнему: перед глазами видел ее прекрасное лицо так ясно, что грудь разрывалась от тоски. Он плакал и бил кулаками по голове, в ушах звучал ее нежный тихий голос, он вскрикивал в агонии: за что, за что является ему, за что мучает, что это за сладость в ее жестокой душе, почему так любит его терзать?

Он покидал кочевье под молчаливое сочувствие, а в следующем его уже встречали, ибо молва о подвиге сына артанского правителя и подлом коварстве куявов летела впереди него. Многие колдуны сами без зова приходили, он покорно глотал снадобья, то горькие, то едкие, пил отвары и настойки, над ним переламывали кости драконов, под ним зарывали плоды куявского дерева с красными ягодами, он покорно проводил там три ночи, вокруг плясали и стучали в бубны, отгоняя злых духов, он сам ходил вместе с магами вокруг костра, где сгорали душистые ветки волшебных деревьев, повторял заклинания и заговоры, обращался с просьбами ко всем богам, давал обеты и клятвы, только бы избавили от наваждения.

Он обошел всех жрецов, знахарей, лекарей, колдунов, встречался с магами. Его заставляли смотреть на звезды, его подвешивали на веревке и окунали в священный источник, его заставили изловить в пещерах белого тритона, высушить, истолочь и три дня носить порошок на груди.

Все знали о его страшных ранах на спине, но Придон не упоминал о них, не просил излечить, и волхвы, как он и просил, лечили его сердце, его душу и только потом, когда ничего не получалось, уже почти тайком, по своей воле, пробовали избавить от жестоких ран.

Аснерд и Вяземайт долго смотрели вслед. Раньше смотреть долго не пришлось бы: короткий и быстро затихающий стук копыт, облачко пыли, блеснувшая искорка топора, под-

брошенного от избытка сил к небу, и снова степь ровная и чистая, а сейчас конь уходит шагом, оберегая всадника, а того раскачивает так, что того и гляди упадет.

Наконец Аснерд повернулся к Вяземайту, но верховный волхв делал вид, что не замечает требовательного взгляда артанского полководца. Зоркие глаза прослеживали за страдающим братом тцарствующего Скилла. Легкий ветерок надул рубашку пузырем, спрятал худые ребра, но куда деть тонкую шею, истончившиеся руки, что уже не поднимут боевой топор?

— Не смотри на меня так, — буркнул он, не поворачивая головы. — Не смотри!

— А что, — буркнул Аснерд, — признаешься, что никакой не волхв?.. Тот бы что-то сделал.

Вяземайт продолжал следить за удаляющимся всадником. Ветерок слегка колыхнул серебряные пряди, но суровое лицо, будто высеченное из дерева, не потеряло суровости, а солнце не играло на серой коже, а впитывалось, как влага.

— Волхв, — ответил он ровным голосом, — толкует деяния богов. Деяния и желания. Требования! Но волхв — не бог.

— Это и видно...

— Что? — спросил Вяземайт. Он повернулся и сурово посмотрел на Аснерда. — Что ты сказал?

Аснерд насупился, и без того огромный и грозный, как тяжелая скала, сейчас показался еще и грозовой тучей, что несет в себе целые горы.

— Был бы ты волхвом, — сказал он раздраженно, — не этим... толкователем, а волхвом на коне, уже придумал бы что-нибудь. Ну хоть что-то! А ты только руками разводишь, все оправдывашься.

— Я, — сказал Вяземайт раздельно, — все-таки толкователь! Это важнее, только ты не понимаешь.

— Но ты же и... это... всякое можешь?

Вяземайт покосился по сторонам, буркнул:

— В Артании магия под запретом, не слыхал? Мы же сами подтверждали запрет! И не зря.

— Правильный запрет, — согласился Аснерд. — Толковый. Человек должен сам... но в таких вот трудных случаях можно бы и магией! На это есть отпрет.

Вяземайт пожал плечами.

— Аснерд, ты знаешь, что я кое-что могу. Хочешь, прямо сейчас из воздуха достану жареного барана?.. Немало колдунов, чародеев и даже волшебников помнят, как я их в бараний рог гнул. Но с Придоном все иначе... Догадываешься, какие силы он затронул? Тут ни один маг не поможет.

Аснерд проворчал что-то, спина сгорбилась, он повернулся и вдвинулся в шатер. Вяземайт посмотрел вдогонку Придону, уже только далекая точка в степи, зашел за Аснердом. В шатре пахнет шерстью и болезнями, воздух пропитался запахами горьких трав. Старый воин, кряхтя, сел на шкуры, потом подумал, лег, забросил ладони за голову.

Вяземайт огляделся, в шатре только легкий стол и широкая лавка, тяжело опустился на скрипнувшее сиденье. Плечи поднялись, волосы жидким серебром хлынули на грудь.

— И вообще, — сказал он раздраженно, — ты на меня пальцем не показывай, не показывай! У него был меч, так?.. Даже два меча, как рассказывали. С Черным мечом мог бы стать властелином Вселенной, а он просто отшвырнул в камнедробилку. Еще был меч этого Хорса... что на самом деле не Хорса, а какого-то самого древнего, с тем он бы вообще... и что? Оставил в Куявии! Сам тцар Тулей совал ему этот меч, а он отказался! Гордость показал!

Аснерд проворчал:

— А ты бы не отказался?

Вяземайт покачал головой:

— Я бы — нет. Я бы подумал прежде всего об Артании. Что я с этим мечом сделал бы для страны, для людей.

— Старый пень, — буркнул Аснерд.

— Что?

— Что слышал. Придон молод, он думает сердцем, а не головой. Это у тебя сердца уже нет... или почти нет, а у Придона...

— А у Придона головы нет, — закончил Вяземайт. — Это хотел сказать? Ладно, я понимаю, что Придон не мог иначе. Наша честь, достоинство — выше любых выгод. Мы не куявы... Но вот теперь Придон, несмотря на все подвиги, обманут, у куявов и меч, и награда, а он с предательской раной в спине...

Аснерд посмотрел на подрагивающий под напором свежего ветерка шелковый свод, цветные тени скользят по шкурам, расцвечивают Вяземайта, как дивного зверя из морских глубин, поморщился.

— Остынь... Ты не перед войском глаголешь. Мне вовсе не надо так красиво. Мы оба знаем, как было на самом деле.

— А как было? — спросил Вяземайт зло. — Что, хочешь сказать, куявы правы?

— Нет, — сказал Аснерд, — все куда хуже. Оба правы, в этом и беда. Когда прав один, то все решается быстро. А сейчас... Я не поверю, что ты ничего не придумал! Вяземайт, не поверю.

Вяземайт развел руками.

— Я такие раны не лечу.

— Ну хоть что-то сделай! Он спать не может от этой раны, по ночам кричит, вскакивает...

— Я лечу раны от оружия, — ответил Вяземайт глухо. Он опустил ладони на столешницу, сжал и разжал кулаки, посмотрел на сухие бледные пальцы, все еще толстые, крепкие. — От огня, от зубов волка или яда змеи, от льда... Помнишь, как я поднял Зброяра, он вмерз в льдину и пробыл в ней с неделю?

— Ты еще Огнивца спас, — сказал Аснерд. — От парня осталось мокрое пятно, когда с такой высоты, но ты ж собрал его и... вон скачет, как будто таким родился!

— Это все не то, — отмахнулся Вяземайт. — Это либо от рук людей, либо от зверей, гадов, или от своей дури, а с Придоном — хуже... Ну не дано мне вмешиваться в дела богов! Не дано, понимаешь?

Аснерд насторожился.

— При чем тут боги? Это ж Итания его вдогонку так приложила!

Вяземайт встал, снова сел, руки не находили себе места, пока не переплел пальцы в плотный замок и не оставил на столешнице.

— Это, — сказал он глухо, — дела богов. Человек дерзко вторгся в их хранилище, хватает все, до чего дотянется рука... Ты помнишь, в Начале было Слово, и Слово было Богом.

Магия вокруг нас: в камнях, земле, воде, траве и деревьях, но мощь богов и даже Единственного — именно в словах. Итания выкрикнула вдогонку Придону... жгучее ли слово, горькое ли — не знаю. Повторяю, это — дела богов. Нам, людям, дана магия, это проще.

Аснерд прорычал тоскливо:

— Магия дана, а слова берем сами. Немудрено, что острым ножом с непривычки можно и порезаться.

— Или порезать других.

Аснерд скривился. Грудь его поднялась, захватывая воздух так, что стенки шатра вогнулись, шест затрещал, а когда выдохнул, шатер раздуло, как пузырь.

— Это видим. Но как его... вылечить?

— Не в моей власти, — отрезал Вяземайт. — И не во власти человека вообще. Если хочешь знать, то даже не во власти богов.

— Ого!

— Не огокай, — сказал Вяземайт строго. — Что сделано богом, ни один другой бог не может отменить. Или даже изменить.

Полог надулся под внезапным порывом воздуха, хлопнул. Вместе с ветром в шатер влетела странная птица, что показалась огромной летучей мышью, заметалась сослепу по шатру, поднимая крыльями ветер. От нее пахнуло сильным звериным запахом, слишком сильным для такого маленького тела, бросилась на Вяземайта, будто готовилась вцепиться в серебряные волосы, он отшатнулся, Аснерд видел застывшие в страхе глаза верховного волхва.

Полог продолжало трепать с сильными щелчками, похожими на удары пастушьего кнута. Существо сделало резкий поворот и проскользнуло в щель навстречу солнцу. Вяземайт шумно перевел дыхание, лицо побелело, губы вздрагивали.

— Что это? — спросил Аснерд снизу.

Вяземайт остановившимися глазами смотрел на хлопающий полог, встал, закрепил ремешками.

— Я же сказал, — прошептал он, — уже нельзя ни отменить, ни даже изменить...

Аснерд насторожился — Вяземайт произнес эти слова

очень уж торжественно, — приподнялся на локте, заглядывая волхву в лицо. Тот все отводил взгляд, наконец посмотрел прямо в глаза.

— И что? — спросил Аснерд требовательно.

— Мы не зря сейчас отправили его в Степь, понял?

ГЛАВА 2

Конь — настоящий артанский конь, пытался тихонько перейти на рысь, а потом и в галоп, но Придон придерживал, пока шатры не скрылись с глаз и когда перестал ощущать на спине взгляды Аснерда и Вяземайта. Потом ослабевшие пальцы выронили повод, в глазах потемнело, он рухнул с седла. Онемевшее тело почти не ощутило удара о землю, только незаживающая рана в спине остро кольнула жгучей болью.

Он перевернулся на бок, а когда боль между лопатками притаилась, тихонько лег лицом вверх. Глаза бездумно уставились в синее, слишком яркое для глаз небо, не замечая бегущие по небу стада небесных овец. В последнее время даже слова песен не всплывают из глубин души, из бездны необъятного сердца. Тоскливо, а черная пропасть, что на самом деле никакая не пропасть, а Край Света, где обрывается вообще все, край жизни, за которым только смерть, — с каждым днем все ближе.

Синева налилась густыми красками, перешла в багровость, небо покрылось кровавой корой заката. Потемнело, выступили звезды, а он все так же смотрел в небо, бездумно и безвольно. Воздух уплотнился, ароматы степных трав усилились, а едва слышные днем песни кузнечиков зазвучали мощно, слаженно, целый хор, хотя каждый сидит на своем стебельке, однако начинают мелодию и заканчивают в одно время.

Он смутно подивился, как это у них так получается. Скосил глаза, совсем рядом с его головой толстенький жучок старательно трещит крылышками, на своем языке уговаривает возлюбленную раскрыть перед ним свое крохотное сердце. Горечь в груди начала превращаться в расплавленное олово. Даже они, мелкота, могут отыскать среди тысяч и тысяч себе подобных тех единственных, которые услышат, примут и от-

ветят на их песни. А вот он уже исторг из своего измученного сердца десятки, если не сотни песен...

Он с трудом перевернулся, сегодня рана на спине отзывается при каждом движении. Из-за нее и приходится носить рубашку. Сейчас похож на простого хлебопашца, никто с первого взгляда не узнает в нем того героя, что сумел добыть для Куявии волшебный меч...

Огниво выскальзывало из ослабевших пальцев. Измучился, уже хотел отказаться от попыток зажечь костер, наконец одна из искорок упала на трут. Побежал огонек, вспыхнула береста, затем и мелкие сучки. Набросал хворосту, с облегчением перевернулся на спину, рана болезненно заныла, но вскоре притерпелась и затихла.

Небо качнулось из стороны в сторону и замерло, глядя мириадами ярких звезд и мириадами мириад — слабых, мелких, едва видимых. Из-за дальнего черного леса поднялась полная луна, свет пошел призрачный, свет нежити, привидений, призраков и ночных эльфов. Травинки обрели неестественную четкость, с одной стороны превратились в чистейшее серебро, а другая сторона оставалась абсолютно черной, злой, принадлежащей другому миру.

Он лежал бездумно, безвольно, рядом едва слышно потрескивает костер, все сильнее греет бок, но нет сил сдвинуться. В ночи счастливо верещат кузнечики, пищат жучки... и вдруг все оборвалось. В темноте тревожно фыркнул конь, ударил в землю копытом. Придон даже услышал, как он по-звериному втянул воздух, стараясь уловить запах тех, кто приближается.

Послышался стук копыт, но как-то странно: в такой тиши можно бы услышать за несколько верст, но зазвучали почти рядом. В освещенный круг въехал обнаженный до пояса мужчина на крупном коне цвета запекшейся крови.

Придон не двигался, мужчина вскинул руку в приветствии. На запястье и на предплечье блеснули широкие боевые браслеты. Он спрыгнул на землю, глаза не отрывали взгляда от Придона. Был он высок, выше всех известных Придону богатырей, широк в плечах, могучая грудь в лунном свете красиво блестела. Из-за плеча на Придона смотрела рукоять боевого топора.

Придон хотел встать, но сумел только приподняться и опереться на локоть. Незнакомец небрежно забросил на седло повод, конь тут же отступил в темноту. Придон прислушался, но в том месте кузнечики продолжали выводить любовные трели, будто их совсем не пугают широкие копыта.

— Дозволь согреться у твоего огня, Придон? — спросил незнакомец.

Придон молча указал на другую сторону, там как раз толстое сухое бревно. Незнакомец сел, живые блестящие глаза с интересом всматривались в хмурое лицо Придона. Сам выглядел не то что необычно, нет, самый обыкновенный артанин, обнажен до пояса, как все мужчины Артании, чисто выбрит, тоже как все, на широком поясе два ножа в кожаных чехлах... Необычность разве в том, что Придон еще не встречал мужчин такого роста и богатырского сложения. К тому же незнакомец отмечен жестокой мужской красотой, в нем сила, ум, неутомимость, в глазах иногда мелькают искорки, что во мгновение ока могут вспыхнуть огнем, такой воин превращается в одержимого, в бою не знает усталости, его не берет железо, а он в одиночку может побивать целые армии. За такими охотно идут удальцы, ибо с подобным вождем впереди победы, добыча, слава...

— У меня в суме есть мясо и хлеб, — сказал Придон.

Незнакомец засмеялся, свет от костра пробежал по крупным ровным зубам, Придону почудилось, что рот незнакомца полон огня.

— Спасибо, — сказал он легко, — но я сейчас поеду дальше, у меня много дел... Ты все еще страдаешь, Придон?

Придон сделал неосторожное движение рукой, между лопатками полоснуло болью. Он не дрогнул лицом, однако незнакомец заметил, в глазах мелькнуло сочувствие.

— Ты страдаешь, — повторил он. — Увы, даже я не могу облегчить эту боль. Ни один бог не может это сделать, Придон.

Придон спросил невольно:

— По...чему?

Незнакомец горько засмеялся.

— Потому что люди — тоже боги. Только они об этом еще не знают.

— Я это где-то слышал, — прошептал Придон, но в голове начала работать камнедробилка, он не смог бы вспомнить, даже попытайся. — Но только мы очень жалкие и беспомощные боги...

Незнакомец рассматривал его пытливо, с живейшим интересом.

— Придон, — сказал он благожелательно, — есть люди, которые хоть живи, хоть не живи, в мире ничего не изменится. Таких вообще-то большинство. Но есть и другие... Вот ты — другой! Да, ты можешь помереть прямо сегодня, твоя жизнь на волоске. Но если выживешь, можешь изменить судьбу миров. Тебе многое дано, Придон... Ты будешь просто... просто куявской свиньей, если не воспользуешься.

Придон покачал головой, поморщился. В черепе все громче трещат камни, боль началась в затылке, переползла на левую сторону головы, а в затылок начали вбивать долото.

— Что я могу?

— Многое, — сказал незнакомец настойчиво. — Именно ты! В тебе кровь артанских богов. Именно в тебе, ибо Скилл уже разжижил свою кровь связью с куявкой, боги отвернули от него свои лица. В Ютлане вообще неизвестно что за подземная дрянь, с какими он змеями и жабами в родстве... Только ты — Придон! А ты, единственная надежда Артании, проводишь дни в плаче, аки слабая женщина, в стенаниях да песнях!

Придон сгибал спину и втягивал голову в плечи, каждое слово било, как молотом вгоняло валун в болотистую землю.

— Но что я могу? — спросил он жалко.

Незнакомец расхохотался.

— Ты можешь жить!.. Жить, а не... то, в чем ты сейчас топчешься. Это недостойно мужчины.

Придон спросил вяло:

— А что достойно? Кто знает?

— Это знают все, — ответил всадник серьезно. — Некоторые вещи нельзя усложнять. Из них теряется Правда. Придон, жизнь намного сложнее и одновременно проще. В твоем положении выход весьма понятный.

Придон спросил слабым голосом:

— Есть ли? Что-то не верю. Ну... говори...

За спиной незнакомца колыхнулось звездное небо, там пронеслось нечто огромное, на миг затмив звезды. Сверху донесся тоскливый крик, затем чуть позже хруст, едва слышный треск. В огне костра затрещали опускающиеся сверху длинные шерстинки.

— Мужчины всегда брали женщин, — ответил незнакомец. — Хочешь, расскажу о рождении одного града, которому суждено было стать самым великим на белом свете?.. Который создал величайшую империю и правил миром тысячи лет?.. Так вот, два брата выбрали незаселенное место и окружили его каменной стеной, объявив, что в этот город принимают всех, даже беглых рабов и преступников. Ну, сам понимаешь, туда первыми как раз и явились беглые... Были это люди сильные, отважные, умели за себя постоять. Но вот беда, среди них не было женщин! А город без женщин обречен на вымирание, сам понимаешь...

Он сделал паузу, Придон спросил жадно:

— А что дальше?

— Неподалеку через лес и пару холмов располагалось племя тернигоров. Сильное, надо сказать, племя, но — мирное. Вот и надумали однажды лихие парни из города тайком прокрасться к реке, куда выходят купаться и стирать белье девушки, и... украсть их! Были мудрые люди, что отговаривали от этого безумного поступка, ибо тернигоры хоть и мирные люди, но сильны, оружием владеют хорошо, а такое оскорбление не простят. Однако самые дерзкие не послушались, ведь нет жизни без женщин, собрали большой отряд, половина города отправилась на это дело, пробрались через лес... Смотрят, а их сотни, молодых и сочных, нежных, готовых стать матерьми, рожать детей. Купаются, стирают, чешут языки... Женщины всегда собираются либо возле колодца, либо у реки, чтобы обменяться новостями без опостылевших мужчин... Вот наши герои и выскочили, похватали девушек и на коней. Крик, визг, но, пока тернигорские мужчины спохватились и прибежали на помощь, девушек уже увезли. А погоня наткнулась на запертые врата.

— А дальше?

— Дальше... Тернигоры сперва потребовали вернуть похищенных и выплатить пеню за оскорбление. Отказ, понятно. Тогда начали готовиться к войне, такое надругательство, как и предостерегали мудрые, не простили. Собрав большое войско, пробовали осаждать город, но там уже успели возвести крепкие стены. После долгой осады, очень долгой и безуспешной, считай, около года то тараном в ворота, то с лестницами на стену... словом, начали обвинять защитников в трусости. Те рассвирепели, вышли с оружием. Завязался кровопролитный бой. Неизвестно, кто победил бы, но тут случилось неожиданное, что не могли предвидеть даже самые мудрые люди... Из распахнутых ворот выбежали молодые женщины, многие уже с младенцами на руках, другие со вздутыми животами, бросились между сражающимися... И отцы и мужья вынужденно опустили мечи. Или топоры, не помню. Думаю, что у похитителей были как раз топоры... Как думаешь? Женщины заявили, что отныне их дом здесь, это их мужья, а возвращаться они не хотят. Тернигорам пришлось примириться, а потом они даже подружились с жителями этого нового града. С того дня тот разросся бурно и на тысячу лет стал властелином мира...

Придон слушал зачарованно. Перед глазами вставали волшебные картины дивной реки, купающихся женщин и скачущих всадников на быстрых артанских конях.

— Это похищение, — сказал незнакомец, — вошло в историю как «Похищение тернигорок». В его честь учредили великий праздник. И празднуют его с великой радостью и мужчины, и женщины. Красивое зрелище, веселое! Ну, сам представь, женщины должны раздеться и в воду, а мужчины сперва, глотая слюни, из-за кустов... Хотя, прости, тебе пока не до праздников. Но хоть что-нибудь понял?

Придон медленно кивнул.

— Что мудрость... не всегда права. Что дурное сердце и кипящая кровь подсказывают порой более верное решение...

Незнакомец легко встал. Багровое пламя костра подсвечивало его лицо снизу, оно выглядело страшным, нечеловече-

ским, но Придон знал, что всякий, кому огонь светит снизу, выглядит так же зловеще.

— Мне пора, — сказал незнакомец. — Запомни. Так поступали везде и во все времена, а не только с тернигорками.

— Погоди! — воскликнул Придон. — Позволь угостить тебя хотя бы мясом!

Незнакомец скупо улыбнулся.

— У каждого своя дорога, — ответил он загадочно. Свистнул, из темноты выступил конь, глаза блестят, как черные камни, а уши торчат по-волчьи. — И каждый сам творит свою судьбу.

Он вскочил в седло, рука ухватила повод, конь развернулся, ночь поглотила разом, словно костер дал меньше света. Придон прислушался, но привычного стука копыт не услышал. Собрался с силами, встал и с пылающей головешкой в руке вышел за пределы освещенного круга. Кузнечики испуганно замолкли. Самые трусливые начали прыгать из-под ног, покидая убежища.

Следы только его коня, а отпечатков чужих копыт нет. Ни единого. Не случайно он не слышал ни приближения всадника, ни затихающего стука копыт.

Он вернулся, бросил головню обратно в оранжевое пламя. Сердце стучало гулко и часто. Незнакомец отказался разделить с ним трапезу, а это могло означать только одно: либо это враг, либо небожитель. Из того и другого ведут длинные дорожки, что, разветвляясь, дают новые тропки, но Придон ощутил, что не хочет ни в чем копаться, разбираться, доискиваться. Это дело его брата, мудрого Скилла: разбираться, понимать, доискиваться до глубин истины. А он всегда был ведом сердцем. Оно подсказывало и слова песен, и поступки.

А сейчас израненное сердце говорит громко: если женщину нельзя взять словами — можно силой.

ГЛАВА 3

За пологом шатра прогремел стук копыт, по-утреннему свежий, сочный, хрустящий. Аснерд и Вяземайт насторожились, конь вроде бы придоновский, но Придон давно уже не

пускает коня рысью, тем более — в галоп. Переглянулись, Аснерд раскрыл было рот, но послышались шаги, полог откинулся, пропуская в шатер прохладный, еще не прогретый воздух.

Придон был смертельно бледен, вошел и сразу упал на шкуры. Грудь ходила ходуном, на бледных губах выступили пузырьки пены. Аснерд помалкивал, ждал, однако Придон вскоре заснул, донельзя обессиленный. Во сне стонал и плакал, Аснерд помрачнел, делал отгоняющие злых духов жесты. Придон вскрикивал жалобным детским голосом, вперял невидящие глаза в пространство и начинал разговаривать с кем-то незримым.

Вяземайт ушел, Аснерд слышал его приглушенный голос, в ответ донеслись оправдывающиеся щенячьи голоски молодых воинов. На лицо Придона падал из узкой щели в своде солнечный луч, похожий на лезвие небесного меча, Аснерд встал и, не зная, чем еще помочь страдальцу, сдвинул края ткани.

Вернулся Вяземайт, встретился взглядом с Аснердом, кивнул.

— Ну что? — прошептал Аснерд.

— Я же говорю, — ответил Вяземайт тоже шепотом, — сегодня может решиться... жить ему или умереть!

— А как же твое колдовство?

Вяземайт подошел к спящему Придону, взгляд верховного волхва стал цепким, деловым, прикидывающим.

— Я не обещал колдовства, — огрызнулся он тихо. — Я обещал встречу...

— С кем?

— Кто может указать дорогу.

Аснерд сердито стиснул кулаки. Снова загадки! Нет чтобы какой-нибудь отвар или настой, чтобы и рану на спине, и душу излечили. Деревенские колдуны и то чудеса творят этими отварами. Нежить замораживают, оборотников выявляют, а через черту, что проводят вокруг деревни, ни один вурдалак не перескочит! Даже тучи отгоняют, а вот никто не видел, чтобы Вяземайт хотя бы щепочку своим волховством передвинул!

Вяземайт присел на корточки, Придон лежит лицом вверх, руки раскинуты, но грудь не вздымается, застыл, как могильная плита. Вяземайту почудилось, что Придон уже не дышит, торопливо потрогал, потряс, сдавил толстыми пальцами такие хрупкие исхудавшие плечи.

Красные веки медленно поднялись, но Придон даже не посмотрел на волхва. Невидящие глаза уставились в шелковый свод, грудь начала подниматься, но очень медленно, с неторопливостью морского прибоя. Был он смертельно бледен, скулы еще туже натянули сухую кожу.

— Придон, — сказал Вяземайт горько, — что ты творишь? Ведь от этого... умирают.

— Я хочу умереть, — прошептал Придон. — Мне настолько горько, что во мне все кипит, горит, плавится, как железо в огне... Скажи, неужели нет лекарств?

— Есть, — ответил Вяземайт. — Даже много. Очень много. Только надежных нет...

— Давай любые!

— Бесполезно, Придон, — сказал Вяземайт. — Все бесполезно. Лечит только время, да и то не всех.

Глаза его устремились в пространство, сейчас он тоже смотрел сквозь тонкий шелк шатра. Придон застонал, ударил кулаком по земле.

— Я испробовал все лекарства!.. Я умираю, Вяземайт. Я знаю, что умираю.

— Крепись, — сказал Вяземайт и сам ощутил, насколько беспомощно это прозвучало. — Я советовался со звездами, слушал волчий вой, а вчера видел хвостатую звезду, что пронеслась в сторону Куявии... Грядет великая война!

— Что мне война, — безучастно ответил Придон. — Я уже сражен. Она держит меня в плену, я чувствую на себе ее цепи. Когда дернет цепь, я поднимаюсь и куда-то иду, когда перестает натягивать цепь, я могу лечь, как вот сейчас, и предаваться отчаянию. Я все время слышу ее голос, вижу ее огромные глаза, я чувствую запах ее тела... чувствовал ли я его раньше? Нет, но теперь чувствую. Я даже ощущал кончиками пальцев нежность ее кожи, когда однажды мысленно дерзнул прикоснуться к ней. Это наполнило меня страхом, смятени-

ем и восторгом, и я неделю ходил по облакам и говорил с небожителями!

Он приподнялся, прорычал от резкой боли, но сел, опираясь руками позади себя. Под сухой кожей вздулись очень рельефные желваки. Взгляд был затравленным, но в то же время и решительным, как у загнанного зверя. Вяземайт отодвинулся, в глазах появилось радостное изумление, но он поспешил погасить огни в глазах.

— Посиди, — сказал он торопливо. — Я сейчас принесу настой плакун-корня. У нас есть о чем поговорить!

Он поспешно вышел, почти выбежал. Придон равнодушно смотрел ему вслед, перевел взгляд на Аснерда. Старый воин посматривал пытливо, настороженно. Придон спросил раздраженно:

— Что-то случилось?

— Со мной? — удивился Аснерд. — Что со мной может? А вот с тобой... Придон, с тобой ничего не стряслось? Там, в Степи?

Придон помедлил, говорить про разговор с богом не хотелось, но Аснерд смотрит в упор маленькими медвежьими глазками, лицо настороженное, как у хищного зверя, который охотится на других, но знает, что могут сохотить и его самого.

— Кое-что было, — ответил Придон медленно, — но ты, похоже, уже знаешь... Откуда?

Аснерд тоже помедлил, глаза быстро зыркнули по сторонам, ответил, понизив голос:

— Когда ты ушел, мне тоже был глас...

— Тебе? — переспросил Придон с недоверием.

Аснерд криво улыбнулся.

— Не верится? Я тоже не поверил. Да и туг я на ухо, почти ничего не понял. Со мной надо говорить проще и громче. И не этими... как их, иносказаниями.

Придон спросил жадно:

— И что ты услышал?

— Не понял, — ответил Аснерд откровенно. — Твое исцеление якобы зависит от... Нет, боюсь даже выговорить. Но это возможно, Придон, возможно! Я не все понял, ты ж зна-

ешь, как боги говорят, мы для этого целое стадо волхвов держим, чтобы толковали их речи, знаки, знамения... Я так и не понял, словно боги не боги, а какие-то олени, все непонятно... Словом, хорошо бы тебе излечиться, как я понял, но лучше бы этого и не делать!.. Ну, это совсем непонятно.

Придон спросил сдавленным голосом:

— Насчет раны?

— И насчет раны, — повторил Аснерд сердито. — Я не понял!.. От чего-то предостерегали. Я больше слышал гул, понимаешь, а в нем только отдельные слова... да и то эти слова я сам придумывал, а боги говорили, как они всегда говорят, не словами, а...

Он умолк и в затруднении пошевелил пальцами.

— Да-да, — сказал Придон торопливо, — словами они говорят уже через нас. А с нами вот так, ты прав, — гулом крови в жилах, горячечными снами, криком или щебетом птиц, шелестом ветра в листве... Но что ты еще понял? Что увидел?

— Великую радость, — ответил Аснерд глухо, — и великое горе. Взлеты выше гор и падения ниже болот. Я видел счастье в твоих глазах... и великую боль, перед которой нынешняя — ничто... И вот сейчас сижу, старый дурак, стараюсь понять вечное: к добру или к худу?

Полог распахнулся, вошел Вяземайт, за ним отрок держал на подносе кувшин и три медные чары. Вяземайт повернулся, взял кувшин и чары, отрок поклонился с достоинством урожденного артанина и опустил за собой полог. Оставшись втроем, Вяземайт быстро разлил по чарам холодный настой. Тонкий и одновременно острый аромат наполнил пространство шатра.

— Держи, — сказал он и протянул Придону. — Пей!.. На этот раз поможет. Пусть не так, как ты ждешь, но... поможет. Аснерд, держи свой. Похоже, скоро нам снова седлать коней.

Аснерд взял чару, глаза воеводы были задумчивые. Пить не стал, осторожно подвигал в пальцах, стараясь не разлить бодрящий напиток, любовался затейливой чеканкой по ободку, спросил неторопливо:

— Ты уверен... в своих видениях?

Вяземайт вскинул чару, взгляд верховного волхва был тверд и жесток.

— Уверен, — отрезал он. — Это нужно не только Придону.

— А кому?

— Артании, — отрезал Вяземайт.

— Ого!

— Ты не понимаешь, — сказал Вяземайт. — Не понимаешь, воевода... Судьба Придона и всей Артании сплетена настолько хитро, что сами боги их не разделят. Излечивая Придона, мы излечим и всю Артанию.

Аснерд покачал головой:

— Что-то ты не то говоришь, волхв. Совсем в своих умствованиях заблудился? Да Артания никогда еще не была настолько могучей!

Вяземайт сдвинул с ним чару, темный настой колыхнулся, пара капель сползли по медному боку и сорвались вниз, как доля и жертва богам. Аснерд хмурился, не нравилось даже то, что Вяземайт принес не кубки, как пристало бы воинам, а чары, что привычнее волхвам, колдунам и прочим чародеям, но сейчас уже не переиграть, вздохнул и выпил до дна. Горло обожгло, холод превратился в огонь, по жилам пробежало тепло, впиталось в кости.

Придон не выпил, а выцедил сквозь зубы, так брезгливый конь пьет из лужи, но все же до дна. Вяземайт просветлел и, вставая, хлопнул Придона по плечу, внимательно следя за лицом. Тот почти не дрогнул, хотя незаживающая рана на спине должна отозваться. Хороший признак, Придон вспомнил, что артанин всегда владеет лицом. У него и сейчас все раны заживают как на собаке, да куда там собаке — в полночь остается только шрам, а к утру лишь белесый след от шрама — дар неведомых союзников в его последних скитаниях, но рана на спине... не простая рана.

Аснерд поймал многозначительный взгляд волхва, поднялся, закряхтев для приличия, ведь уже внуки и правнуки водят отряды, пора бы и на покой.

— Отдыхай, Придон, — сказал он. — Чую, недолго тебе отдыхать. Пойдем, Вяземайт.

В небе медленно и беспокойно двигались серые дождевые

облака, синева давно уступила цвету старого лезвия боевого топора, облака неотвратимо лиловеют, слабо сверкнуло, но пока без грома. Под ногами взвилось облачко пыли, испугалось двух суровых людей и припало, как впервые выбежавший на улицу щенок, к земле.

Вокруг зеленая степь, весна, молодая трава, и далеко-далеко на горизонте видна блестящая под солнцем крыша с острым шпилем. Там Арса, впервые Придон остановился в скитаниях так близко к Блестке и Ютлану.

Когда шатер остался далеко позади, Вяземайт огляделся по сторонам, сказал, понизив голос:

— Дивные видения меня посещали!.. Я зрел хвостатые звезды, что указывали в сторону Куявии. Я видел в ночи зарево пожаров, что охватило там леса и горы. Горела сама земля, а ветер разносил пепел, что оставался от городов и весей... Я зрел красных коней, исполинских, как горы, что пронеслись по Куявии и всю обратили в прах!.. Аснерд, это были неподкованные кони.

Аснерд слушал набычившись, маленькие глазки внимательно следили за взволнованным лицом верховного волхва.

— И все?

Вяземайт сказал раздраженно, но все еще вдохновенным голосом:

— Нет, ибо самое дивное, я видел, как под копытами этих красных коней рушится несокрушимая стена Куябы!.. И наши кони победно врываются в стольный град, с небес доносятся голоса наших отцов и дедов, что славят наши подвиги... Я слышал довольные крики богов!..

Голос его становился все тише, Аснерд выждал, когда Вяземайт умолк, крякнул, сказал досадливо:

— Ладно, а теперь вспомни, что не перед толпой народа. Мне пыль в глаза не бросай, не бросай!.. Ишь, видения узрел. Это младшие волхвы зрят видения, а потом толкуют. Ты — жук хитрый. Может быть, даже мудрый... в чем-то. С краю. Так что на видения не ссылайся, это для... гм... простых. Мне можешь говорить правду.

Вяземайт мгновение смотрел ошалело, поспешно провел ладонью по лицу, сморщился, сказал виноватым голосом:

— Прости. В самом деле... Чего мы так? Таким старым зубрам не к лицу хитрить друг с другом.

— То-то, — сказал Аснерд. — Если и мы станем дурить друг друга, что в мире станется? Так что давай не крути.

Вяземайт вздохнул, снова огляделся по сторонам. Шатер далеко, у костра двое отроков жарят мясо, еще один у ручья купает коней. Все посматривают на небо, торопятся.

— Все знамения... — начал он, спохватился, поправился: — Все говорит о том, что мы должны начать войну. Потому я и поддерживаю поход Придона.

Аснерд удивился, медвежьи глазки, и без того маленькие, стали совсем узкими, настороженными.

— Поход? Какой поход?

— Какой он предпримет, — ответил Вяземайт. — Поход на Куявию.

— Ого, — сказал Аснерд саркастически. — Что-то я слышу об этом впервые. А ведь я — походный вождь! Мне вести войска. Что-то говоришь не то, Вяземайт.

Вяземайт поморщился, развел руками.

— Аснерд, прости... Я слишком далеко забежал мыслью. Поход необходим. Даже большой поход.

— Почему? Молодая сила требует выхода?

Волхв вяло отмахнулся. С толстого браслета на запястье сорвался красный луч, кольнул глаза и ушел в сторону востока.

— С чего бы я стал считаться с молодыми головами, в которых мозгов меньше, чем в копытах моего коня?..

— Так в чем же?

— В сохранении артанскости, — ответил Вяземайт просто и буднично.

Теперь Аснерд поморщился, напомнил мрачно:

— Повторяю, ты не перед войском. И не перед орущей толпой. Я — старый зубр. Говори как есть, без этой сверкающей пыли.

Вяземайт помолчал, обвел взглядом широкую степь, проследил взглядом за взлетевшим из травы перепелом.

— А ты не задумывался, — поинтересовался он мирно, — в чем отличие артан от других народов?.. Конечно же, нет, у тебя заботы поважнее: украсить бляхами уздечку, сменить по-

пону, починить седло. Ладно, не злись, это ж правда. Но мы — волхвы. Должны зреть дальше. Боги дали народам разные пути. Куявы живут богато, оседло. Живут в тесных городах, в тесных домах. Потому у них детей рождается мало, с ними нянчатся, всех выхаживают. Даже больных. У нас, артан, — бескрайние просторы, потому наши женщины рожают каждый год, а боги отбирают для жизни только самых здоровых и сильных. Но и так у нас детей рождается вдесятеро больше, чем в Куявии!.. Мальчики становятся воинами, а девочки — женщинами, способными рожать. Но земля переполнилась бы артанами, если бы те не выполняли свято свое предначертание. Предначертание быть воинами, совершать воинские подвиги, сражаться с врагом, а если нет врага, то и друг с другом, ибо артанская стать мужает в кровавых схватках, артанская отвага выковывается в постоянных боях. Это и есть артанскость!

Аснерд нахмурился, волхв говорил правду. В этом суровая и красивая жизнь артан. Даже все песни только о кровавых битвах, о набегах, о богатой добыче, о захваченных пленных, что делают всю грязную работу, и о пленных куявках, что покорно ублажают повелителей по ночам.

— Значит, — сказал он со вздохом, — войны не миновать?

— Да, — ответил Вяземайт трезвым до жути голосом. — Да. Я просто не вижу другого выхода. На этом — Артания. Откажись мы от постоянного натиска на соседей, что, надо отдать им должное, неплохо перемалывают наши войска, мы рухнули бы сами...

— Ого!

— Да, Аснерд. Артанами быть перестали бы, а куявами, к примеру, стать не можем. Да и не хотим, у нас этот подлый народ презирают все от мала до велика. Разве не так?

Они все дальше отходили от стана, Аснерд насторожился, от Арсы в их сторону быстро приближалось пыльное облачко. Вяземайт еще не видел, он в воде видит лучше рыбы, а ему видно не только облачко, но и поблескивающие в нем искры, отблески солнца на металле. Кто-то мчится в их сторону, мчится очень быстро, а владельцев таких быстрых коней можно пересчитать по пальцам.

Всадник несется, похоже, легкий, как птица, Аснерд убрал ладонь с рукояти боевого топора. И хотя их стоянка всего в одном конном переходе от Арсы, но слишком долго пробыл на всяких кордонах, в каждом скачущем навстречу всаднике прежде всего зришь противника.

Вяземайт уловил настороженность старого воеводы, сам начал всматриваться, металлический обруч на голове, что вроде бы только прижимает волосы, неуловимо изменил цвет.

Конь незнакомца мчался почти неслышно, Аснерд не уловил стука копыт, пока конь не приблизился, красивый и очень дорогой, благородных кровей, быстрый и выносливый. Из пыльного облачка вынырнуло бледное личико, раньше всегда веселое и смеющееся, но последние полгода почти такое же измученное, как и у Придона.

Аснерд раскинул руки, Блестка соскользнула в его объятия, он поцеловал ее в макушку, да и то пришлось нагибаться, спросил сурово:

— Ты чего исхудала так? Совсем червяк, а не женщина! Зачем?.. Ох, Блестка, Блестка...

Она с большой неохотой высвободилась из его рук, таких больших, уютных и надежных, вскинула голову. Ее большие прекрасные глаза сразу начали наполняться слезами.

— Здравствуйте, дядя Аснерд! Здравствуйте, Вяземайт!.. Как он?

Аснерд сказал натужно бодрым голосом:

— Пошел на поправку!

— Ох, неправда...

— Правда, — заверил Аснерд громко. — В самом деле, Блестка! Вот посмотри на волхва... Вяземайт, кивни! Видишь, кивнул. Мы тут долго его трясли и раскачивали, у него чуть ухи не оторвались, тормошили по-всякому, все думали, как бы... Правда, Блестка!

Она сказала с печалью:

— Пойду к нему...

Аснерд придержал ее в кольце рук.

— Блестка, надо ли? Он же всякий раз, чтобы не видеть твоих слез, снимается с места. Здесь только неделю...

Она покачала головой, слезы переполнили плотины нижних век, побежали по щекам, чистые, крупные, прозрачные.

— Значит, все так же?

— Да лучше, лучше, — сказал Аснерд с досадой. — В самом деле! Но пока такой же бледный червяк, как и ты. Исхудал, как... не знаю кто. Ладно, иди. Увидишь.

Она понеслась, легкая, как облачко, к далекому шатру, Аснерд и Вяземайт проводили ее взглядами. Вяземайт проронил невесело:

— Сам страдает понятно за что? Но зачем мучиться близким?

Аснерд кивнул.

— А еще Ютлан... Что-то пропадать начал невесть где. Через год-другой посвящение в воины, готовиться бы, а его не застать. Даже в Арсе... А то, возможно, и в Артании!

Вяземайт смолчал, но в глазах промелькнуло нечто, от чего по каменной спине Аснерда пробежали мурашки.

ГЛАВА 4

Во все стороны помчались вестники, созывая на пир. Аснерд велел сообщить, что Придон, великий герой, начинает поправляться от жестоких ран. Придон морщился, перехватил озабоченный взгляд старого воеводы, тот все еще смотрит как на смертельно больного, а на пир собирает как будто для того, чтобы успеть...

Уже на следующий день начали прибывать знатные герои, известные воины. Придон с удивлением увидел и старых военачальников, с которыми не знался, не общался, тем более — не был в дружбе.

Вяземайт объяснил, что прибыли и незнакомые, потому что сидеть за одним столом с Придоном — честь для любого. Дома будут рассказывать домашним, женам и дочерям, что видели того самого, о ком по всей Артании грезят молодые девушки, плачут в подушки и завидуют куявской принцессе. Вообще о безумии среднего сына Осеннего Ветра идут слухи один другого причудливее, один другого печальнее.

Последним примчался Скилл, за ним неслась сотня героев

охраны. У Придона сердце слегка взыграло, ибо даже присутствие старшего брата наполняет силой, от него веет уверенностью, готовностью сокрушить все преграды и, конечно же, защитить младших братьев и единственную сестренку.

Скилл вырвался вперед, могучий белый жеребец на скаку красиво встряхивал гривой, любовался собой, сверкал огненными глазами, даже подпрыгивал от избытка силы и бодрости, а остановившись, поднялся на дыбы и постучал по воздуху передними копытами, хвастаясь широкой грудью, подтянутым животом и мускулистыми задними ногами.

Скилл соскочил. Небрежно забросил повод на седло, бросив властно: «Стоять!», — и конь замер, а Скилл обнял брата, широкие твердые ладони, привыкшие к рукояти боевого топора, плечи сжали бережно, опасаясь повредить.

Глаза с любовью и нежностью смотрели в измученное лицо. Во взгляде Скилла Придон прочел глубокое сочувствие и понимание.

— Держись, Придон...

Придон кивнул, отвел глаза. Что может сказать брат, если не какую-нибудь глупость вроде: забудь, она же куявка... Сам в священном безумии любви не мог разделить ложе ни с одной из женщин, пока снова не встретил ту, свою единственную. Замужнюю... нет, уже вдову. К тому же куявку.

Аснерд прогудел довольным медвежьим басом:

— Столы накрыты!.. У нас здесь нет дворцов, но есть ли на свете свод лучше, чем расшитое звездами небо? Есть ли стены шире, чем виднокрай?

Однако Придон видел, он окинул стоянку не только придирчивым взглядом, но и горделивым. Хоть и не Арса, но его и Вяземайта стараниями уже не простое кочевье: всех сумели разместить за настоящими столами на широких лавках с деревянными спинками. А на столах посуда не из глины, а медная, бронзовая, даже серебряная. Кубки и чаши подали золотые, а чары так и вовсе с мелкими самоцветами по краю.

Молодые воины, которым пока рано сидеть за столами рядом с именитыми героями, очень быстро, как будто в походе, развернули телеги, в середине каждого боевого квадрата повесили большие котлы на треножниках. Запылали костры, в

котлах знаменитый походный кулеш, на камнях и железных листах мясо, рядом пекли хлебные лепешки. Поодаль от шатра Придона зацвели шатры гостей: у кого из простого полотна, у кого из цветного шелка, все украшены родовыми знаками, у входа щиты, даже по ним легко узнать, что этот шатер принадлежит прославленному Вологу, что водил малый отряд на Вантит, а вернулся с добычей, какой не брало и большое войско; в этом шатре неустрашимый Плеск, он в горе и ярости, видя раненого брата, бросился на целую сотню славов и заставил их отступить, а брата вынес на плечах; рядом шатры Белозерца и Щецина, неразлучных военачальников, когда они вместе, то их не опрокинуть и огромному войску; за ними шатры Волина, Ральсвика, Меклена — прославленных героев, что могут водить и малые отряды, и большие войска, сражаться пешими и конными, на суше и на воде, знают много военных хитростей, умелые и опытные военачальники, что все еще первыми вступают в бой, последними из него выходят.

Счастливые отроки, им повезло увидеть сразу столько героев, сбивались с ног, таская на столы снедь, заставляя кувшинами, кубками, а от котлов уже повеяло ароматом душистого кулеша, полевой каши артанских воинов.

Многие из героев не виделись годами, сейчас обнимались, вспоминали прошлые походы, созывали друзей, разбивались на группки. Пир начался сам по себе, без начала, без присмотра, ибо Вяземайт куда-то исчез, Придон смотрит поверх голов, почти ничего не слышит, губы шевелятся, разговаривает с богами.

Пришли певцы и музыканты, громко и вразнобой задудели на дудках, сопилках, пищалках. Немолодой певец, но с хорошим сильным голосом красиво спел о подвигах Придона, что сумел добыть волшебный меч. Скилл посматривал на певцов строго, однажды даже погрозил пальцем.

Аснерд сел рядом с Придоном, могучая рука воеводы звучно шлепнула по его спине.

— Ох, прости... Но зря Скилл так уж осторожничает, зря...

— В чем?

— Он велел, чтобы пели все, что угодно, но только не твои песни.

Придон вяло пожал плечами.

— И что? Пусть поют, что хотят.

— Песни песням рознь, — сказал Аснерд наставительно. — Когда хорошие песни, их слушают с удовольствием. Послушав, говорят, что песня хорошая. Или что певец в голосе. А вот те песни, что ты сложил...

— Ну?

— Они вроде бы и не песни вовсе, — ответил Аснерд после паузы. — После них человек не понимает, хорошие это песни или плохие. Он вообще не понимает, что слушал песни. Он начинает либо рыдать, либо хохотать, хватается за топор, куда-то бежит кого-то спасать... Опасные у тебя песни.

Придон слышал воеводу, как будто тот находился за толстой стеной. Пальцы вылавливали куски сочного мяса, зубы послушно жевали, он чувствовал, как по пищеводу двигается к желудку ком, но не ощущал ни нежного мяса молодого жеребенка, ни мяса барашка, вымоченного в соке редких горных ягод, ни вкуса даже жгучей и воспламеняющей кровь жги-травы.

Легкий ветерок закрутил запахи жгутом и бросил в лицо смесь из ароматов горящего березового дерева, жареного мяса, пахучих трав.

— Не знаю, — ответил он вяло, — это не я их складываю.

— А кто?

— Во мне складывает.

— Кто? — повторил Аснерд.

— Не знаю, — ответил Придон тоскливо. — Мне кажется, в каждом из нас живет еще один человек. Спит, ест, снова спит... Иногда просыпается. Совсем редко. И тогда человек, которого мы знаем, начинает вести себя как-то странно. Мы говорим ему: ты не в себе, пойди отдохни... Или: ты сегодня сам не свой... тебя не узнать, что с тобой?.. Эх, Аснерд, лучше бы я не будил этого, который внутри меня!.. Он чересчур силен. Он намного сильнее меня. И песни складывает он... Неужели я похож на человека, который складывает песни?

Аснерд окинул взглядом его изможденное лицо с сухими потрескавшимися губами.

— Ты ешь-ешь, а то в самом деле похож.

Придон усмехнулся:

— А тот, который внутри меня, стал похож на меня внешнего?

Рука Аснерда дрогнула, он задержал кубок, в глубоко посаженных глазах мелькнул тревожный огонек.

— Может быть, — ответил он медленно, — если это так... то я понимаю, на что рассчитывает Вяземайт!

Он огляделся по сторонам, брови сдвинулись над переносицей. Тревога в глазах росла. Придон спросил вяло:

— Что не так?

— Вяземайт, — повторил Аснерд глухо. — Куда делся Вяземайт?

— Да его вроде бы и не было...

— Не странно?

— Наверное, в капище, — ответил Придон вяло.

— Когда такой пир? — удивился Аснерд. — Это ты изменился, но не Вяземайт.

Уже и другие гости начали оглядываться, ибо верховный волхв был прежде всего артанином: на коня вскакивал, не касаясь стремян, топор метал на скаку в полено с сорока шагов, а за столом мог рассказать поучительный случай или вставить шутку, что взвеселяет сердца.

Пир был в разгаре, когда вдали взвилось желтое облачко пыли, такое яркое на синем безоблачном небе. Вынырнули трое скачущих всадников на вороных конях. Впереди несся, пригнувшись к конской гриве, Вяземайт. От серебряных волос верховного волхва струился чистый свет, а когда поднял голову, глаза сверкнули, как яркие звезды в ночи. За ним покачивались в седлах двое молодых волхвов, крепкие и молчаливые помощники, что вполне могли бы стать в первые ряды сильнейших воинов.

Навстречу выбежали отроки, Вяземайт тяжело спрыгнул, коня ухватили и увели. От столов приветствующе закричали, Скилл вышел навстречу и обнял старого наставника. Вяземайт высвободился, глаза все еще сверкают неземным све-

том, серебряные волосы растрепались, он был красив и страшен разом. Голоса за столом начали умолкать.

Вяземайт тяжелыми шагами направился к столу, где сидели Придон, Аснерд и еще пятеро из знатнейших военачальников. Глаза смотрели в упор, но казалось, он видит нечто незримое, доступное только богам и тем, кто получил от них дар видеть это незримое.

Скилл догнал, обнял за плечи, усадил, подал знак отроку, чтобы перво-наперво наполнил кубок, а потом принес еды. Вяземайт отодвинул кубок, ему тут же с виноватостью придвинули чару.

— Что ты узрел, мудрый? — спросил Скилл нетерпеливо.

Вяземайт с трудом разомкнул пересохшие губы. Придон заметил, что сильный жар иссушил губы так, что полопались, в трещинках застыли темные сгустки крови. Дрожащими пальцами ухватил чару, поднес рывком ко рту. Красные струи потекли с обеих сторон подбородка.

— Я даже не знаю, — ответил он, оторвавшись на миг, — даже не знаю...

Он допил до дна, лицо слегка ожило, с трудом перевел дыхание. Скилл спросил нетерпеливо:

— Что ты зрел?

— Даже не знаю, — повторил Вяземайт, — могу ли я рассказать...

Скилл закусил губу, но на них смотрят от всех столов, он повторил вынужденно:

— Что ты зрел?

— Великие Знамения, — ответил он и умолк, оглянулся в сторону отроков. — Да, это в самом деле Великие!

Ему поднесли кувшин с охлажденным кумысом. Он жадно припал к нему, все в молчании ждали, когда волхв оторвется и заговорит, но тот все держал кувшин обеими руками, задирал кверху дном больше и больше, но ни капли не пролилось на грудь. Волхв пил жадно и бережно, наконец кувшин поднялся дном к небу, но и тогда сильные руки не отпустили сосуд, а красный, как огонь, язык ловил последние капли.

— Здоров, — прошептал кто-то в благоговении. — Как же его скрутило...

Скилл спросил нетерпеливо:

— Что ты видел, мудрый?

Вяземайт передал кувшин младшему волхву. Тыльной стороной ладони вытер капли с губ, и Придон отметил, что губы волхва снова чистые, без трещин и ранок, лицо помолодело, в нем снова жизнь и сила. Золотой обруч на лбу заблестел ярче, камень налился чистым радостным цветом.

Вяземайт осмотрелся, всюду десятки пар глаз смотрят в ожидании. Развел руками.

— Лучше бы мне вообще смолчать... Но если и скажу, то пока только самому тцару. А уж он, если изволит.

Из толпы вскрикнули встревоженно:

— Да что за видение? Какой боги подали знак?

Вяземайт посмотрел на Скилла. Тот нахмурился, сказал осторожно и предостерегающе:

— Великий волхв мудр. Он не скажет лишнего.

— Не скажу, — согласился Вяземайт. Он оглядел лица пирующих, все смотрят с ожиданием, с трудом растянул губы в улыбке: — Боги сказали, что и в этом году не будет ни засухи, ни сильных морозов. Если горы не сдвинутся с мест, а море не выйдет из берегов, то коровы принесут по два теленка за раз, по всей Артании — ни одного падежа скота, саранчи этим летом не будет, а всех нас снова ждет небывалый урожай пшеницы, ржи и гречки!.. Так возблагодарим же богов за любовь к нам!

Он взял чару, к нему потянулись со своими кубками, кто-то все же спросил:

— Но почему у тебя была такая морда... невеселая?

Вяземайт отмахнулся:

— Это я заглянул дальше. От любого нашего шажка множество дорожек. И тропок. Я прошел было по одной... ужаснулся и едва сумел назад... Но нам по ней идти не обязательно.

— Но мы пойдем, — сказал Аснерд негромко.

Его никто не услышал, только Вяземайт взглянул остро, его чаша и кубок Аснерда сдвинулись с мягким звоном благородного металла. Не расцепляя взглядов, они залпом выпили холодный кумыс, что взбадривает тело и очищает мозг.

...Пир не прерывался, хотя из-за стола исчезли Скилл и Аснерд, ушел Вяземайт, но это привычно, сейчас ушли, потом придут, не прерывать же из-за этого хорошую песню или славный рассказ о подвигах, о дальних странах, о чудесных сокровищах и красивых женщинах, что живут в море и показываются только перед бурей!

За это время Скиллу поставили отдельный шатер, телохранители пока что за столами, а когда в небе выступят звезды, то разожгут костры и улягутся вокруг шатра прямо на землю, подложив под голову седла.

Скилл в нетерпении расхаживал по шатру, задевая или натыкаясь на шест, наконец полог откинулся, Вяземайт вошел собранный, быстро зыркнул по сторонам. Скилл сказал успокаивающе:

— Я поставил охрану, никто не подойдет.

— А стражи?

— Не болтливы.

Вяземайт сел за легкий походный столик. Стул затрещал под могучим телом, слегка раздался в стороны, но устоял.

— Я не стал говорить, — сказал он тяжелым голосом, — потому что видение было... слишком грозное.

— Теперь говори все, — сказал Скилл. Он набычился, смотрел исподлобья, требовательно, глаза сверкали строго. — Я пойму.

— Скилл, я скажу, что я узрел... ну, когда чуть прошелся по той дорожке... Я зрел огонь и дым, слышал грохот и лязг железа. Земля дрожит и стонет под тяжестью скачущих конников... Артанские всадники несутся через города и села, оставляя за собой огонь и смерть... Облака черны от дыма, это горят куявские города...

Скилл переспросил с недоверием:

— Куявские?

— Да.

— Не ошибся?

— Разве города куявов спутаешь с нашими шатрами? — спросил волхв. — Города горят, а наши герои проносятся как тени... но за ними трупы, трупы, трупы...

Скилл спросил настороженно:

— Почему такое видение?..

Вяземайт ответил хриплым голосом:

— Видения посылают боги... Мы не вольны видеть то, что хотим. Мы видим только то, что дано. Что позволено. Но нам, людям, решать, как истолковать. Решать, что делать, тут боги бессильны. Или не хотят. Они могут только показывать или подсказывать, но решаем только мы.

Скилл долго молчал, складки на лбу стали глубже. Вяземайт помалкивал, молодой тцар не по годам мудр и заглядывает вперед очень далеко.

— Пока никому не рассказывай, — обронил наконец Скилл. — У нас слишком много горячих голов... Да и урожаи, черт бы их побрал! — в самом деле столько лет ни одного падежа скота, уже некуда ссыпать пшеницу. Коней кормим отборной пшеницей, продаем на вывоз, а меньше не становится, хоть жги...

Вяземайт сочувствующе смолчал, поднялся.

— Думай, — сказал он. — Я пойду отдохну. Это непросто... смотреть в такое!

Придон ощутил, что словно завис в падении. Его могучего здоровья хватило, чтобы продержаться эти полгода, с осени, когда мчался навстречу ветру, а в спину ударил горестный вскрик. Прошла зима, сейчас весна, он медленно умирает, но с той странной встречи в ночи, когда неведомый бог говорил с ним о похищении молодых женщин, что принесло спасение целому городу, он остановился на дороге к небытию... однако ступить на тропку, ведущую к жизни, все еще недостает сил.

В измученной душе то и дело вспыхивают яркие картины того похищения, когда похитители женщин расхватали насильно, но те потом сами не захотели возвращаться к родителям. Что-то в этой картине начинает казаться все более правильным и... доступным.

Он шел к своему коню, снова бы в Степь, чтобы только молодая трава и синее небо, как вдруг на плечо легла крепкая рука. Раньше бы вздрогнул, но теперь прошла целая вечность, прежде чем сообразил, что его встряхнули, еще раз, а потом дернули так, что лязгнули зубы.

На него в упор смотрел Щецин, немолодой, даже очень немолодой, но крепкий, как железо, воин. Он ходил в походы еще с его отцом и даже дедом, а сейчас гордился своими сыновьями, Кроком и Вереном, несравненными стрелками, что луки себе заказали выковать из особой стали, а наконечники для их стрел ковали гномы. Он готовил сынов к походам со Скиллом и ворчал, что вот уже который год артане сидят, как женщины или куявы, на пороге домов и лузгают горох да орехи.

— Щецин, — сказал Придон слабо, — здравствуй, Щецин...

— Придон, — резко сказал Щецин, — пора в седла!

— В седла, — повторил Придон как во сне, — зачем? Если в набег, то Скилл...

— Я пойду за тобой, Придон, — прервал Щецин, — и другие пойдут. Не за Скиллом даже, а за тобой! Пойдем и за Скиллом, если поведет в поход, но за тобой... пойдем дальше. И охотнее.

Придон спросил вяло:

— Смеешься? Я играл ся под столом, когда ты водил полки на Куявию! Ты громил славов, ты жег города в Вантите... Я перед тобой щенок.

Щецин покачал головой:

— Ты сильнее меня. Ты сильнее всех нас. Сильнее всех властителей мира.

Придон чувствовал свою жалкую улыбку, недостойную воина, но не мог ее согнать.

— Щецин, ты не то говоришь...

— Придон, — сказал Щецин настойчиво, — ты знаешь, что Тхор схватил меня и пытал жестоко. Раны мои никогда не заживут... Как на теле, так и в душе. Он убил моих братьев, убил родителей, убил любимую жену... и посадил на кол моего старшего сына! Я все это видел. Я скрежетал зубами, я проклинал его и клялся отомстить. Он жег меня железом, резал из спины ремни... Я смеялся ему в лицо!.. Это тебе подтвердят многие, меня пытали при всем его народе. Никто и никогда не мог выжать из меня слезу. Но почему же сейчас, когда ты поешь, у меня мороз по спине, почему меня бросает то в жар,

то в холод, я цепенею то в страхе, то в отчаянии... и почему лицо мое мокрое от слез?.. Почему я задыхаюсь от рыданий?

Придон сказал тупо:

— Прости, но это не я. Это что-то во мне. Мне оно не подчиняется.

Щецин сказал резко, с напором:

— В тебе говорят боги. Я хочу идти за человеком, в котором звучит голос бога!

— За мной некуда идти, — тоскливо ответил Придон. — Я в тупике.

— Для человека, который бог, — сказал Щецин жестко, — нет тупиковых дорог. Ты пройдешь везде. А мы — за тобой!

— Мы?

— Конечно, — ответил Щецин, в глазах вспыхнули огоньки. — Знаешь, сколько готовы пойти за тобой только потому, что это — ты? Я даю тебе Крока и Верена, своих сыновей, они будут твоими первыми воинами! Я сам возьму боевой топор. Я пойду за тобой, Придон! Только позови.

Придон молча обнял старого воина, в глазах защипало. Некоторое время стояли так, потом Придон резко освободился и, не сказав ни слова, пошел в шатер Скилла.

ГЛАВА 5

Он только успел обняться со старшим братом, ощутить идущую от него молчаливую поддержку, когда торопливо заглянул оруженосец, сообщил, что к светлому тцару жрец Воды Уболот по важному делу. Скилл сделал небрежный приглашающий жест. Аснерд и Вяземайт сидели за столом. Вяземайт задумчиво рассматривал длинные костлявые руки. Суставы на пальцах вздулись, короткие серебряные волосы на руках мелко поблескивали.

Вошел низенький, широкий мужчина с одутловатым лицом, рыхлый, с толстыми складками на боках. Но был он бледен, хотя раньше все видели его только румяным и краснорожим. Сейчас лицо вытянулось, в глазах страх, но во всем облике странно проступала торжественность, значимость великого момента.

Придон насторожился, спина сама по себе выпрямилась, грудные мышцы раздвинулись и застыли, заново пытаясь научиться отвердевать, как камни.

Жрец бросил быстрый взгляд на Вяземайта. Придону показалось, что Вяземайт чуть-чуть наклонил голову, и ободренный жрец заговорил быстро и торопливо:

— Светлый тцар... Светлый тцар!.. Боги посылают нам великое испытание, но это всего лишь испытание...

Скилл не заметил молчаливого разговора волхва и жреца, поинтересовался с легкостью человека, который не ждет ничего важного:

— Что они рекли?

— Мы принесли великие жертвы, — ответил Уболот. — Мы советовались со жрецами культа Огня, культа Воздуха и культа Земли. И все, тоже принеся жертвы, подтвердили, великий тцар...

— Что? — повторил Скилл уже нетерпеливее.

— Они рекли великие слова...

Жрец снова умолк, взглянул на Вяземайта. Скилл спросил раздраженно:

— Что они сказали?

— Они рекли, что если Артания вторгнется в земли Куявии...

Он замолчал, на бледном лице проступили красные пятна. В глазах появилась неуверенность. Скилл насторожился, глаза быстро бросили взгляды по сторонам. Придону почудилось, что старший брат вдруг пожалел, что так легкомысленно позволил жрецу войти и при всех раскрыть рот.

Аснерд рыкнул могучим голосом:

— Говори!

Жрец вздрогнул, сказал скороговоркой:

— Если вторгнемся, то Куявия будет разгромлена! Я видел... и жрецы Огня видели, а потом и другие, мы все видели всадников Артании на улицах Куябы!.. Видел, как скачут, размахивая топорами, убивают куявов, врываются в дома, несут награбленное!.. на лицах радость, это час нашей великой славы!..

Придону показалось, что Скилл сейчас с удовольствием

разорвал бы жреца на части или хотя бы заткнул ему пасть и сбросил с высокой скалы. Но все смотрели уже на него, тцара, и Скилл покачал головой.

— Ты прав, — сказал он медленно, — боги посылают испытание. Это ложное видение. Никто и никогда еще не брал Куябу ни приступом, ни осадой.

Жрец сказал суховато, с тенью обиды в голосе:

— Я не сказал, что видение истинно. Я сказал только, что видение было. И все видели. Люди к старости становятся осторожными, тцар! А я уже стар, я привык, что мне верят. Потому я не сказал тебе сразу, а сам сперва проверил и перепроверил. Потом — с помощниками, а еще попросил посмотреть жрецов других богов. Я говорю только, что таково видение было!..

Скилл поморщился, кивнул.

— Не спорю. Наше дело — правильно истолковать. Верно?

Жрец ответил с поклоном:

— Ты всегда говоришь дело, тцар. Хоть ты и тцар.

Скилл приподнял бровь, Придон видел острый взгляд брата, Скилл показал, что уловил и оценил укол, но продолжил тем же ровным голосом:

— А толковать мы должны в интересах Артании, так? Чтобы правильно толковать, надо сперва знать интересы самой Артании. В чем ее интересы?

Придон все рвался сказать, в чем ее интересы, но Скилл явно обращался к жрецу. Тот подумал, пожал плечами.

— Ты будешь удивлен, тцар... и назовешь это трусостью, но я бы ничего не стал менять. И наши войска в сердце Куявии... лишнее.

Придон едва не задохнулся от такого чудовищного предательства, однако Скилл не вскочил, не ударил кулаком по столу. Лишь брови сдвинулись на переносице да голос стал суше.

— Если такие ясные знамения в нашу пользу, то почему не показать зубы? Не двинуть огромное войско и не разорить пару пограничных деревень?.. Куявия перед угрозой вторжения, как всегда, постарается откупиться!.. А если их жрецы

тоже увидят такие же небесные предзнаменования, то куявы дадут выкуп впятеро больше!.. А то и вдесятеро. Так что...

Он умолк, не закончив фразы. Могучие руки лежали на столе, неподвижные, как бревна. Жрец вздохнул, как показалось Придону, с облегчением.

— Да, — проговорил он, — это, пожалуй, самое расчетливое решение. Скилл, ты — великий правитель!

Придон не выдержал, вскочил.

— Что здесь великого, если он говорит так, как говорил бы... прости, брат!.. презренный торгаш куяв? Разве мы не должны красиво и с огнем, с горящими взорами и пламенными топорами?.. Брат, ответь! Почему, если боги ясно показывают, что... как же... как ты можешь отказываться? Если сами боги... чтобы мы войска на Куявию, проклятую Куябу в кучу щебня...

Аснерд и Вяземайт переглянулись. Аснерд слегка наклонил голову, пряча довольную усмешку, Вяземайт же, напротив, приподнял голову, лицо просветленное, истовое, в глазах блеск, словно каменный свод расступился, и свет звезд отражается в зрачках.

Скилл покосился на них, вздулись желваки, поднял руку ладонью вперед.

— Погоди. Погоди, брат мой, пока ты не сказал слишком... Боги не сказали, что мы должны захватить Куябу. Верно я понял, Уболот?.. Видишь, верно. Они сказали только, что можем вторгнуться в Куявию и здорово ее пограбить. Даже захватить стольный град и сжечь его дотла. Можем! А вот должны или не должны — это решать нам.

Придон вскипел, вскрикнул:

— Но как же!.. Если можем, то почему... Брат, я не понимаю!

Аснерд подмигнул Вяземайту. Скилл все видел, все замечал, мрачнел, а жрец молча отводил глаза. Придон вскочил, смотрел на брата отчаянными глазами. Он не замечал даже, что его раскачивает, как головку цветка на ветру. Скилл вздохнул, сказал печально:

— Да, безрассудство любви — прекрасно...

Придон задохнулся, перед глазами потемнело. Почти вслепую он шагнул к выходу, бросил с порога резко:

— Ты научился говорить мудро. Так прими же и от меня: протоптанная тропа — самая опасная!

Слухи, один другого причудливее, поползли по Артании. Раньше они неслись со скоростью самых быстрых коней, а сейчас двигались с неохотой, надолго застывали на местах, не в силах выползти из кочевья. Слухи тяжелые, недобрые, даже постыдные для артанина, потому их никто и не спешил нести на быстроногих конях.

Так уж случилось, что жрец Воды рассказал о видениях в присутствии Аснерда, Придона и Вяземайта. Им рот не заткнешь, да и не узнаешь, кто проговорился. На следующий день увеличился спрос на оружие, поднялись цены на топоры из хорошей закаленной стали. В города из глубин степей пригоняли табуны коней. Отцы кряхтели, но доставали припрятанные золотые монеты и покупали подросшим сыновьям самых быстрых, самых крепких, самых надежных коней. От коня зависит слишком многое, чтобы не стараться выбрать самого лучшего: конь не должен пасть на трудной дороге, а раненого обязан вынести из гущи боя и принести к своим.

Придон часто уезжал в Степь, а когда вокруг оставалась только зеленая трава, а сверху — синее небо, падал в траву. Только кузнечики да бабочки видели его слезы да слышали рыдания. Еще он вылавливал из глухого гула в черепе жгучие слова, раскаленные до крика, что могут растопить ее заледеневшую душу, бережно складывал, переставлял местами, да они сами переставлялись, он только следил за их причудливым полетом, изгибами, видел, как они то наливаются цветом, то истончаются до шепота, становятся тверже стали и нежнее лепестка, взлетают, обдавая его дивными ароматами, бросая то в жар, то в холод...

Аснерд ехал по следам, молодая трава бурно шла в рост, влажно шелестела под копытами. Конь на ходу срывал верхушки, смачно хрустел, потом вдруг остановился, вытянул шею. Аснерд увидел, что конь осторожно обнюхивает ис-

худавшее костлявое тело, что распласталось в траве лицом вверх и раскинув худые руки.

Придон дунул в нежные подрагивающие ноздри. Конь отпрянул, оскалил зубы по-волчьи, глаза стали удивленные, как у ошалелого ребенка.

— Придон, — прорычал Аснерд с отвращением, — твоим именем творится такое... а ты здесь на цветочках гадаешь?

Придон заслонился ладонью, глядя снизу вверх на болезненно мигающего на фоне ослепительного неба гиганта.

— А что... творится?

Аснерд покачал головой.

— Да, вот уж поистине... Твоим именем начинается война, а ты...

— Война?

Аснерд поморщился:

— Если даже не война, то уж очень большой набег. Очень!..

— Я не думал ни о каком набеге, — сказал Придон защищаясь. — Аснерд, ты же знаешь... Какие набеги, я едва в седле держусь. Мне плохо, Аснерд. Оставь меня. Дай мне... просто лежать.

Аснерд оглядел его с головы до ног.

— Думаешь, хоть кто-то не заметил, что тебе хреново? От тебя один скелет, кое-как обтянутый кожей. Да и кожа желтая, как у покойника. Придон, ты помрешь...

— Я знаю, — ответил Придон просто. — Езжай, Аснерд, а? Езжай, куда едешь.

— Я приехал за тобой, — отрубил Аснерд. — Вставай, Придон. Ты... нужен. А здесь ты просто помрешь. Я знаю... Я видел, как от... от этого умирали. От смертельных ран выздоравливали, а от... от этого умирали. И ты умрешь.

Придон тихо прошептал:

— Нет жизни без Куябы.

Аснерд прорычал, нависая над ним, как огромная грозовая туча, где уже зло блещут зарницы и рокочет гром:

— Так пойди и возьми ее!

— Кого? — испугался Придон. Он чувствовал себя зайцем, бегущим по бескрайней степи от этой тучи, когда нет ни де-

рева, под которым укрыться, ни норки, куда улизнуть. — Кого взять?

— Куябу, — отрезал Аснерд зло. — Куябу, если это твое лекарство. И тех, кто в Куябе, — возьми! Другие уже седлают коней. Топоры наточили, седла сменили, доспехи на всех новенькие. Все готовы идти за тобой! Да-да, везде прокатился слух, что ты собираешь народ в поход. Вставай, Придон! Вставай сам, иначе я слезу и привезу тебя поперек седла.

Придон с трудом приподнялся, сел, упираясь руками позади себя. Руки заметно вздрагивали. Он вобрал голову в плечи.

— Я? Зачем это мне?

— Взять силой то, — сказал Аснерд твердо, — чего тебя лишили. Тебе должны были отдать Итанию!.. То была просто подлая уловка, чтобы ты отказался! Тебя обманули, Придон. У тебя и меч отняли, и награду не дали. Вся Артания кипит, везде сверкают клинки. Куявские купцы уже убрались в страхе, они видят, что натворил их неумный тцар. Вставай, Придон!

Рык его напоминал гром, что приближается с каждой минутой. Придон с трудом поднялся. Аснерд свистнул, конь Придона нехотя пришел на зов грозного чужака, которому лучше все-таки подчиниться.

Придон взялся одной рукой за луку седла, другой провел по лицу.

— Какой обман? Какой меч? Тцар Тулей настаивал, чтобы я взял тот проклятый меч!.. Я сам отказался. Сам!

— Знаю, — буркнул Аснерд.

— Откуда?

— Тебя знаю, — ответил Аснерд с отвращением, — этого достаточно. Да и Тулей, как ни подл, не стал бы подличать так... мелко. У тцаров и подлости тцарские. Нет, каждый поступал... правильно. Правильно и честно. Именно потому и запылают куявские города и села, заплачут вдовы, а наши кони будут пастись на их полях. И прольются ручьи горячей крови, что сольются в реки.

Придон вернулся один, Аснерд по дороге свернул к Щецину. Свою стоянку Придон не узнал, уже не временное пристанище одинокого воина, а настоящий воинский стан. На-

роду всего за сутки стало вдвое больше. Молодые, крепкоплечие, пышущие силой и здоровьем, на него смотрят с почтительным обожанием. Он ощутил себя вором, что присвоил себе тцарский плащ, и вспомнил, какой там тцарский плащ, он в рубашке простолюдина-землепашца, выглядит как живой скелет, туго обтянутый нездоровой желтой кожей.

Из шатра вышел Вяземайт, обнял, на лице укоризна.

— Опять донимает? — спросил он участливо. — Зачем не позвал?.. Я бы напоил чем-нибудь. У меня знаешь какие отвары? Быка с ног валят. И боль бы утихла, и спал бы, как эти горы. Да и заживало бы как на собаке.

Молодые воины перехватили коня Придона, увели. Придон пошел вслед за Вяземайтом в шатер, уже там запоздало огрызнулся:

— На собаке!.. На мне заживало, как на... да, как на боге! Какие бы раны я ни получал, оставалось дотерпеть до середины ночи. В полночь все раны затягивались, я спал до утра как бревно.

Вяземайт усадил его за стол, пощупал браслет на левой руке героя. Старая медь оставалась такой же холодной, хотя рука Придона горячая, будто только что вытащили из кипятка. Выпуклые завитушки отозвались тем же привычным легким звоном.

— Тогда это не наши отвары, — сказал он. — Не наши отвары тебя лечили...

Придон рыкнул озлобленно:

— А что же?

— Не знаю. Но мы тут с волхвами как-то спорили...

Он запнулся. Придон спросил подозрительно:

— О чем?

— Да все о том же, — ответил Вяземайт. Он отвел глаза в сторону, голос стал тише. — Твоя природа вызывает разговоры... Вообще у костров любят поговорить о необычном. О чем еще говорить, если подумать? А ты после той первой поездки в Куявию вернулся другим. С тобой произошло нечто... да нечто такое, что преображает человека. Да, ты стал настолько другим, что твои дела и поступки многим стали непонятными, отчего слухи и вымыслы понеслись по Степи, как табун в

сто тысяч голов. Говорили, что ты и сам можешь преобразить человека до неузнаваемости!.. Дурость вроде бы, мы все тебя знаем с детства, никто тебя не менял и не подменял, но я сам был свидетелем, как один, наслушавшись твоих песен, стал...

В шатер зашел Стригун, оруженосец Аснерда, поставил на стол широкий поднос с жареным мясом и желтым кругом свежего овечьего сыра. Вяземайт молча достал нож, быстро и умело распластал мясо на тонкие ровные ломти. Стригун ушел, бросив на Придона восторженный и почтительный взгляд. Вяземайт взял ломоть сыра, положил в рот, глаза прикрылись, смаковал.

Придон терпеливо ждал продолжения, но волхв вместе с сыром как язык проглотил, а глаза не отрывались от ломтей мяса.

— Кем он стал? — спросил Придон. — Кем?

— Он, — проговорил Вяземайт с усилием, — стал другим человеком. Да ты ешь, ешь! А то совсем слабый.

— Как он стал другим?

— Его перестали узнавать, — ответил Вяземайт с еще большим усилием, и Придон понял, что набитый рот ни при чем, волхв всегда ест меньше воробья. — А это не во власти человека вообще, будь он тцаром, героем или даже магом. Это доступно только богу. Да и то....

Придон спросил раздраженно, но даже себе не признался бы, что стало страшно:

— Что?

— Даже богам это не всегда, — ответил Вяземайт. — И не каждому... Слушай, Придон, а как ты полагаешь, слухи насчет большой войны с Куявией только слухи?

Придон огрызнулся:

— У меня своя война. Внутри меня. Чуется мне, все там истребят друг друга... А последняя кишка сама повесится. На ребрах.

Вяземайт сказал сочувствующе:

— Придон, ты страдаешь. Но я мог бы тебе помочь.

Губы Придона раздвинулись в грустной усмешке:

— Можешь? Так почему не сделал до сих пор?

Вяземайт медленно и в задумчивости резал мясо на тон-

чайшие ломтики, но жевать перестал, глаза смотрели сквозь столешницу.

— Это было не просто, Придон. Я давно разослал гонцов во все страны... Сегодня прибыл последний, привез смолу из гнезда птицы Феникс. Мне только ее недоставало, чтобы изготовить целебный... если можно так назвать, напиток. Нет-нет, это не в моей власти добыть тебе любимую женщину! Но теперь в моей власти заставить ее забыть.

Придон ответил горячо, не задумываясь:

— Сделай это. Сделай! Мне как будто ведро горящих... и несгорающих углей высыпали в грудь. Я уже криком кричу от этой муки. Сделай сейчас же!

Вяземайт сказал сочувствующе:

— Сейчас не могу... этим травам нужна полночь, чтобы звезды... Словом, к утру подготовлю все. Если не передумаешь.

Придон выкрикнул:

— Я? Который ничего, кроме боли, не получил?

— Приходи утром, — сказал Вяземайт коротко. — Клянусь, после глотка этого напитка ты навсегда забудешь Итанию.

ГЛАВА 6

Сердце стучало часто, истончившиеся ребра жалко задевали друг о друга в неплотном мешке из кожи. Жадное нетерпение жгло внутренности, он не знал, куда себя деть, Вяземайт пошел готовить травы, но солнце едва-едва перевалило на западную сторону. День жаркий, несмотря на апрель, дождаться бы ночи, и тогда могучая рука волхва снимет это проклятие, это наваждение, эту муку, из-за которой он беззвучно кричит все время, из-за которой тают кости, как уже стаяло мясо, растаяли жилы, а кожа истончилась, как паутина.

Он оседлал коня, отъехал в низину и рухнул в траву. От земли шли пряные ароматы, воздух влажный, в нем запах подземных вод. Здесь дождаться ночи, а утром спасение, свобода, освобождение...

Бездумно лежал в траве, незрячие глаза рассматривали небо. Там в синеве облака, но все равно это ее лицо, ее глаза,

слышен даже ее смех, ее чарующий голос, веселый и беспечный, а потом вдруг — плач, крик, мольба... Так почудилось ли ему, или она в самом деле закричала ему: вернись, возьми мое сердце?.. Нет, почудилось, не могла такое сказать, она — куявская принцесса.

Послышался конский топот, пахнуло по́том, рядом загарцевало нечто коричневое. На грудь и руки полетели комья сырой земли, он ощутил пряный и чистый запах корней травы.

— Придон, — раздался сверху нетерпеливый голос. — Придон, очнись! Тебя хочет видеть Скилл.

— Да? — спросил Придон вяло.

Он собрался с силами, мутное пятно кое-как собралось в трех конных всадников. Двое соскочили, Придон ощутил их крепкие горячие руки. Его подняли, он дал себя отвести к своему коню и усадить в седло. Повод его коня ухватил третий, так и понеслись лихим галопом: двое мчались по бокам Придона, готовые подхватить его в любой момент, если вздумает свалиться.

Вечернее солнце било им в спину, и оттого особенно страшно и грозно заблистали навстречу дома Арсы, стольного града Артании. Особенно сверкал под золотыми лучами великолепный дворец тцаров, из белого камня, окруженный деревьями, а вокруг него, на почтительном отдалении, дворцы знатнейших семей Артании, глав племен и родов.

Широко распахнутые ворота привычно налетели, как порыв ветра, и кони, не сбавляя скачки, прогрохотали копытами по уложенной камнями земле: вокруг дворца тцаров широкая площадь, по мраморным ступеням навстречу сбежали проворные слуги.

И, обгоняя всех, выметнулась легкая, почти прозрачная фигурка, слетела по ступеням, не касаясь ногами, черная коса с голубой лентой вытянулась стрелой.

— Блестка, — выдохнул Придон обреченно. — Ну зачем...

Он едва успел слезть, сам, без посторонней помощи, как она бросилась на шею, но не подпрыгнула и не повисла, как делала раньше, Придон ощутил болезненный укол, все знают о его слабости, все жалеют, как уродца.

Ее горячие губы жадно нацеловывали его глаза, щеки, ух-

ватила крепче и пригнула голову, чтобы чмокнуть в лоб, и, не выпуская, спросила со слезами в голосе:

— Почему? Придон, почему?

Он сказал осипшим голосом:

— Не хочу, чтобы видела таким.

— Но это я, — воскликнула она, — это я!.. Мне можно любым. Я не Ютлан, который смотрит на вас обоих как на героев. Я на вас только как на братьев, которым бывает плохо... И не только тебе, но и Скиллу, я же вижу!

Он поцеловал ее, отстранил, передавая в руки приехавших с ним воинов, и снова без чужой помощи, даже без поддержки поднялся со всеми на второй этаж. Старший сопровождающий распахнул дверь в покои Скилла, все трое остались в коридоре, а Придон перешагнул порог, дверь за спиной закрылась с глухим плотным звуком.

Скилл стоял у окна, повернулся резко. Придон увидел бешенство на лице брата, но, когда тот быстро шагнул к нему, лицо стало прежним, а в глазах снова засветились любовь и сочувствие.

— Что ты с собой делаешь? — сказал он с упреком. — На тебе лица нет, а сам — кожа да кости!.. Придон, ты хоть знаешь, что делается твоим именем?

— Нет, — ответил Придон честно.

Скилл усадил за стол, рука все еще обнимала его худые костлявые плечи. Придон чувствовал сильные пальцы брата, тот время от времени сжимал их, словно не веря, что могучие мышцы растаяли, исчезли, а торчат только кости, кое-как обвитые сухими жилами.

— Знаю, — выдохнул он. — Знаю, что не знаешь. Придон, но твоим именем уже творится черт знает что!

— Что?

Скилл грохнул кулаком по столу.

— Собираются отряды! Все точат топоры, ножи, острят копья. Каждый грезит вторжением в Куявию. Уже делят добычу, которую еще надо завоевать. Жрец по дурости разболтал, что узрел в видениях, а простой народ... ох этот простой народ!.. ненавижу дураков... сделал свои выводы!

— Разве жрец соврал? — спросил Придон осторожно.

Скилл фыркнул:

— Придон, плюнь на все эти предзнаменования! Будь... будь сыном тцара. Будь! И ты все увидишь ясно и четко, без всяких советов со жрецами.

Придон взглянул с недоверием.

— Ты хочешь сказать, что тцарская власть дает... видение грядущих времен?

По губам Скилла пробежала грустная усмешка.

— Я сказал, что тцарской власти удостаиваются те, кто может видеть будущее. Сами, без советов с колдунами. Спрашивать у колдунов — удел простых людей, простолюдья. Я тебе скажу, что вижу я, тцар: сколько лет подряд по всей Артании не было ни одной засухи. Наши посевы щадила саранча. Это знают все, ты тоже знаешь. Кобылы в наших табунах на такой сочной траве приносят каждый год по двое жеребят, и все выживают. То же самое и с людьми. Пусть не по двое младенцев, и выживают почти все. Но вот уже много лет нет даже мелких войн с соседями. Нет войн внутри Артании!.. Ну, те крохотные набеги, что ты совершал, — не в счет. Гибли единицы, а рождаются десятки тысяч. Чуть ли не последнее, когда погиб Горицвет, но теперь уже и внутри Артании нет врагов! Ты еще не понял?

Говорил он холодно, четко, даже загибал пальцы. Придон послушно кивал. Теперь, когда старший брат все разъяснил так подробно, он и сам видел, что молодых и яростных, изнывающих от бездействия воинов становится все больше.

— Нет, — ответил он честно.

Скилл хлопнул в ладоши. Звук получился резкий, словно сшиблись бортами два боевых корабля. Приоткрылась дверь, в щель просунулась голова с вопрошающими глазами. Скилл нетерпеливо указал на стол.

Вскоре принесли кувшин с холодной родниковой водой и второй — с настоем не то жги-травы, не то плакун-корня, Придон не уловил по сильному и острому запаху, скорее всего — смесь.

— Промочи горло, — велел Скилл. — Сейчас там внизу на кухне жарят, по-моему, целого быка. Я сам начну тебя кормить долго и... насильно, если понадобится!.. Эх, Придон,

пора тебе понимать такие вещи. Именно в них и разница между тцаром и... просто человеком.

Придон осторожно налил себе в чашу, Скиллу в кубок. Рука дрожала, с трудом удерживая наполненный кувшин, но Скилл смотрел Придону в глаза и не замечал, очень старательно не замечал, что рука брата напряглась так, будто держит гору.

— В чем?

Холодный напиток ожег горло, но тут же в черепе словно пронесся свежий ветер, выдувая сырость и гнилой туман, мысли пошли живее, а взор прояснился.

— Мы никогда так долго не жили без войны, — сказал Скилл настойчиво, в его словах странно уживались гордость и горечь. — Везде сами собой собираются отряды, готовые в набеги. Куда угодно: на Куявию, на Славию, на Вантит, да вообще просто к краю света! Горячая кровь бурлит, требует выхода. Ты сам это видишь. И после этого будешь ссылаться на никчемные видения волхвов?

Придон поежился. Волхвы всегда пользовались грозной и таинственной славой, и сейчас он сказал осторожно:

— Ну почему никчемные...

— А потому, что увидели то, что давно и ясно вижу я! Сейчас все предзнаменования указывают на близость войны. Как же — сколько лет без войны! Да как это артане столько протерпели?

Придон сказал пугливо:

— Брат, но видения посылают боги! Почему не пьешь? Я никогда такого настоя не пил!

Скилл отмахнулся:

— Значит, оживаешь. Вкус жизни ощутил. Дело не в видениях. Придон, я не воин сейчас. Я — тцар. Я, конечно, могу поднять огромное войско и двинуть на Куявию. Там, как доносят купцы и странники, вечная свара и грызня достигли предела. Так что видения, которые послали жрецам боги, я могу видеть... да простят мне боги!.. и без их помощи. В Куявии беры и беричи дерутся за власть, за влияние, и, если вторгнемся сейчас, дальние будут злорадно наблюдать, как бьем тех, кто на дороге, помощи им не пришлют... Мы в самом де-

ле можем прорваться глубоко. Однако сама по себе Куявия сильна, брат. Очень сильна. Там многочисленный народ. И они не трусы, как мы привыкли считать. Да, они уступают нам в отваге и мужестве, но это лишь потому, что живут в роскоши. Они изнеженны, это верно. Но отними у них эту изнеженность, покажи, что вторгаемся в их дома, они будут защищаться храбро. Ну, возможно, будут. Если боги дают нам благоприятные знамения, мы должны воспользоваться ими... Это значит, что мы придвинем войска к пограничной реке и потребуем большей уплаты за... мир. Куявы не любят воевать, ибо живут богаче. Они предпочитают откупаться, это устраивает обе стороны.

Он говорил и говорил, но сердце Придона стучало все громче, внезапный жар потек по телу, и травяной отвар ни при чем, это вскипела его собственная кровь. Скилл говорит все верно, все правильно, но в голосе признание, что артане в самом деле могут вторгнуться, в самом деле могут потребовать... да что там золото, могут потребовать Итанию!

— Брат, — сказал он внезапно охрипшим голосом, — а как же наша честь? Ты говоришь, как... как куяв! Ты готов торговаться, а не противно ли это мужскому достоинству?

Скилл поморщился.

— Брат, — напомнил он, — я же теперь тцар!

— А тцар, он кто?

— Он тцар, — ответил Скилл с печальной гордостью.

— Он уже не воин?

— Нет, — ответил Скилл после паузы.

Придон отшатнулся, кипящая кровь с силой била в виски, а в груди плескался котел, наполненный расплавленным металлом.

Он спросил с нажимом:

— И даже не мужчина?

Скилл смотрел с печалью, как смотрит на неразумного ребенка мудрый взрослый, ответил с теплом и печалью в голосе:

— Тебя это оскорбляет, понимаю. Придон, я люблю тебя! Люблю за искренность, за честность, за прямоту. Но все же пойми, брат мой... тцар не должен быть... как бы это сказать, Вяземайта бы сюда, ведь я, как и ты, лучше умею топором,

чем словами... Тцар — это не только не воин, прости, но даже — не мужчина! Ибо тцар — это и мужчины Артании, и женщины, и дети, и старики, и даже весь наш скот, наши кони, наши степи, леса и поля. Я должен заботиться о своей стране, и если для этого надо умалить или возвысить одну часть, то я обязан это сделать. А наше войско — это не вся Артания, как тебе кажется! Это часть, Придон. К тому же не самая важная... Да-да, без армии прожить можно, без землепашцев — нельзя.

Придон сказал резко:

— Ты сам сказал, у нас подряд столько небывало урожайных лет! Мужчины застоялись, они требуют войны!.. Тьфу, я тоже начинаю разговаривать как...

Скилл тихонько засмеялся. В глазах появилась нежность, а суровое лицо растаяло, смягчилось.

— Потому что ты — мой брат. Потому что ты — сын тцара, и еще потому, что тебе... если со мной что случится, придется взять на свои плечи эту нелегкую ношу. И ты уже начинаешь разговаривать и мыслить как будущий тцар.

— Нет, — сказал Придон, — с тобой ничего не случится, ибо ты — неуязвимый. Я никогда не буду тцаром, это не по мне. Ты уже сейчас мудр... но в одном ты не прав.

— В чем?

Придон выкрикнул яростно:

— Мы должны ударить на Куявию!

— Почему? — воскликнул Скилл. — Потому, что в тебе все еще живет обида?

— Не потому!

— Знаю, — ответил Скилл уже другим голосом. — Ты все еще любишь ее. Твое сердце тоскует, потому ты так исхудал, брат мой, потому измучен. Но, Придон!.. Нельзя идти на Куявию... Тем более нельзя ее разрушить... да и, надеюсь, боги до этого не допустят...

Придон воскликнул яростно:

— Наши боги сильнее!

— Дурашка, — шепнул Скилл, — наши как раз и не допустят... ибо Куявия нужна нам самим! Мы сильнее, как страна героев, они же сильнее, как страна ремесленников и магов.

Откуда у нас все красивые вещи, самое лучшее оружие?.. Даже топоры, что невозможно затупить? Откуда дорогое вино, что мы везем в Вантит, а там платят чистым золотом? Да, виноградники у нас лучше, и молодое вино лучше, но мы не можем... у нас не хватает терпения настаивать его по многу лет. А в Куявии есть вина, которым по сто лет. Это дивные вина, из нашего винограда... Откуда мы везем самые красивые одеяния для наших женщин? Золотые серьги, кольца, украшения? Из Куявии... Брат, если мы захватили бы Куявию, а боги этого не допустят — наши боги! — то мы бы все это потеряли, ибо среди развалин их городов паслись бы наши великолепные табуны, наши бесчисленные отары овец... но не было бы... Словом, слишком многое исчезнет с лица земли, Придон... Много великой красоты исчезнет!

Придон смотрел молча, исподлобья. Скилл прав, жестокая истина говорит его устами. Но зато, возразило сердце, Итания будет твоей, а разве это не важнее?

Он кивнул, с большим усилием замыкая в себе жар, не давая выплеснуться наружу и сжечь весь мир, сказал очень сдержанно:

— Я подумаю над твоими словами, Скилл.

Костер горел жарко, жадно поглощая хворост. Купол молочно-белого от звезд неба накрыл весь мир, погасил дневной жар, убрал крики дурных птиц, наполнил мир мудрой тишиной. Сегодня звезд особенно, а молочный след через все небо, что оставила небесная кобылица, мать всех артанских коней, вообще горит серебром. Вернувшись от Скилла, Придон сразу сел к костру, не заходя в шатер, ел быстро и жадно, над его плечами и головой страшная звездная бездна, что всегда пугала Вяземайта, он видел в ней страшную, непонятную и совершенно ненужную красоту, что осталась от прежних миров, а людям неизвестно, как пользоваться, а вот Аснерд на звезды не смотрел, он наблюдал с огромным удовольствием, как Придон ест. И сам подкладывал ему на блюдо лучшие куски.

Придон хватал обеими руками жареные ломти мяса, засовывал в рот и проглатывал, почти не пережевывая, как голод-

ный волк, чтобы потом в логове неспешно переваривать. Наконец и Вяземайт оторвал взгляд от неба, его длинные руки начали вслед за Аснердом заботливо подсовывать Придону головки сыра, ломти оленины, жареную птицу, кивнул отроку, дабы принес холодного отвара плакун-травы.

Улучив момент, когда Придон их не видел, Аснерд кивнул на быстро пустеющее блюдо. Вяземайт спрятал торжествующую усмешку. После разговора с братом Придон вернулся взвинченный, с горящими глазами. Руки тряслись, губы прыгали, а в глазах впервые заблистал огонек лютого голода, который сейчас утоляет так поспешно.

— Я уже собрал людей рода Щецина, — сообщил Аснерд, — и почти всех мужчин племени Свобы. К нам прислал героев род Избора, из племени Афея прибыло четыреста таких удальцов, что хоть в преисподнюю их: самому Ящеру хвост узлом завяжут. Даже шулеи прислали десяток сорвиголов, а еще пообещали, что дадут две сотни. Как тебе наше войско?

Костер уже затухал, бревна рассыпались на крупные, с кулак, пурпурные угли, багровый трепещущий свет играл на руках Придона, что наконец-то ухватили кувшин, эти худые руки поднесли край кувшина к губам, бледным даже при свете костра, Вяземайт с жалостью покачивал головой.

Придон пил долго и жадно, словно застигнутый засухой в безводной степи, кадык дергался часто, крупные капли сползли с уголков губ и повисли на подбородке, но это было все, что он потерял из содержимого кувшина.

— Войско? — повторил он, отдышавшись. — Войско прекрасно, но его хватит только для набега...

— Слух пошел по всей Артании, — возразил Аснерд, — герои только начали собираться! Скоро их будет столько, сколько вон звезд на небе!

Вяземайт добавил неторопливо:

— Волхвы говорят, что во всех племенах сейчас спешно точат топоры, седлают коней. Одни только ждут, когда свистнешь, другие уже выехали, не дожидаясь... Ты ешь-ешь! Попробуй это мясо. Стригуну не в оруженосцы бы, а в повара, так готовит!

Аснерд хохотнул.

— Боятся опоздать! От болотников к нам ехать две недели. Если бы в самом деле в набег, то уже уехали бы без них. Ты ешь, ешь!.. Кожа да кости, тебе надо набирать силу.

Он добродушно хлопнул Придона по спине, тот застыл на миг, рука с куском мяса дрогнула, и Аснерд перехватил укоризненный взгляд Вяземайта. К незаживающей ране на спине Придона настолько привыкли, что стали о ней забывать. Правда, даже эта рана идет на пользу походу: во всей Артании проклинают куявских колдунов, что не только отобрали меч и не дали обещанной награды, но и тяжко ранили их героя, оскорбив всю Артанию.

— Он наберет, — сказал Вяземайт. — Молодость свое возьмет.

— Набирай быстрее, — посоветовал Аснерд. — Войску нужен вожак.

Придон быстро проглотил огромный кусок и, прежде чем заглотить следующий, возразил:

— Скилл сам поведет войска!

— Поведет, — согласился Аснерд. — Но Скилл — тцар. А тцар он... понимаешь, у нас Артания, а не какая-нибудь свинская Куявия. В Артании, по крайней мере в войске, — перестает быть почитаемым человек, который и хозяйством, и коровами, и обустройством плотин. Войскам нужен чистый герой!.. Герой-воин. Хотя Скилл и посильнее тебя как воин...

Вяземайт кашлянул, заметил спокойно:

— Не сомневаешься?

Аснерд подумал, посмотрел на Придона.

— Не уверен, — признался он. — Придон за последний год здорово набрал мощи... Но в любом случае Придон — лучше, понятнее войску. Да к тому же он — герой-страдалец. Сердца всех молокососов кипят мщением. Тебя обидели, Придон, все это знают.

— Все в это верят, — поправил Вяземайт. Он скупо улыбнулся. — Это очень важно, во что верят. Сильная вера в свою правоту — это все! С верой любое войско непобедимо.

Придон слушал их речи вполуха, ибо в тело с каждым куском мяса в самом деле вливается грозная сила, он с радостным изумлением чувствовал, как быстро наполняется мощью

его истощенная плоть, как вздуваются мышцы, а вскипевшая при разговоре со Скиллом кровь не думает остывать.

— Мы пойдем, — сказал он дрожащим от нетерпения голосом. — Мы войдем в Куябу! Я возьму Итанию.

Холодный лунный свет дробился на плечах, все еще угловатых, костлявых, высвечивал ямки, впадинки, складки, но снизу подсвечивали пурпурные угли, Придон выглядел погруженным до пояса не то в горящее зарево заката, не то в кипящее море свежепролитой крови.

Вяземайт промолчал, Аснерд же сказал веско:

— Мы — возьмем! Ты возьмешь ее в жены, но она будет принадлежать всей Артании. Весь мир будет знать, что самая красивая женщина мира — в Артании, как в Вантите — бык с золотыми рогами, а в Славии — жар-птица и дерево с молодильными яблоками!

Вяземайт молча и с великим облегчением перевел дух. Придон даже не упомянул о волшебном напитке забвения.

По Артании словно пронесся свежий чистый ветер. Все поднимали головы, прислушивались. Как бы сам по себе катился слух, что грядет большая война. Если раньше в таких случаях еще не знали, на кого будет поход, то на этот раз все слышали о великой обиде, что нанес тцар Куявии доблестному Придону, сыну тцара Артании. Певцы уже успели сочинить песни о великом мече, который юный герой отыскал, добыл и принес к тцару, где и сложил у его ног. За этого он просил всего лишь отдать ему обещанное: его дочь. Но подлый куяв, все они подлые, обманул артанина, ибо это всего лишь артанин, и выгнал его из дворца без своей дочери и без меча...

Сердца молодых кипели от ярости, они выскакивали из шатров, прыгали в седла, ветер в лицо, бешеная скачка чуть охлаждала кипящую кровь, но, вернувшись, снова вспоминали тягчайшее оскорбление, что тцар Куявии нанес всем артанам. Оскорбление, которое можно смыть только кровью куявов, их сожженными домами, изнасилованными женами и дочерьми.

Табунщики неохотно угоняли коней далеко в горные до-

лины. Там трава слаже, но зато оттуда долго добираться, можно не успеть на войну. От одной стоянки к другой постоянно носились всадники, однако новости обгоняли их. Песни Придона пели всюду, и у каждого, кто слушал их рвущий сердце стон, в глазах закипали злые слезы, а руки дергались к рукоятям боевых топоров. Дети играли в новые игры, где добывали зачарованный меч, но теперь возвращались с этим мечом и убивали подлого тцара Куявии.

Вяземайт сам начал засылать купцов в Куявию, чтобы собирали сведения о расположении войск, о настроениях беров. А в Куявию, по рассказам купцов, приходили тяжелые вести из Артании. Тулей от таких вестей темнел лицом, запирался в покоях, много пил, предавался скорби. Все куявские купцы и торговцы, побывавшие в Артании, рассказывали, что Придон собирает большое войско, намереваясь отомстить за все обиды, которые нанес ему куявский тцар. В числе этих обид обязательно был подлый обман героя, ведь Тулей с самого начала задумал гнусность и не собирался отдавать свою дочь артанину. А когда артанин ценой невероятных подвигов добыл заветный меч и принес куявскому тцару, тот взял меч, а артанина с позором выгнал... Об этом слагали песни, и, когда Тулей услышал одну, он сам преисполнился к себе отвращением.

Что делать, в самом деле песня на три четверти говорила правду. Он в самом деле так задумал, в самом деле хотел поступить именно так: забрать меч, а варвара прогнать. Никто этого не знает, песенники просто учуяли, у них сердца как у собак носы, но даже они не знают, что, когда артанин явился с добытым мечом, он уже так не думал и с чистым сердцем отдавал артанину дочь. Скорее всего песняры и это учуяли, но эти сволочи поют не обо всем, что чуют, а выбирают то, чем можно всколыхнуть сердца, выжать слезу, наполнить грудь жаждой мести. Им важнее сделать прекрасную песню, чем провозгласить истину. И не думают, что их песни натворят с людьми, что бросят одного на другого с мечами и топорами в руках.

Торговцы сходились не только ко двору тцара. Вскоре тяжелая тревога, липкий страх поползли по всей Куявии. И хо-

тя все знали чудовищную мощь своей страны, знали несокрушимость башен магов, но страх рос и ширился. Это был страх благополучных людей, что живут в тепле и довольстве, страх перед резней, перед сражениями, когда даже победителям достаются раны, боль, они спят на земле, едят конину, падают с разбитыми головами и гибнут сотнями, когда из темноты враг выпускает в сторону костров тучи стрел.

В Куябе появилось множество богатых женщин. Это владельцы роскошных поместий на близких к Артании землях поспешили отослать жен и дочерей в безопасное место, а сами укрепляли дома и крепости. Местные жители злорадствовали, видя страх хозяев, нарочито распускали слухи, что уже видели шныряющие в окрестностях артанские отряды.

Однако даже в сопредельных с Артанией землях не понимали, что на этот раз собирается не совсем гроза. В другое время артане уже напали бы: долго ли вскочить в седла и с разбега одолеть мелкую речонку? Но пока еще никто не напал, ни один артанин не перешел кордон, а воздух становился все тяжелее, дыхание затруднилось, многие жаловались на удушье, на боли в голове.

ГЛАВА 7

Аснерд, Вяземайт, Щецин и ряд других старейших военачальников совещались долго, на общий суд не выносили, а потом втихую кое-что перестроили в создающемся войске. Правда, совсем уж втихую не удалось, но недовольным быстро заткнули пасти кому лестью, кому дали под начало больше людей, а кого и припугнули страшным обещанием оставить дома. Первое, что хотели примучить, — это в создающемся войске никаких родов и племен, а только десятки, сотни и тысячи. Второе, десятник отвечает за свой десяток, сотник — за сотню, а тысячник — за тысячу. Труднее всего десятнику: он лучше всех знает свой десяток. Потому должен подбирать только тех, за кого ручается головой. Если окажется, что кого-то недостает, десятник лишается головы.

— Кто тогда пойдет в десятники? — спросил Придон.

— Десятнику, — сказал Аснерд, — половина добычи всего

десятка!.. И — слава. С него начинается военачальник. А что сотник уже отвечает не головой... так у сотника другие задачи.

— Я — за, — сказал Вяземайт. — Осточертело, когда половина войска вдруг разбегается грабить. Право войны, видите ли... У нас же не набег, а... иное.

Аснерд кивнул, в глазах было сомнение.

— Никто не знает, — сказал он, — как это назвать. Но уже не набег, это точно.

В десятки приписали даже самых знатных и престарелых, которые хотели принять участие в походе. С утра до вечера Аснерд сам в одном из десятков сгонял жир с воинов, заставляя разом метать топоры, закрываться щитами, разом бросаться в атаку и разом по команде отступать. Тех, кто ворчал и пробовал не подчиняться, Аснерд предупреждал лично, что еще одна такая выходка — и останется дома. В походе самовольщики не нужны. Это действовало, создающееся войско на глазах превращалось в мощную боевую машину.

Душой будущего похода был Вяземайт, мозгом — Аснерд, Придон, дожидаясь похода, по-прежнему пропадал в Степи, а когда возвращался к воинскому стану, воины останавливались и смотрели с глубоким сочувствием. Ехал он обычно понурившись, черные волосы не развеваются, как при скачке, простая холщовая рубашка землепашца свободно висит на широких костлявых плечах, лишь изредка надувается пузырем при ветре.

Однажды Вяземайт остановил его прямо посреди стана, когда он вот так ехал мимо упражняющихся воинов. Вид у волхва был торжественный, он стал выше ростом, серебряные волосы вспыхнули дивным огнем. Глаза засияли, как утренние звезды.

— Придон, — сказал он звонким, почти молодым голосом, — ты не должен скрывать то, чем любой мужчина гордился бы!

Придон насторожился.

— Чем?

— Сними рубашку, — попросил Вяземайт. — Нет-нет, седла не покидай!..

Придон заколебался, вокруг собрались воины, смотрели молча, ожидающе, взгляды перебегали с верховного волхва на Придона и обратно. Аснерд переглянулся с Щецином, прогудел, как из подвала:

— Он прав. Время снять.

Придон нехотя снял через голову рубашку. За его спиной кто-то охнул, кто-то ругнулся, он услышал сопение, скрежет зубов, лязгнули выдвигаемые из ножен длинные охотничьи ножи.

— Это не твой позор, — сказал Вяземайт громко, — это позор Куявии!.. Вот чем отплатили герою! Да наполнятся наши сердца и души мщением! Да прольется кровь куявов, да запылают их города и села, да заплачут их вдовы!.. Да будет проклята земля, на которой сотворили такое беззаконие... такое...

Он не договорил, яростный рев заглушил его слова. В воздух взлетели зажатые в кулаках ножи и топоры. Всюду Придон видел яростные перекошенные дикой злобой лица, горящие глаза, слышал проклятия, ругань, обещания не щадить ни старых, ни малых, ибо такой народ не имеет права быть на земле, он — оскорбление для богов.

Придон, оглушенный и растерянный, поворачивался в седле, окруженный жаркой сочувствующей толпой, потянулся к рубашке, лучше бы надеть снова, но Вяземайт властно отобрал, сказал негромко:

— Ты должен ехать так. Солнце скорее залечит твою рану, если будет ее видеть!

Аснерд сказал негромко с другой стороны:

— Да и рубашка натирает. Открой спину солнцу.

Лишь на закате измученные люди и кони получали право на отдых, расползались к кострам. Аснерд и Вяземайт возвращались к шатрам, долго ждали возвращения из Степи Придона. Он все еще искал уединения, но на ночь в Степи уже не оставался. Его сильное молодое тело быстро обрастало мышцами, а те требовали действия.

Воины с того дня, как он снял рубашку, а они увидели его незаживающую рану, упражнялись неистовее, учились стре-

лять дальше и точнее, топоры метали с такой силой, будто видели вместо чурбана из толстого дерева проклятого Тулея.

Сегодня Аснерд еще издали услышал идущий со стороны их шатра запах жареного мяса, вскинул брови. Вяземайт сказал радостным шепотом:

— Неужели... Придон?

— Похоже, — прогудел Аснерд, — на этот раз он вернулся раньше нас.

С той стороны шатра горел костер, над багровыми углями жарилась освежеванная туша молодого оленя. Аснерд по дороге сразу же деловито повернул вертел, подставляя непрожаренный бок, этот уже зарумянился, оруженосцы увели коней, Вяземайт отбросил полог.

Придон стоял спиной к ним, взгляд Вяземайта сразу прикипел к кровоточащей ране, однако и ширину плеч не скрыть, как и то, что за последние дни Придон снова набирает на кости тугое жилистое мясо. Не замечая Вяземайта, он резал широкими ломтями жареного сайгака, на длинном блюде уже коричневела высокая вкусно пахнущая горка.

Аснерд вошел, отпихнув Вяземайта, ноздри крупного носа хищно подергивались.

— Слова не есть дела, — сказал он довольно. — Деянье — это плоть! Слова же — только тени. Ты можешь сотни лет о жемчуге твердить, но если не нырнешь...

Придон обернулся, глубоко запавшие глаза блестели жизнью.

— Привет, Аснерд! Здравствуй, Вяземайт. Что это Аснерд заговорил таким странным языком? От тебя научился?

— Скорее от тебя, — ответил Вяземайт ворчливо. Он обнял Придона, стараясь не коснуться раны. — Твои слова, Придон, гудят, как растревоженные пчелы, в голове каждого, кто хоть раз тебя услышал.

Аснерд снял и бросил в угол широкую перевязь с боевым топором.

— Это потому, — сказал он значительно, — что Придон умеет придумывать новые слова!

Вяземайт возразил:

— Сила его не в том, что сказал что-то новое... что новое

можно о любви?.. зато нашел такие слова, что как будто сказано впервые, как будто никто и никогда не говорил о любви, не знал ее, не испытывал! А любовь, ты же знаешь, как хмелит души и кружит головы!

Аснерд не ответил, прислушивался. За стеной шатра привычно потрескивал костер, слышались голоса, но послышался и далекий стук копыт. Придон выглянул из шатра, приложил ладонь козырьком к глазам. В их сторону быстро приближалось облачко пыли, частый стук копыт стал громче.

— Это Скилл, — сказал он.

— Уверен? — спросил Аснерд.

— Его белый жеребец.

Аснерд и Вяземайт переглянулись. Вяземайт кивнул, быстро вышел и растворился в тени за шатрами. Из пыли вынырнули всадники, впереди несся Скилл, по бокам мчались Винул и Овсерд, несокрушимые герои, дети Перей-Тучи, который в одиночку прошел Заклятое Плато, спускался в преисподнюю и даже вывел оттуда своего побратима Мунгу Бронзовый Кулак.

Скилл спрыгнул на землю, мальчишка перехватил повод, а Скилл быстро шагнул навстречу Придону. Лицо его потемнело, в глазах блистали грозные молнии. Брови гневно сдвинулись, суровая складка пролегла на лбу.

— Что вы здесь творите? — прорычал он, как разъяренный лев. — Что за войско начали готовить?

Жар охватил Придона, сердце застучало чаще.

— Скилл, — сказал он, — ты же сам говорил, что соберем войска и двинем к границе с Куявией.

— Да, — рыкнул Скилл, — да!.. Но я не говорил, что будет вторжение!

Придон открыл рот, но Аснерд положил ему руку на плечо и предостерегающе сжал.

— Скилл, — прогудел он благодушно, — умерь свой гнев. Ты — тцар, ты сам понимаешь, что никакое войско на границе вот так просто не удержать. К тому же такое... ну, большое. И очень-очень злое.

Скилл потемнел еще больше. Аснерд смотрит бестрепетно, для него Скилл по-прежнему сын его друга, а не великий

тцар, но в голосе старого военачальника ясно звучит предостережение.

— Я — тцар, — сказал Скилл с нажимом. — И я знаю, что нам войны с Куявией не нужно. По крайней мере, сейчас. Я даже понимаю, почему вы убедили Придона снять рубашку.

Аснерд кивнул.

— Сейчас, — повторил он. — Ага, сейчас... Верно, значит, говорят, что ты уже послал людей за той куявкой... Ты решил взять ее в жены?

Скилл запнулся, голос осел, но прозвучал достаточно твердо:

— Я очень долго ее ждал.

— Ты тцар, — произнес Аснерд многозначительно.

— Да, — сказал Скилл с вызовом.

— А что позволено простолюдину, — произнес Аснерд еще значительнее, — того нельзя тцару. Ты — лицо всей страны! Если берешь в жены куявку, то что остается простым артанам? Тцар должен быть чист перед народом и нашими богами. Это значит, что тцар Артании должен быть прежде всего... артанином.

Придон видел, что Скиллу нанесен жестокий удар. Ниже пояса... нет, это прямой удар, Аснерд не позволит себе ударить бесчестно. Скилл должен быть артанином больше, чем любой другой артанин.

Скилл стиснул челюсти, желваки заходили тяжелые, а в глазах разгорелось пламя. Винул и Овсерд подошли ближе, их ладони опустились на рукояти топоров. Глаза прицельно всматривались в Аснерда, Придона. Придон слышал, как со стороны его воинов зазвенело оружие, за спиной послышалось тяжелое дыхание. Краем глаза он заметил блестящие от пота сильные тела, топоры у всех в руках.

— Войско, — сказал Скилл резко, — распустить! Это — приказ. Я признаю, что ваша задумка насчет десятков и сотен — хороша, но ее ввести должен я. И введу. Есть только одна армия, командую ею я. Все!

Он резко повернулся, Винул и Овсерд не сводили с Придона глаз. Придон дышал часто, кровь вскипела и бросилась в голову, он чувствовал, как в бешенстве стучат зубы, а паль-

цы безуспешно шарят по широкому поясу. За его спиной ворчали воины.

Скилл вспрыгнул на коня, тот гневно заржал. Винул и Овсерд разом отступили на пару шагов, лишь тогда повернулись и быстро пошли к своим коням. Земля загрохотала под копытами, взвилась пыль, ветерок тут же смахнул, но всадники уже исчезали за горизонтом.

Аснерд задумчиво смотрел вслед.

— Как он хотел избежать драки, — сказал он медленно. — Он очень любит тебя, Придон.

Из-за шатров появился Вяземайт. Камешек в обруче на лбу загадочно поблескивал. Приложив ко лбу ладонь козырьком, верховный волхв долго смотрел вслед молодому тцару.

— И боится, — добавил он холодным голосом.

В воинском стане расположились отряды из племен лемков, двогерчичей, печенгов, а также множество удальцов, что прибыли в гордом одиночестве или с одним-двумя друзьями. Аснерд, Вяземайт и Придон на рысях въехали в середину стана. За прошедшие сутки воинов снова стало больше почти впятеро, а Вяземайт обещал, что с каждым днем будет приходить все больше и больше, ведь новость о большом походе только-только докатывается до самых дальних краев Артании.

Аснерд сопел, хмурился, наконец придержал Вяземайта за локоть.

— И что будем делать? Скилл запретил. Хоть ты и волхв, но истолковать иначе не сможешь.

— И не буду, — буркнул Вяземайт. Он понизил голос, ибо Придон начал оглядываться. — Сейчас я отберу пару сот крепких ребят...

— И что?

— Попробую переубедить Скилла, — ответил Вяземайт уклончиво. — Ты же видел, он кипел от ярости!

— Он готов был порубить нас, — произнес Аснерд почти весело. — Злой волчонок! Уважаю. Я уж начал было думать, что он совсем размяк.

— Он жесткий тцар, — подтвердил Вяземайт угрюмо. —

Он очень силен. Но война необходима, Аснерд! Иначе взорвемся, как пересохший стручок.

— Бери тысячу, — предложил Аснерд. — Постарайся убедить. Постарайся! Пусть видит, что за нами не только правда, но и... сила.

Придон видел, как Вяземайт и Аснерд обнялись, потом Вяземайт подозвал к себе троих сотников, что-то объяснил им и повернул коня обратно.

Аснерд с одобрением поглядывал на воинов, что коротали время у костров, замечал жадное нетерпение в их глазах. На вертелах жарили ободранные туши забитых на охоте сайгаков, слышался здоровый смех, песни, задорные выкрики. Их с Придоном приветствовали веселыми воплями и ударами топоров в щиты.

Придон улыбался принужденно, глаза смотрели поверх голов, спросил Аснерда невпопад:

— А может, Скилл прав?

— Ты чего вдруг? — удивился Аснерд.

— Не знаю, — признался Придон. — Но Скилл всегда был прав. Он всегда защищал меня, он всегда поступал правильно. А вот сейчас...

— А вот сейчас ты вырос, — сказал Аснерд серьезно. — И перерос старшего брата. Да, перерос. Он остановился, а ты пошел дальше. Может быть, потому, что тебе выпало бед и страданий больше? Развивается тот, кто страдает. У Скилла все шло слишком хорошо...

Придон подумал про ту женщину в Куябе, к которой Скилл ездил тайком последний год, о его детях от куявки, но смолчал. У Скилла все налаживается, он уже забирает куявку и своих сыновей в Арсу.

От костров спрашивали, когда же поход. Аснерд обещал, что вот-вот, как только подтянется больше народу. Придон снова помрачнел, покачал головой:

— Мы не можем позволить себе такое. Скилл запретил!

— А мы отпретим.

Придон нахмурился:

— Если сделаем по-своему, Скилл потеряет лицо.

— Но не Артания, — ответил Аснерд серьезно. Он добавил

с сочувствием: — Придон, пора тебе вспомнить, что ты не только младший брат Скилла. Ты и сам что-то значишь!

— Брат лучше меня, — ответил Придон убежденно. — Во всем.

Сотники сбивались с ног, стараясь блеснуть перед Аснердом, героем всех прошлых войн. Всадники придерживали коней, головы в одну линию, все разбиты по десяткам, все состязаются друг с другом в доблести, в отваге, в воинском умении.

Когда появился Придон, все дружно рявкнули: «Слава!» От вопля тысячи могучих глоток дрогнула земля. Придон чувствовал себя неловко, не его это дело — вести войска, скорее бы явился Скилл, принял все это. А принять должен, видно же, что это не его, Придона, причуда: все рвутся отомстить богатой и сытой Куявии за свои обиды.

Аснерд ехал рядом, он все время старался приотстать на полкорпуса, подчеркивая, что главный — Придон. Ему вести это войско, он — знамя всего похода, он — песня, что у каждого в сердце, он — кипящая кровь похода и всей Артании. Теперь «Слава!» кричали по десяткам, стараясь, чтобы это было как можно более яростно и вызывающе.

Сердце Придона начало стучать громче, кровь разогревалась все сильнее и сильнее. Кости затрещали, спина выпрямилась, а плечи раздвинулись, он глубоко вздохнул, грудь высоко поднялась, воздух хлынул в те недра, куда не проникал уже с полгода.

— Мы пройдем! — прокричал Аснерд громовым голосом.

— Мы...

— Мы...

Вдруг Аснерд остановил коня. Придон сперва не понял, проехал, но внезапно обрушилась мертвая тишина. Он повернулся, лицо Аснерда медленно суровело. Глаза тревожно блеснули, Придону показалось, что воевода словно окаменел.

— Что-то случилось? — спросил Придон.

Аснерд, не отвечая, кивком подозвал десятника. К удивлению Придона, это оказался Щецин, тот самый Щецин, что

первым пообещал идти за ним, а теперь еще привел и двух героев-сыновей.

— Сколько в твоем десятке?

Щецин оглянулся, Придон видел, как он вздрогнул. Его воины тревожно переговаривались. Теперь уже и Придон видел, что в его маленьком отряде всего девять человек. Девять человек вместе с Щецином.

Щецин снова и снова пересчитывал, лицо из смущенного стало испуганным.

— Ничего не понимаю, — прошептал он. — Все здесь...

— Разве у тебя было не десять человек? — спросил Аснерд.

— Десять, — пробормотал Щецин. — Но я готов поклясться... головой поклясться, что никто не ушел! Все здесь!

Аснерд пересчитал людей Щецина, в грудь каждого тыкал пальцем. Придон считал вместе с ним, считали все, лица тревожные, в глазах стыд, друга на друга старались не смотреть.

— И это перед вторжением, — сказал Аснерд горько. — Щецин, ты знаешь нашу клятву. Мы все ее давали.

— Знаю, — ответил Щецин суровым голосом.

Придон ничего не понимал, но один из конников соскочил, в руке оказался топор. Еще двое быстро подкатили деревянную колоду. Щецин встал перед нею на колени и положил голову на дерево. Глаза его смотрели на Придона. Придон наконец понял, что сейчас произойдет, ахнул, закричал:

— Вы что, с ума сошли?

Аснерд сказал резко:

— Придон, мы скоро выступим. В походе необходима строгость. Даже, если хочешь, жестокость.

— Но это же Щецин!

— Да, — ответил Аснерд. — И он, как никто, знает необходимость...

Щецин сказал спокойным голосом:

— Придон, он прав. Я допустил ошибку, за которую другого бы приговорил к смерти. Значит, должен поплатиться головой я сам.

— Да что за чепуха! — закричал Придон. — Нельзя же так!.. Ты не мог так ошибиться!.. Может быть, тебе в десятку засчитали всего девятерых?

Аснерд тоже с надеждой смотрел на Щецина.

— Нет, — ответил Щецин честно. — Я хорошо помню, что было десять имен. В то же время я готов поклясться, что все здесь.

Кто-то из молодых выкрикнул убежденно:

— Колдовство!

Другие хватались за амулеты, делали отгоняющие злых духов жесты. Щецин сказал глухо:

— Это отговорка слабых. Закон одинаков для всех.

Придон закусил губу. Ни один из воинов не брался за топор, даже тот, первый, спрятал топор за спину. Наконец вперед вышел жрец Воды Уболот, в его руках нехорошо поблескивал топор с широким лезвием. Он остановился над Щецином, его вопросительный взгляд отыскал Придона. Придон снова прокричал:

— Да погодите же! Это же какая-то чушь! Ну не мог кто-то уйти тайком из десятка Щецина! Под его рукой каждый счастлив сразиться с врагом, каждый готов... Куда мог уйти десятый? Мы не на куявской земле, чтобы бросился грабить и все забыл!

Уболот медленно опустил топор, не отрывая от него глаз, повернулся к Аснерду. Тот, сам довольный задержкой, тем не менее нахмурился, прогудел с горечью:

— Только никаких уловок!.. Все рушится с первого же исключения из правил. Закон должен быть строг ко всем... Ушел бы кто-то из моего десятка, я сам бы настаивал, чтобы...

— Ты не командуешь десятком, — сказал Придон горячо и тут же сказал торопливо, видя, как страдальчески изменилось лицо Аснерда: — Прости, прости!.. Но тут какое-то недоразумение... Кстати, а сам я в каком десятке?

Аснерд смотрел на него непонимающими глазами. А Щецин, напротив, встал с колен, отряхнулся. Смех его прозвучал горько, но с насмешкой к себе и другим:

— Придон, ты спас не только мою голову, но и честь!..

Аснерд округлил глаза.

— Он в твоем?

— В том все и дело, — ответил Щецин с досадой. — Ну что я за дурак? В самом деле такую голову надо с плеч... Придон в

моем десятке, но он был слаб, его на учения не требовали. Постепенно я привык видеть только восемь рыл, но помнил, что у меня их девять!

Придон спрыгнул с коня, обнял Щецина. Обнял его и Аснерд, а в их десятке и в соседних ликующе орали, смеялись и кричали, что голову Щецина надо все равно на шест, ухитрился самого Придона в своем десятке не заметить, так видно, какие у него орлы, что Придон бегает у них под ногами, как цыпленок!

ГЛАВА 8

Вяземайт не ограничился пятью сотнями: по дороге в Арсу встретили огромный отряд Прия, спешивший в их воинский стан, и Вяземайт с ходу взял их с собой. Земля гремела под копытами их коней, на въезде в Арсу женщины провожали игривыми взглядами. Всадники все как на подбор: статные, горящие отвагой и нерастраченной силой, молодые и яростные, такие привезут в дом много добычи, рабов, а дети от них пойдут красивые, сильные и здоровые.

На воротах забеспокоились, целое войско врывается в город, но Вяземайта знали, и тот со всем отрядом проскакал до самой площади перед дворцом.

— Ждите, — велел строго. — Если понадобитесь, вы знаете, что делать!

— Что? — спросил побледневший Прий.

— Увидите, — ответил Вяземайт загадочно. — Изгонник, Шепель, Громаль, Шулика и ты, Кобец, со мной!

Герои соскочили с коней, их провожали завистливыми взглядами.

Вяземайт прошел через два зала, убранных с артанской простотой: оружие на стенах, а в самих залах лишь пара длинных столов с лавками по обе стороны. Во внутреннем дворе упражнялись дворцовые воины, уже немолодые, но Скилл никому не давал обрастать жирком на спокойной службе.

Скилл, стоя спиной к Вяземайту, беседовал с управителем, тот умолк, указал Скиллу за его спину. Скилл быстро

развернулся, Вяземайт удивился сразу вспыхнувшему гневу в глазах молодого тцара.

— Что скажешь? — сказал он гневно. — Я уже знаю, что вы не прекратили...

— Вот и хорошо, — ответил Вяземайт, — не придется сообщать новости. Во-первых, здравствуй, Скилл! Мы ведь не враги, чтоб вот так, без «здравствуй». Во-вторых, большинство... да что там большинство, почти все в Артании требуют возмездия. Твоего брата оскорбили, унизили, а это позор на всю Артанию. Ты терпишь? Мы — нет.

Глаза Скилла понимающе сузились. Вяземайт говорит громко, значительно, красиво и с трагическим придыханием. Речь адресована не ему, это для всех, кто слушает. И, если взглянуть по сторонам, видно, что даже самые преданные ему, Скиллу, считают правым волхва.

— Это война, — отрезал Скилл. — Она будет губительной для моей страны! Пока я тцар, ее не будет!

— Тогда ты не будешь тцаром, — сказал Вяземайт просто. В голосе старого волхва звучало сочувствие. — Ты не прав, Скилл. Властью, данной мне богами и войском, я лишаю тебя тцарского венца.

Скилл задохнулся, все происходило слишком неожиданно. За его спиной зашумели воины, хватались за рукояти мечей, выдергивали до половины и со стуком бросали обратно. На волхва смотрели с недоверием, раздались крики, что Скилл — тцар, и никто другой...

Скилл спросил резко:

— Да, это право волхвов — избирать или отвергать тцаров. Но не одного волхва, а всего Совета.

— Я глава Совета, — напомнил Вяземайт.

— Все равно у тебя ничего не выйдет, — ответил Скилл. — Остальные волхвы тебя не поддержат... Впрочем, сейчас это неважно. Кого наметили в тцары?

— Ты знаешь, — ответил Вяземайт. — Сейчас в воинском стане, где собрались настоящие герои, тцаром провозглашают доблестного Придона. Гордись, Скилл! У тебя такой брат... Он уже свершил великие подвиги, но подлинного величия Артания достигнет под его тцарской дланью.

Скилл сжал зубы. По гомону за спиной ощутил, что Вяземайт выиграл. Слава Придона как героя прокатилась по всей Артании, а когда стало известно, как подло обманул его куявский властелин, даже старики скрежетали зубами и пытались поднять тяжелый топор, а мальчишки так и вовсе в своих горячечных грезах жгут и топчут Куявию от моря и до моря.

— Придон, — сказал он и ощутил, что слова упадут в пустоту, — не тцар... Мало быть героем, чтобы стать тцаром. Нет, герой может стать тцаром, но стать и быть — не одно и то же...

— Не всегда, — ответил Вяземайт, — не всегда. Если у отважного тцара мудрые правители — это самое лучшее сочетание.

Скилл пристально всматривался в его лицо с непроницаемыми глазами.

— Вяземайт... ты хоть понимаешь, что толкаешь моего брата на гибель? Он же погибнет, понимаешь?.. И все вы погибнете!

— Но Артания будет жить, — ответил Вяземайт громко и четко.

Он видел блестящие глаза воинов, их воспламененные лица. Они слушали его, ловили каждое слово, он говорит на их языке, а Скилла не слушали, это понимал и сам Скилл, злая боль стиснула сердце, а кровь застыла в жилах. Он ощутил смертельный холод и тяжесть в груди, словно огромное сердце превратилось в глыбу льда.

Вяземайт повернулся к воинам, он был величав и значителен. Серебряные волосы красиво падали на плечи, глаза сверкали, как звезды, а голос прозвучал звучно и властно:

— Вы слышите слово верховного волхва! Я говорю от имени артанских богов, от всего войска. Через меня к вам обращается вся Артания. Повелеваю оседлать коней и — в воинский стан к тцару Придону. Он сейчас принимает присягу верности.

Скилл закричал в бешенстве:

— Нет!.. Я должен сперва поговорить с Придоном!

Вяземайт отступил, Изгонник, Шепель, Громаль, Шулика и Кобец, все герои старых битв встали стеной между волхвом и тцаром. В глазах Вяземайта Скилл прочел, как ему показа-

лось, злое торжество. Бешенство перешло в слепую нерассуждающую ярость.

Вяземайт отступил еще, вскрикнул:

— Опомнись, Скилл!

— Я — тцар! — закричал Скилл страшным голосом. — Ко мне, кто верен!.. Нельзя, нельзя так...

В его руке очутился длинный красивый меч. Изгонник и другие герои, что прибыли с Вяземайтом, разом подняли топоры. Скилл успел прочесть в их глазах презрение к оружию куявов и осуждение ему, тцару, взявшему для своей дружины оружие врага.

— Остановитесь! — вскричал Вяземайт, и все замерли. — Остановитесь!.. Да свершится, что свершилось! Нельзя мешать тому, что начертано богами!

— Боги — это мы! — прокричал Скилл страшно, жилы на лбу надулись, его трясло от напряжения. — Я должен поговорить с Придоном!

— Нет, — отрезал Вяземайт.

В глазах волхва Скилл прочел все, что хотел прочесть. Ничего не знает Придон о том, что его именем творится, лишь мечется, обезумевший от своей безнадежной любви, и если с ним переговорить...

— Прочь! — заорал он и взмахнул мечом.

В воздухе заблистала сталь. Кобец и Шулика первыми встретили удар, Скилл умело парировал, а его меч блистал как молния, распарывающая ночь. Кобец упал, покачнулся и рухнул вниз лицом Шулика, у Изгонника вдруг подломились ноги. Вяземайт отступил еще, подал знак воинам, с ним не одна сотня, на Скилла бросились со всех сторон. Он вертелся, как угорь, парировал и наносил удары, сталь блестела и звенела, воины падали, как скошенные, а Скилл начал продвигаться вперед.

Вяземайт отступил, кивнул, и в сторону низложенного тцара двинулись, как стадо туров, могучие и грозные люди Прия. К Скиллу, однако, подбежали его воины, верные клятве. Во дворе словно заревело, зазвенело железом и завыло сторукое и стоголовое чудище. Со Скиллом оказалось народу вдесятеро меньше, но он сам пошел во главе, не останавливался,

двигался хоть и медленно, но все время продвигался, его меч косил человеческие тела, как коса подрезает стебли сочной травы.

В него пробовали даже бросать топоры, но герой отшвыривал их легким касанием меча. Вяземайт отступал все дальше, зыркал по сторонам. Если осатаневшего героя не остановить, в самом деле способен прорубиться к коновязи и помчаться разыскивать Придона...

— Скилл! — прокричал он. — Опомнись!.. Это же твои артане!

На миг накал сечи словно бы стих, все с надеждой ждали, что ответит тцар. Скилл двумя бешеными ударами срубил двух воинов, загораживающих путь, крикнул так громко, что разнеслось по всему дворцу, по всем помещениям и даже вылетело на городскую площадь:

— Лучше сто артан сейчас, чем тысячи погибших завтра!

Вяземайт отступил еще и еще. Между ним и Скиллом с его людьми еще около двух сотен отважных бойцов, но Скилл с его десятком перемалывает их, как жернова превращают зерна в белую муку.

— Остановите его, — велел волхв своим громко. — Наш тцар — Придон! Завтра мы отправимся на Куявию!

Воины с восторгом ринулись в сечу. Вяземайт поднялся по ступеням, в обоих залах пусто, быстро пересек дворец и выглянул через распахнутые двери на городскую площадь. Там уже собрался народ, жестикулируют, идут споры, кто-то размахивает кулаками, началась драка...

Он сжал кулаки, сердце стучит часто, накопленная за годы мощь раскачивала тело. Сзади донесся звон, гул, топот, крики. Он знал, что это, но ждал, надеялся, закрывал глаза и взывал к богам, однако звон железа и крики становились все громче.

Когда открыл глаза в очередной раз, в зал со стороны внутреннего двора вдвинулась спинами вперед толпа. Ее словно бы теснило нечто огромное, и вскоре Вяземайт с тоской увидел, что это: Скилл, невредимый, только забрызганный кровью, со страшной скоростью рубит, колет, крушит, повергает, с ним остались только трое, израненные, едва дер-

жатся на ногах, ибо люди Вяземайта, отчаявшись сразить Скилла лицом к лицу, уже давно стараются поразить его в спину, швыряют издали дротики.

— Да свершится, — прошептал Вяземайт. Его трясло, он облизнул пересыхающие губы, сказал торопливо: — Земля, к тебе взывает твой служитель с просьбой о помощи!.. Никогда ты еще не получала столь великой и достойной жертвы!.. Прими ее... и помоги мне!

Он взмахнул руками, вызвал перед мысленным взором образ грозного и могущественнейшего бога. Под ногами глухо заворчало. Послышался треск, Вяземайту почудилось, что несокрушимые стены дворца качнулись. Земля дрогнула сильнее. Из глубин донесся тяжелый грохот.

— Помоги, — повторил он уже шепотом и бегом бросился к выходу на площадь.

Люди перестали спорить, все обернулись и смотрели в сторону дворца. Вяземайт выскочил, успел увидеть, как все показывают наверх, где на крыше острый шпиль с флажком в руке деревянного всадника. Мраморные ступени под ногами вздрагивали так сильно, что он поскальзывался, как на льду, кое-как сбежал и, не останавливаясь, врезался в толпу.

Дворец раскачивало, как будто не огромное здание из гранитных глыб, а шалаш из сухой соломы, на которую дохнуло сильным ветром. С грохотом повалилась башенка с крыши, с треском вылетели железные решетки из окон. Лопнула дверь, стены рушились, камни падали с тяжелым грохотом, земля непрерывно дрожала, из-под ног несся непрерывный гул.

Очертания дворца наконец изменились, он весь, казалось, превратился в кучу песка. С замедленным тяжелым грохотом опускался, башни разваливались. Снизу поднялось серое жаркое облако, разрослось. Каменная громада опускалась, опускалась, пока не исчезла. Земля вздрогнула еще пару раз в затихающих конвульсиях, грохот медленно ушел обратно в глубины.

— Что это было? — вскрикнул кто-то в жуткой тиши.

— Это был знак богов, — ответил Вяземайт.

— Что он значит?

— Боги избрали другого тцара.

Он выбрался из толпы, взял из рук оруженосца повод, рядом мелькали красиво обнаженные до пояса мускулистые тела воинов, люди поспешно прыгали в седла. Вяземайт повернул коня и помчался из стольного града.

Земля грохотала под копытами, обезумевший Придон несся на быстром, как птица, коне, проклиная его черепашью скорость. Следом торопились Аснерд и Вяземайт, но быстро отстали на своих тяжелых конях. С ними мчалось около тысячи удальцов, что в тот миг оказались в седлах.

Арса выросла стремительно, дома распахнулись, словно раздернутый в стороны полог шатра. Они ворвались, как брошенные баллистой камни, Аснерд ахнул, Вяземайт ощутил, как и его тряхнуло. Отсюда всегда открывался вид на городскую площадь, а дальше взгляд с разлета ударялся о суровость гранитных стен могучего дворца тцаров Арсы. От этого дворца всегда веяло несокрушимостью, но сейчас взгляд свободно скользнул дальше, пока не достиг мелких домишек на дальнем холме. Да еще, если опустить взор, ветерок колышет пыль над грудой обломков, изломанных каменных глыб, расколотых, разбитых, едва ли не растертых в щебень неведомой и страшной силой.

По этим камням ходили и ползали на четвереньках люди, ложились, пытались заглянуть в щели, совали туда руки.

Придона сорвало с коня будто сильным ветром. В следующий миг он был уже на развалинах, хватал огромные камни и с нечеловеческой силой швырял в сторону площади, кричал, звал брата.

Аснерд и его воины оставили коней, со всех ног бросились на помощь. Вяземайт покачал головой, на душе было гадко. Перед глазами все тот же счастливый смеющийся мальчишка, каким больше всего запомнил Скилла. Еще хорошо помнил младенца, его тоже держал на руках и передавал матери, что пыталась тайком от мужа совершить тайный обряд, сделать Скилла неуязвимым для любого оружия и всего-всего на свете, а даже дать ему полное бессмертие...

Он тогда помешал довести этот обряд до конца, вызвав Осеннего Ветра, ибо что-то смертельно пугало его, мудрого и

заглядывающего далеко вперед волхва. Он всегда покрывался холодным потом, представляя появление среди людей абсолютно неуязвимого человека, и вот только сейчас до холодной дрожи во всем теле ощутил, насколько тогда был прав. Скилл, как он видел, успел стать неуязвимым. Его не брало никакое оружие, ведь у него на глазах в обнаженную спину тцара-героя швыряли дротики, ножи, пытались всадить острые копья...

От развалин донесся ликующий крик, его снова прошибло холодным потом: перед глазами встала страшная картина: неуязвимый и без единой царапины Скилл поднимается из развалин, он в ярости, отдает жуткие приказы, и никто уже не в силах спорить с бессмертным...

Радостный крик затих, человек, которого вытащили из развалин, умер, не приходя в сознание. Придон с удвоенной силой расшвыривал камни, по рукам текла кровь, ногти уже сорвал, щеки блестели от слез, он рыдал в голос, лицо кривилось. Аснерд сочувствующе сопел и старался перехватить самые тяжелые глыбы.

Каменный холм удалось разобрать только к утру следующего дня. Придон, с сорванной на руках кожей, измученный и полуослепший от слез, приподнял гранитную глыбу и увидел кончик пурпурного плаща. Он закричал сквозь рыдания:

— Скилл!.. Я здесь!.. Не умирай, я уже здесь...

Как безумный, он расшвырял камни, не заботясь, на кого упадут, убрал последнюю плиту. Скилл лежал вниз лицом, Придон торопливо перевернул его на спину, секунду всматривался в неподвижное лицо, поднял голову и закричал нечеловеческим голосом.

На Скилле по-прежнему ни царапины. Если бы не почерневшее от удушья лицо, можно бы подумать, что он просто заснул. Люди вокруг него раздавлены в лепешки, все вокруг пропиталось кровью, но неуязвимый Скилл просто... задохнулся.

Придон схватил Скилла, прижал к груди. В глазах было отчаяние, он вскинул взгляд к небу. Даже каменный Аснерд вздрогнул от страшного крика:

— Боги!.. Возьмите мою жизнь, верните ему!..

Вяземайт сказал с осторожной строгостью:

— Не кощунствуй. Боги сами знают, что делать.

— Но он — лучший! — прокричал Придон. — Как смогу я смотреть в глаза его жене?

Вяземайт удивился:

— Куявке?.. да, конечно, она его жена, если ее избрал Скилл... Однако же, гм...

— Что?

— Да так... Придон, разожми руки. Отпусти... нет, дай его нам! Скилла надо омыть и облачить в тцарские одежды. Он был великий и достойный тцар... и похороны его ждут самые... величественные.

Придон вскрикнул сквозь рыдания:

— Я не пойду! Я не смогу быть на его тризне...

— Почему?

— Потому что я... я — убийца!

Аснерд сказал строго:

— Несчастный случай!.. Землю иногда трясет. Редко, но такое бывает, спроси у стариков.

— Несчастный? — вскричал Придон. — Но это я, я его убил!.. Я его начал убивать, еще раньше, когда я...

Он запнулся, теперь показалось, что убивать родного брата начал раньше, еще раньше. Еще когда бросил обидные слова там, в Куябе, у дома той женщины... или даже раньше, когда дерзил, когда спорил, когда не слушался старшего, мудрого не по годам и в то же время отважного брата. Боль вошла в него, как огромный нож входит в тело мелкой рыбы. Он задохнулся, закричал, слезы брызнули из глаз. Он ухватился за голову, и целые пряди волос остались в скрюченных пальцах, когда поднес кулаки к лицу.

Прибежала Блестка, вместе с Аснердом подхватили с двух сторон, увели. Придон не сознавал, куда ведут, тело сотрясала дрожь. Он чувствовал огромный, как льдина, холодный нож, распарывающий его внутренности, кричал, и воины на конский переход в округе цепенели, слыша этот нечеловеческий крик.

...Аснерд впервые пожалел, что в Артании запрет на вино, сейчас бы одурманить Придону голову, пока не умер от горя. Лицо почернело, словно и его давит удушье, он хрипел, горло раздулось и посинело, глаза смотрят незряче, а сам лежит, отвернувшись к стене шатра, оглохший и ослепший к этому миру.

Вяземайт исчез, словно страшась вспышек гнева страдающего героя. Аснерд, напротив, почти не покидал шатер, а отлучаться начал, когда прискакал Олекса. Олекса день и ночь сидел у ложа Придона, отгонял лекарей, ибо горечь в душе не излечишь травами да настоями.

Придон все глубже и глубже погружался в серый бесцветный туман, вязкий и сначала теплый, затем все холоднее и холоднее. Тело остывало, сердце замедлило удары настолько, что почти не слышал, мысли и образы текли вяло, тускнели, теряли краски. Он в полном безразличии понимал, что уже скоро наступит забвение. Он очнется в другом мире, где Скилл обнимет его, как младшего неразумного братца, поймет и простит, он же сильный, великодушный и все понимает...

Совсем в другом мире иногда звучали голоса. Сперва узнавал, потом перестал в полнейшем безразличии даже слышать. Это все останется здесь, а он скоро увидится с братом, погибшим по его вине.

Однажды все-таки услышал и узнал голос, чересчур громкий, поморщился: Олекса спорит с кем-то, защищая его, Придона. А тот, кто кричит на Олексу... это же Аснерд, отец Олексы... И еще он ощутил, что сильные безжалостные руки тормошат, трясут, выдирают из спасительного забытья. Придон зарычал в злобе, в том подернутом красноватой дымкой мире он снова скачет на лихом коне рядом с веселым и заботливым Скиллом, могучие руки старшего брата подхватывают и сажают на коня, сердце замирает от страха и восторга, а над ним звучит мощный заботливый голос: не бойся, я всегда рядом...

— Придон!.. Вставай, Придон!

Он зарычал снова, ласковый теплый мир поблек, сквозь него проступили угловатые черты этого, жестокого и неспра-

ведливого. Сверху нависало крупное лицо, похожее на грубо обработанную молотом скалу.

— Придон!

Стон вырвался из груди, ладони метнулись к лицу, но Аснерд перехватил, отнял и прямо посмотрел в глаза.

— Придон, в Степи беда. Только ты можешь что-то сделать, остановить, спасти! Вставай, побыстрее вставай...

Его подняли на ноги, он с трудом сделал несколько шагов, поддерживаемый под руки. Яркий свет ударил в глаза, ослепил. Придон застонал, закрыл ладонями лицо и попятился. Аснерд недовольно крякнул, как мог забыть, что Придон уже неделю лежит с закрытыми глазами в шатре, где полог закрыт постоянно, чуть ли не зашит, удержал за плечи, прогудел в ухо:

— Скоро пройдет. Смотри пока под ноги. Не спеши...

— А что в Степи?

— Начинается смута. Канивец и Шульган уже объявили, что не признают тебя тцаром. За ними увел своих людей и Норник. Придон, надо действовать быстро.

Послышался конский топот. Из-за шатров выметнулся жеребец в яблоках, всадник увидел их и резко повернул коня к ним. В ярком солнце блеснули длинные серебряные волосы, такие редкие среди черноголовых.

Он, как услышал последние слова Аснерда, прокричал еще издали:

— Придон, надо все быстро... и решительно!

Придон ответил со стоном:

— Вяземайт... Да пусть все оно... я брата убил! Брата убил, которого любил больше всего на свете... Меня отвергла женщина, за которую я готов отдать душу. Мир рухнул, а вы о чем?

— Артания, — сказал Аснерд просто. — На твоих плечах Артания.

Вяземайт кивнул и сказал коротко:

— Артания.

Из холодного оцепенения Придона бросило в жар. Он чувствовал себя, как заледенелый камень, пролежавший тысячи лет, который выдрали изо льда и швырнули на горящие

угли. Взвыл, ухватился за волосы и с криком выдрал целые пряди.

— За что?

— Придон, — сказал Аснерд с мягкой требовательностью, — мы бы пошли за другим, был бы... кто-то сильнее. Но с любым другим — смута. А с тобой это смятение продлится недолго. Твое место в седле! Вскинь боевой топор. Да будет покаран тот, кто не принесет тебе присягу верности быстро и без колебаний!

Вяземайт сказал сурово:

— Да будет покаран!..

— Поднимайся, — сказал Аснерд. — Ты уже не Придон...

— А кто же?

Аснерд молча повел рукой. Воинский стан за эти дни стал просто огромным, шатры и шалаши уходили, казалось, за горизонт, но еще больше костров, возле которых на голой земле спали воины. Сейчас они поднялись и молча смотрели на него. С ожиданием.

— Ты не Придон, — ответил Аснерд с мрачной гордостью. — Ты сейчас — Артания. В тебе она сейчас вся. Твое слово — и она прыгнет в седло. Кивни — и у каждого в руке заблестит боевой топор. Поверни голову — и земля задрожит под тяжестью конницы... Заплачут женщины Куявии, закричат осиротевшие дети беров, вспыхнут жарким пламенем их дома!

Придон поднял голову, слезы все еще сползают по щекам, блестят мокрые дорожки, но в глазах возник свой жаркий свет, начал разгораться, швырнул яркий зайчик навстречу солнцу.

— Не знаю, — вырвалось у него, — почему же мне кажется, что больше теряю, чем обретаю?

Аснерд не понял, переспросил:

— Теряешь, принимая корону тцара?

Зато Вяземайт понял сразу, сказал мягко:

— Да, сейчас ты, певец, принимая тцарскую власть, опускаешься до простого смертного. Из властелина песен становишься властелином людей... Однако же, как сказал наш прямой Аснерд, деяния правителей заметнее, а бывает, что и нужнее. Ты как тцар сейчас нужен Артании даже больше, чем

бог, кем ты был доныне. Мы должны двинуть войска на Куявию, должны! Иначе мы как народ можем исчезнуть. Это не тебя оскорбили, Придон! Это всю Артанию оскорбили, унизили, втоптали в грязь, насмеялись!.. Сердца всех артан кипят мщением. Если не дать гневу дорогу, он сожжет нас внутри, артане превратятся в пустые оболочки, в просто тела, которым все равно: существует ли честь, достоинство, верность, любовь...

Аснерд крякнул:

— Честь, достоинство... а любовь при чем? Не она двигает войсками.

— Поскреби честь, достоинство, — посоветовал Вяземайт мягко, — что обнаружишь?

Придон выслушал волхва с растущим непониманием. От массы собравшихся, нахлынувших запахов пота, кожи, степных трав, от резкого свежего воздуха кровь быстро вскипала, заставляла сердце стучать часто и сильно, распирая грудную клетку изнутри.

Он воскликнул с болью и яростью:

— Да что ты понимаешь!.. У меня от сердца один пепел, но любовь... что же тогда меня жжет? И что двигает мною, какая сила двигает моими руками и ногами, говорит моим голосом? Это ведь не я говорю, а та сила... что во мне или вне меня — не знаю!

Вяземайт в затруднении развел руками. Широкие браслеты, больше похожие на боевые, чем на волхвьи, блеснули холодным предостерегающим огнем.

— Прости, тцар. Я сказал, что сказал. Дела любви темны даже для самой светлой, как и для темной, магии. Могу сказать, что сейчас твоя любовь не столь... светлая?

Придон с яростным недоумением воззрился на волхва. Тот стоял против солнца, лицо оставалось темным, только запылали серебряные волосы да глаза вдруг засветились, как звезды.

— Что ты... Разве любовь может быть светлой или темной?

— Раньше и я думал, — ответил Вяземайт, — что не может. Да, тцар, я так думал.

ГЛАВА 9

Ветер трепал волосы, камень в обруче на лбу горит красным недобрым огнем войны и пожаров. Конь от избытка сил и молодости встал на дыбы, ржанул весело и задорно. Верховный волхв, как заметил Аснерд, смотрел вслед Придону с любовью и тревогой. Если за эти полгода, пока скитался по всей Артании, терзая свою и чужие души песнями, исхудал, как щепка, то сейчас стремительно наливается мощной гремящей силой. И без того могучий, все-таки кровь гиганта Осеннего Ветра, он стал шире в плечах, от него постоянно веет жаром, словно носит в себе огромное раскаленное сердце, голос стал громче, в нем нетерпение, ярость и жажда разом высвободить из себя то, что накопилось за полгода сумеречной жизни.

Аснерд посматривал скачущему молодому тцару вслед, как смотрит старый, но еще могучий лев вслед львенку. От львенка требуется не так уж и много: будь сильным, здоровым, могучим, чтобы мог настичь любую дичь, а противника повергнуть и заставить подчиниться. Это Вяземайт жаждет чего-то большего...

В небе громадились облака, чистые, пенные, ночью прошел короткий дождик, трава дружно идет в рост, птицы кричат, зазывают подруг, вьют гнезда в кустах и прямо в траве, солнце ласково прожаривает плечи, у артан кожа должна быть потолще, чем у куявов или славов, они — дети солнца!

— Ты заметил, — сказал Аснерд вполголоса, — он уже не создает песен?

Он сидел на корточках возле костра, на углях пеклась нарезанная тонкими ломтиками конина. Хотя воеводе могли подавать прямо в шатер, но он предпочитал сам, нравилось чувствовать себя все еще воином, что спит у костра, положив под голову седло, а не растолстевшим предводителем. И хотя у костра уже не спит, но конину ест по-прежнему с удовольствием: мясо сухое, ни капли жира, что делает мужчину толстым и ленивым.

Вяземайт стоял, заложив руки за спину. Взор его был устремлен далеко вперед, за горизонт, на челе глубокая задумчи-

вость. Он поправил с тщательностью человека, привыкшего подбирать точные слова для заклинаний:

— Не складывает?

— Не создает, — повторил Аснерд. — С того дня, как начали готовить поход.

Вяземайт сдвинул плечами, серебряные волосы красиво шелохнулись, в них пробежали искорки, похожие на крохотные звездочки.

— Ну и что? Его песни свое сделали. Теперь свое веское слово скажут наши топоры. Нет артанина, что не готов после песен Придона двинуться на Куявию.

Аснерд поморщился, Придон создавал песни вовсе не против куявов, это народ так толкует, даже не сам народ — народ неглуп, а такие вот толкователи, как Вяземайт.

— Не знаю, — ответил он в затруднении, — но мне жаль... И тревожно.

— Чего?

— Чудится, что, оставив песни, Придон что-то потерял...

— Потерял, — согласился Вяземайт легко, — но еще больше нашел. Не для себя, правда, для Артании! Был он нищим бродягой, что скитается по дорогам и жалуется на куявскую принцессу, а теперь стал грозным тцаром. А чтобы утвердиться, любому тцару нужна победоносная война. Особенно здесь, в Артании.

Аснерд развел руками.

— Я тоже его люблю, — сказал он просто. — И тревожусь. Ведь еще год назад ему бы в голову не пришло, что мне или тебе можно что-то приказать, велеть... Мы были для него учителя, наставники! А сейчас?

Вяземайт рассмеялся:

— Верно-верно! Орленок ощутил отросшие крылышки. А горячая кровь требует схватки. Мы же, на его взгляд, слишком медлительны. Меня что, а как он велел тебе, старому вояке, поторопиться с катапультами, загрузить их на телеги? Это уже что-то! Это уже действительно тцар, а не просто лихой удалец со вскинутым над головой топором!

Он вздрогнул, нижняя челюсть отвисла, повернулся, одновременно хватаясь за нож на поясе. Аснерд тоже, ощутив

присутствие чего-то огромного и зловещего, развернулся быстро и готовый принять удар. Мир был чист, ясен, промыт недавним дождиком, небо синее, травка светло-зеленая, но к ним двигался, как сгусток ночи, всадник на черном коне с горящими красным огнем глазами. Рядом с конем бежал массивный хорт, размером с теленка, тугие мышцы перекатывались под блестящей черной кожей с очень короткой шерстью.

На коне мальчишка, обнаженный до пояса, хотя в его возрасте еще носят рубашки, ибо по артанским законам с десяти до двенадцати лет может носить за взрослыми шлем, с двенадцати по четырнадцать — щит, а с четырнадцати уже становится оруженосцем, получает оружие и может принимать участие в сражениях. Однако до четырнадцати лет ему напоминают постоянно, что не только воинской славой знаменита Артания: здесь выращивается лучшая пшеница, ее ждут в Вантите и Славии, здесь, на северном побережье, лучшие корабли, здесь много славного и великого!

Всадник только что был едва ли не на горизонте, но неуловимо быстро придвинулся, огромный конь замер, словно огромная статуя из черного блестящего камня. Мальчишка вскинул руку в приветствии, солнце играет на худых костлявых плечах, крикнул ломким голосом:

— Слава, мудрые! А где Придон?

— Привет, Ютлан, — ответил Аснерд, он покосился на Вяземайта, волхв все не может собраться, руки вздрагивают. — Твой брат уехал в Степь. Попрощаться хочешь?

— Да, — ответил Ютлан. — Как бы я хотел тоже...

— Нельзя, — возразил Аснерд. — Тебе сколько, двенадцать?.. Подожди еще два года. Это скоро, глазом не успеешь моргнуть.

Ютлан кивнул, а конь его, уловив молчаливый наказ, сорвался с места. Аснерду почудилось, что солнечный мир на мгновение померк, когда эта жутковатая троица проносилась мимо, а засиял, когда пропала вдали. Рядом шумно вздохнул Вяземайт.

— Не трясись, — сказал Аснерд насмешливо. — Не возьмет его Придон, не возьмет! Закон есть закон. Да и он здесь на месте. Никто не посягнет на трон Придона, пока этот звереныш поблизости.

...Вяземайт требовал суровых мер к отколовшимся, Аснерд помалкивал, но, по его виду, поддерживал верховного волхва. Придон отмахнулся и, взяв с собой всех, кто был на тот день в воинском стане, безмолвно выступил в поход в сторону Куявии.

Как оказалось, озарение или наитие дает больше, чем мудрость и тщательный расчет: все отколовшиеся и не признающие Придона тут же повернули свои отряды и поспешили следом. Но теперь вступил в дело Аснерд: потребовал полного подчинения, ввел жестокие воинские законы, которые так долго втайне разрабатывали с Вяземайтом.

В другое время они встретили бы яростное сопротивление, могла бы пролиться кровь, но сейчас все жаждали пролить кровь подлых куявов, жечь их села и города, а Придон объявил во всеуслышанье, что пойдут до самой Куябы и возьмут стольный град.

Самые недоверчивые и то заговорили, что даже если и не удастся взять стольный град, то все равно никто еще не вторгался с таким огромным войском в земли врага, и уже за это слава Придону, великому тцару, тцару-воителю, тцару-полководцу!

Они двигались к границам Куявии, разделенные на отряды по тысяче всадников. По пути присоединялись еще и еще отряды, даже целые войска, как в реку по всей ее длине вливаются множество мелких ручейков и речек. Когда набралось больше двадцати тысяч, Придон назначил было темниками, десятитысячниками, Аснерда и Краснотала Темная Туча, опытного и умелого военачальника, а потом забрал Аснерда к себе, а вторым темником назначил Бачило, свирепого и могучего полководца, что сам постоянно выходит в бой первым, но и умеет сохранить своих воинов.

Они двигались по бескрайней Степи, уже сухой и выжженной, несмотря на май. Бурьян и ковыль настолько ожелезнились в борьбе за выживание, что даже не колышутся под легким ветерком, торчат из земли, как вбитые в землю стрелы и пики разной величины. Солнце, на диво блеклое, медленно уходило за горизонт, небо темнело, а Степь, как в зеркале, тоже омрачалась, окутывалась призрачным полумраком.

В стороне от дороги возвышался холм, о котором старики говорили, что это не холм, а насыпанный руками старых владык похоронный курган над великим героем. Некоторые знатоки называли даже имя, но имена оказывались разные, начинались споры, а Придону было все равно: холм, курган или рассыпающаяся от старости гора.

На холме чернеют руины каменной крепости. Те же старики говорили, что однажды куявы, донельзя раздраженные постоянными набегами, собрали огромную армию, вторглись в Артанию, сильно оттеснив объединенное войско, и, досыпав курган выше, поставили на нем могучую крепость, куда собрали сильнейших воинов и магов. Эта крепость должна была запирать выход артанам к границам с Куявией, а также выход к морю. Через три года артане взяли крепость, вырезали всех, не пощадив даже тех, кто бросал оружие и сдавался, а крепость разрушили... Ее едва не разметали в пыль, но тогдашний тцар остановил героев, пусть, дескать, руины останутся в напоминание, что злобная Куявия вторгалась в наши земли, это будет постоянно наполнять сердца молодых героев чувством мести за гнусное вторжение.

Свет постепенно слабел, словно в мире догорала последняя лучина. Тоскливо вскрикнула какая-то сонная птица, и снова слышно было только дробный стук копыт.

Высыпали звезды, по ним в бескрайней степи ориентируются так же, как и в море. Из-за края земли поднялась большая холодная луна. Придон сразу ощутил недобрый холодок по коже. Как всякий артанин, он верил только в острую сталь, потому луну не любил и боялся, ибо луна — солнце призраков, теней, вурдалаков, ведьм и всякой нечисти, что днем спит, а ночью просыпается и шляется по дорогам, приходит к кострам, воет в ночи, пугает коней и вгоняет в дрожь сердца отважных воинов.

Он не однажды слышал жуткие рассказы о призраках, что ночью пристраивались к едущему отряду, умело сбивали с пути, по дороге ухитрялись опутать чарами даже самых стойких.

Старики помнят, что здесь раз в поколение проносилась и настоящая война. Сперва земля стонала и жаловалась под тяжестью конницы, когда под грохот копыт несутся тысячи от-

важных артан со вскинутыми боевыми топорами, затем следом тяжело ползут обозы с тяжелыми катапультами, связками больших стрел, подобных копьям, ими можно пробить насквозь закованного в железные доспехи знатного куява, но никто не станет тратить такие стрелы на мелочь: окутанные горящей паклей, такие стрелы способны забросить огонь в середину города и вызвать там пожары и панику.

Всяк степной зверь уходит с пути, как и всякого рода разбойники, искатели приключений, что нападают на безоружные караваны. Впрочем, они присоединяются к войску и двигаются следом, чтобы добивать раненых и срывать с них кольца и волшебные амулеты.

Это та самая земля, за которую ведут вековечный спор князья древних и могущественных родов Номингов, Артенов и Улеговичей. Сейчас она пуста, но Придон сам не раз мог убедиться, что эта спорная земля кишит жизнью, в реках вода выходит из берегов из-за обилия рыбы, уток, гусей и прочей птицы, кони то и дело выпугивают из травы зайцев, лис, стаи легконогих коз проносятся как призраки...

Он покачивался в седле, слушая перестук копыт, но уши ловили и другие шумы: странные, не человеческие, но и не звериные. Эта земля все еще иногда являла следы дивных народов, курганы встречаются как недавно насыпанные, так и совсем размытые дождями и ветром, а сколько их, как говорят старики, вообще уже развеяно ветрами? Но там, в глубине, спят тцары-великаны, сжимая зачарованные мечи. В темноте ждут своего часа сундуки, полные золотых монет, драгоценностей, дивных украшений, корон из золота, украшенных самоцветами...

Почти всякий, заночевавший в этой степи, потом рассказывал, вздрагивая и бледнея, о дивных видениях, что являются спящим и даже не спящим, как прямо из ночи выходят тени погибших ранее, просят либо отомстить, либо передать весточку родне... а как ее передать, если с той битвы прошла тысяча лет?.. Иные, говорят, даже указывают на закопанные ими клады, но опять же с условием, чтобы передали половину оставленной дома родне погибшего. И горе тому, кто клад выкопает, а не поделится с теми, на кого указано!

...Если бы дракон сумел подняться еще выше, чтобы охватить взором все земли Куявии, то весь обширный край, где куявские пашни соприкасаются с артанскими, показался бы окруженным раскаленной дугой. Все еще вроде бы мир, но мелкие отряды удальцов, что не подчинялись никому, постоянно нападали на куявские селения, грабили, убивали, уводили в неволю. С каждым днем их становилось все больше, набеги становились чаще, смелее.

Куявские дозоры не успевали перехватывать смельчаков. В столицу летели жалобы, но Тулей пребывал в нерешительности. Такие отряды, по мирному договору с Артанией, куявские охранные войска могли перехватывать и поступать с ними по своему усмотрению, ибо те выступали без позволения артанского правителя, это были просто набеги расшалившегося соседа.

С другой стороны, Тулей чувствовал себя чуть ли не виноватым перед артанами, ибо их герой Придон добыл такой ценный для Куявии меч бога Хорса... а сам как будто оказался обманут коварным властителем Куявии. И хотя это не так, но об этом как о хитроумном обмане говорили даже в Куявии. Одни с насмешкой над Тулеем, другие — над артанином, которого их умный и хитрый тцар провел так ловко.

Хуже того, со стороны Артании в небе появлялись грозные знамения, настолько ясные, что даже простые люди толковали с легкостью: облака двигались, как снежная лавина, превращались в жуткие оскаленные морды, а когда рассыпались, на их место надвигались новые, еще более жуткие, как и водится у артан, где на место погибшего дикаря встают трое новых.

Солнце вставало странно мутное, вокруг луны появились круги, а когда круги исчезли, остались рога, что сулило еще бóльшие бедствия. Чаще обычного гремели весенние грозы, реки выходили из берегов и смывали целые деревни, птицы кричали тревожно, были замечены толпы мышей, что двигались из леса, тоже не к добру, знающие люди толковали как великие несчастья, что придут из Степи. Ночью видели большую хвостатую звезду, что двигалась с запада на восток, жре-

цы спешно приносили жертвы, стараясь правильно истолковать посланное богами для них знамение.

Конное артанское войско в нетерпении ускоряло бег, ибо впереди — проклятая Куявия! Разведчики вовремя отыскали брод через широкую кордонную реку, с ходу перешли на ту сторону, а там пошли уже не плотным ядром, а полукругом, забивая по дороге дичь, дабы было чем прокормиться ночью и на следующий день. Двигались через прикордонную полосу, дивились, что в этих диких краях караванщики проложили дороги.

Раньше здесь был только ковыль, перекати-поле да заросли красных маков. Но дальше, уже на следующий день увидели впереди густые рощи, даже леса. По большей части они тянулись по берегам мелких речек, а так как речек здесь множество, то леса сливаются в нечто огромное, дремучее, непроходимое, где образовывались собственные болота, упрятанные от солнечных лучей зелеными кронами.

Часто между речками оставались затопляемые по весне низкие места, где в остальное время растут густые кусты, совсем иногда низенькие звероватые деревья, а на приподнятых вершинах густая сочная трава, где в изобилии водятся толстые жирные зайцы. Вообще в тех низинах зверя видимо-невидимо, иногда земля, казалось, начинает рябить и двигаться, это шли могучие бородатые туры из одного леса в другой, так же часто проходили стада диких кабанов, даже медведи часто забредают в это безлесье, привлеченные то ягодами на кустах, то пчелиным медом.

Недавно прошли теплые дожди, Степь стала зеленой. Трава за ночь подрастала на ширину ладони, и, когда основное конное войско двинулось к границам, верхушки сочных трав щекотали коням брюхо. Они двигались как по зеленому морю, легкий ветерок гонит навстречу точно такие же волны, в прозрачной зелени кипит жизнь, подобно крохотным ярким и юрким рыбкам снуют жуки, муравьи, ползают неторопливые гусеницы и пугливые палочники, скачут и счастливо верещат кузнечики, птицы поспешно вьют гнезда и звонким пением подзывают красоток, а потом сердитыми криками сообщают, что здесь удел уже занят...

Воздух гудел от множества пчел, шмелей, все наперегонки устремлялись в распускающиеся цветы, жадно собирали мед, толкались и пихались, бабочки порхали над травами, дергаясь из стороны в сторону, словно не решались, какой цветок выбрать, из-за чего птицы промахивались, куда проще схватить стрекозу, быструю, но предсказуемую в полете.

Степь гудела от пчел и шмелей, звенела от птичьих криков, со всех сторон вспархивали из кустов и травы птицы, выскакивали зайцы и мелкие козы. Запах стоял весенний, свежий, еще не медовый, как пахнет в разгаре лета, но Придон чувствовал, что голова начинает кружиться от счастья.

Вяземайт молча указал в небо. Два орла застыли в небе, широко раскинув крылья, словно начертанные на тверди небосвода темные знаки.

— И что это значит? — спросил Придон.

— Победа, — ответил коротко Вяземайт.

Он коротко взглянул в глаза Придону, сдержанно улыбнулся.

— Прекрасный волхв, — сказал Придон язвительно. — На что ни укажешь, что ни попросишь истолковать, у него один ответ: победа. Победа над проклятой Куявией!

Вяземайт кивнул, губы все еще улыбались, но глаза стали серьезными.

— Вот видишь, Придон, — сказал он мягко, но печаль прозвучала в его словах. — Ты уже говоришь и думаешь... или хотя бы понимаешь, как тцар. Как тцар Артании! Нам предначертано ворваться в Куявию и разнести ее вдребезги. Не страдай и не терзайся. Мы всего лишь выполняем предначертание свыше. Мы не виноваты. За нас в ответе бог.

Солнце еще пряталось за краем земли, только в небе вспыхнуло первое облачко, когда основное конное войско перешло вброд реку и двинулось по степи, что ничем не отличалась от степи по эту сторону, но это уже проклятая Куявия, страна изнеженных мужчин, роскошных женщин и проклятых колдунов.

Всадники мчались, пригнувшись к конским шеям, неслись настолько тесно, словно гигантская саранча двигается по

земле, пожирая все, истребляя, затаптывая, набирая мощь, но уже скоро отрастут крылья, и пешая саранча взметнется в воздух, станет еще страшнее, ужаснее.

На расстоянии конного перехода к ним присоединилось войско Норника. Он перешел реку малыми отрядами, похватал всех встречных и поперечных, чтобы обеспечить неожиданность вторжения, а в виду основного войска выстроил всех такими ровными рядами, что залюбовались и Придон, и все военачальники.

Не успели перевести дух, как слева показались отряды Канивца. В свое время он отказался признавать Придона тцаром, но с началом похода ловил каждое его слово, выполнял ревностно. Поговаривали, что Придона признал только походным тцаром, а когда, мол, поход будет закончен, тогда и посмотрим, годится ли такой герой на трон, где, помимо отваги, нужны мудрость и осмотрительность.

С Канивцем пришли двенадцать тысяч закаленных в боях воинов, каждый уже успел отличиться в битвах и сражениях, вооружены с головы до ног, и хотя грудь каждого открыта, но на плечах стальные латы, на головах шлемы, спины защищают щиты, которые одним движением легко перебросить на локоть левой руки, а слева у седла боевой топор, булава и лук со стрелами.

При виде Придона войско грянуло приветственными кличами. Сам Канивец выехал вперед и отсалютовал на виду всего войска, показывая, что признает Придона вожаком похода и подчиняется ему во всех воинских делах.

Придон вскинул руку.

— Слава доблестным канивщанам!

— Слава! — прогремел ответный клич из тысяч здоровых глоток. — Слава Придону!

— Смерть куявам! — крикнул кто-то, его тут же поддержали еще громче и охотнее:

— Смерть!

— Смерть!...

— Пожар и смерть!

— Огонь и пепел...

Аснерд не орал вместе со всеми, дело воеводы крикнуть

первым, теперь посматривал зорко по сторонам, отметил горящие глаза Вяземайта, его бледное лицо и дрожащие губы. Толкнул в бок.

— Ну что? Получил свое?

— Даже больше, — выдохнул Вяземайт. — Я не ожидал такой мощи. Именем Придона можно свернуть горы. Он... велик!

— У великого человека, — напомнил Аснерд, — два сердца: одно истекает кровью, другое — терпит.

Вяземайт покачал головой:

— Величие — это тот же пожар. Блещет столько же, сколько и пожирает, превращает в пепел. Мы должны пройти огненным дождем по Куявии! В этом наше величие.

Аснерд сказал предостерегающе:

— Ни один человек, желавший достичь величия, его не достигал.

Первые конные отряды и все основное войско перешли реку, даже двинулись вглубь, но Придон все еще не решался переправить на тот берег огромный обоз с баллистами, катапультами и осадными орудиями. Вовсе не от страха перед мощью куявов, артанина гибель в бою не страшит, страшит смерть в постели, просто чудилось что-то неправильное в этом нападении с такой мощью на страну, с которой совсем недавно договорились о дружбе и торговле. В то же время в Артании говорят об этой войне как о неизбежной и уже начавшейся, даже в Куявии уже знают от мала до велика о неизбежности кровавой мести и расплаты. Знают, что грозные тучи собираются на границе, вот-вот заблещут молнии на лезвиях топоров, прогремит тяжелый гром копыт и прольется на землю красный дождь из разрубленных артанскими топорами тел...

Торговцы доносили, что прославленный герой прошлых войн, куявский князь Брун, могучий и удачливый полководец, мог бы возглавить общее войско и преградить дорогу артанам, однако он чувствовал себя обиженным Тулеем, обделенным при дележе власти и влияния, и сейчас держится в стороне, злорадствует, что остальные полководцы суетятся, как муравьи в растревоженном муравейнике.

Но не он один мечтал возвысить свой род, многие знатные и знатнейшие в этой богатой и развитой стране в своих мечтаниях и даже планах уже видели себя самостоятельными володарями своих обширных земель. И так уже у каждого свои крепости и свое войско с собственным знаменем. Но теперь уже мечтали и вовсе не платить Куябе налоги. Не потому, что трудно, для таких богатых земель это не в тягость, а уже, подобно наглым артанам, начали чувствовать, что это зазорно. Платить налоги — это прежде всего признавать власть того, кому платишь, а этого как раз уже не хочется, когда в своих землях чувствуешь себя могучим властелином.

Те же торговцы доносили, что в это тревожное время в Куявии расплодилось немало разбойников, среди которых часто попадаются и обнищавшие отпрыски знатных семей, которых обидами да утеснениями согнали с земель более богатые и могущественные соседи. За оружие брались все, как мирные, так и не очень, и все брали только для защиты, однако железо звенело о железо во всех уголках страны.

ГЛАВА 10

Наконец уже все артанское войско вступило в пределы Куявии и захватывало ее богатые земли. Все больше куявов убеждалось, что это не простой набег, пусть и очень большого войска: за конными артанами двигались тяжелые обозы со стенобитными орудиями, катапультами. Если раньше артане довольствовались тем, что удавалось захватить на месте, сейчас в обозе везли множество походных кузниц, на ходу чинили топоры, щиты, доспехи.

Артане продвигались в глубь Куявии неспешно, с давящей уверенностью. Вокруг крепостей выжигали постройки и с ужасающей деловитостью, так не свойственной артанам, ставили катапульты и сооружали осадные башни, в то время как основная масса продвигалась, как саранча, оставляя за собой пепелище и дымящиеся руины.

Доблестный бер Ясинец, известный своими постройками засечной полосы на границе с Артанией, отступал под натиском конного войска, постоянно оставляя небольшие отряды,

что задерживали степных витязей, давал им бой при каждой возможности. В другое время он был бы уже разбит, но сейчас артане поневоле придерживали горячих коней, за ними тянулся огромный обоз, ведь куявы, по слухам, могут на драконах перебросить целый отряд в тыл по воздуху.

Точно так же сражался Елинда, прославленный полководец, известный своими победами над горными племенами, что пытались отколоться от Куявии. По городам и весям шел слух, что он даже наносил поражения вторгшимся артанам, но тех слишком много, потому Елинда отступает, но присутствия духа не потерял, под защитой башен чародеев он перегруппирует войско, пополнит и окончательно разобьет дикарей.

И в то же время по всей Куявии все еще шли толки, будет или не будет настоящая война. С одной стороны, Тулей здорово обидел сына артанского тцара, а эти сумасшедшие артане обид почему не прощают, злые они, весь народ злой, с другой стороны — совсем недавно обе страны заключили вечный мир. Да и недавно Артания получила сокрушительный удар, когда Брун разгромил ее армии в сражениях под Вереском, Антскими горами и на берегах Холодного Озера. Если уж у артан кровь кипит, а руки тянутся к топорам, то им проще испытать силу на славах и вантийцах, там что-то может получиться, а о твердыни Куявии всякий раз обламывали зубы.

Да и то сказать, если и удавалось артанам продвинуться на земли Куявии, то лишь на равнинные области, где нет башен чародеев, где трудно ставить хорошо укрепленные крепости, потому что тяжелые глыбы надо тащить из далеких гор. На этих просторах обычно и растворялась артанская армия, не многие успевали вернуться с богатой добычей в родные степи. С богатой, потому что любая добыча, захваченная в куявских городах, для бедных степняков — сокровище!

Куявия, укрепившись в своей значимости и уверовав в непобедимость, почти не держала лазутчиков, что вызнавали бы, что делается в других странах. Другие страны — варвары, а кому варвары интересны? Тулей узнал о вторжении артан-

ского войска, когда оно перешло кордонную реку и разлилось, как половодье, по богатым куявским землям.

Нехотя, скрепя сердце, он наконец велел собирать ополчение. По всей стране прокатилась волна недовольства, это же отрывать людей от дела, правители местных земель и знатные роды начали выделять деньги на нужды своего войска, а уж потом, что оставалось, отсылали в столицу на общекуявское ополчение.

Война пришла совсем некстати, ибо доходили смутные слухи, что Вантит претендует на земли, где расположены малочисленные, но очень воинственные роды гайчан, берсучей и теричан. Это все находилось в горах, там ни сеять, ни жать, зато время от времени проползал слушок, что в тех горах несметные залежи золота, железа, а также некие тайные пещеры, куда древние колдуны запрятали не просто сокровища, но и дивные волшебные вещи.

Тулей рассылал гонцов во все концы, просил, требовал, грозил, прельщал, но у могущественных беров свои крепости и свои армии, каждый уверен, что разобьет артан с легкостью, стяжает славу еще и воинскую, возвысится. Кроме этих, готовых защищать Куявию, еще больше было тех, кто всегда рад, что артане разорят соседа, унизят тцара, который когда не так посмотрел, когда не одарил, не дал во владение, не упомянул в числе знатнейших людей. Но, конечно, больше всего оставалось тех, кому без разницы и артане, и куявы, и сами они себя не считали ни тем ни другим, а просто хотели жить так, чтобы их никто не трогал, а когда наступала беда, то не защищались, а старались убежать от нашествия, пусть опасность грудью встречают другие, а потом можно вернуться да еще и поживиться во время такой смуты.

Солнце поднималось рано, с башен куявских городов и крепостей было видно, как то там, то здесь в полном безветрии поднимаются к небу желтые столбы пыли. Это двигались многочисленные отряды из земель Верхней Куявии. Их бескрайние поля располагались у подножия гор, война туда никогда не докатывалась, и тамошние вельможи были самыми богатыми и могущественными в стране. Сейчас они первыми откликнулись на призыв Тулея защитить страну, что, по мнению советников тцара, было недобрым признаком. Послед-

ние годы верхнекуявы вообще отказывались платить в казну, давать людей в общее войско, а сейчас вдруг двинули такую огромную армию, что она либо захватит по пути Куябу, либо сделает это на обратном пути, когда в пух и прах разнесет артан.

Со стен Куябы смотрели с восхищением на огромное войско, что двигалось тремя дорогами. Конных отрядов немного, большей частью едут на подводах, по-куявски широких и просторных. На таких же телегах огромное количество еды, они ж не дикие артане, что пробавляются охотой, везли в запас добротные доспехи, на случай, если надо будет срочно заменить, а походные оружейники не успеют починить. Конные витязи все как один сверкали начищенными железными шлемами, тяжелыми латами, что надеваются поверх кольчуг, у всех настоящие железные щиты, цельнокованые, подбитые с другой стороны буйволиной кожей, а также дорогие мечи из прекрасной закаленной стали.

Только Тулей да его полководцы, состарившиеся в боях, морщились при виде этого блеска. Пограничные князья и беры, что всегда принимали первый удар артан, не блещут такими доспехами, но зато умеют воевать, а эти всегда отсиживались за чужими спинами, своих людей в войско посылать не спешили, а теперь, на вершине славы и могущества, просто захотели намного большего... На их земли никогда не приходил враг, сейчас на встречу с артанами едут те, кто привык нежиться в своих благоустроенных домах, копаться в роскошных садах, любит повеселиться, тягот избегает, потому и тащат за собой чуть ли не все кастрюли и пуховые перины...

Тулей и его ближайшие советники наблюдали за прохождением войска с высокой башни, именуемой Тцарской. Да, едут крепкие, по-своему отважные люди, на встречу с врагом двигаются весело, хотя впереди бой, звон мечей, крики, боль и кровавые раны. Не будучи знакомы с войной лично, они не соблюдали строя, в отряды сбивались по родству, военачальников не слушались, даже на войне хотели чувствовать все удобства, потому столько повозок, запасных коней, множество овец мясной породы, предназначенных для забоя, слуги и

прочая домашняя челядь, предназначенная для ублажения хозяина.

Тулей покачал головой:

— И это стадо думает разбить артан?

Щажард и Барвник стояли рядом, с одинаково брезгливыми лицами, хотя во всем остальном разные: тучный приземистый Щажард и высокий худой Барвник, один — управляющий всеми делами тцарства, изворотливый и острый мозг, что держит в памяти все мелочи, все имена и все нити, и верховный маг, что слова не скажет ясно, а все ссылается на волю богов, на расположение звезд, на заветы или запреты древних мастеров.

Даже пахнет от Щажарда крепким вином, хотя на самом деле пьет мало и всегда трезв, а от Барвника — острым ароматом трав и кислот, из-за которых он и лишился правой руки, хотя большим успехом при дворе пользуется рассказ, что Барвник однажды проснулся в постели жены Тулея Иргильды, ее голова на его руке, и он в ужасе сам отгрыз себе руку, чтобы убежать, не разбудив грозную правительницу.

Сейчас на вопрос Тулея они переглянулись, каждый уступал другому ответить первым, наконец Щажард сказал хмуро:

— Пусть идут.

— Погибнут же... — сказал Тулей равнодушно. Тяжелый, грузный, он не наваливался животом, как сухощавый Барвник, на край каменной ограды, стоял неподвижно и величественно, как скала, сам по себе приметный ростом и могучей, хоть и очень располневшей фигурой. — Овцы, вздумавшие затоптать волков!

После схватки с Янкердом и Горасвильдом, за которыми стояло немалое войско, он ухитрился сдуднуть, но, едва все вернулось, врагов уничтожили, он растолстел еще больше.

— Не все, — возразил Барвник сухим, как его фигура, голосом. — В другой раз умнее будут. Кроме того, чуточку артан задержат. Да и хоть малость, но крови дикарям пустят.

Щажард заметил с циничной усмешкой:

— Чем больше их побьют артане, тем неопаснее будут для трона. А дальше башен магов никакие артане не пройдут.

— Боюсь, — сказал Тулей, — что эти герои побегут рань-

ше, чем артане их побьют. А сорок тысяч дураков, бегущих в панике, кого угодно в страх вгонят!

Щажард прикинул на глаз длину колонны, посчитал в уме, сказал уважительно:

— Если со вчерашними, то тысяч семьдесят будет... Я не думал, что их столько наберется!

— А сколько их останется, — вздохнул Тулей. — Хоть и одни неприятности от них, но все же это наши, куявы... Семьдесят тысяч? Навстречу идет всего лишь двадцатитысячное артанское войско, но зато все родились в седлах, с конца копья вскормлены, под звон мечей взращены... У них железная дисциплина, они не считают, что, подчиняясь менее знатному, ущемляют свое достоинство!

Щажард сказал хмуро:

— Никак вы хотели бы командовать артанами?

— Не в этом случае, — ответил Тулей, не принимая шутки, — но вообще-то я охотно принял бы их всех на службу... Кто собирается командовать этим сбродом?

Щажард скривился, но, против обыкновения, смолчал. Барвник заметил осторожно:

— Они еще и сами не знают.

— Как это?

— Это ведь ополчение, — пояснил Барвник. — Они выступили по вашему призыву, Ваше Величество, а не по вашему приказу. В этом вся разница. Вот прибудут все на место, поставят лагерь, устроят по этому случаю попойку, начнут мериться родословными, числом слуг, размерами... гм... земель, поить все войско за свой счет, одарять, интриговать, словом, кого-то да выберут. Часть, понятно, обидится, каждый считает себя лучшим, и отведут свои войска. Когда начнется сражение...

Тулей прорычал что-то злое, солнце уже висело над далеким лесом, лицо тцара выглядело золотой маской, холодной и неподвижной. Даже ветерок, колыхнув одежды, не сдвинул ни волоска в косматых бровях.

— Если начнется, — бросил он хмуро.

— Да, — согласился Барвник, — если не разбегутся раньше, то эти отколовшиеся будут наблюдать со стороны, не по-

могая, а злорадствуя. Ну, а потом артане придут и повяжут их самих.

Тулей буркнул:

— Видать, дела наши совсем плохи, если Барвник заговорил, как управляющий, а мой мудрый Щажард втянул язык в задницу. Неужели все так плохо?

Щажард сказал равнодушно:

— А что толку говорить очевидное? На этих у меня надежды нет. Отогнать артан могут только войска удельных князей и отдаленных беров. Тех самых, которые вот уже годы не платят в казну налоги.

Тулей бросил острый взгляд на мага, сказал почти с завистью:

— Тебе хорошо! Не опускаешься с облаков на заплеванную землю. Магию изучаешь, чистенький...

Барвник ответил с поклоном:

— Ваше Величество, старайтесь прежде быть мудрым, а ученым — когда будет свободное время. Ваше дело — важнее.

Щажард сказал язвительно:

— Ваше Величество, наш ученый маг проглотил много мудрости, но все это попало ему не в то горло. А что влетело в ухо, с агромадным свистом вылетает из другого. Потому и натягивает свой дурацкий колпак на самые уши!

— Дурацкий колпак мозгов не портит, — ответил Барвник суховато. — А вообще, где ты ухитрился увидеть на мне колпак? Я колпаков вообще не ношу. Глупые мысли бывают у всякого, только умный их не высказывает. Я достаточно ясно сказал? Или указать пальцем?

Тулей сказал с грустной усмешкой:

— Я люблю вас, друзья! Даже готовы поссориться, только бы меня отвлечь от... от вида этих завтрашних мертвецов. Пойдемте, выпьем хорошего вина! Не хочу видеть такое... но все время перед глазами, что с ними вскоре случится.

— Видеть легко, — сказал Щажард, — трудно предвидеть. Вам это удается, Ваше Величество.

Тулей выругался, взгляд соскользнул с блистающей доспехами и оружием колонны и уперся в красный зловещий гори-

зонт. Пока жарко полыхают только облака, подожженные восходящим солнцем.

— С какой легкостью, — вырвалось у него. — С какой легкостью чуть ли не вся Артания вскочила в седло!.. Все готовы сворачивать горы... То ли дело у нас в Куявии: если появится кто-то с обещанием свернуть гору, за ним обязательно пойдут другие, чтобы свернуть ему шею.

У входа в свои покои Тулей сделал знак сопровождающим, что отпускает всех, те с поклонами остановились и даже попятились. Щажард и Барвник безмолвно отступили, не напоминать же повелителю, что он сам пригласил их на хорошее вино, а теперь будто пожадничал. Стражи распахнули перед тцаром двери и так же бесшумно закрыли следом.

Тулей пошел к ложу, руки на ходу сдирали роскошный плащ, слишком тяжелый для такого летнего дня. Сейчас завалиться бы во весь рост, что-то кости начинают сдавать, а ведь еще не стар, вон Ясинец в полтора раза старше, а еще на коня сам залезает, да и в седле может сутки...

Он вздрогнул, из-за высокой спинки роскошного кресла вышла Итания. Тихая, трепетная, сейчас выглядела очень встревоженной, румяные щеки стали бледными, а в ярко-синих глазах затаилась темная, как ночь, тревога. Даже роскошные золотые волосы утратили ослепляющий блеск, крупные локоны выглядят безжизненно.

— Отец, ты был на стене?

— Какая ты у меня глазастенькая. — Он обнял ее, усадил рядом на край ложа. — Из окна видела?

— Да. В самом деле война? Не набег?

— Да. Хотя все мы предпочитаем говорить «набег, набег», чтобы не слышать страшное слово «война». Кто бы подумал, тцаром Артании стал Придон! А он как тцар во сто крат опаснее Горицвета или доблестного брата Скилла.

Она прижалась к его плечу, маленькая и беззащитная.

— Почему?

Он обнял ее, усадил рядом. От нее пахло детской свежестью, но уже видно, что это молодая быстро созревающая девушка, полная жизни, несмотря на кажущуюся хрупкость.

— Первое, — сказал он медленно, — ничто так не прибавляет сил противнику, как нанесенная ему обида. А Придон обижен...

Она вздохнула, глаза на миг блеснули яростным огоньком, но тут же стали снова кроткими и печальными.

— Второе, — сказал он медленно, — Скилл был прекрасным тцаром и прекрасным полководцем. Он гораздо лучше бы начал войну... если бы начал. Но на каждого прекрасного артанского полководца у нас есть по десять куявских. И против одной их армии мы в состоянии выставить десять.

Она прошептала, уловив недоговоренность:

— Так что же тебя тревожит?

Он сказал неохотно:

— Придон... не полководец. Он — герой. И еще — создатель песен. Это такая гремучая смесь, что ни один маг... Вся Артания поднялась, как один человек! А со Скиллом пошла бы разве что часть войск. Да и у нас разговоры, что с Придоном поступили не совсем... хорошо. А это плохие разговоры, дочь моя. Они ослабляют и без того невысокий дух наших вояк.

Она прижалась крепче, прошептала, глядя в пол:

— Отец, а может быть, еще не поздно...

— Что?

— ...как-то замириться? Отдать ему меня. Артане почувствуют победу. Ведь победа для них важнее богатств, верно?

Он кивнул, ответил нехотя, тяжелым голосом, морщась от необходимости говорить неприятные вещи:

— Мы не можем вот так простить им вторжение. Жизнь такова, что если не разобьем их, то наша гордость будет втоптана в грязь. Мы не артане, у нас гордость — не высшая ценность, но все же есть, какую-то роль играет. Я бы даже сказал, торговую роль! Да, торговую. Если человек угнетен, он и торгует хуже, и работает, и дома со всеми ругается и скандалит. Прости за неприятные слова, но артане должны быть разгромлены. А вот тогда, когда остатки их войск побегут, можем вступить с ними в переговоры. Так диктуют нам боги! Наши, куявские, самые мудрые и расчетливые боги.

Последние слова сказаны, разговор окончен, оба понима-

ли, но Итания прижималась к нему, как заблудившийся в лесу ребенок, в ее голосе прозвучали закипающие слезы:

— Почему? Почему мы такие разные? Почему разные... настолько? Почему мы все... все в богатстве так несчастны?

Он привлек ее к себе на грудь, поцеловал в темечко, вдохнул запах волос, тоже золотой, еще детский, сказал невесело:

— Слово «счастье» следует произносить с опаской. Наша сила в том, что куявы ничем не хотят рисковать. Но в этом и наша слабость, ибо так рискуем вдвойне. В Куявии дети обожают играть в колдунов, магов, волшебников, даже чародеев... Творят чудеса, добывают несметные клады, заставляют рожь давать зерна с орех, достают со дна моря затонувшие корабли с сокровищами, да еще чтоб на бортах висели дивные и разноцветные чудовища глубин, отгоняют грозовые тучи к заливу, добывают чудесные вещи... Мы ведь и Придона послали добывать меч в нашей куявской манере! Не пойти и перебить где-то кого-то, а добыть и принести, тем самым увеличив мощь людей и уменьшив силу темных сил. Если бы пошел куяв, он бы все сделал иначе...

— Если бы сумел, — возразила она.

Он удержал ее на груди, Итания даже сделала попытку высвободиться, сказал торопливо:

— Я говорю лишь о разнице! Да, никто бы не сумел добыть меч Хорса, кроме Придона. Я говорю о том, что, будь Придон куявом, он добыл бы меч... добыл бы!.. как-то иначе. Но он все равно добыл. Жестоко, по-артански. Ведь, Итания, это только наши дети играют в магов! А дети артан играют в войну. Но потом война вырастает...

В спину пахнуло свежим ветром, Придон оглянулся, их быстро догоняла градовая туча, уже охватившая полнеба. Там вдали как будто поднялся густой туман, это между небом и землей протянулись водяные струи, да и не струи, а сплошная, если смотреть отсюда, стена холодной воды с крупными градинами.

Меклен захохотал:

— Наша туча, артанская!

— На Куявию все грозы идут с Артании, — ответил Аснерд.

Пришпорили коней, впереди густая дубовая роща, земля и весь мир внезапно озарились дивным огнем, это из-за туч на минутку выглянуло солнце, все стало четким, резким, будто над миром полыхал незримый гигантский светильник. Но залита огнем только земля, а небо быстро затягивалось тяжелыми, как горы, сизыми тучами.

Кони почти доскакали до изумрудной зелени рощи, как вдруг она превратилась в темно-зеленую, почти черную, в спину ударило ветром, закрутились маленькие вихрики, подняли пыль и бросили в лица. Листва затрепетала, затрещали ветви, пыльное облако вломилось в рощу раньше Придона и Меклена, а следом ударил лютый холодный ливень с крупным, как орех, градом.

Меклен заорал, влетел под деревья, соскочил там и поспешно убежал, утаскивая упирающегося коня под широкий навес из веток. Аснерд подъехал неспешно, струи воды и град отскакивали от его блестящего тела, как будто он в самом деле вытесан из серого гранита. Град бил по роще с такой силой, что листья сыпались, трещали ветки, многие мелкие ломались под ударами холодных градин и летели на головы. Между деревьями в одном месте был просвет, там градины сыпались, как из мешка, отпрыгивали от земли, секли траву и стучали о серую кору, выбивая из нее пыль.

Вдали показались скачущие всадники, призрачные в полосе дождя. Крок несся впереди, блестящий, как будто закованный в сверкающие латы с головы до ног, за ним сотня телохранителей, Крок закричал издали:

— Придон!.. Если будешь вот так вырываться вперед, то зачем мы?..

А Верен, его брат, крикнул рассерженно:

— Я сегодня же возвращаюсь в свой отряд!

— И я, — бросил Крок, огромный и всегда молчаливый гигант, несокрушимый в боях, верный и надежный соратник в любом бою. — Там будем при деле.

Они остановились, блестящие, как рыбы, струи красиво

разбивались об их обнаженные плечи. Все смотрели с укором. Аснерд крякнул, пустил коня навстречу.

— Вы правы, — сказал он громыхающее. — Вы правы. А мы... как ребятня! Увлеклись. А это не дело. Мы ж не сотню ведем, за нами идет сорок тысяч!.. Надо вести себя иначе. Все, обещаю при всех, что буду дальше воеводой. А Придон будет вести себя как тцар, а не как...

Все разом озарилось чистым светом, туча ушла, ливень прекратился, как отрезало. Пыль исчезла, все обрело необычайную резкость и четкость, Придон видел насечки на лапах ползающих жуков, листья деревьев не гладкие, а в подушечках, да к тому же все покрыты белесыми волосками...

— Да, — сказал он запоздало, — да... Это уже не набег, нам самим приходится напоминать себе. У нас — армия. А мы — полководцы.

Огромное куявское войско двигалось вдоль реки, высланные вперед конные отряды тут же сожгли мосты, а само войско раскинулось вдоль берега привольным станом, больше похожим на богатую ярмарку, чем на грозное войско. Теперь всюду яркими красками пламенели роскошные шатры, горели костры, везде в изобилии забивали скот и устраивали пиры, благо вина тоже вдоволь, начались песни, пляски, заодно и ссоры, драки, потасовки. Разгорелись первые споры, кому где стоять, кому первому поить коней в реке.

Разведчики доносили, что артанское войско неспешно движется в их сторону. Все конные, быстрые. Могли бы уже завтра оказаться здесь, но почему-то не спешат, едут веселые, на ходу бросают топоры во все встречные деревья, бахвалятся ловкостью, а когда едут по ровному, то подбрасывают в воздух и ловят, не глядя, за рукояти. Для них это не война, не сражения. Недаром это артане придумали сравнивать кровавое сражение с веселым хмельным пиром, а кровь с красным вином, что льется без меры, и хозяева так упаивают гостей, что те засыпают беспробудным сном. Да и сами просыпаются уже в небесных чертогах, где все те же пиры, набеги, горящие крыши, вопящие женщины, которых насилуют прямо на трупах их мужей, — рай!

На берег реки к верхнекуявам прибывали не только отставшие, но также зареченцы, аламасты и долинники. Прибыли даже далекие приморцы, причудливые в своих длинных одеждах, вместо железных доспехов укрытые от макушки до пят в блестящие кольчуги, из-за чего выглядели причудливой стаей диковинных рыб. Эти встали особняком, у них тоже немалый обоз, на телегах полевые кузницы, кухни, не станут же, подобно диким артанам, готовить на кострах, кони крупные, могучие, неторопливые, способные сдвинуть с места горы, хоть и непригодные для скачки.

Меньше всего ожидали зажиточных среднекуявов, но те явились во главе со своим знаменитым князем Долонцем, потомком знатнейшего рода Полота, что ведет род от Яфета и Тараса, могущественнейший властитель обширных земель и угодий. Весь воинский стан куявов с почтением наблюдал прибытие тысячного войска одинаково одетых и вооруженных воинов, что составляли всего лишь его передовую свиту, затем показалась украшенная золотом крытая повозка Долонца, а за ним двигалась еще тысяча отборных воинов его свиты, а по бокам скакали на резвых конях именитые воины, богатыри и знатные люди его несметно богатого края.

В лагере все сразу почувствовали себя еще бодрее, ибо Долонец был огромен ростом, осанист и с громовым голосом. Длинные седые волосы ниспадали на плечи, такая же седая борода укрывала грудь, а мудрые все понимающие глаза смотрели на каждого так, что видели насквозь. С таким проницательным военачальником победа просто должна была прийти сама собой, он выглядел олицетворением самой мудрости, войско приветствовало его буйным ликованием и криками.

В течение дня прибыл Велигор, могущественный властелин земель Нижних Долин, с ним две тысячи отборных воинов, хорошо вооруженных, с одного взгляда видно, насколько они громадны ростом, с хищно загнутыми носами. Следом приехал в сопровождении многочисленной родни Гвидон с двенадцатью братьями, все как столетние дубы — кряжистые, крепкие, неторопливые, уверенные. С другой стороны лагеря в то же время въезжал с пышной свитой князь Сулима, владетельный хозяин земель Родопья, у которого шесть крепостей,

восемнадцать городов и пешее войско в двадцать тысяч человек, прекрасно вооруженных и на великолепных конях.

С такой же торжественностью прибыли Ефанд, Гостол, Ведора — знатные вельможи и владетельные мужи, с каждым отряд, у кого в тысячу человек, у кого в полтысячи, но при всей пестроте их одежд и вооружения это были люди сытые, дородные, уверенные в себе и своих силах.

Куявы не были бы куявами, если бы, завидя такое сборище народа, сюда сразу же не явились всякого рода торговцы. Первыми прибыли продавцы вина и всяких лакомств. Веселые и распутные женщины на этот раз запоздали, начали появляться только на третий день. С того дня воинский стан опоясался цветными шатрами, начались хмельные песни, повсюду слышались игривые взвизгивания. Торговцы поставили лотки и торговали по бо́льшей части вином, хотя пользовалось спросом также оружие, доспехи, одежда.

Помимо походных котлов, дымились и отдельные кухни владетельных особ. Повара щеголяли друг перед другом знанием особо изысканных блюд, а простонародье гордилось, что их господин даже в походе изволит кушать на золоте и золотыми ложками, в то время как у знатнейшего, но обедневшего Ефанда, по слухам, посуда из простого серебра, только сверху позолоченная. Знатные мужи, горделиво подбоченясь, расхаживали группами по бескрайнему лагерю, затевали ссоры, хватались за мечи, но их, конечно же, вовремя разнимали. Все чувствовали себя приподнято, как чувствуют мужчины, у которых на поясах оружие, а куявы этого ополчения горделиво им обвешались так, что походили на деревья воинской славы, где на ветках развешивают захваченные у врага мечи, топоры, кинжалы.

Долонец к вечеру первого же дня по прибытии, отдохнув после тяжкой дороги в недостаточно мягкой повозке и сытно поужинав, вышел к народу. Поговорил со своими, те устроились уже неплохо, и пошел по воинскому стану, всем интересовался, во все мудро и по-отечески вникал, разговаривал с простыми воинами как с равными, что всем очень льстило.

Его жадно расспрашивали, что он думает про эту войну, он мягко улыбался, разводил руками:

— Что сказать? Ясно же, что артан побьем, но мы могли бы побить с меньшей кровью, если бы наш светлый тцар Тулей изволил прислать нам свое войско, что держит в столице...

Один из его людей угодливо крикнул:

— Для кого держит? Или от кого?

Долонец поморщился, вроде бы не одобряет выпады в адрес светлого тцара, но ответил все с той же мягкостью:

— Не нам судить дела и поступки Его Величества... Однако же, правду говоря, судьба сражений решается здесь, а не во дворцах. Вы все, доблестные ратники, спасете Куявию, заслонив ее собственными сердцами, а самые отборные воины, самые сильные и лучше всего вооруженные, собранные во дворец со всех концов Куявии, так и проживут всю жизнь, ни разу не окропив землю ни своей, ни вражеской кровью!

— Да, — заговорили в толпе, — что за жизнь? В тепле да неге, разве это воины?

— Да, братья, только мы — защитники...

— А что же нам, не отломится от пирога?

— Конечно, нет, вокруг Тулея столько лизоблюдов!

— Да, братья, это они станут называть себя спасителями, хотя и носа из дворца не показывали...

— Нет, мы такого безобразья не допустим...

Долонец чувствовал, что взоры с надеждой обращены на него, он ведь не спрятался от артанской угрозы, вместе с ними на поле брани, чтобы оросить его своей и чужой кровью, дабы Куявия была навсегда и вовеки.

— Когда вернемся, — пообещал он, — мы потребуем себе больше вольностей. Не должны истинные защитники пребывать на задворках!

— Правильно! — закричали сразу несколько дюжих голосов. — Пора поменяться! Пусть те, дворцовые, отныне несут тут службу, а мы заслужили мягкие постели во дворце!

ГЛАВА 11

Из-за того, что артанское войско двигалось на диво медленно, перед ними, как бессчетные стада овец, катились толпы беглецов, изнемогая под тяжестью скарба. И невдомек

было, почему конные артане не догоняют, не отнимают добро, не вяжут, не грабят, не насилуют, ведь не от доброты же внезапной стали эти дикари такими кроткими?

Артане двигались широким крылом, хотя, конечно, между отрядами оставались полосы земли, куда не ступало копыто артанского коня. Помимо пограничных земель, где куявы жили настороженно и богатств не хранили, уже были захвачены земли дреглян, силчей, бояртов и даже веней. Сейчас тугены и болотичи увязывали узлы и грузили на телеги, а жители Призеголья и Заречья потирали руки в предвкушении, что, когда хлынут к ним эти несчастные, можно будет поднять цены на хлеб и кров.

Правда, беглецов оказалось в несколько раз больше, чем рассчитывали. В городах и селах, куда артанам, похоже, не добраться, ибо с гор эти города прикрывают своей страшной мощью башни чародеев, скопилось великое множество как знатных мужей с семьями, так и простого народа. Только первые недели горожане ликовали, сбывая втридорога хлеб, сыр, мясо, предоставляя кров, но очень скоро города и села стали задыхаться от наплыва бежавших от ужасных артан.

Свободные съестные припасы кончились с ужасающей быстротой, местные уже не могли дать ни крова, ни корма. В таких переполненных местах сперва голодали, даже мерли безропотно, это касалось простолюдинов, но то ли отчаяние виной, то ли слухи о вольных духом артанах, но одни по-прежнему смиренно мерли от голода, другие начали силой отнимать еду. На них смотрели с ужасом, но нашлись и подражатели. Эти выживали, вокруг них начинал собираться народ, глядя со страхом и надеждой. Эти вожаки уже начинали отбирать еду и кров не только для себя, но и для своих людей.

По дорогам все тянулись исхудавшие переселенцы, но быстро подкрался общий голод, неизбежный даже в самой богатой стране, когда начинает лютовать война. По ночам в лесах близ дороги горели костры, где грелись несчастные, но нередко утром там находили уже только застывших людей. Даже прямо на дорогах встречались объеденные волками трупы и обглоданные кости коней. Зверья расплодилось невиданно и как-то враз, чуть ли не в один день. Волки по численности

возросли вообще чрезвычайно, без страха входили ночами в села, врывались в хлевы, резали скотину. А потом, обнаглев до чрезвычайности, начали приходить и средь бела дня, скреблись в двери и ломились в закрытые ставнями окна.

В городах появились ясновидящие, вокруг которых всегда собирался народ и жадно слушал. Всяк зрел в откровениях, посланных от богов, огонь и великие потрясения, что охватывают всю Куявию. Многим небо посылало видения, что даже башни чародеев рушатся и превращаются в пыль, что вообще-то немыслимое дело, другие пророчествовали о войнах со Славией и Вантитом, им верили, ибо только дурак не воспользуется смутами и раздорами. Еще до нашествия артан страна трещала от распрей между могущественными родами, когда всяк жаждал возвыситься, притесняя другого, когда у каждого знатного мужа свои крепости и свое войско, каждый день стычки на границах своих земель, к Тулею летят жалобы и наветы, но до него далеко, так что меч в крепкой руке — самое надежное дело...

В землях ягеллов, которые лежали перед Придоном, как раз и шла тягчайшая вражда, не раз окропленная кровью пограничных стычек, между ягонцами и ягерцами, древними и могущественными родами, чей род якобы восходил к самому Яфету, но затем терялся в веках, и вот сейчас древняя кровь героев проснулась в потомках. Причем каждый уверял, что только он истинный потомок, а противник — ублюдок от кобылы и шакала, власть и богатство добыл подлостью и хитростью, тут же оба перечисляли все эти подлости и хитрости, что в обоих случаях было правдой, ибо какая же это подлость, если привела к вершине могущества?

За пять конных переходов, между огромным ополчением, где на должность полководца избрали наконец Долонца, и десять переходов от стольного града Куябы расположился воинский стан Одера, известного полководца, мало привечаемого во дворце, но почитаемого войсками кордонов.

Огромный угольно-черный дракон сделал над этим станом три полных круга, прежде чем там утихомирили насмерть перепуганных коней. С загривка дракона размахивал

руками человек с надвинутым на глаза капюшоном. Наконец из пурпурного шатра с прапорцем на вершинке вышли два человека, один из них, массивный гигант с грубым невыразительным лицом, всмотрелся, крикнул изумленно:

— Так это же Иггельд!..

Второй, осанистый мужчина с высокомерным холеным лицом, сказал язвительно:

— Благородный Антланец, вы полагаете, мне это что-то говорит?

— Прошу прошения, благородный Одер, — буркнул Антланец, он посмотрел на «благородного» так, вроде усомнился: позволить ли ему чистить себе сапоги. — Откуда вам, равнинникам, знать наших героев?.. Я имею в виду, настоящих героев? Прикажите своим олухам убрать мечи в ножны. И пусть никто не двигается.

— А что будет?

— Это мой хороший друг. Второй тоже... но прожорливей.

Не дожидаясь ответа от главнокомандующего, он грузно выбежал на открытое место, замахал обеими руками. На фоне чистого синего неба угольно-черный дракон выглядел особенно страшным, даже брюхо отливает металлом, и сразу понятно, что никакие стрелы, мечи или топоры не пробьют эту чешую толщиной с подошву. Когда исполинские кожистые крылья попадали под прямые лучи солнца, они вспыхивали пурпуром, словно свежепролитая кровь, а когда солнце смещалось, крылья были цвета застывающей крови, и сердца всех внизу сразу начинали сжиматься в страхе при виде такого зловещего предзнаменования и такой несокрушимой мощи над их головами.

Дракон чуть снизился, человек с загривка махнул рукой, что-то указал, дракон пошел косо вниз. Устрашенное войско, не двигаясь — Одер успел подать знак всем застыть, — наблюдало, как ужасающего вида зверь пролетел над землей, выставил вперед крылья, те трещали от натуги, сам дракон откинулся назад, как конь, пропахал землю всеми четырьмя и толстым хвостом.

Наездник торопливо соскользнул с загривка. Навстречу уже бежал Антланец с распахнутыми объятиями. Они обня-

лись со стуком столкнувшихся бревен, Антланец довольно взревывал, мял плечи Иггельда, колотил по спине, потом оттолкнул и всмотрелся в смущенное лицо.

— Ты удивил, — проревел он густым басом, — удивил... Вот уж я не ожидал!

— Моего Черныша надо покормить, — сказал Иггельд торопливо. — Как у вас с едой? Лучше всего — сырым мясом. Но ест и копченое. Только солонину не стоит...

— Заболеет? — спросил Антланец деловито. — У нас лекари мертвого поднимут!

— Нет, будет ходить следом и клянчить. Все звери почему-то шалеют от соли. Но я не ради еды сюда. Увы, мне сверху хорошо все видно, а лучше бы не видел...

Антланец прервал:

— Погоди-погоди!.. Твой дракоша без тебя часок перебьется? Пойдем в шатер командующего. А то у него такие орлы в лазутчиках, что правую руку от левой отличить не могут. До сих пор не можем понять, где же артане.

Иггельд оглянулся.

— Хорошо. Но сперва накормим Черныша.

— Это святое дело, — сказал Антланец серьезно. — Сперва коней, потом сами, затем пленников...

— Шутишь? Откуда у вас пленники?

— Шучу, шучу, что-то у тебя совсем плохо с юмором. Эй, Гавкало, Третяк, Цвигун!.. Быстренько собрать свежего мяса. Быстренько, я сказал! А то вас самих скормлю этой птичке. Иггельд, он человеков ест?.. Вот и хорошо, а то я собирался тут парочку уволить...

Последние сто шагов мясо пришлось нести на себе, кони храпели, тряслись, ближе к дракону не приблизились. А он рассматривал их в упор и облизывался. В его пасти пусть не свободно, но все же поместилась бы лошадь. Антланец, если честно, сам покрывался гусиной кожей, близко к морде не подходил, Иггельд свалил огромные куски мяса прямо перед драконом, отряхнул ладони.

— Теперь это его займет надолго.

Антланец с беспокойством оглянулся.

— А потом? Пойдет жрать наших?.. Я почему спрашиваю,

мои стоят с того боку. Вот если бы ты сел чуть левее, там этот скотина князь Ежеван со своей родней...

— Не тронет, — успокоил Иггельд. — Думаешь, я бы так его оставил, будь хоть чуть-чуть не уверен?..

Перед шатром уже стоял в ожидании великий князь Одер. Крупный, с удлиненным благородным лицом и благородными сединами, на лице та спесь, что появляется у человека, рожденного, как говорят, повелевать, то есть в удельном княжестве, где не видят более высокого правителя, чем собственный отец, и когда отпрыск уже знает, что следующим правителем будет он, тоже князь и тоже удельный.

Антланец отвесил небрежный поклон, Одер поморщился, но стерпел, ведь Антланец — горец, дикарь, что с него возьмешь. Иггельд, следуя высокородному земляку, тоже поклонился недостаточно почтительно, Одер поморщился снова, но опять же промолчал. Правитель большого войска должен обращать внимание только на важные мелочи.

— Дорогой друг, — сказал Антланец Иггельду, — это вот благородный Одер, ты о нем, конечно же, слышал. Или слыхал. А то и слыхивал. Благородный Одер, позвольте представить вам моего доброго друга Иггельда...

Иггельд вновь поклонился, но Одер видел по глазам этого молодого богатыря, что имя «Одер» ему ничего не говорит, что вообще-то странно, ведь Одер входит в десятку самых могущественных людей Куявии.

— Прошу в шатер, — пригласил Одер. — Я велел накрыть стол...

Иггельд сказал торопливо:

— Пировать некогда, я передам то, что увидел, да мы улетим снова. У нас много дел.

Одер сказал суховато:

— За столом и поговорим, дорогой друг.

Он наконец выбрал форму, как обращаться к этому незнатному, но благодаря дракону достаточно могущественному человеку. По крайней мере, обладающему мощью, хотя, по его виду, он сам еще не понимает своей силы.

Стол в огромном шатре занимал половину площади. Слуги торопливо расставляли изысканные кушанья, дорогие ви-

на, в центре стола появилась ваза с редкими цветами. Одер широким жестом пригласил за стол. Антланец не заставил себя ждать, лавка заскрипела под его тяжелым телом, он вытащил из-за пояса нож и сразу отхватил почти половину жареного гуся.

Одер поморщился, на Иггельда взглянул благосклоннее, тот не решился сесть раньше, чем сел сам Одер, за еду не хватается, вопросительно смотрит на Одера.

— Ешьте, пейте, насыщайтесь, — пригласил Одер радушно. — Дракон накормлен, пришла ваша очередь... Так что вы увидели с высоты? Наверное, это удивительное зрелище...

Антланец фыркнул:

— То же самое, что смотреть с горы. Я из окна своей крепости далеко внизу вижу этих мошек, именуемых людьми! А на драконе... гм... то же самое, как если бы гора подо мной летала.

Иггельд кивнул:

— Да, похоже. Так вот, я два дня тому пролетал над воинским станом наместника Долонца. Все было как обычно, даже готовились к бою. По ту сторону накапливались артане. Их было впятеро меньше, они высматривали брод. Наши войска, судя по всему, готовились запрудить их телами реку.

Одер хмурился, покряхтывал. Долонец успел собрать войска раньше и выступил раньше. Теперь он первый примет бой, и, если разобьет артан, вся слава победителя достанется этому прохвосту. А он, благородный Одер, оказался на второй линии обороны! И все лишь потому, что медленно собирались его вотчинники, обнаглели, слишком отпустил им вожжи.

Антланец проглотил большой кус, просипел:

— Так что, нам возвращаться?.. Не испробовав, как заточили свои мечи?

Иггельд ел мало, скупо, а сейчас вообще опустил на стол гусиное крыло. Лицо помрачнело.

— Не беспокойся, дядя, — сказал он невесело. — Придется испробовать.

— Хорошо, — сказал Антланец довольно.

Одер тоже повеселел, но спросил с настороженностью:

— А что случилось?.. Неужели Долонца разбили? Или оттеснили?

— Хуже, — бросил Иггельд.

Он ощипывал мясо тонкими волокнами, ел вяло. В его светлых глазах гнездилась грусть, такие же светлые волосы почти пепельного цвета на лбу перехвачены простым кожаным шнурком, лоб чистый, но уже со скорбной складкой между бровей. У Одера сложилось впечатление, что этот Иггельд перенес в жизни очень многое, выжил с трудом, но теперь с легкостью перенесет все невзгоды.

— Не томи, — сказал Антланец.

Иггельд тяжело вздохнул:

— Я не томлю. Просто язык не поворачивается. Словом, сегодня там войска нет.

Антланец нахмурился, Одер спросил тяжелым голосом:

— Разбили?

— Хуже, — ответил Иггельд со злостью. — Сунули мечи в ножны и побрели по домам очень довольные, что воевать не придется. Оказывается... знаете, что случилось? Артане пообещали их... не трогать! Я глазам не поверил, когда увидел, как обозы тянутся обратно, а передовые артанские отряды скачут рядом. А то и обгоняют.

— Обозы, — повторил Одер. — А само войско?

Иггельд лишь стиснул челюсти, желваки вздулись и застыли. Антланец махнул рукой:

— Какое войско? Это о той нестройной галдящей толпе, что бахвалилась артан вбить в землю по ноздри?.. Вы же слышали: кто на телегах едет, кто на конях, кто пешком... Войска нет, есть бредущая домой толпа. Все довольны: и на защиту Куявии доблестно выступили — и домой вернулись целы и здоровы!

Одер посерел, лицо мгновенно стало старым и болезненным. Разнылись старые раны. Спохватился:

— Но как же так? Такого позору еще не было! Измена?

— Это просто... наша натура, — сказал Антланец.

Одер покачал головой:

— Спасибо, что принимаешь и на себя. Но это чересчур благородно. Вы, горные племена, так бы не поступили. Хотя

вы уже давно куявы. Дорогой Иггельд, ты сказал, что артанские отряды начали обгонять отступающее войско... даже не войско, а толпу. Значит...

— ...через два дня увидите первых артан, — закончил Иггельд. — Если, конечно, они будут двигаться так же, как сейчас. Но могут сделать рывок, у них быстрые кони. Тогда увидите уже завтра.

Одер хлопнул в ладоши. Появился молодой красивый берич с гладко зачесанными назад волосами.

— Збиранько, — сказал Одер, — немедленно от моего имени удвой стражу, а ночью патрули выдвинь еще дальше. Долонец, мерзавец, сдался, вся надежда Куявии лежит на нас! Если не мы, то Куявию никто не спасет!

Лицо берича сперва отразило недоверие, потом вспыхнуло радостью, он исчез. Одер нахмурился, метнул острый взгляд на Антланца и Иггельда. Заметили, что и здесь все рады поражению соседа?

По слухам, основное войско вел сам Придон, но два десятитысячных отряда под командованием Меклена и Волина он пустил справа и слева от себя.

Западную Куявию потряс страшный удар: туда вторгся с десятью тысячами конников Ральсвик, умелый и жестокий полководец. Правитель Западной Куявии князь Годлав схватился за голову, ибо этот же Ральсвик десять лет назад уже опустошил быстрым набегом эти земли, захватил и разорил его стольный княжеский город, жителей предал огню и мечу, погибло пять тысяч человек, в том числе его единственная дочь Илона. По слухам, ее изнасиловал прямо на ступеньках его летнего дворца сам Ральсвик под хохот своих воинов, а потом всех пленных велел утопить в реке.

В своих покоях он торопливо наставлял Мунгу — полководца:

— Спешите изо всех сил!.. Вся сила артан во внезапности удара. Сами они уже отвыкли... нет, сдачу им еще дают, но никто не осмеливается напасть на артан первыми. Если вам это удастся — сотрете с лица земли.

Лица военачальников оставались мрачными, но возражать

не осмелились, поклонились, слуги перед ними распахнули двери. Скоро Годлав услышал из окна удаляющийся звон подков.

— Думаешь, — послышался за спиной равнодушный голос, — у них получится?

Годлав в раздражении оглянулся. Промек, единственный сын, бледный, изнеженный, уже с утра в подпитии, едва на ногах держится, но смотрит нагло, насмешливо.

— Если не остановят артан, — сказал Годлав сухо, — следующее войско поведешь ты!

Промек икнул, сказал с готовностью:

— А чё? Я как раз тот, кто их остановит!.. Я такой...

Голдав отвернулся, в груди гнев, куявам боги мало дают детей, это в Артании у него был бы десяток сыновей, а здесь и одному-двум рады.

Через неделю пришло известие, что Мунгу в самом деле сумел напасть первым. Артане от неожиданности подались назад, еще немного — и дрогнули бы, побежали, но натиска не хватило, и вскоре тяжелое и неповоротливое войско куявов было окружено, как большого жука окружают злые быстрые муравьи. Куявов долго осыпали стрелами, а потом... началось истребление.

По слухам, уцелел только десяток во главе с Мунгу: они сгрудились вокруг прапора, держали оборону стойко, и артане, что прежде всего ценят доблесть, разрешили им уйти с оружием и прапором. Говорят, уходящим даже салютовали и кричали славу.

Мрачный, как грозовая туча, Годлав вызвал Промека, тот явился с кувшином вина, велел резко:

— Время забав кончилось!.. Я за эти две недели собрал всех, кто может держать оружие. Ты поведешь это войско... да-да, это тоже войско!.. навстречу артанам. Задержи, насколько сможешь.

Промек раскрыл рот в великом удивлении:

— Отец... но меня же убьют!

— Нас всех убьют, — отрезал Годлав. — И вся Куявия погибнет, если их не остановить. Или хотя бы не задержать, по-

ка Тулей соберет такую армию, чтоб под тяжестью застонала земля. Выступай немедля!

Промек попятился, но у выхода Годлав все же догнал, обнял и жарко шепнул в ухо:

— Возвращайся живым!.. Черт с ним, с войском. Туда идут, чтобы всю жизнь получать деньги, а потом хоть когда-то, да рискнуть быть убитыми. Но ты... у меня нет больше сыновей.

Промек сбросил отцовскую руку с плеча.

ГЛАВА 12

От обиды на отца Промек пил всю дорогу, большую часть пути его везли на телеге. Только когда передовые отряды заметили приближение артан, он надел доспехи и пересел на коня.

Два войска остановились друг против друга. Промек подозвал Евлана, старого воеводу, сказал тихонько:

— Ты... распоряжайся сам. Я ж понимаю, что воин из меня паршивый. Но если надо, я поведу в бой какой-нибудь отряд. Не очень чтоб большой.

— Посмотрим, — буркнул Евлан, но в глазах неприязни к хозяйскому сыну поубавилось. — Не думаю, что бой будет очень уж долгим... Они уже начали нас окружать, видишь?

Промек в испуге оглянулся. Отец наставлял, чтобы он бросил войско, если то окажется в очень уж большой опасности. Войско можно набрать снова, а сына второго уже вряд ли, староват отец. Да и не захочет вторую жену брать ради рождения сына...

Он взялся за рукоять меча, перевел дыхание, голос прозвучал почти спокойно:

— Пусть окружают. Мы на своей земле.

Артане придвинулись, все на одинаковых гнедых конях, и сами все одинаковые: обнаженные до пояса, мускулистые, здоровенные, с чисто выбритыми подбородками и длинными черными как смоль волосами. Многие, забавляясь, высоко подбрасывают в воздух топоры и ловко хватают за рукояти.

Раздвигая ряды, вперед вырвался один всадник на белом

коне, смеющийся, веселый, помчался вперед, размахивая руками.

Рядом с Промеком поднялись луки, но воевода сказал резко:

— Не стрелять!.. Послушаем.

Всадник придержал коня шагах в двадцати, прокричал сильным голосом:

— Походный князь Ральсвик приглашает благородного Промека на пир в честь завтрашнего сражения!

Промек пробормотал:

— А разве сражение будет не сейчас?

Воевода сказал негромко:

— Видимо, ради пира готовы отодвинуть... нам это на руку.

— Еще бы, — поддакнул Промек. — На сутки проживем дольше!

Воевода ожег его презрительным взглядом.

— Дурень, — сказал он ровным голосом, — за нашими спинами срочно собирают войско.

— Тогда нам выбирать нечего, — ответил Промек. Он прокричал громко: — Мы принимаем предложение!.. Но я приду со своим вином.

Всадник крикнул:

— У нас не травят! Но как хочешь.

Промек тронул коня, понуждая идти вперед, вполголоса сказал воеводе:

— Хуже не будет.

Он услышал за спиной горестный вздох, сам вспомнил, что хуже смерти в бою могут быть пытки, зверские издевательства, а потом что-то вроде долгой смерти на колу, но артанин смотрел насмешливо, словно видел его трусливую душу насквозь, и Промек, вспыхнув до корней волос, лишь покрепче стиснул повод.

Князь Годлав был во дворе, когда за воротами закричали, что прибыл гонец с письмом от сына. Он похолодел, в то же время сердце стукнуло радостно: жив, жив!..

Ворота отворились, всадник въехал на шатающемся взмыленном коне. К нему протянулось с десяток рук, но гонец выудил неверными движениями письмо за пазухой, отыскал

глазами бегущего к нему князя, все кричали: «Дорогу князю!», — вручил письмо и после того рухнул на руки челяди.

Князь ничего больше не видел, ухватил смятый свиток, пальцы торопливо срывали печати, только его советник, бер Ратник, спросил, кивая на гонца:

— Ранен? Быстро в дом!

Кто-то из поднимающих гонца ответил с облегчением:

— Вроде цел... Но зато в стельку!

Годлав развернул свиток, глаза быстро побежали по строчкам, но прочесть не удавалось ни слова: Промек всегда писал мелко, а у князя глаза уже не те, к тому же как будто писал сидя в седле — буквы наползают одна на другую, сливаются, подпрыгивают, будто с разбегу пробуют перескочить забор, но лишь стукаются лбами и падают, как толстые неповоротливые жуки, на спину, а там вообще ничего не разберешь, видно только дрыгающиеся лапки...

Измучившись, он велел кликнуть Кожастого, этот хоть и старше на два года, но глазами остер, письма Промека читал и раньше, будучи его первым наставником.

С Кожастым набежали все, кто услышал про письмо, сгрудились, жадно дыша и блестя глазами, страшась пропустить хоть слово. Кожастый приосанился, отставил бумагу на вытянутую руку, у него все наоборот, чем дальше, тем видит лучше, начал читать, хоть и с запинками, но читать.

Годлав перевел дух, но ерзал в нетерпении, ибо Промек долго и занудно описывал, как выступили в поход, как он натер задницу в неудобном седле, потому и пересел в повозку, раньше тцары в повозках ездили, да и щас, говорят, в других странах ездиют, так что ничего в этом зазорного нету, можно ездить и ему, Промеку, сыну князя Годлава, который ведет свой род...

Кожастый бубнил и бубнил, часто останавливаясь, разбирая каракули и переводя дыхание, Годлав все ждал, когда же наконец войска сойдутся в бою, однако Промек, как издеваясь... а может, и в самом деле издеваясь, начал перечислять, кто из воевод на каком коне ехал и что в самом деле вороные бегают быстрее гнедых, буланых и уж тем паче — саврасых.

— Это пропусти, — велел Голдав, не выдержав. — Не слиш-

ком, конечно!.. Потом почитаем. А пока ищи самое главное, понял?

Кожастый кивнул, еще дальше отставил письмо и всматривался в него прищуренными глазами, словно коршун рассматривал мелкую мышь.

— Ага, — сказал он, — вот... Нет, не это... ага, вот, ближе: «...и тогда он прислал ко мне приглашение на пир. Я, понятно, собрался отказаться, глупо было бы идти на пир к варвару такому знатному, как я, ведь наш род длится от самого Яфета, несмотря на злые языки, что ведет корни нашего рода от начальника стражи при Тарасе Гневливом. А если верить Большероту, которого часто обвиняют в подобострастии перед тцарами, то наш род идет от славного и великого Хорвата, известного великими победами под Липцами, Курлыквой, Прорвой, Великими Мечами и даже Дудравницей, хотя последнюю недобросовестные льстецы иногда склонны в своем преклонении перед артанами отдавать им...»

Годлав поморщился, сказал нетерпеливо:

— Это пропусти!

Кожастый поклонился:

— Как велишь, светлый князь!.. Это в самом деле свинство. Промек верно рек, что это суетное преклонение, и ничто больше. Я бы таких вообще вешал...

Годлав рыкнул:

— Читай дальше!

— «...глупо было бы идти на пир...» нет, это уже читал... «...корни нашего рода от начальника стражи при Тарасе Гневливом...», ага, это читал тоже. «...в своем преклонении перед артанами...». Ага, вот!.. «...отдавать им наши победы. Но потом я вспомнил донесения доблестного Головля, что варвары захватили и разграбили земли Велигора, с его бесчисленными запасами вин. А у нас во дворце ходили слухи, что в подвалах Велигора хранятся драгоценнейшие вина, что хранятся еще со времен Тараса Младшего, им нет цены, только настоящие знатоки, к которым я скромно отношу себя, способны оценить всю прелесть старинных вин...»

Годлав покраснел, тяжелая кровь прилила к лицу, а глаза покраснели, что у него выражало крайнюю степень гнева.

Кожастый мямлит, спотыкается на каждом слове, почерк у наследника корявый, пишет — курица лапой царапает ровнее, возвращается и повторяет написанное, откуда такие дураки вокруг трона, других бы набрать, но другие — подлец на подлеце, а эти преданные, честные, верные...

— «...и тогда я велел передать этому дикарю, — Кожастый переполз через слова, словно сытая гусеница через валуны, что всякий раз засыпает, а утром еще и раздумывает: а не повернуть ли обратно, — что я принимаю его недостойное приглашение на пир...»

Годлав вскочил в волнении, поспешно сел, руки стиснулись на посохе. Лицо стало быстро терять буряково-багровый цвет, даже уменьшилось в размерах, нос заострился.

Кожастый поднял от бумаги глаза:

— Князь желает отдохнуть?.. Эй, люди! Кликните плясунов и девок с бубнами.

Годлав прорычал:

— Читай! Читай! Читай, иначе удавлю собственными руками!

Кожастый поклонился:

— Как скажешь, князь-батюшка. Но ты что-то бледен стал... Долг подданных — заботиться о своем благодетеле. Твое здоровье — наше здоровье. Хоть мы и не режем князя каждый год, как у диких гурров, но все-таки князь должон быть бодр, весел и зело здоров! Народ любит, чтобы князь был весел. Тогда и княжество весело...

Годлав привстал, грянул:

— Палач! Где палач?

Кожастый поспешно уткнулся носом в бумагу:

— Да читаю я, читаю!.. «...корни нашего рода от начальника стражи при Тарасе Гневливом...» А-а-а, это уже было... «...только настоящие знатоки, к которым я скромно отношу себя...», гм, это я его научил понимать настоящее вино... Ага, вот!.. «...приглашение на пир. С собой я пригласил командиров-тысячников, но все оказались крайне заняты, сумели освободиться только двое: Ельник и Швандя, весьма достойные полководцы...»

Кто-то громко хмыкнул, это было похоже на свинское

хрюканье, Кожастый бросил на него строгий взгляд поверх бумаги, тут же потеряв строчку. Вообще-то Ельник и Шванда известны были при княжеском дворе как бабники и пропойцы, их послали в войско лишь потому, что Годлав велел послать всех, кто мог носить оружие, пока соберет настоящее войско. Так что у наследника были весьма достойные если не полководцы — те нашли способы благоразумно остаться, — то пропойцы и гуляки.

— «...и вот мы прибыли в их полевой стан, — читал Кожастый, — что и полевым станом-то назвать нельзя, ибо все в беспорядке, вожди почти не отличаются от простых бойцов, ибо умелые воины бывают в доспехах получше, чем их командиры...» Надо же, никакого почтения к вождям! Вот у нас князю всегда самое лучшее из добычи: оружие, драгоценности, парчу, рабынь... не отдашь, сам отберет, скотина. Ага, «...командиры. Сам вожак разбойников Ральсвик встретил нас у входа в свой шатер. Мы снова попытались сдать оружие, но этот дикарь отмахнулся: мол, вот когда победит, тогда и заберет, а пока, мол, носите сами, чтоб не потеряли. Я попробовал объяснить, что когда напьюсь, то себя не помню, может быть, я буйный, он захохотал и объяснил любезно, что он сам буйный: чуть что не так, сразу головы рубит. А в хмелю так и без «чуть что» рубит. А утром вспомнить не может, за что. Кому — вспомнить проще, а вот за что... И советники подсказать не могут, упиваются тоже по-куявски...»

Кожастый крякнул, дважды прочитал, голос в недоумении вздрагивал, брови поползли вверх. Кто-то из толпы слушателей сказал осторожно:

— Надеюсь, наш любезный Промек просто передает слова этого простого грубого дикаря. Так, надеюсь, надо понимать это оскорбление.

Кожастый пробормотал:

— Тут нет значков, что это он передает слова артан... Впрочем, если он писал после пира, то... гм... понятно, он же упился по-артански, только эти свиньи упиваются, как... как...

Кто-то сказал с недоумением:

— Но ведь артане вина не пьют?

— Это истинные не пьют, — объяснил Кожастый.

— А эти какие?

— Не совсем истинные, — объяснил Кожастый старательно. — Хотя на самом деле именно они истинные, ибо раньше артане упивались так, что и нам в зависть, но потом у них появился какой-то пророк, что убедил отказаться от вина... бывает же такая дикость!.. Большая часть артан от вина отказались и стали именоваться чистыми артанами, а всех остальных стали называть нечистыми.

— И много таких?

— Да с десяток племен. Некоторые даже вроде бы вовсе не подчиняются артанскому владыке. Другие подчиняются, но на условиях. Правда, когда началась война, то они все двинулись на нашу Куявию, но все они идут своими родами, дороги выбирают сами. И на кого напасть — тоже. Как вот этот Ральсвик.

Кожастый скривился, похоже, прикидывал, как использовать таких артан против Придона, а Годлав в нетерпении ткнул его посохом в грудь:

— Запнешься еще раз — казню, видят боги! Да где же этот чертов палач?

Кожастый сказал торопливо:

— Да читаю, читаю... Государственные дела поспешательства не терпят. Ваш батюшка не был таким... прыткучим. Всегда все решал неспешно, в избирательной рассудительности. Обязательно после сытного обеда, когда мысли рождаются мудрые, неторопливые... Да-да, читаю: «...упиваются покуявски... На пир подали жареных лебедев, а потом принесли уже печеных гусей. Ну, гусь это тоже почти лебедь, но все-таки гусь, и если бы не дивная гречневая каша, что внутрях, да печеные яблоки, то и ваще до лебедев им бы далеко, а так еще и со жгучими травками, да когда жареные перепелочки по бокам...»

Он читал, читал, читал, слушающие начали причмокивать, громко глотать слюни, кто-то не выдержал и побежал на кухню. Годлав, ранее от гнева красный, теперь начал медленно бледнеть. Кожастый бубнил, бубнил, иногда увлекался так, что начинал причмокивать и сладострастно облизываться.

Годлав грянул страшно:

— Палач!.. Если еще раз скажет про еду — руби ему голову! Мне эти жареные кабанчики уже в печенках сидят! Только услышу про жареных кабанчиков — у меня разлитие желчи начинается!

Советники задвигались, загудели. Казидуб, старый и мудрый, скрюченный от многих болезней, ему лекари велели есть только овсяную кашу, да и то не больше двух горшков в день, из-за чего он все остальное ел только по ночам, поддержал подобострастно:

— Истинно рек, князь-батюшка!.. Что ты все о еде и еде?.. Пропусти это все к такой матери!.. Сказано — пропусти, вот и пропусти!.. Давай сразу о вине. Что он там написал о подвалах?.. Правду ли, что у Велигора вина со времен самого славного Тараса Младшего? Или брешут?..

Годлав уже не бледнел, дальше некуда, бледность медленно и страшно сменялась жуткой синевой.

Кожастый уткнулся носом, бормотал, пускал слюни, возвращался и начинал сначала, наконец отыскал место, где Промек описывал подвалы, где бочки в один ряд, кувшины в другой, подвал таков, что половину дворца можно упрятать, но это только первый подвал, а там ниже еще один, и вот уже когда спустились туда...

Тут уже чмокали и роняли слюни все, кроме князя, что стиснул кулаки, стиснул челюсти, стиснул сердце и волю в кулак, стиснулся весь, чтобы не сорваться и не начать крушить, убивать, истреблять это все двуногое скотство, расплодившееся в отсутствие очистительной артанской грозы.

— Ишь ты, — донесся как сквозь вату задумчивый голос одного из воевод за спиной Годлава. — Выходит, не врали старики... Да, ради глотка такого вина можно хоть в ад. А они, бесстыдники, кувшинами хлестали! Никакого уважения к сединам такого напитка.

Кожастый сказал почтительно:

— Говорят, когда подают такое вино, за стол вместе с гостями незримо садятся сами боги. И пируют.

Воевода почесал затылок:

— Да? То-то помню, хорошее вино всегда кончается быстрее...

Годлав выдохнул жар, заставил себя успокоиться, он же князь, а не раб, князь должон уметь держать себя в руках, сказал ровным голосом, хотя великая тоска и безнадежность заползли в измученное сердце:

— И это все?.. Больше ничего не написал?

— Все, — подтвердил Кожастый. — Твой сын, великий князь, совершил настоящий воинский подвиг! Он пошел доблестно к врагу, упоил его вусмерть...

Воевода поддержал:

— И его военачальников. Так что сегодня битвы не будет. У нас еще не меньше суток, чтобы набрать войско.

— А то и больше, — подал голос кто-то сзади. — Молодой Промек хошь слона упоит. Чудо-юдо рыбу-кит перепьет!.. Там все сейчас лежат покотом, хоть иди и вяжи.

Годлав сидел настолько слабый, что впервые не было сил даже шевельнуться. Мелькнула мысль, что впервые его поднимут под руки, как уже десяток лет водят престарелого Дубинца, препроводят в покои. В покои, на покой. В покойники.

— Нет, — прошептал он. Сделал усилие, напрягся, стараясь, чтобы жалкий шепот перерос в привычный властный рев. — Нет... быть такого не может. Я не люблю сына... И он меня не любит... Но чтобы вот так...

Кожастый с недоумением перевел взгляд на лист, повел носом, вскричал радостно и удивленно:

— Ага!.. Тут после всех этих «Любящий сын» и прочей хреновины... ха-ха, любящий, еще и маленькая приписка. Мелкими буковками, совсем мелкими... Да еще как курица лапой... Слепая курица хромой лапой... Ага, вот: «...я уговорил Ральсвика двинуть войска против нашего соседа князя Огрядного. Двое суток войско отдохнет, приведет себя в порядок...», ага, отдохнет!.. На такую ораву запасов вина в подвалах как раз на двое суток беспробудного... «...в порядок, после чего я вернусь, бодаться с Огрядным мне неинтересно». Ну, еще бы! Мы все знаем, что наследнику интереснее... «...на сем кончаю письмо окончательно, целую еще раз, любящий сын. Кстати, Илона передает привет и тоже тебя любит».

Годлав вздрогнул, безжизненное тело словно пронзило судорогой.

— Что? Что ты прочел?

Кожастый снова повел носом по листу бумаги:

— Тут так написано, князь-батюшка. Правда, коряво, но теперь я Промека не виню. После тех подвалов... он в самом деле свершил подвиг — такое писать.

Воевода скептически хмыкнул:

— Промек?.. Да он лежит под столом в жопу пьяный. Это кто-то из варваров.

На него набросились:

— Варвары — неграмотные!

— А варвары не упились?

— Если Промек диктовал — то он, значитца, не пьяный!

Годлав ощутил, что его поднимает неведомая сила. Тело налилось горячей мощью, он проревел страшным голосом:

— Что написано в приписке? Палач!

Появился наконец-то палач, вытащил из-за спины длинный меч с широким мясницким лезвием. Помощник палача выкатил на ковер перед троном дубовую колоду.

Кожастый торопливо пробубнил:

— «Илона передает привет и тоже тебя любит». «Илона передает привет и тоже тебя любит». Тут так и написано: «Илона передает тебе привет и тоже тебя любит»!.. Наверное, он хотел сказать, что и на небесах твоя дочь смотрит на тебя с умилением и дочерней любовью, даже там не перестает любить тебя, хотя там ее окружают достойные лю... тьфу, достойные существа, как то боги, пэри и всякие дэвы.

Годлава трясло, челюсти стиснул с такой силой, что зубы погружались в челюсти, как в мокрую глину. Сын никогда не вспоминал о существования богов или асуров. Если он сказал, что Илона передает привет, то он видел Илону и она в самом деле передавала ему, отцу, привет!.. Но как это может быть?

— Вернирог, — велел он резко. — Вели запрячь самых быстрых коней. Рудник, ты сейчас же отправишься в стан варваров. Узнаешь, что случилось с моим сыном. И вообще... узнаешь все. Ты меня понял?

Рудник поклонился:

— Понял. Как не понять? Когда велишь отправляться?

Годлав гаркнул:

— Сейчас!!! Немедля!!!

Рудника вымело из покоев, как ветром выдувает пух. Советники переглядывались, Кожастый сказал сожалеюще:

— У него желудок больной. Ему вина давно уже нельзя. Это бы Лабунца послать... Быстрее бы почтового голубя оказался там.

Ральсвик в самом деле повернул войско и двинул по восточной дороге, что вела в богатые земли наместника Прилесья князя Огрядного, соперника семейства Годлава вот уже лет тридцать, если не сорок.

Все войско, что привел Промек, двигалось сзади. Сам Промек не просыхал, ибо племя Ральсвика придерживалось закона, что в Артании нужно быть артанином до мозга костей, а попадая в другие земли, дозволяется пить и есть то, что употребляют местные.

Рудник догнал их, когда артане уже вторглись в Прилесье. Впереди поднималось зарево пожаров, артанские отряды рассыпались по всей земле, шел грабеж богатых домов, а где обнаруживался большой гарнизон, туда мгновенно собирался большой отряд артанских удальцов.

Промек встретил Рудника вяло, уже опух от пьянства, его везли в телеге. Рядом с телегой ехали Мунгу и Евлан, Мунгу с перевязанной головой, а Евлан просто с опухшей рожей настолько, словно его долго били по этой самой роже палицами.

Мунгу широко заулыбался Руднику:

— Беспокоится отец? Еще бы... Мы уж собрались отправляться к праотцам!.. А тут вдруг такая родня!

— Родня? — переспросил Рудник.

— А ты не знал?.. Хо-хо, мы сами не знали. Илона ведь не погибла, ее Ральсвик тогда увез с собой, сделал служанкой. А она возьми и роди ему сына!.. Словом, сейчас у нее уже четыре сына и две дочери. Хотела тоже ехать, да артанским женщинам нельзя в набеги... Но велела мужу не обижать родню. Вот и двинули они на этого Огрядного, ибо Илона помнит о нашей вражде...

Рудник шумно поскреб затылок крепкими когтями, заду-

мался. С одной стороны, вроде бы нехорошо идти на своего же соотечественника, пусть и следом за артанами, зато с другой... Как говорится, двух ворон одним камнем. И старого врага наконец-то к ногтю, да и самим остаться живыми — разве не мечта любого куява?

— Хорошо, — решил он. — Побьем князя Огрядного, на том и остановимся. Пусть артане идут дальше, а мы на этих землях распорядимся. Здесь столько богатств, что артане за сто лет не вывезут!

ГЛАВА 13

Придон часто выезжал впереди войска, вместе с передовым отрядом рыскал в поисках переправ, удобных дорог, складов с продовольствием.

Торговцы и лазутчики то и дело приносили известия, что впереди широкая река, мосты порушены, брода надо ждать до липня, когда река обмелеет, а на той стороне собрались не просто отдельные отряды, как было с этим ополчением Долонца, а сосредотачивается огромное войско. По слухам, командует им известный артанам Одер.

Придон вернулся к основной массе войск и, как и положено вожаку, дальше ехал во главе. За ним везли знамена, знаки племен, родов. Все огромное войско, конное и пешее, с обозами, продвигалось достаточно неспешно, заполняя собой, как при весеннем половодье, все низины, открытые места, проходя через леса, что оставались сзади сильно поредевшими, а мелкие рощи так и вовсе исчезали, превратившись в угли костров да взлетевший к небу дым.

Щецин, избежав топора палача, из десятника в начале создания войска стал темником. При нем была сотня телохранителей, но оставлял ее позади, он-де еще не стар, чтобы оберегали, сам кого угодно обидит, к тому же при нем обычно держались двое-трое из его сыновей, редкие по силе, отваге и бесстрашию богатыри.

Аснерд оглянулся на стук копыт, кивнул:

— А, Щецин... Что-то не видел тебя весь день.

— Проверял обозы, — буркнул Щецин. — Самое слабое наше место!

— Еще бы, — ответил Аснерд с налетом презрения. — Это не артанское дело — таскать обозы.

— А как же добыча?

Аснерд засмеялся.

— Будто не помнишь, что под добычу хватаем телеги на месте!

— Да помню, помню... Но сейчас тащим не пустые телеги — стенобитные орудия! А их то и дело норовят бросить...

Он вздохнул, проследил за взглядом Аснерда. Старый полководец посматривал на всадника впереди, тоже едет в одиночестве, а кто подъезжает чересчур близко, отскакивает, как ошпаренный.

— Ничего, — сказал Щецин успокаивающе, — его час настал.

— Да уж...

— Утолит месть, станет дружелюбнее.

Аснерд помолчал, буркнул:

— Никто не знает, каким он станет.

— Ну да!.. А если получит Итанию?

— Все равно. Прежним уже не станет. В нем слишком много выгорело. Он об этом еще не знает, думает, что он — прежний Придон! Но мы-то видим, что это уже другой человек. Может быть, даже и не Придон вовсе.

Щецин тоже долго смотрел в спину одинокого всадника.

— Ты прав, — сказал он со вздохом. — Нет человека, который бы не жалел, не страдал с ним. Его сердце сгорело, он выгорел весь дотла... Теперь это другой человек. Но разве любовь — беда? Разве приносит несчастья?

Аснерд хмыкнул:

— Не смеши. Когда это приносила счастье? А вот несчастья — всегда! Разница в том, что и эти несчастья не хотим менять на тепленькое счастье, если оно без любви. А несчастьями гордимся, как старый воин гордится былыми ранами. О страданиях вспоминаем так, как вспоминает ветеран о тяжелых переходах, лишениях, потерях. И свысока посматриваем на тех, кто не любил, не страдал, не терял. Эти люди для

нас — еще и не люди даже. Так, человеки. Могут стать людьми, если их коснется это священное неистовство, могут не стать...

Щецин ехал рядом, их ноги в стременах соприкасались с легким звоном. Оба неотрывно и с тревожным сочувствием посматривали на юного тцара.

— Наверное, — проговорил Щецин с усилием, — ему надо бы завидовать... Но я не могу. Слишком тяжелую гору на себе прет, слишком большой огонь выжигает ему грудь. Он уже почернел весь, в душе пепел. Ночами скрипит зубами, думая, что никто не слышит...

— Трудно не услышать, — согласился Аснерд. — Мы тут все друг у друга на виду. Да, его все еще ведет та божественная страсть, то безумие, для которого нет недостижимых вершин, нет непроходимых гор или болот, нет усталости или неприступных крепостей. Ты прав, он скрипит зубами и даже плачет во сне, но он счастливее нас, хотя мы спим как колоды!

Щецин с неудовольствием пожал плечами. Глаза старого воина не отрывали взгляда от спины Придона.

— Говоришь, любовь не знает... неприступных крепостей?

— Говорил, — сказал Аснерд и осекся. Повернул голову, наткнулся на прямой взгляд Щецина. — Ты на что смотришь?..

— Да так просто. Чую, не зимовать нам в степях Артании!

Приходилось щуриться от ослепительного блеска на земле и небе: легкий дождь, казалось, весь собрался в широких листьях, что устилают землю, солнце играет в мириадах жемчужин, и вся степь впереди усыпана этим блеском.

В версте слева медленно проплывал темный лес, иногда прерывался светлым заметным издали березняком, рощи выступили впереди ухоженные, настоящие куявские. Выдвинулся из-за леса и медленно пошел мимо, как бы сам по себе, пологий зеленый холм с почерневшей от огня сторожевой вышкой. Была бы из дерева, остались бы одни уголья, а камни уцелели. Захвативший ее отряд ускакал вперед.

Копыта сухо гремели по утоптанной дороге, Придон приподнял от конской шеи голову и подставил лицо ветру. Спра-

ва и слева неслись воины передовой сотни, у всех на лицах страсть и знакомая жажда помчаться на крыльях впереди коней.

Придон взглянул на молодого воина справа раз-другой, спросил с суровой простотой:

— Зброяр... Тебя Зброяром зовут? У тебя что-то стряслось, Зброяр?

Воин взглянул на тцара-полководца с испугом.

— Н-нет, — ответил он и запнулся. — А... что?

— У тебя лицо... — сказал Придон и сам запнулся, ибо нельзя сказать воину, что у него в глазах блестят слезы, мужчины не должны плакать. — У тебя такое лицо...

— Мой вождь, — ответил Зброяр с почтением, — ты все зришь в наших сердцах и душах! Для тебя все открыто. Дело в том, что мы едем по тем местам, где пять лет назад отряд моего старшего брата наткнулся на войска Михна. Брат всегда был моим отцом, ибо отец погиб давно, брат учил меня ездить на коне, владеть топором, стрелять из лука... Мать со дня его гибели не снимает черного платка печали, а я...

Он умолк, кадык дернулся. Придон спросил участливо:

— Что ты?

— Я стал старше своего брата, — прошептал молодой воин. — Оттого мне горько и больно.

Придон пустил коня вперед. Мимо все так же плавно проплывали, покачиваясь в такт, зеленые холмы, рощи, в ушах грохот копыт, но странным образом запали в череп эти горькие слова, ибо он сам... тоже. Пока был Скилл, хорошо и беспечно было за его широкой спиной. Но теперь он сам — старший. Он принимает решения. И, хуже всего, отчего по спине часто холодок страха, — он и отвечает за них.

Впереди степь выглядела странно голубовато-зеленой, словно зеленую траву примяли крупные кристаллы льда. Высланные вперед отряды вернулись, сообщив, что там веет лютым холодом, словно вдруг настала зима. И что это в самом деле не какая-то трава, а настоящий лед.

Придон выехал вперед, трава впереди на глазах теряла зеленый цвет, темнела, покрывалась мелкими кристалликами

льда. Сок замерзал, прорывал листья, кристаллы быстро росли, а воздух становился все холоднее.

— Призвать Вяземайта! — велел он отрывисто. — Быстрее!

Вяземайт явился не скоро, Придон видел, как он изменился в лице.

— Началось...

— Что? — выкрикнул Придон.

— Какой-то колдун поставил ловушку. Ничего, Придон, это я сейчас, сейчас... А вообще-то с передовыми отрядами надо посылать по колдуну. Даже удивительно, что до сих пор ни одного мага не встретили!

Придон прорычал:

— Вяземайт, в каком мире живешь? Разве не видел, что все они в Куябе?

Вяземайт, не отвечая, шептал артанские заклятия, вязал в воздухе сложный узор. Воздух потеплел, под ногами заблистало, Придон даже отступил, из-под подошв выкатилась искорка, понеслась над землей, на ходу превращалась в красный комок. Вяземайт вздохнул с облегчением, взмахнул руками. Целая стая огоньков брызнула у него из-под ног и помчалась к ледяному полю.

Кристаллы заблистали, массивные и неприступные, красные огни красиво отражались в блестящих боках. Огненные шары, теперь размером с перекати-поле, наткнулись на ледяную ограду, остановились, сзади наперли еще и еще. Придон не мог оторвать взгляда от страшного поединка: ледяное поле кристаллов походило на правильно поставленную армию куявов — безукоризненность строя, пугающая неподвижность, холодное молчание.

А огненные шары, ударившись о преграду, остановились, сзади налетали еще и еще, образовалась сплошная стена из жаркого огня, что напирала, давила, старалась сломить безукоризненный, выверенный строй куявского войска. Придон с шумом выдохнул: в одном месте кристаллы начали с треском лопаться, в воздух взлетели мелкие сверкающие на солнце острые льдинки. Появилась крохотная брешь, даже не брешь, но уже ущербинка в непрошибаемой стене. Туда сразу же вломился огненный шар, выемка стала расширяться, уже

несколько огневушек пошли расширять клин, кристаллы щелкали все чаще, воздух наполнился сверкающими льдинками.

Вяземайт сказал настойчиво:

— Я дам с десяток колдунов в летучие отряды. Чем глубже в Куявию, тем больше будет колдунов. Я не хочу, чтобы они испугали наших удальцов.

— А что их может испугать?

Вяземайт сказал раздраженно:

— Придон, сам знаешь, одно дело — не пугаться армии, другое — темного угла в собственной комнате.

— Извини, ты прав. А я, как всегда, дурак.

Он опустил покаянно голову, но их кони от нетерпения уже вырыли копытами большую яму. Вяземайт сказал с чувством:

— Придон, а ведь мы уже тряхнули проклятую Куявию! И это только начало.

— Иначе не стоило бы и начинать, — ответил Придон жестко.

Слева раздался потрясенный вскрик. Придон резко обернулся, молодой воин дрожащей рукой указывал на далекий город — красочный, весь из белого камня, радостно сверкающий на солнце, как будто приподнятый над землей, город богатых и счастливых людей, радостных и довольных...

Город ярко и четко выступал из предутреннего тумана, солнце блистало на высоких куполах, дробилось в резких переходах стен дворцов и крепостных стен.

— Что... это? — спросил он почему-то шепотом.

Взгляд Вяземайта был суров, лицо стало жестоким и непреклонным, а посадка в седле тверже и увереннее.

— Ирам, — ответил он с отвращением.

Придон спросил непонимающе:

— Но... что с ним?..

Блистающий великолепием город приподнялся еще выше, под ним был туман, он вырастал из тумана и одновременно приподнимался вместе с ним.

— Город порока, — ответил Вяземайт. — Город, где люди возгордились... но не нашей гордостью артан, а низменной,

отделив от себя остальные, менее удачно расположенные города, которым доставалось и набегов, и пожаров, засух и бескормиц. В Ираме горожане вели настолько распутную и мерзкую жизнь, что Творец разгневался, а гнев Творца всегда страшен... На землю сошел один из его посланцев с мечом... ну, ты знаешь, что это за меч, и уничтожил этот город вместе с его жителями. Но в назидание образ нечестивого града остался витать вот так, дабы предостеречь... Понял?

Придон проводил долгим взглядом уплывающий вдаль призрачный город.

— Да... Но все равно жаль... Красивый.

— Красота бывает обманчива, — буркнул Вяземайт. Он взглянул коротко, отвел глаза в сторону. — А пока поймешь, что ошибался, жизнь уже кончится. Потому мы сразу должны выбирать прямую дорогу артанина!

Его раздражало обилие обозов, но Аснерд постоянно твердил, что для большой войны мало стремительной конной армии, это ж не в набеге, и Придон смирялся, только сам с десятком героев выезжал далеко вперед, ввязывался в стычки, но это не остужало жар в крови и не утоляло ненасытный голод по Итании.

Рано утром он выехал, по обыкновению, впереди войска, возглас довольного Аснерда заставил оглянуться. Воинский стан снимался с мест, всадники лихо гарцевали, стягивались под значки своего отряда. Огромное поле, где ночью цвели огненные цветы костров, на короткое время показалось выжженной степью, а затем, когда развернули стяги, поле преобразилось, покрылось совсем другими цветами: утренними, чистыми, радостными.

Всадники стягивались в тугие компактные отряды по родам, роды группировались по племенам, везде реяли стяги с изображениями зверей, птиц, хищных рыб и даже могучих деревьев. Первой двинулась тысяча резвого Норника, его легкие, но хорошо вооруженные конники резво понеслись плотной массой, над ними реяли стяги, значки, сами всадники блестели под солнцем здоровой, обцелованной солнцем ко-

жей, вздымали к небу топоры и от избытка силы швыряли их вверх, ловили на скаку.

Тысячи Волина и Щецина двинулись, чуть поотстав, справа и слева от Норника. Они отличались только цветом стягов да конских попон, но все поле покрылось этими дивными цветами, мир стал цветным и радостным. За ними, отделенные небольшим интервалом, шли десять тысяч Краснотала, ударный отряд, вооруженный до зубов, составленный из рослых и уже побывавших не меньше чем в трех сражениях опытных бойцов. Они выступали под стягом летящего орла на красном полотнище, навершие шеста было увенчано сложной пирамидой из знаков и отличий всех кланов и родов, входящих в войско.

Они шли, разрушая дома в брошенных селах, где летучие отряды передового войска уже успели порубить всех, чтобы никто не успел подать весть противнику.

На третий день после странной и непонятной победы над ополчением Долонца на горизонте засверкали высокие золотые крыши града. День на редкость чистый, небо синее, солнце высвечивало все до мельчайших деталей, все увидели этот золотой блеск, в рядах грянули победные кличи.

Вяземайт выехал вперед, все видели, как он соскочил с коня и распростерся на земле. Он поцеловал ее трижды, встал на колени и, раскинув широко руки, объявил:

— Великие боги!.. Я приветствую вас на этой древней нашей земле, с которой нас в старые времена, преступно воспользовавшись нашей временной слабостью, изгнали проклятые и подлые куявы!.. Но теперь... мы вернулись!

По движению руки Придона вперед выехали запевалы, трубачи. Часто и громко загрохотали бубны, затрещало, засвистело, загрохотало, а запевалы грянули песню. Все войско подхватило в едином порыве.

Придон чувствовал, как волосы поднимаются по всему телу. Кожа пошла пупырышками. Ощущение было таким, словно он стоял перед огромным и всесильным богом и тот говорил с ним... Нет, это он сам стал богом, могучим и всесильным...

От песни сотрясалась земля, сжимался воздух и трепетало

небо. Войско двигалось, как наступающее море, Придон смотрел на их просветленные лица и понимал, что и он сейчас такой же, преображенный песней... Сейчас это даже не войско, это движется один человек, огромный, из десятков тысяч тел, с десятками тысяч голов... нет, это вообще одно существо с одним-единственным сердцем на всех и одной душой!

На безопасном расстоянии от ворот остановился гонец, протрубил в рог. С ворот прокричали:

— Говори, артанин!.. Слушаем.

Гонец прокричал сильным зычным голосом, стараясь, чтобы услышало как можно больше народу и передали другим:

— Великий тцар Артании Придон требует сдачи города! Если откроете врата, город и его жители будут пощажены. От вас потребуется только сто телег с зерном для наших коней.

С ворот глумливо закричали:

— Пусть ваш Придон перецелует наших ослов в зад, тогда посмотрим. Может быть, и откроем ворота... га-га-га! А может — и нет...

Гонец крикнул:

— Вы все слышали? Вы слышали, что сказал этот человек от имени города?

Прежний голос рявкнул:

— Дурак, я тебе не просто человек! Я — Бельмир, наместник всего этого края. Ты еще не знаешь, с кем имеешь дело, дурак.

Гонец крикнул:

— А ты не знаешь, с кем имеешь дело ты. Но — узнаешь.

Он торопливо повернул коня, ибо со стен в его сторону уже полетели стрелы.

В городе отыскались колдуны, что пробовали напускать туман, среди бела дня создавали ночь. Устрашенные артане оказывались под звездным небом, отовсюду дули холодные ветры. Волхвы артан были наготове, сразу же появлялись огневушки, огневики и даже огневолоты, рассеивали туман, ночь превращали в день и даже огненным валом обрушивались в стены и ворота, пугая защитников.

Огромная армия артан, как и предполагал наместник, об-

текла город с обеих сторон и устремилась дальше. Но, чего он не ожидал, часть войска осталась. И с этой частью остался многочисленный обоз с множеством катапульт, баллист, стенобитных орудий.

Два дня катапульты швыряли через стену раскаленные камни, горшки с горящей смолой. Город охватили пожары, а когда стенобитные машины подступили к стенам, обезумевшая толпа горожан смяла стражу и распахнула ворота. Артане ворвались, как колонна хищных муравьев, что спешат разграбить захваченное гнездо.

Придон двигался во главе наступающих войск, но, когда догнало известие, что город взят, он с двумя десятками телохранителей на самых быстрых конях вернулся, это же первый куявский город, что он взял, это вообще чуть ли не единственный город, что захватили артане, ведь раньше не связывались с трусами, что прячутся за высокими стенами.

Рядом на вороном коне мчался Олекса, суровый, собранный, глаза счастливо блестели. На Придона посматривал с обожанием, ведь Куявия потрясена таким ударом, а это ей и за гибель Тура... ну и что, если там были дивы, все равно проклятые куявы стоят за всем злом на белом свете! Убей куява — уменьши зло в мире.

— Что будешь делать? — прокричал он на скаку.

— Наместника — распять на воротах, — ответил Придон злобно. — Остальных... пусть живут. Запомнят и другим скажут, что они болтали дурными языками.

Олекса свирепо расхохотался:

— А не заставить ли наместника сперва перецеловать в зад всех ослов в его городе?

Придон отмахнулся:

— Мы не куявы. Распять — и все. На воротах, чтобы видели.

Кони выметнулись на вершину холма, дорога пошла вниз, а захваченный город был как на ладони. Над ним еще поднимались дымы, но пожары уже стихли. Олекса умолк, город выглядит не просто захваченным. Он выглядит так, как должен выглядеть город, захваченный... артанами.

На городских воротах висел распятый мужчина. Одежда на нем сорвана, ступни почернели и обуглились, по всему те-

лу чернеют пятна от жутких ожогов. В низу живота широкая рана, оттуда пытаются протиснуться сизые внутренности. С правой ноги начинали снимать кожу, но терпения не хватило, бросили, свисающие окровавленные лоскуты облепили жирные зеленые мухи.

Он был еще жив, набрякшие веки поднялись, мутным взором уставился на въезжающих в его город всадников. Он силился что-то сказать, но почерневшие губы едва шевельнулись. Придон взглянул враждебно, но поверженный враг — уже не враг, и все проехали через проем, не сказав ни слова.

Конь рвался пойти вскачь, Придон натянул повод и послал вперед осторожным шагом. Дома зияют выбитыми окнами, двери выломаны всюду, улицы завалены порубленными резными столами, стульями, остатками шкафов, картин, разных непонятных предметов, явно дорогих, роскошных. Почти у каждого дома на карнизах висят повешенные. В основном мужчины, а женщины с сорванной одеждой лежат у дверей домов, где их насиловали, затем убивали.

На площадях костры, ликующие артане в больших котлах на железных треногах готовят еду. В огонь бросали все, что могло гореть: от отломков драгоценной мебели до женской одежды. Победители, сидя у костров, пили и орали песни. Рядом лежали трупы женщин, что умерли за ночь. Тех, кто еще не умер, заставляли плясать голыми у костра, прижигали головнями.

Вдоль стен ужасными пирамидками истекали кровью головы отрубленных защитников города. Самую большую пирамиду, в рост человека, он увидел возле выбитых ворот городской стены. Над нею роем вились крупные зеленые мухи. Кровь на земле собралась в коричневые корочки, те хрустели под подошвами и рассыпались в пыль, почти неотличимую от городской пыли.

Олекса покосился на Придона, тот едет с застывшим лицом, сказал осторожно:

— Они сами напросились.

Придон промолчал, взгляд поверх руин уходил вдаль.

— Им же предлагали сдать город, — продолжил Олекса зло. — Никто бы их не тронул!.. Это их вина.

Придон промолчал снова. Чернели руины, от них шел жар, накаленные в пожаре камни потрескивали, возвращаясь к прежнему виду. Серый пепел взлетал из-под ног, сильный запах гари забивал дыхание. Кое-где поднимались сизые струйки дыма, а среди крупных головешек еще прятались багровые угли.

На восточную часть города, где много свободного места, согнали всех, кого не зарезали, а дальше дорогу углом преграждает стена. Охраняли их артане, ибо местная чернь уже пыталась перебить или хотя бы поглумиться всласть, орала и требовала выдать кровопийц, что заставляли их работать...

Среди согнанных выделялись куявы из числа знатных, за которых можно бы получить выкуп или продать вантийцам. Придон оглядел их хмуро, куявы завидели его издали, жалобно кричали, обещали сейчас же послать за богатым откупом.

Олекса спросил с надеждой:

— За хороший выкуп отпустим?

Придон помедлил, голос прозвучал странно:

— Зачем нам выкуп?.. Разве мы пришли за такой мелочью?..

Олекса сглотнул ком в горле, спросил тихо:

— Так что же... перебить их сразу?

Придон отмахнулся:

— Можно и перебить. Хотя... зачем? Пусть идут себе. Передай, что я велю отпустить. Не понял еще?.. Олекса, мы пришли, чтобы взять Итанию. Куда бы эти ни убежали, всюду прогремят копыта наших коней. И всюду падут стены, а ворота распахнутся.

Одер сам обошел выставленные вперед посты, наказал двоих, что недостаточно расторопно выскочили из тайных укрытий. Воины, судя по их лицам и здоровому смеху, артан не страшатся, в бой вступят с легким сердцем. У него настоящее войско, а не наспех набранная толпа Долонца.

Артан, судя по слухам, вторглось в пределы Куявии видимо-невидимо. Но в то же время понятно, что войска артан будут неминуемо разгромлены. Если не в первом, так во втором бою. Если не в бою, то в битве. Артане хороши в лихих нале-

тах, но потрясти Куявию никакое войско дикарей с топорами не в силах. Уже не раз артане вторгались в пределы Куявии, всякий раз забывая полученные жестокие уроки. Впрочем, в этой дикой стране, где нет грамотных, память о страшных поражениях улетучивается тут же, а вот о победах сочиняют песни, поют всюду, и подрастающим артанам кажется, что вся история Артании из одних побед!

Никогда еще артане не подступали к стенам Куябы. Никогда жителям столицы не приходилось со стен смотреть на артанское войско. Всегда, всегда врага разбивали задолго до подступов к столице. Никогда не давали углубиться в просторы Куявии...

В ее истории многие полководцы останавливали артан, громили их нестройные орды, гнали до самой пограничной реки, а то и углублялись в пугающие просторами степи. На этот раз к славному перечню имен победителей добавится его имя. Имя князя Одера, у которого есть все: обширные земли, множество городов и сел, свой порт и три десятка больших кораблей, не считая сотен малых, своя армия и свой прапор... но все еще не было больших побед. Он знал, что силен как полководец, его отряды успешно выдерживали натиск и артан, и славов, и вантийцев, но пока еще не было большой победы.

— А сейчас будет не просто победа, — пробормотал он. — Будет разгром!.. Который в Куябе заметят...

За ним неотступно ходили военачальники, умелые и закаленные на кордоне, он их держал при себе, вызывая нарекания знатных беров, что хотели бы пристроить сыновей повыше, дать им в управление большие массы войск. Тихонько приблизился Вишап, красивый и очень изнеженный берич, в котором Одер, однако, заметил признаки будущего умелого военачальника.

— Простите. — сказал он тихонько, — что прерываю ход ваших мыслей... но река начинает мелеть, в одном месте намечается брод. Я прошу вашего позволения перебросить туда часть панцирной конницы.

Одер кивнул:

— Толково. И на всякий случай там можно углубить дно. А на берегу напротив брода поставить ямы-ловушки.

— Будет сделано, — ответил Вишап.

Он отстал, спустя минуту Одер услышал частый стук копыт. В куявской армии, продолжал размышлять Одер, около пяти тысяч конницы. О ратных частях с такой же точностью не скажешь, немалая часть войска двигается еще далеко, отстав, но эти пять тысяч — из тяжеловооруженных воинов. Они с головы до ног закованы в доспехи, те не пробить легкими артанскими стрелами. Да и кони закрыты попонами с головы до хвоста, только для глаз пара дыр, такие попоны стрела не пробьет, вязнет.

Так что, чем кончится битва, непонятно. Иногда одного удара тяжеловооруженной конницы бывало достаточно, чтобы разбить легкое войско артан. Правда, артане от преследования уходят легко, но если гнать и гнать, не давать собираться в большие отряды, то таким образом удавалось рассеять начинающееся вторжение.

Он сам помнил, что, когда задрались со славами, Мельник, бер Нижнего края, всего с двумя тысячами конницы смял и растоптал могучее десятитысячное войско славов. Тогда позади шло основное войско славов, числом больше сорока тысяч, но бегущие едва не смяли их, ошеломили паническими слухами, и, когда измученное и обескровленное войско бера Мельника показалось на горизонте, славы дрогнули и отошли за пограничную реку.

Точно так же в Куявии помнили и славили Голоту и Сиромаху, они с пяти- и семитысячным войском сумели остановить один — двадцатитысячное войско вантийцев, а второй разгромил восемнадцать тысяч артан и гнал их, устилая степь трупами, до кордонной реки, а потом с разбегу одолел ее и продолжал избиение артан уже на их землях.

Перед возвращением в свои горы зашел Иггельд. Он бы уже улетел, но его задержал Антланец, родня — пятая вода на киселе, но упорно звал Иггельда племянником, а тот его вежливо — дядей, хотя, на взгляд Одера, родством и не пахло. Антланец велел кормить дракона как на убой, тот все жрал и

жрал, Иггельд вынужденно снова пришел к Антланцу, а к тому заглянул сам всесильный Одер.

Одер, всесильный и знатнейший, прекрасно понимал, кого нужно вызывать к себе, а к кому лучше заходить самому, демонстрируя расположение и привязанность. Антланец вообще-то мог бы и не идти на защиту Куявии: его земли далеко, высоко в горах, туда артане никогда не доберутся, а этот Иггельд вроде бы вообще и не куяв по сути, так как сам отыскал незанятые земли, то есть ничьи, поселился, а потом еще и приютил у себя таких же полусумасшедших, полунищих, полуодержимых.

Антланец оказался в его войске лишь потому, что возвращался из Артании, где гостил у какой-то дальней родни, но все-таки он куяв и при первых признаках вторжения тут же остановил свою малую дружину и влил ее в войско Одера. Одер это ценил, всячески подчеркивал поступок горного вождя, ставил в пример, стыдил тех, кто даже на захваченных артанами землях не оказывал сопротивления.

Антланец и его племянник поднялись навстречу командующему, тот милостиво усадил их за стол, сам с наслаждением снял плащ и принял из рук оруженосца чашу с вином.

— Что известно про артан?

Антланец и Иггельд переглянулись, Антланец ответил:

— Мой племяш еще не взлетал, но и того, что видел, немало... Да и вести, что с гонцами или от чародеев, все подтверждают. Кое-что противоречит одно другому, но одно совершенно ясно: худо Куявии, и с каждым днем все хуже. За конницей артан в наши пределы уже вступили их обозы. Виданное ли дело, чтобы артане таскали за собой телеги?.. В тех обозах есть все, чтобы на местах строить осадные башни, тараны, стенобитные машины. Канск уже захвачен, Щелепа сдалась без боя, Гдыню артане захватили за пару стычек, сейчас артане уже под Уманью.

Одер нахмурился, чаша в руках вздрогнула так, что на стол упала капля красного вина.

— Оттуда же до Куябы рукой подать?

Антланец сказал раздраженно:

— Не хочется в это верить, но, говорят, Тулей не надеется Куябу удержать, потому ночью тайком бежал под защиту гор.

Иггельд ахнул:

— Как же так? Куябу защищает башня чародеев!

— Две, — обронил Одер.

— Что?

— Говорю, давно вы, юноша, не были в Куябе. Ее защищают две башни. Обе стоят так, что перекрывают даже дальние подходы к городу.

Антланец сказал с недоумением:

— Так чего ж Тулей усомнился в них? Вообще-то Тулей не был страхополохом.

Одер сказал медленно:

— Думаю, что слухи о бегстве Тулея — всего лишь слухи...

— Думаете, артане?

— Нет, — ответил Одер, — не артане...

— Почему?

— Артане... скажем так, народ честный и простодушный. Они просто не додумаются до такой военной хитрости. К тому же она им покажется скорее подлостью... Да, подлостью, что унижает их самих. Полагаю, это кто-то из могучих противников Тулея старается его опорочить. Тулей давно не блистал на поле брани, вот его и топчут заранее, чтобы утвердить и возвысить себя.

Антланец взглянул остро, ощутил в тоне Одера невольное злорадство, сказал угрюмо:

— Вообще-то башни не так уж и... несокрушимы. Тулей это знает. Они хороши для защиты от малых отрядов, ибо чародей одним ударом убивает по десятку человек! Пусть даже по сотне. Три-пять таких ударов — и даже большого отряда нет. Если так по стотысячному куявскому войску, тут же разбегутся: а вдруг, мол, в следующий раз в меня? Но артане прут такой массой, что всех не перебьешь, а смерти не страшатся, это же артане! Даже если чародей успеет сжечь тысячу человек, остальные ворвутся в его башню и сбросят под топоры тех, кто жаждет отомстить за павших... Тулей это прекрасно понимает.

Иггельд спросил недоверчиво:

— А если в самом деле убежал, то куда?

— К нам, в горы. Там башен больше. А самое главное, дорога наверх трудная. Чародей может вот так по десятку все войско перебить! Там массой не налетишь... Кроме того, это только слухи, что Тулей сбежал. Может быть, и не сбежал.

Иггельд задумался, сказал убежденно:

— Не поверю, что это артане распустили такой слух. Мне Придон понравился. Да и Аснерд с Вяземайтом...

Одер откинулся на спинку кресла, глаза не отрывались от молодого наездника драконов.

— Юноша, вы меня все больше удивляете... Вы знакомы с Придоном? И самым лучшим полководцем — Аснердом? И с Вяземайтом, о котором столько страшных слухов?

— Да, — ответил Иггельд простодушно. Щеки его окрасились румянцем. — Но это не моя заслуга... так случилось.

Одер некоторое время рассматривал его пристально, потом вздохнул, лицо разом постарело, огонь в глазах угас.

— Да, — сказал он, — главная беда в том, что такие слухи распространяют вовсе не артане. Для них такие интриги — слишком сложно. Это не для их простых, как у их коней, мозгов. Хотя, конечно, ссылаются на свою честность и нелукавство. Это кричат наши удальцы на всех перекрестках, чтобы оправдать свою трусость и предательство, чтобы опорочить центральную власть. А это гораздо хуже, чем вторжение еще двух таких артанских армий!

Антланец сочувствующе смолчал. Он сам из таких, что признает власть Тулея только из вежливости. И потому ему все равно, что там творится внизу на равнинах. А равнинным господарям, могучим князьям и наместникам земель, власть Тулея хуже, чем кость в горле.

ГЛАВА 14

С запада небо начали затягивать тучи. Вяземайт зарезал барана, советуясь с богами, потемнел лицом. Велел своим помощникам принести в жертву двух-трех куявов познатнее, чтобы перепроверить волю богов, а сам поспешил к Придону.

— С завтрашнего дня пойдут дожди, — сказал он торопли-

во. — На неделю, а то и больше!.. Если сейчас не перейти реку, утопим половину войска. Люди падут духом.

Придон кивком подозвал Аснерда. Тот придвинулся, огромный и спокойный, только пальцы задумчиво скребли щетину на массивном подбородке.

— Аснерд, раздели войско. На три части. Одну ночью отправь вверх по течению, другую вниз. Поставь одной командовать Щецина, другой... лучше сам поведи, это очень важно! Костры пусть горят, чтобы Одер ничего не заподозрил. Я буду все время делать вид, что начинаю переправу. Поторопись, надо успеть до начала дождей.

Аснерд коротко обнял, исчез с поистине медвежьей грацией: был — и нет. Кто думает, что медведь двигается медленно, жестоко ошибается. А то и смертельно.

Дождь полил холодный, еще весенний, чуть ли не со снегом, короткие летние ливни пойдут позже, небо затянуло без малейшего просвета, сразу стало грязно, гнетуще, сумрачно, хотелось забиться в нору и дожидаться солнечных дней. Трава мокро блестела потемневшими листьями, подрагивала от холода и пугливо кланялась каждой капле, мелкой, жидкой, но их сыпало с неба во множестве. Мир стал серым, все приходилось видеть как сквозь тонкую грязную кисею.

Люди, что раньше охотно выскакивали под тугие струи дождя и прыгали в восторге, сейчас угрюмо выглядывали из шатров и шалашей, многие укрылись в ближайшей роще под раскидистыми во все стороны густыми ветвями. Земля под деревьями сухая, но воздух все равно влажный, тоскливый.

Дождь не шумел, не стучал каплями, как положено дождю, а сеялся тихо и неслышно, но так часто, что весь воздух был дождем. А люди плавали в нем, как рыбы. И, как рыбы, забивались в шалашики и впадали в тягостную вялую дремоту.

Войско артан, заметил Одер, продолжало накапливаться на том берегу. Всадники одного из самых нетерпеливых отрядов, явно стремясь блеснуть удалью, попытались первыми проскочить на противоположный берег. Лучники открыли бестолковую стрельбу, один из артан зашатался в седле, у других кричали раненые кони, вставали на дыбы, двое даже

рухнули, как башни, бешено бурлила вода вокруг блестящих, как у больших рыб, тел.

Артане выбрались обратно, раненого подхватили с двух сторон, даже раненые кони сумели подняться и дикими прыжками понеслись вслед за хозяевами.

Одер, укрывшись под широким плащом с низко надвинутым капюшоном, раздраженно следил за рекой. Подошел Антланец, короткая рубашка без рукавов промокла и не скрывает могучие пластины груди, мокрые плечи блестят, как спины буйволов. Он был так огромен, что Одер с трудом удержался от желания отодвинуться.

Одер прорычал в сильнейшем раздражении:

— Что за идиоты, не могли подпустить ближе? Это же еще не все войско, это просто такие же непослушные дураки!

— Зато удаль, — заметил Антланец. — Для них это очень важно, показаться всем.

— Показать дурость?

— Артанскость, — пояснил Антланец. — У вас... простите, у нас важно одно, у артан — другое.

Одер покосился на гиганта с подозрением. Тот стоял по-артански: выпрямившись, хотя люди его роста обычно горбятся, живот подобран, взор ясен, на дождь обращает не больше внимания, чем на мух в Куябе, струи воды бьют по голове, стекают по мокрым волосам и лицу, но он же мужчина, на такие мелочи не поведет даже бровью...

— Вы о чем?

— Артане стремятся показать себя, — ответил Антланец любезно, это было похоже, как если бы огромный медведь попытался стать любезным. — Они смертельно страшатся уронить лицо, что куявам непонятно. Это же ваше... гм, наше куявское: стыд не дым — глаза не выест, спина от поклона не переломится... и все такое, а вот артане... Смотрите, смотрите!

Еще несколько всадников безрассудно ринулись в воду. На них посыпался град стрел, артане принимали их на щиты, у самого отважного, что выдвинулся дальше всех, щит стал похож на спину ежа, щедро утыканную иголками. Умело работая поводом и шпорами, он заставил коня пятиться по воде до тех пор, пока не оказался за спинами товарищей, там по-

вернул коня и с гиком вынесся на берег. Его приветствовали радостными криками. Он привставал на стременах и всем показывал щит, который и не рассмотреть из-за множества опереннных стрел.

Антланец кивнул:

— Видите? Можете себе представить, чтобы куяв вот так играл со смертью, а потом еще и похвалялся?

— У нас бы такого дурака заплевали, — ответил Одер с отвращением. — Ни одна дура не пойдет за такого замуж!.. Эй, Збиранько!.. Выставь копейщиков у самой воды, а за их спинами расположи лучников.

Збиранько, подтянутый молодцеватый военачальник, что ходил следом и преданно заглядывал Одеру в лицо, со всех ног бросился выполнять приказ.

Дождь не дождь, а может, и благодаря дождю артане время от времени делали попытки переправиться малыми силами: возможно, рассчитывали, что куявы забьются в норы, пережидая непогоду и надеясь, что артане тоже спят.

Но как только хоть малый отряд пытался войти в воду, с этого берега взвивался целый рой стрел. Река в этом месте разлилась широко, что позволяло переправиться, едва ли замочив брюхо, только в одном месте пришлось бы плыть вместе с конями.

Артане заменили небольшие круглые щиты, что обычно у них за спиной, на огромные, вытянутые, похожие на двери, с ними беспрепятственно подбирались почти до берега, но там ждали копейщики, самые страшные враги всадников, и артане вынужденно отступали.

Лучники мстительно выпускали рой стрел вдогонку, метя в незащищенные спины, артане пытались укрываться и за такими щитами, однако из сотен стрел две-три находили уязвимые места, бывали случаи, когда артане падали с седел, их тела уносила вода.

Река, получив массу воды из множества вздувшихся ручьев, превратилась в стремительного зверя, что нес в себе вырванные с корнем кусты, подмытые на крутом берегу деревья, хворост, палки, даже остатки изгороди.

Ночью дождь сеялся все так же и все такой же, утро насту-

пило серое, слякотное. Река вздулась, пошла вширь, грозя вообще выйти из берегов. Переправляться становилось все труднее, конные удальцы только входили в воду, и уже кони едва удерживались на ногах. Противоположный берег тонул в серой пелене.

Антланец покачивал головой, артане теряют время, река становится все непроходимее с каждым часом. Одер довольно потирал руки, заявил с удовольствием:

— Вот теперь пусть переправляются!.. Треть унесет река. Треть погибнет под стрелами, а оставшихся перебьют без потерь копейщики!

Антланец ответить не успел, в шатер ворвался запыхавшийся воин, вода с него стекала ручьем, на сапогах повисли жирные лохмотья грязи. Одер вскипел, как посмел грязными сапожищами на его роскошные чистые ковры, а воин прохрипел:

— Срочно!.. Збиранько сообщает, что артане переправились выше по течению!..

Одер опешил, сказал невольно:

— Но там князь Ежеван...

— Ежеван разгромлен, артане идут сюда! Передовые отряды все сбиты.

Антланец перевел дыхание. Этого и следовало ожидать, артане при всей храбрости все же не последние идиоты. Здесь только имитировали переправу, даже подготовку к переправе...

— Голову даю на отрез, — сказал он, — что и ниже по течению они переправились тоже. Так, на всякий случай! Вдруг вверху не получилось бы.

Одер взглянул остро, велел гонцу:

— Иди отдыхай. И кликни моих слуг.

Антланец как в воду смотрел: к середине дня пришли новости, что и ниже по течению артане нашли переправу, уже на этой стороне, и пытаются окружить куявское войско.

Одер, обеспокоенный, но без паники, быстро отвел все огромное войско от реки, перестроил. Артане перехитрили, но этого следовало ожидать, не может река удержать артан на всем протяжении. Вот теперь скоро решится, смогут ли удер-

жать артане удар панцирной конницы. Нет, не так: долго ли смогут выдерживать ее натиск до того, как побегут?

Небо все такое же серое, земля раскисла, дождь сеется отвратительно мелкий, настолько мелкий, что зависает в воздухе, второй день люди не могут разжечь костры под открытым небом, а чтобы принести жертвы, пришлось срубить из деревьев и накрыть ветками огромный навес. По лагерю потекли густые струи благовоний, воины вдыхали и чувствовали, как уходит страх перед ужасными артанами, а предстоящая битва начинала казаться таким же простым делом, как посещение базара.

Одер предупредил одного из жрецов:

— Не переборщи!.. Мне не надо, чтобы они встретили артан с улыбками.

— Нет, мы просто убираем страх...

— Мне надо, — сказал Одер, — чтобы мои люди дрались! А будут драться от страха или от радости — мне все равно.

Жрец ушел, низко кланяясь, Одер со злостью швырнул ему вслед кубок с недопитым вином. Сильные колдуны по городам, сильнейшие — в Куябе. А в войска присылают либо учеников, либо шарлатанов.

На сером небе наметился просвет, дождь на пару часов прекратился, потом наверху образовались отдельные тучи, хороший признак, однако тучи укрупнились, сползлись и закрыли небо в три слоя. Воздух стал еще плотнее, скачущие кони едва не взлетали с разбега, тучи набухли, потяжелели. Небо, и без того свинцово-серое, потемнело, опустилось к земле. Снова посыпался мелкий гадостный дождь, перешел в крупный. Летом дожди короткие, не дожди, а ливни, но сейчас настоящий затяжной дождь. Вяземайт вознес благодарственную жертву богам, ибо основное войско куявов под командованием Дуная-богатыря еще не сдвинулось с места, а достаточно сильное войско под началом осторожного Одера ударить в одиночку не решится.

— Боги на нашей стороне, — сообщил он возбужденно. — Пока Дунай подойдет, здесь уже все размокнет. А когда они

сойдутся, это дня через два, то нам панцирная конница не страшна!

— Почему?

— Дождь продлится еще дня три-четыре!

— Прекрасно, — сказал Придон мрачно. — Пусть эти трусы в тяжелых доспехах тонут в грязи. И станут мишенями для наших стрел!

— Хвала богам!

— Да, куявские боги тоже признали нашу правоту...

Угольно-черные тучи опустились к земле, задевали раздутыми животами верхушки деревьев. Мелкий гадкий дождик давно превратился в ливень. Среди бела дня потемнело так, что в шатрах пришлось зажечь светильники. Дождь лил сильный, упорный, в тучах ни просвета. Придон с тайной радостью видел, что это надолго, а раз так, то легкая конница артан хоть и замедлится в скачке, но останется маневренной, зато тяжеловооруженные воины куявов завязнут.

Последние отряды артан переправились через реку уже здесь, на главном направлении, благо куявы отступили. Самые горячие не возжелали находиться позади всего войска, самовольно выезжали вперед, проносились перед железным строем куявов, предлагая поединки. Ни один куяв не сдвинулся с места, не принял вызов. Артане нагло хохотали, подбрасывали вверх топоры и кричали, что сегодня же возьмут Куябу, их жирных жен и толстых дочерей, будут держать их вместе со скотом.

Куявы мрачнели, сопели зло, но никто не покидал строя. Наконец Одер велел и здесь за выдвинутыми вперед копейщиками расположить лучников. Те сразу же выпустили с полсотни стрел, пятеро артан остались на поле, а кони примчались обратно с опустевшими седлами.

Наконец дождь прекратился, небо посветлело, хотя оставалось затянуто тучами. Да и тучи постепенно редели, обещая вскоре очистить синее небо. Войско куявов снова построилось по зову трубы, но Придон сразу обратил внимание, что воды на поверхности нет, впиталась вся. Это значит, земля размокла и в глубину, что хорошо для урожая, но губительно для тяжелых телег и тяжеловооруженной конницы. Вообще

все кони у куявов негодные для быстрого бега, для скачки. Это тяжелые могучие животные с толстыми ногами и бычьими шеями, с легкостью несут на себе закованного в железо человека, но вскачь идут очень неохотно и скоро выдыхаются. Неважно, со всадником на спине или без, они — серьезные кони, не кузнечики артан.

Для пробы Придон послал отряд легкой конницы прямо на укрепленный лагерь куявов. Тяжелая конница встретила их, не сдвинувшись с места. Артане метнули в них стрелы, кто-то пожертвовал топором, причем настолько удачно, что один из куявов содрогнулся всем телом и повалился лицом на конскую шею, укрытую попоной.

Жестокая улыбка тронула губы Придона.

— Они почти не могут передвигаться, — обронил он. — Вся их сила в стремительном ударе!.. В силе разгона этой бронированной лавины...

— Полагаешь, — сказал Аснерд полуутвердительно, — настал наш час?

— Сам видишь, зачем спрашиваешь... Или все проверяешь?

— Да не совсем, — ответил Аснерд с двусмысленной усмешкой.

Придон взял в руки топор, взгляд был устремлен на красиво и правильно устроенный лагерь куявов.

— Теперь я поведу моих воинов.

— Вождь должен руководить с холма...

— Да, — прервал Придон. — Ты прав. Но бой будет коротким. Ничего неожиданного не случится!

Громко и устрашающе запели медные трубы. Клич их был настолько пронзителен, что на время заглушил все звуки, доносящиеся из обоих лагерей. В лагере куявов показались синие фигуры людей в остроконечных колпаках. Маги встали в одну шеренгу с конными.

Содрогаясь, Придон смотрел на длинные ледяные стрелы, что выстреливались из их ладоней. Они устремлялись навстречу скачущим артанам, там слышался протяжный звон, сухой треск, взлетали бледные осколки, слышались отчаян-

ные крики и дикое ржание обезумевших от боли коней. Ледяные стрелы пропахивали широкие борозды, успевая унести по семь-десять всадников, прежде чем рассыпались на осколки.

Маги бросали и бросали стрелы, Придон все настегивал коня, стремясь успеть поскорее на это страшное поле, где гибнут его воины. Но стрелы становились все короче, а из магов то один, то другой отступали в изнеможении. Конница же артан неслась в едином порыве, наконец донесся страшный удар, лязг, грохот.

Впечатление было такое, что артане натолкнулись на железную стену. Ряды куявов колыхнулись, но выстояли. Началась страшная бойня, где пешие куявы стояли сплошной стеной, загородившись щитами, второй ряд положил на их плечи копья и прицельно бил в обнаженные тела степняков, а третий ряд стоял во весь рост и, сомкнув щиты, защищал их от стрел и бросков топора.

В это же время один молодой вождь по имени Перекатиполе собрал в одно стадо весь скот, что гнали за артанским войском, затем по его сигналу погонщики набросились на животных с горящими головнями, диким криком, нещадно стегали кнутами. Быки и коровы в животном страхе бросились бежать, за ними мчались на конях, не давали остановиться, прижигали горящими факелами. Обезумевший от ужаса скот все ускорял бег, наконец страшной тяжелой массой ударил в левую сторону куявского войска.

Там стояли пять тысяч тяжеловооруженных конников благородного бера Медвянко и три тысячи закованных в железо ратников обедневшего князя Гуданца. Они не успели ни расступиться, ни перестроиться, а ошалевшая от ужаса масса уже стоптала передние ряды, ломилась дальше, стараясь уйти, спастись от ужасной боли, от огня. Погонщики, разогнавшись вместе с ними, врывались следом, в руках вместо кнутов уже топоры, рубили смятых и растерянных.

Сын Жука вел свою тысячу к центру, но, завидя такой удобный случай, тут же повернул весь отряд и первым вломился вслед за погонщиками. Аснерд заскрежетал зубами при таком нарушении приказа, но отважный Сын Жука уже дорубился почти до середины панцирного войска, там мечется

обезумевший скот, ломая железный строй куявов, при котором они непобедимы...

— Щецин! — заорал Аснерд. — Подбрось этому мерзавцу еще пару тысяч!

Щецин воскликнул жарко:

— Что там пару тысяч! Я сам туда поведу.

Он в самом деле пронесся на коне перед своим десятитысячным отрядом, взмахнул топором, и они всей массой ударили в расколотое панцирное войско.

Куявы в центре оказались смяты взбесившимися быками и ворвавшимися отрядами Сына Жука, по краям еще держались, но артане уже окружили, расчленили на отряды и ударили со всей яростью, чувствуя победу. Бой шел по всему полю, земля чавкала и повисала на копытах пудами грязи, сражение растянулось от самой реки и до зеленых лугов, после этого ливня залитых водой так, что казались сплошным бескрайним озером.

Остатки разгромленной армии наконец-то обратились в бегство. Конь под Придоном храпел, ноги дрожали и разъезжались. Бока в мыле, с удил срываются желтые клочья пены. Придон повернулся, чтобы велеть подать ему свежего коня, но ярость боя уже испарялась, он ощутил усталость, ушибы, обнаружил кровоточащую рану на плече и еще одну на груди.

— Все-все, — сказал он почти виновато. — Обратно доберешься?

Конь тяжело повернулся и даже попробовал потрусить рысцой, потом вздохнул тяжело, сдался и перешел на шаг.

Тучи разошлись, в землю с шипением врезалось широкое острое лезвие небесного меча. Солнце выглянуло еще хмурое, но уже жаркое, тут же скрылось, но тучи истончались, светлый круг победно шел сквозь тучу, сжигая ее небесным огнем, а когда выглянуло снова, на небе быстро таяли остатки грязных лохматых облаков, серых, неопрятных, старающихся стать белыми барашками.

По бранному полю пронесся Вяземайт, руки вскинуты к небу, серебряные волосы развеваются по ветру.

— Боги! — услышал Придон зычный голос верховного

волхва. — Вы дали дождь, чтобы не дать куявам убежать от наших топоров... теперь дайте жаркое солнце! Чтобы мы догнали их в куявских гнездах!

Придон ощутил, как губы сами искривились в горькой усмешке. И без призыва к богам видно, что погода налаживается, наступят дни жаркого лета.

Донесся крик. Двое артан согнали в кучу пленных, троим набросили на шею петли и волокли к деревьям. Там уже висели, как переспелые тяжелые груши, с десяток повешенных. Десятник указал на другое дерево: тащите туда, а то здесь ветки обломите, дерево жалко.

Один с петлей на шее, завидев Придона, упал на колени и с криком протянул к нему дрожащие руки. Придон поморщился, эти трусы даже умереть достойно не могут, тронул коня, подъехал Аснерд, начал рассказывать, как проще всего захватывать мосты и переправы, пока подлые куявы не разрушили, а в спину донесся крик:

— Придон!.. Я потеряю всего лишь жизнь... но ты теряешь больше!

Придон насторожился, повернул коня. Пленных уже подогнали к дереву, один из всадников встал ногами на седло и быстро захлестывал веревки на толстых ветвях. Тот же пленник снова упал на колени и протянул руки к Придону.

— Говори, — велел Придон, — но только быстро.

— Придон, — воскликнул пленник, это был тощий и невзрачный человек, совсем непохожий на воина, — нет на свете куявской или артанской магии!.. Мы все едины... это как меч или топор, что в любой руке — меч и топор...

Придон отвернулся.

— Колдун? — спросил он у стражи. — Вешать!

Начал поворачивать коня, но пленник, видя неминуемую гибель, вскричал отчаянно:

— Я мог бы дать тебе возможность уже сегодня увидеть ту... из-за которой эта война!

Сердце Придона дрогнуло, застыло. С остановившимся дыханием он повернулся к пленнику. Его веревка уже закреплена, двое уже дергаются рядом, не доставая ногами до земли, артане вздергивают быстро, умело, без лишних движений,

колдуна начали поднимать, лицо посинело, но Придон сделал повелительный знак, тело колдуна упало на землю.

Он поспешно привстал на колени, прохрипел:

— Ты ее увидишь... сегодня...

— Развязать руки, — распорядился Придон. — Но учти, если соврал, чтобы продлить жизнь, ты прогадал. С тебя живого сдерут шкуру, а потом на кол... А там будешь корчиться очень долго.

Колдун побледнел, веревку на его руках разрезали, сказал дрогнувшим голосом:

— Я знаю, что я могу, а чего не могу.

К вечеру солнце стало огромным, пурпурным, но не багровым и сияло так ярко, что смотреть на умытый дождем круг было невозможно. Втрое ярче блистали браслеты, топоры, железные бляшки на конской сбруе, а металлические обручи на головах искрились, как раскаленное железо, выхваченное из горна.

Вяземайт, услышав, что Придон пощадил куявского колдуна, прибыл, с пристрастием осмотрел и допросил трепещущего пленника, сразу потерял интерес, а на вопросительный взгляд Придона лишь брезгливо отмахнулся:

— Слаб. Приставь к нему человека, чтобы не убежал. Бóльше ничем навредить не может.

— А колдовать? — спросил Придон в нетерпении.

Вяземайт сдвинул плечами.

— В Куявии много магов, потому они, чтобы не мешать друг другу, совершенствуются каждый в своем умении. Если этот умеет видеть... и даже показывать другим нечто очень дальнее, то уж ничего больше не умеет — это точно.

Придон повернýлся к пленнику:

— Как тебя зовут?

— Мирош, благородный повелитель...

— Вот что, Мирош. Ты знаешь, что я жажду увидеть. Требуй все, что нужно для такого колдовства. Но если не сумеешь сделать к вечеру, то... помнишь, что тебе обещано?

Мирош побледнел, вздрогнул, синие губы прошептали:

— Кожу с живого, смерть на колу...

— Медленная, — подчеркнул Придон. — Все, пошел!.. Не теряй времени.

Лишь за полночь Мирош высунулся из шатра, где колдовал под охраной, стражи тут же злорадно потянулись за топорами. Он пролепетал умоляюще:

— Скажите славному и великому повелителю, что я уже... приготовил нужный отвар и составил заклинание.

Придон, прервав воинское совещание, примчался, как жаркий ветер, остановил коня перед распахнутым пологом. Мирош отступил, суетливо поклонился.

— Великий господин... Все готово.

В огромной серебряной чаше колыхалось густое масло, как казалось Придону, хотя колдун уверял, что это совсем не масло. Был взвинчен, испуган, руки тряслись, однако слова выговаривал громко и четко. Придон выдворил охрану из шатра, Мирош указал ему на стул перед чашей.

— Когда я закончу... заклинание, — сказал он с запинкой, — там появится...

— Что?

Мирош поклонился.

— То, о чем будете напряженно думать.

Придон поспешно сел. От масла пахло рыбой, потом запах исчез или просто притерпелся. Голос колдуна звучал монотонно, будто дятел стучал в затылок железным клювом. Масло в чаше отблескивает, яркие язычки светильников бросают косые блики, перебегают, сливаются, расплываются, и в какой-то миг он уловил, что там что-то проступает, становится видимым ясно, четко. Так бывает на грани сна, когда еще не заснул, еще понимаешь, что лежишь, подогнув колени, но в то же время уже бредешь по дивному яркому миру...

Жар ударил в голову, в расширяющемся круге света проступили знакомые очертания покоев Итании. Ноздри затрепетали, почудилось, что улавливает тончайший аромат. Наклонился, всматриваясь, сразу начало расплываться, будто в тумане, отпрянул, медленно восстановилось, он начал твердить себе, что жаждет увидеть ее, самую красивую, самую необыкновенную, и почти сразу изображение сместилось, блес-

нуло синее небо, слева темнеет гранит стены, а справа выдвинулся туманный профиль, облекся четкостью.

Итания стояла на парапете и задумчиво смотрела вдаль. Лицо ее показалось Придону печальным, и пальцы сразу начали шарить нож на поясе: кто посмел? Кто осмелился ее обидеть, огорчить? Как мир еще не рухнул, почему все не бросаются исполнять ее желания?

— Итания... — прошептал он страстно, — Итания... именем твоим живу, именем твоим молюсь, именем твоим творю...

Он слышал за спиной учащенное дыхание колдуна, тот пытался всмотреться в то, что видит он, Придон, но Придон ревниво приподнял плечи.

Итания прерывисто вздохнула, Придон ухватился за сердце. Ее прекрасные глаза затуманила печаль, а щеки слегка побледнели.

— Итания, — прошептал он страстно, — скажи, шепни, подай знак!.. Никто не смеет огорчать тебя. Весь мир должен для тебя жить, работать, творить, существовать!

Она чуть вздрогнула, зябко поежилась. Он едва не сунулся лицом в масло в страстной жажде немедленно укрыть ее, уберечь от ветра. Удивительные глаза смотрели вдаль, в них появился влажный блеск, Придон заскрежетал зубами: дивные глаза наполняются слезами, а он, Придон, ничего не может сделать!

— Итания! — вскрикнул он. — Итания!.. Я иду к тебе!

Она снова вздрогнула, повела плечами, даже удивленно посмотрела по сторонам. Безумная мысль пронеслась через мозг Придона, как раскаленная добела стрела.

— Итания, ты слышишь меня?.. Это я, Придон. Я лечу к тебе на крыльях северного ветра. Я приду!.. Я возьму тебя с Куябой вместе!

ГЛАВА 15

Он не мог спать, не мог никого видеть, увиденное в колдовском тумане заставило гореть в подземном огне, он вскочил на коня, чтобы никто не видел его мук, отдохнувший

конь резко вынес в поле, пересек рощу, там наткнулись на немалый отряд схоронившихся куявов.

Не раздумывая, Придон стегнул коня и ринулся, как сокол на стаю уток. Он успел повергнуть на землю десятки фигур с блещущими в лунном свете шлемами, прежде чем куявы поняли, что он один. Кто-то закричал, призывая к сопротивлению, оставшиеся развернулись и дали бой. Он изрубил половину, прежде чем к нему подоспела сотня охраны.

Меклен, белый от ярости, прокричал, заикаясь, что потребует, да, потребует, чтобы у Придона отобрали этого коня, он самый быстрый в Артании, иначе с ним потеряют тцара и походного вождя.

Придон помалкивал, теплая струйка, в лунном свете совсем черная, обильно стекала по плечу. Рана не выглядела глубокой, но, когда двигал рукой, кровь не успевала загустеть и закрыть рану.

Когда вернулись к располагающемуся на долгий отдых войску, Вяземайт вместе с Аснердом и военачальниками выехал навстречу. Вяземайт на фоне черного звездного неба выглядел пугающе и величественно с его длинными серебряными волосами, что сияли нестерпимым колдовским блеском.

— Придон... — сказал он призрачным голосом. — Раны на тебе заживали мгновенно, когда ты был... другим.

Придон повернул коня и поехал рядом, за время ночного боя осунулся еще больше, из-под насупленных бровей блеснул недобрый взгляд.

— А сейчас я какой?

— Другой, — ответил Вяземайт. Ехал, глядя перед собой, пояснил нехотя: — Все меняются, Придон. Кто-то сильно, кто-то слабо.

— Ну и что?

— До утра, — сказал Вяземайт резче, — можешь истечь кровью, вот что!

Придон чувствовал, как подергивается лицо, отвык от болезненных ран помимо той, что на спине. Слушал краем уха, а то и не слушал, прервал раздраженно:

— Все не так, Вяземайт.

— А как? — спросил Вяземайт саркастически.

— Гораздо хуже, — отрубил Придон. — Вот смотри, эту царапину, даже не рану, мне нанесли позавчера!.. И все еще не зажила.

Аснерд насторожился, подал коня ближе, рука властно развернула Придона к себе спиной. Похоже, кто-то метнул вдогонку дротик. Явно из куявских героев, простой воин не прошибет простым дротиком дубленую шкура артанина. Он вчера сам видел эту царапину, в полночь от нее должен был остаться крохотный шрамик, а к утру вообще на том месте наросла бы чистая молодая кожа. Однако же сейчас там все такая же ранка!

Он повернулся в седле, молодой лекарь, его помощник, подъехал, вытащил из мешка и бережно приложил к ранке целебные травы. Придон болезненно дернулся. Вяземайт покачал головой, в глазах верховного волхва появилась печаль.

— Терпи, Придон. Теперь ты — человек.

Они въехали в лагерь, спешились, стражи приподняли перед ними полог шатра. Вяземайт вошел за Придоном следом, Аснерд и военачальники остались, бурно обсуждая победную битву.

Придон снял через голову перевязь с топором, швырнул в угол. Ноги подкосились, он тяжело рухнул навзничь на ложе из шкур, разбросал руки. Темные глаза сурово смотрели на волхва.

— Я человек?.. Ах какая это для меня новость! Ты лучше скажи, почему эти чертовы раны не затянулись в полночь, как было раньше?.. Нет, я не про ту рану, что на спине. То... моя рана. В сердце она еще больше. Я говорю про эти, что на плече, и вот эта царапина на груди.

Вяземайт запнулся, он привык к плавному течению мысли, к ее глубине, к множеству потоков, что пересекаются, создают дивные течения, неожиданно вымывают со дна золотые самородки, а грубая манера военачальников всегда вторгалась неожиданно, ломала, приходилось барахтаться среди обломков, стараясь понять, что же он строил новое и прекрасное.

— Я уже сказал, — ответил он невесело. — Знаешь ведь, что в небесном чертоге, куда попадают все герои, павшие на

поле боя с оружием в руках, они веселятся, сражаются, а ровно в полночь раны заживают. Ты был одним из них, хотя и жил среди нас... Но теперь ты, увы, стал простым смертным.

Брови Придона грозно сошлись на переносице.

— Как это?

Рык его был подобен льву. Вяземайт с преувеличенным смирением поклонился.

— Не гневайся, светлый тцар. Это я, Вяземайт, а не Тулей. Позволь напомнить тебе одно дело старых дней. Когда-то высший бог, чье имя и называть нельзя, сотворив мир, землю и людей, решил удалиться от дел и потому разделил весь белый свет между самими людьми, чтобы управлялись сами. Ну, сам понимаешь, что одни ухватили власть и стали тцарами, другие взяли леса и превратились в охотников, третьи возжелали пашни и зажили простой и светлой жизнью землепашцев... Купцы взяли дороги, воины — оружие, моряки — реки и моря... Словом, разобрали все, а когда все разошлись, пришел певец. Бог рассердился: а где был ты, песни которого даже меня бросают то в жар, то в холод, заставляют плакать или смеяться? Я слагал песни, отвечал певец, а про дележ забыл, прости... Тебе ж ничего не осталось, отвечает бог, что ты за ворона?.. Певец повесил голову, снова ему оставаться ни с чем... И тогда бог говорит: даже я не могу совершенное повернуть вспять. Все, что разобрано, — разобрано. Тебе, певцу, не осталось ничего в мире и отныне не будет принадлежать. Но я для тебя открою небеса, ты будешь приходить в высший мир, как к себе домой, когда возжелаешь.

Он умолк. Придон ждал продолжения, но Вяземайт молчал. Вошел младший волхв, осторожно начал отдирать старую повязку. Кровь засохла, прикипела к телу, но дальше текла сукровица, а сама позавчерашняя рана стала красной, начала воспаляться.

— И что же? — спросил Придон нетерпеливо.

— Сейчас тебе промоют рану, — ответил Вяземайт. — Величко, не забудь про целебные листья.

Придон рыкнул:

— Да не о ране я!

— Да? — переспросил Вяземайт. — Тогда что еще? Я, мне кажется, сказал все!

— Тогда я не понял, — сказал Придон с тоской и злостью. — При чем здесь небеса, песни, раздел мира?.. Я не мог сомкнуть глаз всю ночь. Эта царапина ныла, как будто пилили тупым ножом!

Вяземайт сам взял из рук помощника листья, растер в ладонях, приложил кашицу к ране. Придон вздохнул, зеленая жижа сразу начала вбирать боль, а жар как будто начал затихать.

— Зря ты не понял, — ответил Вяземайт с печалью. — Ведь ты раньше ходил по небесам...

— Брось, — ответил Придон с досадой. — Что мне раньше... Я веду огромное войско на Куявию, я возьму Куябу, я возьму Итанию, вот что сейчас важно!

Вяземайт кивнул, подумал, кивнул снова:

— Да, это важнее. Но верно и то, что ты в самом деле ходил по небесам, был вхож к богам, когда... когда еще не был тцаром.

Придон отмахнулся:

— Это время я уже не помню.

— Да, время для тебя тянется, понимаю. Ты не забыл еще, что это ты слагал песни? В то время ты бродил по небесам, как вот сейчас по своему воинскому лагерю. Ты был равен богам во всем... а в чем-то и выше. А вернувшись на землю, ты сохранял часть божественной мощи. Потому твои раны в полночь заживали.

Придон слушал молча, темные глаза мерцали, как темный уголь под лучами солнца. Потом огоньки погасли, но челюсти сжались, под кожей проступили тяжелые рифленые желваки.

— Пусть я был богом, — вырвалось у него с приглушенной яростью, — но бог не сумел добыть ее, единственную!.. Так, может быть, ее сумеет добыть смертный?

Вяземайт развел руками, вышел, слишком озабоченный, чтобы поклониться еще разок. Из темноты слышался далекий скрип множества телег, мычание волов, это подтягивался

обоз, а свежие воины, не участвовавшие в сражении, спешно ставили шатры, быстро разжигали множество костров.

Аснерд раздавал распоряжения военачальникам, кому где встать, гонцы вскакивали в седла и разлетались, как вспугнутые птицы. Заметил наблюдающего за ним верховного волхва, оскалил зубы в невеселой усмешке, подошел. Оба разом, не сговариваясь, оглянулись на полог шатра Придона. Туда заходили темники, гонцы из Артании, лазутчики, как только и помещается столько в его шатре, Вяземайт нахмурился, покрутил головой.

— Да, сейчас ему не до песен, — сказал Аснерд виновато, словно это он сам изменил благородному делу творения песен всего лишь ради тцарской власти. — А когда ему сочинять? Его не готовили, все приходится на ходу. Это Скилл должен был вести...

Вяземайт нахмурился, тень пала на и без того темное лицо. Он опустил глаза, голос стал надтреснутым:

— Не сердись, я же не враг. Просто нам нужно самим быть готовыми, что Придон уже... другой.

Аснерд хмыкнул:

— Третий.

— Что?

— Третий, говорю. Один Придон был до той нашей первой поездки в Куявию... Другим стал, когда добывал меч. А третий — сейчас. Ни один человек не менялся так быстро.

Вяземайт сказал невесело:

— Но сейчас он как раз тот, кто нужен для Артании. Так что все правильно, Аснерд! Все правильно.

— Да, — согласился Аснерд, — все правильно.

Но голос старого полководца был невеселым.

ГЛАВА 16

В простую крестьянскую телегу были запряжены три коня, тянули вдоль кромки чахлой рощи достаточно резво, но возница то и дело покрикивал на левого пристяжного. Тот потряхивал гривой, сопел, всячески показывал, что тянет изо всех сил, прямо жилы лопаются, в то время как коренник и

пристяжник с другой стороны в самом деле исполняли долг честно, по-солдатски, не роптали на хитреца, даже хозяину не жаловались, не ворчали.

Возница взмахнул кнутом, заорал, теряя терпение:

— Эй, куяв!.. Тебе бы купцом стать, а то и жрецом при куявском тцаре! Но меня не перехитришь, морда твоя куявская!.. Этим двум я дам овса, а тебе сена охапку... А то и вовсе соломы. Кто как работает, того так и кормят. У нас в Артании. У вас там все наоборот, но над тобой сейчас артанская плеть!

Мимо, пригибая головы под низко растущими ветками, проскакивали артанские всадники, посмеивались, слушая гневные вопли. Телеги и кони явно краденые, куявская чернь торопится награбить, хотя здесь украли явно только телегу и коней, а в самой телеге молодой оборванец склонился над другим оборванцем, старым и с отросшими длинными неопрятными волосами. От обоих прет нечистотами и сильным запахом вина. Чтобы подольститься к победителям, громко именуют себя артанами, как будто за версту не видно обыкновенных куявских мародеров...

Возница обернулся к оборванцу, что сидел над распростертым человеком.

— Ну как он?

— Выдержит, — ответил оборванец. — Достопочтенный Комах, твоя мудрость достигает небес и проникает в глубины земли, но сейчас ты, похоже, переигрываешь...

— Похоже, — признался возница, которого оборванец назвал достопочтенным Комахом. — Просто дрожь по телу, когда эти звери пронеслись совсем близко. Я же видел в их ненасытных глазах, как высматривают человека в красном плаще, в позолоченных доспехах, в шлеме с пышным гребнем из перьев жар-птицы. Сперва, понятно, искали среди сраженных в бою, надеялись, что удастся отыскать раненого и лежащего без памяти среди трупов...

Оборванец кивнул:

— Раз уже шныряют по дорогам, значит, перерыли все места, где отгремели самые жаркие схватки. Быстрые они, ничего не скажешь!

— Самый быстрый способ закончить войну, — сказал возница задумчиво, — это потерпеть поражение... Но я не думаю, что Тулей примет такой великолепный план!

— Великолепный? Ах да, вы о том, чтобы перемолоть артан, сдавшись им?

— Да. Но, увы, у наших правителей не хватит смелости на это пойти...

В стороне послышался радостный рев. Из-за деревьев навстречу показались всадники, за ними на длинной веревке шли с десяток связанных и с петлями на шее военачальников разного ранга. Комах взглянул коротко, быстро отвернулся.

Оборванец тоже бросил короткий взгляд, тут же посмотрел на лежащего в беспамятстве лохматого старика.

— И Велигора поймали, — обронил он тихо, не поднимая глаз. — Ох, Гвидона и Сулиму тоже ведут... Да, я могу так видеть, я много могу, но только не остановить эту войну. Надеюсь, артане потребуют с них выкуп, а не принесут в жертву своим жестоким богам.

— Могут и не потребовать...

— Полагаете?

— Да, хотя и падкие на грабеж, а ради добычи удавятся. Но иногда, желая показать свою артанскость, швыряют деньги в грязь, а дорогими шелками выстилают дороги перед своими конями. Так и пленников могут просто казнить. Мол, нам плевать на выкуп. Поступки артан и зверей предсказать нельзя.

— Но мы должны?

Комах не ответил, сосредоточенно бормотал. В телеге возник ворох цветного тряпья. Он оглянулся, буркнул:

— Зачем?

— Артане могут удивиться, что едем со стороны разгромленного стана, но ничего не пограбили. Пусть хоть одежда...

— Тогда разбросайте чуть. Пусть видят, что ничего, кроме одежды. Ни под нею, ни сверху.

Бородатый грязный старик застонал, тяжелые красные веки поднялись. Кровяные жилки полопались, глаза казались залитыми кровью. Некоторое время он смотрел в проплывающие зеленые ветки, сквозь которые часто просвечивало синее небо.

— Где... мы?

— Спите, дорогой Одер, — сказал Комах ласково.

— Что... — пробормотал грязный старик. — Кто вы... Неужели сам великий...

Комах сказал тихо:

— Тссс!.. Так надо.

— Великий Комах... — пробормотал старик, — мудрый Блакыть... почему в таком виде?

— А вы хотите, чтобы ехали в роскошных плащах верховных чародеев?.. Да еще выкрикивали во все горло свои имена и титулы? Доберемся к своим, вам тоже вернем прежний облик.

Оборванец, которого Одер назвал Блакытью, хмыкнул:

— Можем даже подправить.

— Что...

— Ну, что-то увеличить, что-то уменьшить. К примеру, пузо добавить...

Сзади послышался конский топот. Их догоняли трое верховых артан. Блакыть поспешно коснулся лица старика, тот всхрапнул и вытянулся в глубоком сне. Всадники поравнялись с телегой, возница съежился и снова начал клясть ленивых куявских коней, подлых, как все куявы, оборванец вытащил из вороха дорогой одежды с пятнами крови баклажку с вином, вскинул над головой:

— Пьем за победу Артании!

Всадники с каменными лицами проскакали мимо. Оборванец отхлебнул вина, посмотрел всадникам вслед, снова поднес баклажку к губам и не отрывал до тех пор, пока не задрал донышком кверху. Комах, не выпуская вожжей, оглянулся, сморщенный рот перекосился в невеселой ухмылке.

— Ты заметил, ни следа магии?

Блакыть буркнул:

— Дикари... Они ею почти не пользуются.

— Как же, я сам видел...

Комах с пренебрежением отмахнулся:

— Только в ответ на нашу. А сами первыми еще ни разу, заметил? Для них это как бы позорно, дурни. Это все равно что позорно быть грамотными.

— Хорошо. Я уж струхнул. Будь с передовыми отрядами колдун даже средней руки, он бы сразу нас нащупал.

— Как? — спросил Комах уязвленно. — Я накрыл нас таким щитом, что даже могучий колдун не...

— Я не сомневаюсь в твоей мощи, — поспешно сказал Блакыть. — Но именно этот щит и заставил бы их послать сюда сотни этих орущих зверей! А против их топоров никакая магия долго не продержится. Страха не знают, а гибель десятка-другого их товарищей только разъярит... Долго бы мы продержались?

Комах угрюмо промолчал. Одер застонал, дернулся, снова поднял красные веки. Глаза были измученные, красные, лицо же, напротив, стало смертельно-бледным. Он неуклюже перевернулся на бок, подогнул колени. Комах сочувствующе отвел глаза в сторону. Все три раны Одер получил в спину, когда спасался бегством. Но для куява нет позора в бегстве, ведь можно вернуться и снова дать бой. Уже с учетом прошлого проигрыша.

— Что с войском?

— Войска больше нет, — ответил колдун кратко.

— А Когонь, Ефанд, Горобец, Шило...

— А также Уховерт, Сичень, Мизга, — прервал Комах. — Дорогой Одер, вам лучше закрыть глаза и довериться нам. Хоть в одном, но победу артанам подпортим: им вас захватить не удастся. Ни живым, ни мертвым.

Одер простонал сквозь зубы:

— Не могу поверить... Битва так хорошо начиналась!

Оба колдуна сочувствующе промолчали. Куявы сильны в обороне, когда стеной, когда щиты сцеплены краями, когда ощетиниваются длинными копьями, когда все войско — единый многоглавый зверь. Еще лучше и сильнее куявы за крепкими городскими стенами. Но если — не допусти боги Куявии! — единое войско распадается на кучки, то все войско превращается в обезумевшую от ужаса толпу бегущих баранов. Это артанин даже в одиночестве сражается яростно, красиво, находчиво и уходит из жизни, захватив с собой несколько куявов. Если же куявское войско дрогнет, тогда уже одинокий артанин может гнаться по пятам и безнаказанно

убивать в спину десятками, если не сотнями бегущих, забывших, что они — воины.

— Да, это не набег, — сказал наконец Комах. — Это война.

Блакыть подумал, обронил невесело:

— Очень плохая.

Одер буркнул:

— Да, у них огромное войско.

— Все намного хуже, — сказал Комах негромко. — Что войско?.. Куявия может выставить войско в десять раз больше.

— А чем же хуже?

— Они уже околдовали нас, — ответил Комах. Увидел непонимающий взгляд Одера, пояснил: — Сейчас мы с Блакытью внушаем всем артанам поблизости... да и не только артанам, даже своим на всякий случай, что везем престарелого отца, страдающего от колик. Нашей мощи хватает, чтобы все на выстрел из лука в это верили. В этом наше спасение... Так вот, артане сумели внушить всей Куявии, что Тулей подло и гадко обманул их героя. И хотя мы все втайне злорадствуем, мол, артане — враги, их и надо дурить, но вообще-то понимаем, что сподличали. А это ослабляет наши души... а с ними и руки, в то же время усиливает мощь артан.

Блакыть буркнул:

— При прочих равных сильнее тот, кто чувствует себя правым.

— Или оскорбленным, — поправил Комах.

Одер поморщился:

— Ясно одно, артане пришли не грабить. Они бросились бы на богатые особняки беров. Их здесь хватает... Они пришли сокрушить нашу силу.

Он впал в тяжелое раздумье, дальше не промолвил ни слова. Колдуны посматривали с сочувствием на потемневшее лицо, помалкивали, чтобы не бередить рану. Одер закрыл глаза, притворившись, что спит, хотя раны жгли привыкшее к удобствам тело.

Поражение, страшный разгром, мелькнула злая мысль, даже позор плена... возможно, что еще?.. Но на самом деле поражения никакого нет, как и разгрома... Бывали поражения и пострашнее, но Куявия всегда находила в себе силы со-

браться и разгромить врагов. Пока что ни Артания, ни Славия, ни Вантит не сумели нанести такое поражение, чтобы захватить столицу, не говоря уже о всей стране. Под его началом была не армия Куявии, а всего лишь войско, что стояло на дальних подступах к столице. Правда, другого войска сейчас у Куявии нет, если не считать расположенного в самой Куябе столичного войска, зато в каждой крепости есть многочисленные и хорошо вооруженные отряды. Кроме того, у всех удельных беров — крупные дружины, а у князей — даже собственные войска. Стоит бросить клич, начнут стягиваться в столицу уже на следующий день...

Даже более того, по дороге артанам придется пройти через владения Вишневича, а это богатейший и могущественнейший князь, под рукой которого множество городов, сел, земель, замков и крепостиц, где многочисленные гарнизоны. Ему стоит только повелеть, чтобы тут же собрались в сильное и грозное войско. И таких князей, как Вишневич, в Куявии тьма...

Он слышал, как возница сказал тихонько, чтобы не разбудить, и в то же время словно бы подслушав его мысли:

— Блакыть, что ты знаешь о Вишневиче?

Над головой Одера голос прозвучал совсем тихо:

— Немного, и все — тревожное.

— Ты думаешь, что он постарается остаться в стороне от войны?

Комах хмыкнул:

— Если понадобится, он даже примет сторону артан.

Одер сжал челюсти. Проклятые колдуны правы, они больше заглядывают в саму суть людей, чем смотрят расположение войск. Вишневич давно негодует, что столица ввела слишком большие налоги. И всячески уклоняется от уплаты. Тулей грозился привезти его в цепях и допросить со всем пристрастием. Если не сумеет оправдаться, то передаст его земли более послушным. Так что князь Вишневич не совсем надежен, не совсем... Это у артан, когда нападает на страну враг, все забывают распри и тут же бросаются на врага. В Куявии же наоборот: когда нападает враг, все стараются под шумок отхва-

тить от центральной власти кусок пожирнее. Увы, это все от ощущения силы, мол, все равно отобьемся!

Не выдержав, открыл глаза.

— Не накаркайте, — посоветовал серьезно. — Вишневич — опытный и умелый князь. Он не наделает таких глупостей. Да, удаленность от столицы, от власти вытворяла такие шутки и с другими, помню. Именно сопредельные с Артанией земли нередко вели себя непокорно. Такое бывало, кто спорит?.. Но чем всегда кончалось? Плахой да виселицей для тех, кто не успевал сложить голову в битвах. Укрепитесь духом, вы же мужчины, хоть и чародеи! Ни один артанин еще не наносил такого удара Куявии, чтобы даже содрогнулась. Это все не более чем комариные укусы. Настоящие силы куявов стоят нетронутые.

Дракон слегка покачивался на восходящих потоках, крылья растопырил так, что трещали, стараясь удлиниться. Когда делал два-три взмаха, Иггельда прижимало к костлявой спине, тело наливалось тяжестью, затем крылья застывали в растопыренности.

Он все старался уйти подальше от реки, там холодный воздух, но Иггельд похлопал по шее.

— Давай, Черныш, давай!.. Взглянем и улетаем домой в горы!

Черныш горестно вздохнул, вяло подвигал крыльями, внизу поплыла изумрудная зелень, трава еще не высохла, а деревья так и вовсе выглядят зелеными кочками. Иггельд залюбовался сперва травой, затем навстречу поплыли низкие кучевые облака, причудливые, похожие на снежные горы, а когда снова посмотрел вниз, пальцы судорожно сжались на костяных выступах.

Далеко внизу все пространство заполнилось крохотными бегущими фигурками. Между ними проскакивали крохотные всадники на коричневых лошадках. Едва заметными искорками поблескивают клинки. Похоже, всадники рубят не всех подряд, бегущих слишком много, выбирают либо с хорошими доспехами, либо военачальников.

— Проклятие, — вырвалось у него яростное, — как они могли... Ниже, Черныш, ниже!

Спина качнулась, провалилась, желудок подпрыгнул. Черныш пошел к земле чуть ли не соколом, пасть раскрылась в ожидании, кого бы ухватить, вон сколько дичи, Иггельд до рези в глазах всматривался в бегущих.

Очень редко попадались всадники, их, похоже, перебили первыми. Возможно, еще в сражении. Да и бегущих замечали сразу, а конный куяв — это дорогие доспехи, прекрасное оружие. Пешие же разбегаются, как тараканы, прячутся в кустах, петляют между деревьями...

Дракон несся совсем низко, черная тень скользила по залитой солнцем траве, но никто не вскидывал голову, более ужасная смерть проносится со стуком копыт артанских коней.

Наконец Иггельд рассмотрел далеко впереди целую группу куявских всадников, уходят вдоль опушки леса, а за ними устремился артанский отряд. Трое куявов повернули коней, сшиблись... Иггельд восхищенно ругнулся. Трое явно жертвовали собой, так он решил сперва, но трое артан упали с коней сразу же, завязался бой, трое дрались яростные, несокрушимые, их окружили, а пятеро артан отделились от группы и ринулись за убегающими.

Иггельд только сейчас различил, что двое поддерживают в седле грузного воина, что то и дело падает лицом в конскую гриву. Еще двое с мечами в руках мчались впереди и сзади. Черныш пронесся чуть ли не над головами, верхушки деревьев закачались от могучего взмаха крыльев.

Когда Черныш набрал высоту и развернулся, Иггельд с изумлением увидел, что трое куявов изрубили артан в капусту, ни один не ушел, да и постыдился бы уходить, а трое, залитые своей и чужой кровью, галопом старались догнать основную группу.

Иггельд выбрал поляну по предполагаемому ходу всадников, похлопал Черныша по шее.

— Вон там надо сесть!.. Побыстрее!.. Поторопись!

Черныш опустил голову, всматриваясь. Крылья подтянулись к телу, стали короче, тело провалилось к лесу. Черныш

изменил наклон, его понесло вперед, торопливо выставил крылья над верхушками деревьев. Встречный ветер ударил Иггельду в лицо. Толчок, Черныш пробежал пару шагов, тяжело опустился на брюхо.

Иггельд соскочил на землю, впереди уже показались скачущие всадники. Он бросился наперерез, замахал руками.

— Стойте!.. Антланец, это я — Иггельд!.. Остановитесь!

Всадники неслись мимо, лишь один услышал крик, оглянулся, начал придерживать коня.

— Иггельд?.. Что ты делаешь здесь?

— Коман! — прокричал Иггельд. — Останови Антланца!.. Там впереди уже артане!.. Вы с раненым не прорветесь!

Коман, старший сын Антланца, прокричал:

— Жди здесь!

Он пришпорил измученного коня и ринулся вдогонку за братьями. Иггельд оглянулся, сквозь редкий куявский лес виднелась чудовищная туша с грудой сложенных на спине крыльев. Сердце сжалось в тревоге. Дракон отдыхает, набирается сил, но по дороге обратно придется сделать посадку и основательно покормить. А в это время дракон уязвим, как простая корова.

Послышался топот. Всадники ломились напрямик, молодой лес трещал, деревца ломались, как сухие камышинки. Антланца поддерживали в седле не зря: наскоро перевязанный, он ехал с закрытыми глазами, то падая навзничь, то пытаясь свалиться вбок.

Болгор, что держал отца, спросил с надеждой:

— Твой дракон поднимет двоих?

— Для того и посадил! — крикнул Иггельд. — Давайте его побыстрее!

Антланца сняли с седла, Иггельд бежал впереди, дракон услышал треск в лесу, приподнял голову, глаза зажглись багровым огнем. Болгор спросил, задыхаясь:

— Он нас... не сожрет?

— Конечно, сожрет, — успокоил Иггельд. — Надо же чем-то кормить, как вы думаете?

Он взял из их рук Антланца, кости и мышцы затрещали, будто поднял гору. Даже не гору, а горный хребет. Сцепил че-

люсти, сделал шаг, ноги погружались в землю, словно шел по болоту. Сзади что-то кричали сыновья Антланца, но из-за шума в черепе не слышал, в глазах потемнело, еще бы пару шагов, еще один, нет, еще три...

Он упал с ношей, ударившись о костистый бок. Толстые пластины потрескивали, задевая одна другую. Дракон дышал неторопливо, горячее дыхание обожгло щеку.

— Ну-ну, — сказал Иггельд, — не балуйся.

Длинный горячий язык лизнул лицо, едва не свалив с ног. Иггельд сцепил зубы и начал карабкаться с тяжелой ношей сперва по толстой лапе, потом по толстому боку, наконец по спине. Издали послышались крики, конский топот, потом там же зазвенело железо.

Иггельд торопливо закрепил ремнями неподвижное тело, крикнул:

— Черныш! Улетаем!.. Домой, понял? Прямо домой!

Под ногами качнулось, заскрипело. Дракон вытянул голову, измерил взглядом расстояние до ближайших деревьев. Иггельд придержал Антланца, дракон чуть присел, снова выпрямился, определяя добавочный вес, собрался в комок, вскинул крылья, затем одновременно мощные лапы с силой оттолкнулись от земли, а крылья ударили по воздуху.

Обоих вжало в покрытую костяным панцирем спину. Иггельд зажмурился, тело стало тяжелым, дыхание остановилось, а деревья метнулись навстречу. В ужасе понял, что дракон переоценил мощь своих мускулов, деревья налетели с треском, шумом, зеленые листья застучали по лицу.

Голос Антланца прозвучал слабо и в то же время гулко:

— Что... это?

— Этот... гад, — ответил Иггельд, — снес верхушки деревьев на полверсты... Любит ломать, мерзавец!

— Настоящий мужик, — прохрипел Антланец. — А где мои?

— Я не мог взять всех, — ответил Иггельд виновато. — Черныш у меня не транспортный... Ребята сумеют пробиться... я думаю.

Антланец закрыл глаза.

— Я тоже... думаю. Я был им только обузой.

Дракон часто и мощно бил по воздуху крыльями. С каждым ударом их вжимало в костяную спину. Иггельд пытался оборачиваться, но высокие деревья скрыли схватку.

— Артане разбились на мелкие группки, — сказал Иггельд торопливо, — наверное, ловят Одера, князей, беров... А от таких отрядов твои сыновья отобьются с легкостью.

— Отобьются, — проворчал Антланец. — Ящер угораздил меня вляпаться в такую войну!.. Мы ж наполовину артане, если не больше чем наполовину. Так какого же я?.. Не понимаю.

Холодный ветер пытался продуть их насквозь, но Антланец даже не поморщился. Иггельд потуже затянул шкурки на рукавах, сохраняя тепло.

Рано утром над огромным полем повис красный туман, настоянный на впитавшейся в землю крови. Как призраки проступали фигуры, наклонялись, переворачивали трупы. Иногда слышался хрип, тускло блистало железо. Раненых милосердно добивали, заодно снимали с убитых все ценное.

Конь Придона осторожно переступал через павших. Копыта глубоко погружались в раскисшую от крови землю. Красные струйки вытекали медленно, заполняли ямки, собирались в ручейки и бежали уже резвее, отыскивая место пониже. Иногда конь всхрапывал, пятился: некуда поставить копыто, а трупы один на другом в половину человеческого роста. Обычно тут же и герой, сумевший поразить столько врагов.

По бранному полю всю ночь ходили артане, сгибались под тяжестью доспехов, оружия, и все еще ходили сейчас, утром. Сперва хватали все, на что падал взгляд, потом выбирали поценнее, наконец старались раньше других заметить павших военачальников: у них самые лучшие доспехи, прекрасные мечи, а кроме того, на поясах мешочки с золотыми монетами.

Туман послушно расступался, но дальний край тонул в красной взвеси из мельчайших капелек крови, что упорно не желала опускаться на землю. Сзади негромко переговаривались телохранители. Придон позволил следовать за собой

только двоим, остальным велел ждать в воинском стане. Голоса звучали тихо, приглушенно, даже с некоторым испугом.

Он сам чувствовал себя оглушенным, невольно втягивал голову в плечи. Знал же, что начал большую войну, но до этого дня поход на Куявию воспринимал все еще как большой набег. Очень большой, даже огромный. Но при набегах стараются обходить войска, а он... не обошел. Дал бой, как и настаивал Вяземайт при полной поддержке Аснерда.

И вот теперь огромное поле завалено трупами. Куявская армия перестала существовать. Разгром просто блистательный, мало кому удалось спастись бегством. Хоть и артан погибло немало, в том числе пали многие прославленные герои, зато Куявию удар потряс до основания... Однако пали оба сына Одера, трупы их отыскали довольно быстро, а это разбудит в Одере зверя. Как бы ни презирал он Тулея, но за смерть детей будет мстить артанам... а хорошо бы, если бы обвинил в этом Тулея.

Он хмыкнул, подумав, что уже начинает измысливать разные хитрости, словно сам стал куявом. Развернувшись в седле, подозвал жестом телохранителя.

— Быстро в лагерь, — велел он. — Передай, чтобы трубили общий сбор! Выступаем немедленно дальше.

Телохранитель ахнул, переспросил, запинаясь:

— Но ведь... войско... после такой битвы...

— Отдохнут в седлах, — сказал Придон безжалостно. — Выполняй!

Он продолжил путь через поле, но конца не видно, воздух влажный, запах крови и вывалившихся внутренностей забивает дыхание, копыта скользят, конь вздрагивает, хрипит, прядает ушами.

— Ладно, — сказал Придон хмуро. — Везде одно и то же. Возвращаемся.

В воинском стане его ждали военачальники, Аснерд вышел вперед, придержал Придону коня.

— Что ты задумал, Придон?.. После такой сечи войско должно отдыхать с неделю.

— Пусть отдыхают в седлах, — повторилл Придон.

— Какие из них будут воины завтра?

— Завтра они еще не понадобятся как воины, — утешил Придон. — Аснерд, ты разве не понимаешь?

Аснерд вздохнул.

— Понимаю, как не понять. Но откуда я знал, что и ты поймешь?

ГЛАВА 17

В небо рвалось высокое иззубренное пламя. Дым тоже, наверное, густой и черный, ибо звезды то и дело исчезали над пожаром, все небо усыпано звездами, в ночи видели только огонь — исступленный, спешащий, жадный, надо же успеть пожрать как можно больше до того, как успеют загасить, но люди лишь бегали с жалобными криками, и огонь, обезумев от счастья, перебрасывался на сараи, прыгал на заборы, поджигал плетни и коновязи.

Они остановили коней, куявы, завидя грозных всадников, разбежались с жалобными криками, как раненые птицы. Придон покосился на Аснерда, пламя отсвечивало в выпуклых, так казалось, глазах воеводы.

— Почему не дерутся?

Аснерд ответил с ленцой:

— Сам знаешь, зачем спрашиваешь?

— Да знаю, — признался Придон, — но все равно спрашиваю! Я и себя постоянно спрашиваю!.. Ответ «потому что это куявы» похож на скользкую рыбу, что, вильнув хвостом, вырывается из рук и снова в воду.

Не давая отдохнуть, он двинул конную армию по долине Конская Голова к городу Белая Вежа, что закрывает выход на просторы Куявии. Ощущение было таким, будто он потерпел поражение, ибо войска уходили в спешке, оставляя раненых и самую малость войска для обоза, куда и собирали раненых.

Неприхотливые кони не требовали дорог, артане шли широким потоком. Птицы видели скачущих всадников, что напоминали исполинское стадо оленей, убегающих от лесного пожара. Не останавливаясь, пересаживались на заводных коней и обратно, с ходу переправлялись через реки. Ни холмы, ни курганы, ни дремучие леса не могли их остановить, ибо

леса Куявии даже не леса, а редкие рощи, а между ними прекрасные зеленые равнины, кони любят по таким вскачь.

Придон шел во главе этого отборного конного войска, первым вступал в бой и последним из него выходил. Теперь, когда смятение охватило Куявию, он продвигался достаточно легко, захватывая города и сжигая села. Пламя пожаров освещало его лицо, от него пахло огнем и копотью, руки и лицо часто пачкались сажей.

Теперь он дрался более осмотрительно, старые раны заживали, а новых старался не получать. Правда, телохранители самоотверженно защищали его щитами, топорами, а то и собственными телами.

Перед ним распахивали врата городов, эти он щадил, а те, которые дерзали оказывать сопротивление, он брал приступом и предавал огню, а жителей вырезал начисто.

Местная чернь, что признала Придона правителем и охотно распахивала перед ним ворота, сейчас гуляла и веселилась по всем городам, грабила дома богатых куявов, вытаскивала прячущихся домочадцев, зверски убивала, кого-то вешали, сажали на колья, а потом, пресытившись, начали изгаляться в пытках: вспарывали животы и вытаскивали у живых кишки, прибивали их штырями к деревьям.

Артане смотрели на это с презрением и негодованием. Не будь жесткого приказа Придона не препятствовать местным жителям вершить суд и расправу, они бы перебили эти человеческие отбросы в первую очередь. Правда, поймав красивую молодую куявку, с хохотом срывали с нее одежду, заставляли плясать, насиловали тут же, но редко когда убивали, даже если обесчещенные куявки дрались, кусались и царапались.

Куявию постепенно охватывала паника. Когда вторглись артане, это было полной неожиданностью, ибо до этого все разведчики в один голос твердили, что Артания воевать не собирается. Потому вторжение сочли просто набегом. Когда же Придон взял Когутнь, Умарь и Горнец, сперва не поверили, но затем он разбил наспех собранное войско под командованием самого Одера, признанного полководца, что всегда водил великое войско, взял Березань, впереди только Белая

Вежа, а дальше дорога на стольный град откроется, как будто ее еще и выстелют коврами.

Это было, как если бы все храмы разом обрушились по всей стране, а земля разверзлась и поглотила половину Куявии. По всем нижним землям прокатились пожары, везде вспыхивала резня, а разбойники, осмелев, выходили из лесов и захватывали уже не малые деревни, а целые укрепленные крепостицы, где тут же вешали защитников, а над женщинами и детьми хозяина долго и жестоко глумились.

Куявия слишком долго жила в мире и покое, а обрушившиеся зверства показались вообще концом света, когда мир не то сгорит в огне, не то будет затоплен большой водой. Плачущие перепуганные люди заполняли храмы, оракулы и предрекатели были нарасхват, им несли драгоценности, словно они могли не просто предсказать будущее, но и повернуть по-другому, повернуть в мир, где не было вторжения страшных артан, где снова все как прежде, что и есть вирий...

В лесах появилось множество оборотней, а все больше людей внезапно обрастали шерстью, становились на четвереньки и убегали в лес. Многие набрасывались на домашних, кого-то искусали, кого-то разорвали насмерть. Вся Куявия твердила страшное имя «Придон», повторяла его с каждым днем все громче. Все знали, что это тот самый герой, что разыскал для тцара легендарный меч Хорса, без всяких магов собрал воедино, вручил Тулею и ушел в Артанию. Передавались слухи, один другого нелепее, почему обиделся, почему ушел. Тцара уже обвиняли во всех грехах, ибо даже артанин не мог решиться на такие ужасные преступления, если бы его не обидели очень зло и несправедливо.

Тулей мрачнел, все чаще уединялся не с полководцами и мудрецами, а с танцовщицами. Итания тихонько грустила, плакала, старалась не попадаться на глаза отцу.

Он сам однажды пришел в ее покои, обнял, усадил, и так некоторое время сидели, крепко обнявшись, одинокие в огромном дворце, полном людей, готовых выполнить любое их повеление.

— И что теперь? — спросила она наконец. — Отец, может

быть, еще не поздно? Ты надеялся, что его остановят наши армии...

Над ее ухом прозвучал невеселый голос:

— Да, надеялся. Я же говорил, будь на месте Придона Скилл, его уже остановили бы. Но Придон — не полководец. Он ведет с собой не двадцать тысяч топоров, как вел бы Скилл, а двадцать тысяч сердец, горящих мщением. А теперь уже намного больше, чем двадцать.

Она помолчал, и повторила тихо:

— Что теперь?

Его пальцы крепче сжали ее хрупкое плечо, он прижал ее к груди, погладил по голове.

— К голосу разума всегда необходимо прислушиваться, потому что из всех голосов он, как правило, самый тихий. Разум говорит, что хоть любовь и пьянит, но вино дешевле... Грубо? Но куявы на этом выстроили Куявию! Потому мы богаче артан, счастливее, потому нас просто больше. И потому победим этих... не очень умных людей.

Она прошептала:

— Но честных, гордых...

— Гордых, — буркнул он. — Гордость — это всего лишь невидимая кость, что не дает шее гнуться. Барвник говорит, что, если хочешь вести людей на смерть, скажи, что ведешь к славе! Но куявы тем и отличаются от артан, что никуда идти не хотят. Ни к славе, ни к... словом, мы хотим просто жить, хорошо жить.

— Но лежачий камень не обрастает ли мхом?

Он отмахнулся с брезгливой небрежностью.

— Это значит, с нашей точки зрения, что обрастает богатством. А тот камень, что катится, подобно артанам, остается голым. Ладно, об этом можно до бесконечности. Понимаю, артане симпатичнее дуростью и бесшабашностью, а куявы любой молодежи кажутся трусами и скопидомами. Это не трусость, это осторожность и нежелание получать палкой по голове. Ладно, возвращаясь к нашим артанам, напомню, им еще предстоит пройти земли Вишневича! Признаться, я недолюбливаю этого князя, слишком много власти присвоил, сам бы послал туда войска, чтобы напомнить ему, что тцар —

я, а не он... но, должен сказать, воин он редкий, полководец умелый. И земли обустроил так, что это самый богатый край. У него такое войско, что мог бы в одиночку идти на Вантит или Славию... Это не говоря уже о том, что Придон еще не сталкивался с нашей отборной армией, что защищает столицу. Дунай — великий полководец. Он еще не терпел поражений, ты знаешь.

— Отец, а если...

Он ласково поцеловал ее в лоб.

— Дорогая, все равно он тебя не получит. Артане еще не знают, как мы можем драться, когда у нас отнимают наше «хорошо жить»!

Она опустила голову, и Тулей, как ни старался, не мог рассмотреть выражение ее лица.

Артанское войско двигалось под грохот бубнов, рев боевых труб и ликующие военные песни. Почти все успели поживиться на поле боя, у каждого в седле уже зашиты золотые монеты, а то и драгоценные камни.

Лишь Вяземайт ехал задумчивый и молчаливый. Он был зачинщиком этого похода, сам дал первый толчок, истолковав положение звезд как обещание победы и разгрома Куявии, но сам же, как никто другой, понимал, что подлинное могущество Куявии попросту скрыто, не лежит на поверхности, словно листья кувшинки на тихой глади болота.

Перво-наперво, Куявия намного, очень намного богаче Артании. Хотя в артанских горах есть и железная руда, и золото, даже серебряные рудники работают, не переставая, но лучшее оружие делается в Куявии, не говоря уже о ее в самом деле неприступных крепостях, несокрушимых стенах. Простые города и то окружены такими высокими и толстыми стенами, что никто не смог бы их взять, если бы сам народ не с гнильцой, из-за чего и все такие быстрые и легкие нынешние победы.

Кроме того, в Куявии народу впятеро, если не вдесятеро больше. Тут, правда, женщины не рожают по десять-двадцать детей, как в Артании, зато и не гибнут так массово, как артане, что не мыслят жизни без набегов, наскоков, боевых выла-

зок на земли Куявии, Славии, Вантита, без отправки множества кораблей на поиски земель и народов, которые можно завоевать, где можно подраться и выказать молодецкую удаль.

Что, если этот торговый народ, хитрый и жадный, все же как-то соберется и, видя настоящую гибель Куявии, даст отпор? Не ради чести, у них нет чести, а все ради той же выгоды, ведь при артанах им уже не жить в прежнем жульничестве, скотстве, а придется познать истинных богов и жить как надлежит! А как надлежит, знают только артане, истинные дети богов.

Придон, оставив войско на опытного Аснерда, с двумя сотнями героев снова выехал далеко вперед. И хотя опередил войско почти на сутки, впереди все то же зарево пожаров, дым, пепелища, дорога запружена погорельцами, что уже в безысходном горе даже не пытались убежать при виде страшных артан, а перли тупо и покорно, согнувшись под нехитрыми пожитками.

В стороне от дороги на кострах жарили мясо, варили в котлах похлебку. Много трупов, почти все раздетые донага, безголовые, а из голов на краю дороги были устроены устрашающего вида горки. Везде роятся жирные зеленые мухи, одинаково облепляют мертвых и спящих, забираются в ноздри, рот, пытаются протиснуться под веки, пока те не расклевали толстые ленивые вороны, отяжелевшие от сытной еды.

Справа от дороги явно было недавно большое село, сейчас там чернеют сложенные из крупных камней очаги. Ветер уже смел пепел, осталась выжженная спекшаяся земля. Еще уцелело громадное дерево, ветви обожжены, со всех сторон раскачиваются повешенные. Из многих торчат стрелы, кто-то упражнялся в стрельбе. Придон представил, как совсем недавно в тени этого дерева собиралась все деревня, вон земля как утоптана, здесь старики бурчали на молодежь, а те за их спинами перемигивались и строили им рожи.

Справа несся на крупном коне Крок, злой и настороженный. Придон почти с сочувствием посматривал на его разочарованное лицо. Крок и его брат Верен, дети Щецина, были теми героями-стрелками, чьи стрелы пронизывают любые стальные доспехи, как лист дерева, пробивают даже мифри-

ловые доспехи, скованные гномами, а летающего дракона не только достанут стрелами, но и легко пробивают любой толщины чешую.

Но дракона видели только однажды, Верен едва успел сдернуть из-за плеча лук, как дракон скрылся за лесом. Верен ругался весь остаток дня, Придон наконец сказал утешающее:

— Не спеши. Очень скоро твоим стрелам найдется достойная дичь.

— Только драконы могут быть достойной дичью, — сказал Верен. — Правда, брат?

— Правда, — подтвердил Крок.

Придон заметил:

— А я о ком говорю? Будут и драконы.

— Да? — спросили братья в один голос. — Где? Когда?

— Мы скоро подойдем к горам, — сообщил Придон. — А там их целые гнезда.

Чего артане не ожидали, так это вспомогательного войска, что организовалось само собой из всякого местного сброда. Они называли себя артанами, так как, гонимые в прошлых междоусобных войнах, века тому перешли со стороны Артании пограничную реку и жили на этих землях. Работали плохо, больше пьянствовали и вспоминали о деяниях великих предков, затевали драки, промышляли охотой, торговлей, рыбной ловлей, бортничеством, ненавидели пахать и сеять, хотя в самой Артании хлебопашцы всегда в почете, и вот сейчас эта вольница пошла грабить, насиловать, жечь, а потом и вовсе собрались в отряды и двинулись вслед за войском Придона.

Иной раз, когда Придон останавливал армию, ожидая постоянно отстающие обозы, они уходили далеко вперед, набрасывались на беззащитные села, врывались в охваченные ужасом малые города, пьянели от сладкой возможности чинить суд и расправу над богатыми, знатными, насиловать их пышных жен и дочерей, распинать их мужей и отцов на дверях домов.

Ядром вспомогательного войска стали отряды князя Год-

лава, одни шли под командованием его воевод, двумя командовал сын Годлава Промек, а потом, глядя на Годлава, некоторые беры не только признали власть артан, но и дали своих людей в общее войско.

Аснерд сам дивился легкости, с какой их войско двигается по Куявии, а мудрый Вяземайт указывал, что еще никому и никогда не удавалось собрать такую грозную армию. С нею они в самом деле подступят к стенам Куябы, и если даже не возьмут, то сдерут такой выкуп, что Тулею придется поснимать со всех женщин золотые серьги, кольца и браслеты, не говоря уже о полном опустошении казны.

Придон же больше замечал эту рвань, что окружала их войско, как шакалы окружают могучего льва, дабы поживиться за его счет, морщился, спросил раздраженно у Вяземайта:

— На кой ляд нам эти союзники?

Тот пожал плечами:

— А мы их брали? Сами набежали. Пусть, Придон! Они принимают первый удар на себя... Зато нам виднее, где куявы бегут, а где пытаются драться.

Придон покачал головой:

— Где они пытаются драться? Даже стыдно за них. Мы прошли уже треть страны, а за все время всего два настоящих сражения!

— Только не говори, что воины ропщут.

— Не говорю, — буркнул Придон. — Всем нравится легкая добыча. Но пока что нам не приходится хвастаться трудными победами.

Он умолк, со злостью смотрел на огромный безобразный лагерь слева от дороги. Туда чернь согнала набранный в ближайших селениях полон. Их собирались выгодно продать в Вантит, потому сейчас спешно рубили стариков и старух, случайно попавших среди молодых и сильных, остальных палками и остриями пик перегоняли с места на место, отбирали мужчин в одни группы, женщин — в другие, ругались, дрались, не поделив добычу, иной раз тут же рубили того, из-за кого возникала свара, но еще чаще рубили и кололи друг друга.

Придон морщился, слыша истошные крики девушек, с которых срывали одежды, иных тут же зверски насиловали,

издевались. Вяземайт поглядывал на него искоса, но Придон сцепил челюсти и холодно молчал. Любая артанка умерла бы, не допустив бесчестия, а если бы такое с нею случилось, убила бы насильника голыми руками. Эти же орут только от боли, не от бесчестия. Животные, просто животные. Пусть продают их в Вантит, пусть уводят куда угодно. Люди без чести — просто животные.

Воздух был тяжелый, трупный, колыхался, как нечистое болото, от мычания скота, ржания, блеяния, диких криков пьяных, скрипа колес.

Со всех сторон плетьми сгоняли связанных общей веревкой людей. Гнали захваченный скот, тащили доверху груженные дорогой добычей телеги, у иных трещали колеса от тяжести, а волы жалобно мычали. Пригоняли даже овец и коз, всюду мелькали дорогие восточные ткани, блестело золото.

Придон все кривился, а Вяземайт дивился богатству куявской земли, где после такого вала мародеров все еще находится добыча.

Еще сутки впереди поднимались столбы огня, наконец эти пожары приблизились вплотную. Когда кони уже устали, Вяземайт выслал вперед десяток удальцов, чтобы подыскали место для отдыха и ночлега. Впереди большое село, явно зажиточное, попадаются дома в два этажа, чернь снова сгоняет в кучу жителей, рубит старых и слабых, молодых торопливо связывают по рукам и ногам. Уже на краю села на дверях храма распяли местного не то волхва, не то старосту, забавы ради стреляли в него из луков. Он кричал и сулил им показать закопанные клады, но в него летели стрелы, вонзались в живот, в ноги, руки.

Придон заметил хмуро:

— Не позарились на золото! Значит, что-то осталось в них от человека.

— Просто не поверили, — буркнул Вяземайт. — Иначе бы сразу кинулись...

— Тогда это не люди, а свиньи.

— Только сейчас заметил? Это же Куявия!

ГЛАВА 18

Он снова несся, как на крыльях, впереди огромного войска. Меклен с проклятиями подобрал самых быстрых коней для охранной сотни, и теперь Придон всегда видел справа и слева вытянутые вперед шеи скачущих коней.

Куявская земля гремела под копытами так же сухо и звонко, как артанская, испуганные птицы взлетели ну совсем артанские, только здесь пустые нераспаханные земли нигде не тянулись до горизонта: везде деревушки, села, веси, а то и небольшие города, жители которых пасут коров, работают на полях.

Придон как раз на ходу пересел на свежего коня, тот взыграл и, гордясь всадником, понес во всю мочь, однако Меклен свистнул, гикнул, и сразу несколько удальцов справа и слева вырвались далеко вперед.

Конь порывался идти наперегонки, Придон ласково похлопал по шее, перевел на рысь. Люди Меклена завидели прямо по дороге деревушку, не сбавили галопа. Копыта стучали так часто, что сперва это походило на рассыпавшийся из мешка горох, потом слилось в сплошной отдаляющийся гул.

Когда Придон в сопровождении Меклена въехал на окраину, деревня уже занялась: жарко горели крайние дома, вспыхивали сараи, народ метался с жалобными криками, пытался тащить из горящих домов добро.

Придон проехал через всю деревню, исполненный великого презрения к этим людям. На противоположном краю у последнего дома слышались крики, брань, там взлетали топоры, всадники сбились в кучу, но на глазах Придона один вылетел из кучи, как выброшенный рукой великана, голова разбита, кровь стекает по груди и рукам.

Крики и шум продолжались, еще одного вывели под руки, вырвался конь с опустевшим седлом. Перед Придоном расступились, перед входом в дом размахивал оглоблей здоровенный парень со злым решительным лицом. Рубаха на нем порвана на груди, оторван рукав, на скуле ссадина и кровоподтек под глазом, но конец оглобли достал еще одного, неосторожно сунувшегося с топором в руке, и тот с разбитой го-

ловой отлетел назад в толпу артан так, словно его обеими копытами ударил собственный конь.

За парнем стояла трепещущая девушка. Простая деревенская, в линялом платьице, босая, маленькие груди торчком, кругленькое милое лицо, хорошенькое только молодостью. Она со страхом и безнадежностью следила за схваткой, и когда та кончится, понятно как, то будет лишь хныкать, когда ее с хохотом начнут насиловать, а потом утрет слезки и будет стараться выжить в этом жестоком мире...

Он вскинул руку.

— Всем стоять!.. Убрать топоры!..

Артане остановились, отступили, ибо парень все так же озверело размахивал длинной оглоблей с тяжелым железным кольцом на конце. Потом и он, сообразив, что в их схватку вмешалась некая высшая сила, сократил взмахи, наконец вовсе остановился, упер оглоблю концом в землю и с ненавистью посмотрел на Придона. Грудь тяжело вздымалась, по красному лицу бежали струи пота, и свист от частого дыхания слышал даже Придон.

— Вы что же делаете? — сказал Придон хмуро. — Наконец-то встретился достойный, что защищается один против двадцати... что уже само по себе — слава!.. И, самое главное, вы же видите, свиньи, он не дом защищает, не свое жалкое куявское добро и даже не шкуру!..

Всадники подали коней назад еще чуть, на парня посматривали уже без злости, с интересом. Тот тяжело дышал, затравленно озирался, пальцы крепче сжались на сухом дереве.

Придон чуть выдвинулся вперед, спросил властно:

— Тебя как зовут?

Парень посмотрел исподлобья, ответил хмуро после молчания:

— Байда.

— Вот что, Байда, — сказал Придон, — артане чтут достойных противников. Ты вел себя достойно, очень достойно!.. Отныне ты здесь, в этой деревне, старший. Прими от меня этот топор...

Он швырнул ему свой топор, и парень при всей деревен-

скости довольно ловко ухватил на лету за рукоять. Артане довольно закричали, заулыбались.

Придон, уже поворачивая коня, добавил:

— Теперь это твоя деревня. Защищай ее от всех. И от артан тоже. Покажи этот топор и скажи, что получил от самого Придона!

Конь радостно пустился вскачь, деревня осталась далеко позади, когда прогремел стук копыт, догнал Меклен, поравнялся. Придон увидел разгоряченное скачкой лицо, блестящие глаза.

— Прекрасное решение! — крикнул он.

— Ты о чем? — спросил Придон.

— Об этом... как его, Байде!.. Что за дурные имена у куявов?.. Достойные воины должны множиться, а то нам скоро воевать не с кем будет!

Он захохотал, довольный, пришпорил коня и унесся вперед за своими легкоконными всадниками. Придон смолчал, каждый понимает как понимает. Не из-за храбрости он пощадил деревенщину, не из-за отваги и умения размахивать оглоблей.

Конь несся длинными скачками. Ветер трепал волосы и шумел в ушах. Впереди села и города, где еще не ступала нога артанина. На этой ничейной земле, ибо ее покинули куявские войска, сейчас пьянствовали, плясали, били в бубны и дудели в самые разные дудки, свистели на пищалках, словом, отдыхали после того грабежа, который называли боем, и готовились к новому грабежу. Из городов и сел на два конских перехода вперед уже бежали в панике все воинские отряды, а беры и беричи поспешно отправляли в стольный град своих жен и детей под защиту его неприступных стен.

Войску нужен прокорм, а такому прожорливому — вдвойне, и прямо на площади забивали массу скота, резали лошадей и овец, воздух дрожал от рева испуганной скотины, земля покраснела и размокла от крови, груды мяса прямо на земле, на коровьих шкурах, везде роились мухи, а скот все еще вели и вели со всех сторон. Между двух деревьев сидели и лежали связанные молодые женщины, избитые, в лохмотьях, с отчаянием в глазах, кто-то рыдал, кто-то сидел выпрямившись,

с бледным лицом, уже почти не понимая, что творится и что с ее телом делают.

Впереди дорога была завалена трупами, людскими и конскими. Стая ворон со злобным карканьем сорвалась с тел, сделала круг и, едва артане проехали мимо, снова уселась на добычу. Трупы раздулись, посинели, мерзко пахли. Придон посмотрел на жаркое небо, на Вяземайта.

— Это вчерашние, — сказал тот. — Я думаю, можно без боев дойти до Белой Вежи. А там, если надолго не задержимся, через неделю будем под Куябой.

Сердце Придона забилось чаще. Куяба! Куяба — это прежде всего место на земле, где находится Итания. Все остальное — прах, пустяк, мелочь.

В Средней Куявии царило страшное смятение. Уже не было сомнений, что страшные артане придут и сюда, потому одни заранее убегали в безопасные земли, куда гнали весь скот, перевозили семьи, другие не решались оставить дома, предпочитая верить, что артане не трогают тех, кто не дерется против них с оружием в руках. А налоги платить не все ли равно: своим ли богатеям-кровососам или чужакам-артанам? Чужим не так обидно, на то они и чужие!

Придон со своими людьми догнал сперва одну такую группу беглецов, потом увидел, что все дороги запружены бегущими. Телеги трещали, доверху нагруженные домашней утварью, пыль поднималась до небес: гнали коров, овец, коней, несли на себе доверху набитые мешки. Край богат, земля плодородная, сюда давно не вторгались с войной, и люди жили богато и беспечно.

Измученные тяготами пути, они едва замечали, что их обгоняют те самые страшные артане, от которых бегут. Но потом их увидели, сперва пугались, шарахались, но однажды из одной повозки высунулась девичья головка, личико бледное от волнения, но глаза дерзкие, Придон услышал торопливый звонкий голосок:

— Доблестный артанин!.. Доблестный артанин!

Придон придержал коня, в это время чьи-то руки ухвати-

ли девушку, зажали ей рот. Она исчезла в глубине повозки, занавески опустились.

— Это не дело, — крикнул Придон, — обижать девушку!

С топором в руке он подскакал к повозке. Занавеска отодвинулась, снова показалась та самая прелестная головка, девушка, еще более бледная, но с решительным лицом и дерзкими глазами, сказала торопливо:

— Умоляю, пощадите мою маму! Это она старалась удержать меня...

— От чего? — спросил Придон.

Он сунул топор обратно в чехол. Девушка сказала быстро:

— От вопроса. Я хотела спросить... будете ли вы убивать и грабить нас, как говорят, или же... если сейчас не набрасываетесь, то... может быть... нам и убегать не стоит?

Придон слышал в глубине повозки сдержанные всхлипывания. Он нахмурился, ответил в затруднении:

— От артан убегать не стоит. Мы не воюем ни с женщинами, ни с теми мужчинами, кто успевает выпустить из рук оружие... Однако сейчас сюда движется пьяная орда вашей же куявской дряни! Это они, куявы, грабят и убивают, они жгут и рубят сады, засыпают колодцы. Как вы с ними поладите — это ваше дело.

Девушка осталась с раскрытым хорошеньким ротиком, брови красивой дугой вскинуты на середину лба. Когда стук копыт отдалился, занавеска отодвинулась, выглянула немолодая женщина. Она опасливо посмотрела вслед артанам, вздохнула:

— Милая, ты навлечешь когда-нибудь беду!.. Как можно вот так заговаривать с мужчинами?

— Вот так можно, — возразила девушка. — Я же видела по этим артанам, что они... не жестокие. А если жестокие, то лишь к мужчинам. Я из таких веревки вью! Но что делать, мама? Он сказал, и я ему верю, что артане нам не страшны.

Женщина вздохнула:

— Он прав. Нам приходится страшиться своих же слуг. Слишком долго и слишком беспечно мы их... втаптывали в грязь.

— Теперь они втопчут нас, — договорила девушка.

Мать промолчала. Обе понимали, что их ждет до того, как их втопчут в грязь.

А Придона конь неутомимо нес по скользящей в сторону Куябы земле, копыта победно звенели, Придон покачивался в седле, погруженный в сладкие грезы, губы шевелились, а глаза невидяще смотрели в пространство. Справа и слева фыркали-переговаривались кони, переходили на рысь, иногда даже в галоп, снова шли шагом, иногда в уши прорывался грохот копыт, рев скота, а глаза выхватывали среди зеленой листвы уныло вытянутые трупы повешенных, но чаще он слышал совсем другие голоса, а в черепе звучала другая музыка.

Однажды Аснерд ухватил его за плечо, встряхнул грубо.

— Придон, не спи! Недобрые вести.

Он с огромным усилием вынырнул из сладостного мира, где он строил свое Зачарованное Тцарство, самое лучшее и правильное, где все счастливы...

— Что случилось?

— Князь Вишневич по прозвищу Железный Зуб спешно собирает войско. Это как раз на пути, он загородит дорогу.

Придон спросил непонимающе:

— Ну и что? Они все загораживают.

— Это властелин всей Срединной Куявии, его богатства не перечесть, а городов у него больше, чем в другом княжестве сел. Мы собирались пройти без боев...

Подъехал Вяземайт, лицо было красное от гнева, в серебряных волосах бегали, щелкая, синие искры. Глаза блестели, как гневные звезды.

— Проклятая чернь! — прорычал он. — Если бы она не сжигала имения князя, с ним бы договорились. А сейчас ему от артан вреда больше, чем от Тулея. Может быть, все же сделаем крюк и обойдем его земли?

Придон нахмурился, его тело в этом мире, надо жить и действовать в этом, и он спросил жестко и резко:

— Чтобы ударил нам в спину?

— Это же куяв, — возразил Вяземайт.

— Вот-вот, потому и ударит!

— Это же куяв, — повторил Вяземайт. — Он будет только рад, что мы пойдем жечь и разорять его соседа.

— Нет, — отрезал Придон. — Мы пришли не только ради добычи! Артане мы или нет?

Вяземайт вздохнул, грудь вздулась, задержал дыхание на долгое мгновенье, затем так же медленно опустилась.

— Да, — ответил он уже другим голосом. — Мы — артане. И нас... очень много.

Придон велел разбить лагерь, чтобы собрать отставшие войска в одно место, и тут же на берегу небольшой речушки, чтобы было где брать воду и купать коней, вырос городок. Еще вчера здесь по не топтанной человеком траве бегали козы, прыскали зайцы, проносился табун диких коней, спокойно проходило стадо величавых туров, могучие кабаны дрались с медведями, не пропуская их через свою лежанку, а сейчас на десятки верст только неопрятные серо-зеленые шалаши, среди которых совсем редко, словно диковинные цветы, виднеются цветные шатры военачальников.

Небо застилал дым, издали казалось, что здесь начинается пожар, на самом же деле в шалашах очаги простые: ямка, не всегда даже огороженная камнями, дым выходит через все дыры в крыше, потому и крыши всегда черные, закопченные, и редкое облако дыма, что не успевает рассеяться, ибо в темных шалашах всегда что-то либо варится, жарится, либо просто горят каганцы, разгоняя полумрак.

Сразу в этот город приехали купцы из Вантита, как они только узнают о новых городах, колдовство, не иначе. Придон видел быстрые сгорбленные фигуры, что шныряли от одного шалаша к другому, явно скупают награбленные дорогие вещи, ткани, а заодно подбирают и брошенные на произвол кожу, пеньку, воск...

Из таких вот, возникающих на неделю или месяц, городов вантийские купцы вывозят дорогие ткани, ларцы искусной работы, изделия из золота и слоновой кости, черепаховые гребни, перья жар-птицы, редкой работы брошки, заколки, пряжки и все-все, что артанские удальцы привозят из набе-

гов, кроме оружия, которое продавали только своим или меняли на что-нибудь среди своих.

Кроме того, здесь торговали простым полотном, сушеной и вяленой рыбой, седлами, попонами, уздечками и подпругами, вареньем, что вантийцы не покупали, ибо везти далеко, а у себя дома цена такая же.

В шатре у Придона собрались военачальники. Аснерд заспорил с Вяземайтом, тот уверял, что Вишневич не сумеет собрать армию достаточно быстро, чтобы дать ощутимый отпор. Правда, Срединная Куявия населена очень густо, под рукой Вишневича видимо-невидимо городов и крепостей, где крупные воинские отряды. Собрать их в кулак не так уж и долго, но все-таки Вяземайт доказывал, что можно не дать армии собраться в одно ме-сто.

— Не успеем, — сказал Аснерд с досадой. — Из-за обозов ползем, как улитки осенью. С одной конницей взяли бы их в постелях.

— Да, — согласился Вяземайт, — если бы они везде открывали перед тобой ворота.

— Да, — сказал и Аснерд очень серьезно, — трусы, верно? Нет чтобы открыть и выйти навстречу...

Вяземайт посмотрел подозрительно, но по виду Аснерда не сказать, когда шутит, когда говорит серьезно. В Куявии раньше были две громадные армии, обе находились на противоположных концах страны: одна прикрывала горные перевалы со стороны Вантита, другая — оттянувшись чуть в глубину, была готова встретить вторжение со стороны Славии или Артании. Потом скупые куявы решили, что держать две армии — слишком, одну распустили, ведь и так у местных князей свои армии, в состоянии отразить любой набег собственными силами. Ну, а если уж артане или еще кто прорвется в глубь земель, там их встретит сильнейшая армия. С Артанией был мир, потому армия Одера больше охраняла дороги со стороны Славии, это дало возможность Придону пройти по Куявии и сжечь немало городов, прежде чем состоялась решающая битва с Одером, но вторую армию даже он так быстро не ждал.

Войско куявского князя Годлава, то ли выслуживаясь пе-

ред новыми хозяевами, то ли что-то выгадывая по куявской хитрости для себя, вторглось во владения Вишневича и подвергло их ужасающему разгрому. Вишневич осатанел, по его приказам тяжелая армия быстро стягивалась из городов и гарнизонов в один кулак, рушила мосты, делала на узких лесных дорогах засады, а на единственной широкой и прямой дороге к Куябе Вишневич выставил тяжеловооруженную конницу.

Поздно ночью Придон вернулся в свой шатер, оттуда как будто и не выходили два десятка высших военачальников. На походном столике Аснерд расстелил карту, все стукались головами, спорили хриплыми сорванными голосами. Воздух в шатре был пропитан раздражением и злостью.

Придон снял через голову перевязь и швырнул вместе с топором на лавку. В голове гудело от усталости. Ему поднесли бодрящий сок гартника, он жадно осушил весь кувшин, глаза оруженосца восторженно расширились. Аснерд помахал рукой:

— Придон, Вишневич сумел собрать уже всю армию!.. Теперь его передовые части на расстоянии двух конных переходов. Уже завтра можем узреть его заставы.

— Состав? — потребовал Придон.

Расступились, пропуская к столу. Аснерд указал пальцем место на карте, а Вяземайт поставил туда бронзовую фигурку толстого куявского божка.

— Вот, — сказал Аснерд, — в это место сбора прут, как стадо свиней, отсюда... Состав, какой состав у куявов? Либо войско хреновое, это когда куявы, либо войско добротное, а это значит, что укреплено наемными частями. А у Вишневича две трети — наемники!

Кто-то присвистнул озабоченно. Наемники — это не толстые трусливые куявы. С наемниками они уже дрались, когда раздавили войско Одера, а у Вишневича людей вчетверо больше. И армия вооружена еще лучше, ибо охраняет подступы к столице,

Придон сказал резко:

— Но это — последняя армия куявов!

Аснерд хмыкнул:

— Как у нас... мы — последние. Нет-нет, я не призываю отступить, хоть мы и так уже столько захватили земель, что наши имена войдут в песни... Давайте думать, как их разбить так, чтобы у нас хватило людей и для похода на Куябу.

— На Куябу, — повторил кто-то зачарованно. — Неужели нам это суждено?

Придон со стуком опустил на карту кулак.

— Нам ничего не суждено!.. Суждено только слабым, для артан же Творец оставил свободу решений. Если поступим, как надлежит артанам, мы будем в Куябе.

Щецин склонился над картой:

— Тогда не будем медлить.

Придон, хмурый и настороженный, в сопровождении Аснерда, Вяземайта и дюжины военачальников объезжал передовые отряды, которым первым принять удар панцирной конницы или же, что вернее, самим удариться о ее железную стену.

Несколько человек гарцевали на конях, кто-то боролся, с десяток самых умелых выясняли, кто из них первый по метанию топоров в цель, выбрав толстый дуб в полусотне шагов, но большинство просто лежали, подложив под головы седла, переговаривались сдержанно, отдыхали после долгого перехода, копили силы для схватки.

Один из воинов приподнялся на локте, глаза устремлены в пространство, Придон видел, как губы зашевелились, глаза расширились, заняли пол-лица, из них пошел свет. Лицо, и без того молодое, стало совсем детским, восторженным.

Придон вскинул руку, за ним послушно остановились. Воин даже не заметил приблизившихся вождей, встал на колени, лицо светилось изнутри, в глазах удивление и восторг, а губы двигались все чаще, Придон даже различал отдельные слова, невнятные, скомканные, но срывающиеся с губ и улетающие прочь, как толстые шмели.

Все ждали, воин наконец затих, осел и тут только, опомнившись, заметил всадников. Вскочил на ноги, весь красный от стыда и растерянности, Придон спросил тихо:

— Что ты видел?..

— Я... — пролепетал воин, — я... я ничего не видел!

— Но ты говорил, — сказал Придон негромко, — ты говорил с кем-то. С богами?.. Или это они говорили через тебя?.. Что они говорили?

Воин растерялся еще больше, лицо стало багровым, на лбу выступили мелкие капельки пота. Развел руками, сказал жалким голосом:

— Через простых воинов боги не говорят, великий Придон!.. Я всего лишь слышал свою Туки, это дочь нашего деревенского кузнеца... Когда я садился на коня, она стояла рядом и держала мне стремя. Когда я поехал в твой стан, она бежала рядом и обещала ждать, ждать вечно... И вот сейчас, перед этой битвой, я очень ясно услышал, как она выходит на околицу и поет песню артанки, что ждет своего героя с победной войны.

За спиной Придона тихонько ругнулся сквозь зубы Вяземайт. Воин смотрел на Придона смущенными и радостными глазами счастливого человека, которого любят, которого ждут, которому обещают хранить верность и которому ее хранят.

Придон сказал сдавленным голосом:

— Да, я понимаю. Это больше, чем если бы боги.

Он тронул коня, понуждая ступить вперед, а Вяземайт спросил у молодого парня:

— Как именно она пела?.. Какие слова ты услышал?

— Она вышла, — послушно ответил воин, — на берег, на высокий берег... Я слышал, как она запела, сравнивая меня со степным орлом, что бережет честь и славу Артании... Она просила ветер донести до меня ее песню, ее слова, ее клятву ждать меня вечно... ждать вечно!.. И чтоб я знал, что она будет мне верна... верна вечно...

Плечи Вяземайта слегка обвисли. Он отвел взгляд от чистого лица воина, освещенного любовью, как неземным светом, что был до создания мира и будет после него, догнал Придона, некоторое время ехал рядом, молчаливый и угрюмый, потом кивнул Аснерду:

— Ты не мог бы... ну как-то присмотреть за тем, услышавшим?.. А то эти молодые дураки всегда лезут впереди всех!..

Аснерд вскинул брови, раздумывал. Подъехал Меклен, спросил с жизнерадостным удивлением:

— А что случилось? Это хорошо, когда молодые рвутся в бой!

Вяземайт смолчал, Аснерд скривился, каменные губы разомкнулись с усилием, слова выкатились нехотя, тяжелые, как валуны:

— Он сегодня слышал, как его... ну, та, что ждет, пела... обещала его ждать, хранить верность...

Меклен сразу посерьезнел, понизил голос и оглянулся.

— Да, жалко парня.

— Пусть бы кто из старых волков присмотрел за ним, — сказал Аснерд тяжело. — Вдруг да как-то обойдем судьбу?

Меклен сказал, подумав:

— А что, если отослать его в обоз? Придумать какое-то важное поручение?

— Как? Перед боем?

— Да придумаем что-нибудь. Мол, срочно надо осмотреть ремни на катапультах...

Аснерд сказал с сомнением:

— Перед таким боем? Когда все здесь скорее всего полягут? И каждый человек важен... Впрочем, тем более мы должны сберечь обоз с катапультами. Лады! Я щас накорябаю что-нибудь, а ты вели ему быстро собрать коня в дорогу. А то одно дело, когда не знаешь, что тебя ждет, а когда вот так... в лоб...

ГЛАВА 19

Передовые отряды донесли Вишневичу, что артанская орда уже близко, сосредотачивается для удара, но удалось отыскать удобное место и для куявского войска: широкие клинья леса закроют фланги, за спиной куявов окажется река, что не позволит легкой коннице этих дикарей быстро зайти со спины.

Вишневич выехал вперед, осмотрел, одобрил. Войско подтягивалось еще сутки, но, когда пыль заклубилась за громадной нестройной ордой варваров, войска уже заняли позиции и были готовы встретить дерзких. Артане не решились на-

пасть с ходу, что совсем непохоже на этих дикарей, ничего не понимающих ни в стратегии, ни в тактике.

Вишневич поднялся на небольшой холм, с ним десяток полководцев и сотня охраны, наблюдал с холодным презрением. Один из его полководцев, Шалам, подозвал молодого начальника охраны, шепнул, тот радостно засмеялся, вскочил на коня. Его унесло, словно сухой лист, подхваченный ветром.

— Куда ты его? — спросил Вишневич с подозрением. — Шалам, ты рискуешь.

— Пусть посмотрит, — объяснил Шалам. — Пока еще никому не удалось выбить его из седла.

— Посмотрит или ввяжется в двобой?

— Посмотрит, насколько прославленные артане хороши на самом деле.

Надар, сын Шалама, один из лучших двобойцев Куявии, поскакал прямо к стану артан. Дозорные всполошились, он проскакал перед ними, быстрый и сверкающий, захохотал, они успели увидеть только, как огромный конь развернулся на скаку и понес всадника обратно к войску.

— У них добротное воинство, — доложил он отцу, Вишневич внимательно слушал тоже. — Хорошее вооружение... для артан. Но с нашим не сравнить! Хоть мы и не любим воевать, но толк в оружии знаем. Можно напасть сразу, пока не успели окопаться.

— Артане не окапываются, — объяснил Шалам. — Они полагают, что крепость не в стенах и защитных валах, а в собственной доблести.

— Правильно считают, — крикнул Надар. — Так нападем? Или хотя бы я покажу свою удаль и мощь в поединке?

Шалам не успел ответить, вмешался Вишневич:

— Первый поединок — лицо всей армии. Опасно, если вдруг рухнешь с седла. Все упадут духом. Мол, плохое предзнаменование... Лучше для поединка выставить неизвестного бойца. У нас немало молодых богатырей, которые еще не стяжали славы. Такой вылетит из седла — позор не падет на нас, а если такое с витязем, уже известным отвагой и крепостью рук...

Шаламу не понравились такие речи, сказал заносчиво:

— Княже, достойные ли речи о моем сыне?.. Твоем троюродном племяннике?.. Надар, надевай свои лучшие доспехи! Покажи этим дикарям, что быть в составе войск Куявии — вовсе не значит быть трусами и слабыми!

Надар понесся как стрела, из лагеря артан за ним наблюдали с тревогой. Всадник огромен, конь под ним как гора, но лицо молодое, бесстрашное, такой всегда неутомим и яростен в бою, стараясь выказать себя перед своими в самом лучшем виде.

— Кто выйдет на поединок со мной? — прокричал он. — Я, Надар, сын великого Шалама, вызываю любого из вас на бой любым оружием!

Он поднял коня на дыбы, тот заржал, передние копыта помесили воздух. Устрашенные артане молча оценили огромные, как тарелки, копыта жеребца, толстые ноги, обвитые такими же толстыми жилами.

Щецин в бессилии огляделся по сторонам. Придон с основным войском сместился влево, Аснерд ведет сейчас десятитысячный отряд по берегу реки, охватывая Вишневича с фланга, это в десяти верстах справа, уже не догнать, с ним Волин, Ральсвик, Меклен и другие сильнейшие богатыри.

— Кто чувствует в себе достаточно сил? — спросил он вполголоса. — Кто сможет?

Он прошел лагерь из конца в конец, но никто не откликнулся, а Надар красиво гарцевал между двумя войсками, швырял в воздух огромную булаву, ловил на полном скаку, бросал на землю, а потом, разогнав коня, на полном галопе подхватывал ее, молниеносно свесившись с седла.

Из глубины раздался спокойный голос:

— Я.

Раздвинув воинов, словно стебли травы, вышел грузный седой Герць, постаревший в боях, погрузневший, но все еще могучий, как десять быков, неустрашимый.

Щецин вспыхнул, кулаки стиснулись сами, он чувствовал, как на глаза от досады навернулись слезы.

— Доблестный Герць, — сказал он наконец вежливо, — последние десяток... а то и два десятка лет тебя знают как

мудрейшего походного вождя. Ты всегда знаешь, как построить войско, как ударить, как победить меньшим числом. И хотя ты с упорством молодого дурня все еще бьешься в первых рядах, но не тебе состязаться с молодым львом, что только-только вошел в полную силу!.. В нем все кипит, посмотри. Он бросает булаву, стараясь достать ею солнце!..

Воины забормотали, заговорили, поддерживая Щецина. Герць покачал головой.

— Никто не минует смерти, как никто из нас не миновал рождения. Но если с рождением уже ничего не сделать, то из всех смертей можно выбрать!.. Разве кто-то смог живым попасть в небесный дворец за пиршественный стол? Я знаю, когда-то придет и мой смертный час... Одни умирают в постели, окруженные лекарями, другие — красиво в седле на горячем коне, на виду у всех!.. Если такое случится со мной, ваши сердца загорятся отвагой и мщением. Так что я все делаю верно, друзья мои.

Он обнял Щецина, тот стиснул старого богатыря, у того тело сильное и горячее, но годы нарастили поверх мускулов слой жира, из-за чего тот кажется теперь рыхлым.

Воины ударили рукоятями мечей в щиты, прощаясь со своим вождем. Герць взобрался на коня, тот даже качнулся под тяжестью, воины расступились, Герць помчался тяжелой рысью. Надар радостно заорал, пришпорил коня, Герць услышал яростный и вместе с тем веселый вскрик:

— Боги Куявии!.. Вам приношу я в жертву голову этого человека!

Они сшиблись с грохотом столкнувшихся гор. Кони присели на крупы, пыль поднялась желтым облаком, воины с обеих сторон не видели, кто победил, потом из пыльного облака послышались частые удары железа по железу.

Пыль осела, стало видно, что бойцы неутомимо наносят друг другу сильные удары топорами. Щиты обоих покрылись трещинами, начали отлетать куски, у Герця сбило шлем, ветер растрепал седые волосы, у Надара кровь на плече, железные пластины топорщатся, как гребень на спине большой рыбы.

Они трижды расходились, переводили дух и продолжали

бой. Обломки щитов брошены наземь, воины с обеих сторон кричали в возбуждении, ибо только сейчас бой стал страшен неумолимостью: один-единственный удачный удар решит всю схватку...

Ветер бросил седые пряди волос Герцю в лицо. Он поднял руку, поспешно убирая волосы с глаз, в этот момент Надар, улучив момент, нанес сильный удар в бедро старого богатыря. Острое лезвие пробило кожаные брюки и глубоко вонзилось в ногу. Надар выдернул лезвие и поспешно отпрянул, избегая удара. На лезвии была кровь до самой рукояти, а из широкой раны сильной струей брызнула кровь.

Герць опустил глаза на рану. Надар жадно ловил воздух ртом, не мог вымолвить ни слова. Его ослабевшие руки едва держали повод коня. Герць повернул жеребца и пустил во весь опор к своему войску. Горячая кровь широкой струей текла по такому же красному боку коня, никто ее не видел, но по истоптанной копытами земле тоже стелился красный след.

Конь вломился в ряды, Герць свалился на руки взволнованных сородичей.

Надар, радостно вопя, галопом промчался к своему войску. Вишневич тут же велел подать ларец с драгоценностями, Надар склонил голову, а Вишневич надел ему на шею золотую цепь с драгоценным камнем, оправленным в золото.

— Ты показал дикарям, — сказал он довольно, — что среди куявов богатырей ничуть не меньше.

— И отваги, — добавил Шалам гордо.

— Спасибо, — ответил Надар. — Спасибо!

— Отдохни, — посоветовал Вишневич. — Теперь наше войско воспрянет духом. Ты показал, что страшных артан бить можно.

Со стороны поля между войсками донесся яростный многоголосый крик. Земля загремела, застонала под тяжестью.

— Дикари не выдержали! — вскрикнул Надар.

— Оставайся здесь, — велел Вишневич. — Теперь мы истребим их всех.

В артанском стане раздался могучий крик. Страшно взревел Волик, присланный от Придона с сообщением, младший

брат Герця, такой же огромный, с седыми волосами на плечах. Он и был моложе всего на год, но старшего чтил и уважал, почти не разлучался и сейчас спешил обратно, чтобы стоять рядом с братом.

Воины с сочувствием смотрели на его страшное лицо, что мучительно кривилось, на заблестевшие влагой глаза. Волик снова вскричал, рванул на себе волосы, в кулаках остались вырванные пряди седых волос.

— Брат!.. ты же у меня один!.. У всех есть братья, сестры, родители... Но у нас же никого не было, кроме друг друга!

К нему страшились подходить, великан был страшен в горе, затем он вскочил, огляделся.

— Коня!

От громового крика дрогнула земля. Оруженосец поспешно подбежал с конем в поводу. Волик ухватил топор, лицо налилось кровью, потом краска разом покинула, стал смертельно-бледным, как бывает человек только в минуты ослепляющей ярости.

Едва он вскочил на коня, Щецин сказал мрачно темникам:

— Всем — в атаку! За ним.

Куявское войско напоминало огромного стального ежа, что прижался к земле, ощетинился тысячами длинных игл. Артане неслись широкой лавой, без всякого строя, все на легких, не защищенных доспехами конях, все с обнаженными торсами. Щецин скакал вместе со всеми, кричал, срывая голос, его сыновья на скаку стреляли из луков.

Их жуткие стрелы прошибали куявские щиты, доспехи и высовывали жало между лопаток. На место павших заученно вставали другие, а таких стрелков у Щецина всего двое, сделать безумную атаку успешной не смогут, он орал и скрипел зубами.

Молодые удальцы обогнали на быстрых молодых конях разъяренного Волика, ударились о железную стену, воздух потрясло дикое ржание коней, крики раненых, лязг железа о железо.

Через мгновение перед куявским войском образовался вал из бешено бьющихся в агонии тел. Длинные копья с уже ок-

ровавленными наконечниками втягивались, изготовясь для нового прицельного удара.

— Герць! — разнесся над полем страшный крик. — Герць!

Волик несся, как ураган. Его конь, такой же огромный, под стать стареющему богатырю, могучим прыжком перемахнул через трупы и вломился в железную стену из копий, щитов, железных и бронзовых доспехов.

Щецин несся далеко сзади, он вскинул топор и прокричал, срывая голос:

— За ним!.. За ним!..

По полю прогремело:

— За Воликом!..

Щецин с диким криком, нагнетая в себе ярость, направил коня в щель, где Волик все еще дрался, размахивал огромным топором и рубил направо и налево. В его могучее тело вонзились со всех сторон копья, но он рубил древки и доставал острием топора держателей копий, кровь текла по его телу широкими струями, но могучий голос гремел победно, топор блистал, и, когда Щецин ворвался следом и начал рубить направо и налево, а за ним в брешь вломились артанские силачи, Волик улыбнулся побелевшими губами:

— Не зря...

— Да примут тебя с честью! — крикнул Щецин. Он бешено рубился топором, принимал на щит бешеные удары.

— Иду за братом...

От страшного удара по голове у Щецина потемнело в глазах, онемевшие пальцы выпустили щит. Как из другого мира, донесся крик его сына, звуки стали глухими, а когда сознание вернулось, он был уже у самого артанского лагеря, все еще в седле, но его поддерживал обеспокоенный Крок.

— Все в порядке... — прохрипел Щецин. — Что... на поле?

— Идет бой, — сказал Крок торопливо. — Уф, хорошо, что ты цел... Волик погиб, но мы раскололи войско. А потом еще... и еще...

Щецин приложил ладонь козырьком ко лбу. Все поле затянуло, как туманом, желтой пылью. То и дело вырывались кони с опустевшими седлами, выносили всадников с залитыми кровью лицами. Небо стало желтым, солнце светило туск-

лым пятном, но в пыльном облаке часто и страшно блистали металлические искры, оттуда несся неумолчный лязг, грохот, доносилось ржание коней.

В лагерь иногда возвращались покрытые пылью и кровью воины, хватали взамен расколотых топоров или копий целые и снова устремлялись в это пыльное облако.

— Что слышно от Придона?

— Сейчас ударит слева, — ответил Крок. — Его передовые отряды уже подошли. Вот-вот ударит Аснерд, он закрывает дорогу к отступлению. Нам нужно продержаться...

Щецин выкрикнул зло:

— Что значит «продержаться»? Мы должны их разгромить! Если понадобится, то и сами!

Он подхватил с земли чей-то топор, рукоять в засохшей крови, конь ощутил страстное желание всадника и ринулся в сторону побоища. Крок вскрикнул с осуждением и одновременно с восторгом, не всякий может бахвалиться таким отцом, пришпорил коня и помчался следом.

Облако надвигалось, все громче стучали топоры, звенело железо, кричали воины. Здесь, в пыли, вместо солнца по небу плыл размытый тусклый диск, намного ярче блистали мечи, топоры, а череп трещал от крика, грохота, лязга и страшных хрипов. Со всех сторон выныривали покрытые пылью лица, похожие на звериные морды, споря с блеском топоров, блестят зубы и белки глаз.

— Артания! — заорал Щецин яростно и врубился в те ряды, где тела тускло блистали металлом.

Придон несся на горячем коне в первом отряде. Он и ворвался сразу же в куявское войско, едва завидел стройные ряды людей, закованных в железо с головы до ног.

Куявы не успели ни развернуться, ни даже опомниться, как он уже рубил, опрокидывал, повергал. Топор в его руке рассекал любые доспехи, как будто те из сочных листьев. За ним врубилась его сотня, гордая тем, что напала на целое войско — когда еще подойдут остальные! — можно будет рассказывать дома, а все будут ахать: сто против пяти тысяч!

Придон рубил во все стороны, перед ним расступались в

страхе, как перед богом войны. Даже потеряв неуязвимость, он оставался героем, чья мощь равна сотне рядовых воинов, на него набрасывались со всех сторон, но он разбрасывал уже не воинов, а разрубленные тела, за ним двигались его отборные богатыри, их может остановить только собственная усталость, а не жалкие куявы, ослабить богатырские замахи может только свинцовая тяжесть в руках, жар в черепе и рвущееся из груди сердце.

Рядом взмахивали топорами, стараясь опередить, Ральсвик и Меклен. Их отряды остались далеко позади, оба старались закрыть Придона собой, принять удары на себя, но Придон проламывал оборону куявов первым, а они вынужденно шли следом, расширяя щель.

Везде, где прошел Придон, лежали горы трупов, и везде, где дрались его богатыри, поле оставалось покрыто мертвыми телами. Битва разъединила их, сошлись уже к вечеру. Дрались без устали, пока солнце не зашло, а на смену не поднялась луна. Поле уже помертвело, везде горы трупов, по раскисшей от горячей крови земле скользят копыта, красные ручьи бегут в низины, а там сливаются в реки.

Но и тогда они дрались на измученных конях. Дыхание их вырывалось жаркое, с хрипами.

Где-то к полуночи Вишневич ощутил, что уступает артанам. А их войска все текли в ночи, словно черное половодье, сменяли усталых бойцов. Куявы же, которым не было смены, медленно отступали. Наконец небо настолько потемнело от пыли, что бойцы перестали даже различать кончик своего топора или меча, и битва постепенно затихла.

Он отпустил усталых телохранителей, вернулся в шатер и велел позвать сыновей. Их у него было трое, но младший остался дома, слишком мал, а двое дрались наравне с рядовыми воинами.

— Сирома, — сказал он, — и ты, Клест... сегодня же ночью уйдете из лагеря.

Сирома кивнул молча, он всегда все выполнял беспрекословно, а Клест спросил настороженно:

— Куда? Зачем?

— В нашу крепость, — ответил Вишневич тяжелым голо-

сом. — Уйдете так, чтобы никто не узнал. Я не хочу всяких слухов... Да-да, я забочусь о всем войске, но кровь моих детей мне дороже. В крепости тоже не оставайтесь, вы видели артанскую мощь.

— Отец, — спросил Клест шепотом, — что ты задумал?

— Возьмете брата, всю семью, — продолжал Вишневич, — и сразу же спешите в Куябу. Ее артанам не взять, а здесь они захватят все. Постарайтесь ничего с собой не брать. У артан быстрые кони, а если у вас окажется что-то ценное, эти дикари издали чуют добычу...

Клест неверящими глазами смотрел на отца, всегда железного, невозмутимого, а сейчас раздавленного, с поникшими плечами.

— Хорошо, отец, — сказал Сирома, а Клест спросил угнетенно: — Почему ничего не говоришь о себе?

— Я остаюсь, дети мои, — объяснил Вишневич. — Что делать, это моя земля, мои люди, мое войско. Я должен разделить с ними его судьбу. Вы отомстите за меня, знаю.

— Отец!

— Вы не должны горевать, — сказал он твердо, — когда услышите, что ваш отец пал в бою...

— Отец! — повторил Клест. Глаза его влажно заблестели, он бросился к отцу, обнял, прижал к груди. — Отец, как ты можешь...

— Могу, — ответил он с нажимом. — Как будто, не сложи я голову завтра, остался бы бессмертным!.. Нет, просто испустил бы дух на роскошном ложе. Какая разница?

Клест почти выкрикнул:

— Есть разница!

— Ты говоришь как женщина, — упрекнул Вишневич мягко. — Да, в этом я понимаю артан. Почему у нас в Куявии полагают, что в постели умереть — хорошо? Не понимаю! Мужчины стремятся жить красиво... и умирать тоже должны красиво. Вы можете гордиться отцом.

Они обняли его по очереди, заплакали и ушли. Он тоже чувствовал, что по щекам бегут струйки кипящей смолы, которую обрушивают на головы врага жители осажденных крепостей.

...Вишневич после ухода сыновей долго сидел в угрюмом молчании в шатре. Стражам сказал, что будет думать над планом завтрашней битвы, пусть никто не беспокоит зря. На самом деле просто отдыхал, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза.

Какой план, все и так ясно, с утра артане ударят с еще большей яростью. Только бы войско устояло, не обаранилось бесполезным бегством. Правда, можно оставить руководство на кого-то из военачальников, есть несколько очень толковых, а самому с сотней верных людей постараться выбраться еще до начала битвы. Пусть войско гибнет, в Куявии народа много, всегда можно набрать еще, были бы деньги, а деньги есть. И в Куябе, и в разбросанных по стране владениях. Вот сейчас позвать бы личную охрану, велеть седлать коней...

И все-таки что-то мешает, не позволяет. То ли слишком далеко и долго жил вне дворца и общекуявских ценностей, пересмотрел взгляды, стал ощущать себя не пупом земли, для спасения которого все средства хороши, то ли набрался артанскости... Ведь каждый из этих дикарей прежде всего чувствует себя частицей Артании, а уж потом — отдельным человеком! Ну не поворачивается язык кликнуть стражу, велеть седлать коней. Раньше бы сделал, но вот сейчас, когда стал умнее и мудрее... казалось бы, стал намного ценнее для себя, общества и всей Куявии, ан нет, как раз теперь он и останется, бесславно и бесполезно сложит голову под артанскими топорами.

За стенами шатра послышался конский топот. Захрапел конь, донеслись приглушенные крики. Заспорили, зазвенела уздечка.

Вишневич услышал приближающиеся шаги. Он открыл глаза и склонился над картой, что занимала половину стола.

Полог отлетел в сторону, ворвался взволнованный молодой сотник, на щеке пламенеет кровавая полоска, за сотником вошли и остановились у входа Емшан и Ряска, военачальники. Сотник выкрикнул торопливо:

— Княже!.. Артане послали большой отряд на перехват нашего обоза!

Наступила мертвая тишина, первым шевельнулся и выругался Ряска:

— Проклятье!.. А еще говорят, что артане — само благородство!..

— Да, — буркнул Емшан, — напасть на обоз, где наши жены и дети, — само благородство. Что делать будем, княже?

Вишневич сказал раздраженно:

— Не знаю. У нас слишком мало сил, чтобы отправить людей на защиту обоза.

Ряска смотрел исподлобья. В нехорошей тишине сказал раздельно:

— Я понимаю, что завтра нас ожидает... нелегкий день. Останется ли кто-то из нас в живых? Но наши дети, жены, родители — они должны благополучно добраться до Куябы. Княже, прошу тебя, дай мне людей, я догоню обоз и сумею его защитить. Думаю, тысячи мне хватит.

Вишневич покачал головой.

— Каждый человек на счету. Если мы выстоим, то мы сами спасем обоз. Если нет, то... К тому же артане просто разграбят обоз, но женщин и детей не тронут. Те доберутся до Куябы, а все разграбленное... это все восстановить можно.

— Княже!

Вишневич хлопнул ладонью по столу:

— Я сказал «Нет!». Идите. Скоро утро, будьте готовы к последней нашей битве.

Ряска потемнел, в обозе жена и трое малых детей, немолодые уже отец и мать, престарелая бабушка, но спорить не решился, поклонился и отступил за полог. Следом вышли Емшан и сотник, глаза отводили, брови сдвинуты, а кулаки стиснуты так, что побелели костяшки.

ГЛАВА 20

Рано утром, когда еще туман окутывал окрестности, Вишневич вышел из шатра и зябко повел плечами. Воины у костров сгрудились молчаливые, многие еще спали, положив под головы щиты.

Он в сопровождении военачальников выехал на кромку

поля, разделяющего войска. Далеко-далеко из тумана выдвигались, словно их выдавливало, коричневые кони и такие же коричневые всадники. От ночной влаги обнаженные до пояса тела блестели, как рыбья чешуя, все казались нечеловеками, молчаливые и хмурые. Из-за того, что дальше клубится плотный сизый, как перегретый дым, туман, их ряды казались бесконечными.

— Спешат, — послышался за его спиной горький голос. — Вчерашняя битва осталась за ними.

— Вчерашняя еще не окончена, — ответил Вишневич раздраженно. — Ночь и усталость прервали бой.

— Но их больше, — сказал военачальник осторожно. — Потому они уже торжествуют победу.

— Бой еще не окончен, — упрямо сказал Вишневич.

С поля катил в их сторону тяжелый гул множества людей, запахи человеческого и конского пота. Туман под лучами солнца исчезал быстро, проступили громадные фигуры всадников на великанских конях. Все новые конные отряды выезжали на поле, пыль поднималась медленно, синее небо темнело и темнело, пока желтые лучи солнца не стали от пыли багровыми.

Вишневич с тяжелым сердцем смотрел, как неторопливо и грозно выдвигается чудовищная рать артан на бескрайнее поле. Войско самого Придона выглядит как сотня могучих львов перед несметным стадом баранов, заполнившим всю долину. Тяжелый гул катился со стороны вражеского войска, но пока не слышно боевых труб, стука барабанов — опытное ухо ловит скрипы и скрежет, с каким по железу водят точильным камнем, он слышал даже, как тысячи воинов вот сейчас надели шлемы и взяли в руки щиты, всякое движение сопровождается своим звуком, что многое говорит опытному уху ветерана.

И все-таки войско артан, он чувствовал, тоже измотано и понесло огромные потери. Эту ночь они перестраивались, выставляли вперед свежие войска, а уцелевших ветеранов отправили подальше от лагеря, чтобы своими рассказами о беспримерной ярости и отваге куявов не заронили страх в сердца артан.

— Надеюсь, — прошептал он, — что получится именно так. Именно стойкость и отвага куявов...

С высоты седла пытался окинуть единым взором войско врага и не мог увидеть края. Туман постепенно рассеялся, воздух чистый и резкий, в глазах блеск от тысяч и тысяч доспехов, словно перед ним груда рыбы, что расползлась от моря и до моря, от гор и до края земли.

Острые глаза выхватили на левом краю войска знамя Вōлога, отважного и умелого воителя, за ним около сотни молодых богатырей, а дальше все их войско. На правом фланге выделяется свирепостью доспехов и облика Канивец, герой прошлых войн. За ним с полсотни ветеранов, осторожный и предусмотрительный Канивец предпочитает держать поближе к себе тех, кто уже доказал свою отвагу в прошлых битвах.

— Придон ударит в центр, — сказал он. — Здесь надо собрать всех сильнейших богатырей. Как бы он ни был силен, но увязнет... Что-то не видно Аснерда, этот особенно опасен... Пусть Ряска проследит за ним. Где, кстати, Ряска? Почему не вижу?

Емшан подъехал ближе. Глаза были виноватые, сказал мрачно, тихим голосом, чтобы не услышали другие:

— Он взял свою личную сотню и помчался за обозом.

Вишневич напрягся, быстро посмотрел по сторонам. Военачальники отводили взгляды.

— Мерзавец, — произнес наконец Вишневич. — Он там с сотней ничего не сможет... и здесь ослабил войско. Хорошо, бери Далича и вдвоем остановите Аснерда, как только тот...

Он остановился, заметив, как дрогнуло лицо Емшана.

— Что еще?

— Далич тоже поспешил с Ряской.

Вишневич задержал дыхание. В глазах потемнело от гнева и предчувствия поражения. Уже совсем тихим голосом спросил:

— Кто еще?

— Только Ряска и Далич, — ответил Емшан торопливо. — У Далича в обозе вся семья, дети, все сокровища. Он ими нагрузил сорок подвод.

— Сколько взяли с собой?

— Ряска, как я уже сказал, личную сотню, все свое войско оставил здесь... Простите, он передал его под управление мне, а вот Далич...

— Ну-ну, говори. Теперь уже ничего не изменишь.

— Далич взял с собой тысячу панцирной конницы.

Со стороны половины поля артан послышались резкие звуки боевых рогов, зазвучали большие боевые бубны. Артане запели походную песню, тысячи могучих мужских голосов звучали красиво и торжественно. Вишневич ощутил, как всего осыпало морозом, а тело ослабело. Эту песню написал, как говорят, Придон, а в ней так подобраны слова, что одних делают втрое сильнее, а других ввергают в пыль, прах...

— К бою! — прокричал он. — Решается судьба Куявии!

И снова перед железной стеной куявов вырос вал из трупов, словно куявы принимали жертвы в честь бога войны. Озверевшие артане подхватывали мертвые тела и швыряли на выставленные копья, тем самым пригибая к земле.

Бой длился почти до полудня, наконец артане раскололи главный полк и погнали обе половинки, убивая скачущих в спины. Вишневич сумел удержать ближайшую тысячу, это были самые закаленные в прошлых битвах воины. Прекрасно вооруженные, храбрые, они дрались мужественно и хладнокровно. С артанами уже сталкивались и понимали, что бегство — неминуемая гибель, артанские кони намного быстрее, догонят всех и каждого, а удар в спину ненамного лучше смертельного удара в грудь...

Да и сами артане совершили ошибку, окружив тысячу Вишневича плотным кольцом. И захотели бы куявы броситься в бегство, артане заставляли сражаться. Куявы, сомкнувшись щитами, умело и мужественно отражали атаки, вокруг их железного отряда постепенно поднимался новый вал трупов, кольцо сжималось, наконец эту группу заметил Придон, повернул коня и с разгона врезался в плотный строй врага.

Пыль поднялась сухая и ядовитая, потные лица превратились в жуткие маски. Слышались хрип, лязг, короткие стоны, треск щитов, звонкие удары железа по железу. Раненые падали с коней, но и там, на земле, продолжали драться, обломка-

ми мечей и ножей, схватывались врукопашную, били друг друга кулаками, душили, коням снизу вспарывали животы.

Придон рубился остервенело, его руки без устали наносили удары, и после каждого рассеченное тело падало с коня, в воздух взлетали отсеченные руки, головы, а он продвигался еще на шаг, еще, а с другой стороны доносился могучий рев Аснерда, тот прорубывался навстречу.

Как волны в прилив заливают остров, так и от отборной тысячи осталась верхушка, где Вишневич сам размахивал мечом, наносил удары и принимал на щит, на доспехи, уже погнутые, на треснутый шлем. Около двух десятков воинов окружили, закрывая телами, никто не пытался вырваться из окружения, не просил пощады, дрались молча, умирали молча.

Придон страшными ударами разметал защиту, бешеные глаза отыскали Вишневича. Тот дрожащими от усталости руками вскинул меч.

— Сдавайся! — крикнул Придон. — И будешь пощажен!

— Знаю я ваши пощады, — прохрипел Вишневич. Он замахнулся мечом. — Иди к Ящеру.,.

Придон ударил обухом топора, Вишневич свалился с коня как подкошенный.

Оставшихся добили быстро и жестоко. Придон огляделся с седла. Повсюду артанские отряды преследуют бегущих, убивают, убивают, убивают. Если в самой битве пала треть куявов, то в бегстве будут уничтожены все. Почти никому не удается уйти, но все же бегут, бегут, подлые и трусливые души...

Но здесь, где пала эта тысяча куявов, вокруг них вал из трупов артанских воинов, да и дальше, когда все время стягивали петлю, каждый шаг был залит артанской кровью. Трупы истоптаны копытами, павших не узнать, все до половины погрузились в кровь, что тяжелыми красными волнами заливает все вокруг, струится вязкими ручейками.

Земля пропиталась кровью, чавкает под копытами, запах тяжелый, гнетущий, едкий. Придон обвел грозными очами место схватки, прорычал:

— Видишь, злобный волк, сколько крови пролито по твоей вине?

Вишневич, сидя на земле, прошептал:

— А не ты ли ее пролил?

— Если бы ты бросил меч, — отрезал Придон, — они бы тоже бросили. И остались бы живы!.. Эй, взять этого старого дурака! И — распять у дороги, чтобы все видели.

Он повернул коня, за ним двинулись молчаливые герои, забрызганные кровью с головы до ног.

Победителем считается не тот, кто убил больше врагов или даже разгромил его, а тот, за кем остается поле боя. Куявы на этот раз сражались неплохо, только в конце все испортили, бросившись в бегство. В любом случае поле осталось за артанами, остатки куявского войска вылавливали и безжалостно истребляли в рощах, оврагах и буераках, а на огромном поле главной битвы добивали раненых и грабили брошенные шатры.

Из военачальников уцелел только Ряска, они с Даличем успели к обозу, когда артанский отряд уже настиг, остановил и принялся за грабеж. Женщин насиловали, сдирали с них ожерелья, вырывали золотые серьги, снимали кольца. Охрана лежала вся перебитая, а из увлеченных грабежом и насилием артан мало кто успел добежать до коня.

Однако бой сумели дать жестокий. Никто не спасал жизнь бегством, как принято у куявов, каждый дрался яростно и, будучи даже в одиночестве, в бешенстве бросался на целый отряд.

Перебить артан удалось с большим трудом. Из сотни Ряски полегло две трети, погибла и половина отряда Далича с ним во главе, а остальные, слишком измученные, чтобы разговаривать, лишь слабо приподнимали мечи при виде Ряски, салютуя и молча признавая старшим.

С обозом Ряска отправил сотню воинов для охраны от разбойников, а сам спешно повел остатки своего объединенного войска к Белой Веже.

Ночь застала на полпути, прятались в роще, выставив охрану, а на рассвете двинулись со всей скоростью, какую удалось развить. Они были на грани изнеможения, когда вышли к реке, а вскоре на горизонте замаячили знаменитые кручи,

где широкую реку стиснули скалистые берега. Справа над самой рекой гордо возвышалась массивная крепость.

Белая Вежа давно уже перестала быть вежей, разросшись в большую крепость, да и белой осталась самая первая башня, все годы потом строили из серого и темного гранита, в ход также шел красноватый камень с розовыми прожилками, из ближайшей каменоломни везли массивные глыбы черного гранита с вкраплениями желтого и даже оранжевого цвета. Крепость перестраивалась, с каждым разом становилась все массивнее, неприступнее, а стены поднимались выше. Как водится в таких случаях, в крепости сперва обитал только гарнизон, затем появились собственные кузни и оружейные, чтобы на месте ремонтировать доспехи, потом булочные, а там как-то сами по себе наросли домики, появились семьи, под защитой стен крепости дома становились все богаче, добротнее, появилась своя знать, свои песиглавцы и свои беричи.

Сейчас со стороны реки стена крепости обросла зеленым мохом, что осенью становится красным, потом коричневым, а зимой вообще черным, как застывший деготь.

Эта крепость, даже без всякой защиты со стороны черных башен магов, просто несокрушима, взять невозможно ни приступом, ни осадой, ибо ко всему с одной стороны защищает крутой берег, с другой — непроходимое болото, а единственная дорога настолько узка, что не проедут даже три всадника стремя в стремя.

Отряд Ряски заметили издали, рассмотрели, благо подниматься пришлось по этой извилистой дороге, ворота распахнулись, едва Ряска приблизился на взмыленном храпящем коне. Навстречу выбежали люди, хватали коней под уздцы, жадно спрашивали, откуда, что стряслось, почему все в засохших струпьях крови.

— Воды, — прохрипел Ряска. — Помогите раненым, они дрались храбро... Кто командует крепостью?

Послышался густой уверенный голос:

— Я.

Из ворот вышел в сопровождении свиты высокий огрядный человек в дорогой одежде. Лицо было высокомерным, даже надменным, но в глазах светились ум и незаурядная воля.

Ряска со стоном покинул седло, поклонился, одной рукой держась за седло, чтобы не упасть.

— Ряска, по прозвищу Быстрый Меч, — назвался он. — Бер из рода Ягеллов, володарь земель в Средней Куявии. Командовал тысячей тяжелой панцирной конницы.

Огрядный с достоинством ответил на поклон.

— Голован из рода Смольчан, — ответил он густым и медленным, как вытекающий из сотов мед, голосом, — наместник края. Вас проводят в комнаты, где посмотрит лекарь. Дадут отдохнуть, а потом расскажете... гм... новости.

Ряска проследил взглядом, как его людей разбирают по домам, махнул рукой.

— Мне бы напоить коня, — ответил он, — да напиться самому — вот и все, что сейчас нужно. Дорогой наместник, у меня плохие вести.

— Уверены?

— Я не первый год в походах.

Голован взял его под руку, прошли под арку, затем наместник кивком отослал свиту. Ряска ощутил, что его увлекают в сторону добротного дома, похожего на крепость внутри крепости.

— Здесь я живу, — пояснил Голован. — Вы остановитесь у меня.

В прихожей навстречу выбежал подросток, Голован сделал понятный ему жест, подросток исчез, а когда Ряска, поддерживаемый наместником под локоть, вошел в большую комнату, там быстро накрывали на стол. Наместник кивнул Ряске на кувшин:

— Утолите жажду. Воду сейчас греют, наши девушки помогут вам омыть свои раны... Итак, здесь нет лишних ушей.

Ряска припал к кувшину надолго, а когда опрокинул его вверх дном, заметил, что на столе поблескивают начищенными боками два кубка.

— Извините, — сказал он. — Извините... Новости настолько плохие, что я даже не знаю, с чего и начать. Скажу лучше сразу: войска Вишневича уже нет. Наверняка нет и самого Вишневича, он упрям, решил драться до конца. Уцелел только я, ибо...

Он запнулся, наместник кивком подозвал слуг, тут же перед Ряской опустился еще кувшин. На этот раз слуга самолично разлил в два кубка.

— Залейте горечь, — посоветовал Голован. — Это сладкое вино.

— Спасибо. Я уцелел, ибо был послан отбить наш обоз, на который внезапно напали артане... Половина моих людей погибла, а когда мы отбили обоз, я отправил его дальше, в Куябу. Вот тогда и пришла весть о страшном разгроме. Боюсь, что теперь артане придут сюда.

Лицо наместника омрачилось. После долгого молчания поинтересовался:

— Надеюсь, им дали такой бой, что сами истекают кровью? Возможно, уползут обратно в Артанию зализывать раны?.. Я знаю Вишневича, это старый зубр, он не даст себя опрокинуть так просто. У нас его не очень жаловали, но у артан он мог бы стать полководцем.

Ряска покачал головой. Теперь, очутившись в покое, тело напомнило о своих ранах, ушибах, усталости. Каждая косточка ныла, стонала, вопила, требовала отдыха.

— Они придут, — ответил он глухим голосом. — Ведь во главе похода — Придон! Это не простой грабительский набег. Он мстит.

— Мстит, — повторил наместник задумчиво. — Да, когда в дело вступает месть, то.... Гм... К сожалению, у меня только крепость надежная, но все остальное... У меня недостает продовольствия, ибо из Куябы давно уже не выделяют денег на закупку даже зерна. Пришлось отказаться от конницы, что, собственно, не очень большая потеря, в крепости они ни к чему, но все-таки... Я не могу оплатить работу мастеров по строительству баллист на башнях, а оттуда очень хорошо бы бросать камни в подступающих к крепости. У меня нет даже запасов смолы, чтобы лить на головы дерзких... А все доходы от моих земель уходят на то, что я плачу наемникам в крепости, а то и они разойдутся..

У Ряски от злости и отчаяния поплыло перед глазами. Он пытался стукнуть кулаком по столу, но не мог поднять отяжелевшую руку.

— Что за стыд! — вскрикнул он. — Почему Тулей не прислал людей? Мог бы и оружия, стрел, дротиков, смолы. Ведь это единственная настоящая крепость у артан на пути! Ее не взять никакими силами, если здесь хватит людей... Эх! Да и сам Вишневич, великий воин, он никогда промашки не давал!.. Почему, ну почему не послал сюда часть своих богатств, он же богат, как сам Тулей!

Наместник горько усмехнулся. Молод еще этот тысячник, хоть и командует отборной панцирной конницей. Не понимает тонкости взаимоотношений между князьями и знатными людьми, при которых судьба Куявии отходит на задний план.

— Вишневич уже не ответит, — заметил он, стараясь, чтобы в голосе не звучало злорадство. — А нам придется самим... Тех ваших людей, кто еще на ногах, я завтра же поставлю на стены. У меня слишком мало людей. Боюсь, даже с вашими будет недостаточно...

— Да, конечно, — ответил Ряска, — располагайте и мною. Но как обидно... Знал бы, своей волей прислал бы сюда целый обоз! И людей дал бы из собственного войска. Я ведь бер из рода Ягеллов, у нас богатые владения, я собрал, снарядил за свой счет и привел собственную армию в пять тысяч человек! Я легко мог бы дать вам не эти измученные сотни, а тысячу. Или две.

Он уронил голову. Наместник сдержанно улыбнулся, но сказал почти сочувствующе:

— Жизнь сложна. Особенно в Куявии. Но Вишневич вовсе не обязан был заботиться о моей крепости. Этим должен был заниматься князь Истивич, правая рука Щажарда.

Ряска с досады ударил кулаком по столу.

— Должен! Но не заботился же!

Они помолчали, наместник сказал невесело:

— Князь Одер, князь Вишневич... оба великие воины и опытные полководцы. Однако слишком долго сдерживали натиск артанских племен... и потому уверились, что сдерживать их смогут всегда и легко.

— Простой натиск смогли бы, — обронил Ряска.

— Да, молодой друг, да. Но не пылающую месть.

Ряска болезненно поморщился.

— Добро бы только месть самого Придона! Так ведь вся Артания пылает жаждой мщения. Вы знаете, что князь Вишневич посылал к Одеру вестника? Я сам присутствовал на сборе военачальников, когда наш князь отправлял гонца. Предлагал прийти на помощь со всем войском!

Он умолк, но если думал, что наместник будет поражен, то тот лишь слегка кивнул.

— Верю. Но Одер, понятно, отказался. Счел, что одним своим видом устрашит артан. Как будто этих бесстрашных зверей что-то может устрашить!

— Он сам страшился, — сказал Ряска обвиняюще, — что победой придется делиться!

— Да, — кивнул наместник, — только вы, юноша, не переоценивайте своего Вишневича. Вряд ли послал бы гонца, если бы не был уверен, что Одер откажется. Да-да, не вскидывайте брови... А так он перед вами продемонстрировал свое благородство, а сам рассчитал и то, что Одер будет разбит и что обескровленная армия артан доползет до его лагеря, где он и добьет этого зверя, раздавит тяжелой конницей, вобьет в землю, станет великим героем Куявии, получит новые земли и власть, а то и...

Он умолк, Ряска открыл и снова закрыл рот. Многие неясности понятнеют, если предположить, что Вишневич в самом деле предпочитал разгром Одера, потом уничтожение артан своими руками и — победное вступление в Куябу. В роли спасителя, а то и... тут страшно даже продолжать, но почему такому великому полководцу в самом деле не стать тцаром? Взамен дряхлеющего и никчемного Тулея?

— И что же теперь? — спросил он жалко.

Оба уже видели горящие дома и села, горы трупов, переполненные кровью ручьи, стремительную конницу, блеск на окровавленных топорах...

— Отдыхайте, дорогой друг, — сказал наместник, поднимаясь. — Поговорим утром.

ГЛАВА 21

Напуганные слухами о вторжении большого войска артан, в Белую Вежу стянулось великое множество зажиточных куявов, оставивших свои земли не только в прилегающих к Артании, но и Нижней Куявии. Даже из ранее благополучной Средней приехали со всем скарбом, что поместился на телегах, с женами, детьми, слугами, с тем скотом, который удалось собрать в спешке, так что вся крепость ржала, блеяла, мыкала и мычала.

Тяжелый запах встречал еще вблизи врат, ибо не все поместились по ту сторону стен, многие предпочли разбить шатры или ночевать на телегах здесь, а в крепость войти, только увидев приближающихся артан. В самой Белой Веже полное столпотворение: площади и даже улицы запружены телегами, доверху нагруженными скарбом, всюду горят костры, всюду жарят и варят еду. В доме правителя, довольно скромном, место нашлось только для самых знатных, в домах же знатных местных разместился люд попроще, который мог заплатить за приют. Остальные жгли костры, затевали драки, с вызовом посматривали на выходящих из домов, кричали в спину, что артане в первую очередь вешают тех, у кого перья на шапках...

Наместник облачился в доспехи, как и вся его стража, выехал на площадь, осмотрелся заново. Он еще помнил время, когда это была просто крепость, чистая и строгая, а сейчас он ехал оглохший от гула, криков, песен, ругани, криков животных. Воздух стоит тяжелый, затхлый от нечистых испарений. Всюду разные лица, разные одежды, ибо среди однотонной одежды голубого цвета, какую предпочитали в этом городе, пестрели красношапочные жители Нижней Куявии, одетые в желтые рубашки дрягинцы, а когда наместник проехал в центр, там оглушило разно-цветье пестрых долечан, что одевались, будто мечтали превзойти по яркости и цветистости радугу.

Завидя его на коне, повсюду ликующе кричали, вскидывали шапки. Сразу пошли толки, что бы это значило. То ли наместник поведет полки навстречу артанам, то ли будут отси-

живаться здесь, за неприступными стенами. Правда, сейчас набежало столько народу, что все сожрут за неделю, всего на пару недель хватит скота, даже коней можно будет резать и есть, словно дикие артане, ну а потом как?.. Выйти и биться, когда уже отощают так, что от ветра будут шататься?

Наместник смотрел на все сборище, огромным усилием делал лицо приветливым. Все это помеха, но он обязан защищать этих людей. Это они содержат армию и его самого, они дают деньги на доспехи и оружие, они же поставляют своих сыновей в ряды его войска.

Народу в крепости, как он отметил, немало, но по большей мере это все прибывшие с земель Нижней и Средней Куявии, куда уже вступили артане. Беглецы настолько уверовали в несокрушимость крепостных стен, что наотрез отказались присоединиться к обозу, что направлялся к столице. Напрасно наместник уверял, что это не обычный набег расшалившегося соседа, вся Артания идет войной, но бер Ряска из рода Ягеллов, володарь земель в Средней Куявии, заявил с веселой надменностью:

— Если кто сюда и доберется, тех мы изловим и украсим ими стены, ха-ха!

Его приближенные довольно вопили и потрясали мечами. Наместник сказал невесело:

— Что вы не дали ему отпор сразу?

— Мы были не готовы, — заявил князь с достоинством. — Они вторглись раньше, чем мы успели собрать войска.

Наместник стиснул кулаки, о вторжении артан все знали и говорили задолго до того, как они вторглись.

— Ладно, — ответил он сдержанно, — а если он возьмет крепость?

Ряска сказал громко, в расчете на своих сторонников:

— Тогда вам лучше идти в огородники, дорогой бер! Мы прибыли сюда, уверенные, что вы не просто удержите крепость, но и разобьете этих варваров!

Наместник подумал, проговорил задумчиво:

— Вы старше меня, знатнее, у вас более именитый род... Вас уважают, ценят, к вашему мнению прислушиваются... А что, если в самом деле передать командование крепостью

вам? Все-таки бер Ряска, что командовал тысячей тяжелой панцирной конницы, — это не какой-то простой бер Голован!

Ряска, что кивал и раздувался при каждом слове наместника, при последних словах вздрогнул, глаза округлились, однако среди его сторонников поднялся радостный крик, в воздух взлетели шапки. Наместник смотрел в ожидании ответа, и князь выпятил грудь, сказал значительно:

— Надо обдумать. В любом случае ваше предложение правильное, достойное!.. Опыт и знания надо уметь ценить, вы это сделали. Я в самом деле без бахвальства скажу, что одного моего имени артане страшатся, как и славы тоже. Они все помнят мои славные подвиги...

Наместник воспользовался паузой, пока Ряска придумывал себе славные подвиги, сказал с нажимом:

— Значит, вы принимаете руководство крепостью?..

Со всех сторон клич раздался еще громче. Хором выкрикивали здравицу беру Ряске, бросали в воздух не только шапки, но и булавы. Ряска посмотрел исподлобья, наместник улыбается хитро, и, вспыхнув, сказал громко:

— Да, я принимаю!..

Наместник поклонился.

— Вот и хорошо, — сказал он елейным голосом. — Артанское войско разделилось на три отдельные армии, одну ведет Аснерд, вторую — Щецин, а третью — Придон. Увы, сюда как раз идет Придон. Я его видел, разговаривал, но... теперь это совсем другой человек. Я думал, что хорошо его знаю, но... ошибся. Я полагал, что такой молодой и отважный не в состоянии командовать даже десятком... Но он ведет и умело управляет огромным войском! Сейчас оно в двух сутках пути от Белой Вежи, но, возможно, уже и в сутках.

Ряска отмахнулся:

— Ерунда. Артане не умеют брать даже курятники. Тем более им не по зубам такая крепость. Они разобьются о наше мужество, как волны прибоя разбиваются о гранитные скалы! А кто уцелеет после этой кровавой для них осады, мы тех развесим вдоль стены. Не хватит места — развесим на деревьях. В лесу веток хватит, ха-ха!

Наместник преувеличенно низко поклонился, в глазах и на лице смирение, почтение, даже благоговение. Он отбыл, а на площади началось ликование сторонников Ряски, зажгли костры, начинали забивать для пира скот.

В этот же день, к полудню, наместник выехал через северные ворота с небольшим обозом, куда сложил все самое ценное, а в крытую коляску посадил жену и двух детей. С ним было всего десять всадников, больше взять не решился, чтобы не обвинили в предательстве интересов Куявии.

Бер Ряска только к вечеру обнаружил, что наместник его перехитрил и обвел вокруг пальца. Он, князь, намеревался использовать огромный опыт наместника, его умение оборонять крепость, все равно слава досталась бы ему, Ряске, но эта сволочь подстроила так, что и руководство он принял по своей воле, и не успел указать наместнику его новые обязанности...

Обоз наместника двигался с черепашьей скоростью. Десяток воинов чувствовали себе беспомощными, артане на их легких конях, может быть, уже пронеслись, как на крыльях, до самых гор, потому на ночь прятались в лесу, даже днем старались ехать по низинам, балкам, избегая дорог.

Артане, как понимал наместник, легко бы догнали, если бы не делали длинные рейды в стороны, захватывая и сжигая города, дабы не оставлять за спиной вражеские гарнизоны.

На второй день, как он покинул Белую Вежу, к ее стенам подошли артане. Никто не скажет, как держался бер Ряска, вел ли себя мужественно или же умер трусом. Но лучше считать, что защищался мужественно, а погиб на стене, защищая ворота. Двое суток крепость еще держалась, но огромные катапульты бросали через стены кувшины с горящим маслом, даже бочки со смолой, что поджигали сразу несколько домов, огромными камнями рушили стену, выбили ворота.

Все население и даже воины бросились гасить пожары, и тогда артане ворвались в казавшуюся неприступной крепость. Разъяренные упорным сопротивлением, они вырезали всех защитников, разграбили город и перебили всех, кого отыскивали даже в подвалах, на чердаках. Пьянея от крови и безнаказанности, детей поднимали на пиках, с женщин срывали

одежду, насиловали прямо на площадях, отпускали, строго-настрого запретив одеваться, ибо все куявы — животные, свиньи, а свиньи должны ходить голыми.

На второй день Придон вывел всех до единого из крепости, а Вяземайт сказал торжественно:

— Взгляните на эту... черную вежу!.. Отныне она такой и останется — черной. И будут ее звать Черной Вежей, ибо для куявов день стал черным.

Закопченные, почерневшие от дыма и гари развалины крепости чернели на нежном голубом небе, как грех, как проклятие, как преступление.

Придон оглядывался на горящую крепость с отвращением. До этого он водил отряды удальцов, отважно сражался, захватывал богатую добычу, всякий раз покрывая себя и своих людей славой, но города в прошлые лихие налеты брать не приходилось. Знал, как захватывают, слышал от старых воинов про все уловки, запоминал, жадно схватывал все, что рассказывали о воинском умении, приемах, хитростях, ловушках, но в рассказах всегда было больше славы, отваги, и совсем опускались всякие мелочи вроде избиения безоружных. А сейчас уже не удастся свалить на то, что бесчинствует куявская чернь. В Белой Веже обошлось без этих ублюдков, но, теперь уже видно, бесчинство заразно. Как ни закрывай глаза, но признайся хотя бы себе, что убивали, насиловали и бросали в огонь вопящие жертвы сами охмелевшие от крови и безнаказанности артане.

Он молча повернул коня, Крок крикнул удивленно:

— Куда? Там пустой лес!

— Поохочусь, — буркнул Придон.

Конь пошел вскачь, деревья приблизились, ветка хлестнула по лицу, и внезапно в самом деле решил найти след какого-нибудь зверя и погнать через буреломы, завалы, овраги. Может быть, из памяти уйдет или хотя бы отодвинется на задний план этот горящий город с окровавленными трупами на улицах, с обесчещенными женщинами и с их мужьями, распятыми на дверях своих домов.

Дорожка повела в густой лес, Придон тут же повернул ко-

ня и пустил в чащу, избегая дороги, но вскоре наткнулся на хорошо утоптанную тропу, она прихотливо вилюжилась между деревьями, он пустил коня напрямик, наконец-то нехоженое место... и снова наткнулся на тропку, явно не звериную, а протоптанную людскими ногами.

Озлившись, не стал больше ничего искать, дал коню свободу, тот потрусил легкой рысцой, взмахивал гривой, на ходу срывал гребешки высоких трав.

Дорога вилась через лес прихотливо, по своим законам, Придон ничего не замечал, вздрогнул, только когда впереди молодой статный дуб и яркая рябина, обнявшись ветками, никого не замечая, перешли через тропку, счастливые, а птицы кричали вслед веселое, звонкое, задорное, а то и вовсе игривое, намекающее.

Горечь плеснула в сердце желчью, там застонало, скукожилось. Он поморщился, чуткий конь остановился, терпеливо ждал, пока хозяин слезет, подобно старику, цепляясь за седло.

Придон шлепнул его по толстому крупу:

— Далеко не уходи...

Конь повернул голову и смотрел добрым коричневым глазом. Придону почудились в глазах коня тревога и беспокойство.

— Просто посижу, — сказал он. — Понимаешь, посижу... Почему-то именно в леса уходят, когда хотят подумать. А ты пока травку щипай, тебе думать не надо. Ты — счастливый.

Он осторожно опустился на пенек, тот окружили плотненькие, как простолюдины в давно не воевавшей стране, боровички, чуть дальше собрались в группу тонконогие аристократичные опенки, по всей поляне ажурный папоротник, зеленеют листочки земляники, уже отцвела, скоро покраснеют ягодки... Смутно подумалось, что боровичкам вроде бы еще рано, что за лес такой, не колдун ли где поблизости...

В голове шум и смутные образы, где и лицо Итании, и скачущие кони, и горы, степь, пожары, блеск топоров, слышен грозный рев, но это не людской, не звериный, что-то вроде морского прибоя, но мощнее...

Посвежело, он поднял голову, небо темнеет, из-за верхушек деревьев наползают сизо-черные тучи.

— Ко мне, — позвал он, поднимаясь. — Видно, не всякий, кто уходит в лес, становится мудрецом.

Конь подбежал с готовностью, Придон прыгнул с разбега, ухватил повод, конь тут же с настобурченными ушами пошел подпрыгивающим галопом. Деревья мелькали, как прутья плетня, над головой то и дело проносились суковатые ветви, Придон пригнулся к конской шее, чувствуя надежное животное тепло.

Мягкий стук копыт сменился сухим, деревья разбежались в стороны, как вспугнутые воробьи, конь выметнулся на широкую, прокаленную солнцем поляну, даже не поляну, а обширное поле, окруженное лесом, только что никем не вспаханное, не засеянное.

В спину толкнуло свежим ветром, над головой прогрохотал гром, блеснула молния, и снова грянуло, ближе и ниже, словно некто гнался за ним на облаке и метал громовые стрелы.

Справа на поле обрушился ливень, двинулся наклоненной стеной, и тут сзади на плечи, на голову, на спину будто вылили ушат ледяной воды, прямо из проруби, Придон невольно вскрикнул, захохотал, конь под ним уже не шел галопом, а летел над землей, вытянувшись в струнку.

По всему полю земля сперва взлетала фонтанчиками пыли и грязи. На диво крупные капли били по голове, как камешки из пращи, потом все поле превратилось в мелкое кипящее фонтанчиками озеро. Далекие горы, лес и даже ближний кустарник скрылись за водяным занавесом, холодным и острым, как настой жги-травы.

Тучи двигались не плоские, а стеной, и по этой стене жутким шипящим зигзагом пробегали огненные молнии, похожие на трещины в скале, где просвечивает расплавленное золото. Следом обрушивались грохочущие удары, земля подпрыгивала, мир глох, звери глубже забивались в норы, и даже конь вздрагивал и приседал на круп.

Придон оглох от грохота, ослеп от нещадного блеска молний, потом как-то разом ливень стих, сквозь поредевшую завесу падающей с неба воды проступил ближний лес, затем и

дальний, а потом между деревьями показалась покосившаяся избушка. Конь всхрапывал, бока в мыле, клочья пены на удилах. Можно бы, конечно, мелкой рысью вернуться в стан, если отыщет дорогу, но тучи не расходятся, двигаются, как герои-поединщики, присматриваясь друг к другу, темнеют от злости еще больше.

Он соскочил у крылечка, бросил поводья на крюк коновязи, для верности еще и замотал. Конь забрызган грязью по брюхо, будто плыл через болото, да и у него сапоги в грязи до колен, будто бежал наперегонки с конем. Крыльцо пошатывалось под его весом, из прогнивших досок чвиркали мутные струйки желтой воды.

Он кое-как почистил подошвы о ступеньку, подобрал толстый прут и поснимал липкие лепехи, что как чехлы пытались охватить низ сапог. Из дома никто не вышел, хотя он топал и гремел, да и конь прямо перед окном, а такое безлюдье кому понравится. Придон наконец насторожился, поглядывал на дверь, опустил ладонь на рукоять топора. Дверь чуть-чуть приоткрыта, внутри дома чернота, здесь, на крыльце, даже безопаснее, хотя тучи снова собираются в кучу, громоздятся одна на другую, вжимаются одна в одну, становятся тяжелее, плотнее, вот уже плотность камня...

По всему западному краю вспыхнуло красным огнем, полнеба сразу загорелось, затрепетало, словно крылья небесной бабочки, и погасло, а много позже докатился басовитый гул.

— Есть кто-нибудь? — крикнул он громко.

Не дождавшись отклика, толкнул дверь, шерсть на загривке встала дыбом, из полумрака блеснули желтые глаза хищного зверя, а над головой бесшумно пролетело нечто крупное, ощутил движение воздуха и запах зверя.

Быстро привыкающие к полумраку глаза вычленили крупного кота на поперечной балке, смотрит враждебно, выгнув спину, глаза горят, как плошки. Скамья перевернута, к тому же разрублена молодецким ударом. Обломки стола, а у самого очага застыло на полу скорченное тело старухи с жидкими седыми волосами.

Он обвел взглядом все помещение. Сильно пахнет лечебными травами, на стенах покачиваются под порывами про-

никающего через раскрытую дверь ветра пучки трав, корешков. Горшки и чаши разбиты до единой, на полу еще не просохли лужи.

Кот подвигался на балке, лег, желтые немигающие глаза следили за человеком, как за очень крупной мышью. Наверное, вернулся недавно, такого кота убили бы сразу. Спутники колдунов и колдуний еще опаснее, через них колдуны черпают свою недобрую силу. При всяком колдуне есть либо летучая мышь, либо черный кот, либо еще какая ночная дрянь, для связи с силами Тьмы...

Он поколебался, но отвращение к новому убийству внезапно наполнило сердце. Он снял с рукояти топора пальцы, повернулся и вышел в чистый послегрозовой мир. Ничем этот кот уже не опасен, ибо сам не колдует, а после того, как здесь промчались артане, вырублены не только колдуны, но даже их дети в колыбели. А коты столько не живут.

Синие глаза мелких луж стыдливо смотрели из-под густых зеленых ресниц в такое же синее небо. Конь мчался легко, сочная трава мягко шелестела по ногам, по брюху. Далекий лес приблизился, деревья разбежались, конь понесся резво, но лес не кончался, а все дорожки и тропки этого исхоженного куявами леса стерлись мощным дождем, конь сам перешел на рысь, Придон начал посматривать на небо.

Тучи разошлись, выглянуло умытое чистенькое, как очищенное круто сваренное яичко, солнце, но уже перешло на западную сторону неба.

Когда же они продрались на нечто подобное дороге через лес, багровое зарево стояло над западной частью леса. Конь храпел, покачивался от усталости. Над головой вились безобидные комарики-толкунцы, а небезобидные бросались как голодные коршуны, вонзали клыки в руки, шею, щеки.

Дорога тянулась разбитая, изъезженная, так что наверняка вскоре не за этим поворотом, так за следующим окажется селение. Скорее всего дрябовичей, как он уже слышал, хотя и веспяне селятся иной раз в лесу... Конь чуть приободрился, ступал быстрее, принюхивался, как пес, чуя близкое жилье.

Впереди в полутьме мелькнуло. Придон бросил руку на рукоять топора, крикнул злым голосом:

— Вылезай! Иначе сейчас же всажу стрелу!

Конь так же ровно шел вдоль кустов. Ветви зашатались, шагах в пяти дальше по дороге из кустов выполз человек, умоляюще раскинул руки:

— Не стреляйте! Я только...

Он осекся, увидев, что у всадника со страшным голосом в руках нет лука. Придон рассматривал человечка с брезгливостью. Не услышал, что его догоняет всадник на топочущем коне, а когда наконец услышал, то прыгнул в кусты так, что завяз, как муха в паутине.

— Кто такой? — потребовал он.

— Пощадите!.. Меня зовут Толокно, я просто шел через лес...

Придон окинул его внимательным взглядом.

— Куяв?

Толокно затрясся.

— Я не воин, благородный артанин!

— Вижу, — сказал Придон жестко. — Воины остаются. И умирают под нашими топорами. А ты удираешь в свою проклятую Куябу? Так ведь? Удираешь?

Толокно рухнул на колени.

— Пощади, мой господин! Я никогда не был в Куябе... Куявия слишком велика, мы живем, старимся и умираем, не увидев стольного града.

Придон уязвленно нахмурился. В самом деле, Куявия кажется малой страной, лишь когда говоришь о ней в Артании. Но здесь множество не только городов и сел, но здесь разные племена, народы, здесь бесконечные леса, что напоминает о Славии, здесь есть равнины, когда видишь в любую сторону только бескрайнюю степь, здесь широкие спокойные реки, но здесь и горные злые речки, водопады, горные хребты...

Куяв торопливо говорил:

— Я бегу лишь потому, что здесь никому больше не нужен. Я был смотрителем за книгами, писцом, потом — старшим над писцами. Но когда пришла война, кому такие, как я, нужны? Своим в тягость, а вам... только мясо для мечей, от которого славы не прибавится, а лезвие может затупиться о мои старые кости!

Придон прорычал:

— Ты хочешь сказать, что наши топоры недостаточно остры?

Толокно опустил голову, чтоб не видеть ни сверкнувших гневом глаз могущественного артанина, видно по одежде, что могущественного, ни его топора, что уже так и просится в хозяйскую руку.

— Я только сказал...

— Селение близко? — прервал Придон.

— За этим поворотом!

— Веди, — велел Придон.

Толокно сделал два торопливых шага впереди, Придон видел, как напряглась его спина. Но писец не удара топора в спину страшился: оглянулся, лицо белое, в глазах дикий страх.

— Мой господин! Селение за поворотом, клянусь!.. Но мне страшно туда заходить. Отпусти меня, что тебе в моей крохотной жизни? Это все равно что убить комара: ни чести, ни славы. А я буду радоваться солнцу и прославлять твое благословенное имя!

Придон знаком велел бежать впереди. А чтобы куяв не раздумывал, вытащил топор и с недоброй улыбкой посмотрел на его шею. Тот вскрикнул, как испуганный зверек, побежал жалкой трусцой. За ним, почти касаясь плеча, нависала конская морда.

Присутствие селения он ощутил еще раньше: по запаху гари. Затем увидел, как из-за деревьев поднимается черный дым, а затем из-за поворота и в самом деле выступил ряд домов, соединенных общей крышей. На месте самого дальнего догорали черные бревна, огня уже не было, а множество людишек суетились вокруг столба дыма, с разбега плескали воду из ведер.

С веток огромного раскидистого дуба, что величественно царил в самой середине селения, свисало с десяток повешенных. Под легким ветерком трупы мерно раскачивались, иногда задевая друг друга. Посреди селения на откормленных конях сидели уверенные в себе воины.

— А, — сказал Придон недобро, — вот почему ты так страшился пройти здесь...

Их заметили, трое крепких ребят тут же пустили коней навстречу. Один заорал уверенно:

— Эй ты! А ну слезай с коня!

Придон удивился:

— Зачем?

— Потому что это теперь мой конь, — объявил всадник. — А ты...

Страшная ярость ударила в голову так внезапно, что он только и успел понять, что пальцы судорожно сжались на рукояти топора. Остро блеснуло железо. Послышался вскрик, полоса стали разрубила сочное молодое мясо, рассекла кости, жилы, суставы, тут же топор метнуло чуть влево, кисть тряхнуло, всадник наклонился на конскую гриву, а голова скатилась на землю.

Первый всадник уже рухнул с седла жутко разрубленной надвое тушей. Третий испуганно подал коня назад, лицо стало как у мертвеца, в глазах появился дикий страх.

— Придон?.. Сам Придон?..

Толокно трясся в сторонке. Придон нагнулся, вытер лезвие об одежду убитого, а когда чистое лезвие скрылось в ременных ножнах, сказал уже с контролируемой яростью:

— Теперь запомните.

На шум схватки примчались еще пятеро. Вряд ли кто из них видел его в лицо, да и знаков вождя Придон не носил на себе, а если и узнали его, то только по этим страшным ударам да по внезапной ярости.

Толокно рухнул на колени.

— Мой господин! Прости, что сразу не распознал твою божественную природу под личиной простого охотника...

— Иди, — велел Придон. — Беги в свою проклятую Куябу!.. Здесь тебя никто не тронет. Можешь взять в этом селении еды на дорогу. Все равно я приду в Куябу и разрушу всю вашу проклятую державу.

Толокно поклонился, попятился и неслышной тенью скользнул вдоль домов. Придон бросил всадникам:

— Чей отряд? Пошлите вестника к Аснерду, что я вышел сюда... после охоты.

ГЛАВА 22

Небо уже темнело, а на черной, как уголь, земле цвели страшные цветы... нет, это всего лишь костры, но до самого края земли, и страх пробежал между лопатками. Эту силу привел с собой он, Придон, обезумевший от страсти...

Конь повеселел, ощутив запахи огромного войска, скоро отдых, под копытами застучала сухая утоптанная земля, по бокам канавки для отвода воды. Та самая широкая куявская дорога, по которой в Куябу он ехал с Аснердом, Вяземайтом, Скиллом и сыновьями Аснерда: Олексой и Туром. Дорога тогда была не просто оживленной, нескончаемым потоком тянулись подводы в обе стороны, пахло хлебом, рыбой, пряностями. Сейчас дорога опустела, зато по обе стороны тянутся подсвеченные снизу огнем костров столбы и виселицы. На столбах распяты мужчины, женщины, даже дети, а на виселицах болтаются в петлях недавно повешенные. С пронзительными криками мечутся какие-то странные ночные птицы, садятся на трупы, те раскачиваются, пугая, но кое-где повешенные уже смотрят пустыми глазницами.

У распятых еще днем вороны выклевали глаза, сейчас в темноте что-то шевелится, раздирает плоть, ломает черепа, добираясь до сладкого мозга. В воздухе сильный запах гари. По обе стороны развалины, среди черного пепелища поднимаются остовы каменных очагов, идолы из камня. Огонь не пощадил даже сады, в воздухе кисло-сладкий аромат печеных яблок.

Навстречу выехал Аснерд, вгляделся с тревогой.

— Ничего не случилось?

— Да так, — ответил Придон неопределенно. — Благородное искусство охоты.

Костры светили Аснерду в спину, Придон не видел его лица, только уловил сильнейшее недоумение в голосе:

— Охоты?

— Да, — ответил Придон. — А что? Я не могу позабавиться охотой?

Огромная темная голова качнулась из стороны в сторону.

— Ты? Охотой? Позабавиться?.. Ну и слова... Придон, тебя в лесу не подменили?

— Все может быть, — ответил Придон суховато. — Я уже не знаю, какой я настоящий. А что так много шалашей?

Аснерд проследил за взглядом Придона, лицо старого полководца не дрогнуло, прорычал медленно и неспешно:

— Народ устраивается на отдых... Стоит ли?

Придон вспыхнул:

— Какой отдых?

— Да так, я только сообщил...

— Смеешься? Созови военачальников ко мне в шатер. А с утра выступаем на Куябу!

Аснерд кивнул, голос в темноте прогудел мощно и успокаивающе:

— Нет, вроде не подменили.

Теперь уже ничто не загораживало дорогу к стольному граду, а всякие мелкие города, коих в Куявии видимо-невидимо, уже не помеха.

Эти земли еще не знали такого стремительного передвижения конных масс, а орлы и пролетающие в тех краях драконы видели, как земля внизу струится и колышется, словно двигаются мириады переселяющихся мышей, что вдруг покинули свои места и перебираются на новые.

В Куявии больше лесов, гор и рек, чем в Артании, но армия, разбившись на десятки, сотни, а затем и тысячи отрядов, двигалась с той же скоростью, словно мчалась по ровной, как стол, степи. Впереди неслись удальцы, которые уже побывали в этих краях, по их указке войска с разбегу переправлялись через реки по удобным бродам, проходили по прямой, заранее минуя леса, неожиданно оказывались перед городами, а в иные так и вовсе врывались через распахнутые ворота раньше, чем стражи спохватывались.

По строжайшему наказу Придона в таких городах больше не позволялись бесчинства, и воодушевленные куявы начали охотно помогать захватчикам, указывали дороги, склады. Появились слухи, что многие из куявской бедноты грабят богатые дома сбежавших вотчинников, а затем, хмелея от безна-

казанности, мстительно сжигают эти роскошные загородные дворцы. Такие слухи летели впереди артанского войска, и беднота в самом деле сперва грабила оставленные дома, а там было что грабить, ибо беры зачастую успевали отправить только семьи, а сами слишком долго увязывали ценности, а потом и вовсе нападали на богатые особняки, где вырезали обитателей, не щадя ни хозяев, ни их слуг.

Страшный удар потряс Куявию, что уже много веков привыкла считать себя несокрушимой. Куявская армия перестала существовать, самые именитые полководцы в плену, чернь ощутила полную свободу и учиняет неслыханные зверства над теми, перед кем вчера лебезила и кому униженно кланялась. Города в огне, села в огне, уцелевшие люди бегут в леса и живут там, как звери, нападая друг на друга. Уже и самые мирные и добропорядочные, охмелев от безнаказанности и безнадзорности, творили неслыханные злодейства, убивали и даже истязали захваченных, упиваясь свободой творить зло.

Если раньше перед бером и даже беричем всяк ломал шапку и низко кланялся, то сейчас даже самый уважаемый бер не мог пройти по улице, чтобы кто-то не бросил в спину дерзкое слово, а если не окажется с бером надежной охраны, то могут и напасть, сорвать богатую одежду, а самого бера избить, а то и вовсе убить. Исчезло уважение перед знатным, перед старшим, даже перед родителями и наставниками. Всяк свои желания ставил превыше всех, а отсюда по стране покатились убийства, грабежи, поджоги, измены и вероломство.

Артане с удивлением смотрели на юг. Там, куда повернуты морды их скачущих коней, горизонт затянут синеватой дымкой, небо тоже в сизом мареве, как бывает только от сильных пожаров, а когда наступала ночь, они видели впереди багровое зарево, словно заходящее солнце увеличилось в сотни раз и остановилось сразу за горизонтом.

Пожары и пожарища встречали высланные вперед разведывательные отряды. Если раньше чернь сжигала дома богатых, дома знатных и дома тех, кто осуществлял власть: старост, судей, наместников, то теперь жгли все подряд, только бы видеть горящее добро соседа, слышать его отчаянные кри-

ки, наблюдать, как он с женой и детьми старается спасти имущество или хотя бы спящих в колыбели младенцев.

Вся Куявия с ужасом повторяла имя человека, о котором совсем недавно говорили с насмешкой, как про обманутого неудачника. Придон, сокрушивший дивов, в разговорах и пересудах стал сперва героем: припомнили, что все-таки сокрушил чудовищ, а Меч добыл, а не нашел на дороге, а потом заговорили и о его страшной мощи как грозного и карающего тцара-полководца, умелого и беспощадного.

Страх и ненависть тут же обратились на Тулея, которого только что прославляли, что сумел и дикаря обмануть, и принцессу не отдать. Самые знатные вотчинники и наместники потребовали, чтобы Тулей срочно признал вину перед артанским тцаром и обязался возместить ущерб. В подтверждение требования всяк грозил, что откажется повиноваться такому недальновидному тцару, ввергшему страну в такую беду.

Многие уже посылали доверенных людей навстречу наступающим артанам и заверяли их, что не будут сражаться за правителя, так обманувшего их, артан, ибо с соседями надо жить в мире и согласии.

Когда до Куябы осталось два конных перехода, передовые отряды донесли, что из стольного града поспешно выходит навстречу огромное войско.

Придон удивился, не проще ли куявам дожидаться за крепкими стенами, Вяземайт объяснил мягко:

— Город столько не вместит... Я смотрел в магические зеркало. На призыв Тулея сошлись беры из окрестных земель, а это впятеро больше, чем нас. И вооружены так, что нашим голопузым и не снилось.

— А город?

— В городе тоже полно войск, — ответил Вяземайт. — Но это войско на пути к Куябе — последнее.

— Мне кажется, — проворчал Придон, — я это уже слышал...

— Что?

— Насчет последнего.

Вяземайт развел руками:

— Куявия велика...

Придон раздраженно отмахнулся:

— Ладно, посмотрим, что нас ждет.

На ночном совещании не было только Меклена, но утром он примчался на взмыленном коне. За ним маячили запыленные всадники, головы двоих небрежно повязаны чистыми тряпками, красные пятна проступили сквозь плотную ткань.

— Обоз! — прокричал он возбужденно. — Куявский обоз!

Придон, услышав крики, выскочил из шатра первым, за ним поспешили военачальники. Меклен замахал ему рукой, прокричал счастливо:

— Обоз!.. Тот самый, что отправил Вишневич!.. А по дороге к нему прибивались еще обозы с сокровищами!.. Телеги увязают под тяжестью золота!..

Аснерд насторожился, крикнул:

— Где? Перехватили?

— Не успели, — ответил Меклен. Он нехотя слез с коня, покачнулся, постоял, держась за стремя. — Но и они далеко не ушли. Увидели нас, свернули к городишку. Вот там, западнее!.. У них охраны около сотни, а со мной только трое. Думаю, что теперь в ловушке.

Придон слушал молча, Аснерд поинтересовался:

— Городишко... что из себя? Крепость?

Меклен отмахнулся с пренебрежением:

— Откуда? Наши сюда еще не подступали. Правда, стены высокие, толстые. Но сам город мал, сумеем окружить, мышь не выскользнет. Думаю, что в том обозе огромные сокровища! Это же тот, тот самый!

Аснерд сказал угрюмо:

— Тогда драться будут не на жизнь, а на смерть. Только жадность может заставит куява вести себя подобно героям. Что скажешь, Придон?

— Окружить город, — сказал Придон коротко. — Если не откроет врата, взять и сжечь!..

— А ты? — спросил Аснерд.

Придон отмахнулся:

— Я с основными силами пойду главной дорогой. До Куябы уже рукой подать! Что мне городишки, в Куявии их как грибов в лесах Славии... Что-то не так, Меклен?

Меклен с самым смущенным видом поерзал в седле. Всадники за его спиной отводили взоры.

— Там что-то странное, — сказал Меклен нерешительно. — Мы, честно говоря, попытались было ворваться следом... Глупо, конечно, но нам тогда сгоряча ну просто нельзя было иначе... Но... с разбега налетели на каменную стену! Мчались вроде бы к воротам, а получилось... Но вон Шестак говорит, что своими глазами видел, как последние телеги проходили прямо сквозь стену!..

Один из всадников сказал угрюмо:

— Да, видел, я не слепой. Либо колдуны отвели нам глаза, либо умеют ходить сквозь стены. И других провести могут. Так что если ехать туда, то без Вяземайта там делать нечего. Городишко — раз плюнуть, но когда такие колдуны, то это уже крепость. Непростая крепость.

Придон посерьезнел.

— Я останусь, — сказал он коротко. — Предначертание артан — очистить мир от колдунов и драконов.

Войско выступило, а Придон с сотней героев понесся по следам Меклена. Самого Меклена силой оставил в лагере, велел залечить рану, пообещал, что его доля добычи не уменьшится.

Рядом с ним мчались Аснерд и Вяземайт, оба выглядели серьезными, а волхв к тому же на скаку шептал, взгляд невидящих глаз ушел далеко вперед, лицо отвердело, и даже косматые брови не трепетали под встречным ветром, в то время как у Придона ветер выворачивал веки, раздувал рот и старался выдрать целые пряди волос.

Часть телохранителей старалась держаться впереди, онито вдруг и замахали руками, закричали предостерегающе. Железная рука Аснерда сразу же ухватила повод коня Придона, а Вяземайт, напротив, ускорил бег своей лошади.

— Да что там? — нетерпеливо выкрикнул Придон.

— Колдовство, — ответил Аснерд.

Они пустили коней шагом. Жидкий, как куявский суп, лесок расступился, впереди широкое поле, залитое серым неопрятным туманом. Привычным таким утренним туманом, что

поднимается от земли и пропадает под жгучими лучами солнца, но сейчас уже полдень, солнце жжет обнаженные плечи и спины, однако туман не исчезает, становится даже плотнее, гуще, в нем пугающе двигаются темные тени.

Придон скрипнул зубами.

— Если даже город сдадут, — проговорил он сдавленным голосом, — то колдунов перебить всех! Быстро и без жалости.

Аснерд оскалил зубы в усмешке.

— Сдадут город? Шутишь? С таким богатством? Единственное, за что куявы готовы отдать свои жалкие жизни, так это за свое тряпье.

Кони осторожно продвигались через туман. Телохранители бесшумно рассеялись по всем направлениям, звуки увязали, и, когда впереди из тумана вынырнул всадник на крупном коне, даже Придон ухватился за топор — всадник двигался, как призрак, медленно и без привычного стука копыт, хотя земля сухая, выжженная солнцем.

— Езжайте за мной, — сказал всадник негромко, это был один из посланных вперед лазутчиков. — Куявы укрылись за стенами, но на воротах их как ворон на дохлой корове.

Уже увереннее пошли на рысях, вскоре из серого неприятного тумана выступили высокие стены из такого же серого гранита. Вяземайт кивнул младшим волхвам, те отступили. Придон увидел знакомые уже движения по сворачиванию шей, пустил коня ближе к стенам. Сверху раздался предостерегающий крик, свистнула стрела.

Он подал коня назад, туман за его спиной рассеивался, его сбивало комьями и гнало, как перекати-поле, плотными клубками, остальные же обрывки растворялись в воздухе. Солнце засияло сперва как мутное пятно в небе, затем там заблистал ослепительно яркий диск, по плечам пробежали жгучие пальцы, выжгли капли пота, любую сырь.

Крепость теперь видна вся, целиком, что и не крепость, разведчики правы, а небольшой город с высокой и толстой стеной. Достаточно запереть ворота на ночь, и никакие шайки разбойников в город не проникнут, тут отцы города правы. Даже стражей на стене можно только в башенки по углам...

Он кивнул Аснерду, вдвоем выехали стремя в стремя в направлении к городским вратам. Там наверху, на защищенном козырьком навесе, уже проступили фигуры людей в богатых одеждах.

Придон остановил коня, широкая ладонь поднялась в жесте повелителя, перед которым смиряется Вселенная, утихают грозы, а львы припадают к земле.

— Я — Придон, — прогремел его сильный голос. — Я обещаю не трогать город и его жителей, если здесь покорятся моей воле.

Со стены кто-то попробовал крикнуть обидное, но на него шикнули. Люди в богатых одеждах совещались, затем один сказал громко:

— Лучше возвращайтесь, артане, в свои степи! Мы не сдадим наш город.

Придон выкрикнул громко:

— Мы брали города и побольше!

— Нам есть, — ответил наместник, теперь Придон уже не сомневался, что говорит сам наместник, голос повелительный, остальные слушают почтительно, — нам есть... что защищать.

Аснерд рядом зло хохотнул:

— Они даже не стыдятся говорить, что защищают золото обоза! Что за подлый народ куявы?

— Ты не знал? — спросил Придон раздраженно.

— Всякий раз поражаюсь их низости, — ответил Аснерд, а во весь голос прокричал: — Даем времени до полудня!.. Ворота должны быть распахнуты. Всем сложить оружие. Когда войдем в город, то всякий мужчина, при ком будет меч, копье или топор, — да убит будет по праву войны!

Со стен уже кричали, зная ответ их наместника, орали, свистели. В сторону всадников полетели стрелы, но все вонзались в землю, не долетая несколько шагов.

С круглых башенок прокричали глумливо:

— Ты поговори еще!.. А мы тебе подарочек сготовим...

Аснерд измерил взглядом расстояние, прорычал:

— Готовьте, готовьте. Но только смотрите, как бы вам своим подарочком не подавиться.

Видно было хорошо, как куявы суетятся, вскатывают огромный камень, Придон разглядел приземистую катапульту. Один из стражей взмахнул рукой, затрещало сухое дерево, заскрипели ремни. Потом был сухой удар, катапульта затряслась от удара гигантской ложки о слой в пять шкур на слепом бревне. Огромный камень по высокой дуге устремился в сторону артан.

Аснерд зарычал, поспешно покинул седло. Плечи его вздулись. Он сделал два шага в сторону, глаза прицельно держали летящий камень. Придон задержал дыхание, Аснерд рехнулся, он... вскинул руки, ухватил падающую глыбу, слышно скрежет, не удержал, камень ударился о грудь, Аснерд пошатнулся...

Нет, не пошатнулся, он просто задержал дыхание и с силой метнул камень обратно. Дуга получилась не столь высокой, на стене никто не успел сдвинуться с места, стояли с выпученными глазами. Камень ударил в катапульту, донесся треск, во все стороны брызнули щепки.

Аснерд помахал им рукой. Дыхание с трудом вырывалось из груди, но он все же крикнул вдогонку:

— А это... вам... подарочек!

Он отряхнул руки и пошел вразвалку к неподвижному коню. Тот слегка качнулся, когда грузный воевода взобрался в седло, повернулся и двинулся мерным шагом в сторону артанского стана.

Придон выдохнул:

— Аснерд... я даже не думал, что ты настолько силен!

Аснерд отмахнулся, дышал все еще тяжело, но широкая рожа стала еще шире от довольной улыбки.

— Да это только с камнями... Я ж из рода горных великанов, забыл? Вяземайт в родстве с водой, я — с камнями. Ты вон вообще бессмертный...

— Ну да!

— Ладно, бываешь им, когда на тебя находит это... ну, это! Так что не надо, коли рожа крива. Лучше скажи, начнем осаду по всем правилам? Расставим катапульты, забросаем огнем...

Придон с тоской смотрел в сторону юга. Сказал горько:

— Я знаю, чего ты ждешь. Мол, пусть останется часть войск, а мы прямиком к Куябе, до нее уже рукой подать! Так?.. Нет, Аснерд. Мы слишком много потеряли смелых и отважных артан. Это я их потерял, потому что я... потому что пошли за мной. Я не оставлю здешнее войско, где смогу спасти чьи-то жизни. А Куяба — не Ирам, никуда не уйдет. Да, я весь горю, меня сжигает пламя, но я твержу себе, что через несколько дней ее гордые белые стены снова поднимутся на горизонте. И весь мир станет нашим!

ГЛАВА 23

И все-таки два дня были мучительными, ибо сделать ничего не могли, а обоз с тяжелыми баллистами двигался очень медленно. Придон, не выдержав, выехал навстречу, сам хватался за колеса, вытаскивал увязшие повозки, помогал волам, а когда прибыли на место, стащил первую катапульту и начал ее спешно устанавливать напротив ворот.

В его сторону пробовали метать камни, даже выпустили с десяток стрел, но Придон хорошо помнил, на какое расстояние бьют катапульты куявов, их камни падали за несколько шагов, не долетая, а его катапульта с первого же выстрела швырнула горшок с маслом прямо через ворота.

Аснерд приехал, осмотрел, хмыкнул:

— Неплохо, неплохо... Только ты забыл поджечь.

— Не забыл, — огрызнулся Придон. — Погасло!

— Лучше оставь тем, кто умеет лучше, — посоветовал Аснерд мирно. — Или тебе трудно поверить, что кто-то умеет лучше?

Придону подвели коня, он взлетел в седло. С телег снимали катапульты, осматривали, устанавливали полукругом вокруг города, особенно нацеливались на те места, где дома вплотную подходили к городской стене.

Сотни добровольцев таскали камни, кувшины с горящей смолой и маслом, меняли истертые ремни. На стенах защитников стало поменьше, бросились помогать горожанам гасить пожары.

К ночи город уже горел в западной части, вспыхивали по-

жары под южной стеной, но там быстро гасили. Придон велел продолжать закидывать город кувшинами с горящим маслом, к полуночи над городом уже стояла сплошная стена огня.

Аснерд наблюдал со злым удовлетворением.

— Неужели дотерпят до утра?

— Не думаю, — ответил Придон. — Здесь куявы. Просто куявы. Пусть наши бросают, куявы запасли масла по стране много! И все их запасы — наши.

Луна светила в полсилы, но вокруг города щедро полыхали и костры, и просто смола в бочках, чтобы вылазка куявов не прошла незамеченной.

Наступал серый рассвет, артане собирались толпами, глазели на пожар, посмеивались, отпускали шуточки. Мало кто заметил, как распахнулись, словно исчезли, ворота. Кровавый отблеск костров заиграл на доспехах и вскинутых мечах. Кони неслись с тяжелым грохотом, массивные куявские кони, в доспехах и под узорными попонами, но отряд не сразу заметили, наблюдая за пожаром в центральной части города.

Аснерд вскрикнул:

— Эгей!.. все по коням! Куявы решили умереть красиво!

Отряд тяжеловооруженных всадников смел редкую цепочку смельчаков, что пробовали загородить дорогу, и, не сбавляя бешеного галопа, понесся, по крутой дуге забирая к лесу.

Аснерд, который был уверен, что куявы решили ударить в самый центр войска, порубить катапульты и погибнуть героями, сплюнул в раздражении:

— Эх, куявы...

Их догоняли и рубили в спины. На дороге оставались трупы, кони бегали с опустевшими седлами, но с десяток всадников успели достичь леса, там бросили коней и затерялись в черноте между деревьями.

Но Придон этого не видел и не слышал: ветер рвал волосы, земля гремела под копытами, распахнутые ворота надвигались стремительно, разбежались в стороны, в лицо ударил жаркий воздух. Дома горят, как сухой хворост, длинные языки красного огня вырываются из-под крыш, из окон, распахнутых дверей. На улицах громоздятся узлы с добром, сунду-

ки, ларцы, мешки, горы тряпья, а люди с криками вытаскивают имущество, вместо того чтобы гасить огонь.

— Город наш! — выкрикнул Придон.

Обгоняя его, пронеслись конники на горячих конях, похожих на ожившее пламя. Он видел отблески пламени в глазах, на блестящих зубах, на лицах, на вскинутых над головами топорах.

Улица свернула под прямым углом, но он уже не мог сдержать бешеной скачки, впереди стена, он зарычал в бешенстве, челюсти сжались до хруста. Стены, заборы, ограждения! Эта стена не так уж и высока, одолеть ее нетрудно, но коней не перетащишь, да и строилась она против возчиков на тяжело груженных телегах, что в далеком прошлом, когда еще не было городской стены, хотели бы избежать уплаты пошлины.

С дороги поспешно отпрыгивали люди с оружием, Придон видел, как бросают на дорогу мечи и в ужасе бегут прямо в горящие дома. Убрались даже лучники, волна презрения к их трусости захлестнула Придона с головы до пят. Даже не попытались выпустить хотя б по стреле!

Он придержал коня, быстрый взгляд выявил участок стены, где край то ли выщербило, то ли хозяйственные горожане утащили камни на свои свинарники. Погладил коня, шепнул на ухо:

— Мы такие высоты уже брали... Ты у меня лучший из всех коней на свете!

Конь преданно ржанул и покосился умным коричневым глазом. Придону показалось, что он даже завилял хвостом, как верный пес.

Крок восхищенно вскрикнул, когда их тцар разогнал коня, пригнулся, оба вытянулись в длинном стремительном прыжке. На миг показалось, что конь прыгнул слишком рано, ударится о стену, но дуга прыжка оказалась длиннее и выше. Конь лишь задел задним копытом верх стены, там сверкнули искры.

Конь пронесся как стрела, развернулся, замер, тяжело раздувая бока. Коричневые глаза расширились в изумлении. Он с уважением смотрел на стену.

Над стеной взметнулась конская голова, грива трепещет

на ветру, озверевшая морда, обезумевшее лицо всадника, что прильнул к конской шее так, что спрятался в трепещущей гриве...

Задние копыта с грохотом ударили по верху, конь тяжело приземлился на все четыре, пробежал, чтобы не упасть. Он прихрамывал, но Крок этого еще не заметил, поднял к Придону сияющее гордое лицо.

— Верен понесся в обход, — сообщил он. — У него конь... тяжеловат.

— Ты молодец, — сказал Придон искренне. — Прикрывай мою спину!.. За мной не спеши, у тебя конь сильно хромает. Побереги.

Он пустил коня вперед, щит прикрывает левую сторону, боевой топор в правой, глаза молниеносно перебрасывают взгляд с крыши на крышу, держат разом окна всех домов.

Крок, как все стрелки, быстроглазый, первый заметил странности в небе, закричал:

— Туча!.. Туча идет!

С юга надвигалась угольно-черная туча. Слишком компактная, собранная в кулак, словно и не туча, а каменная гора. Слегка блеснуло, но не внутри, как со всеми тучами, а отблеск пробежал по боку, не в силах проникнуть вовнутрь.

Послышался странный шум, Придон невольно пригнул голову, в выси неприятно зашуршало. Не привычные раскаты далекого грома или гулкие удары близкого, а сухой треск, словно мириады раков терлись панцирями.

Он видел, как сорвались первые капли, закричал страшно:

— Под навесы!.. Под навесы!

Кто услышал, поспешно метнулись к домам, спеша выполнить непонятный приказ, кто не слышал или сделал вид, что не слышит, те мчались по широкой улице, на ходу сшибали ударами топоров тяжелые ставни, весело орали, выкрикивали боевые кличи.

Полоса желтого дождя настигла скачущих воинов. Придон стиснул челюсти, из груди вырвался злобный крик. Желтые капли оказались расплавленным металлом. Или чем-то хуже: люди и кони страшно кричали, кони поднимались на дыбы,

сбрасывали всадников, а те, не в силах удержаться, хватались за обожженные места, катались по земле.

Волна жара ударила в лицо Придона, он непроизвольно отметил, что туча идет против ветра. Или там наверху ветры дуют в другую сторону. В сухом жаре ощутил запахи горящего мяса, тлеющих костей, сгоревших волос.

— Вперед! — прокричал он. — За этой тучей!

Лица у всех бледные, вытянувшиеся, но послушно повернули коней и погнали за быстро уходящей тучей. Желтая полоса дождя бежала через город, там вспыхивали деревья, загорались брошенные подводы, страшно кричали попавшие под смертоносные капли люди.

В город через распахнутые ворота ввел свою тысячу Волог, он покрикивал, рассылал мелкие отряды в переулки, а сам старался, как и велел Придон, не отстать от тучи, погубившей два-три десятка смельчаков.

На главной площади быстро собирался крупный отряд куявов, военачальники спешно выстраивали в ровный квадрат. Все укрыты широкими щитами, в доспехах, угрожающе выставлены длинные копья, знаменитое и несокрушимое построение куявов. Из окрестных домов поспешно выбегали люди с оружием и становились за спинами тяжеловооруженных и закованных с головы до ног в доспехи воинов...

...и в это время желтые струи, уже заметно редеющие, накрыли весь этот элитный отряд. Придон с ужасом и восторгом видел, как вскипело железо щитов, шлемов, панцирей. Каждая капля сразу прожигала язву, но не проникала глубже, но капель много, иные прожигают дальше, иные сразу находят щели...

— Обойти, — прокричал он, — и дальше, дальше!.. Эти уже мертвецы!

Артане поспешно разделились, гнались за тучей, а на площади со страшными криками умирали люди.

Туча постепенно истончалась, превращалась в безобидное облачко. Середина еще оставалась черной, как уголь. Он надеялся, что остатков огненного дождя хватит, чтобы проложить им дорогу к дворцу наместника без потерь.

Уже на площади перед дворцом сверху раздался страшный

злобный свист, будто сто тысяч ядовитых змей подняли головы и зашипели злобно и угрожающе. Разом посерело. Придон вскинул голову, похолодел. С севера по синему небу в их сторону быстро неслась мерцающая туча.

— Присесть! — заорал он дико. — Щиты!

Огромное войско разом колыхнулось, начало опускаться, похожее на море с вздымающимися волнами. Над головами поднялись щиты, и тут же обрушился град стрел. Они не просто застучали по дереву и металлу, раздался непрерывный грохот, похожий на рев падающей с высокой горы каменной лавины.

Каждый под щитом старался свернуться в комок, укрыться, ибо стрелы били часто, падали под ноги, по всей площади вскрикивали те, кто укрылся небрежно или запоздало.

Ворота дворца оказались заперты, но вышибли их быстро, Придон услышал знакомый вскрик, обернулся, мелькнуло бледное лицо Олексы.

Он слабо улыбнулся Придону, в это время ворота с грохотом рухнули, из дворца вылетели стрелы. Придон с яростным криком ринулся вовнутрь, рубил и крушил, за ним неслись яростные, как боги войны, артане.

Дворец невелик, просто огромный просторный дом, Придон пронесся через него насквозь, а когда возвращался, везде трупы мужчин, а из дальних комнат слышались отчаянные женские крики.

Он вытер лезвие топора, в теле нарастала тяжесть. Вышел в ночь, свежий воздух, несмотря на жар и запах гари, на ступеньках двое артан склонились над лежащим воином.

Сердце тревожно дрогнуло, он ускорил шаг. Олекса лежит огромный и страшный с перекошенным в гневе лицом. Он не выглядит уснувшим, каким Придон видел погибшего Евлаха или Агона — лицо Олексы залито кровью, а грудь пробита двумя огромными толстыми стрелами, какие не в силах метнуть руки человеческие. Он был сражен либо руками демонов, либо в него всадили стрелы из механических луков, которыми пробивают железные ворота.

Придон стиснул челюсти, глаза защипало. Олекса всегда казался ему неуязвимым, бессмертным, как бог. Даже в том

походе в Черные Земли, когда его пришлось выносить на спине, Олекса выдержал больше всех. Он всегда побеждал, и казалось, что погубить его могут только сдвинувшиеся с мест горы или падающие с неба камни. Но он погиб в бою с куявами, которых привыкли считать слабыми и трусливыми.

— Все равно они слабые, — прошептал он, — это слабый народ... Слабые и трусливые, если вот так... подло. Трусливо...

Глаза защипало сильнее. Дыхание обжигало горло, он чувствовал, как раскалились ноздри. Со сжатыми до хруста зубами повыше вскинул голову, но чуть опоздал: защекотало, по щеке побежала горячая капелька, словно раскаленный комочек металла. Она была такая крохотная, что не сорвалась под собственной тяжестью, а остановилась на полпути, не в силах ползти дальше.

Что ж ты меня позоришь, вскричал он в муке. Мужчина не должен плакать. Вождь на виду у своих воинов — тем более. Олекса видел кровавые сечи, в пожаре погибла его семья, он хоронил друзей, но я никогда не видел в его глазах постыдных слез! Но вот он сражен, он погиб по-артански, в бою, с топором в руке, это достойный конец пути артанина...

— Но дождя не будет, — сказал сбоку Крок. — Так, несколько капель просто сорвалось...

На щеках многих его людей, что собрались вокруг тела сраженного героя, тоже блестели эти... сорвавшиеся с облаков.

Придон с шумом выдохнул, двинулся через площадь, рассматривая убитых. Пошел пешком, конь почему-то не решается наступать на тела, пугается, трясется всем телом, словно здесь лежат колдуны или осталось сильное заклятие. Трупы нередко застыли горками, иногда образуя круговые валы, и Придон понимал, что здесь сражался кто-то из героев.

Послышался стон, Придон увидел раненого куявского воина. У него был распорот живот, куяв обеими руками старался удержать вылезающие наружу кишки. В глазах ужас, но куяв все не мог умереть, на лице животное желание жить, любой ценой жить. Рядом с ним еще один куяв в доспехах, у этого разрублена голова вместе со шлемом, а в двух шагах тот,

кто сразил обоих, — мальчишка, совсем еще мальчишка, в руках залитый кровью топор с прилипшими к лезвию волосами.

Кровь медленно вытекала из трех глубоких ран: на груди, на плече и из длинного разруба на боку, откуда высунулись белые края перерубленных ребер.

Придон сказал ободряюще:

— У тебя целы руки и ноги. Раны заживут, ты снова будешь мчаться быстрее ветра!

Мальчишка молчал, бледный, со сцепленными зубами. Это из ран текла кровь, но в глазах было сухо. Он уже знал, что для артанцев слезы — дороже собственной крови. Так становятся мужчинами.

Придон кивнул, шагнул дальше. За спиной, он слышал, лекарь наклонился к молодому воину, что страшился сказать слово, дабы не вырвался позорящий артанина стон.

На востоке алела полоска рассвета, однако пламя пожаров освещало город страшным светом, было светло, как днем, только небо оставалось черным с редкими холодными звездами.

На ту сторону площади из дворца выводили людей со связанными руками. Распоряжался Вяземайт, что удивило Придона. Как и то, что не порубили сразу, ведь ворота не открыли, на двое суток задержали его продвижение к Итании. Значит, виноваты все.

Вяземайт оглянулся, лицо просветлело:

— А, это ты, Придон!.. Да, город ты захватил даже быстрее, чем я ожидал.

— Почему?

— А здесь два десятка чародеев и магов. Есть довольно умелые...

Придон оглядел их брезгливо, словно прокаженных.

— Колдуны? — переспросил он. — Так что ты хочешь? Срубить им головы — и все. Или развешай по деревьям, мне все равно. Нам артанские боги повелели очистить мир от чудовищ, драконов и колдунов. Мы это выполним!.. Хотя, вообще-то, погоди...

Колдуны смотрели с ужасом. При последних словах в их

глазах зажглась надежда. Придон рассматривал их с высоты седла, они опустились на колени и смотрели, задрав головы.

— Я слышал, — сказал Придон, он чувствовал, как голос дрогнул, заставил себя перевести дух, чтобы звучало все так же властно и повелевающе, как надлежит из уст сокрушителя Куявии, — что существует заклятие... чтоб человека из камня вернуть обратно в человека. Кто-то из вас такое знает?

Колдуны переглянулись, он видел на их лицах непонимание, страх. Кивнул Вяземайту, тот взмахом руки послал свой десяток удальцов с веревками в руках. Колдунам быстро набрасывали петли на шею, тащили к деревьям. Один вдруг закричал:

— Я знаю!.. Я знаю!

Придон нахмурился.

— Говори, — велел он. — Но учти, я пойму, когда ты врешь.

— Я не вру, — сказал колдун торопливо. — Сам я не могу, это правда, но мой прошлый учитель знает, как это сделать.

— Где твой учитель?

— Остался в Родстане, — ответил колдун. — Это было давно... Я считал его слабым магом, ушел в Куябу, там нашел учителей именитых. Не скоро понял, что у столичных колдунов больше блеска, но мощи больше у колдунов из малых сел... Если оставишь мне жизнь, я помогу отыскать своего старого учителя.

Придон обернулся, поискал глазами Щецина.

— Послушай... Это не приказ, а просьба. Выдели своего старшего для одного дела... Аснерд никогда не скажет, для него Артания — превыше всего, но я-то помню, что его сын Тур погиб из-за меня. И потом еще спас меня уже после смерти...

Щецин оторопел, брови взлетели на середину лба.

— Как это?

— Долго рассказывать. Потом как-нибудь... Пошли своего старшего с этим вот колдунишкой. Надо отыскать его учителя, если тот еще жив, а потом то ли вызнать у него колдовство, то ли самого отвезти в Черные Пески, чтобы тот сам расколдовал Тура. Расколдует, я для него не знаю что сделаю. Не

расколдует, я не только его самого, но и весь город сотру с лица земли.

— Но как это сделать? Ведь Родстан...

— ...в глубине Куявии. Но колдун может изменить облик Верена. Или это сделает здесь Вяземайт. А эти пусть останутся здесь, как залог. Если сумеют Тура вернуть к жизни, выпустим их целыми и невредимыми.

Щецин оглядел молодого колдуна пронизывающим взором.

— Я по его роже вижу, что он сделает. Как только окажутся на землях, где куявские войска, тут же выдаст моего сына!

Колдун съежился, втянул голову в плечи.

— Он так и сделает, — согласился Придон. — Но тогда мы выпустим этих его дружков... в другом виде. Отрежем уши, носы, отрубим руки, выжжем глаза... нет, иначе не отыщут... словом, сделаем так, чтобы они его разыскали! И тогда он пожалеет о своем предательстве.

Куявские колдуны заволновались, наперебой кричали молодому колдуну, Придон уловил только угрозы, перехватил понимающий взгляд Вяземайта, старому волхву подвели коня, Вяземайт вскочил в седло, могучие руки подобрали повод.

— Спасибо, — произнес Вяземайт, — что вспомнил о Туре.

— Что значит вспомнил? — прорычал Придон. — Я о нем не забывал!

Все, что могло выгореть, выгорело, но каменный город уцелел, разве что стены стали черными. Да еще оголился: сгорели все деревья, роскошные сады. Торчали только обугленные пни. По улицам везде зола и серый пепел, то и дело поднимаются дымки, под конскими копытами хрустят, рассыпаясь, угольки.

Придон оставался в воинском стане, прикидывал с Аснердом, какими дорогами провести огромное войско под стены Куябы, только под вечер вскочил в седло, а конь, словно сам любопытствуя, резво помчал его в захваченный город.

От обгорелых и закопченных стен все еще несло теплом, а кое-где и жаром. Придон ехал осторожно, стараясь не заде-

вать обугленных построек. Странно, его мощь сокрушила этот город, а он временами все еще чувствовал себя самозванцем, присвоившим себе тцарскую булаву и право решать судьбы народов.

Впереди набросали, почти перегородив улицу, целую гору роскошных шапок из соболя. С иных даже не успели или поленились срезать бриллианты. Сейчас драгоценные камни освещали всю кучу дивным светом. Сундуки из драгоценных пород дерева под стеной в три ряда, на некоторых все еще замки, и можно только догадываться, что за сокровища там внутри.

Из выбитых окон с хохотом выбрасывали золотые стулья и лавки, о землю грохались с деревянным стуком, оказывалось, что только обшиты золотой парчой. Слышно через распахнутые окна, как в домах рубят столы и роскошные кресла, чтобы пролезли в окна, картины тоже рубили, мелкие выбрасывали целиком.

Конь прошел с полнейшим равнодушием, наступая на разрисованные полотна, но перед одним копыто зависло в воздухе, конь постоял так, глядя на дивное женское лицо, осторожно обошел, так и не решившись наступить, хотя явно слышал от хозяина, что все женщины — предательницы, лживые и хитрые, как все куявы...

С грохотом разбивались тяжелые мраморные статуи. Мелкие нередко падали на груду дорогого платья, уцелевали. Разгорячившиеся воины не поленились подтащить к окнам и протиснуть через узкие проемы с десяток статуй древних героев в полных доспехах и вооружении. Одно окно для этой цели расширили тяжелыми топорами. Статуи падали с тяжелым грозным грохотом. Внизу их поднимали с веселыми воплями, ставили под стенами домов и метали топоры, стараясь обухами расплющить носы. Когда затупили топоры, кто-то принес молот, из-за него едва не подрались.

Молодой артанин взял из кучи прекрасный топор, лезвие покрыто редкой чеканкой, а длинная прямая рукоять вся утыкана множеством изумрудов. Придон видел, как удалец взмахнул пару раз топориком, поморщился и швырнул обратно на груду прочих драгоценностей. Придон сурово улыбнул-

ся, настоящий артанин: не одобрил плохую балансировку, а то, что за один такой топорик можно купить табун коней в десять тысяч голов, — ему в голову не приходит, он не куяв, что за один камешек из рукояти такого топора мать родную продаст.

Сам он невольно засмотрелся на груду бранных доспехов, застольные тут же — из тончайшего железа, покрытого золотом, разукрашенного мордами зверей, головами птиц, рылами кабанов и летящими драконами. Но даже бранные, что из прочнейшего стального листа лучшей закалки, выкованного по своим рецептам горным народцем, тоже утыканы сапфирами, топазами, бриллиантами и рубинами, как будто драгоценные камни подбирали не по цвету, а по размеру: чем крупнее, тем красивее. На этих доспехах не найти следов молота, а блещут так, что ослепят пытающегося загородить дорогу: как будто надевший такие доспехи надевает на себя солнце.

Заметно, что поножи и стальные рукавицы до локтей сперва пытались сносить в одну кучу, но в сумятице скоро все разладилось, и, помимо большой кучи, искусно выделанные рукавицы валялись и среди ларцов из серебра и золота, и среди груд дорогих плащей заморского бархата, где каждая застежка украшена крупными бриллиантами.

Даже уздечки, как рассмотрел Придон чуть дальше, украшены золотыми нитями и усыпаны мелкими бриллиантиками, изумрудами, рубинами, топазами и множеством других камней, большинству из которых он не знал названия, но дивным блеском своим завораживали и вносили смятение в душу.

Подбежал воин, почтительно подал чашу из чистейшего алмаза, похожего на застывший свет.

— От нашего десятка, — сказал он весело, — кто еще достоин такой красоты?

— Спасибо, — ответил Придон.

Он повертел чашу в руках, любуясь игрой света. До этого дня даже не мог подумать, что могут быть такие исполинские алмазы и что можно вот так с ним, теперь это большая чаша в золотой оправе, с массивной золотой ножкой, по ободку

плотной цепочкой гуськом идут, тесня друг друга, тщательно подогнанные рубины волшебного оттенка.

Но даже вся оправа из крохотных фигурок сцепившихся в смертельной схватке драконов, грифов и грифонов, отдельно — сцены захвата крепостей, и все сделано настолько искусно, что, как ни напрягай взор, все равно даже в крохотном рубинчике размером с зернышко проса видны скачущие всадники, стены со взбирающимися по лестницам воинами, орлиные лица героев, хищные пасти диких зверей...

Подошли от ближайшего костра Щецин, Аснерд, Прий. Прий вообще покачивался, словно пьяный, рот до ушей, глаза хмельные. Прокричал ликующе:

— Я знал, что куявы богаты! Но не настолько же...

Щецин сказал за его спиной потрясенно:

— Это даже не богатство! Это даже...

Он запнулся, Прий подсказал гордо:

— Сокровища!

— Это даже не сокровища, — огрызнулся Щецин. — Сокровище — это когда отроешь зарытый кувшин с десятком серебряных монет! Большое сокровище — если монеты золотые. И просто несметное, если монет до горлышка. А здесь... здесь вообще голова кругом! Вон только на этом майдане полсотни сундуков с такими золотыми вещицами, что само золото — тьфу, настолько все искусно сделано! Придон, мы это сделали!.. Ты это сделал.

— Мы, — поправил его Придон. — Мы. Артане.

Сердце стучало громко и мощно. Грудь едва не лопалась, распираемая изнутри раскаленным валуном, что все рос в размерах.

Он посмотрел на чашу, с размаху бросил ее о каменную стену. С тончайшим звоном мелкие осколки алмазов разлетелись, блеснув на солнце, как льдинки. Рубины покатились под копыта коня, как застывшие капли крови.

— Мы, — повторил он, — артане.

Следующая куча общей добычи оказалась еще выше. В основном сундуки и ларцы. Замки сбиты, некоторые ларцы, которые забросили наверх, постепенно сдвигаясь, перевернулись, и, когда Придон подъехал, куча блестела, осыпанная

золотыми монетами дивной чеканки, жемчугом, рубинами, яхонтами, кольцами и перстнями искуснейшей работы, брошками, заколками, изящными палочками из рога единорога для чесания спины.

Заходящее солнце бросало кровавые лучи на сокровища, и самоцветы вспыхивали прекрасным зловещим огнем. Утром они заблестят чистым и радостным огнем невинности, но сейчас они само неистовство, гнев, пожары, пролитая кровь, победные крики и плач покоренных.

Таких куч оказалось несколько, никто их не охранял, но местные страшились подойти близко, а сами артане были слишком хмельны победой, раздувались от гордости, чтобы кто-то из них подобрал хоть камешек.

Но это сегодня, подумал Придон неожиданно трезво. А завтра-послезавтра уж начнут набивать карманы. И зашивать золотые монеты и кольца в седла. А когда появляется богатая добыча, то возникает мысль, что ее надо сберечь...

Он не понял, почему на душе сразу стало гадко, словно нечаянно проглотил старую больную лягушку. Но гадко стало, он сразу ощутил, что устал, что плечо ноет от страшного удара палицей местного великана.

С дальней площади доносился рев молодых сильных голосов. Артане пели боевую походную песню о славном витязе Кармалюте, о его верном коне и очень красивой, конечно же, потому и неверной, беспутной жене. Придон прислушался, быстро взглянул на Прия. Брови военачальника сошлись на переносице, глаза поблескивали. Он не выглядел встревоженным, ноздри широкого носа часто подергивались.

Придон не выдержал первым:

— Что-то чуешь?

— Я думаю, — сказал Прий быстро, — что это чернь перепилась.

— Да?

— Рядом подвалы богатого бера, — сказал Прий еще торопливее. — Пока выкатывали, пару бочек эта пьянь разбила!

— Да, — повторил Придон, — конечно... Но что-то мне это ликование перестало нравиться.

Только Щецин выглядел невозмутимым, лицо раскраснелось, широкий рот стал еще шире в довольной улыбке.

— Это недолго, — сообщил он. — Молодая кровь играет. Завтра они снова будут жаждать подвигов. Уже утром будут на конях и потрясать топорами!

Придон кивнул:

— Надеюсь.

ГЛАВА 24

Пир продолжался трое суток, и с каждым часом веселье нарастало. Костры горели на площадях, но уже на второй день артан у костров стало меньше, а на третий осталась едва ли треть. Зато в домах день и ночь полыхали все светильники, оттуда слышались удалые песни, раздавался женский визг, уже без страха, в окнах мелькали силуэты. И то, как они мелькали, не нравилось даже Аснерду, а Придон приходил в бешенство.

Вяземайт хмурился, глубокие морщины избороздили лицо.

— Мы оказались не готовы, — признался он.

Аснерд огрызнулся:

— Мы готовы сразиться даже с богами!

— Но не с искушением, — сказал Вяземайт.

— Искушением?

Вяземайт сделал широкий жест рукой. У костров коротали время уже одиночки, редко по два-три человека. В основном это были немолодые суровые воины с шрамами на теле, немногословные, медленные в движениях. В их взглядах, что бросали на окна, была откровенная насмешка, а то и презрение.

Придон резко бросил Аснерду:

— Завтра утром всех собрать на городской площади!.. Нет, все не поместятся. Сразу за городскими воротами. Чтоб и горожане со стен могли увидеть!

Вяземайт взглянул настороженно, но кивнул. Аснерд открыл рот, но Придон выглядел разъяренным, и старый полководец смолчал.

На рассвете громко и требовательно пропели рожки. Жут-

ко проревела боевая труба всеобщего сбора. Десятники, еще в ночь строго предупрежденные сотниками, а те — тысячниками, сбивались с ног, собирая своих людей, вытаскивая из роскошных постелей, снимая с куявских женщин, вылавливая из бассейнов с подогретой водой.

Ворча и вяло поругиваясь, воины разбирали коней. Причины внезапного сбора никто не знал, куявских войск поблизости нет, а все остальное — недостойно внимания героев, вдребезги разнесших громадную армию куявов.

Ворота распахнуты настежь, через них плотной змейкой тянулись конные артане, двигались подводы, телеги, доверху груженные роскошной мебелью, картинами, коврами, сундуками и ларцами. За воротами, в сотне шагов от городской стены уже высилась быстро растущая гора из награбленного. Слышалось потрескивание, огромная груда время от времени вздрагивала и чуть проседала. Длинная вереница огибала ее справа налево, каждый что-нибудь да швырял в общую кучу, а с телег сбрасывали драгоценную мебель, тяжелые рулоны ковров.

В свежем утреннем воздухе витал сильный запах благовоний. В кучу бросали и кувшины с драгоценными восточными маслами, оно растекалось, пропитывало вантийские шелка, бархат, ковры и все ткани, наполняло воздух, и теперь аромат казался Придону чересчур навязчивым и неприятным.

Рядом с первой кучей выросла другая, а затем третья, четвертая... Как только наверх не могли забрасывать даже богатыри, начинали новую кучу.

Придон выехал на белом коне, он стискивал челюсти, бешенство играло на лице, но еще больше ярости клокотало внутри. В череп волны били с такой силой, что временами он ощущал приступы безумия.

Артане уже на конях молча ждали, переговаривались вполголоса. Никто не знал, что случилось, выискивали глазами разведчиков, что летучими отрядами обшарили окрестности.

Придон вскинул руку. Впереди войска на огромных конях сидят огромные Аснерд и Вяземайт, смотрят на него ожидающе. Так же впереди своих тысяч находятся Щецин, Ральсвик, Прий, Волог, Меклен, Канивец, Шульган и Норник, другие

военачальники, известные по прошлым войнам и прославившиеся в этом быстром и победном нашествии.

— Артане! — прокричал Придон. — Артане...

Он поперхнулся, мелькнула мысль, что могут истолковать это как недобрый знак, как подсказку, что ему не надо этого говорить, и сразу же гнев горячей волной ударил в голову.

— Артане! — грянул он страшным голосом. — Мы — артане, и всегда гордились этим! Мы — дети богов, истинные дети богов. Мы доказали это, сокрушив с легкостью всю армию презренных куявов, заставив дрожать эту страну торгашей! Мы бросили под копыта своих коней ее города, села, ее женщин и все остальные богатства!.. И что же? Что же получилось?

Горло сдавило судорогой. Он ощутил на глазах злые слезы. Только бы не брызнули из глаз, подумал устрашенно, на сердце такая горечь, стальные доспехи проест, как горячая вода проедает лед.

Огромная масса не шелохнулась, выглядела сплошным каменным плато с вырезанными на нем человеческими и конскими головами. Придон чувствовал всей кожей их взгляды, прокричал с мукой:

— Артане!.. Мы ликуем и празднуем, наши кони жиреют, еще не успев потерять накопленный в Артании жир в долгой скачке! Наши руки слабеют, ибо в них не топоры, а чаши и чары!.. Что с нами, артане? Неужели так мало стоим? Неужели боги ошиблись?

Десятки тысяч пар глаз пронизывали его взглядами, как остриями стрел. Придон вскинул руки, потряс в бешенстве, а в тучах грозно прогремело.

— Что с нами? — повторил он яростно. — Мы, дети богов, рожденные, чтобы пройти до края света... и заглянуть за край, уже пируем? Совершили так мало и — пируем? Неужели нам надо так мало?

Взгляды все так же кололи тело, но теперь Придон ощутил, что острия больше не вонзаются, не углубляются, не рвут ткани, не пронизывают внутренности, вызывая страх плоти и темный ужас близкой смерти.

— Неужели нам так мало надо? — повторил он уже почти растерянно. — Неужели мы... такие?

Все в молчании смотрели, как он развел руками, голова упала на грудь. Оруженосец схватил коня под уздцы и повел прочь. Конь мотнул головой, вырвал повод из рук человека. Придон подобрал узду, однако ехал все так же бесцельно, раскачиваясь в седле, как от сильнейшей боли.

Впереди побежал зловещий красный отблеск, а тень его коня удлинилась и протянулась почти до горизонта. Устрашенный, он резко повернулся в седле.

Огромная куча сокровищ занялась с трех сторон, а воины с криками швыряли факелы, стараясь забросить повыше. Несколько человек метнулись к соседней куче, поджигали ее, состязаясь, кто быстрее.

Костры запылали гигантские, жаркие, от них пошли волнами запахи дорогих масел, благовоний. Мебель из драгоценных пород дерева горела даже лучше, чем из простых, ярко полыхали редкостные ткани, ковры, картины, а янтарные стулья и столики рассыпались с безумным треском, разбрасывали искры, вспыхивали ярко и пугающе. Полыхали сундуки и ларцы, плавились ажурные золотые изделия, превращаясь в серо-желтую кипящую массу, с сухим треском рассыпались в горячую пыль самоцветы, плавились и превращались в пузыристое месиво редкие по красоте жемчужины, ожерелья.

Воины с криками набегали к исполинскому костру и, закрывшись ладонью от слепящего жара, швыряли в огонь горсти золотых колец, браслетов. Придон видел, как один вспорол седло, выгреб оттуда пригоршню перстней с крупными камнями, отнес в огонь, а потом, вернувшись, обнаружил забившееся в дальний уголок колечко, устыдился и с проклятием понес его так резво, что едва сам не влетел в бушующее пламя.

Аснерд довольно скалил зубы. Придон ощутил, что с плеч свалилась гора. Воины словно бы стали крупнее, выше, в глазах разгоралось пламя, улыбки шире, а смех — звонче и чище.

— Все может предать человек, — проговорил за их спинами Вяземайт, голос волхва был задумчивый, — но... не песни!

— Песни? — переспросил Придон. — При чем тут песни?

— Песни, — сказал Вяземайт, — что внутри нас.

Придон перевел дыхание.

— Если бы ты сказал про мои песни, я бы тебя прибил!

— А у тебя и нет песен, — ответил Вяземайт строго. — Это не ты складывал слова так, что обретали божественную мощь. Это боги сами, через твое тело... к нам, к людям. Да, Придон, боги говорят с нами только так. Через нас.

Придон возразил:

— Но ты же волхв? Должны говорить через тебя?

Вяземайт покачал головой, глазами указал на священнодействие у костров. Люди смеялись освобожденно, обнимались, целовались, хлопали друг друга по голым плечам и, красуясь один перед другим, швыряли в огонь драгоценности, на которые могли бы купить целые города.

— Видишь? — спросил Вяземайт. — Боги снова сказали свое слово через тебя. Никому не дано предугадать, через кого возгласят в следующий раз. Но тебя, как видно, избрали...

Аснерд сказал сварливо:

— Эй-эй! В волхвы я его не отдам!

Костры еще догорали, сладковатый запах сгорающих благовоний теперь казался трупным запахом, но конные отряды стремились уйти как можно скорее, дальше. Позади их общий стыд, помрачение, насланное колдунами проклятой Куявии, и каждый горел желанием поскорее смыть кровью врага временное поражение, падение в презренную куявскость.

Войска уходили вперед на рысях, а некоторые и вовсе галопом. Впереди вся Куявия, впереди все ее богатства, а главные из них — победы! Мелкие победы — над врагом, большие — над темными демонами в себе, которых стараются пробудить могучие колдуны Куявии.

Аснерд в сопровождении десятка героев догнал Придона, тот снова возглавил передовой отряд. Воевода сиял, крупное лицо лоснилось довольством.

— Нет, — громыхнул он, как вбил молотом в землю деревянный кол, — мы чего-то стоим!

— Чего-то, — согласился Придон.

— Придон, ты не понимаешь! Ведь не ты велел сжечь это все... отягощающее не только наши карманы, но и честь, имя!

Это сожгли они, они!.. Ты и рта не успел раскрыть, как они уже, устыдившись, бросали факелы в эти кучи! Думаю, что, если бы еще сутки, они сами бы это все... вот так...

Вяземайт слушал внимательно, Придон не успел ответить, волхв сказал значительно:

— Это значит, что боги в каждом из нас. Только в Придоне успевают раскрыть рот чуточку раньше.

Аснерд подумал, согласился:

— Потому и не спорим, что уже... готовы. А так бы хрен убедил меня перевязь с алмазами в огонь! Хорошая была перевязь. Двойная кожа, прошитая крепко, как раз по мне, даже подгонять не надо.

— Оставил бы, — усмехнулся Вяземайт. — Ты же — бер! Тебе можно.

Аснерд поморщился, Вяземайт плещет языком дурное, только бы что-то брякнуть, сказано — волхв. Видно же, что ему, Аснерду, как раз и надо быть образцом, на него смотрят, о нем рассказывают детям и молодым воинам, с него берут пример.

— Я бы не бросил, — буркнул он, — если бы сам не решил... бросить. Придон просто раньше рот открыл! А у меня, того, рот, а не какой-нибудь клюв!

По всей Куявии пронесся, как табун огненных коней, страшный слух о непонятном сожжении награбленных сокровищ. Люди выходили из домов, на городских площадях собирались толпы. Все потрясенно судачили о причинах, всяк толковал по-своему, но каждого оглушила сама мысль, что диким артанам впервые не нужна добыча. Что им нужно что-то другое... Но что, что может быть выше и ценнее награбленных сокровищ?

Артане двигались в глубь страны, как половодье, что затопляет села, города и даже крепко запертые крепости. Двигались, словно ослепленные только им видимым знаменем, не останавливаясь, пренебрегая сокровищами, что оказывались в их власти. И вся Куявия дрогнула и устрашилась такого страстного и необъяснимого порыва. Города начали сдаваться один за другим. Сдавались даже раньше, чем начинался

приступ, сдавались, посылая вперед самых знатных и уважаемых, что становились на колени у обочины дороги, едва завидя скачущих всадников, протягивали ключи от городов.

Куявские войска сдавались наперебой, ибо сдавшиеся уже переставали для артан существовать как противники. Ими пренебрегали, и можно было, присягнув на верность артанам, тут же расхищать то, что гордые артане побрезговали взять в качестве законной добычи.

Известно было, что Придон с ядром войска идет прямо на Куябу. Огромный обоз с сокровищами, что догнали в том городе, да еще сорок подвод, что награбили на месте, отправили в Артанию. Но не было на телегах дорогих тканей, кувшинов с драгоценными маслами, а только прекрасные доспехи, безделушки из золота, что старейшины продадут в Вантит, золото в монетах, золото в слитках, драгоценные камни...

Эти новости наперебой пересказывали Щажарду, а он стоял посреди комнаты, его поворачивали, одевали, причесывали. Вообще-то он все это мог проделать и сам, но богатство и достаток для того и дадены человеку, чтобы ими пользоваться. В доме куча слуг, вот пусть и заботятся о своем хозяине, что дает им кров и стол, а еще и платит.

— Что изволите на голову?

Щажард молча указал на сплетенный из соломы бриль с широкими полями. Простой, такие простонародье надевает на работы в поле, спасаясь от солнца, широкие края укрывают даже плечи, но очень богатый и первый к тцару человек может позволить себе не цеплять на одежду все золото и драгоценности. По-настоящему богатый может позволить себе роскошь одеваться просто.

Вошла жена, красивая дородная женщина, поцеловала, от нее пахло уютной постелью и вкусной едой.

— Опять во дворец?

— Хуже, — сказал он с неудовольствием. — Тулей устраивает большой смотр войск за городом. А это надолго...

— К обеду вернешься?

Он засмеялся, притянул ее к себе, ее волосы пахнут душистыми травами, и вся она роскошная, мягкая, постельная, сохранившая привлекательность за столько лет совместной

жизни. Она от удовольствия закрыла глаза, когда он погладил ее по голове и шутливо почесал спину.

— Кледия, дорогая, я не вернусь даже к ужину!.. там же надо стоять на солнцепеке, пока перед нами с Тулеем будут идти ряды панцирной конницы, панцирных пеших, стрелков, потом легкая конница... что на самом деле тяжелая, если сравнивать с артанской. Потом все остальные войска, а их множество. Если до вечера успеем — хорошо. Потом еще побывать во всех их лагерях и указать, кому что подтянуть, что исправить... Это уже скорее всего завтра с утра. А к завтрашнему обеду жди.

— Я велю приготовить твои любимые блюда, — пообещала она. Добавила с улыбкой: — Много!

— Много не надо, — ответил он серьезно. — Живот и так меня уже перевешивает...

Она приняла его поцелуй, улыбнулась, вышла проводить на крыльцо. Он помахал из носилок, красивая и пышная, она стояла на ступеньках, белый платочек в ее руке казался белым голубком, мерно взмахивающим крыльями.

Щажард сел в носилки, еще раз помахал оттуда рукой, а она помахала платочком. И когда носилки уже поднялись, а мимо поплыли дома, он еще некоторое время с теплотой в груди думал о теплой и ласковой жене, что к его возвращению согреет постель, подберет для ужина только самые любимые его блюда, встретит ласково, тепло, от нее пахнет уютом...

За городом для смотра войск быстро соорудили высокий помост, сверху видишь всех и все, а для защиты от солнца поставили широкий навес. Тулею и высшим вельможам то и дело подносили охлажденное вино, войска проходили ровными рядами. Дружно и грозно выкрикивали славу великому тцару, дрожала земля, и колыхалось небо, Тулей благосклонно кивал, улыбался, наконец с улыбкой сказал Щажарду:

— Ну как тебе эти?

Щажард сдвинул плечами.

— Ваше Величество, я недолюбливаю Дуная, вы знаете... но армию он держит сильнейшую. И не дает распускаться! Это не те войска, что держат при себе удельные князья и

знатные беры. Их разгромили, это печально... и в то же время артане, сами того не подозревая, укрепили вашу власть! А эту армию если выпустить за наши пределы, то Ваше Величество смогло бы завоевать всю Артанию и Славию!

Тулей кивнул, ответил довольно:

— Я думаю то же самое. Но нам не нужны чужие земли, со своими бы разобраться. Главное, чтобы артане получили хороший урок.

— Только самые быстрые сумеют ускакать обратно в Артанию, — пообещал Щажард. — Остальных истребят на виду жителей Куябы!

Когда прошли последние отряды, Тулей, к облегчению Дуная и великой радости Щажарда, благодушно сообщил, что доволен всем, что армия выше всех похвал, замечаний нет, а сейчас он возвращается обратно во дворец, где ждут великие державные дела. Придворные многозначительно переглянулись, уже знают о двух дивных танцовщицах из Вантита. Поговаривают, они не только дивно танцуют, многое умеют из того, чему не обучены даже хитроумные и весьма вольные с мужчинами куявки.

Щажард с великим облегчением забрался в просторные носилки. В животе булькало, перепил слабого кислого вина, что хорошо утоляет жажду и совсем не ударяет в голову, но пришел здоровый аппетит, что так редко появляется во дворце или дома, а после такой прогулки на свежем воздухе прямо сейчас бы схватил кус жареного мяса и попросту сожрал бы без всяких штучек, как те артане, что тогда жрали, ему на зависть, все, что подавалось на стол Тулея.

Над городом стоял прекрасный закат, кудрявые облака пылали торжественно, краски чистые, отблеск небесного огня падал на крыши, делая их пурпурными, сверкающими.

Из дома выбежали навстречу слуги, помогли выйти из носилок. Щажард, который в присутствии Тулея был как свежий огурчик, дома позволял водить себя под руки, в доме везде стоят роскошные диваны, где он любил укладываться и созерцать за домашними. Его привычки знали, и едва он направлялся к дивану, туда устремлялись с дополнительными подушечками.

Он сказал добродушно, но с властными нотками:

— Ужин!.. Побыстрее!

Слуги умчались, остался только старый Новак, он служил еще его отцу, молчаливый и знающий все о доме.

— Как дома? — спросил Щажард.

— Все хорошо, господин, — ответил Новак.

Он смотрел в глаза честно и преданно, но Щажард слишком хорошо знал старого верного слугу, поинтересовался:

— А теперь говори то, что скрываешь!

Новак покачал головой:

— Господин, я ничего не скрываю. Просто я заметил, что как-то в ваше отсутствие в покои госпожи принесли огромный сундук. Она сказала нам, что заказывала какие-то одежды, украшения. За сундуком пришли только утром. Сегодня повторилось то же самое. В покои госпожи принесли тот же сундук...

Он умолк, поклонился, Щажард нахмурился, буркнул:

— Ладно, иди проследи, чтобы на кухне ничего не подгорело. Мне удалось спастись от ночевки в шатре, это надо отпраздновать.

Когда пошел в переднюю комнату, навстречу выбежала Кледия, взволнованная, слегка побледневшая. Она бросилась ему на шею, спросила торопливо:

— Тебя отпустили? Или только заскочил по дороге на минутку?

— Все закончилось, — ответил он весело. С удовольствием поцеловал ее в щеку, обнял за плечи. Она попробовала повести его к столу, что уже накрывали спешно, но Щажард увлек ее в покои, закрыл следом дверь, тут только взор его упал на огромный сундук.

— Ого! Что это?

— Я заказала кое-что из новых платьев, — ответила она торопливо. — Старые уже не налезают... да и пора обновить.

Он смерил взглядом сундук, кивнул.

— Да, ты права. Новые платья... это хорошо. Рад, что ты не забываешь хорошо одеваться, а то есть жены, что, едва выйдя замуж, тут же превращаются в безобразных нечесаных баб.

Ты же у меня всегда стараешься быть красивой, желанной, манящей... Открывай, посмотрим, что ты выбрала!

Она сказала, запинаясь на каждом слове:

— Щажард... муж мой... пристало ли тебе... моему повелителю... мужчине... зреть женские тряпки?

— Ничего, — сказал он бодро. — Ты моя жена! Все, что тебе интересно, интересно и мне.

Она побледнела, в глазах страх перешел в панику, она заломила белые руки, сказал умоляюще:

— Щажард, ты голоден, ты устал... Позволь позаботиться о тебе! Позволь накормить, обласкать, дать отдохнуть...

Он отмахнулся беспечно:

— Дорогая, я не так уж и устал. Просто люблю побыть таким, каков есть: с горбатой спиной и толстым животом, а не выпрямлять спину все время и втягивать живот, как делают артане! Открывай, посмотрим твои платья.

Голос его звучал весело, но настойчиво. Она вздохнула, сказала тихо:

— Сундук... сундук заперт!

Щажард пожал плечами:

— Но разве тебе не передали с ним ключ?

— Да, — сказала она слабым трепещущим голосом. — Да... мне передали ключ...

Он протянул руку:

— Давай, я сам открою.

Она запнулась, последние капли краски покинули ее всегда румяные нежные щеки. Пролепетала едва слышно:

— Там ничего интересного для мужчины... Я ведь слабая женщина... Тряпки, бусы, ожерелья....

— Это ты уже говорила, — напомнил он. — Давай ключ.

— Он там... — прошептала она, — там, в задней комнате... Я оставила его там.

Щажард пошевелил пальцами.

— Принеси.

Она повернулась, пошла к дверям во внутренние покои. Ему показалось, что ее всегда прямая спина слегка горбится, а в дверях она задела плечом косяк. Он ждал долго, наконец Кледия вошла в комнату, бледная, с ним старалась не встре-

чаться взглядом, быстро отдала ключ и тут же поспешно вышла.

Щажард с ключом в руке повернулся к сундуку. Тело отяжелело, ноги начали вздрагивать, он отступил и сел в мягкое кресло.

За окном медленно угасал багровый закат. Небо неспешно темнело, зажглись звезды. Вошел Новак, неслышно зажег светильники и ушел, ступая, как опытный охотник, под ногой которого не хрустнет даже былинка. От светильников, что заправлены дорогим душистым маслом, по комнате потек сладковатый аромат.

Лунный луч смотрел в комнату наискосок, потом невидимая луна перешла на другую половинку неба, озарила призрачным светом его ступни, колени, наконец свет ночного солнца всполз по его груди, Щажард поморщился, отодвинулся вместе с креслом.

Дважды заглядывал Новак, сообщал тихим голосом, что ужин перестали разогревать, выбросили собакам, готовят новый. Щажард, не глядя, велел удалиться, взгляд по-прежнему устремлен на сундук. Что сделал бы артанин — понятно. И как поступил бы простолюдин из любой деревни — тоже не тайна. Но он — державный деятель, он мудр, он умен...

Поморщился кисло, при чем тут мудр, при чем тут умен. Его Кледия — хорошая и ласковая жена, что родила ему шестерых, четверо выжили, сейчас уже хозяйничают в собственных землях, в гости наезжают редко, но наезжают. Всякий раз целуют и обнимают их обоих. И любят обоих.

Снова поморщился, при чем здесь дети. Ради мнения детей не пошевельнет и пальцем. Но с Кледией он в самом деле прожил двадцать лет, и хотя бывали ссоры, недопонимания, но это были хорошие двадцать лет.

Он хлопнул в ладоши. Вошел Новак. Щажард подозвал, приблизил лицо к его уху и прошептал:

— Возьми ребят покрепче, что умеют держать язык за зубами. Выкопайте в саду яму поглубже. Этот сундук закопайте так, чтобы и следа не было видно. Все понял? И — навсегда забудем сегодняшний день.

Новак кивнул. Лицо оставалось таким же неподвижным, как и раньше.

— Все будет сделано, хозяин.

Ключ Щажард сунул в карман, чтобы выбросить, когда окажется снова далеко за городом.

ГЛАВА 25

За последние пять лет Тулей дал втянуть себя в две бесполезных войны со Славией, к тому же затеял строительство огромного портового города в удобном заливе, защищенном высокими скалистыми берегами от бурь и штормовых волн. Пришлось насыпать высокий мол из огромных глыб, их возили издали, народ роптал, налоги почти удвоились, а потом настроили кораблей, нагрузили товарами, первая же буря утопила весь флот.

Тулей, стремясь восстановить все заново, велел поднять налоги, корабли настроили снова, но на этот раз их перехватили вантийские пираты. В третий раз Тулей приказал создать хороший флот боевых кораблей, набрать и обучить умелых моряков-воинов, чтобы сопровождали торговые караваны. Это добавило новые налоги, на что города ответили уже не ропотом, а гневными выступлениями беричей и богатых горожан. Их поддержала беднота, города переставали платить подати вообще.

По совету Щажарда разгневанный Тулей велел непокорным городам собрать для нужд армии по телеге золота, по три телеги серебра и по десяти тысяч коров с каждого города, а также прислать для службы при дворце сыновей самых знатных беров. Это сочли как требование предоставить заложников, волнение охватило целые провинции. И в это время стали поступать сведения, что артане уже собирают на своем берегу реки огромную конную армию.

Город Сарынь, что расположился на берегу моря и потому, в отсутствие башен колдунов, был очень уязвим, всегда страшился артан, но сейчас артане показались меньшим злом, чем жадность и вымогательство Тулея. Вообще Сарынь когда-то соперничал с Куябой, он был намного древнее, богаче,

но постоянные набеги ослабили его, а Куяба, новый город, расположенный под защитой двух черных башен, разрастался, богател, пока туда не переехали властелины страны со всей роскошью, присущей стольному граду. С той поры Сарынь остался лишь бывшей столицей, что дряхлела, сокращалась в размерах, ибо опустевшие дома на окраинах никто не заселял, они медленно разрушались, а молодые и сильные старались покинуть этот город, как уже обреченный богами на гибель.

Но все равно город все еще был богат, силен, и сейчас, когда пришла весть, что артане обещают даже не входить в город, а их дань не превышает дани Тулею, восторг охватил жителей. На улицах и площадях были игрища, праздники, пляски и состязания певцов. Уж Куябу артане точно не пощадят, ее возьмут и разграбят, и тогда Сарынь снова станет главным городом, к которому стянутся все остальные города и земли!

Правитель Сарыни, мудрый и осторожный, каким надлежит быть в этом много повидавшем дряхлеющем городе, был доволен, что нашествие артан отвлечет Тулея от необходимости посылать карательные войска, но ему не нравилась радость, охватившая горожан. Сборщиков подати с позором выгнали за городские ворота, а кое-кого и втихую утопили в выгребных ямах, молодежь доставала отцовское оружие, порой изрядно поржавевшее, заново наводили блеск, точили до остроты бритв, надевали родительские доспехи и гордо расхаживали по улицам, с головы до ног обвешанные оружием.

Снова заговорили о полном отделении, но верховный бер Верхней Куявии колебался, выжидал, на чью чашу весов качнется победа. Когда артане наконец-то вторглись и пошли захватывать один город за другим с непонятной легкостью, он послал сообщить Придону, что признает его власть, просит принять присягу в верности и просит только о восстановлении старых привилегий древнего города Сарыни, бывшей столицы этой страны.

Те стада, что приготовили уже на уплату в Куябу, правитель Сарыни поспешил отправить навстречу наступающим войскам Придона. Он не обманулся в ожиданиях: Придон подтвердил все древние свободы города, а налог назначил

вдвое меньший, чем брал Тулей. Сказать по правде, он вообще готов был отказаться от всех налогов, его сжигало видение проклятой Куябы, которую он однажды спас от Янкерда. Это ее нужно взять и разрушить, это в Куябе самая драгоценнейшая жемчужина из всех жемчужин, это ради нее все, а налоги, интриги — мелочи, но Аснерд настоял, что слишком много свобод тоже плохо: куявы сочтут, что их опасаются, и возгордятся, начнут строить препятствия...

Лишь два города, достаточно важных, не пожелали вступить в переговоры. Плотск и Резаньск, богатые и прекрасно выстроенные, оба окружили себя высокой стеной из толстых глыб, что привозили издали, оба выкопали рвы и заполнили их водой. Правда, вода давно высохла, а рвы почти занесло песком, но стены оставались высокими, несокрушимыми, а богатство городов обеспечивало им содержание хорошо обученных гарнизонов.

Оба города, как и Сарынь, когда-то были самостоятельными городами, потом им пришлось признать объединение земель под железной рукой жестокого Тараса, древнего правителя этих земель, принести ему присягу, а когда главенство перешло к Куябе, так же спокойно признали ее власть. Куяба всякий раз подписывала договор, что в Плотске и Резаньске свое правление, Куявия не назначает своих наместников, не требует уплаты налогов, а взамен эти города соблюдают законы Куявии и не дают убежища сбежавшим из Куябы преступникам. Это вполне устраивало как плотчан, так и резаньчан, потому ответили таким резким отказом на требование артан открыть ворота.

Придон в нетерпении стремился дальше, но и оставлять два города за спиной — рискованно. Пусть даже там нет войск, но не оставишь же здесь охрану, сюда могут стягиваться по одному-два человека отчаянные головы, а потом, когда наберется хотя бы тысяча, ударят в спину...

Он сам выехал к воротам Плотска и потребовал сдачи. В подтверждение, что настроен серьезно, с обоза в виду стен начали снимать великое множество катапульт. Придон прокричал, что как только выстрелит хотя бы одна катапульта, то

разговоры о сдаче прекращаются: город отныне приговаривается к уничтожению.

Катапульты устанавливали, заряжали, возле каждой выложили груду тяжелых камней, и наконец над воротами взвился белый платок, отворилась дверца, появился человек, в руке тоже белый платок, которым размахивал над головой.

Придон пустил коня навстречу, Аснерд сказал настороженно:

— Что-то больно рыло колдунье. Вяземайт, езжай следом!

— Я сам, — ответил Придон.

— Вяземайт, — повторил Аснерд резче, — езжай рядом. Мы не можем потерять вождя. Самого дурака не жалко, но враги решат, что мы что-то потеряли, обрадуются.

Вяземайт вспрыгнул на коня, догнал и поехал рядом, не обращая внимания на насупившегося Придона. Человек остановился, все еще в пределах досягаемости стрел с крепостной стены, но Придон на такие мелочи внимания не обращал, внимательно рассматривал высланного для переговоров.

Тот выглядел так, будто раньше служил колодезным журавлем. Стоял, слегка наклонившись вперед, из-за своего роста сильно сутулился, руки теперь держал за спиной, но Придон не усмотрел угрозы, такая у человека привычка. На его серой, словно выцветшей одежде ни единого украшения, не говоря уже о золотых брошках, пряжках, цепочках. Он молчал, присматривался к двум всадникам, а когда заговорил, Придон ничуть не удивился, услышав сухой скрипучий голос. Это и был голос колодезного журавля, медленный, размеренный, почти безжизненный, но суховато деловой:

— Меня зовут Евстор. Я представляю городской совет. Какие гарантии, что наш город не будет разграблен?

Вяземайт пристально всматривался в плотчанина, на лбу собрались глубокие морщины, губы чуть-чуть подрагивали, повторяя произносимые про себя заклинания. Придон ответил таким же ровным голосом, стараясь, чтобы тот звучал тоже сухо и буднично:

— Я — Придон, вождь похода и тцар Артании. Мы не бу-

дем вводить войска в город, а вы в знак подчинения выплатите дань в размере мерки овса на каждую нашу лошадь.

Евстор вскинул брови. В глазах отразилось тщательно упрятанное изумление.

— Это... все?

— Все, — ответил Придон. Добавил быстро: — Да, еще один пустяк... Вы допустите в город двух-трех наших конников. Они проскачут по городу и посмотрят, не укрывается ли по ту сторону стен мощное куявское войско.

Евстор помедлил, сказал осторожно:

— Войска нет, но у нас крепкая городская стража. Есть охрана у городского совета, есть тюрьма, там тоже нельзя без охраны...

Придон отмахнулся.

— Эти не в счет.

— Но мы слышали, что убиваете всех мужчин, которые с оружием в руках...

— Если застаем их в поле, — ответил Придон. — Да и по улицам не стоит расхаживать с обнаженными мечами, верно? А городская стража нужна везде. Воры и разбойники еще не перевелись.

Евстор слегка поклонился.

— Ваши условия принимаем. В знак доверия, что ничего не прячем, можете сразу отправить со мной ваших трех всадников. Увидите, что я никого ни о чем не предупреждал.

Он впервые улыбнулся, на его лице читалось облегчение. Вяземайт перехватил взгляд Придона, успокаивающе кивнул, мол, следов магии не ощутил.

По взмаху руки Придона рядом очутились трое телохранителей, но неожиданно вмешался Вяземайт:

— Я сам съезжу с ними. Я знаю, как можно укрыть от глаз противника большой отряд, но знаю и как сдернуть это покрывало.

Он прямо смотрел в глаза Евстора, тот кивнул довольно равнодушно. Придон проводил их взглядом, ворота перед ними отворились, но, едва Вяземайт и двое артан въехали вслед за Евстором, тут же быстро захлопнулись.

Далеко в лагере гулко загрохотали била, зазвенели бубны, послышались резкие крики труб, а когда Придон повернул коня и в сопровождении одного телохранителя поехал обратно, навстречу грянули могучие сильные голоса. Песня звучала красивая, торжественная, достойная и гордая, Придон ощутил, как мгновенно выпаривается усталость, из божественного мира в измученное тело вливается мощь, а мышцы напрягаются сами по себе, требуя немедленных действий.

Гэй-но, наполним полные чары,
Чтоб через венца лилося!
Чтоб наша доля нас не чуралась,
Чтоб лучше в свити жилося!

Аснерд выехал навстречу, Придон на краю воинского стана соскочил на землю, Аснерд спешился, обнял, прогудел в ухо, как огромный толстый шмель размером с медведя:

— Я вижу, вижу... Да и все уже увидели! Видишь, ликуют? Это тоже победа, Придон. Ты мог и большую дань затребовать, они бы выплатили, но я понимаю твое нетерпение.

Кровь бросилась в голову Придону, на миг в глазах потемнело, затем мир стал красным. Как будто со стороны услышал свой хриплый страстный голос:

— Что дань? Я сам бы им доплатил, только бы скорее... Нет жизни без Куябы!.. Все отдам, от всего откажусь, но только чтоб Итания была моей!.. И меня ничто не остановит. Ничто!

Аснерд обнял за плечи, повел к красному, издали видному шатру, над которым еще и пламенел прапор Артании.

— Понимаю, понимаю, — прогудел он. — Наше назначение на свете — это гоняться за женщиной, пока она нас не поймает. Можно спастись от дракона, горного дива, но женщина и есть то самое слабое, беззащитное существо, от которого спастись невозможно никому.

Придон пробормотал, не понимая, сказал Аснерд ему в поддержку или в осуждение:

— Но вот Вяземайт говорит, что спасся... Он, как волхв, видит их насквозь, в отличие от остальных.

Они остановились перед шатром, Аснерд откинул полог и подтолкнул Придона со словами:

— Кто видит женщин насквозь, тот очень многое теряет.

За спиной раздались крики, голоса стали громче. Приблизились музыканты, все смотрели на Придона с ожиданием. Аснерд не стал входить следом, но и полог не отпустил, на лице оставалась хитрая усмешка. Придон скривился, но кровь уже шла толчками, подстраиваясь под ритм, ноги сами начали подрагивать, притопывать, он махнул рукой и вышел из шатра уже танцующим шагом.

Вокруг сразу образовался круг, народ бросал все дела, отшвыривал недоеденное мясо, лезли друг другу на спину, ибо танцевал сам Придон, а это не просто танцующий тцар, это настоящий чародей, что своим танцем лечит души, очищает кровь, это освежает больше, чем скачка на диком коне, карабканье по скалам, чем даже жаркие схватки, в которых все равно никакой разрядки нервам.

— Берегись, Куяба, — проговорил он в танце. — Вот только теперь надвигается настоящая буря! Не буря — ураган. То есть я.

Разведчики донесли, что из Куябы движется огромное войско. Все в стальных панцирях, все на покрытых попонами конях, с копьями, при каждом меч и по два кинжала. Отборная столичная армия, опора престола. А ведет армию сам Дунай, что еще ни разу не терпел поражений.

Придон тут же велел остановиться, артанское войско чересчур растянулось, идут как мелкие волчьи стаи, но за ними огонь и пепел, словно эти волки из огня и раскаленного железа.

Мелкая речушка не могла всех напоить, пришлось растянуться по обоим берегам на несколько верст. Так отдыхали сутки, а утром солнце заблистало на шлемах и панцирях приближающегося войска. Придон зябко повел плечами, весь горизонт как будто усыпан людой, искры колют глаз, это же сколько сильных мужчин в железе с головы до ног...

Рядом с ним гарцевали кони военачальников, всадники негромко переговаривались. Пыльное облако росло, а искорки скоро превратились в крохотные фигурки.

Куявская конница надвигалась неспешно, сохраняя силы.

От массы тяжелой панцирной конницы тревожно гудела земля, постанывала, в воздухе росло напряжение.

Аснерд сказал громко:

— А ведь теперь Куяба... того, осталась без защиты!..

Вяземайт сказал так же громко:

— Да, вся армия, что защищала Куябу, перед нами!

Военачальники оживились, глаза заблестели. Если суметь разбить это могучее, ничего не скажешь, войско, то впереди — самый богатый город на свете. Нет выше славы, чем захватить его, ворваться на конях прямо во дворцы князей, беров, самого куявского тцара, услышать цокот неподкованных копыт по белоснежному мрамору, устроить конюшню в роскошных залах, где ковры не только под копытами, но и на стенах...

Куявские всадники приблизились к берегу, там несколько удальцов уже пробовали вступать с ними в схватки, но Меклен прокричал своим громовым голосом, от которого птицы в небе падают замертво, и все послушно перешли на эту сторону.

Куявы выстроились на том берегу, отступив от воды всего на сотню шагов. Если артане решатся перейти по броду, то не смогут навалиться лавой, места для разгона нет, но в то же время словно бы артанам дают возможность переправы.

Придон смотрел мрачно, глаза налились кровью. С этой стороны все та же кучка задир спустилась к воде, кони красиво гарцевали по мелководью, один из всадников прокричал:

— Эй, трусы в железных горшках!.. Сегодня вороны нажрутся вашего жирного мяса!

Из куявских рядов одинокий голос крикнул:

— Они нажрутся вашего.

— Снимите железо с морд! — весело прокричал всадник. — Пожалейте своих куявских ворон!.. Им же трудно вас из железа выковыривать!

— Подойди, — сказал тот же воин. — Я тебя самого сковырну.

— Да где ты, комар? Я тебя одним пальцем раздавлю!

В куявских рядах один щит качнулся, тут же злой голос проревел:

— Всем держать строй!.. Этим степным шакалам только и надо, чтобы мы превратились в такую же орду, как они!

...Из артанских рядов выехал молодой рослый воин. Даже не зная его имени, Придон признал бы родство с Ральсвиком: такой же хищный длинный нос крючком, такие же острые кончики ушей, высокие скулы и непомерно широкие плечи. Это был Пруг, самый младший брат в их семействе, он только этим летом получил право носить оружие и тут же бросился догонять артанское войско.

— Я еще не пробовал, что такое куявы! — прокричал он звонким юношеским голосом. — Говорят, чем толще скорлупа у рака, тем мясо слаще!

Ральсвик за спиной Придона выругался:

— Куда лезет этот дурак? Под ним же конь шатается! Да и сам устал, он же не покидал седла пять суток...

Аснерд проворчал успокаивающе:

— Ничё, у молодых силы набираются быстро.

Но в глазах была тревога, он приложил ладонь козырьком ко лбу, провожал взглядом. Пруг на полном скаку одолел реку, пронесся, красиво вздымая веер брызг, словно через реку мчался сказочный дракон с огромными серебряными крыльями. Отдалившись от воды на десяток шагов, он придержал коня и взмахнул топором.

— Неужто у вас не отыщется мужчин? — прокричал он насмешливо. — Тогда сразу отдайте нам своих женщин! Уж мы придумаем, что с ними делать!

Солнце красиво играло на развитых мышцах его обнаженной до пояса фигуры. Стальной обруч на голове, широкие боевые браслеты на запястьях и предплечьях — вот и весь панцирь, в то время как пешие куявы выглядели как черепахи, вставшие стоймя, а конные — черепахи на конях.

Железный строй колыхался, оттуда неслись проклятия, но, удерживаемые сотниками, держали строй. Пруг хохотал и размахивал топором. Ряды закованных в железо всадников раздвинулись, вперед выехал воин на рослом гнедом коне. В руке он держал длинное копье, но тотчас же отдал одному из товарищей. Рука надвинула на глаза забрало, звякнуло, конь пошел неторопливой рысью.

В руке всадника появился длинный меч. Он проехал меж-

ду двумя отрядами пеших, они и вместе выглядели гигантскими черепахами с железными спинами, прокричал еще издали:

— Молись своему дикому богу, артанин!

— Конечно, — ответил Пруг радостно. — Такую жертву ему сейчас...

Всадник налетел с поднятым мечом, Пруг закрылся щитом. Куяв бил со страшной силой, Пруг пустил удар наискось, иначе щит был бы разрублен пополам, да и то рука занемела от удара, но сам в свою очередь нанес удар, наметивши в голову.

Куяв тоже закрылся щитом, однако острие топора прорубило щит. Артанин с силой дернул на себя топор, и щит соскользнул с руки куява. Вообще-то он мог бы удержать щит, но рывок свалил бы его с коня, и он предпочел разжать пальцы на держаке.

Пруг торопливо подал коня чуть назад, надо еще стряхнуть повисший на топоре щит, куяв взревел от ярости и начал наносить удары. Пруг наконец стряхнул щит, в этот момент острое лезвие коснулось его плеча. Будь он в железных доспехах, даже не заметил бы, но острое как бритва лезвие тут же рассекло плоть, брызнула алая кровь, потекла по плечу и по груди широкой струей.

Пешие куявы радостно заорали, начали колотить в щиты. Куявские всадники смеялись и хлопали один другого по железным плечам. Железный строй колыхался, как жуткая волна стального моря.

— Бой еще не кончен! — прокричал Пруг яростно. Он отразил удар меча щитом, сделал ложный замах, ударил прицельно и точно. — Получи!

Куяв вздрогнул, его шатнуло, в следующее мгновение он набросился на Пруга с удвоенной яростью.

Придон, Ральсвик и военачальники наблюдали в напряженном молчании, по движениям куява угадали опытного бойца, наконец Ральсвик не выдержал, вскрикнул:

— Ну куда, куда лезешь, дурень!.. Это тебе не с братьями драться!

Пруг наконец сообразил, что железные доспехи — не привычный кожаный панцирь, что поддается лезвию почти так

же легко, как и собственная шкура, отступал, парировал удары, а сам бил сильнее и сильнее, приноравливаясь к новой манере боя. Несмотря на потерю крови, залит уже до пояса, двигался намного быстрее тяжелого куява, парировал удары меча щитом, а топор высекал искры из плеч, рук, головы куява. Вмятины и зарубки появились даже на груди, все заметили, что куяв все медленнее поднимает меч, а из разрубленных щелей на правом плече показалась кровь.

Наконец до холма, где в горестном ожидании застыл Ральсвик, донесся страшный крик:

— Чернобог, к тебе отправляю эту жирную свинью!

Он привстал на стременах и обрушил страшный удар. Грохот железа пронесся над застывшими полками, как удар грома. Острие топора разрубило железный шлем вместе с черепом и завязло в нижней челюсти. Пруг с усилием выдернул пламенеющий, как маленькое вечернее солнце, топор, вскинул над головой.

Артане, опомнившись, радостно заорали. Пруг ухватил чужого коня за повод, вода снова разлетелась серебряными крыльями, и они с шумом пересекли реку. Куяв свалился, подняв тучу брызг, когда они пересекали середину реки. Пруг уже был бледен, с усилием улыбался, но глаза закатывались. К нему подбежали принять коня, а он кулем свалился товарищам прямо на руки.

Со стороны артан выехало уже несколько человек, воодушевленных победой молодого бойца. Они орали и размахивали над головой топорами, с ходу проскочили реку и остановились, продолжая подбрасывать топоры. Со стороны куявов медленно отделились от отряда трое, пустили коней навстречу артанам. Их догнал еще один, вчетвером пошли на артан, закованные в железо с головы до ног. Кони их, выше и крупнее артанских, под широкими попонами выглядели вообще чудовищами.

Все четверо выставили перед собой длинные копья, пригнулись и погнали коней вскачь, с каждым прыжком набирая скорость. Артане со всполошенными криками разбежались в стороны. Придон стиснул зубы, куявы выглядят гораздо красивее, их действия слаженны, словно всю жизнь в боях, слов-

но вот так в бесконечных схватках отработали каждое движение...

Страшно ударило железо о железо, один из артан не сумел достаточно быстро уклониться, копье пронзило насквозь чуть выше пряжки ремня. Он закричал страшно, выронил топор, обе руки ухватились за копье. Сильным рывком он насадил себя еще, еще, придвигаясь к оцепеневшему куяву. Куяв наконец выронил копье, ухватился за меч, но артанин выбросил вперед обе руки, ухватил его за голову и откинулся назад всем телом.

Они рухнули с коней, копье сломалось от удара о землю, артанин дергался, умирая, но куяв не двигался, артанин в падении сломал ему шею.

Над местом схватки стоял грохот, кони бешено вертелись, стараясь помочь седокам, помогая выбрать позицию для удара. Земля здесь влажная, пыли нет, от артанского войска и от куявского все было видно отчетливо, а схватка жестокая, на виду у всех, и каждый боец стремился показать себя в блеске славы.

Трое куявов встали спинами друг к другу, образовав треугольник, и снова Придон отметил, что рубятся красиво, умело, а его артане прыгают вокруг, как драчливые бессильные петухи. Правда, превосходят в скорости, что хорошо, но превосходят и в ярости, что сейчас выставило их в смешном виде.

Он сказал Аснерду холодно:

— Больше никаких поединков!

— Но...

— Куявы уступают только один на один, — сказал Придон зло, — но прекрасно дерутся в строю, чего наши не умеют.

— А зачем нам строй?

— Нам — незачем. Но один куяв в строю стоит троих. Если не пятерых.

Из-за спины кто-то сказал высокомерно:

— Но один артанин стоит десятерых куявов!

Придон даже не оглянулся, кивнул Аснерду.

— Скоро все узнаем. Выставляй тяжелых лучников!

Схватка становилась все нелепее и неинтереснее. Артане уже покрылись ранами, кровь течет по рукам, плечам, у двоих

даже волосы слиплись от крови, а куявы все так же дрались холодно, расчетливо, у всех троих погнуты латы, но ни один даже не ранен.

Щецин наконец поднес к губам рог, страшный рев заставил всех вздрогнуть.

— Всем вернуться! — прокричал он, опустив рог. — Это приказ!

Артане, что из упрямства готовы были умереть, но не отступиться, с готовностью повернули коней и помчались через реку. Куявы молча смотрели вслед через щели в забралах, но даже артанскому войску было видно, что они остались победителями.

Аснерд властным взмахом руки подозвал Промека. Тот приблизился, богато одетый, в боевых доспехах, на прекрасном жеребце, укрытом дорогой попоной с золотым шитьем.

— Дорогой союзник, — сказал Аснерд. — Не пора ли вам хоть однажды вступить в бой первыми и показать свою удаль?

Промек посмотрел на ту сторону реки. Бледность залила щеки, он покачал головой.

— Это безумие — напасть на такое войско. Мы просто все погибнем.

— Хорошо, — сказал Аснерд, — тогда сделаем иначе. За вами тащится огромная толпа взбунтовавшейся черни. Нам она так же противна, как и вам. Но вам с нею разговаривать легче, вы одной крови... Пошлите их в бой!.. Ничего, если их порубят половину, верно? А то и всех. Укажите на то, что в куявском войске самые богатые люди. Там сейчас самые богатые беры и беричи всей Куявии, видно отсюда! У них золотые доспехи, у них на поясах мешочки с золотыми монетами. Их кони стоят целые состояния, за мечи этих беров можно купить деревню, а за один плащ любой прокормит большую семью до конца дней. Это все можно пообещать той черни, если она сумеет их опрокинуть...

Промек зябко передернул плечами.

— Нет, мы не сможем их заставить напасть. Они упадут в обморок от одного вида этой грозной конницы.

Аснерд усмехнулся:

— Знаю. Но все равно вы должны участвовать, иначе что вы за союзники?.. Только идти по следам и грабить? Ладно, вы ударите первыми, а следом я брошу все десять тысяч моей конницы. Они уже наготове, ждут!.. Неплохая помощь, верно?

Промек с неуверенностью кивнул, поехал к своим. Аснерд понаблюдал, как он провел переговоры с вожаками черни, те поскакали к своим отрядам, и нестройная масса потекла в направлении застывшей стальной стены из щитов и копий. У куявов даже кони стояли, как будто вытесанные из камня, хотя бы один тряхнул гривой или переступил с ноги на ногу.

Аснерд обернулся к своим громко и со значением прокричал:

— Ну, артане... за наши обиды! За нашу кровь, что все годы проливали эти никчемные псы!.. Отомстим!

Щецин привстал на стременах, прокричал громко и страшно:

— За наши обиды!.. За нашу попранную честь!..

В рядах заблистали топоры, жуткий крик ненависти пронесся по всему войску. Щецин махнул рукой, и вся лава ринулась, все ускоряя бег, пока не перешла в стремительный галоп. Земля загудела, застонала, стук тысяч копыт превратился в грохот, от которого хотелось зажать уши и присесть, зажмурившись, к земле.

Чернь ударила о стену из щитов, а из щелей быстро выдвинулись острые копья, жалили и снова прятались, набирая размах для второго удара. Поднялся вой, крик, мелькали мечи, булавы, дубины, а копья жалили и жалили, ограждая куявское войско трупами.

Придон рассерженно подал знак. Красиво и звонко пропела труба. Передовое войско двинулось вперед, сперва шагом, потом начало набирать все больше и больше скорость. Земля загремела под конскими копытами.

Куявы стояли неподвижно, и, когда уже казалось, что они так и встретят удар, их передний строй колыхнулся. Всадники разом опустили пики, пустили коней шагом, затем в галоп. Они как раз успели пойти вскачь, когда передние ряды сшиблись.

Придон не верил своим глазам. Куявы неслись, не оста-

навливаясь и почти не сбавив хода, но артанское войско таяло, исчезало, как молодые колосья под ударами косы. Передние были уничтожены на глубину в десять рядов, только тогда куявы чуть замедлили скачку, но все еще рвались вперед, их мечи мерно поднимались и опускались, доспехи уже не блестели, забрызганные кровью, Придон с пугающей ясностью понял, что там кровь его соратников, артанская кровь...

— Командуй дальше ты! — крикнул он взбешенно Аснерду. — Я должен быть там!

— Ты не должен... — закричал ему вслед Аснерд, но Придон птицей взлетел в седло и ринулся в самую гущу схватки.

Нет, это походило даже не на продвижение косарей по зеленому жнивью, а как будто ураган пронесся по зеленым колосьям и примял их к земле, сломал, втоптал в землю. Легких коней артан вместе с седоками опрокинули железные всадники, а растоптали их те, кто несся следом. В войске артан нарастало замешательство, наконец оно дрогнуло и остановилось. Куявы потеряли скорость, их кони роняли пену, но всадники неутомимо рубились, понуждая усталых коней двигаться дальше.

И — дрогнули артане. Сперва еще рубились, мужественно принимая удар, затем в страхе и растерянности начали поворачивать коней. Даже не в страхе, а в непонимании, ведь они шли сюда рубить толстых и трусливых куявов, врываться в их дома и вытаскивать за золотые волосы пышных плачущих женщин и насиловать прямо на порогах их домов...

Придон налетел, как взбешенный демон. Его топор с лязгом рассекал закованных в железо воинов, словно те были разукрашенными бычьими пузырями, заполненными кровью. Во все стороны летели отсеченные руки, головы, части тел, конь Придона ломился вперед, опрокидывал, топтал копытами, хватал зубами и сбрасывал всадников. За Придоном двигался расширяющийся клин его телохранителей, за ними устремились самые сильные бойцы и богатыри, которых держал до решающей схватки.

Артане неслись подобно урагану, удар был страшен. Куявы, что до того, не потеряв ни человека, гнали, топтали, опрокидывали и с легкостью рубили свою же взбунтовавшуюся

чернь, ощутили, что столкнулись с равной силой. И хотя куявские воины блистали железом, а артане щеголяли мускулами и здоровой кожей, схватка шла на равных, ибо артане дрались злее, умелее, а на скованные железными доспехами тела удары сыпались втрое быстрее, точнее, злее.

Куявы врубились далеко в артанское войско, но и артане клиньями врезались в ряды и массу куявов, где бешено рубились во все стороны, и после каждого такого удара пустело седло, хотя всадник бывал в двойном железе с головы до ног, а у артанина из всех доспехов только кожаный ремешок, что прижимал волосы ко лбу.

Так же часто падали и артане, ибо их топоры нередко лишь звенели, отскакивая от доспехов из закаленной стали, а длинные мечи и острые копья наносили глубокие раны, рассекали любые бугры мышц, доставали до сердец, отсекали руки и головы.

Во главе клина, что глубже всех врубился в артанское войско, двигался исполинский конь, покрытый пластинами стальных доспехов. В седле мерными взмахами косила противников длинным мечом закованная в стальной панцирь гигантская фигура. Это и был сам командующий всеми армиями Куявии Дунай. За ним рубились Рипей, Вихрян, многие знатные беры и мужественные воины. Их покрытые золотом доспехи блистали, как солнце, так же ярко блестели глаза в прорезях шлемов, а мечи неутомимо взлетали и опускались, сея смерть в артанских рядах.

Придон врубился в куявское войско со всем неистовством намного правее, за ним двигался воодушевленный Крок, по строгому наказу отца не отставая от Придона ни на шаг. Их топоры свирепствовали, казалось, независимо от хозяев: срубленные головы и руки взлетали в воздух, окропляя все вокруг красными брызгами. Придон продвигался, как тур через стадо овец. Стальные доспехи разлетались под ударами его топора, как горшки из пересохшей глины. Доспехи из простого железа и бронзы просто пропускали лезвие, будто не металл, а гнилое полотно, а он молниеносно обрушивал новый удар, разворачивался и рубил следующего, и так шаг за шагом, в

глубь войска, к тому месту, где на возвышении и в неподвижности стоят полководцы, откуда руководят битвой.

Навстречу ему выезжали лучшие силачи Куявии, победители турниров, состязаний, но стоило им бросить взгляд на неистового артанского тцара, как ужас охватывал их души, дрожащие руки натягивали повод с такой силой, что кони кричали от боли, вставали на дыбы и поспешно пятились, только бы не оказаться на пути свирепого воина.

— За наши обиды! — слышался клич. — За наши... Отомстим!

— Отомстим! — выкрикнул Придон страшным голосом. — Победа!.. Победа!.. Победа!

Усталые руки налились силой, топоры снова поднимались и опускались с прежней силой и яростью. Наконец дорогу Придону решился загородить князь Прилесья Огрядный, отважный до безумия и уверенный в себе настолько, что везде обещал привести Придона с петлей на шее.

Они сшиблись, как две железных горы, но, когда рассеялась пыль, конь Придона перескочил через бьющееся в агонии, придавленное конским крупом распластанное тело, а Придон снова неутомимо рубил и все всматривался налитыми кровью глазами в неподвижную группу куявских полководцев.

Аснерд остался на холме озирать поле битвы хозяйским оком, он видел, как по куявскому войску проблескивает молния, сперва ровная на вскинутых мечах, потом изломалась, но все же оставался строй, молния взблескивала одновременно, тут же гасла и сверкала снова. Он восхитился слаженной работой, эти куявы драться умеют, они не умеют сражаться в одиночку, но их трудно одолеть в боевом строю. Из схватки часто выметывались кони, словно их вышвыривали: ошалевшие, с округлившимися глазами и развевающимися гривами. Некоторые несли на себе упавших на конскую шею всадников, другие тащили их по земле, не успевших выдернуть ногу из стремени.

Он видел, как засадный полк куявов выдвинулся из леса,

там протрубил рожок, и все тяжелой массой понеслись, с намерением ударить в правый бок артанского войска.

— Тулей! — закричал их предводитель, Аснерд узнал по развевающемуся прапору дворцовое войско, самое отборное из отборных, где служили только сыновья знатных беров и лучшие из беричей.

— Тулей! — подхватило войско. — Тулей!

Артане заскрежетали зубами, Аснерд, как ощутил, привстал на стременах, повернулся к своим и сказал мощно:

— Настало время нам испить эту чашу!.. Вперед! Да заплачет он кровавыми слезами, обманщик!

— За наши обиды! — прогремел крик.

— Придон! — закричали голоса.

— Придон!

— Придон!

Крик нарастал, казалось, кричала страшным голосом сама земля, кричало небо, кричали камни. Куявы ощутили слабость в руках, ибо Тулей, за которого сражаются, обманул этого Придона, и хотя это понятно, так и надо, но все-таки артане в ярости не зря...

Куявы ударили, опрокинули передние ряды, а дальше одной лишь массой закованного в железо войска сокрушали, вбивали в землю всех, кто оказывался на дороге. Наконец теснота остановила натиск, тяжелым панцирникам пришлось бросить копья, выхватили мечи, пошла сеча, но сзади напирали, и вскоре уже не удавалось замахнуться даже мечом или топором, дрались рукоятями, били кулаками, в тесноте выхватывали из-за поясов ножи, но чаще всего схватывались голыми руками и валились с седел под копыта, где их затаптывали насмерть. Уже никто не кричал, слышны были только сдавленные хрипы, тяжелое дыхание, стоны, и только кони от ужаса кричали тонкими голосами.

В рядах куявских воинов привлекал внимание один, в позолоченных латах, с пышным гребнем на шлеме, закрывающем все лицо. Меч его взлетал в воздух быстро и легко, воин рубился умело, и хотя куявы уже подались под бешеным натиском, но этот все еще продвигался вперед, хоть медленно,

но продвигался, быстрыми и точными ударами повергая артан под копыта своего коня.

За ним двигалось около двух десятков закованных в железо воинов на таких же панцирных конях. Аснерд увидел, толкнул коня и понесся на умелого куява. Еще издали он прокричал таким могучим голосом, что вздрогнули все вокруг, а кони от страха присели:

— Кто ты, смельчак, скажи свое имя?

— Ты знаешь меня, — выкрикнул куявский всадник, — но зачем тебе мое имя?

— Чтоб передали твоей матери о твоей славной гибели...

— А не твоей?

Они сшиблись с таким неистовством, что кони закричали, как смертельно раненные люди, и присели на задние ноги. Аснерд принял удар меча на щит, взмахнул топором, движение обманчиво, но всадник все же уловил и нарочитую замедленность, что на самом деле только кажущаяся, сам нанес удар, в то же время уклоняясь от артанского героя, однако уклонился небрежно, топор задел шлем. Другого бы свалил бездыханным, но у этого только лопнул ремешок, шлем слетел, на Аснерда взглянуло взбешенное знакомое лицо.

— А, — проревел Аснерд, — так ты этот... а мы уж думали, что ты только красиво шагать умеешь!

— Ты многого не знаешь о куявах, — выкрикнул Свей. Он нанес быстрый удар, Аснерд закрылся щитом, тут же ударил дважды, метя в голову, — но... узнаешь!

— Может быть, — буркнул Аснерд. Он привстал на стременах, его гигантский топор обрушился сверху, с пронзительным звоном разнес металлический щит на мелкие брызги, переломил и меч, как сосульку, ударил в голову, обезобразив лицо красавца начальника дворцовой стражи, рассек грудь. — Но ты... молодец.

Застонали, закричали куявские воины, в бешенстве набросились на Аснерда. Он ощутил себя огромным медведем, которого окружили мелкие собаки, но подоспели из его окружения, быстро перебили друзей Свея и, во главе с Аснердом, не останавливаясь, двинулись за отступающими куявами.

Аснерд, завидя Придона, крикнул ему:

— Помнишь, в Куябе был начальник дворцовой стражи? За нами его присылали?

Придон, забрызганный кровью, злой, спросил непонимающе:

— Это который петушишка... так его называл Скилл?

Он потемнел, любое воспоминание о Скилле причиняло боль, Аснерд кивнул:

— Он самый. Мог бы отсидеться, это ж не его дело выходить и драться в поле. Что-то его кольнуло, вышел! Красиво дрался, красиво погиб.

— Сообщим родителям, — крикнул в ответ Придон и, пришпорив коня, с топором во вскинутой руке понесся вперед.

Аснерд задумчиво смотрел вслед. Придон как будто не сомневается, что возьмут и Куябу. Не пора ли сказать, что на совещании крупнейших военачальников Вяземайт уже предложил у стен Куябы ограничиться богатым выкупом?

И что военачальники уже согласились?

ГЛАВА 26

Придон вырвался вперед, метался по всему полю, выискивая сильнейших куявских богатырей и повергая их с одного удара. Монолитное войско давно раздробилось на отдельные кучки, некоторые группки бросались в паническое бегство, этих легко настигали и убивали, другие же, встав спина к спине, отчаянно дрались, стараясь продать жизни подороже.

Впереди послышались крики, проклятия, звон железа и ржание испуганных коней. Придон не поверил глазам, впереди отступал, пятясь, целый артанский отряд, а их гнал, теснил и повергал огромный, как пещерный медведь, воин в темных доспехах и на темном, как ночь, коне. Артане, среди них Придон узнал известных героев, тщетно пытались защищаться, но с каждым ударом меча куява вдрызг разлетались щиты, а следующим ударом он рассекал противника до седла.

На него удары сыпались со всех сторон, но толстые, как черепаший панцирь, доспехи выдерживали, шлем сплошной, с узкой прорезью для глаз. Придон пришпорил коня, закричал издали страшным голосом:

— Эй, богатырь!.. А не сразиться ли тебе с равным?

Куяв сразил еще одного, кровь брызнула тугими струями, в воздух взлетела срубленная по плечо рука с топором в кулаке, затем огромная голова в бронзовом шлеме повернулась в сторону Придона.

— Ах, — прогремел могучий голос, — наконец-то мне повезло... Сам Придон!

Придону голос показался знакомым, он крикнул:

— Ты знаешь мое имя, назови и свое, чтобы знать, кого оплакивать родне!

— Ты меня уже встречал, — прорычал великан. — Меня зовут Дунай! Я тот, кто вобьет тебя в землю по уши...

— Хвались громче, — ответил Придон сдержанно. Хотелось тоже выкрикнуть что-то обидное, но удержал страх, а вдруг не сумеет одолеть сильнейшего богатыря Куявии. — Если ты мужчина, постарайся не бежать... сразу.

Дунай захохотал, остальные воины уже отбежали и, встав в круг, смотрели на двух богатырей. Придон принял первый удар на щит, сам замахнулся топором. Дунай с легкостью парировал, его щит даже не дрогнул в могучей руке.

— Ты уже подрос, волчонок, — крикнул Дунай одобрительно.

— А ты стал еще болтливее, — отрезал Придон.

Он пропустил сильнейший удар, все тело тряхнуло, в глазах Дуная мелькнуло удивление. Придон понял по его глазам, что надо бы свалиться без чувств под копыта, явно Дунай бил очень сильно, и, воспрянув, сам начал наносить удары, частые, неприцельные, заставляя Дуная то подставлять щит, то парировать мечом.

Примолкшие было артане начали радостно вскрикивать, куявы подбадривали своего героя, стучали в щиты. Дунай наконец озверел и перешел в нападение. Некоторое время они, не сдвигая коней с места, обменивались ударами. Придон чувствовал себя все увереннее, его удары становились все сокрушительнее.

Наконец он улучил момент, принял удар меча на щит, а его топор со страшной силой обрушился прямо в закрытый железом лоб. Дунай вздрогнул, этот чудовищный удар любого

размозжил бы в лепешку, но Дунай лишь медленно повалился лицом в конскую гриву. Придон тяжело дышал, пот заливал глаза. Руки дрожали, пальцы разжимались, он кое-как сунул топор в петлю. Дунай тяжело обрушился на землю.

Придон торопливо покинул седло, Дунай от удара оземь пришел в себя, глаза распахнулись. Он попробовал привстать, но в горло уперся острый нож, Придон держал рукоять, голос дрожал от ярости:

— Сдаешься?

Дунай прорычал:

— Нет.

— Что? — переспросил Придон.

— Прочисть уши, — рыкнул Дунай. — Я не сдаюсь артанскому псу!

Придон с трудом удержался от бешеного желания вонзить острие в горло по самую рукоять, выкрикнул:

— Что, артанскости восхотелось? Никогда не станет куяв артанином!..

— Не болтай, — сказал Дунай хрипло. — Какие артане все болтливые... Сколько вас здесь, рабы?

Придон обвел взглядом собравшихся.

— Достаточно, — ответил он. — Если дашь слово, что руки развяжет только достойная Дивиния, я отпущу тебя... Все-таки мы вместе дрались против Янкерда, я это помню. Но во второй раз нам лучше не встречаться. Один из нас точно останется плавать в крови.

Дунай смотрел снизу вверх, замедленно кивнул.

— Хорошо, — сказал он глухим голосом, — даю слово.

Он медленно поднялся, заложил руки за спину. Придон выдернул свой ремень, сделал шаг, остановился.

— Нет, — сказал он, — руки вперед. Тебе надо будет управлять конем.

Артане неверящими глазами смотрели, как Придон связал могучие руки куявского исполина тонким ремешком, помог ему взобраться в седло его черного жеребца. Кто-то вскрикнул:

— Он же куяв!.. Отъедет чуть и сам же разорвет ремень!

Придон, не обращая внимания на возглас, сказал громко:

— Только достойная Дивиния, что единственная во всей проклятой Куябе была добра ко мне, может развязать этот ремень!.. Все, езжай!

Дунай ударил жеребца пятками в бока, тот оскорбленно заржал и понесся в галоп. Артанские воины непонимающе смотрели на своего тцара. Один сказал непонимающе:

— Зачем?..

Придон бросил раздраженно:

— Подумай. Если догадаешься, станешь десятником. А то и сотником.

Венька, молодой боец из десятка Кремня, дрался храбро, умело, хотя для него это вообще был первый бой в жизни, только два дня назад прибыл с Пругом, младшим братом Ральсвика, из Артании.

В одной схватке потерял копье, дрался топором, но один из куявов сумел разрубить топорище. Венька успел вцепиться ему в руку. Оба рухнули на землю, тяжелые доспехи подвели куява, а Венька, отобрав меч, с силой вонзил его обеими руками в узкую щель между латами и шлемом.

Куяв захрипел, потоком хлынула алая кровь. Венька поднялся уже с мечом, конь подбежал на знакомый свист, и Венька, прыгнув в седло, ринулся в сечу с мечом в руке. Дрался почти весело, поверив в свои силы, меч страшно и красиво блистал в его мускулистых руках: с длинным лезвием, рукоять украшена рубинами, а вдоль лезвия бегут и мерцают красивые полосы голубого огня.

Он обезоружил и захватил в плен толстого, неповоротливого от тяжести доспехов берича, старший воин велел отвести его к холму, куда сгоняли знатных пленников. Венька пригнал полонянина, туда как раз привез и сбросил с седла другого богато одетого куява Кремень, его десятник. Венька, обрадовавшись, спросил:

— Это ничего, что я дерусь куявским мечом, потеряв свои копье и топор?

Кремень внимательно посмотрел на забрызганного кровью юношу, почти мальчишку, тот смотрит с надеждой и

ожиданием справедливости, усмехнулся, сказал с теплом в голосе:

— Ты молодец. Из тебя получится герой!

Венька вспыхнул до корней волос от счастья, глаза провожали удаляющегося десятника, тот понесся на поле боя, где все еще кое-где дрались окруженные куявы, потом в груди кольнуло. Не посмеялся ли над ним опытный боец? Слишком уж похвалил, ну не заслуживает он такой уж похвалы, здесь же одни герои, сказочные исполины...

Он тронул коня, навстречу ехал, морщась и зажимая левой рукой рану на правой, Афей, его сотник. Кровь струится между пальцев, Афей зло вращает глазами, если бы ранили в левую, это не помешало бы сражаться, но в правую...

Венька показал меч, голос дрогнул, когда заговорил быстро и виновато:

— Я потерял копье и топор, но захватил этот меч... Можно мне теперь оставить себе меч... или вернуться и взять в обозе топор?

Афей заскрипел зубами. Вот так и везет молодым дурням, а он, прошедший десятки жестоких боев без ран или с мелкими царапинами, дальше поедет с рукой на перевязи!

— Меч, — сказал он раздраженно, — это всего лишь меч, как бы хорош ни был, а ты — копьеносец! Ты нарушил строй, а еще считаешь, что совершил правое дело, потеряв артанское копье?

Венька глубоко вздохнул, дернул повод и помчался на поле. Афей переждал приступ боли, повернулся, успел увидеть, как молодой удалец сцепился с куявами. Он уже подобрал по дороге оброненное кем-то копье, дрался им храбро, умело, но копье хорошо только при первом ударе конницы или когда встречаешь других всадников, оно почти бесполезно против пеших. Все же одного куява успел пронзить, но, пока выдергивал острие, второй коварно забежал со спины и вонзил меч между лопаток.

Афей стиснул зубы. В глазах почернело, вдруг показалось, что все сородичи, что сейчас смотрят с небес на битву, переглянулись и осуждающе покачали головами.

— Ох и сволочь же я, — выдохнул он. — Что ж, я — арта-

нин! Артанин должен разделить участь того артанина, кто пострадал по его вине.

Он стегнул коня, земля загремела под копытами. Ухватив топор в левую руку, он бросился на ближайшую группу куявов, вломился в самую середину, рассыпал удары направо и налево, а когда в него вонзились с обеих сторон копья, откинулся и завалился на конский круп навзничь, удивив куявских воинов счастливым выражением на суровом, покрытом шрамами лице.

Куявов преследовали и убивали в спину несколько верст. Придон тоже несся вместе со всеми, настигал, заносил топор, легкий звон рассекаемого железа, и снова конь заученно уносит за новой добычей.

Впереди заклубилось белое марево, убегающие ныряли в него, как птицы в облако, исчезали. Придон придержал коня, стена странного тумана уплотнялась, надвинулась. Он вовсе остановил коня, всмотрелся неверящими глазами, но не успел попятиться, как туман подступил, справа и слева фигуры воинов стали призрачными, потом исчезли вовсе.

Взгляд уперся в сплошную белую стену. Стена не выглядит монолитной, в ней нечто клубится, двигается, перемещается. Если не видеть, как туман поднялся прямо из земли, то не сразу сообразишь, что это просто туман, простой туман, хоть и невиданно плотный, такого еще не видел ни в Артании, ни даже в Куявии, стране колдунов и разной нечисти.

В белой мгле слышались резкие голоса, громче всех отдавали приказы десятники. Придон различал, как звенит оружие, хрипло дышат воины, смыкая строй. Артане не сражаются в строю, но строй знают, сейчас как раз повод для плотного строя, чтобы не дать проникнуть в их ряды лазутчикам.

Приближение Вяземайта Придон ощутил так, как животное чувствует надвигающееся землетрясение. Вяземайт был зол, даже гневен, издали накричал на кого-то, рыкнул на Придона, младшим волхвам, если такие поблизости есть, велел бегом возвращаться в воинский стан, а там развести огонь под большим котлом.

Придон поехал следом, но, когда прибыл к костру, Вязе-

майт уже бросал в кипящий котел травы, помешивал, прислушивался к аромату, снова бросал корешки и пучки листьев.

Оруженосец забрал коня Придона, появился Аснерд, хмыкнул, ушел. Придон спросил с надеждой:

— Убираешь туман?

Вяземайт отмахнулся:

— Неделю только понимать, как он возник!.. Нет, у меня нет времени.

— А что же?

Вяземайт сказал зло:

— Разве я не говорил, что проще клин клином? Что у нас магия не столь изощренная и сложная, как у куявов, но силы ей не занимать?

Огонь подсвечивал его лицо снизу, оно выглядело зловещим, словно у нечеловека. Под серой кожей вздулись и застыли тяжелые рифленые желваки. Глаза впились в незримую точку над котлом, пальцы стиснулись. Придону послышался далекий треск костей, жалобный вскрик, что тотчас оборвался.

Придон посмотрел по сторонам, туман оставался таким же плотным.

— Не того удавил?

— Того, — огрызнулся Вяземайт. — Туман так просто не рассеивается...

— Разве магия не пропадает, если мага придушить?

— Так то магия, а это простой туман. Хоть и вызванный магом.

Он снова сделал движение пальцами, словно скручивал шею куренку. Придон явственно слышал легкий хруст и вскрик.

— Еще один?

— Да... Не мешай, там есть и третий, надо нащупать.

Туман начал медленно редеть. Солнце выжигало остатки, не понимая, откуда взялись эти лохматые сырые клочья, Вяземайт наконец скрутил шею третьему куявскому магу. Суровое лицо прояснилось, словно на него упал солнечный луч и разгладил морщины.

Придон сказал восхищенно:

— Ты силен, как сто медведей. Куявские колдуны тебя наверняка страшатся, как огня.

— Огня? — удивился Вяземайт. — Нет, огня они страшатся мало. Но вот меня... гм... Ладно, это неважно. Я, пока ехал, слышал, как все войско говорит о твоем поединке с Дунаем.

Придон отмахнулся:

— Говори правду. Не столько о поединке, сколько о ремне на его руках. Так?

— Так, — признался Вяземайт. — Ты хорошо подумал?

Прибежал оруженосец, в руках баклажка и небольшой кубок. Ноздри Придона дернулись сами по себе, запах плакун-травы напомнил, что за время сражения весь иссох, как выброшенная на берег рыба.

Он пил долго и жадно, наконец, возвращая опустевшую баклажку, спросил хрипло:

— А ты как думаешь?

— Не знаю, — ответил Вяземайт откровенно. — Слишком уж хороший ход. Мудрый, далеко идущий. Как бы ни поступил Дунай, все ему во вред. А нам, понятно, на пользу. Чтоб такое придумать, надо очень долго к таким хитростям готовиться. А ты ж только песни составлял!.. Так что тебе это боги подсказали, не иначе. Ведь если Дунай нарушит слово, все артане вознегодуют и будут бить бесчестных куявов еще злее. Если он так и поедет со связанными руками, то его позор, как лучшего богатыря Куявии, станет виден всей стране... А слава артан будет выше. До Куябы добираться не меньше суток!.. А если его жена уедет, испугавшись наших войск, в Родстан, ему придется ехать через всю страну.

Придон с неудовольствием пожал плечами, он пристально всматривался сквозь остатки тумана, там уже выступила стена. Тоже из дерева, но не частокол из врытых в землю бревен, а двойная, с широким помостом наверху, где прохаживались стражники. С внешней стороны стена выше, видны только проплывающие головы, только самые рослые возвышаются до уровня плеча.

Через каждые три-четыре десятка шагов стена уходила в основание высокой башни. И хотя из-за постоянных туманов сверху далеко не углядишь, но эти стражи сверху могли слы-

шать дальше, могут метать камни и дротики, а пока их самих достанешь, не одну жизнь положишь.

— Это все местные колдуны? — спросил он неверяще. — Страшно подумать, что ждет при осаде Куябы... Нет, Вяземайт, ты мне хитростей не приписывай. Мы с Дунаем дрались плечом к плечу против Янкерда. А жена его, единственная, как я уже говорил, во всем дворце, полном ядовитых змей в людской личине, помогла мне...

— Как?

— Да просто добрым словом. Это здесь, среди своих, доброе слово ничего не значит... или почти ничего, а там, когда вокруг одни враги...

— Жаль, — сказал Вяземайт. — Я уж думал, что ты стал хитрым.

Появился Аснерд, прислушался, прогудел добродушно:

— Перестань, все равно хорошо! Иногда и голова не додумается до того, что уже знает задница. А Придон, он же... слагатель песен.

— Он еще и танцевать умеет, — буркнул Вяземайт.

— Ладно, ты мне зубы не заговаривай. Когда есть будем?

Вяземайт спросил настороженно:

— Ты готов есть то, что я варю?

— А что? Мужчины едой не перебирают.

— Тогда я тебе сварю, — пообещал Вяземайт зловеще, — такое сварю...

ГЛАВА 27

Дальше войско двигалось медленно и уверенно, а он с десятком героев снова мчался во главе передового отряда. Единственное, на чем настояли Вяземайт и Аснерд, с ним теперь ехали двое могучих волхвов. Когда впереди начинало блистать смертельным холодом поле, когда поднимались ледовики, а то даже инеистые гиганты, впереди артанского войска тут же выскакивали огневушки, набирали бег огневики, а если приходилось туго, из земных недр поднимались огнеяры.

Крок тут же натягивал лук. Железные стрелы красиво и страшно били в ледяные фигуры. В ярких солнечных лучах

осколки льда взлетали, как брызги из-под копыт скачущего по мелководью коня, даже вспыхивала короткая радуга.

Меклен хохотал, Придон раздраженно хмурился. Осколки превращались в мелкие льдинки, быстрые, острые, так и норовят скользнуть под конские копыта, ранят и замораживают, что еще опаснее ледяных великанов.

— Ничего, — говорил утешающее один из волхвов, — это еще не сила... Этих мы в пар, в свет, в солнечный жар...

Меклен остановил коня, жадными глазами смотрел на жестокую битву огня и льда.

— Эх... Иногда хочется стать волхвом! Не насовсем. На время.

Волхв спросил с подозрением:

— Зачем?

— Хочется ощутить эту мощь, — признался Меклен. — Хоть и понимаю, что мужчины должны своими руками, своим топором... но я бы хотел вот так двинуть стену огня... Это же мы, артане! Мы носим огонь в крови, в сердцах, в душах. А эти жалкие трусы, что засыпают на ходу, они — вода... да не простая, ха-ха, а болотная!.. И лед — тоже они.

С поля доносился треск, ледяные глыбы раскалывались, рушились, оплывали, как расползается воск под жарким солнцем. Воздух трепетал из-за восходящих потоков, затем вообще начал подниматься пар.

Волхв выждал, махнул рукой:

— Можно.

— Уже не опасны? — спросил Меклен. — Я бы не хотел оказаться на коне с изрезанными копытами.

Волхв скупо улыбнулся:

— Острые зубы тают в первую очередь.

Придону почудилось, что с разбегу ворвались в жарко натопленную баню. Лицо обожгло, огромное поле скрыл туман, пришлось перейти на осторожную рысь. Под копытами хрустело, трещало, чавкало. Иногда охватывало холодом, кое-где, напротив, прямо из земли били жаркие струи огня.

Фигуры воинов слабо проступали в тумане. Придон ощутил, что все стараются держаться друг к другу поближе. Меклен ехал рядом, крутил головой во все стороны.

— Здорово, — сказал потрясенно. — А можно этими... огневушками выжечь всю дорогу до самой Куябы?

Волхв ехал по другую сторону Придона, ответил нехотя:

— Не получится.

— Сил не хватит?

— А у тебя хватило бы проскакать до Куябы, стоя в седле на руках?

Сзади засмеялись. Меклен, ничуть не смутившись, поинтересовался:

— А если пустить огневиков?

Волхв буркнул:

— То же самое. Вообще они не столь сильны, как кажется. И справиться с ними бывает просто. А сил на их вызывание уходит столько, что проще пустить в бой тысячу орущих удальцов с топорами в руках, чем одного огневика.

Придон наконец проронил:

— Я слышал, что когда-то они правили миром.

Туман впереди начал постепенно рассеиваться, а горячий влажный воздух стал прохладнее. Волхв ответил вежливо:

— Да, говорят. Тогда Огонь сражался со Льдом. Не помню, кто начал, но старые люди говорят, что по белу свету прокатывались то стены огня, выжигая все-все, то двигались льдины с версту в высоту, в два-три конных перехода вширь, а в длину так, как отсюда до Арсы!.. Люди прятались кто на вершинах гор, кто закапывался глубоко в землю. Там, говорят, до сих пор не только пещеры, но и целые города... Потом наши пращуры как-то приспособились, потом вовсе нашли управу на всех противников. Да-да, нашли! Вы даже не представляете, сколько у человека их было... Но перебили всех. Драконы еще, правда, остались где-то далеко в горах, но на то мы и артане, чтобы последних чудовищ извести под корень... Не знаю, как справились с самим огнем, но теперь даже малый волхв может призвать огневушек и велеть разжечь костер под дождем, огневику приказать оградить стоянку огненным кольцом, чтобы волки ночью не тревожили, а огне-яру идти ночью впереди отряда, освещая дорогу и отпугивая ночных тварей.

Придон оглянулся, туман постепенно истончался, ветерок

сбивал его в комки, поднимал вверх и разметывал в быстро тающие клочья. Земля потемнела от влаги, кое-где в траве чернели пятна выжженной почвы.

Меклен вскрикнул, далеко на горизонте заблестели золотые искорки.

— Куяба?

Придон медленно наклонил голову, стараясь не выдать своего состояния лихорадочным блеском глаз.

— Она самая.

— Это правда, что крыша дворца Тулея золотая?

В глазах честного Меклена и во всем лице было столько недоверия, что застывшее лицо Придона дрогнуло и распустило окаменевшие мышцы. Губы чуть раздвинулись, а уголки приподнялись, он на минутку стал похож на того прежнего Придона, каким был до первой поездки в эту страну колдунов.

— И не только у Тулея, — ответил он гордо, будто сам создал эти дворцы. — У многих князей и даже беров крыши покрыты золотом. Это очень богатый город... Но там немало колдунов, магов, чародеев и даже волшебников. Но самое главное...

— Что?

Придон сказал со злостью:

— Скоро увидишь две черные башни. Исполинские башни из черного камня! От них веет холодом даже в самые жаркие дни. Обе за городом, но их мощь достигает, если Вяземайт не ошибся, на три полета стрелы от городских врат. В нашу сторону. Так что лагерь надо разбить не ближе чем за четыре.

Меклен посерьезнел, брови сдвинулись, в глазах появилось расчетливое выражение. Он подозвал к себе воинов и начал отдавать четкие короткие распоряжения.

На голубом, даже ярко-синем небе угольно-черные башни выглядели как оскорбление этому цветному миру, где трава — зеленая, стены города — белее снега, далекие фигурки на воротах и стене — в красном, желтом, лиловом, синем... Даже все артане за его спиной — бронзовотелые, на гнедых в

большинстве конях, на белых, на саврасых и каурых, а эти башни...

Придон привстал в стременах, сердце стучит сильно и часто. Солнце освещает их с этой стороны, но все равно нет блеска на каменных плитах, что вознеслись от земли чуть ли не до хрустального свода небес.

— Сюда не достанут? — спросил он.

— Нет, — сказал Вяземайт. — Видишь вон там копье с прапорцем? Это я воткнул. Когда? Не твое дело, в мелочи не суйся. Ты — тцар, забываешь? Вот за это копьецо пусть никто, понял? Если дальше, то колдун может, может...

Придон обернулся, глаза пробежали по серьезным лицам Щецина, Меклена, Волина, Ральсвика, Бачилы. Даже Канивец и Шульган здесь, слушают очень внимательно.

— Забить там шесты с красными лентами, — распорядился Придон. — Придет время — нас ничто не остановит! Но кто раньше переступит черту — это будет не храбростью, а дуростью. Тот будет лишен оружия и послан в обоз.

Аснерд хмыкнул.

— Если выживет, — добавил Придон. — А там кому нужна в обозе горстка пепла? И никто не пожалеет за дурнем.

Старался говорить громко, четко, отрывисто, а в груди бушевала буря, сердце тряслось, как насмерть перепуганный воробей. Блещущая белым городская стена разрастается, за этими стенами... Итания, к которой шел так трудно, долго и кроваво.

Измученное долгим переходом войско подтягивалось, остановилось от города на безопасном расстоянии, чтобы никакой внезапности вылазок. На равнине запестрели шатры военачальников, быстро выросли шалаши для сотников, а десятникам и простым воинам хватит и места у костров.

Он не мог остановиться и выехал далеко вперед. Обеспокоенный Крок понесся вперед, с высоких стен в его сторону полетели стрелы.

— Придон! — закричал он, вскидывая щит. — Здесь уже опасно!

Придон заставил себя остановиться, хотя сердце едва не захлебнулось кровью.

— Возвращайся, — велел он.

Крок послушно подал коня назад, но все равно поставил его так, чтобы защищать вождя от стрел.

— Вроде бы всех перебили! — крикнул он. — Откуда их столько?

Весь верх высокой и длинной стены блистал металлом. В несколько рядов, закованные в железо, с длинными баграми в руках на тот случай, если артане вот прямо с ходу приставят лестницы и полезут на стены. А ведь все войско Куябы вышло навстречу... и полегло целиком.

— Набежали из соседних сел и весей, — сказал Придон недобро. — Ничего, сейчас возьмем Куябу в кольцо, мышь не проскользнет. А защитников поубавим, поубавим...

Крок зачарованными глазами смотрел на дивный город.

— Боги... Неужели в самом деле Куяба? И мы стоим под ее стенами?

— Отдыхаем! — велел Придон. — А то кони стерли копыта, а наши обозы неизвестно где тащатся. Пусть куявы видят нашу силу. Это взвеселит наши сердца, а их подлые души затрясутся в страхе.

Куяба — огромный город, но костры артанского войска опоясали его со всех сторон. Даже со стороны гавани не подойти, туда артане с ходу бросили отборные отряды лучников, а те моментально расстреляли горящими стрелами корабли.

С той стороны огонь поднимался до небес, ветер гнал черный дым в сторону города. Горели корабли, что не успели отойти от причала, а также те, кто не ушел достаточно далеко. Корабли вантийских купцов вышли в море и бросили якоря на безопасном, как они полагали, расстоянии, однако толстые металлические стрелы ударили в борта, а затем прилетела толстая и длинная стрела, роняя горящие масляные капли, и корабль вспыхнул, как просушенное на солнце тряпье нищего.

Точно так же сожгли и второй, вселяя ужас в сердца тех, кто видел это нечеловеческое деяние.

Окрестные села разорили и сожгли, предварительно со-

гнав в воинский стан весь скот. Сейчас его резали, пошел пир. На всех кострах установили вертела с насаженными целиком телятами, а то и быками. Воздух заполнился запахами свежей крови, затем все перебил аромат жареного мяса.

В лагере звучали песни, всюду играли на рожках, стучали в бубны. Воинами овладело исступленное веселье, всех распирала гордость, ибо никогда еще артанское войско не подходило к стенам стольного града проклятой Куявии. Но они смогли, сумели. И об этом будут с гордостью рассказывать по возвращении...

Придон, счастливый и хмельной от ликующей радости, шел в сопровождении Аснерда, Вяземайта и десятка знатнейших военачальников и героев на край воинского стана, долго смотрел на блистающие под солнцем высокие стены.

Светило уже клонилось к закату, белоснежные стены медленно окрашивались в нежно-алый цвет, потом станут красными, Придон это уже наблюдал, когда привез ножны, видел стены даже багровыми, это когда доставил рукоять, а сейчас может наблюдать, как станут даже черными... нет, серебристыми в лунном свете, а потом снова заалеет восток, заалеют и стены.

— Как долго я этого ждал! — выдохнул он.

Серебряные звуки труб звучали ближе, громче. За трубачами шли развеселые юноши и лупили в огромные бубны. Получалось не очень стройно, зато громко, весело, а сердца начинали стучать в такт, в ритм.

Придон вскинул ладонь, останавливая, велел весело:

— Походную!..

Музыканты с энтузиазмом ударили в бубны, задудели, кто-то запел юным чистым голосом, а за спиной могучие хриплые голоса военачальников подхватили:

Гэй-но, наполним полные чары,
Чтоб через венцы лилося!
Чтоб наша доля нас не чуралась,
Чтобы лучше в мире жилося!..

Придон сбросил плащ, его тело уже почти не подчинялось ему, сильная могучая воля повела в круг, заставила притопнуть, выпрямиться, гордо вскинуть голову, руки застыли...

А затем он увидел мир совсем другим, здесь звуки стали зримыми, цветными и осязаемыми, он чувствовал их шероховатость, теплоту или бодрящий холод, ноги наступали на одни нити, руки хватали и удерживали другие, успевали связать узлы, скрепить, и мир сразу менялся, где земля стала прозрачной, небо и твердь соприкоснулись. Он увидел дивные создания, что всматривались в него с неимоверным удивлением, а он плясал, прекрасно понимая, что это не просто танец, а разговор, деяние, творение, создание нового дивного света, что существует в этом простом мире, но видеть его смогут только настоящие, а не люди-поденки с их мелочными заботами и куцыми грезами...

Аснерд отвел Вяземайта в сторону, тот все не отрывал горящего взора от раскрасневшегося в танце Придона.

— Ты мне вот скажи...

— Да что ты хочешь? — сказал Вяземайт нетерпеливо. На щеках верховного волхва выступили красные пятна, он дышал учащенно, а кулаки сжимались. — Чтобы Придон перестал плясать?

Аснерд покачал головой:

— Я не такой дурак. Если это не мешает нашему походу, то пусть пляшет. Но ты мне скажи, есть в его танцах магия или нет?

Вяземайт передернул плечами:

— Да какая тебе разница?

— Он же вождь, — напомнил Аснерд. — Вождю непристойно танцевать вот так... просто. Как все. Лицо роняет! Но если в его танцах магия, то совсем другое. Понимаешь? Если его танцы веселят или печалят только его самого, то для вождя его не личит. Но если своей песней или танцем может зажечь сердца, что все станут втрое сильнее и с пламенными... ага, сердцами ринутся в бой...

Он не закончил, Вяземайт кивнул, сказал уверенно:

— У него танцы вождя. Точно. Вон Щецин ревел, когда смотрел, как Придон танцует! А чтоб Щецин заревел, ты сам представляешь, что для этого надо.

Аснерд покачал головой:

— Заревел? Ты бы меня толкнул, чтобы я посмотрел.

— Ревел, ревел, — заверил Вяземайт. — Но тебя было не оторвать. Да у тебя самого глазки что-то блестели.

— Наверное, есть хотел, — предположил Аснерд.

— Наверное, — согласился Вяземайт. — Ты ж такая свинья, тебе бы только есть. Но даже ты не можешь себе представить такую дурь, чтобы Щецин заревел! Значит, его танцы — не просто танцы. Это магия! Волшебство.

От костров сильно пахло ароматом вишен, вокруг города располагались знаменитые вишневые сады, их порубили на костры. Сладкий вишневый запах причудливо перемешивается с ароматом поджариваемого мяса, сучья стреляют крохотными горячими угольками, с туш на вертелах срываются крупные капли, шипят на пурпурных углях. Небо темнеет, пламя все ярче, и вот уже, как будто в преисподней, где все пылает багрово и жутковато, а вокруг сгущается мрак, вокруг костров пляшут огненные, но какие-то плоские фигуры, полностью исчезая второй половиной в темноте, огромные тени удлиняются так, что протягиваются, наверное, в самую Куябу и ложатся там на площади, смущая души придворных беров и беричей, пугая женщин.

К ним подошел Щецин, явно услышал свое имя. Лицо оставалось красным, но слезы вытер, смотрит с обычной угрюмой настороженностью.

Аснерд, тоже красный, но разогретый обилием пожранного мяса с горькими травами, жизнерадостно хлопнул его по плечу.

— Что скажешь? Есть в танце Придона магия? Или нет магии?

— Я ж говорю, — сказал Вяземайт сварливо, — есть.

— А вдруг нет? — спросил Аснерд. — Я вот не ревел, как некоторые... не буду указывать пальцем.

Щецин оглядел обоих так же угрюмо, сдвинул плечами.

— О чем спорите? Оба не правы.

Аснерд опешил.

— Почему?

— Есть и выше магии силы, — пояснил Щецин мрачно. — Но, скажу вам, Придон с ними знаком. Он вхож на небеса.

Вяземайт скривился.

— Тоже мне новость. Об этом говорили давно. Увы, он уже давно туда не ходит. Теперь он — тцар.

Щецин сказал хладнокровно:

— Не ходит — это другое дело. Сейчас ему некогда, но двери на небо перед ним не закрыли. Просто он, как и все мы, уткнувшись рылом в свои мелкие свинячьи заботы, все реже поднимает глаза к небу, к звездам, к Высшему.

Аснерд помолчал, потом развернул его за плечи в сторону залитых багровым светом исполинских стен Куябы.

— Взять такой город — мелкие свинячьи заботы?

Часть II

ГЛАВА 1

На Куябу словно опустилось черное облако страха и отчаяния. Люди рвали на себе волосы, повсюду стоял плач и стоны, на площадях и улицах слышались рыдания женщин, проклятия мужчин. Погибла армия из сорока тысяч лучших из лучших воинов, их отбирали по всей Куявии для службы в столичном гарнизоне, уничтожен сопровождавший их обоз, убиты сорок военачальников-тысячников, а это значит, что некому защищать и саму Куябу: если оставшийся гарнизон расставить по всем стенам и на башнях над воротами, то уже некому будет встретить артан, если те вдруг сумеют совладать с башнями, выбьют ворота и ворвутся в город.

С высоких городских башен даже днем видно далекие пожары, а ночью все небо на южной стороне неба окрашивалось в зловещий багровый цвет, и люди с болью гадали и спорили, какой город или село полыхает на этот раз, чьих людей режут кровожадные люди Боевых Топоров.

У командующего всеми войсками Куявии Дуная дворец немногим уступал по пышности тцарскому, разве что у него только три этажа, а у Тулея — пять, зато в прямых стенах, в колоннах, даже в широкой мраморной лестнице чувствовались суровое достоинство, строгость и пышность воина, который заботится о красоте оружия, но пренебрегает красотами сада.

Впрочем, сад у Дуная тоже был огромным, впечатляющим. Сюда были свезены лучшие фруктовые деревья, и сейчас ветки ломились под тяжестью огромных созревающих груш, краснощеких яблок, также здесь были и привезенные

из дальних стран диковинные деревья, что больше поражали и радовали взор, чем давали плоды.

Сейчас, пока за место командующего войсками грызлись самые знатные семейства, мстительный Тулей расчетливо велел предоставить его огромный сад прибывшим наемникам под место для пира. Хотя причины для празднества пока не было, но ему посоветовали устроить пир, чтобы поднять боевой дух, показать богатство и величие Куявии, напомнить о ее несокрушимости.

К тому же дворец Дуная располагался сразу за городом, вне его черты, вблизи черных башен, а любой куяв придет в ужас от мысли, что разгулявшиеся наемники начнут пьянствовать и буянить в самом городе. Тогда не только самому хоть не выходи на улицу и не выпускай жену и детей, но и в своем доме надо запираться на все засовы. Сейчас же в саду под деревьями расположились ветераны прошлых боев с артанами, молодняк теснился ближе к дорожкам, посыпанным золотым песком, а для самых прославленных героев и полководцев поставили отдельный навес, где они шумно пили, хвастались, ревниво присматривались друг к другу.

Все судачили о вчерашнем проезде через Куябу великана Дуная на его великанском коне. Руки полководца связывал тонкий ремешок, что лопнет при неосторожном движении могучих дланей богатыря, однако Дунай так и въехал в ворота, за ним бежали и дивились, а потом, осмелев, начали выкрикивать брань, бросались огрызками.

Его жены, на беду, в Куябе не оказалось, Дунай тут же двинулся дальше, она, правда, не в Родстане, а намного ближе, в городке Немежа, навещала престарелых родителей, это займет неделю пути.

Поступок Дуная был нелеп, о нем говорили и судачили. Уже то, что приехал со связанными руками и не позволил никому их развязать, низводило его с поста главнокомандующего до простого воина, если не юродивого. Это даже хуже, чем потеря огромного войска, что, конечно, болезненно ударило всех в стране и ввергло ее в ужас. Но армии теряли и раньше, недавно были разбиты и уничтожены армии Долонца, Одера

и Вишневича, однако этот позор, что Дунай претерпел связанными руками, хотя мог бы...

Пир в его саду начался с прибытием первых же отрядов, но люди все прибывали и прибывали. Рабы сбивались с ног, все кухни работали на полную мощь, полуголые повара выскакивали глотнуть свежего воздуха и снова исчезали в чреве чадных дымных помещений. Солнце перешло на западную часть неба, тень стала гуще, а потом и вовсе покрыла весь сад. Легкий ветерок стих, запахи вина, жареного мяса, рыбы стали гуще, плотнее, они дразнили мозг и волновали кровь.

Слуги с ужасом смотрели на таких разных и страшных воинов, невиданных в стенах Куябы. Редкие воины-горцы, с их быстрым резким говором, резко отличались от коренастых и медленных в движениях могучих полтавней, что говорили неспешно, негромко, но дивными среди них казались стрелки-чуйники, чем-то похожие на артан, такие же бронзовотелые, с той лишь разницей, что их тела расписаны синей глиной, а сверху охрой изображены цветы и звериные морды. Отдельной группой сидели хмурые нелюдимые славы. Эти отличались громадным ростом и нечеловеческой силой, к тому же свирепы нравом, и мало кто решался садиться к ним близко. Воины из далекого Вантита, напротив, старались смешиваться с толпой чужаков, всегда высматривали и вынюхивали, однако их ценили за редкое умение ладить с лошадьми, умение подманить табуны диких коней и способность управлять движением птиц.

Кроме этих понятных и уже знакомых куявам воинов, были и наемники из самых дальних стран: дивные, ужасные, одни в шкурах, другие во всевозможных латах: кожаных, медных, бронзовых, железных, некоторые прибыли пешком, другие — конные, а также на ездовых ящерицах, больших бегающих птицах, беговых буйволах и даже на верблюдах.

Тулей, мстя Дунаю за поражение, отдал, по сути, его дворец и сад на разграбление, ибо пьяные наемники наверняка начнут сперва хватать служанок, а потом и вовсе, распалившись, пойдут привычно ломать двери и вытаскивать все, что можно унести. Он сам велел прислать туда, кроме походных кухонь, еще и сотню бочек вина, а также отправил толпу ра-

бов, чтобы служили и ублажали будущих победителей вторгшейся варварской орды.

Огромный сад был заполнен целиком разношерстными воинами, а новые отряды все подходили и подходили. Кое-где пьяные наемники уже рубили деревья и разжигали костры, чтобы самим поджарить присланных быков, не дожидаясь, пока нерасторопные слуги сумеют обслужить всех. В разных частях сада раздавались испуганные женские вскрики, начинались привычные игры.

Сбиваясь с ног, слуги бегом выносили и раскладывали на столах широкие караваи хлеба, огромные круги желтого, как мед, сыра, пряно пахнущего и с дивным вкусом. На огромных блюдах вносили горы печеной рыбы, что водится только высоко в горах, но солдаты, привыкшие к грубой пище, не отличали ее от простой морской и только требовали громко, чтобы несли больше, чтобы вино не иссякало и что пора уже прислать женщин...

В центре сада запели трубы, но не воинские мелодии, а веселые, игривые. Кто-то сразу запел песню, несколько дюжих глоток охотно подхватили. Кое-где пускались в пляс, некоторые ликовали просто потому, что впервые за долгое время наелись досыта, а другие радовались обилию диковинных блюд, о которых будут рассказывать дома после славной победы над дикими артанами.

Для многих в диковинку казалась даже посуда: медная, бронзовая и даже из глины, обожженной таким дивным способом, что глина уже не глина, а что-то вроде темного стекла, блестящего и волшебного на ощупь. В такой посуде подавали супы, похлебки из рыбы, ячменя, бобов, всевозможных земляных злаков. В посуде помельче на стол ставили дичь, печеную рыбу, а жареных вепрей и оленей подавали целиком, их появление воины встречали громкими радостными криками.

Все это подавалось в холодном виде, а когда пришел черед горячих мясных блюд, все уже чувствовали себя почти насытившимися, но завопили, когда четверо могучих слуг поставили на стол исходящего горячим паром жареного быка. А затем столы заполнили жареными тушами оленей, сайгаков, молодых баранов, окороками. Ветчина, корейка — уже без

разбору, везде в изобилии широкие плошки с драгоценными пряностями, что любой еде придают жгучий вкус, и тогда даже самый сытый не может удержаться и не схватить еще кусок или ломоть...

Мало кто из этих наемников видел даже половину таких блюд, многие впервые столкнулись с пряностями, хохот раздавался то в одном месте, то в другом, когда какой-нибудь слав зачерпывал горстью красный перец и отправлял в пасть, а потом с красным лицом и выпученными глазами беспомощно разевал рот и знаками умолял дать ему воды, пока не превратился в пепел на этом магическом огне.

Горцы, насытившись первыми, начали шляться по саду и затевать ссоры. Хвастаться шрамами, рассказывать о победах, а славы, напротив, ни один не поднялся из-за стола, ели и пили все, что перед ними ставили, над блюдами наклонялись так, что могли есть даже без помощи рук, по сторонам поглядывали молча и зверовато.

Взошла луна на темнеющем небе, по всему саду зажгли факелы, но еще ярче полыхали костры. Их разожгли просто так, из любви к огню, а на дрова порубили в первую очередь те дивные деревья, чтобы посмотреть, какие они внутри.

Воздух был горячий, плотный, напоенный запахами вина, мяса, рыбы, сыра. На столы подали драгоценную посуду из серебра, многие блюда были украшены драгоценными камнями. Это уже принесли из дворца Дуная, а вскоре, помимо десятков бочек вина, присланных Тулеем, появились сотни кувшинов с драгоценным вином из заморских стран. Даже вдрызг пьяные наемники оценили прелесть этих вин, заорали восторженно и тут же бросились грабить винные подвалы Дуная, где вино только самое выдержанное, редкое, дорогое.

Кто-то заорал некстати, что Тулей пожадничал, прислав им вино в простых бочках, как каким-то бедным поселенцам. А они — доблестные спасители Куявии, но его никто не поддержал, ибо из подвалов Дуная несли драгоценные вина, их можно пить вволю, пить не из чаш, а прямо из кувшинов, у Дуная даже в бочках оказалось вино настолько крепкое и одновременно нежное, что пили даже угрюмые славы, которые

вообще-то к вину раньше выказывали полнейшее равнодушие.

Ноги в темноте хлюпали по грязи, это земля перемешивалась с лужами дорогого вина. Сверху падал серебристый свет, над садом застыло и все время уплотнялось облако тяжелого желтоватого пара, смеси человеческого дыхания и запахов мяса, рыбы, вина. Пьяные крики, песни, визг женщин — все это не могло заглушить громкого чавканья славов, что спокойно и неспешно пожирали все, что появлялось на столах. Кое-где в воздух взлетали табуретки, словно в корчме, раздавались вопли, а потом большая толпа повалила наконец в сторону застывшего в ужасе дворца.

Горцы вызывали всех на спор, кто метнет нож точнее, предлагали бороться на руках, но все разом умолкли, когда в их сторону от стола изволил повернуться один из славов. Состязались, кто больше выпьет, кто поднимет в зубах барана, кто сумеет разгрызть толстую кость. Полураздетых пьяных женщин передавали из рук в руки, из дворца привели еще нескольких человек, мужчин заставили прыгать и плясать, а женщин с хохотом лапали, задирали им подолы. Кто-то визжал всерьез, кто-то притворно, некоторые принимали все молча, как неизбежное. В саду, от которого осталась едва ли половина деревьев, царило дикарское бездумное веселье. Чуйники с разукрашенными цветной глиной телами начали плясать с жуткими гримасами, изображая диких артан, часть из них показывали в танце, как они будут повергать этих степных дикарей.

Среди пирующих бродил веселый Булат, обнимался, плясал, охотно смеялся шуткам, ко всем прислушивался, присматривался, а когда веселье начало не то чтобы стихать, но в нем появилось что-то нарочитое, он вскочил на стол, прокричал звонким веселым голосом:

— Воины!.. Герои!.. Сейчас нас кормят и поят, но кормят и поят даже скот, не так ли?.. Зато их разряженные, как спесивые петухи, дворцовые солдаты пьют из золотых чаш и едят со скатертей из драгоценной заморской паволоки. Разве они проливали кровь за Куявию? Нет, ее проливали и снова

прольем мы, которые завтра уйдем в бой. В бой, из которого не всем суждено вернуться!.. И что же? Дворцовая охрана, что не прищемила себе даже пальчик во благо своей страны, будет пить из золотых чаш, когда наши кости будут тлеть в этой земле?

Его слушали с восторгом, он сумел зажечь, а сейчас сотни голосов заорали дико и грозно:

— Чаши!..

— Золотые чаши!..

— Пусть принесут золотые чаши, иначе мы здесь разнесем все!

Наиболее нетерпеливые ринулись к воротам, там ожидала толпа слуг. В их обязанности было доставлять необходимое для пира из дворца Тулея, если вдруг такое не отыщется во владениях Дуная. Булат сразу прокричал громко, что если им на пир не доставят золотую посуду, из которой должны пить герои, а не лизоблюды во дворце, то они сами придут и возьмут.

Он был пьян, но все же понимал, что дворцовая армия, пусть и сильно поредевшая, в состоянии разгромить пьяный сброд, в который превратились могучие и дерзкие отряды наемников. Правда, Тулей этого не станет делать, ведь он старается их использовать против артан, потому...

Он видел по глазам слуг, среди которых были люди и очень высокого ранга, что чаша весов заколебалась. Он уже ожидал, что последует отказ, и сам готовился с пьяным смехом отступить, но старший из слуг сказал осторожно, что, конечно же, они герои и должны пить и есть из достойной их посуды, но сейчас ночь, а эта посуда хранится в особой комнате, что запирается на ключ. А сам ключ хранится у главного распорядителя пиров.

— Так возьмите у него! — вскричал осмелевший Булат. Толпа, что явилась вслед за ним, поддержала свирепым ревом. — Или вам помочь?

В толпе раздались веселые вопли:

— Мы поможем!

— Мы так поможем!

— Мы всегда с удовольствием...

Слуга ответил еще осторожнее:

— Черево, главный распорядитель пиров; очень важный человек и очень близок к Его Величеству... Никто не осмелится разбудить его ночью. Он страшен в гневе!

Булат прокричал громко:

— А мы, по-твоему, овечки?

Толпа, к которой он и обращался косвенно, заорала, засвистела, заулюлюкала дикими голосами.

— Мы — овечки!

— Божьи коровки!

— Ягненочки!..

— Мы те зайчики, что придем и всех...

Очень не скоро показались роскошнейшие носилки. Их сопровождали тридцать закованных с головы до ног лучших воинов из дворцовой охраны. Все сидели на огромных конях, сами огромные и страшные, и в ожидающей появления Черева толпе ненадолго воцарилось почтительное молчание. В дворцовую охрану отбирают сильнейших, у них лучшие доспехи, и каждый из этой стражи легко справится с десятком простых воинов.

Носилки несли четверо хорошо сложенных рабов. Все обнажены до пояса, но на запястьях и предплечьях широкие золотые браслеты, широкие шаровары из дорогого шелка, а на головах пышные красные шапки.

Носилки остановились перед воротами в сад, Булат напрасно зазывал вовнутрь, носилки опустились на землю. Занавески раздвинулись, оттуда медленно поднялся грузный Черево, главный распорядитель пиров. Он посмотрел на Булата и пьяную толпу холодно, с настоящим величием повелителя.

— У вас есть все, — сказал он с нажимом, — но теперь вы, похоже, захотели еще и неприятностей?

Толпа струхнула, голос распорядителя звучал с той властностью, что подчиняет огромные массы и заставляет их двигаться бездумно туда, куда укажут. Булат тоже струхнул, но хмель кружил голову, иногда ему казалось, что он находится на корабле в открытом море, он подбоченился и заорал:

— Нам не нужно чужое!.. Но мы проливали кровь за Куявию! Где золотые чаши, из которых должны были пить только пролившие кровь за страну?

Толпа глухо зароптала. Там еще прятались друг за друга от пронизывающего взора Черева, но всяк вспомнил, что первоначально чаши предназначались только для тех, кто не только выказал себя в боях за страну, но и был ранен, пролил кровь. Однако очень скоро все чаши оказались во дворце, где из них пьют дворцовые лизоблюды и эти вот, закованные в железо, могучие и свирепые, но все-таки не воевавшие с врагами страны, а если и убивавшие, то только внутри дворца, своих же куявов.

Черево сказал с той же властностью:

— Возвращайтесь к столам! У вас есть все. Если недостаточно вина — вам его пришлют. Однако могу подсказать, что в подвалах дворца Дуная есть много чего. А в его тайных комнатах еще немало сокровищ, которые вам вполне бы пригодились...

Толпа взревела громче. Булат заколебался, Черево явно старается перевести их стрелы на другую мишень, но в самом деле проще громить и грабить дворец, оставшийся без хозяина, чем пытаться выжать что-то из Черева, за которым стоит сам грозный Тулей.

— Хорошо, — сказал он зловеще, — мы отыщем себе кое-что в хозяйстве Дуная. Но мы запомним, что нам отказали в праве пить из чаш героев. И мы это будем помнить завтра, когда придет пора выступать в поход на врага... Не знаю, но мне кажется, что не все... да-да, не все пойдут защищать страну, что так поступает с ними!

Он уже повернулся, сделал пару шагов в глубь сада, толпа перед ним расступалась, как вдруг сзади раздался голос:

— Не спеши так...

Голос настолько был не похож на крепкий и тугой, как ядро лесного ореха, голос распорядителя пиров, что Булат повернулся, как будто его пнули. Черево смотрел на него все так же, вроде бы хмуро и неприветливо, но теперь в его лице и в глазах Булат уловил страх и растерянность. В этот момент Булат ухватил истину, которую Черево безуспешно пытался

скрыть: Тулей и его знатные куявы отчаянно нуждаются в наемных войсках! И они готовы идти на всяческие уступки, только бы удержать их в узде и бросить навстречу наступающим артанам.

— Ну, — сказал он резко, сразу преисполнившись гордости, — говори, я не буду ждать долго!

Толпа застыла, еще не уловила, что ситуация резко изменилась. Черево обронил неохотно:

— Вам принесут золотые чаши.

В толпе пронесся вздох, но, прежде чем там радостно заревели, Булат вскинул руку.

— От нас пойдут десять человек, — заявил он властно. — Помогут нести и... проследят, чтобы там ни одной не осталось!

Черево изменился в лице.

— Но хранилище во дворце!

— Ну и что?

— Туда запрещен вход...

— Нам?

— Всем...

Булат сказал твердо:

— Не в этом случае! Я сейчас отберу людей... а то и сам с ними пойду. А вы, ребята, возвращайтесь, передайте всем, что мы отправились за обещанными чашами. Если с нами что случится... если не вернемся, то вы знаете, что делать!

Толпа радостно заревела, на Булата смотрели влюбленными глазами, как на признанного вождя. Черево стискивал челюсти. Ничего не поделаешь, надо смирять гордость. Пусть пьют из золотых чаш. Пусть даже унесут их все с собой, во дворце золота в тысячу раз больше, чтобы сделать сто тысяч таких чаш. Главное, чтобы они выступили против артан. Даже если разобьют артан, вряд ли их выживет столько, что смогут быть угрозой. Если же артане их перетрут в песок, то артан останется столько, что будут легкой добычей для сохранившихся отборных войск Ку-ябы.

— Возвращайтесь в сад, — велел Булат. — И все расскажите! А сейчас я отберу свой отряд...

На него смотрели преданно и влюбленно. Он тыкал паль-

цем, сам еще не отдавая отчета, почему берет то самого рослого и здоровенного, то низкорослого, но сам с собой не спорил, а когда собрал отряд, в нем было шестнадцать человек. Черево скривился, но смолчал.

ГЛАВА 2

Небо на востоке окрасилось в слабый пурпур. В саду, который перестал быть садом, среди обломков деревьев, среди черных пятен на месте костров все еще стояли длинные столы. Большинство гуляк уже в лужах вина, среди объедков, но самые стойкие сидели за столами, пили, ели, возле них на земле белели черепки разбитых драгоценных ваз, объевшиеся мясом собаки спали вместе с людьми.

Один из воинов в полном боевом наряде пытался танцевать на столе, ноги запутались в дорогой скатерти, уже залитой вином, соусами, он с грохотом повалился на спящих и больше не двигался. Под ним медленно расплылась лужа крови, что смешалась с красным вином.

На столе блестела одинокая золотая чаша, все остальные наемники; хоть и перепились, все же поразбирали по мешкам. Булат чаш не брал, наоборот — всячески подчеркивал, что все только для войска, себе ни монеты, ходил по лагерю, со всеми пил, не пьянел, зорко присматривался, прислушивался, а сам все ближе подбирался к западной части лагеря.

Там располагалось две сотни куявов, командовал ими некий Вихрян. Когда приходит беда, вспоминают о тех, кто может послужить стране, чтобы потом снова отодвинуть их в тень, так и Вихряна не только вернули из песиглавцев в беричи, но и дали ему право набирать в свой отряд всех, кого сочтет пригодным. Вихрян не морщил нос при виде разношерстного войска наемников, что понравилось им, но и не старался понравиться, что вызвало уважение.

Он расположил свой отряд так, что к нему подступиться можно было только с одной стороны, но там всегда нес стражу усиленный караул.

Булат направился к куявам с кувшином вина, очень обиделся, когда не пропустили дальше сторожевого поста. Вих-

рян вышел на крики, суровый, мрачный, его обожженное лицо в полутьме еще больше напоминало кусок сырого мяса, покрытый тонкой пленкой кожи. Серые, цвета холодной стали, глаза смотрели пугающе ярко из-под лишенных бровей высоких надбровных дуг.

— Чего тебе? — спросил он хриплым голосом.

Неведомый пожар, так обезобразивший лицо, повредил и голосовые связки этого вождя наемников, голос звучал с металлическим оттенком, будто с Булатом общалась боевая труба.

Булат сделал вид, что очень обиделся.

— Разве мы не одно войско?

— Возможно, одно, — резко ответил Вихрян, — но этим отрядом командую я. Только я.

Булат сказал примирительно:

— Дорогой Вихрян, я слышал о тебе... и про то, как ты загремел из беричей в песиглавцы. Очень достойный поступок! Его не одобрили в Куябе, но, поверь, мужчины моего племени сказали, что ты был прав. Надо было еще и кинжалом мерзавца... Но я пришел к тебе, чтобы...

Вихрян поморщился, он все еще загораживал Булату дорогу, на кувшин в его вскинутой руке не повел и глазом. Лишенные даже ресниц покрасневшие глаза с навеки набрякшими толстыми веками выглядели страшновато.

— Ну-ну, зачем?

— Разве не повод, что у меня кувшин с великолепнейшим вином?

— Не повод, — отрезал Вихрян. — У меня есть что пить... и есть — с кем.

Он повернулся, чтобы уйти, Булат завопил:

— Погоди! У меня к тебе пара слов. В самом деле важных! Но я не хотел бы их орать... тогда их услышат все.

Поколебавшись, Вихрян сказал нехотя:

— Ладно, пойдем в мой шатер.

Булат, сдерживая улыбку, главное — ладить с людьми, пошел следом, в шатре огляделся, сразу же поставил на стол кувшин, сказал гордо:

— Этому вину триста лет!.. Как Дунай сумел сохранить, ума не приложу. У тебя найдутся чаши?

Вихрян молча достал из походного ящика два кубка. Булат разлил, стараясь, чтобы никому не было предпочтения, иначе можно истолковать по-всякому, взял свой, прямо посмотрел Вихряну в глаза.

— Я пью за достоинство человека, что осмелился защитить свое имя даже в прогнившей Куябе!

Вихрян поморщился.

— Ладно-ладно... говори, с чем пришел? То, как ты вынудил Черево принести золотые чаши, было проделано ловко, но здесь твои трюки не пройдут.

— Разве я поступил плохо? — спросил Булат с ухмылкой. — Я заставил эту жирную свинью потрястись. Да и не только эту. Неужели тебе не нравится? Ага, по глазам вижу... А пришел я с одной целью: веришь ли ты, что Куявия остановит артан?

Вихрян кивнул, обвел рукой стены шатра.

— По ту сторону этого шелка — двенадцать племен. Неужели мы не дадим артанам отпор?

— Мы — дадим, — согласился Булат. — Мы даже способны разгромить артанское войско! Но это мы, а не куявы. Мы — бедные, злые, голодные, яростные. А вот сытые жирные куявы будут жиреть еще больше, пока мы обагряем своей и чужой кровью земли на границе с Артанией! Разве это справедливо?

Вихрян засмеялся:

— Нет на свете справедливости.

— Нет, — согласился Булат. — Но мы можем ее добыть. Установить.

— Как?

Булат показал на стену шатра тем же широким жестом, как и Вихрян.

— Люди, которые способны остановить артан, заслуживают лучшей доли. И если мы — надежда и спасение Куябы, то мы... мы должны считаться не наемным войском, а... куявским. Мы можем заставить Куябу... да, заставить Тулея считаться с нами! Да что там просто считаться! Куяба сейчас беззащитна перед нами. Дворцовая охрана — да, это страшная сила, но мы сметем их массой. На каждого дворцового песи-

главца у нас триста конных, двести лучников, тысяча пеших воинов. Разве уже не захватывали наемники города и даже страны? Мы можем пить из золотых чаш по праву! Мы можем ходить в дорогих одеждах, пить изысканные вина, у нас будут сочные женщины... а не эти костлявые жилистые крестьянки, с которыми мы забавлялись прямо на твердой земле!

Он захлебнулся яростью, Вихрян покачал головой:

— Мне это не нравится. Хотя я обижен, даже очень обижен... но я не могу ударить в спину тех, кому клялся служить.

Булат всплеснул руками.

— Разве я призываю ударить в спину? Нет, мы будем защищать Куявию и дальше, будем защищать куявских женщин и детей, города и села, ремесленников и хлебопашцев, богатых и бедных. Но только мы будем не скотом, который гонят на бойню... предварительно хорошо накормив и напоив, а хозяевами всей Куявии! И нам будет что защищать!

Вихрян поморщился.

— Глупости. Куявия несокрушима. Чего стоят башни магов...

— Опомнись, башни магов защищают только от вторжения чужаков! Магам все равно, кто во дворце. Им важно, чтобы им посылали золото, пряности, рабов.

— Есть еще драконы, — напомнил Вихрян. — Никому не добраться по горным тропам в их гнезда.

Булат отмахнулся:

— Ну и пусть там сидят. А со временем помиримся. Им тоже, как и магам, необходимы рабы, продовольствие, металл, золото... Их, как и нас, ничто не связывает с Куявией. Но стада скота сможем гнать в горы на прокорм драконам и мы, как сейчас гонят люди Тулея. Я вижу, ты уже задумался, Вихрян... Разве не видишь, что я не о грабежах говорю, а о справедливости? У нас тоже есть что предъявить Куявии, как сейчас предъявляет оскорбленный и оплеванный куявским двором Придон!

Народ теснился на стенах Куябы, ибо в утренних лучах солнца огромный лагерь наемников ожил, войска строились по племенам, перед рядами носились легкие конники, пере-

давая приказы. Потом двинулись отряд за отрядом, дорога проходила прямо под стеной, и все со страхом и облегчением рассматривали бородатых генелов и чисто выбритых асичей, которые брили не только бороды и головы, но даже брови, кричали подбадривающее небольшим отрядам куявов, с ужасом смотрели на тяжеловооруженных шергов.

Дорога подрагивала под тяжелыми сапогами, камни глухо постанывали. Шерги шли сомкнутыми рядами, над ними колыхался лес длинных копий, дальше нестройной толпой двигались могучие славы. Эти шли вразброд, но на стенах умолкали и провожали их гигантские фигуры уважительными взглядами. Славы шли, закинув на плечи дубины, каждая размером с комель дерева. За одетыми в шкуры славами дружно ударяли в камень дороги растоптанными сапогами люди доблестного Вихряна, он первым принял бой с вторгнувшимися артанами, но сохранил почти всех воинов и отступил до самой столицы, сохранив отряд, выучку и дисциплину. Им кричали и бросали цветы: люди Вихряна все в доспехах, но их латы носят на себе косые следы от ударов артанских топоров, они почернели от огня, металлические шлемы с вмятинами, щиты в трещинах, но лица смелые, отважные, взгляды прямые.

Кто-то завел воинскую песнь, ее подхватили хриплыми пропитыми голосами. Головные отряды уже скрылись из виду, а из лагеря все еще выходили отставшие. Эти двигались нестройной массой. У них были самые побитые и почерневшие от огня латы, на худых телах болтались кольчуги, в которых зияли широкие дыры. Заросшие, грязные, от их немытых тел смрад поднялся по стенам до самого верха, и куявы зажимали носы и брезгливо ругали эту грязь, что столкнется с такой же грязью со стороны Артании. То и дело слышались призывы к богам, чтобы те даровали наемникам и артанам такое сражение, где те перебили бы друг друга, а последний чтоб удавился от тоски и одиночества.

Они уходили все, забрали даже больных, усадив их в телеги или на коней. Позади осталось разграбленное хозяйство Дуная, а уходящие на войну с артанами тащили с собой бурдюки с вином, окорока, колбасы, гнали крупный скот, тащили за собой упирающихся коз, сгибались под тяжестью мешков с хлебом. Последними шли толпы оборванной черни и

наиболее опустившихся женщин, что решили покинуть негостеприимную к ним Куябу и связать судьбу с таким пестрым войском.

На стенах шептали им проклятия, именитые мужи уже разбрелись группками по два-три человека, переговаривались вполголоса. Щажард был с двумя слугами, посматривал и на уходящих навстречу врагу наемников, и на растерянных зрителей.

Слуги посматривали на своего господина, вздрагивали от скорбных, растерянных и полных ужаса голосов.

— По всей Куявии пожары, огонь до небес!

— Это артане мстят, что им там самим дали жару...

— Говорят, пала даже Шарукань?

— Шарукань никогда не возьмут, там неприступная крепость на горе. Артане обойдут ее и двинут дальше!

— А верно, что пал и Канив?

— Не пал, а его сдали!

— Как сдали?

— Да так, а за это артане никого не грабили, никого не убили. Даже все подати оставили прежними...

— Врешь!

— Всеми богами клянусь!

— Да как это, чтобы артане и не грабили?

— А им хватает грабить тех, кто не покорился!

Щажард остановился в сторонке, посматривал украдкой, чтобы говоривший не заметил. Человек в запыленной одежде горячился, размахивал руками. Говорит слишком горячо, искренне. Враг держался бы осторожнее, а этот в самом деле потрясен тем, что артане проходят какие-то земли, никого не разорив, и всем спешит это сказать, дурак несчастный. Не понимает, что такими речами вредит больше, чем все артанское войско.

Ведь доблестным удельным князьям, наместникам и берам только дай возможность сохранить свои богатства — все и вся предадут, продадут и перепродадут, сволочи...

На высокой башне заблистало драгоценными камешками цветное платье, там появилось множество пышно одетых лю-

дей. Щажард заторопился, уже знал, что, когда вот так суетятся, там появится тот, кому все стараются попасться на глаза.

Тулей поднялся с трудом, хотя его поддерживали под руки, раскраснелся, долго отдыхивался, потом стоял на краю, опершись обеими руками о каменный заборчик. Возле него переступал с ноги на ногу Барвник, ему подъем дался намного проще. Щажард поднялся к ним, тоже запыхался, Тулей еще говорить не может, и Щажард обратился к Барвнику:

— Слушай, а тебе с одной рукой удобно?.. Я слышал, что великие колдуны могут... гм... отрастить и другую длань. В смысле десницу. А то хоть в носу ковыряться можно и одной, а вот в ушах лучше двумя. Да и проходящую мимо бабу бывает лучше придержать двумя...

Тулей сдержанно улыбнулся, Барвник нахмурился, но, видя, что тцар смеется беззлобно, сказал с кривой усмешкой:

— Будете смеяться, но этот настой уже почти готов. Осталось добавить туда пару травок.

Щажард спросил с недоверием:

— И что? В самом деле рука отрастет?

Барвник смотрел вдаль, ответил рассеянно:

— Рука?.. Да что рука, все восстановится. Шрамы исчезнут, а болячки и сломанные ребра срастутся заново, уже правильно. Слепой прозреет, глухой услышит...

Щажард сказал с недоверием:

— Слушай, так с этим отваром можно такие деньги зарабатывать! Вот у князя Бруна дочь кривая, а у сына одна рука сухая, ложки поднять не может. Если их излечить...

Барвник покачал головой.

— Не знаю, не знаю. Такой настой делается много лет. Я вон для себя и то никак не закончу. То камень какой старинный найду, то амулет, то отыщутся непонятные подземелья в нашем дворце, куда может только маг... Все некогда, когда мелкой ерундой заниматься?.. Хотя вообще-то пара недель осталась. Если бы вплотную... но все что-то более интересное подворачивается...

Щажард и Тулей переглянулись. Человек, который заботу о себе называет ерундой, а любопытство к заброшенным подземельям ставит выше, чем возможность отрастить себе руку,

избавиться от болячек, — прямо не куяв, слишком чист и свят. С другой стороны, такие люди никогда не бывают помехой, всегда верны трону, не влезают в интриги.

Тулей кивнул в сторону уходящих войск:

— Какие шансы?

— Принимаю ставки, — быстро сказал Щажард.

Воздух в покоях привычно насыщен благоуханиями, ароматы дорогих масел струятся из множества чаш, тела служанок блестят, источают изысканные запахи... такие привычные, что она давно их перестала замечать, но однажды в этих покоях резко и вызывающе повеяло чистым свежим воздухом: появился этот артанин со шрамами на лице и огнем в глазах, с той поры эти душные запахи начали раздражать, кажутся липкими, вязкими.

Она закрыла глаза, пахнуло свежестью, возникла мускулистая фигура, только лица не видно, Итания обхватила себя за плечи руками, зажмурилась сильнее, сжалась, отгоняя постыдное желание прижаться к этому могучему телу, такому горячему, сильному, ощутить, как огромные руки обхватят ее целиком и прижмут к себе еще сильнее.

Он враг, напомнила она себе. Он враг. Он уже разгромил все куявские армии, но это не так важно, ибо в армию для того и идут, чтобы убивать или быть убитыми, но он сжег множество городов и сел, убил их жителей, а это уже преступление: нельзя убивать тех, у кого в руках не меч, а мотыга.

— Он враг, — прошептала она. Получилось недостаточно убедительно. — Он враг... Враг!

За дверью послышались голоса. Распахнулись створки, Тулей шагнул через порог, бросил через плечо раздраженно:

— На сегодня с делами все. Кто потревожит — пусть пеняет на себя.

Двери за ним поспешно закрылись. Злое выражение исчезло, когда увидел дочь, такую трепетную и беззащитную в этом огромном мире, поспешно обнял, поцеловал, спросил с тревогой:

— Что-то случилось?

— Отец, — прошептала она, прекрасные глаза наполнились слезами, — не лучше было бы отдать меня ему?

Он прикоснулся губами к ее макушке, она чувствовала его теплое дыхание.

— Возможно, — донесся его усталый голос. — Возможно... Но теперь, увы, поздно. Этот лев ощутил вкус крови. Теперь не остановится.

— Но если попробовать?

Он поцеловал ее в макушку.

— Его соратники не дадут ему остановиться. Поздно, они познали сладость побед, грабежа... А Куявия — очень богатая страна. У них глаза разбегаются от жадности.

— Что будет, отец?

— Дорогая, ни человек, ни маг, ни даже бог не войдет в город, который охраняет башня черных колдунов! А Куябу оберегают две башни. К тому же нет таких лестниц, чтобы дотянулись до вершины городской стены... Они просто обломятся под своей тяжестью. Это невозможно, невозможно.

И снова она смолчала и не поднимала головы, чтобы он не увидел ее изменившееся лицо.

Придон с удивлением смотрел на огромное войско, что как темная вода обтекало стены Куябы и заливало долину между городом и его воинским лагерем.

Аснерд на всякий случай объявил тревогу, воины начали без спешки седлать коней. Вяземайт пробормотал с удивлением:

— Да откуда они набрали новое войско? И так быстро?

Аснерд, что мог сосчитать волоски на лапке сидящей на стене Куябы мухи, пробурчал:

— Отребье... Мы их разгоним плетьми, не доставая топоров.

— Кто они?

— Наемники.

— Наемники? Это не так весело, как тебе кажется.

— Не те наемники, — добавил Аснерд. — Это просто сброд, набранный на скорую руку. Половина из них — разбойничьи шайки, которым пообещали всю добычу и еще гору золота от

Тулея. Правда, их даже больше, чем нас, но, поверь, это просто толпа...

Он умолк, оборвал себя на полуслове. Брови вопросительно сдвинулись. Вяземайт молча злился, что его боги не наделили таким зрением, терпеливо ждал, наконец и сам рассмотрел скачущих в их сторону двух всадников.

Придон подъехал, поинтересовался:

— Едут на переговоры?

— Да, — ответил Аснерд. — Ты будешь удивлен, но один из них — наш старый знакомый.

— Кто?

— Сейчас все увидишь, — пообещал Аснерд.

Оба всадника в куявских доспехах, но если на одном навешано еще и оружия, как на столбе в оружейной лавке, то второй одет просто, из оружия только меч и нож на поясе. А на локте левой руки простой удобный щит.

Когда подъехали ближе, Придон вспомнил это страшное обожженное лицо, в которое впечатались мелкие угольки или брызги расплавленного железа. Холодные серые глаза смотрят пронзительно ярко из-под высоких надбровных дуг, начисто лишенных бровей, голых, из-за чего лицо, на взгляд изнеженного куява, кажется безобразным, но для артан, что ценят настоящее лицо, этот десятник силен и красив, выглядит значительно, а во взгляде видны сила и величие.

Придон вскинул руку в приветствии:

— А, Вихрян!.. Привет, как жизнь?

Второй всадник посмотрел на соратника почти с испугом. А тот вскинул руку в ответном жесте и проговорил так же просто, словно каждый день разговаривает с самим Придоном, потрясателем Куявии:

— Привет и тебе, доблестный тцар.

— С чем пожаловали? — спросил Придон. — Или сперва пообедаем, вспомним старое доброе время?

Второй всадник сказал торопливо:

— Да-да, благодарим за приглашение, великий и могучий тцар, прославленный подвигами...

Вихрян прервал:

— Все, что можно решить сразу, надо решать сразу. При-

дон, мы не хотим воевать за Куявию... ну, за такую, какая она сейчас есть.

Аснерд и Вяземайт переглянулись, Придон услышал их учащенное от радости дыхание.

— Я понимаю тебя, Вихрян, — ответил он ровным голосом. — Я помню, как поступили с тобой... Будь страна почище, там наказали бы не тебя, а твоего обидчика.

Вихрян вскинул голову, глаза блеснули.

— Дело не во мне. У всех нас накопилось слишком много обид, горечи, каждый испытал на себе несправедливость. Потому мы не хотим сражаться за тех, кто остался за высокими стенами и сейчас преследует наших жен, соблазняет дочерей, разоряет наши дома, словно они... прости, артане, а не соотечественники! Что скажешь на это?

Придон ответил быстро:

— Не удивляйся, что у меня ответ готов. Мы не трогаем тех беров, кто признал нашу власть. Мы обходим те города и деревни, что с оружием не выступили... Я предлагаю вам убрать мечи в ножны и... либо разойтись по домам, либо уйти на уже занятые нами земли. А потом, когда виновные будут наказаны, а хребет Злу сломлен артанской мощью, сможете вернуться и установить справедливый мир на этих землях.

Вяземайт кашлянул, сделал шаг, поклонился Придону. С длинными седыми волосами, величественный, он сразу приковал внимание, все слушали с напряженным вниманием, а он сказал медленно и со значением в каждом слове:

— Прости, добавлю... Вы, куявы, понимаете, что мы не останемся здесь вечно. Уйдем, как и пришли. Тогда вы будете главной силой в Куявии! Вы сможете установить ту власть, что захотите.

Аснерд добавил гулким голосом:

— Он прав. Сохраните силы, ребята. Они вам понадобятся в борьбе за власть, когда мы уйдем.

Вяземайт еще раз поклонился и отступил. Аснерд смотрел на куявов без вражды, широкое каменные лицо оставалось неподвижным. Всадники переглянулись, и тот, что был похож на столб с оружием, сказал торопливо:

— Это самые мудрые слова, что я слышал!.. Не считая тех,

конечно, что рек величайший из тцаров, несравненный и грозный Придон, сын Осеннего Ветра. Мы будем счастливы...

Вихрян прервал:

— Придон, мы благодарим тебя за мудрые слова. Прости, я не ожидал от тебя слов мудрости и откровения. Ты взрослеешь не по дням, а по часам, в мудрости ты уже равен... гм... словом, уже не тот дурак, каким я тебя увидел в первый раз.

Артане наблюдали, как они вскинули руки в прощании и помчались обратно к огромному войску.

Высоко в синеве неба со стороны города показалась темная точка. Остроглазый Аснерд всматривался долго, наконец кивком подозвал Придона.

— Не нравится мне этот дракон...

— Так это дракон? — спросил Придон язвительно. — Я думал, просто отставший гусь летит домой. А чем тебе так не ндравится этот дракон? Когти неподстриженные? Чешуйки на пузе не такого цвета?

— Да все подстриженное, — буркнул Аснерд. — Извини, все забываю, что вы все даже под ногами ничего не видите. Просто этот дракон летит к нам, а наездник размахивает руками... Нехорошо размахивает.

— Колдует?

— Может быть, даже колдует. Или что-то передает в город. Кто-то внизу хорошо понимает, что он видит. Так переговариваются эти наездники. Внизу может быть как раз колдунище, что враз испепелит половину нашего войска... ну, я сам таких не видал, но слыхивал, слыхивал...

Послышался частый конский топот. В их сторону несли́сь на огромных черных конях, массивных и гривастых, будто и не артанские, два гигантских всадника. Оба черноволосые, ка̀к и кони, волосы прихвачены на лбу ремешками, развеваются за спиной, лица суровые, неподвижные, словно высеченные из камня. Солнце блестит на широких округлых плечах, разнесенных далеко в стороны, выпуклые грудные мышцы напряжены, плоские животы в ровных валиках мускулов...

Они соскочили разом, оба похожие настолько, что будто не просто братья, а вообще близнецы. Аснерд крякнул, рас-

пахнул руки. Оба бросились наперегонки, быстрые, как львы, сцепились втроем, слышались звучные удары по обнаженным плечам и спинам, способные перебить хребет быку, хохот. Наконец Аснерд высвободился и, не выпуская обоих из рук, провозгласил:

— Придон, прими этих балбесов в свое войско!.. Отдаю тебе еще двух сыновей: Меривоя и Франка. Вот это — Меривой, а это — Франк...

Один из великанов сказал обидчиво:

— Отец, это я — Меривой...

Аснерд хлопнул себя по лбу:

— Ах да, это Меривой, а вон тот — Франк...

Великан подумал, наморщил лоб, произнес задумчиво:

— Или вообще-то я Франк?

Он захохотал, все трое захохотали так, что на сотню шагов вокруг лошади тряслись и подгибали ноги, только двое коней сыновей Аснерда не повели и ухом, лишь косились огненными глазами.

Аснерд сказал уже серьезно:

— Дети, вы прибыли вовремя. Как там дома, все в порядке?.. Ну, я так и думал. Придон, мои дети видят, как и я... словом, неплохо. Но главное, что они всегда оставались лучшими стрелками. Меривой, покажи свою тулу!

Придон ощутил, что тянется кверху, едва-едва сдерживается, чтобы не встать на цыпочки. Меривой и Франк высились разве что на голову над рослыми артанами, да в плечах, понятно, пошире, но каждый, кто бросал на них взгляд хотя бы издали, сразу чуял горных великанов, в жилах которых течет не кровь, а огненная лава, а плоть тверже гранита. Самое же главное, что оба, в отличие от остальных горных великанов, вооружены не дубинами, а луками.

Похоже, им луки достались от дедов-прадедов, а те знали особые секреты, или же совсем недавно по их заказу горные гномы выковали из особой стали.

Придон содрогнулся, увидев эти луки. Размером в рост человека, толщиной с голень, луки холодно блистали металлической синевой. Не сразу сообразил, что древко не из дерева, любое дерево ломается в пальцах горных великанов, а из осо-

бой стали, секрет которой знают только горные гномы. Даже тетивы не из жил, те рвутся, как паутина, а из прочнейшей стальной проволоки, свитой в несколько слоев.

А когда Придон увидел стрелы в тулах, холод прошел по телу. Толщиной и размером с дротик, они ко всему еще блистали металлом, выкованные пусть и простыми деревенскими кузнецами, но все же из железа, каждая с наконечником с артанский топор!

— И что же, — спросил он осевшим голосом, — они могут такими стрелами... далеко?

Аснерд пожал плечами:

— Могут и далеко. Но тогда уже неточно, всякие там ветер да комары сбивают в сторону. А если недалеко, то нет дерева, что не прошибут насквозь, как лист лопуха. Нет камня, что не расшибли бы вдрызг! Нет героя, чей щит и доспехи выдержали бы... но главное, Придон, нет дракона, чей панцирь устоит перед стрелами моих сыновей!

Он с гордостью обнял обоих, а те, теперь Придон видел, не такие уже и каменные, довольно улыбались, жались к могучему отцу, как малые дети, которым в жизни доставалось мало ласки.

А дракон тем временем пролетел над лагерем, снизился, пролетел еще. Наездник свесился с загривка, внимательно рассматривал устройство воинского стана. Несколько человек пустили стрелы, но те, описав дуги в воздухе, попадали обратно. Дракон выпустил длинную струю огня, та рассеялась, не достигнув земли.

Один из лучников сделал приглашающий жест, мол, давай ниже, угощу. Дракон сделал полукруг, снизился, пошел над лагерем, расставив огромные красные крылья и раскрыв пасть.

Лучник, а за ним еще несколько человек торопливо натянули тетивы. Стрелы взвились, с десяток ударились о блестящую броню летающего чудовища и полетели обратно. Дракон дохнул пламенем. Длинная струя огня, похожая на огненную змею, протянулась, изогнувшись, к людям с луками. Лучник пригнулся, выронил лук и ухватился за лицо. Другие подхва-

тили его под руки. Он разогнулся и погрозил кулаком вслед дракону.

Чудовище пронеслось над лагерем, не двинув крыльями. Аснерд вскрикнул:

— Вот теперь пора!

Франк и Меривой сорвались с места, Придон ошалело смотрел, как они со скоростью скачущих коней оказались чуть ли не в середине лагеря, а дракон только-только развернулся и полетел снова, еще больше снизившись, пасть раскрыта...

Придон наконец остановил коня, ноги понесли его вслед за сыновьями Аснерда. Дракон несется над лагерем, крылья растопырены, выглядит скалой, что непонятно каким колдовством оказалась в воздухе...

Меривой и Франк почти одновременно натянули луки. Придон видел, как блеснуло серебром. Руки братьев снова метнулись к тулам, коротко блеснуло, на этот раз Придон услышал грозный звон тетив.

Дракон взмахнул крыльями, из пасти вырвался ужасающий столб огня, но дракон зачем-то задрал голову. Огонь опалил небо, а дракон продолжал молотить крыльями уже судорожно, беспорядочно. Его занесло боком, затем начал подниматься к небу, словно взбирался по невидимой горке, но та проломилась, он рухнул с высоты, у самой земли растопырил крылья и попытался лететь, но мордой ударился о телегу, пропахал в земле широкую борозду и застыл огромной горой укрытого панцирем мяса, только крылья еще дергались, хлопали, поднимали пыль и вышвыривали горящие угли из костров.

Сыновья Аснерда быстро и точно выпустили еще по две стрелы уже в голову дракона. Придон отчетливо слышал треск, с которым проламывались толстые кости. Стальные стрелы погрузились почти до самых кончиков.

Сам Аснерд, невзирая на то что дракон еще дергался, быстро вскарабкался по передней лапе, было видно, как возится с наездником. Меривой сунул лук за спину и покарабкался тоже наверх. Аснерд ножом перехватил ремни, взял на руки и передал сыну безвольно обвисшее тело наездника со словами:

— Береги! Головой отвечаешь!

Придон подбежал, крикнул сорванным голосом:

— Молодцы! Как вы вовремя...

Он осекся. На руках Меривоя лежал юноша, чье лицо показалось Придону очень знакомым. Когда Меривой спустился вниз, Придон отбросил с головы наездника капюшон. Оттуда выпало, разматываясь, тяжелое золото волнистых волос, они повисли почти до земли.

Руки Меривоя дрогнули, Придон вскрикнул:

— Смотри не урони!.. Это же Яська!

Меривой уставился в бледное лицо девушки. На губах ее выступила кровь, а когда он попытался взять ее поудобнее, от неловкого движения изо рта потекла тонкая красная струйка.

— В мой шатер! — распорядился Придон. — Позвать Вяземайта! Я не хочу, чтобы она умерла.

Меривой взглянул на него с благодарностью.

— Она враг, — пробормотал он, — но я тоже не хотел бы, чтобы она...

Он запнулся. Придон развернул его к себе спиной, это было почти то же самое, что развернуть скалу, ткнул в спину. Меривой ринулся к далекому шатру.

ГЛАВА 3

Веки оказались такими тяжелыми, что Яська сумела их поднять только с третьей попытки. Все плыло, расплывалось перед глазами, не скоро и с трудом начала различать вроде бы морду своего дракона. В сердце стукнула радость, жив, уцелел, это ж она виновата, что решилась пролететь так низко...

Туман начал рассеиваться, драконья морда медленно обрела четкость. Теперь это уже не морда дракона, а морда... Яська вздрогнула, над нею склонился мужчина с суровым и грубо вытесанным лицом, что придавало ему сходство с драконьей мордой. Такие же выступающие надбровные дуги, даже не выступающие, а нависающие, высокие скулы и сильно расплюснутый нос с широкими ноздрями, широкий рот и массивная челюсть...

Глаза прятались, как у дракона, под толстыми валиками

надбровных дуг, Яська успела рассмотреть только крохотные искорки там в глубине.

— Кто ты? — спросила она. Потом подумала, что вопрос нелеп, переспросила: — Где я?

С трудом повернула голову, шея слегка занемела, но боли не чувствовалось. По всему телу побежали мурашки, словно отсидела. Над головой купол шатра, стенки из тонкого красного шелка, видно, как по ту сторону взад-вперед ходят люди с топорами в руках.

Мужчина сказал виноватым, как ей показалось, голосом:

— Меня зовут Меривой... Ты сейчас в шатре нашего тцара...

Она снова повела глазами по сторонам, все вспомнила, вскрикнула:

— А мой дракон?.. Эти гады сумели его убить?

Мужчина, что назвался Меривоем, какое странное имя, сказал еще более виновато:

— Да, его... сумели убить... Вернее, ранить, а убился он сам. Если бы в воду, а земля... она твердая. Ты уцелела чудом. Если бы не наш волхв...

Она спросила:

— Вяземайт? Он тоже с Придоном?

Он спросил с надеждой:

— Ты их знаешь?.. Тогда твоя участь, надеюсь, не будет так уж... тяжела.

Она спросила в упор:

— А кто ты?

— Я... Я... это, я Меривой. Меня так зовут — Меривой. Я только сегодня приехал из Артании...

Ее синие, как небо, глаза чуть потеплели. Губы слегка дрогнули в улыбке.

— Да?.. Тогда ты еще не жег наши города, не насиловал, не убивал...

Он сказал торопливо:

— Да-да, я мчался на своем медленном, как черепаха, коне, не останавливаясь, ничего даже не видя!

Она вздохнула, глаза ее погасли.

— Тогда у тебя еще все впереди. И грабежи, и убийства. И будешь насиловать, а потом убивать.

Меривой задохнулся, ее синие глаза уже смотрят в сторону, на лице появилось задумчивое выражение, явно прикидывает, как сбежать, гордая и смелая, как она отваживается влезать на загривок ужасного дракона...

Он зябко передернул плечами.

— Тебя что-то страшит? — спросила она.

— Да, — сказал он честно.

— Что?

— Ты же можешь упасть с дракона! А я вдруг не окажусь внизу, чтобы подхватить на руки?.. Да лучше тебе всю жизнь ездить на мне...

Он запнулся. Она посмотрела с интересом.

— Ты позволил бы мне сесть себе на шею?

— Да, — ответил он с жаром. — Да!.. Сам буду умолять... И буду просить, чтобы ты никогда-никогда не слезала!

Тулей рванул себя за ворот, на ковер полетели крючки, застежки, пряжки. Багровое лицо стало страшным от ярости. Он задыхался, рухнул в кресло, захрипел. Щажард быстро поднес остро пахнущие травы, светильники заправили особым маслом, что дает умиротворяющий аромат, лекари дрожали от ужаса, ибо лицо повелителя налилось дурной кровью, глаза выкатились, огромные и налитые кровью, с дрожащих от бешенства губ потекла пена.

— Где... — прохрипел он. — Где... почему не доставили до сих пор?

Щажард поклонился, ответил почти шепотом, страшась разгневать могущественного повелителя:

— Он даже не стал слушать ваш приказ. Поехал дальше.

— А где сейчас?

— Узнав, что достойной Дивинии там нет, только спросил, где она. Все видели, как пришпорил коня и вихрем вылетел через южные врата.

Тулей захрипел, брызгая слюной:

— Догнать!.. Поймать!.. Привести!.. В оковах... нет, с деревянной колодой на шее!

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем вбежал радостный слуга и срывающимся от счастья голосом сооб-

щил, что Дуная поймали в тот момент, когда он, уже свободный, возвращался в свой дворец.

Вскоре за дверью раздался приближающийся грохот, звон металла. Щажард насторожился, лицо Тулея исказилось злой радостью.

Створки распахнулись, в зал вошел, сильно согнувшись, огромный человек. Тяжелая колода на плечах держала его в согнутом положении, толстые цепи звякали при каждом шаге. Руки скованы за спиной, от исполина покатился по залу, придавливая тяжестью изысканные ароматы, тяжелый густой запах давно не мытого тела.

Щажард вздохнул, Тулей бросил в его сторону лютый взгляд. Щажард вздрогнул и уставился в стол. Двое стражей остановили закованного великана в пяти шагах от трона. Тулей пытался поймать взгляд пленного, но тяжелые колодки пригибали того книзу, заставляли смотреть в роскошные ковры.

— Ну что, Дунай, — сказал Тулей зловещим голосом, — что скажешь теперь?

Скованный исполин молчал. Тулей снова начал наливаться гневом, но сейчас опозоривший его Дунай вот он, никуда не денется, можно насладиться властью и унижением опозорившего его полководца, и он повторил уже спокойнее:

— Что скажешь, Дунай?.. Что скажешь, мерзавец, обесчестивший меня, страну, наши войска?

Дунай молчал, слегка покачивался на расставленных для равновесия ногах. Колода на нем из цельного столетнего дуба, а цепями можно приковывать тяжелые военные корабли — даже буря не порвет, но на великане они болтались с виду легкие, как ниточки.

Щажард пробормотал:

— Ваше Величество, он молчит, значит — винится. Он уже осознал, осознал!

Тулей прорычал:

— Что скажешь, ничтожество? Он прав?

Скованный исполин не шелохнулся. Тулей задышал чаще, лекарь подбежал, потрогал вздувшуюся жилу на виске, торопливо сунул под нос чашу с едким напитком. Тулей отпихнул

в раздражении, лекарь и его чаша покатились по укрытым ковром ступенькам.

— Хорошо, — сказал Тулей зловеще. — Можешь не отвечать. Сам знаешь, что опозорил нас всех, проехав через всю страну со связанными руками!.. Эй, палач! Выведи этого... эту... во внутренний двор и посади на кол. Да так, чтобы я и завтра еще видел его живым.

Щажард сказал укоризненно:

— Ваше Величество...

Тулей обернулся, налитые кровью, как у разъяренного быка, глаза метали багровые молнии. Лицо стало багровым, как небо-свод на закате.

— Что?

Щажард стойко выдержал яростный взгляд, сказал четко:

— Ваше Величество, во дворе упражняется ваша дворцовая стража. Они всегда почитали Дуная...

— Ну и что?

Щажард вздрогнул от громового рыка, но голос его прозвучал почти так же ровно:

— Если хотите, чтобы я с вами соглашался во всем, тогда не спрашивайте моего мнения. А сейчас мое мнение таково, что ваших воинов это... не обрадует. Дунай всегда служил честно. И все увидят, что получает человек за честную службу в вашем дворце!

Тулей вскрикнул громовым голосом раненого льва:

— Он опозорил меня!

— Тогда казните, — ответил Щажард. Он побледнел, но не опускал глаз. — Это ваше право. Все наши жизни в ваших руках. Дунай клялся служить вам. Его жизнь в вашей воле. Вы можете любого из ваших воинов казнить... да и не только воинов, но никого не в состоянии заставить думать о вас... как хотите вы! Оценивать ваши поступки, как оцениваете их вы. Вы не заставите своих воинов думать о вас... лучше.

Тулей задышал чаще, лекарь снова налил в чашу темно-зеленой жидкости, поднес Тулею. Тот заставил себя понюхать, багровость покинула лицо, он наконец махнул рукой и сказал все еще злым, но без крика голосом:

— Отвести во двор и срубить голову. Голову принести сюда.

Стражи развернули Дуная, он пошел к двери, тяжело передвигая ноги. Тулей проследил за ним ненавидящим взглядом. Щажард поклонился, сказал торопливо:

— Ваше Величество, осмелюсь напомнить о Родстане... Не лучше ли загодя перенести туда часть... нашего двора?

Тулей открыл рот, но ответить не успел, дверь с шумом распахнулась. Тулей поморщился, Барвник вбежал, огляделся, привычно поклонился, глаза мага бегали по сторонам, а пустой рукав халата высвободился из-за пояса и болтался, как тряпка.

Тулей буркнул:

— Что случилось?

— Ох, Ваше Величество...

Тулей указал на свободное кресло.

— Садись к столу, промочи горло. Мы тут со Щажардом деремся, ты остуди его...

— Меня? — изумился Щажард.

Тулей пробасил, глядя, как Барвник тяжело, будто грузный Щажард, плюхнулся за стол:

— Что тебе привиделось?

Барвник отмахнулся, с жадностью отпил крепкого вина.

— Да так... Ошибся, видать. Показалось, что у вас тут в покоях Дунай.

Тулей видел, как насторожился Щажард, да и у самого от нехорошего предчувствия мурашки поползли по коже.

— А если бы был... то что?

Барвник ответил мрачно:

— Лучше не надо. Всяк стремится избежать неприятностей. А уж если невзгоды, а то и беду... А Дунай, гм, это не просто беда. Если сглупить, то от Куявии вообще ничего не останется. Артане захватят ее всю, куявы перестанут быть куявами, а все земли отойдут к Артании. И будет одна Великая Артания от моря и до моря.

Тулей сказал быстро:

— Выкладывай, выкладывай! При чем тут Дунай?

Барвник развел руками:

— Он — герой. Никогда героем не был, был просто здоровенным бугаем, что мог ударом кулака деревья... а теперь

вдруг стал героем. Не поверите, но именно из-за того, что проехал через всю страну со связанными руками! Да-да, это сделало его героем. Унизило — да, но через унижение... Ваше Величество, мое дело — магия, я не силен в другом, я просто вижу, что происходит, а причины пусть отыскивают другие. А произошло то, что через это унижение... нет, не так... Мы думали, что это его унизило, а на самом деле — возвысило! Я не знаю, как это произошло...

Тулей привстал, лицо снова начало багроветь, захрипел в ярости, в бессилии рухнул обратно. Обе руки снова рванули за ворот, прорычал хрипло:

— Возвысило? В цепях и с колодкой на шее? Я же отобрал у него звание бера, отобрал дворец, земли, имя, честь!..

— Ваше Величество, — сказал Барвник умоляюще, с испугом, — я разве спорю? Я говорю о том, что случилось. А случилось, что эти цепи и колодка его ничуть не сделают ниже. Наоборот, чем тяжелее на нем цепи, тем выше его слава.

— Ну-ну, — сказал Тулей сипло, — посмотрим, как станет выше, если укоротим на голову. Сейчас палач повел его во двор...

Барвник побледнел, чаша выпала из его рук, без стука ударилась о ковер и покатилась, оставляя за собой темную от вина дугу.

— Ваше Величество, — прошептал он. — Ваше Величество... Если Дуная казнить, то этим вы разрушите всю Куявию! Если его голова скатилась с плеч, считайте, Куявия уже обречена. Ей остались считаные дни. Ровно столько, чтобы артанским коням доскакать до самых дальних уголков страны.

Тулей еще смотрел выпученными глазами, краска медленно сходила с вытянувшегося лица, а Щажард, еще ничего не поняв, но быстрый на решения, в три коровьих прыжка подскочил к окну, высунулся чуть ли не до пояса, заорал, срывая голос:

— Стража!.. Стража!.. Немедля во внутренний двор!.. Остановить казнь!.. Если с головы Дуная упал хоть один волос, я вас сам...

Тулей перевел дыхание, Щажард еще кричал, жестикулировал, внизу послышался топот ног и звон железа. Наконец

Щажард повернулся от окна, лицо бледное, дыхание вырывалось тяжкое.

— Молю богов, — сказал он торопливо, — чтобы... он был еще жив. Барвник, что ж ты молчал?

— А кто ж знал, — огрызнулся Барвник, — что вы не только его уже поймали, а еще и осудили! Как быстро! Будто не тцар с первым человеком в стране, а пастухи Артании! Да как вы могли? Вот так, сразу на плаху...

Тулей поморщился:

— Говори, что... Нет, лучше молчи. Я все равно ничего не услышу. Эй там!.. Бегите во двор, узнайте насчет Дуная. Если жив, приведите... нет, он еле ходит, принесите на руках!

Барвник вскинул ладонь. Худое лицо было бледным и решительным. В глазах таился страх.

— Ваше Величество! Достаточно и того, если он еще жив. Думаю, вам лучше узнать всю страшную правду. Пока без Дуная. И решить, что делать. Ибо Куявия попала в страшную ловушку.

Тулей проворчал:

— Как будто она и без Дуная в счастье купается! Стража, узнайте, успел ли мой быстрый Щажард остановить казнь. И ждите там. Вместе с ним, Дунаем.

Щажард бросил вдогонку:

— Если его казнили, сразу же скажите.

— Да-да, — сказал Барвник торопливо, — тогда нам придется искать что-то другое... хотя ума не приложу! Везде только гибель Куявии.

Стражи исчезли за дверью, слышен был топот тяжелых сапог. Барвник заговорил раньше, чем Тулей вперил в него налитые кровью глаза:

— Если Дунай погибнет от топора палача, то этот же топор перерубит и ту непрочную нить, на которой висит вся Куявия. Странным образом жизнь Дуная оказалась связана с судьбой нашей огромной страны. Раньше он был просто Дунай, здоровый тупой бык... это я уже говорил, а теперь он как бы часть души Куявии. Да, Ваше Величество, даже у Куявии есть душа, не только у Артании! Он своим поступком поднял-

ся на тот... на те... в общем, жизнь и смерть таких людей влияет на судьбы стран.

Тулей прорычал злобно:

— Каких?

— Таких, — ответил Барвник тихо, но в голосе старого мага звучала непривычная твердость. — Ваше Величество, не только тцары поворачивают страны, ведут их к жизни или к смерти.

Тулей погрузился в молчание, лицо дергалось, не то завидовал, не то ревновал, а то и просто пытался понять умные речи, а Щажард сказал неожиданно:

— Ты говоришь туманно, как все вы, чародеи, но, кажется, я понимаю.

— Я — нет, — отрезал Тулей. Барвник виновато съежился, Тулей поморщился, кивнул. — Но ты говори, говори. Перед вами я могу показывать свою дурость, верно?

— Верно, — ответил Барвник со вздохом облегчения. — Верно, Ваше Величество. Только полный дурак никогда не признается в своей дурости! А вы, Ваше Величество, не совсем уж и полный... Хотя, конечно... Словом, иногда люди к величию идут очень долго, вот как вы, Ваше Величество, идете и идете, идете и идете, идете и идете... когда-нибудь, лет через триста, гм... а некоторым удается вот так сразу! Через поступок. И не угадать, какой нужен поступок, иначе бы все стали великими людьми, подвижниками, героями. Над Дунаем смеялись, всю его скорбную дорогу забрасывали лошадиным пометом, огрызками, но все же он как-то задел что-то в куявах...

— Как-то, что-то, — прорычал Тулей. — Ладно, не объясняй. Сам не сумеешь, да и я не пойму...

В дверь просунулась голова стража, Тулей кивнул, страж сказал подобострастно:

— Дунай жив. Там что-то замешкались было. То не могли топор найти, то тупой оказался... Пока наточили, пока то да се, а когда уже палач замахнулся, то сверху вон остановили.

Тулей перевел дыхание, распустил стянутые судорогой мышцы, но тут же нахмурился, прорычал:

— Топор не могли найти! Сволочи, все оттягивали, своего

командира спасали... Ладно, иди. Это хорошо, что он жив. Но в следующий раз чтоб приказы исполнялись сразу!

Страж исчез, Щажард вылез из кресла, пошел следом. Все молча смотрели, как он выглянул, что-то сказал невидимым стражам и, возможно, Дунаю, плотнее прикрыл двери. Барвник сказал убитым голосом:

— Хуже всего то, что Куявии и так плохо, и так паршиво. Если Дуная сейчас не казнить... и вообще не трогать, то Куявия все равно падет. Но не сразу, а в течение года.

Тулей хмурился, крепкие пальцы постукивали по блестящей поверхности стола. Щажард с кряхтением опустился в кресло, голова ушла в плечи, оттуда сказал просительно:

— Давай, Барвник, думай! Не может быть, чтобы ты что-то не придумал.

— Придумывать, — ответил Барвник, — ваше дело. Я смотрел так и эдак... У Куявии есть шанс на спасение только в одном случае. Но он настолько мал...

— Говори!

— ...и ничтожен, — закончил Барвник. — Хуже того, невероятен.

— Ну-ну!

Барвник повернулся к Тулею, глаза стали умоляющими, как у виноватой собаки.

— Ваше Величество, для этого надо, чтобы сошлись разные невероятности. Дунай должен драться с Придоном... лично. В двобое. Придон должен его убить. Сам, без чьей-либо помощи. И только тогда у Куявии есть шанс на спасение. Да и то не сразу.

Щажард посмотрел в потемневшее лицо Тулея, вздохнул. Барвник развел руками. Щажард сказал невесело:

— Ты прав. Сейчас никто не заставит Дуная драться с Придоном. И ничто.

Тулей прорычал утомленно:

— Даже если я верну ему все? Снова станет бером, получит обратно дворец, войско...

— Ваше Величество, — сказал Щажард с укором. — Разве не видно, что у него сейчас намного больше?

Тулей умолк, будто ткнули в живот кулаком. Помолчал, вяло шевельнул рукой.

— Зовите. Только объясняйте ему сами. Я на эту сволочь смотреть не могу.

Щажард властно хлопнул в ладоши. Заглянул слуга, поймал взгляд Щажарда, исчез, за дверью прозвучали тяжелые шаги. Тулей вздрогнул, в проем вдвинулся этот человек с огромной колодкой на шее, звякающий массивными цепями, со стертыми в кровь ногами. Снова покои наполнил тяжелый запах немытого тела, разом истребил слабые ароматы душистых масел, притираний, нежных цветов.

Двое стражей придерживали его сзади за скованные руки. Тулей смотрел на Дуная с брезгливым удивлением. Запахи пота и нечистот словно пригасили светильники и затемнили яркие краски ковров на полу и стенах, узник выглядел диким, изнуренным, бессловесным животным.

Барвник вопросительно взглянул на Тулея.

— Скажете сами, Ваше Величество?

Тулей поджал губы.

— Говори ты, — сказал он с неприязнью. — Я не унижусь, чтобы разговаривать с животным.

Барвник кивнул, торопливо подошел к Дунаю. Тот по-прежнему смотрел, согнувшись, в пол. Барвник безуспешно пытался заглянуть ему в лицо.

— Дунай, — сказал он, голос дрогнул, — Дунай... Я смотрел в грядущее. Тебе там отведена немалая роль!

Дунай молчал, смотрел в пол. После паузы раздался голос Тулея:

— Барвник, скажи этому животному, что ему будут возвращены его земли, дворец и... все остальное.

Барвник сказал быстрым виноватым голосом, словно спешил загладить нелепые и глупые слова повелителя:

— Но тебе снова предстоит поединок... с Придоном!

Дунай не двигался, хотя Барвник ощутил, как по телу богатыря прошла волна жара. Однако он все так же смотрел в пол, тяжелые цепи свисали, как толстые виноградные лозы. Тулей разочарованно хмыкнул, отвернулся. Щажард, дотоле молчавший, сказал осторожно:

— Барвник, ты взваливаешь на него непосильную задачу.

Придон легко побил его в тот раз. Побьет и сейчас. К тому же Дунай ослаб еще больше.

Дунай некоторое время не двигался, затем его спина начала выпрямляться. Мышцы вздулись, шея напряглась, покраснела. Затрещало крепкое дерево, со скрипом полезли из гнезд стальные штыри. Обе половинки разлетелись, как сухие щепки. Дунай выпрямился, перевел дыхание.

Тулей смотрел со страхом, богатырь был страшен. Дунай напряг плечи, подал их вперед. Звонко лязгнуло, цепи разлетелись крупными кольцами. Дунай свел руки, кисти плотно охватывают широкие браслеты из металла. Он наклонился, пальцы ухватили цепь, сковывающую ноги. Бугры на спине вздулись, застыли, спина стала вдвое шире. Звонко и жалобно звякнула цепь.

Он почти равнодушно отшвырнул остатки тяжелой цепи к трону. Грохнуло, звякнуло, пышный ковер задымился, Щажард торопливо затоптал огонек, сам он смотрел на узника восторженными глазами.

— Этого... — сказал он потрясенно, — никто и никогда... Даже Придон не смог бы так... Но — почему?

Барвник сказал нервно:

— Дунай приблизился к богам, вот и наделили своей мощью. Или не они, а тот... кто наделил мощью богов.

Дунай распрямился, лицо оставалось спокойным, отрешенным. Но в лице был свет, это был прежний и уже не прежний Дунай, каким его знали.

— Меня никто не побьет, — ответил он ровным голосом. — Теперь уже никто.

— Я... — прошептал Барвник, — верю... Но это и есть гибель для Куявии.

Дунай сказал ровным голосом:

— Говори, или я уйду.

ГЛАВА 4

Красный дракон неторопливо плыл с уверенностью бога войны. Пурпурная броня блестела под оранжевыми лучами солнца, пасть слегка распахнулась, сверкали острые зубы, а

выпуклые глаза с ленивым любопытством смотрели вниз на крохотных людей.

Крок трижды выстрелил из своего страшного лука. Стрелы, что пробивали любого воина в доспехах насквозь, звякнули, будто ударились о глыбы металла. Крок снова выстрелил с такой силой, что стрела от удара расщепилась на тонкие лучинки, белыми обломками брызнула как искорки во все стороны.

— Меривой! — зазвучали голоса. — Меривой!

— Позовите Меривоя!

— Или Франка!

— Да где Меривой, там и Франк...

— Ничего подобного, Меривой у пленницы, Франка туда не пустит...

Из шатра вышел встревоженный Вяземайт, быстро зыркнул на небо. По длинным серебряным волосам пробежала волна света, он проследил взглядом за драконом, кулаки сжались.

— Всем на землю, — сказал он ясным и каким-то страшным голосом. — Закрыть глаза!

Выбежал и Придон, огляделся и, чтобы подать пример, бросился на землю, как и другие. Глаза, правда, не закрыл, дракон что-то почуял, крылья ударили по воздуху чаще и сильнее, он устремился вперед, подобно раскаленному в огне наконечнику исполинской стрелы. Люди вскрикивали, накрывались щитами, прятали головы, многие, как и Придон, украдкой посматривали на дракона.

Вяземайт начал выкрикивать заклятие. Дракон несся все быстрее, на растопыренных крыльях и на гребне вспыхнули огоньки. Их срывало ветром, но они распространились быстро, и дракон летел уже объятый пламенем. Устрашенный Придон думал, что дракону огонь нипочем, однако с неба донесся страшный крик. Весь дракон превратился в шар огня, следом тянулся длинный хвост пламени.

Горящий, ослепленный дракон пролетел над их головами, Придон видел, как огненный шар ударился в зеленую траву. Земля дрогнула и закачалась, в спину толкнула волна сухого горячего воздуха. На месте падения дракона взметнулись

огонь, черный дым, оттуда сильно запахло горелым мясом. Придон рассмотрел сквозь прорехи в столбе дыма широкую яму с обугленными краями, а со дна торчали, сгорая, толстые кости.

— Здорово, — выдохнул он. — Вяземайт... я даже не думал, что ты можешь такое!

Вяземайт морщился, сцепил пальцы рук, хрустел суставами. Глаза оставались темными.

— Это не так уж и трудно, — процедил он сквозь зубы. — Но только...

— Что, Вяземайт?

— Я не смогу быть разом во всех концах Куявии. А наши войска сейчас везде.

Придон спросил торопливо:

— А другие не могут?

— Нет.

— А как-то научить...

Вяземайт поморщился:

— Придон, не говори глупостей. Ты сможешь быстро обучить хотя бы с десяток молодых парней, чтобы сражались как ты?..

Придон вздохнул:

— Ладно, я понял. Жаль, конечно. Правда, есть еще Меривой и Франк. Да и Крок мечет стрелы как никто. Надеюсь, Верен сумеет отвести колдуна к Туру...

Вяземайт сказал сочувствующе:

— Верь. Все получится!.. Пойдем посмотрим, вдруг да от дракона что-то осталось. Жареная драконья печень — это чудо! Не пробовал?.. Много потерял. Но сегодня, чую, многие полакомятся снова. Ведь от того Зайчика, на котором летала Яська, остались только панцирь да кости...

— Кстати, что с нею делать?

Вяземайт пожал плечами:

— Я бы вернул ее куявам. Все-таки, если бы не она...

Придон подумал, кивнул:

— Ладно. А сопровождать отправлю Меривоя. Похоже, она ему доверяет.

...У шатра двое вартовых заулыбались при его приближении. Он нахмурился, спросил отрывисто, надеясь, что голос прозвучит сурово и что в нем не проскользнет жалкая нотка надежды:

— Пленница здесь?

Шестак сказал, оскалив зубы:

— Видишь же, сторожим.

— Чтоб ни сюда, — добавил Огнивец, — ни отсюда.

Меривой откинул полог, его не останавливали, сделал шаг и замер с бешено колотящимся сердцем. Женщина стояла к нему спиной, достаточно высокая, в своих коротких кожаных штанах, странных даже для мужчины, ибо заканчивались намного выше колен, что было бы крайним бесстыдством для артанки, непристойностью для куявки, но у этой выглядело естественно, ибо ноги покрыты сильным загаром, а это как одежда, кожа в царапинах, старых ссадинах с коричневыми корочками запекшейся крови, а где и с блестящими шрамиками, что вскоре исчезнут, это ноги женщины, что умеет прыгать, падать на землю и на камни, кувыркаться через голову, не заботясь о царапинах, ибо она сильная, здоровая, полна сил и жизни, она может не заботиться о своей внешности, не лелеять, ибо сейчас все с легкостью зарастает на ее теле, а когда придет пора...

Взгляд его поймал узкую полоску белейшей кожи, что на миг показалась и пропала под краем истрепанной кожи штанов. Сердце остановилось, он ощутил, что в этот миг для него произошло самое важное, что может произойти с человеком, и что мир отныне станет другим, и что женщина из другой, недоступной ему жизни станет, уже стала для него той тоской, что никогда не покинет его мохнатую душу. Эта женщина чиста и нежна, но это увидел только он, Меривой, и отныне ему страдать от ее недоступности, мечтать о ней, рычать в тоске и горе, бросаться на землю и бить кулаками в бессилии.

Она повернулась медленно, ладная и собранная, в сапожках на плоской подошве, хотя у куявов даже мужчины обычно ходят на каблуках, кто на едва заметных, а придворные красавчики так и вовсе, но ее ноги стоят крепко и уверенно,

стойка почти боевая, ступни плотно держатся за землю, она готова принимать и наносить удары.

— Бей, — вырвалось у него. — Бей, что хочешь со мной делай! Только не гони.

Ее взгляд стал удивленным, узкие красивые брови взлетели на середину лба.

— Кто ты?.. Я тебя уже видела... Ты приходил, когда я... когда я лежала.

Было видно, что ей, сильной и отважной, даже выговорить такое стыдно, что она лежала слабая и беспомощная, у него сердце остановилось от нежности к этой маленькой женщине-воину, пусть она рослая и сильная для других, но не для него, сына Аснерда.

— Я буду приходить, — вырвалось у него, — когда ты будешь лежать или сидеть, стоять или на коне... даже на драконе... здесь, на земле, или в небесах, где твое место... тебе не избавиться от меня!

Она смотрела с любопытством, нос сморщился, от глаз побежали лучики, наконец она рассмеялась:

— Я не такими себе представляла артан. Ладно, расскажи о себе...

С навеса над воротами Куябы звонко пропела труба. Придон насторожился, там стоял человек и размахивал белым полотнищем.

Аснерд, не дожидаясь решения Придона, помахал рукой, крикнул зычно:

— Давай, примем!

Ворота остались запертыми, но через калитку выдвинулся человек, грузный, коротконогий, в богатой одежде. Закрывая ладонью обнаженную голову, он пошел к воинскому стану артан, но двигался настолько медленно, что Придон заподозрил хитрость.

Аснерд же похохатывал, а когда Придон заворчал и нахмурился, сказал весело:

— Это же наш старый знакомец!.. И то дивно, что ножками, ножками.

Придон наконец рассмотрел приближающегося Черево.

Знатный бер выглядел исхудавшим, хотя щеки по-прежнему на плечах, а живот опускается едва ли не до колен.

— При... приветствую... — пропыхтел он, — великого... и несравненного...

Придон отмахнулся:

— Оставь, Черево. Мы же старые друзья. С чем прибыл?

Черево огляделся.

— У вас есть чем промочить горло и где полежать?

Придон кивнул.

— Ложиться можешь прямо здесь, земля теплая, прогрелась, не простудишься. Попить сейчас принесут...

По его знаку столичному посланцу подали большую чашу, наполненную до краев. Черево с жадностью отпил, скривился.

— Ох уж мне эти варвары... Я же напиться просил! Ноги мне моют дома... Люди тем и отличаются от зверей, что пьют вино. Эх...

Но выпил с жадностью, без отрыва, тем более что в чаше не простая вода, а охлажденный сок плакун-травы, что придает сил и очищает разум. Приободрился, с глаз ушла краснота, выпрямился без натуги.

— Пойдем в шатер, — пригласил Придон.

— Пойдем, — радостно согласился Черево. — Я не верю, что у вас негде полежать!

Стражи у шатра смотрели с любопытством, Черево по-хозяйски откинул полог шатра, вздохнул с облегчением:

— Да, здесь прохладно! И... какая широкая лавка!

Он незамедлительно возлег во всю длину. Вошел оруженосец, опустил на стол поднос с кувшином и двумя кубками. Придон сам налил и подал Череву, артане не считаются с церемониями, но в глазах Черева все же промелькнуло сильнейшее удивление.

— Можно, — спросил он, — я похвастаюсь, что я вот так лежал, а мне сам великий Придон подавал?.. даже не лежал, а возлежал изысканно и красиво?

— Хвастай как хочешь, — отмахнулся Придон. — Как там...

Он запнулся, но Черево ответил без запинки:

— Знаю, что нельзя тебе такое говорить, но правду в меш-

ке не утаишь: стала еще краше... Ух, что за напиток? Как огонь прокатился в мое брюхо... Понятно, почему не пьете вино, если у вас такое... Погоди, погоди!.. а то я не смогу сказать самое главное.

— Говори!

— Я прибыл, — сказал Черево со значением, — от тцара Тулея и всего совета. У него и совет еще есть, и нечего смеяться! Мудрецы, все знают намного больше, чем понимают. А что такое мудрость, Придон? Не знаешь? Это быть мудрым вовремя. Вот Его Величество и говорит тебе: зачем нам губить людей, разорять земли? Ведь все это кормит и тебя, и нас?..

Придон сказал нетерпеливо:

— Это понятно. Ты сразу о деле! Что у вас за обычаи, вокруг да около? Речь должна быть прямой, как ваши мечи, и острой, как наши топоры.

— Наши мечи тоже... — сказал Черево уязвленно, — не очень уж и тупые. Его Величество Тулей, тцар Верхней и Нижней... ладно-ладно, опустим. Словом, Тулей предлагает выставить от артан сотню бойцов, а мы выставим сотню куявов. Сразятся на открытом поле... Кто победит, перед тем и раскроет врата Куяба! Но, конечно, если победят артане, ты должен обещать, что не будет там разору и непотребств, как, к примеру, не разоряем же мы свой город...

Сердце Придона радостно заколотилось. Стараясь сдержать дрожь нетерпения, он произнес как можно медленнее:

— Это слишком хорошее предложение... Я просто не верю. Ты где-то врешь, но не пойму где...

Черево в возмущении даже приподнялся на локте:

— Не могу лгать, когда меня так беззастенчиво слушают! Свиньи обожают докапываться до корней, но не артане же? Вообще у меня только один недостаток... Недостаток денег, а в остальном я само совершенство...

Придон буркнул недоверчиво:

— Черево, не хочу тебя обидеть, но...

Черево воскликнул в возмущении:

— «Не хочу тебя обидеть», значит, сейчас обольют грязью. Ладно, умные не обижаются, они делают выводы... А вывод прост: Тулей предлагает решить судьбу Куябы поединком.

Понимаешь, он уверен, что у нас у Куявии воины намного сильнее. Просто ваши любят драться, а наши — нет. Потому слава идет больше про ваших. Но если прижмет, то наши ваших побьют.

Придон подумал, кивнул.

— Обещаю в случае победы Куябу не разорять. Зачем же стану разорять... свой город?

В шатер пришли Аснерд, Вяземайт. Черево приветствовал их молодецким взмахом, не поднимаясь с лавки, по-хозяйски пригласил к столу. Аснерд рассматривал его с любопытством.

— Как в старые добрые времена, — сказал он. — Сколько прошло... Полгода? А как целая жизнь! Чем занимаешься, Черево?

— Он подает нам советы, — сказал Придон язвительно, — как победить.

Черево не успел возмутиться или сделать вид, что возмущается, у него это не понять, как Вяземайт сказал очень серьезно:

— Принимать советы врагов — ошибка, но выслушивать их надо, чтобы поступить наоборот.

Черево всплеснул руками, все такими же пухлыми и белыми:

— Это я враг? Кому я враг? Я только сам себе враг, а всем остальным я вообще черт-те что!.. Просто мне даже самому кажется, что так можно закончить войну намного проще. Садитесь, садитесь, разрешаю!.. Обсудим спокойно, за кувшинчиком крепкого... гм... настоя какой-нибудь травки. А лучше — на травке... Вы же знаете, что все враждебности, что злейший враг выскажет в лицо, ничто в сравнении с тем, что лучшие друзья говорят о нас за спиной! А я даже не злейший враг. Говорят же, что хороший друг на веселье должен являться по зову, на бедствие друга приходить без зова. Вот я и пришел!..

Вяземайт обронил спокойно:

— Иного выгоднее иметь в числе врагов, чем в числе друзей. Еще говорят, берегись мухи, что сидела на дохлой змее.

Он сел за стол, но все равно получалось, что у Черева преимущество: разговаривает лежа, в то время как верховный

волхв сидит. Аснерд все замечал, усмехался, даже подмигнул украдкой Придону. Черево сказал благожелательно:

— Вяземайт, ты мне не веришь, но согласись, что противник, вскрывающий ваши ошибки, гораздо полезнее, чем друг, скрывающий их?.. Так вот, если я противник, то помогающий вам противник, прямо изо всех сил помогающий, уже надрываюсь прямо, за это вы должны меня любить, лелеять... да где же кувшин такого крепкого вашего винца, которое вы называете настоем травки?.. Что у вас за травки растут...

После отбытия Черева военачальники собрались в шатре Придона. Голоса гудели, как шмели в закупоренной тыкве, воздух стал жарким, хотя Придон велел полог держать открытым. По ту сторону шелковых стен стучали копыта, телохранители злыми голосами останавливали гонцов из дальних земель. Звякало железо.

— Куявы тоже хотят попасть в небесные чертоги, — говорил Вяземайт язвительно, — но боятся умереть. Потому и предлагают обойтись малой кровью!

Они с Аснердом сидели за широким столом, бесполезная карта вся в пятнах, придавлена ножами, двумя тяжелыми кубками, остальные разбились на группки, спорили с ожесточением, только Ральсвик ходил между ними, как муравей между толстыми мухами, выбирая, где слаще.

Придон стоял у входа, время от времени выглядывая наружу. Солнце в зените, далекие белые стены сверкают, как снег на вершинах гор, от них веет прохладой, а синее небо раскалилось до белизны, день жаркий, самое время ввязаться бы в долгое сражение, измотать куявов в их тяжеленных доспехах...

За спиной прокатывался, как далекий добродушный гром, неторопливый рассудительный голос Аснерда:

— Нам понятно, что эти трусы не понимают красоты схватки грудь в грудь, когда звенит сталь и льется горячая кровь... Но куявы хитры, хитры! Никогда бы не предложили такое, если бы не были уверены вот так прямо целиком и полностью, что будет их верх.

Придон молчал, не поворачивался, чтобы не умолкли,

ожидая, когда заговорит он, молодой тцар и вождь всего похода. На карту поставлено слишком многое, страшно промахнуться. Но в то же время артанам брошен вызов, не принять — уже пятно на чести.

В шатер иногда заглядывали Крок и Франк, оруженосцы заносили кувшины с охлажденной жги-травой, настоем горицвета и плакун-травы.

Щецин сказал раздраженно:

— Я вообще не знаю, стоит ли принимать это... ну, отряд на отряд?

Аснерд сразу набычился, пробурчал густым раскатистым басом:

— А что плохого?

— Да все плохо! — взорвался Щецин. — Куявы — не артане. У нас — страна, где лучшие из героев. У куявов таких нет, зато могут нацепить доспехи на просто крепких мужчин и выучить их так, что будут драться сильнее наших! Тихо-тихо, вы сами видели в недавних битвах, когда их отряды в сотню человек сдерживали натиск наших тысяч!..

Военачальники помрачнели. Да, среди куявов героев нет, но противно само напоминание, что их тяжеловооруженная конница сильнее артанской и тяжеловооруженные ратники — сильнее артанских. К счастью, куявы не могут все огромное войско одеть в дорогие доспехи и выучить драться, чтобы двигались как один человек. Остальные куявские войска — хорошо вооруженная толпа, стадо, что легко рассыпается под хищными топорами артанских удальцов.

— Они могут набрать сотню таких, — добавил Щецин мрачно, — что наша сотня не устоит. Не хочется признавать, но это так.

Меклен возразил горячо:

— Хочешь сказать, что деремся хуже?

Щецин поморщился, проигнорировал горячего дурака, сказал, обращаясь к Придону:

— А если сократить сотню до десятка?

Придон буркнул нехотя:

— Можно попытаться.

Он отвернулся, смотрел на далекие белые стены. Меклен спросил задиристо в спину:

— А что это даст?

Придон не ответил, другие тоже проигнорировали, Вязе-майт сказал со своего места:

— Десяток, конечно, набрать легче... Из старых бойцов, что знают цену схватки в строю.

— И которые умеют в строю драться, — сказал Аснерд, а затем добавил неожиданно: — Но таких у нас, скажем честно, нет. У нас всегда в цене герои, а герои, понятно, каждый норовит показать себя, красавца. При героях разве что оруженосец, что заносит хвост на поворотах да снимает золотые кольца с убитых. Если наших загнать в строй, все равно каждый полезет вперед, чтобы покрасоваться, он храбрый, смотрите на меня, девки!.. Ну пусть не девки, а Меклен!

Меклен сказал обиженно:

— При чем здесь Меклен? При чем Меклен? Почему как где что, так всегда Меклен?

Аснерд отмахнулся:

— Да это я так, к примеру. Ты очень такой, примерный, понял? По тебе примерять хорошо. Я говорю о дурнях, что любят покрасоваться, все равно — тьфу!

Меклен сказал еще обиженнее:

— Почему плюешься? Скажите ему, пусть не плюется.

Вяземайт сказал строго:

— Аснерд, не плюйся. Это же и есть артанскость, насчет покрасоваться мужеством, а ты так непочтительно...

Аснерд огрызнулся:

— Для схватки отряд на отряд нужна больше куявскость. Так что, соглашаемся?

Придон оглядел всех исподлобья. Здесь сильнейшие, но кого бы он ни взял, не меньше половины погибнет. А их и так становится все меньше и меньше, верных и преданных, сильных и красивых, отважных и веселых...

— Нет, — отрезал он. Оглядел снова, прорычал: — Почему должны принимать условия куявов?

— Они предложили сто на сто, — напомнил Вяземайт. — Это уже мы прикидываем...

— А если так и задумали? — возразил Придон. — Что поторгуемся и сойдемся на десяти? Этот торговый народ заранее все просчитывает!.. Мы что, окуявливаемся? Начинаем жить по их законам? Да лучше с утеса вниз головой! Нет, мы отвергаем их хитрости!.. Если хотят поединка, то мы изволим выставить своего бойца.

Аснерд сказал мечтательно:

— Двобой... это хорошо.

— Да, — сказал Меклен торопливо, — стать на герць — это по-артански! Я надеюсь, выставите меня? Я лучший в схватке на длинных мечах, один из лучших в кулачном бою...

На него даже не посмотрели, Меклен покрылся пятнами от злости. Военачальники осторожно поглядывали друг на друга, Аснерд хитро улыбался. Он хорошо знал, кто во всем войске сильнейший.

...Всадник остановился перед воткнутым в землю копьем с красной тряпицей, он чувствовал на себе сотни, если не тысячи, пар глаз, устремленных как из воинского стана, так и со стен Куябы, неспешно поднес к губам боевой рог, Придон невольно подумал, что Аснерд прав: артанам только дай покрасоваться с оружием на лихих конях.

Чистый пронзительный звук прорезал воздух, на миг остановились облака, перестала колыхаться трава под стенами города, застыли птицы в небе.

— Артане принимают вызов! — прокричал Меклен, это он отобрал рог у глашатая и красиво гарцевал на краю смерти, бесстрашно заезжая за опасную черту. — Но бой будет по артанским правилам!.. Без пощады, насмерть и... один на один! Если у вас отыщутся герои, пусть выходят.

Он еще раз протрубил, перебросил рог за спину, конь красиво поднялся на дыбы, огромный и прекрасный зверь, помолотил копытами воздух, на задних ногах попятился, развернулся и, опустившись на все четыре, красиво понесся к артанскому стану.

Ворота распахнулись, под звуки труб и грохот бубнов вышел воин огромного роста, похожий на литую статую из железа. Придону почудилось, что земля вздрагивает под его тя-

желой поступью. По спине пробежал холодок страха, мышцы дрогнули, каким-то образом ощутив, что противник сильнее, крупнее.

Воин остановился, широкая ладонь слегка ударила по бедру, где висел куявский меч, послышался звон железа. Сам воин выпрямился, надменный и гордый, голос прогремел, как раскаты близкого грома:

— Я, Дунай, сын Султана Каменный Кулак, воин из рода Фаона, прибыл, чтобы защитить честь города. Я вручаю себя не в руки богов Куявии, а в руки всевидящего Рода, общего бога всех богов, людей и тварей, дабы он отдал победу тому, кто прав!.. А правда сейчас на стороне Куявии. Так кто же осмелится выступить против воли самого Рода?

Военачальники помалкивали, ибо те убийства и разорение, что они принесли в Куявию, могут рассердить Рода, если уже не рассердили. Род п о р о д и л мир, дабы тот цвел, а они прошлись по нему с огнем и мечом, оставляя за собой пепелища...

Придон стиснул зубы, череп сверлила мысль, что куявы все-таки провели, добились своего, именно этого и добивались. Один на один, слишком быстро вышел этот Дунай, уже стоял, облаченный в доспехи, готовый к смертельному бою. Именно на условиях, которые предложили артане, полагая, что предложили их именно они.

Военачальники расступились, Придон пустил коня вперед, остановился за несколько шагов. Дунай, даже пеший, почти вровень с ним, конным.

— Дунай, — сказал Придон негромко, но так, чтобы Дунай услышал. — Дунай... ты будешь драться?

Из-под шлема голос прозвучал глухо, сдавленно, но звучали в нем спокойствие и сила:

— А что тебя удивляет?

— Мы слышали, как с тобой поступил Тулей. Это... просто подло! Ты даже не можешь назвать себя бером, у тебя отняли все: земли, богатства, людей, честь, имя... И после всего этого ты будешь драться?

Глаза в прорези блеснули багровыми огоньками. Голос из-

под железа прогудел густой, суровый, словно Дунай всю жизнь служил на кордоне, а не протирал задницу при дворце:

— Не понимаешь, артанин... Я буду драться не за Тулея. Даже не за Куявию... она свое слово еще скажет. Я буду драться потому...

Он запнулся. Придон медленно наклонил голову.

— Я понимаю тебя, Дунай. Можешь не искать слова, я понимаю. Объяснить не могу, но понимаю. Мы приняли вызов. Сейчас наши назовут бойца, что будет сражаться с тобой за город Куябу.

Сзади послышался конский топот, с Придоном поравнялся, резко осадив коня, рослый воин. Он заговорил хриплым от бешенства голосом:

— Род на стороне артан, и я докажу это своим топором!.. Принимаю вызов, готов драться пешим или конным, со щитом или без, с оружием или голыми руками!

Быстро подъехали Аснерд и Вяземайт, один ухватил железной дланью повод его коня, другой самого Меклена за плечо, тот скривился от боли, и, как щепочку, с легкостью доставили обратно к группе военачальников.

Дунай покачал головой:

— Это правильно. Мне он на один зуб.

— Ты получишь настоящего противника, — пообещал Придон. — Того самого, что уже сразил тебя и связал руки. Дунай, это твой последний бой.

Дунай похлопал себя по ножнам, откуда торчала рукоять исполинского меча.

— Наши маги говорят, ты пришел за гибелью. Они ясно прочли по звездам, Придон!

— Все умрем, — ответил Придон коротко. — Но ты — сегодня.

Лицо Дуная оставалось под железной маской, только в глазах блеснула непонятная радость, однако он заговорил осторожным, словно бы извиняющимся и не своим голосом:

— Куявы не звери, они не дерутся голыми руками. Правда, выбор оружия за тобой...

Придон сделал отметающий жест.

— Выбирай любое. Я выйду со своим топором.

Дунай смерил его с головы до ног оценивающим взглядом. Придон силен, нет спора, но в артанском войске наверняка есть и другие богатыри, посильнее. Повезло, что военачальник артан настолько горяч и... глуп. И настолько предсказуем, что Барвник и Щажард без труда придумали, что говорить и как держаться, чтобы вынудить принять бой именно Придона.

— Прекрасно, — сказал он торопливо, пока никто не успел вмешаться. — Мой меч при мне. Я... готов.

Придон начал было слезать с коня, раз уж куяв вышел пешим, но подъехал Вяземайт, ухватил за плечо, остановил, сказал, глядя прямо в глаза Дуная:

— Не сейчас! Сперва надо поговорить с богами, получить их прощение. Да будут дела того, кто уйдет на небеса, здесь закончены к тому дню.

Дунай насторожился.

— Это долго?

Вяземайт указал на кровавый закат.

— Солнце уже садится, какой бой при звездах? А рано утром и проведем бой.

— Место?

Придон перебил уже раскрывшего рот верховного волхва:

— Прямо перед городскими воротами Куябы. Если кто захочет посмотреть ближе, пусть выйдет — артане не тронут. А кто трусливее, могут смотреть со стен.

Дунай вздохнул с облегчением. Он посмотрел на Придона почти с благодарностью.

ГЛАВА 5

Военачальников трясло, когда вспоминали про всевидящее око Рода. Если Род будет судить эту схватку, то возьмет сторону куява, ибо артане опустошили страну, залили кровью и оставили за собой пожарища, пепел и горы трупов.

Да и каждый артанин знал не только своих героев, но и самых известных богатырей других стран, так что имя Дуная было известно всем. Правда, особыми подвигами именно на поле боя он не отличился, но находились свидетели, видев-

шие, как он брал на плечи коня со всадником в полном облачении и бегал по двору, прыгая через накрытые столы и лавки, полные пирующих гостей. Он завязывал узлом железные столбы, а Вяземайт рассказал, что был свидетелем схватки Дуная с десятком вооруженных беричей, что не уступили ему дорогу. Он разбросал их голыми руками, а когда они схватились за мечи, попросту расшвырял их, как котят. Последнего, посмевшего ударить его по лицу, ударил о стену с такой силой, что на землю упала кровавая лепешка, а на стене осталось кровавое пятно вперемешку с мозгами. И ко всему еще, непрестанно упражняясь, он владел всеми видами оружия, как никто во всей Куявии.

Аснерд хмурился, жалел, что не он принял вызов, слишком уж быстр Придон на решения, так нельзя мудрому вождю. Уж он-то, знающий все трюки куявов, сумел бы выстоять и дать отпор...

Придон выслушал, они до полуночи сидели в его шатре, ужинали, пили освежающий сок, покачал головой.

— Нет, Аснерд, здесь что-то не то.

— Колдовство?

— Возможно, — сказал Придон задумчиво. — Но возможно, и нет.

— Ты о чем?

Придон наморщил лоб, взгляд стал отсутствующим. Не глядя, нащупал кувшин, темная струя тугой дугой устремилась в кубок, с тем же отсутствующим видом осушил и, лишь когда в кулаке затрещало, опомнился, разжал ладонь. На столешницу упал, жалобно звякнув, смятый кубок.

— Дунай стал другим, — сказал он медленно. — Я это ощутил, хоть и не знаю как. В нем силы намного больше, чем было. Но это другая сила... Не та, прежняя, ярая, когда звон железа, кровь и треск костей, а как будто совсем другая. Будто взрослая, а мы, значит, не взрослые, понимаешь?.. да ладно, я сам не понимаю. Но тебе не выстоять, Аснерд.

Аснерд хмыкнул:

— А тебе? Я ж тебя одной рукой в бараний рог согну!

— Аснерд, я против силы Дуная выставлю свою силу. Тоже... другую.

...Ночью удальцы не спали от нетерпения, ходили к воротам и осматривали площадку. Едва забрезжил рассвет, два десятка самых горячих уже убирали перед воротами камешки, даже самые мелкие уносили и зашвыривали подальше. Утаптывать не пришлось, здесь дорога широкая, вытоптанная до твердости камня. С ворот хмуро наблюдала стража, кто-то начал отпускать ехидные замечания, но потом послышался шум, вскрик, плаксивый голос загнусил, что это же артане, за что его так, приоткрылась калитка, вышел кряжистый воин в легких доспехах.

Вместе с артанами он принялся осматривать площадку, чистить, вскоре его можно было отличить только по доспеху. Глядя на него, еще двое со стены осмелились выйти и, сгорая от ужаса и предвкушения хвастовства перед знакомыми, тоже осматривали место, подбирали камешки и отбрасывали как можно дальше.

Места очистили столько, словно в самом деле сойдутся в схватке сто на сто человек. Артане и трое куявов уже деловито обсуждали все виды двобоя, когда при сшибке на конях чаще всего бойцы отделываются сильными ушибами при падении с коня, на том схватке и конец, ибо поединщик еще пару суток не встает с постели, а вот пешие дерутся обычно насмерть. Если же двобойцы сойдутся не на булавах, палицах или шестоперах, а как вот сейчас артанин наверняка выйдет со своим страшным топором, а куяв — с рубящим мечом, то один умрет еще здесь, на месте схватки.

Солнце поднялось из-за далеких гор, артанский лагерь едва ли не целиком передвинулся к воротам, на высоких белых стенах стало черно от куявских одежд. И хотя все одеты по-куявски ярко и пышно, но в сравнении с чистым синим небом и белой стеной их одежды показались артанам траурными, и они заговорили обрадованно, что это хороший знак, Род показывает, кому придется проливать слезы и погрузиться в печаль.

Воздух был чист и резок, ветерок пронесся высоко, исчез, в синем небе пролетела стая галок, сделала круг, снизилась и еще раз пролетела над головами, рассматривая необычное скопление народа. Старые опытные воины снова радостно

заговорили, узрев добрый знак со стороны вещих птиц. Громко и торжественно пропела боевая труба, тут же застучал большой воинский бубен.

Придон вышел из лагеря, артане ударили в щиты, а на стене разочарованно засвистели. Калитка в воротах приоткрылась, Дунай вышел боком, пригибаясь, едва-едва протиснулся, хотя через эту калитку мог бы проехать всадник на коне. Дверь за ним тут же захлопнулась, слышно было, как с металлическим лязгом вошли в петли засовы.

Дунай показался еще огромнее и страшнее, чем вчера.

Придон не смотрел на Дуная, глаза жадно шарили взглядом по стене. Среди горожан немало женщин, то ли сами протиснулись, то ли их трусливо выставили вперед, в надежде, что в женщин стрелять не станут, много совсем молоденьких, могла бы и его Итания явиться, посмотреть, ведь ради нее этот бой, ради нее он сам принял вызов, в надежде увидеть ее еще раз хотя бы вот так, издали, на стене среди врагов...

Когда он вошел в круг, вздох пронесся по толпе на стене и воротах. Солнце играло на голых плечах артанина, блестящих, округлых, черные как смоль волосы падают на плечи, на лбу перехвачены стальным обручем с красным камнем над переносицей.

По артанскому обычаю он вышел обнаженным до пояса. Широкий кожаный пояс стягивал тонкую талию, почти девичью, тугие валики мускулов казались вырезанными из темного дерева. Кожаные штаны плотно облегали мускулистые ноги, сапоги тоже простые, без металла и даже без шпор. В правой руке он держал артанский топор, на локте левой руки — круглый металлический щит. Он казался слишком молодым для схватки с таким железным чудовищем, на стене затихли выкрики.

Дунай сделал три шага навстречу, он был в стальных доспехах с головы до ног. На локте левой руки висел длинный треугольный щит размером с дверь, а широкий меч почти в две трети человеческого роста. Когда Дунай отсалютовал издали Придону, все устрашились, видя, с какой легкостью он взмахивает мечом, который не поднять троим мужчинам. Придон отметил, с какой легкостью двигает им куяв, как будто

это прутик, а ведь на нем столько железа, что все равно будет сковывать движения. На Дунае блестит полный шлем, сквозь прорезь смотрят синие глаза, на гребне длинные перья жар-птицы, панцирь из толстого стального листа, на груди золотом картинки, из-под панциря, что заканчивается на уровне пояса, опускается кольчуга, почти до колен, ноги закрыты стальными щитками, даже сапоги собраны из металла, не человек, а металлическая статуя.

Аснерд вскинул руку, все затихли. Он прокричал таким грохочущим голосом, что услышали и далеко за стенами Куявы, услышали даже во дворце и в домах стольного града:

— С благословения богов и под оком всевидящего Рода начинается двобой за город Куябу!.. Со стороны Куявии — доблестный Дунай, владетельный муж, его знают и чтут по всей Артании. Со стороны Артании — Придон, о нем в Куявии... тоже слыхали. Приготовились... начали!

Он подал коня назад, зрители замерли на стенах и на земле, однако ни Придон, ни Дунай не бросились один на другого, как все почему-то ожидали, они вообще не двигались, только Придон чуть пригнулся вперед, перенес вес на правую ногу, чуть-чуть приподнял щит, а топор отвел назад. Дунай даже не шелохнулся, синие глаза сузились, видно даже в щель шлема, всматривается, оценивает, выискивает слабые места. Вообще-то артанин весь — слабое место, куда ни ударь — рассечешь пополам, но попасть непросто, без доспехов любой двигается быстрее, зато эта страшная секира в руке артанина выглядит ужасающе. Непонятно, выдержат ли ее удары доспехи, пусть даже скованные в подземных мастерских дивными гномами...

Наконец Дунай сделал пробный выпад, Придон легко мог бы увернуться, но принял на щит удар, оценил крепость руки куява, сам замахнулся топором, не удивился, что Дунай не стал уклоняться, а подставил щит. Тоже хочет проверить силу противника, что естественно, все почти открыто, а если кто и прячет за спиной тайные приемы, то будет хранить до решающей минуты...

Зрители у ворот и на стене не могли определить, кто же сильнее, гром от тяжелых ударов оглушал одинаково, земля

вздрагивала, а когда над головами осмелилась пролететь стая ворон, половина попадала, оглушенная. Дунай двигался легко, меч сверкал длинной блистающей полосой, щит держал небрежно, но, когда стремительно опускался топор артанина, лезвие всякий раз наталкивалось на металл щита. Дунай умело поворачивал так, что топор артанина соскальзывал, тут бы провалиться следом, но артанин лишь расставлял ноги шире, фехтовал топором с такой легкостью, словно длинным лезвием кинжала, глаза его не отрывались от могучей фигуры Дуная.

Зрители постепенно сдвигались, завороженные схваткой, Аснерд выделил десяток крепких воинов, те древками копий отодвигали народ за черту. На стене вскрикивали, охали при каждом сильном ударе, потом вскрики становились все реже, пока не умолкли. Бой шел тяжкий, трудный, жестокий, уже никто не надеялся одним ударом завершить схватку.

Если бы Дунай выбрал боевой топор или булаву, бой уже бы кончился его поражением, но мечом он красиво и быстро фехтовал, рубил, колол и даже отражал удары, перед Придоном порой сверкала целая стена из стали, как будто у Дуная становилось десять рук с десятью мечами. Придон подставлял щит, парировал секирой, даже рукоятью из закаленной стали, длина ее больше руки взрослого мужчины, отступал под градом ударов, но, едва Дунай решался передохнуть, тут же секира сверкала в воздухе, и не всегда удавалось принять удар на щит.

Еще от первого же удара топором занемело плечо, и, хотя доспехи выдержали, Дунай со страхом ощутил, что прочный металл прогнулся. Что за топор, мелькнула устрашенная мысль. Доспехи ковали гномы, а кто выковал страшное оружие артанина, что разбивает такие доспехи?

Придон всматривался в прорезь шлема Дуная, глаза куява вроде бы чуть потемнели, даже дыхание стало хриплым, но не чувствуется, что устал, а солнце уже поднялось к зениту, жарко печет обнаженные плечи и спину. Дунай умело отступал, но, едва Придон устремлялся следом, красиво и очень быстро оказывался перед ним, где топор на длинной рукояти сразу теряет преимущество. Придон с силой бил щитом, Дунай от-

шатывался, у артанина просто нечеловеческая сила, и снова на солнце холодно и смертоносно сверкали лезвия топора и меча.

Уже все молчали, артане устрашенно посматривали на металлическую статую, что двигалась быстро, ловко, и хотя дыхание стало хриплым и надсадным, но других признаков усталости не видно. Щит Придона уже в глубоких зарубках, словно он из дерева, а не прочнейшей стали, но и доспехи Дуная носят следы ударов: погнутости, на груди вмятина, плечи излохмачены, в одном месте металл лопнул, но крови нет, зато холодно блестит, как рыбья чешуя, кольчуга.

Усталость все же начала сказываться в движениях Дуная, тяжеловооруженные воины не сражаются так долго, они обеспечивают главный удар, раскалывающий ряды врага, обращают его в бегство, а в погоню пускаются легковооруженные всадники и ратники, догоняют и убивают бегущих в спину. Сейчас же он дерется уже полдня, он один на всю Куявию, кто может выстоять на ногах так долго, и если не закончит схватку умелым ударом сейчас, то страшно подумать...

Он начал дышать чаще, отступил, еще отступил, сделал вид, что пошатывается от усталости. Притворяться не приходилось, тело в самом дело гудит, как дуплистое дерево, полное пчел, а руки дрожат. Даже его всегда цепкие пальцы едва удерживают рукоять меча.

Придон тут же усилил натиск, из толпы ободряюще крикнули. Придон нанес два быстрых удара, отразил меч щитом и ударил в третий раз. Шлем треснул, по шее потекла красная струйка. Дунай пошатнулся, Придон отступил на шаг, опустил топор.

Дунай, шатаясь, сделал шаг вперед. Колени начали подгибаться. Все затаили дыхание, гигант сейчас грохнется так, что задрожит земля, Дунай сделал еще шаг, его раскачивало, Придон отступил еще, и тут Дунай словно превратился в смерч. Меч засверкал, грохот железа, стук, звон, тяжелое дыхание, щит Придона разлетелся на куски, плечо окрасилось кровью, и вдруг Дунай вздрогнул и застыл.

Не все успели заметить страшную рану в боку, ибо тут же снова молниеносно сверкнул топор. Звон железа и глухой

стук разрубаемых костей, в воздух взлетело крупное, металлическое. По воздуху разлетелись красные струи. Безголовое тело еще стояло, а голова с силой ударилась о ворота, там осталось кровавое пятно, голова грохнулась на землю, ремешок лопнул, шлем с металлическим звоном скатился. Голова смотрела выпученными глазами.

Тело рухнуло, не сгибая колен. Земля дрогнула от тяжелого удара. Артане с изумлением смотрели на великана, распростертый, в изрубленных доспехах, он был грозен и страшен. Кровь хлестала из обрубка шеи, голова от удара в ворота откатилась обратно к телу и сейчас лежала на расстоянии руки от шеи.

Придон опустил руки. С левого локтя соскользнули обломки щита, из пальцев правой выползла и устремилась к земле, как скользкая змея, рукоять топора.

Аснерд подбежал первым, заорал счастливо:

— Придон! Слава Придону!.. Слава самому великому воину на всем белом свете!

Со всех сторон раздались ликующие крики. Придон смотрел на обезглавленное тело остановившимися глазами. Лицо окаменело, Аснерд тряхнул его за плечо.

— Ты победил!

— Да, — ответил Придон хриплым голосом, — да... Победил?.. Точно победил?

— Да взгляни, ты же его располосовал, как хозяйка разделывает рыбу!

Придон прошептал:

— Но почему он дал себя убить?.. Аснерд, у него в самом деле была возможность нанести мне смертельный удар! Почему... почему он не воспользовался?

...Из города вышли, громыхая железом, мрачные воины. Обезглавленное тело положили на носилки; голову поместили так, что Дунай выглядел заснувшим, если не считать страшной косой раны на шее.

Распоряжался носильщиками Рипей, старый знакомый. Аснерд поприветствовал дружески, после победы Придона готов был обниматься со всеми куявами, война окончена,

столица взята, но Рипей скривился, сделал вид, что не заметил.

Аснерд сказал нетерпеливо:

— Рипей, не вороти рыло. Скажи там, пусть откроют ворота пошире. Мы уже имеем право заходить в город!

Рипей проворчал:

— Сперва должны показать Дуная. Тулей и его люди удостоверятся в его гибели, тогда скажут слово. А я всего лишь старшина дворцовых лучников.

— Так чего ты здесь?

— Дунай был моим другом, — ответил Рипей коротко.

Аснерд кивнул:

— Друзей надо чтить. Думаю, другие просто струсили выйти к нам. Неси и скажи... что мне жаль. Он был великим воином.

Двенадцать носильщиков взялись за толстые рукояти, закряхтели, плотная ткань, проложенная толстыми веревками, натянулась, заскрипела. Все двенадцать медленно пошли к воротам, сгибаясь под непомерной тяжестью, будто несли гору.

Рипей шел сзади, словно прикрывал их своим телом, но у ворот опередил, вошел первым. Аснерд отвернулся, встретился взглядом с Вяземайтом. Тот с Щецином смотрел вслед уходящему телу Дуная.

— Вот и закончилась война, — сказал он просто. — Кто бы поверил?

Щецин широко улыбнулся:

— Надеюсь, Придон уже подумал, что будем делать с городом? Не учинять разгромов, не убивать и не грабить, но кого-то повесить для острастки надо бы, верно? Иначе эти трусливые души нас уважать не станут. Они понимают только силу. Ку-явы...

Придон не слышал ликующих криков, Вяземайт врачевал его раны. Дважды заглядывал в шатер Аснерд, велел подготовить белого коня, в покоренный город принято на белом, это олицетворяет чистые намерения победителя, никаких черных замыслов, заодно заменили и цветную попону, по ту сторону тонкой шелковой стенки громко спорили, кто за кем поедет по улицам прекрасной Куябы.

Аснерд заглянул снова, брови сдвинулись у переносицы, сказал раздраженно:

— Что они тянут?.. Не ожил же Дунай!..

Придон лежал, сам распластанный, как рыба, Вяземайт прикладывал к ранам жгучее снадобье, пекло, будто прижигал огнем, Придон старался не шевельнуть даже бровью, не по-мужски чувствовать боль, руки, грудь и плечо плотно замотаны чистыми тряпицами, сквозь которые уже перестали проступать красные пятна.

— А вдруг у них чародеи и не такое могут?

Аснерд зло оскалил зубы.

— Чародеи могут многое, но воскрешать мертвых — запрещено, даже я знаю. Верно, Вяземайт?

Вяземайт молча накладывал жижу из перемолотых листьев на рану слева на голове, Придон стиснул зубы, побелел, боль жгучая, а когда выдохнул и заметно расслабил мышцы, Вяземайт буркнул:

— Верно-верно. В самом деле прошло уже многовато времени. Ты пошли кого-нибудь к воротам. Пусть покричат. Что у них там случилось?

Аснерд исчез. Придон повел плечами, поморщился. Больше дает знать о себе та рана, что не заживает, чем эти царапины. Тело уже медленно оживает, а вместе с заживающими ранами выпаривается усталость, от кончиков пальцев до пят наливается силой. Прекрасный лекарь Вяземайт, трудно поверить, что чистое лекарьство, без магии.

Он тряхнул головой, сел, прислушался к себе, поднялся, снова повел плечами. Вяземайт смотрел на него с удовольствием.

— Ты красив, Придон, — сказал он. — В самом деле... Ни одна женщина не отведет от тебя глаз. С каждым днем становишься все... значительнее, что ли? Когда въедешь в город, то...

По ту сторону тонкой ткани послышался конский топот, крики, звон оружия. Придон насторожился, полог вскоре распахнулся, ввалился Меклен, его с одной стороны поддерживал взбешенный Аснерд, с другой — Волог, тысячник. Лицо и грудь Меклена были залиты кровью.

— Придон! — вскричал Аснерд страшным голосом. — Эти сволочи... Эти сволочи...

— Что? — крикнул Придон. — Что сказали?

— Они... отказываются. Вот он был у самых ворот и говорил с их главным. Похоже, с самим Щажардом.

Придон ощутил, как будто тараном получил в солнечное сплетение. В глазах потемнело, он услышал тонкий комариный звон, это истончились голоса Аснерда и Вяземайта, потом из тьмы выплыли искаженные яростью лица.

Жаркая кровь бросилась в лицо, он спросил страшным хриплым голосом:

— Что?.. Как они это сказали?

Меклен повторил виноватым голосом:

— Что не откроют ворота. Что поединок был неправильным. Что артанские колдуны ослабили непобедимого Дуная. Что Дунай легко бы победил, если бы не артанские хитрости. И...

Он умолк. Придон вскрикнул в бешенстве:

— Что? Что еще?

Меклен сказал тихо:

— Мне показалось, что они... не очень уж огорчены смертью их героя. Как будто сами принесли его в жертву.

Аснерд крякнул, шумно поскреб в затылке.

— Опять, опять эти непонятные куявские хитрости!

В мертвом молчании глухо рыкнул Вяземайт. Завозился и засопел Волог, но, когда все уставились на него, обычно говорливый Волог смолчал и уронил взгляд в застланный шкурами пол.

Полог откинулся, один за другим заходили военачальники. Лица встревоженные, кто-то уже знал, видели, как вели под руки раненого Меклена. Никто не проронил ни слова, даже не сел за стол, ведь пришли незвано, встали у стенки, переводили вопрошающие взоры с Придона на Вяземайта, на Аснерда и обратно на Придона.

Вяземайт заговорил медленно, лицо неподвижное, даже глаза потускнели:

— Давайте решать, что делать дальше.

Придон вскипел.

— Что делать? Нас разозлили!.. Теперь мы еще больше...

Вяземайт вскинул ладонь, и Придон послушно умолк.

— Я первым высказался за начало войны с Куявией, — напомнил Вяземайт. — Никто о ней еще не думал, а я уже раскачивал лодку. И как тебя подталкивал, помнишь? Теперь же я могу сказать... с чистой совестью и гордостью!.. сказать, честно глядя вам в глаза... что мы уже можем закончить поход! Да, закончить. Мы выполнили все, чего добивались. Даже больше, больше! Вспомните, мы затевали просто большой набег. Большой, с захватом двух-трех городов и многих сел. Вместо этого разгромили три главные куявские армии и захватили половину их страны! Наш поход потряс все страны. О нем будут слагать песни, старики будут рассказывать молодым с гордостью!

Аснерд нахмурился.

— И что ты предлагаешь?

— Взглянуть на стены Куябы, — ответил Вяземайт, — трезво. Мы разобьемся о них, как волны разбиваются о скалистый берег. А до этого нам всюду сопутствовала удача. Что я предлагаю? Просто взять с Тулея богатый выкуп. Огромный!.. Мы ведь за добычей шли, не так ли?

Военачальники переглядывались, помалкивали, наконец Волог заговорил с соседом, и тогда заговорили все, на Придона никто не смотрел. Придон молчал, стиснув зубы так, что трещали кости черепа.

Аснерд после долгого молчания спросил медленно:

— Вяземайт... а ты сам что думаешь?

Вяземайт сказал сварливо:

— При чем тут я?

— Нет, ты скажи!

— Я говорю о необходимости, — ответил Вяземайт раздраженно. — Была необходимость в этом походе, была! Знаешь, что была. А сейчас мы все выполнили.

Аснерд спросил медленно:

— Все ли?

— Если смотреть...

— Нет, — прервал Аснерд, — давай без этих: с одной стороны, с другой... Все ли мы выполнили?

Вяземайт развел руками:

— Смотря как смотреть. Если с точки зрения войска...

— Нет, — обрубил Аснерд, — войско скажет само. А что скажешь ты?

— Что скажу я, — буркнул Вяземайт. — Я — волхв, забыл? Мы всегда дар богов ставим выше, чем такие дары земли, как золото, серебро, алмазы... Потому я за то, чтобы поход продолжать до тех пор, пока не добудем Итанию. Ведь добывает ее не Придон, добывает ее Артания!.. Но если с точки зрения войска...

Аснерд грохнул кулаком по столу.

— Заткнись! — рявкнул он. — Я сказал, войско свое слово еще скажет. Да ты и сам сказал за войско.

— Когда?

— Ты сказал, что Итанию добывает не Придон, а вся Артания. А наша Артания — вся войско!.. И не за золотом мы шли, Вяземайт, сам знаешь.

Вяземайт неожиданно усмехнулся:

— Знаю.

Аснерд опешил, спросил тупо после паузы:

— Так какого же Ящера?

— Должен же я убедиться, — ответил Вяземайт с кривой усмешкой. — Состояние духа — это моя забота.

Аснерд выругался. Военачальники задвигались, зашумели. Придон медленно выпустил воздух сквозь зубы. В голову толчками била кипящая кровь, тело разогрелось.

— В какой-то мере, — сказал он как можно рассудительнее, хотя кровь кипела, а сердце гнало ее толчками в мозг, — в какой-то мере Вяземайт прав... Мы сделали небывалое! Захватили половину Куявии. Нас ни разу даже не потрепали... как следует. Двадцать сражений, и везде — победы. Остальные города ложились под наше войско, как куявская портовая шлюха, завидя подплывающего моряка. Но Куяба — другое дело. Помимо этих стен, что ужасают своим видом, здесь полно колдунов. В самой Куябе! А эти башни, что защищают столицу?.. Давайте, говорите откровенно. Начинаем большой военный совет. Мы должны взять Куябу! И поступить с нею так, как заслуживает.

ГЛАВА 6

Втроем выехали на вершину небольшого холма, сопровождающий отряд охраны остался у подножия. С вершины открылся вид на окрестности, на плоской равнине все как на ладони, только стены Куябы задраны к небу настолько, что стена все-таки закрывает город от чужих глаз. Впрочем, крыши роскошных дворцов да шпили храмов высовываются выше стены, нагло блещут золотом, колют глаза богатством, дразнят, злят, заставляют сердце стучать чаще.

С той стороны города грозно упирается в небо мрачная, как ночь, черная башня. Придон не мог определить на глаз, что за камень, рядом сердито сопел Аснерд, Вяземайт шумно почесал в затылке, раздвигая серебро длинных волос, сейчас можно, рядом свои, сказал со злостью:

— Одно не могу понять... Почему здесь?

Конь под Аснердом переступил с ноги на ногу, Аснерд качнулся, прогудел раздраженно:

— А что не так?

— Все остальные башни, а их с десяток, далеко в горах!.. А эти две — единственные, что выползли так далеко на равнину.

— Может, в них что-то особенное?

— Как знать, как знать...

Аснерд прорычал:

— Узнаем. По-артански, на своих шкурах.

Придон смотрел на черные силуэты и медленно наливался тяжелой черной злобой, будто непроизвольно впускал в себя озеро растопленной смолы. Эти две башни закрывают дорогу к Итании, а значит, и к жизни вообще.

Аснерд пробормотал:

— Будь это в горах, я еще как-то мог бы попробовать... ну, с горными великанами. Все-таки родня. Но здесь, гм...

— В любом случае лучше договариваться с гномами, — ответил Вяземайт. — Кто знает, как?

Аснерд пожал плечами:

— С артанскими — я могу. А с этими кто знает...

Вяземайт горько рассмеялся:

— Думаешь, гномы различают артан и куявов?

Придон сказал твердо:

— Аснерд будет думать, как взять башни, а пока мастера пусть готовят катапульты. Будем бросать через стену камни, бочки с горящей смолой...

— Дохлых коров, — подсказал Вяземайт.

Придон поморщился:

— Вряд ли мы задержимся под стенами Куябы настолько, чтобы дождаться болезней по ту сторону стен. Давайте думать, как взять город быстро. Объявить награду в десять бочек золотом тому, кто сумеет открыть врата или как-то провести артан в город!

Вяземайт крякнул, сказал с уважением:

— А ты мудр, хоть и... эта, силен. Куявы — продажные души. Что там бочки с золотом, они за одну монету мать и отца продадут! А за бочки с золотом — нет такой подлости, чтобы они не совершили! Надо только постараться, чтобы все в городе узнали.

— Как только подойдем к самым стенам, — предостерег Аснерд, — подойдем и к башням. Я велел воткнуть копье с флажком чуть дальше, а то Вяземайт совсем уж страхополох, перестарался. Видите где? За него точно нельзя переступать, колдун с башни уже достанет... Не знаю, в лед ли героев, обрушит ли огонь с неба, или же заставит землю разверзнуться, но там от нас не останется даже костей...

Вяземайт сказал задумчиво:

— Нет, землю не разверзнет.

— Почему?

— Даже колдуны не могут сделанное сделать несделанным. Если разверзнут землю, она так и останется, а тогда в город не попадут этой дорогой купцы. Нет, колдуны этого не...

Аснерд раздраженно отмахнулся.

— Да какая разница, что будет потом с куявами! Мне важно, чтобы мы уцелели и взяли город. Одно могу сказать, в чем-то хорошо, что башни не на скалах. Туда еще забираться надо, а так навалимся лавой. Колдун не может все время ме-

тать огни, он должен, как говорится, доставать из колчана новую стрелу, а за это время...

— Что?

Аснерд огрызнулся:

— Да просто ворвемся в башню!

— Говорят, колдуны сразу замуровывают себя в башнях. Как раз для таких случаев.

— Тогда просто разнесем эти камни, — сказал Аснерд сурово. — Да, многие из нас уйдут в небесный чертог. Но черные колдуны будут стерты с лица земли! А их черная кровь будет и на лезвии топоров тех, кто погибнет на пути к башням.

Вяземайт отсутствовал всю ночь, утром явился в шатер угрюмый, с измученным лицом. Долго и жадно пил, вздыхал, дважды поглядывал на свободное ложе, но остался за столом, откинувшись на спинку и опустив набрякшие веки.

Придон лежал на груде шкур такой же осунувшийся, измученный бессонницей. В черепе за ночь начали складываться слова новой песни, но сам чувствовал, что песня останется незаконченной. Вяземайт допил остатки настоя из плакун-травы, Придон вяло повел в его сторону глазами, когда волхв в сильнейшем раздражении со стуком опустил чашу на столешницу.

— Проклятые куявы!.. Иногда мне кажется, что они все рассчитали заранее!.. Одно не могу понять, как можно продумать так далеко?

Придон спросил вяло:

— Ты о чем?

— Я всю ночь вопрошал богов, но их ответ поверг меня в печаль и тоску. Оказывается, ты сам защитил Куявию, как никто другой! Ты принес и оставил там меч Хорса, а ведь стены города, где хранится этот меч, становятся для врагов несокрушимыми!

Придон угрюмо промолчал. После поединка ушла сила, он лежал, как вынутая из раковины устрица на берегу, солнце сжигало его плоть, нет сил сдвинуться, уползти от гибели. Перед глазами всю ночь странная гибель Дуная, в ушах зву-

чал внезапный отказ куявов сдать город, из-за чего боль от ран и ушибов проснулась и продолжает терзать, несмотря на то что Вяземайт затянул его раны полностью, одни вздутые багровые шрамы, что вскоре осядут, превратятся в белые отметинки на коже.

— У Куябы и без того несокрушимые стены, — наконец проговорил он вяло. — Их никаким тараном... Нет таких лестниц, чтобы хватило до верха стены... Если же связать по три лестницы, обломятся под своим весом, как сухие соломины.

Вяземайт возразил угрюмо:

— Я не знаю, как одолеем стены... но что построили руки людские, то они же и разрушат. А вот меч... он не даст рушить стены! Не знаю как, но не даст. Весь город под его защитой.

Полог откинулся, вдвинулась массивная ходячая скала, проворчала что-то невразумительное, похожее на громыхание в отдаленных тучах. Если и была для воеводы ночь бессонной, то на нем не сказалась: суров, подвижен, несмотря на пугающие размеры, маленькие умные глазки смотрят остро, пронизывающе.

Не присаживаясь, налил себе плакун-травы, с удовольствием сделал пару могучих глотков. Вяземайт хмуро смотрел на его дергающийся кадык.

— Что с войском?

Аснерд заглянул в чашу, снова поднес к губам и уже не отрывался, пока не осушил до дна.

— Есть уныние, — признался он. Вытер губы тыльной стороной ладони, добавил: — Небольшое, но есть. Очень уж настроились красиво в город победителями... Честно скажу, если бы сейчас напали куявы, то не знаю, не знаю. Сумели бы разъяриться?.. А что узнал ты? За тобой, я видел, тащилась целая толпа этих длинноволосых. Боги приняли жертву?

— Приняли, — буркнул Вяземайт. — Жертву принимают всегда. Да только не всегда отвечают. А когда отвечают, то не всегда то, что хочется.

— И что ответили?

— Куябу не взять, пока ее защищает меч бога Хорса!

Аснерд крякнул, снова налил в кубок остро пахнущего настоя. Придон молчал, но кулаки начали сжиматься сами по

себе. Было же, Тулей сам отдавал этот меч, а он тогда так глупо и нерасчетливо отказался. Дурак. Сейчас с этим мечом легко бы взял и Куябу, и все прочие города. Наверное, даже башни магов бы нипочем.

Вяземайт поднялся, заходил взад-вперед вдоль стен. Ощутив, что все взгляды устремились к нему, развел руками:

— Что я могу?

— Ты же волхв, — напомнил Аснерд.

— Волхв, — ответил Вяземайт уныло. — Но против бога никакой волхв... Вот если бы меч из Куябы исчез! Если ты такой орел, то прокрадись в этот проклятый город и выкради этот меч! И тогда Куяба станет просто большим и хорошо защищенным городом.

Аснерд хмыкнул:

— Она станет плохо защищенным городом. Дух защитников упадет! Они обнаглели под защитой этого меча. Если исчезнет, они превратятся в стадо овец.

Он вытянул руки вдоль столешницы, огромные и толстые, с хрустом сжал кулаки. Глаза заблестели, он повторил с удовольствием:

— В стадо перепуганных растерянных овец!

Придон сказал, не поднимаясь, хмуро:

— Да, но... вернись с облаков на землю. В Куябу непросто войти. Кроме стражей, ее оберегают еще и толпы колдунов. Чем ближе к дворцу, тем колдуны сильнее. А во дворце вообще ничто не укроется от взоров Барвника. Да и кроме Барвника, там целая толпа этих разодетых индюков! Хоть и дурни, но силы им не занимать.

Аснерд огляделся по сторонам.

— А поесть тут дают?.. У меня умные мысли приходят за столом. Нет, это не стол, это вообще черт-те что! Столом называют, если там жареный гусь или олень... пусть даже это не стол, а пень или трава... но все равно это стол!..

Слуга поклонился, исчез, вскоре на стол начали тащить все, что упомянул Аснерд, а потом еще и еще, привычку воеводы хорошо поесть знали. Аснерд довольно крякнул, вытащил из-за пояса большой нож.

...Лазейку обнаружил жрец, который совсем недавно прошел обряд посвящения и стал настоящим волхвом. Он старался изо всех сил, чтобы заслужить право именоваться волхвом, нередко над его головой, когда напряженно думал, перегревался воздух, а мухи падали с обгоревшими крылышками.

Он примчался к Вяземайту, Придон видел, как медленно светлело лицо верховного волхва, недоверчивое выражение испарялось, сурово сдвинутые на переносице брови разошлись, приподнялись в радостном удивлении.

— Сейчас проверю сам, — сказал Вяземайт. — Если не ошибся, беру в помощники!

Придон равнодушно отвернулся к стене, перед глазами встала Итания. Ее глаза смотрели с немым укором. Он с трудом шевельнул губами, стараясь объясниться, оправдаться, но лицо Итании задрожало, как отражение в чистой воде озера, когда падает листок с дерева, поблекло, медленно растаяло.

Как из другого мира, донеслись голоса, в плечи впились железные пальцы. Он напряг мышцы, пальцы соскользнули, как с огромного округлого валуна.

— Вставай, вставай! — прогремел над ухом нетерпеливый голос. — Ох уж мне эти слагатели... ну, складыватели песен! Чуть что — лапки кверху! Ты воин или кто? Если у куявов таков Тулей, его наши куры загребут.

Придон поднялся, тряхнул головой. В шатре полно военачальников, голоса гудят, воздух горячий, спертый, несмотря на поднятый полог. Аснерд повернулся от стола, шея от усилий налилась кровью, а глаза полезли на лоб.

— Щецин, — прохрипел он, — тащи его сюда... Придон, Вяземайт с тем мальцом нашли лазейку, прощупали... Ее не перекрыли ни маги, ни воины, ни ручные львы. Хоть пройти там и непросто...

Придон встал, напряг и распустил мускулы. Тело слушалось, рана на спине послушно затихла.

— Вот и хорошо, — сказал он ясным голосом. — Я пойду через эту лазейку.

Аснерд рыкнул:

— Ты даже не знаешь, что за лаз!

— Неважно, — отрубил Придон. — Я начал этот поход. Мне и нести самый тяжелый камень. Вы не были в Куябе, а вот я... Я был, совсем недавно был. И хорошо помню каждый камешек во дворце Тулея, каждую ступеньку, каждый светильник. Если меч там, то я его отыщу. Так что идти мне.

В напряженном молчании прорычал недовольно Аснерд:

— Придон, ты — тцар!.. Ты давно уже этот... как его, которое — Ваше Величество!.. И нечего Величеству лезть со своим тцарским рылом в дела простых воинов. Ты должен сидеть на высоком холме и эта... рукой водить.

— Я и вожу, — отрезал Придон. — Вяземайт, что нужно взять?

— Тебе — ничего, — ответил Вяземайт. Он выпрямился и оглядел всех надменно и свысока. — Но как только стемнеет, можно выходить... Пойду я. Что бы Придон ни говорил, но Куябу я знаю лучше. Бывал там, бывал... Аснерд тоже бывал, но он знает несколько иные дома и дороги, не столь богоугодные... Ладно-ладно, Придон, я возьму и тебя! По одной причине, правда...

— По какой? — спросил он.

— Говорят, — ответил Вяземайт с заминкой, — никто, кроме тебя, не сможет взять в руки тот меч.

Крупный отряд артан понесся к южной стене. Вел его сам отважный и пылкий Меклен, топор блистал во вскинутой к небу руке, хотя рубить некого, но не так страшно думать, что вот сейчас с черной башни колдуна полыхнет огнем... или ударит смертельным холодом, от которого кони и люди в куски льда...

Стены все ближе, ближе, поверху забегали люди, вниз полетели стрелы. Конники на скаку выхватывали из-за плеч луки, стреляли по засевшим на стене. Завязалась перестрелка, нелепая и непонятная, ибо всадники с собой лестниц не прихватили.

В это время к восточным воротам спешно приближался караван вантийских купцов. Те не верили своему счастью, артане их заметили слишком поздно, а когда направили к ним

всадников, купцы изо всех сил погоняли верблюдов, те орали дурными голосами.

На воротах поколебались, но правильно оценили, что артане не успеют, распахнули врата. Караван в сорок верблюдов ворвался в ворота, образовалось столпотворение. Все орали, трубили, верблюды плевались, начальник охраны ворот кричал истошным голосом, чтобы поскорее закрыли ворота, а тут еще какой-то верблюд застрял, едва успели втащить и захлопнуть створки, как с той стороны с разбега ударились конями взбешенные неудачей артане.

Начальник охраны сам заложил трясущимися руками второй засов, целое бревно, повернулся к прибывшим купцам.

— Ваше счастье, что эти дикари ближе не подходят!..

— Мы даже не знали, — ответил в испуге глава каравана, — что артане так близко! Честно говоря, мы бы не рискнули.

— Но теперь вы уже здесь, — успокоил начальник стражи. — Дать вам человека, что укажет постоялый двор?

— Нет, мы здесь уже бывали, найдем...

Вяземайт и Придон, торопливо сбросив дорожные запыленные плащи под ноги, медленно проталкивались между купцами, лошадьми и верблюдами, что запрудили пространство между воротами и ближайшими домами. Выход загородил двойной ряд рослых стражей с длинными копьями.

Вяземайт вежливо обратился к их командиру:

— Простите, уважаемый... Можно ли нам выйти отсюда? Мы выскочили из домов узнать, что тут за крики, а тут такое...

Командир окинул его придирчивым взглядом. Одежды этого человека и стоявшего рядом с ним чистые, без следов дорожной пыли.

— Где живете?

Вяземайт указал на дом в соседнем квартале.

— А вон видите горшок с цветами на окне? Я как раз его начал поливать, а тут крики... Я сдуру и выскочил. И мой сосед, Соплик, он булочник...

Командир махнул рукой воинам:

— Пропустите этих двух. А караван проверяйте особо тщательно. Маги что-то говорят про лазутчиков...

Вяземайт суетливо поклонился, за спиной кричали, бранились, угрюмо ревели волы, ржали кони. Все это быстро оставалось за спиной.

— Что за Соплик? — прошипел Придон волхву в спину. — Не мог придумать что лучше?

— Я волхв, а не певец, — огрызнулся Вяземайт.

— Ну и что?

— Для волхва важно, чтобы сработало... Иди за мной.

Он в самом деле толкнул дверь дома, на который указывал начальнику стражи. Скосив глаза, Придон заметил, что начальник стражи посматривает за ним точно так же искоса.

Дверь отворилась со скрипом и даже скрежетом, на пол упал, жалобно звякнув, металлический засов с выдвинутым клювом. На шум послышались шаги из другой комнаты. Вяземайт с решительным лицом двинулся навстречу, спросил резко и отрывисто выбежавшего мужчину:

— Куда побежал тот вор в синей рубашке?

Мужчина пролепетал:

— Вор?.. Какой вор?.. И как вы сюда попали?..

— Не отпирайся! — сказал Вяземайт громовым голосом. — Если отыщем, гнить тебе в тюрьме за укрывательство!

Он оттолкнул хозяина в сторону, Придон заспешил следом за разгневанным волхвом. Замелькали комнаты, последняя вывела в маленький сад. Вяземайт орлиным взглядом заметил примятые листья, сказал громко:

— Вот туда он побежал!.. Быстрее, надо догнать!

— Да, — согласился Придон. — И кошелек украл, и тебя горбатым ослом назвал...

Они пробежали через сад, провожаемые взглядами затихших перепуганных домочадцев, с разбегу перепрыгнули каменный забор. На улице сразу приняли обычный вид, пошли хоть и быстро, но спокойно, свернули дважды, Вяземайт заметно расслабил мышцы, посмотрел на Придона с подозрением.

— А кто это меня горбатым ослом называл?

— А это тебе за Соплика, — огрызнулся Придон.

Широкая дорога вымощена битым камнем, дома по обе стороны добротные, ухоженные, поставлены на века. Вязе-

майт шел с отсутствующим лицом, глаза остекленели. Придон видел, что он превратился в сгорбленного низкорослого старика, но, когда слышал голос волхва, чувствовал, что голос исходит как будто из пространства над головой этого старика, так что Вяземайт хоть и не гигант, как Аснерд, но повыше этого старика, повыше, а этот хиленький старикашка всего лишь обман глаз.

— Надеюсь, колдун не шарахнул по Меклену с ребятами, — сказал Придон с надеждой.

— Они знали, на что шли, — ответил Вяземайт сурово.

— Да, но паршиво в груди, что они лишь отвлекают внимание, а за это погибнут...

Вяземайт прислушался, покачал головой.

— В башнях тихо.

— Колдун спит? — спросил Придон с надеждой.

— Скорее всего не увидел в них угрозы, — предположил Вяземайт. — Сверху сразу видно, что у них нет лестниц. А что конники против таких стен?

Придон поежился.

— Мог бы просто вжарить сверху! Как мы горящей головней муравьев.

— Возможно, колдун пережил детскую драчливость. Не отставай, не отставай...

— Каким ты сделал меня? — спросил Придон.

Вяземайт помедлил, сказал с небрежностью в голосе:

— Да какая разница? Главное, не привлекать внимания.

— Ладно, — пробурчал Придон, — только мне кажется, что ты переборщил. На меня как раз и оглядываются. Вон та старушка кусок хлеба предложила!.. А чтоб куяв что-то дал, а не пытался взять, это же каким надо выглядеть...

— Вот уже водопровод, — прервал Вяземайт торопливо. — Видишь? Нет, это еще не сам водопровод, но вон те столбы ведут к нему. Тулей получает воду из горных озер, там самая чистая и холодная. А в такую жару...

Придон помалкивал, рассерженный, что сам не подумал про водопровод. И хотя тот идет со стороны гор и защищен башней колдуна, все же можно подумать и о том, как лишить город воды. Правда, в самой Куябе есть колодцы, но их мало,

а стольный град не может жить без пышных фонтанов, откуда избалованные жители берут воду.

Рослые, крупные, они обязательно привлекали бы внимание, хотя оба в самой обычной одежде, а под личинами прошли через весь город. Вяземайт шел с отсутствующим выражением в глазах, вслушивался в колдунов и держал над обоими магический щит высшей защиты, что не только укрывал их от магических зеркал, но и прятал сам щит.

Небо оставалось затянутым облаками большую часть дня, но к вечеру, как назло, очистилось, звезды высыпали крупные, яркие, а потом еще и луна поднялась. И хотя не луна, а так... откуда в Куявии настоящая луна, все же от призрачного света за обоими виднелись даже тени. Вяземайт двигался неслышно, Придон шел на цыпочках. Пока что ими никто не заинтересовался, горожане как горожане, так прошли в южную часть города, отыскали массивные колонны из белого гранита, затаились и дождались середины ночи, когда ждать дальше опасно, не успеют вернуться, летние ночи коротки.

Все это время Придон несколько раз пытался встать, рука Вяземайта всякий раз удерживала, пальцы у старика просто железные, наконец он шепнул:

— Пора.

В темном небе остались только звезды, луна опустилась, неспешно плыла за высокими зданиями. Воздух был теплым, наполненным запахами и ароматами большого базара. И хотя базары далековато, но вся Куяба — большой базар, заполненный фруктами, овощами, мясом и рыбой, цветами, мешками с орехами, кувшинами и даже бочками с дорогим душистым маслом...

Вяземайт долго стоял, задрав голову. Придон полагал, что тот начнет забрасывать веревку с крюком на конце, но Вяземайт просто обхватил колонну из белого мрамора и пополз вверх, словно по стволу дерева.

Мучительно долго ничего не происходило, потом из середины звездного неба раздался шепот:

— Веревку... Веревку возьми!

Придон вздрогнул от прикосновения крыла летучей мыши по лицу, так показалось, но это всего лишь веревка мазнула

по щеке. Он ухватился, собрался карабкаться, но Вяземайт потащил с такой силой и скоростью, словно Придон был не мешком с камнями, а мышью на веревочке.

В темноте его стукало макушкой о рельефные выступы, куявы даже такую полезную вещь, как водопровод, зачем-то украсили затейливыми скульптурами, барельефами, выступающими до половины фигурами, иногда настолько жуткими, что брала оторопь.

Вяземайт вовремя ухватил его за плечи, иначе бы сверзился на другую сторону, некоторое время затаивались. Над головой выгнулось звездное небо, а город уже виден почти весь сверху. Во всяком случае, водопровод тянется на уровне городской стены. Под ногами захлюпала вода, водопровод — это такое бесконечное корыто, что тянется к тем горным озерам, а другим концом заканчивается где-то во дворце Тулея. Придон пошел за Вяземайтом, вода стремительно омывает лодыжки, поднялась до колен, идти стало трудно, а когда пришлось погрузиться до пояса, сильный поток сбил с ног, потащил, поволок. Над головой все так же недвижимое небо, он смутно угадывал, что вода увлекает и Вяземайта, покорился, подогнул колени, скрючился, как ребенок в утробе матери, чтобы не так колотило о стенки и каменное дно, выглаженные водой до зеркальности.

Наглотался воды, ибо поток переворачивал вниз головой, швырял, тащил, старался наполнить водой.

Потом внезапно стало темно, он с ужасом понял, что здесь ложе накрыто такой же плитой, вода тащит уже по трубе, значит, миновали стену дворца, по которой ходят особо бдительные и недоверчивые стражи... Воздух стал тяжелый, спертый, Придон ощутил, что задыхается, вода захлестывала с головой, он то и дело больно стукался головой о свод, вода идет хорошим напором, заполняет трубу почти полностью, отчаянный этот Вяземайт, сумасшедший, просчитался, он-то не утонет, все-таки родня водяным богам...

Воздуха не хватало, а потом вдруг что-то изменилось, он ощутил, что падает вместе с водой. Животный ужас ударил в голову, уже раскрыл рот, чтобы заорать, в этот момент вместе с водопадом обрушился в воду. Его увлекло на дно, но в паде-

нии успел ухватить глоток воздуха, сейчас же изо всех сил забарахтался, поднялся на поверхность, с шумом выдохнул, поспешно отплыл от низвергающегося из стены водопада.

Сверху падал слабый свет, Придон рассмотрел, что таких водопадов пять, это значит, пять таких водотоков питают дворец, все перерезать непросто, иные могут проходить и вовсе под землей на большой глубине, а еще больше труб ведут в сторону центрального городского фонтана, откуда горожане берут воду.

В стороне послышался плеск, подплыл Вяземайт.

— Ну как? — спросил он шепотом. — Не промок?

Придон хотел выругаться, за это время раз десять мог умереть, но ответил, как подобает артанину:

— Чуть промочил ноги. Не обращай внимания. Теперь куда?

— Не знаю, — ответил Вяземайт. — Мое дело — попасть во дворец. Мы — во дворце. Только в каком из зданий...

Придон фыркнул в воду, усталое тело ноет свежими ушибами, перевел дыхание и широкими взмахами поплыл прямо, не выбирая, ибо везде темнота. Вяземайт послушно держался сзади, Придон снова вождь, герой, что сумел добыть меч Хорса, а это значит, он сможет все.

Если бы все, хмуро думал Придон. Мысли верховного волхва как на ладони, стоит только взглянуть в полные хитрости глаза. Давай, Придон, хотя уже не знаешь, где правая рука, где левая.

ГЛАВА 7

Бассейн с водой показался ему небольшим морем. Берег из серого гранита, ровный, из аккуратно отесанных глыб. Придон ухватился за край, подтянулся и вылез на холодный мокрый камень. Рядом выполз Вяземайт. Некоторое время отдыхали, Вяземайт сказал с тревогой:

— Но впереди еще один бассейн!.. А за ним, если не чудится, еще...

— Так и должно быть, — ответил Придон.

Он соскользнул в следующий водоем, переплыл на другую сторону, теперь берег уже из черного гранита, перелез, снова

соскользнул в воду. Вяземайт молча следовал сзади, он наконец заметил, что все бассейны соединены длинным желобом, сейчас ломает голову, зачем это куявам понадобилось переливать воду из одного бассейна в другой, а Придон так же молча соскользнул в воду снова, поплыл.

Он знал о богатстве и размахе куявов, но эти подземные хранилища воды ошеломили, потрясли. Уже миновали семь бассейнов, последний выложен белейшим мрамором, вода в городские фонтаны поступает отсюда, чистейшая, очищенная от всего-всего, что могло замутить ее или испортить вкус, этой водой можно поить целую страну!

Последний бассейн заканчивался отвесной стеной из гладкого, как стекло, камня. Плотно подогнанные плиты уходили ввысь, в темноту. Вяземайт прошептал за спиной:

— А там потолок. Вода уходит вон там...

В трех шагах левее от них темнело перекрытое железной решеткой жерло огромной каменной трубы. В ней, насколько Придон мог рассмотреть, человек мог бы стоять, слегка согнув голову, но эту трубу перекрыла решетка из таких толстых железных прутьев, что он ощутил вдоль хребта неприятный холод.

Вода пенилась у решетки, стремясь ворваться туда вся. Труба заполнена водой до половины, но стенки, похоже, настолько гладкие, что поток снова понесет их, как щепки.

— Давай, Придон, — поторопил Вяземайт. — Я знаю в городе хороший двор. Если не получится, можно выбраться, переждать день и попробовать снова. А там обсушимся и... ну, задавим червя.

Придон опустился в бассейн, его сразу же отнесло и прижало к решетке. Пальцы ощутили холодные прутья, скользкие, хотя вода чиста, никакой слизи. Упереться не во что, под ногами водяная бездна, брызги захлестывают с головой, уже мутит от проглоченной воды.

— Придон, — позвал Вяземайт, — тебе помочь?

Мышцы вздулись, Придон ощутил, как разогревается все тело. Вода вокруг едва не закипела, прутья начали подаваться, в камне с обеих сторон заскрипело, железо начало выползать из каменных гнезд.

— Еще, — сказал Вяземайт возбужденно. — ну и здоровый же ты...

— Не каркай... под руку, — просипел Придон.

— Так я ж подкаркиваю! Чтоб, значитца, легче...

Придон стиснул челюсти, в глазах потемнело от прилива крови. Железо заскрежетало, вода хлынула свободнее, Вяземайт удовлетворенно крякнул, когда Придон отшатнулся с решеткой в руках. Вода тут же попыталась втянуть в трубу, но решетка застряла краем. Придон, отплевываясь, выпустил железо, Вяземайт видел, как он тут же исчез в трубе, бросился следом.

Труба оказалась короткой, их выбросило в небольшой бассейн, вокруг широкие скамьи, два стола с дорогой посудой, стены облицованы белым мрамором, множество светильников в виде голов драконов, треть горит, бросая трепещущий свет на весь небольшой зал, купальню для знатных особ.

Вяземайт выбрался из бассейна первым, вода стекала с тела, словно сам превратился в засорившийся фонтан. Придон поспешно ударил ладонями по бортику из белого мрамора, его выбросило наверх. Из купальни три широкие ступеньки ведут к массивной, богато украшенной двери.

— Надо торопиться, — сказал Вяземайт. — Если сюда придут...

— Отправим их купаться, — ответил Придон резко. — Торопишься на тот знакомый двор?

— Тороплюсь, — признался Вяземайт. — Должен и я совершить какие-то подвиги, пока ты будешь свершать свои.

Он сам осторожно отворил дверь, Придон стоял сзади с обнаженным ножом. В купальню ворвался свежий воздух, на звездном небе чернели верхушки ухоженных деревьев. Придон с облегчением перевел дыхание, он опасался, что из купальни двери ведут в покои какого-нибудь богатого бера, придется резать всех, включая многочисленных слуг, служанок, всю челядь, а это задержит, а то и помешает в его деле.

Луна наконец-то поднялась над крышами, за спиной невысокое здание купальни, вокруг деревья роскошного сада, а в полусотне шагов блестит в лунном свете широкая крыша

богатого дворца. У Придона радостно забилось сердце, на миг даже он обманулся, решив, что попал в сад самого Тулея, но затем увидел, что дворец на этаж ниже, да и крыша блестит не золотом, а серебром.

Он приложил палец к губам. Вяземайт услышал мужские голоса, не грубые, мягкие, даже слащавые, как заправленный медом отвар из ягод. Вяземайт решил было, что загулявшие вельможи расходятся по домам, но из-за деревьев на залитую лунным светом дорожку вышли двое мужчин в доспехах, с короткими копьями в руках, на поясах болтаются короткие мечи.

Придон знаком указал, что зарежет обоих до того, как они даже сообразят, что их убили, никто и не пикнет, Вяземайт покачал головой.

Стражи прошли мимо, Вяземайт, однако, с сожалением проводил взглядом их закованные в латы спины. За такие доспехи можно табун коней купить, а здесь это на простых стражах, пусть даже дворцовых. Богато живут в Куябе, будет кого грабить!

Придону шепнул свирепо:

— Никого не трогать, понял?.. Если найдут зарезанными, сразу поймут, что в городе враг! Начнут искать...

— А что искать? — буркнул Придон. — Мы их в кусты...

— Нет, — сказал Вяземайт. — Я чувствую присутствие сильных магов.

— Не отобьешься?

— Не в том дело. Кажется, мы хотели все сделать тайно?

— Конечно...

— Потому сразу в храм, а потом с мечом обратно.

Придон кивнул, так и собирались, потом же, повинуясь внезапному чувству, более сильному, чем все мудрости мира, сказал сразу охрипшим голосом:

— С мечом или без меча... но я загляну к Итании.

Вяземайт прошептал зло:

— Ее же охраняют, как... как сокровище!

— Она и есть сокровище, — ответил Придон. — Но я хочу ее увидеть.

— Придон...

— И я ее увижу, — сказал он свирепо.

Над головой со скрипом открылось окно, на улицу пал широкий луч света. Подозрительный мужской голос спросил:

— Эй, вы кто?

Рука Придона метнулась к ножу, а Вяземайт огрызнулся недовольным шепотом:

— Городская стража, не видишь?

В оконном проеме вырисовывался грузный мужчина с толстым лицом, где волевые складки уже спрятались под слоями жира и дурного мяса. Животом он навалился на подоконник, всматриваясь в полутьму.

— А почему тайком? — спросил он подозрительно.

— Потому что заметили... ах, ушел!.. Надо же так орать?.. Мы заметили вора, что начал было перелезать через ваш забор, начали подкрадываться... а вы тут отворили окно! Вор испугался и сбежал. Через вашу ограду, к вам в сад.

Мужчина недовольно буркнул:

— Я же не знал... В самом деле перепрыгнул через забор?

— В самом, — заверил Вяземайт злорадно. — Теперь ловите сами. Мы обеспечиваем порядок только на улицах, а в своих домах вы сами...

Придон перевел дыхание, Вяземайт хлопнул его по плечу, захохотал громко и грубо, как подобает простым воинам, и они пошли вдоль улицы, уже не скрываясь. Слышно было, как мужчина будил слуг, потом нахлынули новые звуки и новые запахи, Придон замедлил шаг, кивнул:

— Я эти места знаю. Нам чуть левее.

В покои Тулея втаскивали огромный стол, пихались, пыхтели, поворачивали боком, двери узковаты. Тулей морщился, отодвигался, а Щажард пятился, указывал, куда ставить, Черево суетливо шел рядом, придерживаясь за стол двумя пухлыми пальчиками, покрикивал, раздавал указания.

Щажард расстелил по столешнице огромную карту, Черево принялся поспешно расставлять по ней золотые фигурки разного размера.

Тулей буркнул:

— Щажард, позови полководцев. А то этот военный гений такое учудит... Сами сдадим страну.

Черево потупил взор, с тцаром не поспоришь, Щажард подозвал слугу, что-то шепнул.

— Ваше Величество, — сказал Черево преданно, — известно, что большая часть артан осталась перед воротами Куябы! Значит, в глубь страны не пойдут.

— И твое имение уцелеет, — сказал Тулей понимающе. — Этому ликуешь?

— Ваше Величество!

Вопль оскорбленного Черева остался без ответа, в покои входили полководцы, военачальники, а с ними, к удивлению Тулея, явился и Барвник.

Барвник сразу направился в свой угол, куда по изволению Тулея перенесли большой котел мага. Котел стоял на железной треноге, в нем постоянно бурлила вода, хотя огонь под ним никогда не разводился. Тулей однажды неосторожно прикоснулся к котлу, с криком отдернулся: от ожога вздулся водяной пузырь.

Сейчас Барвник всматривался в поднимающийся пар особенно тщательно. Тулей видел сосредоточенное лицо старого колдуна, глаза красные, как у карася, кожа посерела и натянулась на скулах. Любопытствуя, подошел и встал у него за спиной. Поверхность варева стала ровной, поднимался густой желтоватый пар. В клубах пара возникали стены, улицы, башни. Расплывающимися силуэтами обозначились фигурки ночной стражи. И снова стены, дома, редкие деревья...

— Что ищешь?

Барвник вздрогнул.

— Не знаю.

— Так чего же...

Тулей сдержал слово покрепче, а Барвник обернулся, развел руками.

— Чувство было такое. Повеяло неприятностью.

— А что, маги, как собаки, носом чуют?

— Да, — ответил Барвник, он отвел взгляд в сторону. — Да. Собаки чуют, когда смерть подходит к хозяину.

Тулей зябко повел плечами.

— Но-но, ты народ не пугай. Давай пяль глаза пошире.

Полководцы, советники, управители — все окружили стол, рассматривали карту, обменивались осторожными замечаниями. Тулей морщился, все здорово трусят, страшатся рассердить, потому и роняют глупости вроде того, что вот соберутся с силами и погонят артан до самой границы.

Он подошел, оперся обеими руками о край стола. Все почтительно умолкли. Он сказал неприятным голосом:

— Я знаю, знаю, что слишком долго не слушал, когда меня предупреждали... Но сейчас все позади. Говорите правду.

Рипей поклонился, сказал елейным голосом:

— Да-да, Ваше Величество, чистую правду!.. Прямо в глаза, хоть оно вам и неприятно. Вот соберемси с силами, погоним этих дикарей до самой границы...

Тулей стиснул челюсти. Заставить молчать легко, куда труднее снова заставить говорить правду.

— Ладно, — сказал он отрывисто, ощутил, что говорит резко, раздраженно, постарался убрать из голоса гневливые нотки. — Ладно, тогда скажу я. У нас нет сил, чтобы выйти и дать бой. Вся надежда на то, что артане не сумеют подняться на такие стены. Тараном наши врата тоже не выбить. Остаются их катапульты, но я велел разобрать те немногие дома, что близко к стенам. К тому же в Куябе все дома каменные, так что пожарами нас не сломить... Верно я говорю или нет?

Голоса загудели послушные, подобострастные:

— Верно, Ваше Величество!..

— Верно, ясный тцар!...

— Куда уж вернее, прям солнечный свет воссиял...

Тулей поморщился, закончил:

— Я уже разослал гонцов. Страна большая, войско соберется огромное и придет на помощь. Не так легко, как вы все говорите, но артане все-таки будут отброшены обратно в свои дикие степи!

Он услышал за спиной легкий вскрик, раздраженно обернулся. В своем углу Барвник отпрянул от котла, снова сунулся вперед, едва не влетев лицом в желтый пар. Глаза у него выпучились, как у зайца, завидевшего прямо перед мордой голодного волка.

Щажард заметил раздражение Тулея, сказал строго:

— Барвник, не мешай... Что еще у тебя?

Барвник сказал очень тихо:

— Не могу поверить...

— Во что? Ты же маг, должен верить во все на свете.

Барвник чуть отодвинулся.

— Погляди сам! А потом раскрывай пасть.

Щажард всматривался долго, в клубах желтого пара иногда проступали стены, слабо освещенные факелами или светильниками, проплыла крыша с длинной резной трубой. Улица выглядела мутной, грязной и темной. Щажард морщился, на город смотреть сверху лучше всего с городской стены или с башни, а не через пар от жуткого варева из гнилых трав.

Барвник засуетился, длинный палец указал на одно движущееся пятно. Щажард присмотрелся, Барвник суетливо указывал на двух горожан, что неспешно двигались по ночному саду, перешли внутренний дворик и вступили под своды малого храма...

В этих двух беричах не было ничего особенного, разве что рост и ширина плеч, да еще гордая осанка, похожая на артанскую, но, правда, так же держатся и куявы, долго прослужившие на кордонах... Один из беричей повернулся к спутнику, что-то сказал, тот пожал плечами, и тут Щажард замер, словно оглушенный громом.

— Не может... быть, — пролепетал он.

Барвник кивнул.

— Да? Я тоже подумал, что мне чудится.

Щажард спросил со слабой надеждой:

— Это не может быть какой-то шуткой наших магов?

— Может, — ответил Барвник сухо. — Если это шутка, я найду этого шутника и поставлю чистить конюшни. А так вообще-то я посоветовал бы послать туда людей. Пусть проверят... Или не стоит?

Щажард быстро обернулся, он готов был завопить во весь голос, но Тулей и все полководцы снова склонились над картой. Он задавил в груди вопль, затравленно оглянулся на Барвника. Однорукий маг смотрел на него с напряженной ухмылкой. Ухмылка очень не понравилась Щажарду, даже мелькну-

ла мысль, что маг почему-то не очень жаждет, чтобы Придона схватили в Куябе.

Он кивком подозвал слугу, велел свистящим шепотом:

— Быстро вызови стражу!.. Возьми десяток... нет, лучше сотню отборных воинов. Пусть как можно быстрее окружат малый храм. А потом, не снимая оцепление, войдите вовнутрь. Ищите всех, кто похож на... страшно вымолвить... Придона!

Слуга выпучил глаза, побледнел. Щажард зашипел, тот моментально повернулся и стрелой вылетел за двери. Слышно было, как загремели тяжелые сапоги, звякнуло железо, но за столом никто не услышал, не оглянулся.

Щажард перевел дыхание, сердце колотится, что-то нечистое, резко повернулся к Барвнику. Стараясь не привлекать внимания остальных, прошептал зло:

— Выкладывай!

— Что?.. — пробормотал Барвник. — Я тоже увидел только сейчас...

— Но ты знаешь больше, — сказал Щажард резко, — говори! Почему ты заколебался?

Воздух застыл, как теплая вода в пруду, Придон чувствовал липкие струи ароматов душистых масел, благовоний, растираний, здесь ими пропитано все, даже камни блестят, словно толстые жирные куявы чешут об них свинячьи спины, натертые маслами.

Вяземайт неслышно шел рядом, принюхивался, всматривался. Рука его как выстрелила вперед.

— Вон храм!

— Не тот, — ответил Придон.

— А ты откуда знаешь?

— В этих делах я почти волхв. А вон тот наш...

Сердце застучало, этот храм узнал бы из ста тысяч, хотя отсюда видна только далекая крыша над деревьями фруктового сада. Вяземайт оглядывался на каждом шагу, вслушивался и в звуки и ловил присутствие магии. Они пошли быстро, перебегая от тени к тени, а когда пришлось через площадь,

залитую лунным светом, двигались быстрым шагом стражей, что возвращаются с дежурства в казармы.

Они не стали отворять ворота в сад, вдруг да заскрипят, легко перепрыгнули через забор, здесь полумрак, высокие деревья дают густую тень, пошли чуть ли не на ощупь, пряный запах висит в плотном неподвижном воздухе, под ногами едва слышно скрипел песок.

Еще дважды перелезали через ограды, здесь сады зачем-то разделили, словно деревья могут быть чистыми или нечистыми или благородными и простолюдинными. Громада храма вырастала, запах пряностей и благовоний стал сильнее.

Придон поравнялся с последними деревьями, застыл в нерешительности. Тот храм — и уже другой. Тот был заброшен, а этот даже в ночи блистает чистотой, могуществом и богатством. Арка огромного входа вся в золоте, массивные ворота отделаны серебром, блещут драгоценные камни. Над входом появился резной навес в виде оскаленных голов драконов, а по обе стороны застыли в полных доспехах воины-великаны, каждый в два человеческих роста, но в железных доспехах.

Придон даже подумал было, что живые, но Вяземайт перехватил его взгляд, покачал головой. Дверь казалась запертой, Вяземайт первый попробовал в нее толкнуться, не подалась, вытащил нож. Придон толкнул, створки распахнулись, как от удара тараном.

В лицо пахнуло сладкими ароматами. Большой зал освещен, светильники идут вдоль стен, изображены диковинные звери, чудовищные птицы с женскими лицами, магические треугольники, странные знаки, в середине в стену вделаны крупные драгоценные камни, лепные и вырезанные из камня фигуры, что вот-вот бросятся на дерзких.

Вяземайт остановился, напряженно вслушивался. Придон, хотя сам был потрясен, сказал грубо:

— Нам дальше.

— Да, — ответил Вяземайт как во сне, — но я чувствую чужого...

Придон ухватился за рукоять ножа.

— Где?

— За нами следят...

Придон быстро огляделся. Вяземайт вздрогнул, провел рукой по лицу.

— Все... Кто-то из магов смотрел, но недолго.

— Тогда поспешим!

Вяземайт медленно двинулся за ним, лицо все еще отрешенное, ноги подгибались в коленях. Придон пересек зал, толкнул другую дверь, нож уже в руке, пригнулся, готовый к схватке.

ГЛАВА 8

Воздух в этой комнате казался плотнее, чем теплая ароматная вода. Придон ощутил, что начинает кружиться голова. Он с усилием стряхнул наваждение, глаза быстро бросали по сторонам острые взгляды. Комната еще богаче предыдущего зала, хоть и меньше, здесь нет свободного места под стенами от статуй, а барельефы поднимаются до самого свода, но даже там в бесконечном полете застыли грозные драконы, грифы, птицы Рух, крылатые люди с мечами в одной руке и отрубленными головами в другой.

Посреди комнаты гордо и одиноко высится четырехгранный каменный столб с ликами грозного бога, обращенными на все четыре стороны. Четыре грозных лика, исполненных мощи, надменности и силы, на самом столбе высечены древние руны, значения которых никто не помнит.

Придон молча прошел мимо, на куявского идола лишь бросил косой взгляд. Когда-то, в седую старину, он был, говорят, общим богом всех четырех племен: артан, славов, куявов и вантийцев, но затем начал больше благоволить к куявам, что приносили ему больше жертв, после чего гордые артане отвернулись от этого бога и главным покровителем избрали Даждьбога. Однако и у куявов четырехликий недолго пробыл верховным богом, ибо куявами стали править жадность и стремление к роскоши, а четырехликий бог начал выглядеть чересчур суровым и требовательным, так что постепенно на главенство выдвинули Хорса, а четырехликого оставили в этом храме.

— Еще дальше? — спросил за спиной Вяземайт.

Голос его был хмурый, раздраженный. Эти жалкие куявы

своим богам строят огромные и величественные храмы, потому старые мудрые боги и сохраняют их, спасают, берегут. Но посмотрим, кто победит в этой схватке, ибо на стороне Артании — молодые и свирепые боги!

Придон толкнул третью дверь, по прошлому пребыванию зная, что́ за ней, но все равно едва не вскрикнул. Тогда здесь был пустой двор, похожий на каменную яму, сейчас же здесь из каменных чаш поднимаются роскошные деревья, вольно раскинули изогнутые ветви кусты с нежными розовыми цветами, а по стенам в темноту поднимаются темно-зеленые листья винограда, в лунном свете тускло поблескивают тугие гроздья.

Он постоял с минуту, привыкая к новому миру. Свежий воздух жадно и быстро омывал лицо, над головой привычное и родное артанину звездное небо, только в самом центре этого внутреннего двора теперь роскошный жертвенник. По четырем углам золотые чаши на треножниках, из всех четырех поднимаются жиденькие сизые дымки, по воздуху плывут сладковатые запахи душистого масла.

Вяземайт снова напряженно вслушивался в незримое. Придон же, одолев оцепенение, сказал решительно:

— Туда!

Его поступь была тверда, а мимо розовых кустов прошел, как будто их не было, на той стороне дверь, толкнул, исчез в темном проеме.

Дверь отворилась бесшумно, это их и спасло: в комнате спали молодые жрецы. Присмотревшись в слабом свете единственного масляного светильника, Придон решил, что это все-таки стражи, храмовые стражи. Мечей при них нет, но жрецы владеют магией, а это для честного артанина хуже, как если бы встретил толпу вооруженных до зубов куявов.

Вяземайт двигался за ним на цыпочках, потом придержал Придона и вышел вперед. Жрецы спали, Придон видел открытые рты, слышал храп. Эти люди обязаны бодрствовать и проводить дни в моленьях и восхвалении своего бога, но они спят, а никакой бог не может благоволить такому народу и такому городу!

Приободрившись, он шел мимо, обнаженный нож плыл

над лицами спящих, готовый в любой миг напиться их крови. Вяземайт остановился, пропустил Придона вперед. В руках волхва блестели два длинных ножа. Придон оглянулся, Вяземайт вперил взгляд в белое нежное горло жреца, похожего на женщину, рука начала подниматься. Придон зашипел сквозь зубы, Вяземайт убрал нож с сожалением, ведь для своего бога нет лучше жертвы, чем жизнь жреца чужого бога.

Комната, которую охраняли жрецы, открылась сама, едва Придон протянул руку к двери. Он заколебался, гадостное чувство страха перед магией, как боится любой сильный мужчина ядовитой змеи или женщина мыши, хотя в состоянии раздавить ее ногой.

За спиной послышался всхрап, за таким обычно пробуждаются и переворачиваются на бок, Придон поспешно шагнул вперед, за ним проскользнул и снова вышел вперед Вяземайт. Дверь за ними бесшумно закрылась. Некоторое время стояли, стараясь сквозь грохот собственных сердец различить: начинается шум по ту сторону двери или спят, как спали?

Вяземайт побледнел, по лицу сползали крупные капли пота. Придон сам иногда ощущал обострившимся чутьем присутствие могучих сил, Вяземайту же намного хуже, вздрагивает, руки то вяжут заклинания, то судорожно хватаются за оружие, а глаза с ужасом смотрят в пустоту.

— Придон... впереди смерть... Обойдем...

— Я ее не вижу, — буркнул Придон, но послушно прижался к стене, прошел, едва не размазываясь, как бесплотная тень. — Что еще?

— Иди за мной и, пожалуйста, повторяй мои движения.

Сам он шел то вдоль стены, то выходил на середину, перепрыгивал невидимые ямы, пригибался, словно на уровне шеи мелькали незримые мечи. Придон все повторял безропотно, уже приходилось ходить след в след без всякой магии, когда прятались в землях врага.

Вяземайт остановился, зубы начали постукивать, а когда заговорил, голос дрожал и трясся, как лист на ветру:

— Придон... я снова чувствую смерть... Вплотную!

— Она всегда рядом, — ответил Придон шепотом, в голосе была гордость, — мужайся, мы — артане!

— Это гадкая смерть.

— Гадкая только у бегущих.

На той стороне небольшого зала, куда могли входить только верховные жрецы, из стены выступала наполовину утопленная в камне фигура огромного бога с лицом разъяренного дракона. В глазницах горели крупные рубины, они сразу налились кровью при виде пришельцев. Внизу, прямо под изваянием бога, плита из черного камня, на таких обычно приносят жертвы, закалывают младенцев, знатных пленников или красивых девственниц, но сейчас там...

Вяземайт тихонько охнул, указал кивком. Придон задержал дыхание, сам не ожидал, что его находка может так преобразиться. От ножен чистый и лучистый свет, рукоять меча горит, как будто выкована небесными кузнецами из самого солнца. Весь малый зал залит этим ровным уверенным светом, в котором нет прерывистого трепетания магии, здесь нет магии, здесь мощь богов... нет, даже не богов!

Придон заставил себя сделать шаг, протянул руку. Пальцы коснулись ножен. Он ощутил толчок, словно через пальцы вошла некая странная мощь. Вяземайт со страхом отступил, когда Придон засмеялся грохочуще, небрежно замотал меч вместе с ножнами в плащ и сунул в мешок за спиной.

— Все, — сказал он, — возвращаемся!

Вяземайт поспешно распахнул дверь, Придон услышал его дикий вскрик, бросился за ним и словно попал в клейкое тесто. Его движения замедлились, в теле оставалась сила, но он чувствовал себя сильным могучим жуком, что с маху влетел в липкий сок на дереве. Жрецы вскакивали, глаза ополоумевшие, запах в помещении изменился на резкий, будоражащий.

Вяземайт на глазах медленно превращался в белую мраморную статую. Придон оцепенел от ужаса, тело застывало тоже, хоть и медленнее, он чувствовал смертельный холод, только спину мощно и надежно грел мешок. В последнем усилии он закинул руку за голову, пальцы нащупали среди тряпок рукоять меча.

В помещении полыхнул яркий свет, Придон с ревом за-

махнулся сверкающим мечом, в теле снова сила, ярость, звериная жажда убивать, крушить, повергать. Теперь оцепенели сами жрецы: Придон видел по их лицам, что оцепенели не от колдовства или мощи меча, а от неверия, что кто-то решился вторгнуться в храм и дерзнул коснуться священного меча.

Он видел их застывшие лица лишь мгновение, а сам уже двигался как вихрь, рубил и рассекал тела, кровь брызгала фонтанами, а когда догнал и зарубил последнего, сзади раздался потрясенный вопль:

— Придон... быстрее из этого жуткого места!

Они выскочили во дворик, Вяземайт прокричал в спину:

— Да спрячь наконец этот проклятый меч!

Свет от грозного лезвия отшвырнул мрак ночи, тени пугливо прятались за деревьями, суетливо двигались, всякий раз держа между собой и бегущим человеком дерево. Придон сунул меч в ножны, на бегу забросил в мешок.

Навстречу попались встревоженные люди, Вяземайт прокричал испуганным голосом:

— Вызовите стражу! Вызовите стражу!..

— А что случилось? — прокричал кто-то.

— Люди Гарпага напали на храм! — прокричал Вяземайт. — Он возжелал завладеть мечом!

Люди заорали, понеслись дикой толпой, сразу озверев, с воплями, недостойными мужчин криками. Придон перешел на шаг, Вяземайт испуганно дернулся, когда сильная рука ухватила за плечо. Придон угрюмо улыбался.

— Нам сюда, — сказал он. — Это ты хорошо придумал...

Небольшая дверь вела через роскошные покои вельможи, как решил Вяземайт, но Придон почти равнодушно сообщил, что это комнаты для челяди, что следит за садом, птицами в саду. А вон там такие же комнаты, только получше, для челяди, что готовит еду для тцарских лошадей, ручных оленей.

Кое-где вскакивали заспанные люди, Вяземайт всем возбужденно сообщал на ходу, что люди клана Гарпага пытаются захватить меч Хорса, ибо тот, кто им владеет, владеет и всей Куявией. Сзади сразу начинался крик, а они бежали через весь город, пока не добрались до городской стены.

Их попробовали остановить, теперь Вяземайт надменно

сообщил, что в городе смута, люди Гарпага пытаются завладеть мечом Хорса, потому им надо проверить, нет ли здесь противников Тулея. Командир стражи побледнел, начал клясться, что все верны, но пропустить не пропускал, у него приказ, и тогда Придон ухватил его за горло и ударил головой о стену.

Вяземайт мигом убил двух воинов, что угрюмо смотрели на их спор, вдвоем взбежали на стену. Там оказалось еще трое мирно дремлющих, четвертый стойко боролся с дремотой и неотрывно смотрел в сторону лагеря артан. Придон убил его ударом в затылок, Вяземайт бесшумно зарезал спящих, остальных не видно в утреннем тумане, а Придон снял со спины мешок с драгоценным мечом и протянул Вяземайту:

— Спускайся.

Вяземайт отшатнулся:

— Придон! А ты?

— Главное — меч, — ответил Придон. — Доставь в сохранности. Но только, умоляю, ни в коем случае не обнажай! Он испепелит каждого, кто не... словом, Вяземайт, прошу тебя, поверь мне. Я не хочу тебя терять.

— А ты? — повторил Вяземайт. — Мы так не договаривались!

— А я и не собирался, — огрызнулся Придон. — Но сейчас я чувствую...

Вяземайт вздохнул, договорил с горькой иронией:

— ... что не могу уйти, не посмотрев в ее ясные глаза и не сорвать поцелуй с алых губ. Ладно, я все понял, спорить и убеждать бесполезно.

Он взялся за ножны, едва не уронил. К счастью, Придон не выпустил из рук. Вяземайт напрягся, лицо побагровело, а мышцы вздулись и застыли, окаменев.

— Нет, — выдохнул он наконец. — Нет, Придон... Он признает только тебя. Я не смогу его нести. Придется тебе отказаться от своей дури. Пойдем быстрее, летние ночи коротки.

— Нет, — сказал Придон. Его трясло, сердце взламывало грудь, губы прыгали. — Это... сильнее меня, Вяземайт!

— Придон, не дури!

Горячая, как расплавленный металл, кровь ударила в го-

лову. Вяземайт почти скрылся за красноватой дымкой, Придон прохрипел:

— Уходи!.. Возвращайся. Я... должен, должен ее увидеть!

Он бросил конец веревки вниз, ее заструило в темноту, как бегущий сквозь пальцы песок. Вяземайт колебался, Придон толкнул его в плечо. Тот поневоле ухватился за веревку, чтобы не упасть, Придон быстро начал опускать его к далекой темной земле.

Натяжение исчезло, Придон швырнул веревку вниз, надеясь, что Вяземайт догадается взять ее с собой, и никто не поймет, кто украл меч и как ушел.

Сердце трепетало, он задыхался от сладостного волнения. Совсем недавно и в то же время так мучительно давно он проходил здесь, нет, проезжал в седле, поглядывая свысока на разодетых, как кичливые петухи, горожан. Светило жаркое артанское солнце, он чувствовал жгучие лучи, ни от кого не прятался, и с каждым его приездом на него смотрели все с большим почтением и страхом.

Сейчас пробирается, как вор, ночью, но все так же, как и тогда, мечтает проникнуть в ее опочивальню, увидеть ее, единственную и неповторимую, вдохнуть воздух, которым она дышит, увидеть вещи, которые ласкает взором, припасть к полу и со слезами счастья поцеловать звериные шкуры, по которым она ходит.

Впереди послышался ровный топот множества ног. Он затаился в тени, из-за поворота вышла группа вооруженных до зубов и закованных в доспехи воинов. Впереди шагал сотник, короткий плащ красиво ниспадает с плеч, на шлеме подрагивает при каждом шаге пучок длинных перьев.

Ничего не изменилось, подумал Придон хмуро. Разве что стражи, кроме копий, носят и мечи, а кроме кольчуг, на них еще и панцири, однако топают и грохочут все так же, предупреждая ворье, чтобы затаилось на время, пока пройдут...

Они еще не скрылись из виду, как он вышел из тени и пошел дальше, уверенный, что никто не оглянется. Луна мертвенно сияла в небе, как начищенный щит, но тени, что от-

брасывали дворцы и башни, казались входами в преисподнюю.

Весть о нападении людей Гарпага на храм уже добралась сюда, на взмыленных конях появлялись всадники, быстро-быстро взбегали по ступенькам. Стражи на воротах их явно знают в лицо, пропускают по одному слову, которое Придон, как ни напрягал слух, не расслышал. Пришлось затаиваться, прокрадываться, перелезать через стены, изгороди из кустов роз, подниматься по отвесной стене, цепляясь за высеченные из камня фигуры.

На третьем этаже он сумел выломать железную решетку в довольно широком окне, кое-как втиснулся. К счастью, решетку удалось приставить на место так умело, что с первого взгляда никто не догадается о вторжении.

И снова сердце стучало не в страхе, а в сладкой тревоге, везде видел ее призрачный силуэт, везде ощущал ее запах, ее присутствие. На глаза наворачивались слезы, он бесился в злобе на людей, что могут ее видеть ежедневно, что видят ее ежедневно и не умирают от счастья, не понимают, какое это счастье: видеть ее, молиться ей, благоговеть перед нею.

В ее комнате горели вделанные в стену два светильника, единственные из увиденных, которые мастера сделали не в виде драконьих голов с распахнутыми пастями, а в форме распустившихся цветов, где соцветием служили желтые огоньки.

Он шел и шел через опочивальню, так он шел однажды через горы Родопы, когда под ним убили коня, а он, раненый и с пересохшим ртом, двигался через каменистую насыпь, в голове мутилось от жажды и потери крови, горы раскачивались, стремительно придвигались так, что он отшатывался, так же быстро отпрыгивали, и он снова брел, одинокий и беспомощный.

Сейчас со стен на него смотрят диковинные звери и странные цветы, он идет через волны ароматов, дивных запахов. В глаза сказочных зверей вставлены драгоценные камни, и ему казалось, что все провожают его удивленными и встревоженными взглядами.

Он обходил столы, где распахнутые шкатулки, полные сокровищ, на другом столе в беспорядке золотые браслеты, все-

возможные кольца, заколки для волос, черепаховые гребни, веточки окаменевших цветов, дивные перья жар-птицы, белые витые рога единорогов. Потом таких столов оказалось еще с десяток, прежде чем увидел в глубине зала массивное ложе на четырех резных ножках. Там он различил в полумраке на подставках массивные зеркала в полный рост взрослого человека. Единственный светильник в золотой чаше дает ровный несильный свет, но перед ним торчком специальная лопаточка из слоновой кости заслоняет от света ложе.

Ее ложе под стеной, занавески скрывают внутренности со всех четырех сторон. Даже сверху натянут цветной полог, создавая свой мирок, отгораживая от остального, грубого и неуютного, ибо весь мир, где ее нет, — грубый и неуютный.

Придон подошел на цыпочки, застыл. Вблизи занавески стали полупрозрачными, он видел как сквозь облако спящую женскую фигурку, подогнутые почти к подбородку колени, кулачок под щекой, рассмотрел бледное лицо с широкими полукругами черных ресниц, яркие алые губы...

Дрожащая рука приоткрыла занавеску, Придон удивился собственной дерзости, сделал шаг. Ноздри жадно затрепетали, уловив дорогой аромат: теплое дыхание Итании наполняет мирок ее ложа. Придон дрожал, сердце раскачивало, как молодое деревцо в бурю, перед глазами мир пошатнулся, колени подогнулись, он едва успел сесть на край ложа.

Длинные ресницы слегка дрогнули, губы слегка раздвинулись в грустной улыбке. Бледное лицо казалось грустным, он едва не вскричал в страшном волнении, что весь мир только и существует, чтобы она смотрела на него и благосклонно попирала ножкой, никто и ничто не смеет ее огорчить, обидеть, омрачить взор.

Длинные пышные волосы разметались по белоснежной подушке. Она спала в рубашке, распахнутой на груди, Придон увидел высунувшуюся из-под легкого одеяла розовую ступню с пухлыми пальчиками, почти круглыми, вздутыми, похожими на нераскрывшиеся бутоны. Ему захотелось упасть на колени и припасть губами к этим детским розовым пальчикам.

Он смотрел и смотрел, уже понимая, что вот ради этого

стоило жить, стоит родиться и жить, пройти по жизни, страдать тогда в горах, поднять народ на войну, двинуть войска в Куявию, сжечь десятки городов, истребить войска, чтобы вот так сейчас войти, безмолвно и благоговейно смотреть на эту ступню, упиваясь самой возможностью стоять вот так и смотреть, будучи допущенным к созерцанию...

Ее ресницы дрогнули, веки начали подниматься. Придон замер, Итания медленно открывала глаза, ее взор был затуманен, взглянула на него без страха и удивления. Ее пальцы потянулись к его груди, он с готовностью подался вперед. Она коснулась его твердой, как каменная скала, груди, он ощутил неземной восторг, задохнулся, а ее пухлые розовые губы чуть изогнулись в слабой улыбке:

— А почему не на коне, как в прошлый раз?.. Ты обещал, что на крылатом коне, схватишь и увезешь...

— Я так и сделаю, Итания, — ответил он негромко. — Я пришел... я все сделаю.

Ее лицо дрогнуло, ему показалось, что как будто холодная струя воздуха омыла все в комнате. Глаза Итании распахнулись шире. Некоторое время всматривалась в великом изумлении, голос задрожал, изломался, как хрупкие веточки под копытами большого боевого коня:

— Это не сон?.. Это не сон... Ты снова пришел...

Придон прошептал с мукой:

— Если хочешь, чтобы я умер, скажи. Скажи только слово!.. И я умру у твоих ног в эту же минуту.

— Зачем? — произнесла она тихим, словно утренний ветерок, голосом.

— Не знаю, — ответил он потерянно.

— Но ты...

— Да, — ответил он. — Но это не я, а тот бог, что заговорил во мне. Я бессилен, я только слежу, трепещущий, что он творит!.. Я обезумел, я уже не человек, Итания. Только ты можешь меня еще спасти!.. Я, который грезил только о жестоких боях, схватках, поединках, удалых набегах... сейчас стою на коленях и... счастлив, что стою, что могу вот так перед тобой, ибо я сейчас не артанин, а ты — не куявка!.. Мы сейчас — боги, нами никто не правит и не указывает, мы сами

создаем мир с его законами и правилами... Итания, ты — мой мир!

Она прошептала, голос ее то трепетал, как крылья самой нежной бабочки, то становился крепче камня:

— Но мы — есть то... что есть. Ты привел огромное войско, что растоптало Куявию, вбило копытами в пыль, в грязь... Это есть, нам от этого не уйти.

— Итания, — прошептал он с мукой, — я должен был это сделать! Я не могу без тебя. Я разрушу весь мир, если встанет на дороге между мной и тобой.

— Придон, — сказала она печально, — я бежала за тобой, за твоим конем, мои слезы... там теперь ручей.

— А где падали мои слезы, — ответил он горько, — там прожженный камень до самых глубин! Итания, я не могу без тебя, и я должен тебя взять.

— Так возьми, — произнесла она тихо. Легкий румянец коснулся ее щек, растекся жаркой краской, воспламенил лоб и шею. — Я твоя по праву... и еще потому...

Она запнулась, он жадно смотрел на ее губы. Она закончила едва слышно:

— ...потому что я — твоя.

Он придвинулся, она опустила голову ему на грудь. Он замер, не веря в свое счастье.

— Я люблю тебя, Итания, — прошептал Придон. — Я пришел, чтобы взять тебя. Так велят боги!

— Чьи боги? — спросила она шепотом с его груди.

— Боги, — ответил он. — Когда я вижу во снах или в видениях твое лицо, я становлюсь богом сам. Тогда мне все удается, на мне быстро заживают раны, я усмиряю диких зверей, я вижу червей в глубинах земли и движение сока в стеблях цветов! Я заставляю самых жестоких плакать, а непреклонные по моему слову прыгнут в седло и поскачут в ту сторону, куда укажу. Я могу все... не могу только причинить боль или обиду тебе, Итания! Здесь даже бог во мне становится твоим ручным зверьком, которого ты вольна приласкать, и тогда он готов умереть от счастья, вольна пнуть и велеть убираться, и тогда он умрет от горя, едва выйдет за двери, но не посмеет тебе воспротивиться... Я очень, очень... я безумно люблю тебя,

Итания! Нет таких слов, я их искал, мучился, стонал и рвал на себе волосы, придумывал сам, но нет таких слов, чтобы высказали... чтобы выразили...

Он задохнулся, умолк.

— Но почему вот так? — спросила она.

Он сказал беспомощно, с яростью в голосе:

— Я не знаю! Это не я шел, меня вела... другая сила! Людские силы перед нею — ничто, прах, пыль, клочок тумана! Не должен любить тот, кто не сможет с этой силой справиться... Я — не смог! Я пытался, видят боги, пытался. Но я не смог!.. И потому я здесь с войском, потому горят города, пустеет земля, даже звери бегут перед артанами, что подобны степному пожару...

— Ты будешь брать город?

— Я возьму тебя, — ответил он яростно. — А город... да, возьму, но что мне город? Я возьму тебя, ибо я должен тебя взять... как берет артанин, как берет мужчина — по своей воле!

Она сказала горько, ему почудились печаль и насмешка в тихом голосе:

— Ах да, не потерять лицо... Сохранить честь, достоинство, имя. А то, что горят города, опустошена земля, десятки тысяч уже погибли...

Он отмахнулся:

— Что жизни? Бессмертных среди них не было, все когда-то да умрем. Чуть позже или чуть раньше — велика ли разница? Зато деяния наши взвеселяют наших праотцов, что смотрят за нами, Итания!

Она нахмурила брови, взгляд стал задумчивым. Сердце Придона остановилось в отчаянии, вдруг почудилось, что она рассердилась, но Итания спросила неожиданно мягко:

— Придон... если я сейчас уйду с тобой, как ты поступишь?

Он растерялся.

— Со мной? Как?

— Как хочешь, — ответила она просто. — Как скажешь.

Он тоже сдвинул брови, глаза потемнели.

— Я возвращусь к себе. В свой лагерь. К артанам.

— Я пойду с тобой, — ответила она. — Я уже бежала за тобой, Придон. И мне было все это время не легче, чем тебе,

Придон! Ты хотя бы чувствовал свою правоту... А что могла чувствовать я?

Он пошатнулся, удар был неслыханной силы.

— Итания, — простонал он раздавленно, — ты... ты здесь страдала?

— Ты даже не предполагал?

— Итания, я... Итания!

— Я пойду с тобой, — повторила она. — Я могу выскользнуть отсюда тайком... постараюсь выскользнуть. Если ты знаешь, как нам выбраться из города тайно, мы выберемся. Если нет, то я сегодня же уговорю отца отпустить меня! Знаю, он будет против, но я сумею. Я сумею...

Он сказал медленно, с таким усилием, словно поднимал горный хребет:

— Итания... теперь я должен взять город. Это предрешено. Это... это надо. Иначе я как будто тебя не взял, а... мне отдали. Нет, мне подали!.. Я — Придон, тцар Артании. Даже от богов я не приму подачку! Да боги и не решатся. Я возьму, Итания, тебя вместе с этим городом. Это такая мелочь — город, но эта мелочь почему-то важна для моего войска, для моих волхвов, полководцев, пророков, оракулов. Почему-то это важно для меня самого... для того, что я есть... и для того, что во мне есть.

Крупные прозрачные слезы покатились по ее бледным щекам.

— Придон, — воскликнула она, — так... не должно быть! Измени все! Ты — хозяин всего! Ты можешь сделать все иначе!

Он сказал горько:

— Я не могу изменить себя, как я могу изменить мир? Это наваждение терзает, ведет меня могучей дланью, я живу для тебя и творю для тебя. Я — песчинка той неслыханной мощи, что пробудилась во мне и ведет меня. Я возьму этот город, войду в этот дворец, и наши волхвы соединят наши руки. Так начертано высшими силами. У меня нет сил им противиться... даже если бы захотел и... стал противиться.

Ее прекрасное лицо медленно твердело, слезы высохли, в глазах появилось незнакомое ему выражение.

— Разве ты не герой, Придон? — спросила она медлен-

но. — Разве не ты добыл меч Хорса? Ты не песчинка, ты сам тот ураган, что может принести как большую беду, так и тучу с дождем на высушенные поля!

Он покачал головой:

— Мог бы, я бы отказался от любви к тебе, ибо ты истерзала мне душу и сожгла сердце! Я уходил в Степь, там кричал и плакал, ибо слез артанина никто да не узрит.

Ее голос был все еще полон печали, но в нем прозвучала новая нотка:

— Придон, умоляю тебя, откажись.

— Не могу, — шепнул он.

— Придон, я встану на колени. Я поклянусь быть твоей рабыней...

— Нет! — воскликнул он в ужасе. — Это я твой раб!

Она помолчала, он ощутил растущий в нем страх. Ее лицо стало еще тверже, даже ее губы, похожие на спелые черешни, теперь как будто вырезаны из розового мрамора.

— Если не можешь, — услышал он ее шепот, похожий на голос северного ветра, — уходи. Да свершится то, что должно свершиться.

Она высвободилась из его рук, Придон замер, ее голова отстранилась от его груди, и он ощутил настоящую резкую боль, словно она выдирала из него сердце.

— Итания! Не будем противиться богам!

— Куявы не так слабы, как ты думаешь, — прошелестел ее голос. — Мы умеем противиться и богам тоже.

Внезапный гнев всколыхнул ему грудь, кровь вскипела. Он властно протянул к ней руки. Итания отодвинулась, от слез остались только блестящие дорожки. Она смотрела на него все еще с болью, но в глазах было незнакомое выражение... или то выражение, которое он видел только на лицах гордых артан.

— Уходи, — велела она.

— С тобой! — отрезал он.

В ее левой руке появилась небольшая бронзовая колотушка. Небольшой медный гонг у изголовья отозвался чистым приятным звуком. Итания ударила еще раз, колотушка выпала из ее пальцев. Лицо побледнело, в глазах возникла боль.

— Вот и все, — выдохнула она. — Уходи. Через минуту сюда прибегут слуги.

Он скривил губы.

— У нас ворвались бы сразу!

— Для этого достаточно было стукнуть один раз, — объяснила она. — Уходи, успеешь.

Она просто и ясно смотрела ему в глаза, уже не испуганная принцесса, а гордая дочь великого тцара, привыкшая повелевать, умеющая говорить с сильными и свирепыми мужчинами. Он задохнулся от нежности, ярости, жажды схватить ее и перебросить через плечо, никто не остановит его, когда понесет их принцессу, как связанную овцу,

— Уходи, — напомнила она строго. — Уходи!

ГЛАВА 9

Дверь распахнулись, в проеме возникли слуги. Придон злобно улыбнулся и поднялся во весь рост. Сейчас, без фальшивой личины и куявской одежды, он был узнаваем и страшен, но все равно на него смотрели, вытаращив глаза и с отвисшими челюстями, пока кто-то не завопил:

— Это тот самый!.. Придон!.. Позовите стражей!

Слуг разметало в стороны. В покои ворвались крупные мужчины, закованные в доспехи. Длинные мечи тускло и зловеще блистали в их руках, все рассыпались вдоль стен, только двое бросились на Придона.

Придон захохотал, его пальцы с быстротой молнии метнулись к плечу. В опочивальне ахнули в один голос. В руке артанина возник меч — длинный, пылающий, жаждущий. В стены ударил немыслимо яркий, но совсем не режущий глаза чистый радостный свет.

— У него меч... — закричал кто-то тонким рвущимся голосом.

— У него меч Хорса!

— У него...

— Слава! — крикнул Придон страшным голосом и сам прыгнул от ложа вперед.

Его прыжок был высок и длинен, но подошвы еще не уда-

рились о пол, как меч мелькнул дважды. Послышался сдвоенный удар металла о металл, два тела рухнули, развалившись на половинки, а Придон метнулся на загородившую двери толпу.

Он чувствовал себя в своем мире, горячая кровь вздувала мышцы, он грохочуще смеялся, двигался впятеро быстрее, чем любой из этих увальней, рубил, рассекал, повергал, сбивал с ног и вырвался из спальни раньше, чем остальные стражники успели ударить в спину.

По дворцу понеслась, как гонимая ветром, волна страха, крика, ужаса. В мигающем оранжевом свете факелов люди начинали метаться и кричать, сбивать друг друга с ног, блестели драгоценности и доспехи, а он несся с пылающим мечом, превращая ночь в солнечный день, рассекал, крушил, и все тело переполняла небесная мощь, и он страшился, что не вместит, что его разорвет изнутри.

Может, потому и не мчался к выходу, куда уже сбегался заслон, это его мир, когда с оружием, когда по-мужски, когда звон железа, крик, удар, когда внутри огонь и ликующий крик, когда сладостный мир, где не терзает постоянная боль потери Итании, и он почти пожалел, что пронесся все пять залов к выходу из дворца, что сраженных мало, что не угасла ярость, не утихла боль, не утопил гнев и не насытил злобу на этот неправильный мир...

Хмурый рассвет охладил пылающее лицо, свирепое пламя меча осветило половину площади.

— Я — Придон! — прокричал он грозно. — Я еще приду!

Он даже не бежал, а шел через весь город в сторону городских врат, и никто больше не пытался остановить, встать на дороге. Народ разбегался, ослепленный, пораженный, потрясенный. Он ударил мечом крест-накрест в ворота и вышел в прорубленную дыру.

Сзади звенел крик, вдогонку летели стрелы, дротики. Ликующая мощь струилась из его тела, он чувствовал, что сейчас он — сильнейший из магов, если только захочет, даже бог... если хочет, звездная сила распирает грудь, ухватить бы небо и пригнуть к земле...

Он убрал на ходу меч в ножны, а те завернул в плащ и сно-

ва забросил в мешок за спину. Впереди клубился туман, затем послышался грохот копыт.

Выметнулись всадники на влажных от ночного тумана конях. Топоры блистали так же влажно, как и настороженные лица. Один тут же соскочил на землю, подвел коня в поводу. На лице молодого воина был страх.

— Великий тцар, — спросил он тревожно, — что за огонь блистал... там, в Куябе?

Второй зябко передернул плечами.

— Страшный огонь, — добавил он. — Не огонь пожаров, а... чистый огонь.

— Как будто там Творец, — добавил третий, — творил новый мир.

— Отделяя свет от тьмы, — сказал еще кто-то сзади.

Простучали копыта, из утреннего тумана вынырнул огромный конь. Вяземайт тут же спрыгнул, подбежал, обнял Придона. Руки волхва вздрагивали, он выдохнул с такой силой, словно удерживал воздух с момента, как выбрался из Куябы.

— Цел!.. Я уж натрясся...

Придон сказал громовым голосом:

— Теперь куявы трясутся. Этот город, считай, наш.

Вяземайт обнял снова, отстранился, в глазах мелькнуло непонятное выражение.

— Вернемся в лагерь, — сказал он. — Еще многое надо решить.

Придон легко вскочил в седло, Вяземайт развернул коня, они поехали рядом стремя в стремя. Придон сказал уверенно:

— Меч со мной. Что еще решать? Куяба — наша.

Вяземайт оглянулся, воины почтительно отстали, понизил голос:

— Во-первых, башни магов все еще защищают город. Им меч не помогал и не мешал. Во-вторых, нам так просто не одолеть эти стены. С тобой меч или нет, но стены остаются такими же толстыми и высокими. Но, самое главное...

Он запнулся. Придон сказал хмуро:

— Говори.

— Это только сомнения...

— Говори, — сказал Придон уже зло. — От тебя доброго слова клещами не вытянешь.

— Придон, тебе не кажется, что мы слишком легко получили меч?

Придон дернулся.

— Легко? Ты это называешь «легко»?

— И еще, — сказал Вяземайт. — Как ты сумел пройти через весь город? И почему тебя не остановили?

Придон сказал оскорбленно:

— У меня в руках был этот меч! Кто бы посмел?

Вяземайт подумал, покачал головой.

— Да, они трусы, но дело в другом... Могли бы что-то придумать.

Придон сказал с подозрением:

— Ты говори, что не так?

Вяземайт сказал злым голосом:

— Все равно мне кажется, что эти подлые души в чем-то нас обошли! Только не пойму в чем. Ведь пророчество говорит, что невозможно взять город, в котором находится этот меч. Понимаешь, этот меч — меч Защиты! Самой высшей защиты. Я не знаю, что это... но так изречено. И вот теперь часть победы... этой великолепнейшей победы отравлена ощущением, что куявы...

— Ну?

— Что куявы отдали нам этот меч намеренно!

Придон отшатнулся так, что едва не рухнул с коня.

— Вяземайт! Ты от магии немного не в себе... Или даже много. Кто же откажется от такого меча? Да еще если он хранил их от гибели?

Центральная часть Куябы была застроена дворцами, там запрещалось размещать торговые ряды, рынки, хотя свободных площадей в изобилии, и сейчас там собирались как богатые хозяева этих дворцов, так и населяющая их челядь, а также сюда стягивались с окраин, чтобы узнать последние новости.

Сюда приносили даже престарелых беров на носилках. Эти обычно устраивались в дворцовых садах, там в тени не-

спешно рассаживались в удобные кресла, им подносили из подвалов охлажденное вино, они беседовали как о делах сегодняшних, так и о вечных тайнах мироздания, ибо кому, как не им, уже одной ногой стоящим в другом мире, размышлять об устройстве мира?

Слуги наперебой таскали им самые изысканные яства, вина, поглядывали почтительно на самых именитых и самых могущественных людей страны. Это они, а не тцар определяли, с кем торговать, с кем воевать, от каких предложений отказаться, какие принять. Тцар, выслушав их, редко когда отвергал, и всякий раз любое расхождение во мнениях приводило к тяжелым потрясением по всей стране.

Сейчас они сидели в этом саду и говорили, говорили, говорили про мощь артан, про их дикую силу, бесстрашие и презрение к смерти, так свойственные диким народам. Слуги убирали со стола блюда, на которые не обращали внимания, тут же другие слуги ставили на то место другие кушанья, изысканные, редкие, приготовленные лучшими поварами и умельцами. Белые как снег волосы беров сливались с белоснежными одеждами, лишь двое явились в пурпуре, что вошел в моду у молодежи, у всех руки по самые локти унизаны массивными золотыми браслетами, как и пальцы — кольцами с драгоценными камнями, у всех одежда усеяна золотыми пряжками искуснейшей работы.

Подлинные властелины Куявии, они сейчас ели и пили всласть, обсуждали, полные осознания своей мощи, могущества, власти. Дряхлость тел ничего не значит, они ж не в Артании, где, как говорят, стариков вообще убивают. Слуги с завистью посматривали на их тучные, холеные, ухоженные тела. Беры негромко переговаривались, но челядь заметила сразу, что властелины на этот раз к блюдам почти не прикасались. Лица их оставались бледными, не помогло даже красное сладкое и подогретое вино.

По всему городу народ выходил из домов, на площадях собирались толпы. Жаркие споры часто завершались драками, толпами бегали за каждым всадником, въехавшим в главные ворота, стояли подолгу перед дворцом, ожидая вестей.

Рипей, его назначили после Дуная главнокомандующим,

вынужденно поставил на стены и башни всех здоровых мужчин, воинов уже не хватало, сказывалась дурость Тулея, пославшего столичное войско навстречу артанам. Но теперь даже на стене водопровода поставили чаны со смолой, а на городской стене так и вовсе день и ночь мужчины дежурили у бочек с горячей смолой, которые время от времени опускали со стены, дабы осветить ворота и дорогу к ним.

Все кузницы работали круглые сутки, копья лежали у стены, связанные в пучки, как длинные поленья. Оружейники набирали народ в подмастерья, цены на доспехи взлетели впятеро. Поднялись цены на хлеб, на мясо, зато упали на вино. Рипей в сопровождении двух военачальников носился по городу из конца в конец, всюду слышали его громовой голос, отдававший приказы. Стены укрепили, мужчины готовили багры, чтобы отталкивать лестницы с ползущими по ним артанами, ремесленники собирали на башнях камнеметные машины.

Весь город бурлил, передавали панические слухи один другого страшнее, что дикий артанин шел через стольный град от дворца к воротам и никто не смел его остановить. Во дворце он убил сильнейших богатырей, на улице рубил всех и оставил за собой горы трупов, а ворота разнес в щепы и ушел в утренний туман, никем не схваченный.

Ворота заделали быстро, благо артане не додумались сразу же ворваться, видно, сами не ожидали, но горожане были в панике и ходили как в воду опущенные. Наконец из дворца поползли тайные слухи, что это была хитрость, что меч вовсе не защищал город, потому и дали его выкрасть. Этот меч как раз и принесет несчастье артанам, да неужели вы думали, что куявы не перехитрят? Во дворце Рипей перехватил Барвника, огляделся по сторонам.

— Странные слухи, — сказал он. — Я понимаю, что это поддерживает дух населения, но... в самом деле, не слишком ли просто артанин вынес меч?

Барвник дернулся, в глазах метнулось нечто похожее на страх.

— Я пока ничего не могу сказать, — ответил он с трудом. Сглотнул, посмотрел по сторонам. — Просто поверь.

— Почему?

— Рипей, ты — доблестный воин. Храбрый и... надежный. Но правда может быть слишком горька. Даже для тебя, битого и перебитого. Могу только сказать, что мы, куявы, смотрим дальше в будущее, чем артане.

Рипей смотрел с подозрением.

— Что-то не нравятся мне твои слова, — сказал он медленно. — Больно все обтекаемо. Ты намекаешь, что наши беды еще не кончились? Что впереди такое, что это покажется копанием в песочке?

— Разве у куявов не бывало раньше бед? — ответил Барвник уклончиво. — Разве я с одной рукой не такой же силы маг, как и с двумя?

Рипей покачал головой, лицо потемнело.

— А если потеряем Куябу, это не будет ли... как потеря головы?

— Нет, — ответил Барвник и посмотрел ему в глаза. — Это... как потеря зуба.

Придон в который раз выехал на невысокий холм, откуда так хорошо наблюдать за городом, но смотрел с угрюмой и бессильной яростью только на обе черные башни.

Откуда бы ни видел их, всякий раз холодеет в животе, а в груди возникают страх и бессильный гнев. Он не устрашился бы снова сцепиться лицом к лицу с дивом, горным великаном, драконом, целой армией врага, но — чтобы видеть, с кем дерешься.

Что-то безмерно подлое и низкое в том, что невидимый противник обстреливает тебя, никогда не промахиваясь. С такого расстояния пока доскачешь до этой башни, десять раз попадешь под смертельный удар.

Застучали копыта, он слышал по тяжелой поступи, что приближается Аснерд. Донесся гулкий размеренный голос:

— Обе как раз защищают город... Я посылал всадников почти под самые стены с этой стороны, башни молчат. Но когда пробовали обойти город, по нам сразу плеснули кипящей смолой...

— Из башни?

Аснерд покачал головой:

— Нет, достали с городской стены. Из катапульты швырнули бочонок. Крикнули вдогонку, что из башни нас зальет целое море.

Придон кивнул:

— Хорошо, что сюда не достанут. Но не сидеть же здесь вечно? Даже если сумеем проломить стену или взобраться по лестницам, нас зальют этой прожигающей до костей смолой.

— Говорят, у них есть еще ядовитый туман, — сообщил Аснерд. Могучие плечи передернулись, как на холоде. — Какая гадость!

— У них есть не только смола и туман, — утешил Придон. Глаза его стали отсутствующими. — Я как вспомню тот проклятый лед...

— Они могут превратить твердую землю в болото, — буркнул Аснерд. — Могут — в зыбучие пески.

Придон спросил зло:

— Сколько у нас этих... что примкнули?

— Войска мятежных беров из Нижней Куявии? — ответил Аснерд. — Да почти треть от нашего войска. Еще треть всякого сброда, что примкнула в расчете на добычу.

— Вот и хорошо, — сказал Придон со злым удовлетворением.

— Что?

— Есть задумка. Только надо все согласовать по времени. Мы обойдем город и сразу ударим по башне.

Аснерд поежился.

— Много наших поляжет.

— Мы все когда-то умрем, — ответил Придон просто. — Но колдунам будет не до нас... Мы сообщим войску, что артане по своему обычаю выбирают себе самую трудную цель — башни колдунов! А всем союзникам разрешаем первыми ворваться в город! И грабить досыта первыми.

Аснерд подвигал бровями, в черепе скрипело и грюкало, потом лицо просветлело, в глазах появился живой блеск.

— Ага, — каркнул он молодо. — Конечно, для ворья это большой соблазн. В Куябе много дворцов и очень много домов богатых и очень богатых вельмож. Можно нагрести злата

столько, что нищий разбойник в своих краях купит целый город и станет его хозяином... Как я понял, ты хочешь их первыми?

Придон неотрывно смотрел на башни. Голос его прозвучал почти равнодушно:

— Да. Однако и артанам нельзя отставать... слишком сильно. Оставь здесь Меклена. Как только союзники начнут выбивать ворота... нет, как только колдуны станут бросать в них огонь, пусть крикнет!

— Да-а, — протянул Аснерд, — когда Меклен кричит в полную мощь, птицы падают мертвыми. Но на всякий случай еще и приготовлю бочки со смолой. Велю зажечь, как только колдун начнет. Хотя не понимаю, ты же сам все увидишь!

Придон покачал головой.

— Это если огненным дождем, а вдруг что-то вовсе невидимое? Надо быть готовым. Если начнут падать мертвыми без всякой причины — пусть сразу подают сигнал.

— Но и ты не спеши, — предупредил Аснерд с отеческой тревогой. — Пусть он поистощит свои стрелы. Или силы. Ему тоже надо перевести дух.

На рассвете звонко и страшно запели трубы. Грохот бубнов поднял на крыло птиц, а сусликов заставил забиться поглубже в норы.

Артане выезжали из лагеря нестройными толпами. Кони горячились, поднимались на дыбы, кусались, зло прижимая уши. Аснерд сам съездил в воинский стан союзных куявов, объяснил им, кому что делать. Те без охоты приняли, что надо будет лезть на стены, тогда Аснерд предложил пойти в атаку на черные башни.

Вернулся, хохоча во все горло:

— Ты бы видел их рожи!.. Ты бы видел!..

Придон смотрел с любовью и нежностью, которую давно уже не испытывал в сердце к мужчинам. Аснерд хохочет, как будто не ему мчаться вместе с ним, Придоном, и другими во главе конного войска, как будто не ему принять ужасающий удар великого чародея из черной башни.

— Тогда начнем, — сказал он.

Аснерд покосился на рукоять меча за его спиной. Придон в седле на простом коне, лоб перехватывает кожаный ремешок, а волшебный меч вовсе не выглядит волшебным. Пусть колдун в башне не увидит военачальников, пусть у всех скачущих с топорами в руках будет одинаковая возможность и погибнуть, и остаться героем.

— Не спеши доставать меч, — посоветовал Аснерд с грубоватой заботой. — Не раньше, чем подскачем к дверям.

— Если там вообще есть двери, — ответил подъехавший Вяземайт. — Я слышал...

— Все такое слышали, — буркнул Аснерд. Он с неприязнью посмотрел на серебряные волосы верховного волхва. — Ты бы хоть грязью вывозил!.. Или оставить тебя в лагере? Тебя, старого дурня, за версту видно!

— А тебя не видно среди молодых дурней?.. Ладно, поехали.

Черные башни, как и в первый день, когда их увидел, грозно и недобро смотрелись на чистой, нежной голубизне небе. Белая высокая стена перегородила мир, из-за нее дворцы с золотыми крышами, все чистое и праздничное, но дальше эти две жуткие башни, олицетворение страшной нечеловеческой мощи.

Придон повернулся, на него очень серьезно смотрели и почтительно слушали доблестные герои-военачальники.

— Меклен, — сказал Придон, — ты остаешься за главного... Когда чернь полезет на стены, крикнешь!.. Аснерд, ты и Бачило... нет, с вами еще Краснотал Темная Туча, поведете свои десять тысяч ко второй башне. С вами Щецин и Волин.

Аснерд фыркнул:

— Десять тысяч на одну башню! Смешно.

— Неизвестно, сколько доскачет, — ответил Придон серьезно. — Я беру Ральсвика, Канивца. Их пяти тысяч будет достаточно.

— А я? — спросил Шульган.

Придон поколебался, этого серьезного и опытного военачальника собирался оставить для охраны лагеря, потом махнул рукой.

— Тоже. Если поляжем, то и охранять будет нечего.

ГЛАВА 10

Это было страшное и прекрасное зрелище, когда конное войско медленно разделилось на два крыла, а затем по крику Меклена кони пошли вскачь, понеслись бешеным галопом, стараясь перегнать друг друга, проламываясь сквозь встречный ветер, помчались над самой землей, едва касаясь копытами земли.

— Смерть колдунам! — прокричал Придон. — Смерть!

Сквозь рев ветра, грохот копыт, от которого тряслась земля, страшный звериный крик потряс мир:

— Смерть!

— Смерть!

— Смерть!

— Убить всех!

— Очистить...

Черная башня вырастала, разрасталась. Зеленое поле разделила черная, как трещина в преисподнюю, густая тень. Конь вскочил в нее с разбегу, Придон ощутил смертельный холод, но тут же на плечи пал солнечный жар, кровь взыграла, вскипела.

Он выхватил меч, мир вокруг осветило белым огнем. Сердце ахнуло и остановилось, он весь ощутил себя этим всесжигающим светом, карающим лезвием, судьей и палачом самого Творца.

— Слава!

Башня надвинулась, он привстал в стременах и, когда черная стена из гранита налетела, набросилась, ударила, с яростью рубил крест-накрест, пронесся вдоль стены, ударил еще, и везде меч проходил через камень, как сквозь черный дым, как через туман. Сзади слышался грохот, камни вываливались, грохотали.

Донесся пронзительный крик Вяземайта:

— Все от башни!.. Все от башни!.. Быстро, иначе я сам всех вас в жаб...

Придон кричал в гневе, на глазах красная пелена, меч блистал жутким светом, башню сотрясало, огромные глыбы трещали, скрипели, побежали трещины.

По ушам хлестнул дикий крик Вяземайта:

— Она... рушится!.. Придон, Придон!

Придон замер, оглушительный треск ударил по ушам со страшной силой, в черепе кольнуло болью. Конь задрожал, попятился. Черная стена качнулась, снизу доверху рассекла глубокая, как провал, трещина.

Конь в страхе понес, Придон старался удержать, но, когда остановил и кое-как развернул мордой к башне, она медленно заваливалась в ту сторону, где он только что стоял. Заваливалась не как срубленное дерево, а рассыпаясь на ходу, разваливаясь, распадаясь на огромные грубо разломанные глыбы.

Земля тяжело вздрогнула. Потом еще и еще, уже тише, успокаиваясь, как после сильнейшего испуга. Придон не верил глазам: на месте чудовищной башни, нагонявшей ужас, леденящей сердца, — куча блестящих сколами глыб!

Конь Вяземайта вырос, как будто соткался прямо из воздуха. Вяземайт раскинул руки в стороны, лицо задрано к небу:

— Боги Артании!.. Спасибо!..

Придон вскрикнул:

— Как?.. Как мы победили... так легко?

Он развернул коня, Вяземайт закричал вдогонку:

— Ты куда?

— Помогу Аснерду!

За ним нарастал грохот, когда он оглянулся, следом неслась тяжелая лава, воины склонились к конским гривам. Он видел тяжелый прищур Шульгана, чуть левее идет быстрыми короткими скачками резвая кобылка Ральсвика, зато крупный конь Канивца несется длинными плавными скачками, словно плывет по воздуху, а сам Канивец пригнулся к конской шее, будто уклоняется от летящих навстречу стрел, в руке холодно блещет тяжелый топор.

Когда обогнули городскую стену, вторая черная башня была окружена, как огромный черный жук рыжими муравьями, быстрыми всадниками. Все, кто смог пробиться, яростно рубили камень топорами. Искры взлетали так часто, словно основание башни тонуло в огне.

Придон вскрикнул от ликования: не видно трупов, а их могло быть больше половины войска, нет замерзших, нет со-

жженных, нет превращенных в камень. Не похоже, что кто-то утонул в зыбучих песках...

— Разойдись! — заорал он. — Всем отойти!

С пылающим мечом его как на крыльях несло к башне. Во все стороны шарахались, как вспугнутые воробьи, отважные артане. Все схватывающие быстро Канивец, Шульган и другие военачальники тут же начали оттеснять бойцов от башни, а он с мстительной яростью рубил колдовской камень, вымещая все страхи, ненависть, обиды, злость, и, даже когда затрещало, пробежали трещины, все еще старался ударить, пока за плечо не ухватила мощная лапа. А яростный голос с такой силой гаркнул в ухо, что голова едва не разлетелась вдребезги:

— Ошалел?.. Герой — камень рубить!

Он дал себя увести под грохот копыт, сзади гремело, трещало. Земля несколько раз дрогнула, а потом в недрах, долго перекатываясь, медленно затихал протяжный гул.

От черных башен остались бесформенные холмы из каменных глыб. Городскую стену видно целиком, там цветные фигурки замерли в ужасе и в безмолвном отчаянии. Поблескивают искорки на металле, это стражи и военачальники, но основная масса зевак состоит из горожан, этим хватит на всю жизнь рассказывать, как артане разнесли в щебень две чудовищно огромные и несокрушимые башни.

Придона обнимали, поздравляли. Он уже спрятал меч в ножны, отмахивался, указывал на Вяземайта, он, мол, призвал богов, а те помогли, но, когда Вяземайт подъехал, его тоже поздравляли, Придон спросил потрясенно:

— Но как?.. Скажи, как?

К ним приблизились Аснерд, Щецин, другие военачальники. Аснерд сказал с чувством:

— Ну, друзья... скажу честно, не надеялся снова с вами увидеться.

Придон повторил:

— Как мы уцелели? Почему они ни разу... ведь ни разу?.. Почему ни разу не ударили со всей мощи?

Вяземайт растерянно разводил руками, глаза были отсутствующие, сказал торопливо:

— Не могу понять, почему вообще не чувствую магов...

Аснерд сказал авторитетно:

— Так их же завалило камнями! И вообще перемололо в кашицу.

— Я бы ощутил, — пробормотал Вяземайт. Он все всматривался в огромную черную груду. — Неужели это...

— Ну-ну, — сказал Аснерд.

Остальные смотрели с жадным ожиданием.

— Неужели, — повторил Вяземайт, — это всего лишь... Ну и дурак же тогда я! Какой дурак, а еще верховный волхв... Эх, бить такого старого дурака надо, да все некому.

Аснерд сказал с готовностью:

— Давай я! Я с удовольствием. Так врежу, что сразу умным станешь. А на чем ты с этими башнями попался, как кот на мякине?

Вяземайт привстал на стременах, огляделся.

— На песке, — сказал он с досадой. — Они ж на песке! Как я сразу не...

— А что, — сказал Аснерд рассудительно, — и на песке строят...

Он осекся. Военачальники переглядывались, Ральсвик хлопнул себя по лбу. Вяземайт скривился.

— Ага, дошло? Какие в песке запасы магической воды? Такое можно только в горах. Да чтоб еще и в подземных пещерах, куда натечет та древняя вода, ни единой трещинки... Потому эти башни и не шарахнули всей мощью! А тот огонь, что вспыхивал так жутко, это всего лишь сам колдун зажигал. Это любой из моих учеников может, это так, без вреда. Одна видимость. Детей пугать. Огонь из пальцев, слабенькие миражи... но, если люди уже знают про мощь таких башен, они верят всему.

Аснерд с досадой поскреб в затылке.

— Башни-страшилки. Простые страшилки! Подумать только, до какой подлости додуматься — людей дурить!

— Но получалось...

— Еще как, — согласился Аснерд раздраженно. — Одним своим видом отпугивали! Но все, надо признать, у куявов получилось. Ведь те, горные башни уничтожили не одно войско, это все знают. А потом, когда построили эти две, то не надо и рассказывать, какие они страшные, все уже знали...

...Атака союзных куявов и куявской черни на стены Куябы была, понятно, отбита. С большими потерями. Не потому, что те проявили очень уж большую отвагу, но на стенах, в полной уверенности в своих силах, сперва дали подойти почти всему войску, даже позволили приставить к стенам лестницы и начать карабкаться. Люди Годлава в это время бессмысленно колотили слабеньким тараном в ворота. Не сразу на стенах опрокинули бочки с кипящей смолой, а лучники, стоя в три ряда, быстро и умело начали расстреливать тех, кто оказался на расстоянии выстрела.

Придон брезгливо оглядел горы трупов под стенами и множество неподвижных тел вокруг города, сказал Аснерду:

— Теперь оставшиеся уже не воины... Отошли их к Ящеру подальше. Пусть грабят мелкие городишки.

Аснерд подумал, покачал головой.

— Здесь, правда, добычи побольше. Зато там — вернее. Насколько я знаю куявов, эти торгаши и торгашики рисковать не любят. Это сейчас жадность им затмила глаза, но теперь будут дуть и на воду.

Солнце еще не опустилось к далеким горам, а от куявского лагеря остались только черные пятна костров да горы мусора. Зато вскоре вдали поднялось зарево пожаров, это союзнички вымещали горечь поражения на каких-то деревнях.

Придон в сопровождении военачальников впервые объехал Куябу вокруг, замыкая кольцо. Все дивились развалинам черных башен, что нагоняли страх на несколько поколений, подивились и куявской хитрости.

Придон сказал звенящим от напряжения голосом:

— Начинаем осаду!.. Отныне чтобы мышь не проскользнула в город!..

Щецин поинтересовался:

— Что с морем?

— Вяземайт договаривается, — ответил Придон. — Союзные беры перекроют вход в гавань. Они вообще сейчас гоняются за всеми кораблями Тулея, захватывают. Как бы между собой не передрались!

— Да пусть дерутся. Куявов на свете много. Слишком уж

стараются прожить без забот и опасностей. Чтобы жисть прожить и ни разу не пройтись над пропастью!

На городской стене день и ночь толпились куявы, с ужасом смотрели на придвинувшийся лагерь артан. Ночами казалось, что само небо опрокинулось на землю, костры бесчисленными огоньками уходят к горизонту, а с утра артан как будто становилось больше: Шесты с красными тряпками победно убрали, шатры военачальников придвигаются ближе, а дозоры выставлены напротив ворот, всего на расстоянии выстрела из лука.

Пробовали по ближайшим стрелять из катапульт, разметали под радостные крики горожан один костер, тогда из рядов артан вышли два страшных лучника, в их руках появились такие огромные луки, что самых отважных пробрал страх. За несколько выстрелов эти лучники разнесли катапульты в щепки.

Прошел слух, что эти лучники собьют любого дракона, будь тот даже в мифриловой броне. И еще говорили, что сам неистовый Придон, добывший меч Хорса и снова им овладевший, теперь бессмертен и неуязвим. Куявия обречена, и всем надо спасаться кто как может.

От Тулея дважды пытались вступить в переговоры, но взбешенный Придон ответил жестко: куявы нарушили договор. За это поплатятся. Зато спасение и бочонок с золотом будет тому куяву, кто поможет артанам взять этот вероломный город.

На второй неделе осады ночью к стану артан долетела стрела. В расщепе была записка, вартовой тут же бегом принес ее в шатер Придона. Тот прочел, немедленно велел разбудить Аснерда, Вяземайта, Щецина.

Вяземайт прочел записку внимательно, повторил задумчиво вслух:

— «Поможем взять город. Встреча у угловой башни завтра в полночь»...

— Не ловушка? — спросил Щецин.

— Я человек подозрительный, — признался Вяземайт, — но сейчас сетей не зрю. И даже не узреваю. Похоже, в куявах, как мы и ждали, заговорила жадность.

Аснерд довольно хохотнул:

— Она в них и не умолкала. Хорошо Придон придумал! Без всяких хитростей, прямо в лоб. По-артански. Кто из куявов предаст свою страну — получит бочку с золотом! Эх, только бочку жалко. Можно было бы пообещать монетку. Все равно бы продали.

Придон стукнул кулаком в ладонь.

— Эх, скорее бы следующая ночь!

— Ты эту переживи, — мрачно посоветовал Вяземайт.

Остаток дня Придон томился, не зная, куда себя деть, едва снова не собрался в Куябу, но Аснерд отговорил, довольно грубо напомнив, что Скилл был еще неуязвимее.

Плечи Придона передернулись, он бросился на ложе и, закинув руки за голову, сказал люто:

— Дождусь!.. Что мне, ждавшему полгода, дождаться полночи?

Аснерд внимательно следил за его лицом. Придон приучил себя даже лежать вот так на спине, на кровавой ране, превозмогая боль, ибо теперь его терзают и рвут на части куда более свирепые силы.

— Дождемся, — ответил он сочувствующе. — Я никуда не уйду. Буду ждать с тобой.

— Спасибо, Аснерд, на добром слове.

— Да это я так, — сказал Аснерд, поднимаясь, — не подумав. Вообще-то у меня есть дела. А ты полежи. Если спине тяжко, полежи на боку. Я разыщу Вяземайта, мне все непонятно, как он с колдунами справится! Страсть люблю смотреть, как колдуны бьются.

Он оставил полог шатра открытым, Придон видел, как над Куябой громоздились огненные горы облаков, все пурпурные, пылающие, словно подсвеченные снизу не заходящим солнцем, а заревом пожаров, что вскоре охватят весь стольный град, где будут носиться в диком страхе и отчаянье богатые и сытые куявы, где их пышные женщины станут добычей свирепых и сильных мужчин.

Тихо и очень медленно темнело небо, выступили звезды. Ночь теплая и чистая, луна огромная, на полнеба. В такие ночи многие отряды, подобно Ральсвику и Меклену, набившим

руку на внезапных ночных набегах, предпочитают двигаться с наступлением темноты, когда глаза привыкают быстро, и видишь даже больше, чем днем, ибо днем ослеплен и оглушен, а тихими ночами слышны все звуки, нос ловит все запахи, а глаза различают силуэты далеких гор, темных деревьев. Кони двигаются ровным шагом, переговариваются фырканьем и пряданьем ушей. Земля отзывается ровным успокаивающим гулом...

Он всхрапнул, как конь, вскочил, будто подброшенный пинком великана.

— Плакун-травы, — велел он. — И позвать Аснерда!

Аснерд явился уже с Вяземайтом, напрашивались Щецин и Меклен, но их оставили, да не испугаются куявы, тихонько вышли из лагеря, бесшумно прокрались к угловой башне. Долго ждали. Аснерд, который в темноте видел как днем, только не различал цвета, сообщил шепотом, что нигде никого, а на верху башни и на стене заметно стражу. Наконец сверху опустилась длинная веревка. Придон ждал, что кто-то спустится, но веревка висела, как и висела, наконец Вяземайт догадался дернуть за нее пару раз. По его лицу Придон догадался, что веревку наверху кто-то держит.

Вскоре веревка затряслась, Вяземайт радостно проц ептал, что кто-то спускается.

Это оказался приземистый, толстенький человек в теплой одежде. Он явно трусил, артане такие громадные и с суровыми лицами, но старался держаться с достоинством, ведь артане это ценят, сказал очень тихо:

— Приветствую. Меня зовут Денис из Болота. Весь город знает, что меч Хорса уже в вашем стане. Значит, сопротивляться уже бесполезно... Часть горожан требует, чтобы открыли ворота. Но Тулей велел казнить самых настойчивых!

— И что предлагаешь ты? — спросил Придон.

— Нас шестеро, — сказал Денис из Болота уклончиво. — Мы охраняем участок стены возле башни. Если получим награду, мы готовы помочь вам перебраться через стену.

Аснерд сказал сварливо:

— Много ли поднимется по веревке? Город с такими силами не возьмешь.

Денис не успел объяснить, сказал Придон:

— Если сумеем поднять хотя бы десятерых, то пробьемся к воротам. Там нет пока завала?

— Нет, — ответил Денис торопливо. — Стражей там, правда, пятьдесят человек, но вытащить засов и распахнуть ворота нетрудно.

— Хорошо, — сказал Придон. — Вы опустите столько веревок, сколько сможете. Я отберу самых ловких, подниматься надо быстро.

Денис спросил сдавленным голосом:

— Но когда мы получим свое золото?

— Как только возьмем город, — сказал Придон. — Договоримся так: едва поднимемся на стену, вы сразу же в этой башне на все засовы, понятно? Когда все кончится, выходите...

Денис замялся, сказал нерешительно:

— Но что-то надо бы вперед... задаток...

— А где вы спрячете бочонок с золотом? — спросил Вяземайт. — Зато слово артанина — дороже золота.

Денис поколебался, но лица артан суровы и непреклонны, он вздохнул и уцепился за веревку. Его тело сразу резво поползло наверх, будто бежал по стене огромный паук, куяв только легонько отталкивался от каменных плит. Теплая одежда шуршала мягко, Придон понял, почему на страже нет железных доспехов.

С вечера военачальники составляли ударные отряды из лучших воинов, а потом из их числа Придон отобрал тридцать самых именитых героев. Остальные под началом Щецина, Меклена и Аснерда остались ждать, а Придон в полночь повел своих к городской стене.

К несчастью, и луна и звезды сияют ярко, пришлось ползти, прикрываясь свежесрубленными кустами. Везде на стенах горят факелы, Придон уже засомневался, получится ли, затем на угловой башне факел погас. Тотчас же вниз полетели веревки, Придон ухватился за ближайшую, дернул, все в порядке, там сперва закрепили, а сбросили концы потом, шепнул:

— Все наверх!..

Он почти побежал, как паук, мимо быстро убегали вниз

огромные каменные плиты. Он поднимался и поднимался, уже от усталости заломило плечи и руки. С ужасом подумал, каково же остальным, наконец сверху послышался приглушенный голос:

— Быстрее!.. Я должен снова зажечь факел...

Он кое-как перевалился через край, в тот же миг в десятке шагов раздался густой голос:

— Денис, что там у вас?

— Факел погас, — ответил голос над Придоном, — Щас... щас... ага, все!

Оранжевый огонь вспыхнул над головой Придона. Денис вскинул факел, показывая начальнику стражи, Придон затих, потом понял, что широкий каменный зубец закрывает его от бдительных взоров. Когда звук шагов начал удаляться, он вскочил, в несколько прыжков догнал куява, схватил сзади и, быстро сломав шею, бесшумно опустил на камни.

Денис и еще двое торопливо сбрасывали веревки. Чуть дальше, как заметил Придон, несут с копьями стражу трое вартовых, видят карабкающихся артан, но делают вид, что все в порядке.

Придон сказал быстро:

— Денис, как тебя, бери этих людей и — в башню!.. Запритесь и не выходите, пока весь город и дворец не будут взяты... Щецин, и ты здесь?

— Должен же я присмотреть за детьми, — проворчал Щецин, он тяжело дышал, даже в темноте было видно его побледневшее лицо, — хоть тут только один... Но кто ж ему нос утрет?

— Отец, — прошипел Крок. — Что ты меня позоришь?

— Кто разрешил? — сказал Придон свирепо. — Ладно, потом... вон там ступеньки. Внизу вдоль стены темень. До ворот можно добежать незамеченными. Ну, а если и заметят... Все. Пошли!

Бой у ворот был жестокий, но короткий. И хотя их на этот раз охраняло не пятьдесят, а около сотни крепких воинов, но двадцать героев смяли их, как быки сминают высокую траву, четверо сразу же принялись убирать засовы, а остальные ощетинились топорами, готовые вынести натиск.

Со стен раздался дикий крик, оттуда полетели стрелы, начали сбрасывать камни. Ворота распахнулись, со стороны артанского лагеря раздался яростный крик. Загремела и застонала земля, артанские всадники неслись, размахивая топорами, проносились под аркой ворот, как призраки, исчезали в узких куявских улицах.

Придон прокричал Щецину:

— Охраняй ворота!.. Не дай отбить! Отвечаешь головой!

Є первыми ворвавшимися были и Аснерд с Вяземайтом, Вяземайт держал в поводу коня Придона. Тот быстро вскочил в седло, его трясло от нетерпения.

— А где твой меч? — спросил Вяземайт.

Аснерд кивнул, не спуская глаз с Придона.

— Пора, — сказал он. — Такой меч... тоже артанское оружие.

Придон медленно взялся за рукоять меча. По мере того как сверкающая полоса небесного света покидала ножны, тьму отшвыривало, загоняло в дальние углы, вбивало в щели. Придон услышал восторженный многоголосый вздох. Он взмахнул мечом над головой, полоса сверкающего света изогнулась, образовав полукруг, и провисела несколько мгновений, в то время как Придон пришпорил коня, они понеслись в город, где уже крики, лязг железа, грохот топоров о щиты и запертые двери.

ГЛАВА 11

Рассвет заст л город уже в руках артан. Охваченные паникой, куявы не сопротивлялись, и артане вдоволь насладились видом перепуганных беров, что покорно падали на колени и униженно вымаливали пощаду.

Городская стража тоже сложила, к удивлению и презрению артан, оружие. Придон велел оставить им жизни, эти служат тем, кто платит, а грязной работы будет немало.

Щецин примчался на взмыленном коне, с кровью на плече, на скуле ссадина, прокричал бешено:

— Дворец все еще держится!.. Там колдуны и... крепкие, надо признаться, ребята!

Придон выбежал из массивного каменного здания, весь в кровавых пятнах, указал мечом:

— Вот там бараки!.. Захватить их, прежде чем пробиваться к центру!

Из окон часто били стрелами, железная дверь была заперта изнутри и, похоже, забаррикадирована.

— Арсенал взят, — доложил Щецин подобострастно, он чувствовал вину, что поспешил раньше Придона к дворцовому комплексу. — Держатся только отдельные дворцы, там заперлись, но куда они денутся!

Прбмчался Канивец, прокричал:

— Западные ворота в наших руках!..

И унесся, за ним прогрохотали его канивчане, счастливые, с горящими глазами и сияющими лицами.

Со стены спустился Вяземайт, с ним в окружении волхвов шли испуганные шестеро куявов во главе с Денисом из Болота. Денис низко кланялся, вздрагивал, пугливо отворачивался от трупов. Придон распорядился:

— Щецин, выдели двух-трех крепких велетов, пусть проводят их в подвалы Тулея.

— Так дворец еще не взят...

— Дворец — это пять зданий, — объяснил Придон. — Держится только одно, где главный зал, а казна во-о-он в том, видишь?.. Его уже захватили. Собьешь замки, а если не сумеешь — ломай все двери в подвал. Там казна. Их было шестеро? Значит, шесть бочонков золота — их. И не забудь про дом вдовы Скилла. Поставь кого-нибудь охранять.

Щецин скривился, очень не героическое задание, кивнул, все шестеро пошли с ним. Подъехал Аснерд, конские ноги по бабки красные, даже на брюхе пламенеют потеки, словно конь только что прошел вскачь по лужам крови.

Аснерд проводил задумчивым взглядом Щецина и куявов.

— А что мешает нам... срубить им головы? Золото останется нам.

Придон ужаснулся:

— Как это — срубить? А наше слово?

— О том и говорю, — сказал Аснерд со смешком, — почему-то слово мешает, а? Ведь это всего лишь слово?

Придон беспомощно развел руками, а Вяземайт посоветовал серьезно:

— Не умничай, здоровяк. А то голова лопнет.

— Почему?

— От мыслей, — сказал Вяземайт еще серьезнее. — Мысли могут расколоть череп почище топора. Умный куяв бы сказал, что держать слово — выгодно. Да, просто выгодно!

— Ну...

— Вот сейчас эти шестеро, — объяснил Вяземайт, — убегут куда-то на окраины Куявии, а то и переберутся в богатый Вантит. Даже там везде узнают, что артане слово держат. Могли бы срубить головы, но дали столько золота, сколько обещали!.. Так что слово артанина — то же золото! Если не дороже.

Придон поморщился.

— Все верно, но... все равно гадкое чувство, что мы могли бы прижечь язву, а вместо этого отпустили заразную корову на чужие поля. Пусть, мол, и там всех заразит.

— Так это же куявов! — воскликнул Аснерд бодро. — И всяких там вантийцев... Их не жалко!

— Их не жалко, — согласился Придон, — да только заразе все равно, кого бить. Чем больше заразы мы отпустим гулять по свету, тем больше к нам вернется... ладно, Ящер с ними! Как будем брать дворец? Там отборные герои. Тулей, как и любой тцар, со всей страны собрал в свой дворец самых сильных и отважных. Конечно, мы уже взяли город, дворец возьмем обязательно... но мне вдруг стало жаль терять воинов.

Аснерд взглянул остро, Вяземайт отвел глаза. Из того войска, что двинулось в поход, треть уже полегла. Неудивительно, что Придон вдруг начал замечать потери.

— Дворец окружен, — сказал Вяземайт. — Никто не выскользнет. Правда, чую магию. Так, ерунда, не магия. Я прорву этот занавес, а дальше ваше дело. Придон, ты слышишь?

Придон вздрогнул, образ Итании заколебался и рассеялся в теплом воздухе.

— Слышу, — ответил он. — Аснерд, собери сотню героев! Последняя битва!

— Какая сотня? — удивился Аснерд. — Меня разорвут, ес-

ли я поведу хотя бы тысячу!.. Нет, на штурм пойдут все. Десятки тысяч!

Придон молча пришпорил коня. По улицам часто попадались трупы, очень мало с оружием, но почти все — в богатой одежде. Некоторых, судя по всему, выбрасывали из высоких окон.

На площади перед дворцом трупов меньше, сам дворец окружен в несколько рядов раздраженными воинами. Все время подбегали лучники, во главе уже стоят Меривой и Франк, их гигантские луки время от времени грозно щелкают, под жуткий басовый гул стальной тетивы огромные стрелы устремляются в дворец, крушат, ломают, пронзают всех и все, что попадается на пути.

Придон быстро огляделся, из всех окон дворца быстро и умело бьют по артанам из луков. Аснерд собрал около тысячи лучников, молодец, велел прикрыть их щитами и подвел под самые стены. На каждую куявскую стрелу в окна влетает десять, и, когда на площадь вкатили таран, уже некому было бросать на него камни и лить горящую смолу.

Придон прокричал взбешенно:

— Какой таран! Это не городские ворота!

Аснерд оглянулся, Придон увидел потное усталое лицо, подумал с раскаянием, что старый воевода не спит уже две ночи.

— Зачем нам потери? — крикнул Аснерд.

— Артан потери не страшат, — ответил Придон резко.

Он покинул седло и, с мечом в поднятой руке, взбежал по мраморным ступенькам. Аснерд увидел, как страшно заблистал небесный огонь, подчиняясь воле молодого тцара. Одновременно с десяток воинов ударили топорами, створки ворот затряслись, полетели искры и щепки. Волог и Меклен успели первыми. Их гигантские топоры сотрясали ворота, грохот разнесся по всей площади. Подбежали Белозерц и Ральсвик, еще с десяток силачей остановились на полдороге, страшась попасть под жестокие удары.

Ворота ходили ходуном, начали валиться вовнутрь, но, прежде чем рухнули, Придон уже прыгнул, как барс, ворота ударились под его весом о мраморный пол с жутким звоном и

грохотом. Уже в зале он прыгнул снова, озверелый, свирепый, готовый рубить, крушить, разбивать головы, оглядывался по сторонам...

...далеко донесся стук подошв убегающих людей.

— Догнать! — прокричал он. — Не упускать...

И сам ринулся с поднятым мечом. За ним грохотали сапоги. Во втором зале Придон остановился на миг, рявкнул люто:

— Аснерд, Меклен!.. Догнать этих... защитников! Что-то здесь нечисто.

— А ты? — крикнул Аснерд.

— Незаконченное дело!

Аснерд поглядел ему вслед, рыкнул:

— Меклен, бери всех людей и попробуй догнать тех...

— А ты?

— Боюсь, как бы этот кувшин голову не разбил.

Меклен кивнул в его широченную спину:

— Крок и ты, Зброяр, не отставайте от этого старого дурака. Если не ошибаюсь, им придется там, как нигде, жарко.

Он повел отряд в погоню, а Крок и Зброяр свернули в боковой проход вслед за Аснердом.

Аснерд был прав: Придону до покоев Итании остался один зал, но впереди раздался топот ног, звон железа, грубые мужские голоса, торопливые и встревоженные. Навстречу бежали рослые воины в роскошных доспехах дворцовой стражи. Последней торопилась Итания, бледная и перепуганная. Ее тащил за руку Ундин, правая рука Рипея, начальника дворцовой стражи, а теперь уже командующего всеми войсками Куявии.

Итания не успела вскрикнуть, как Придон обрушился подобно буре. Трое исполинов рухнули, как сломленные сухие деревца. Она в ужасе прижалась к стене, Ундин попытался провести ее за спинами сражающихся, но примчались еще двое артан и загородили дорогу.

— Бросайте оружие! — крикнул Придон.

Ундин закричал:

— Убейте его!.. Это Придон!

Аснерд шагнул вперед, лезвие огромного топора обруши-

лось на закованное в железо плечо Ундина. Ундин отшатнулся, вскрикнул. Плечо с рукой отделились от тела. Итания вскрикнула, ее глаза не отрывались от Придона. Тот двигался как призрак, жестокий и смертоносный, с каждым ударом его меча слышался вскрик, кто-то падал, и снова звон, вскрик, падение тяжелого тела.

Они выбегали навстречу целыми группами, все огромного роста, в железе, отборная стража, лучшие бойцы Куявии. Придон в остервенении рубил, крушил, повергал, почти рядом стоял насмерть Аснерд, а молодые Крок и Зброяр все пытались выдвинуться вперед, но их отжимали, преграждали дорогу огромными хрипящими телами.

И — вдруг все кончилось. Придон оглядел безумными глазами заваленный телами огромный зал. Слышалось только тяжелое хриплое дыхание. Аснерд прислонился к стене, закрыл глаза, грудь вздымалась часто, мощно, там клокотало, хрипело, завывало.

Крок ранен легко, Зброяр сильнее, кровь стекает по голове и из трех неглубоких ран на плече и груди, но глаза сияют счастьем и удалью. Он оперся на топор, грудь вздымается часто, прохрипел счастливо:

— Последний бой!.. И такой красивый!

— Займись ранами, — ответил Придон. — Жаль, если Артания потеряет такого героя.

Он схватил Итанию за руку, такую тонкую и безжизненную, Итания тихо вскрикнула, как испуганная птица, колени подломились, Придон едва успел подхватить на руки. Она инстинктивно прижалась к нему, он застыл, страшась даже дышать, чтобы не повредить ее, такую нежную, невесомую, волшебную, как сон, как мечта, как грезы.

Крок обнял Зброяра за плечи, оба пошли к выходу, Аснерд поднял веки и осматривается по-хозяйски, Придон же ничего больше не видел и не замечал, кроме этой драгоценности на его руках, из-за которой сшиблись два могучих государства.

Итания пришла в себя, когда он переступил порог ее спальни. По телу Придона пробежала горячая волна, веки Итании поднялись, глаза непонимающе уставились в его грудь, твер-

дую и горячую. Сердце Придона стучало мощно, под ее ухом подрагивала широкая, как латы, мышца.

Она повернула голову, он смотрел на нее с болью и нежностью.

— Я взял тебя, Итания, — произнес он.

Сильные руки опустили ее нежное тело на ложе. Итания в испуге отодвинулась с ногами в дальний угол, сжалась в ком, колени обхватила руками.

— Я взял тебя, Итания, — повторил он.

Ей послышалось в его тихом голосе изумление. Она зябко поежилась, в теплой уютной спальне будто подуло холодным северным ветром.

— Разве ты меня взял? — переспросила она тихо. — Ты меня захватил...

— Какая разница? Теперь ничто нас не разлучит!

Ее голос был таким же тихим, едва слышным, трепещущим, как слабый огонек под порывами северного ветра:

— Есть разница... Но ты ее не хочешь видеть, правда?

— Правда, — ответил он тоже тихо, но в его тихом голосе чувствовалась мощь огромного океана. — Я ничего не желал видеть, никаких препятствий! И потому я здесь... хотя это было невозможно.

Она смотрела на него снизу вверх.

— Придон... почему так?

Он развел руками:

— Судьба.

Ее нежный голос прозвучал тихо, но это была тишина морских глубин:

— Ты мог взять меня, когда я любила и обожала тебя... Когда я, босая, бежала за твоим конем, умоляя не бросать меня. Я бежала через весь город, и все видели, на какой позор обрекла себя дочь могущественного Тулея! Я бежала через тот самый город, по которому меня проносили в раззолоченных носилках... Но твоя спесь отвергла меня. И что ты хочешь теперь?

Придон ощутил, что за него сказало, просто выдохнуло сердце жаркое, как пламя, слово:

— Тебя.

Она покачала головой:

— Это уже не я.

— Не ты? Колдуны подменили твой облик?

Она слабо улыбнулась:

— Хотела бы я, чтобы так случилось. Но это я, Придон. Однако душа моя не здесь. И не с тобой. Ты не видишь, что руки твои в крови? Они обагрены кровью тех, кто меня защищал. И уже никогда не будет так, что меня пронесут в золотых носилках через город, ты увидишь меня впервые... Многое надо было иначе! Почему ты не оглянулся, когда я бежала вслед за тобой и кричала: возьми мое сердце!

Придон смотрел исподлобья.

— Я не верил, — ответил он.

— Не... верил? Почему?

— Это было... слишком... невероятно. Ты, самое ценное, что есть на белом свете, не могла бежать за мной... за моим конем!.. Я решил, что схожу с ума. Я горел в огне. Мне слышались голоса, что глумились надо мной, насмехались... и этот голос... Я и сейчас не верю, что это была ты.

Она сказала грустно:

— То была я, Придон. Я бросила свою гордость под копыта твоего коня.

Он наклонился, поцеловал ее.

— Я люблю тебя. Я умирал без тебя.

— Но сейчас, — договорила она, — я ее не брошу. И моя рана, что ты мне нанес... останется со мной.

Придон вздрогнул, глаза расширились, есть только одна рана: у него между лопатками, но сказать ничего не успел, по ту сторону двери послышался топот. В проеме появился Меклен, по лицу кровь, но держался бодро, за ним еще несколько человек, сразу уставились на Итанию горящими глазами.

Меклен прокричал:

— Тулей из дворца исчез!.. Щецин и Ральсвик с сотней сорвиголов ринулись в погоню!

Придон изменился в лице. Меклен опасливо отшатнулся, Придон рыкнул зло:

— Но... как? Теперь понятно, почему вход никто не защищал!.. Догнать!

Итания сказала негромко, но Придон, Меклен и все артане услышали ее тихий ясный голос:

— Вам его не настигнуть.

— Почему? — спросил Меклен.

— Он ушел подземным ходом, — объяснила Итания. — Меня тоже должны были увести... но не успели.

Придон молчал, спросил Меклен:

— А почему не догнать? Волки умеют догонять овец.

— Эти овцы сразу же обрушат свод, — объяснила Итания. — Ты просто погубишь своих волков. Придон, задержи их... Свод все равно обрушат, там все приготовлено, но хотя бы не погибнут люди.

Меклен хмыкнул, ушел. За ним медленно вышли, жадно оглядываясь на Итанию, разгоряченные боем артане. Придон все так же сидел на краю ложа, вдруг стало страшно, до жути страшно приблизиться. Теперь, когда безумные мечты вдруг стали реальностью, возникло и начало быстро прорастать зернышко страха, что где-то пошло не совсем так, что может все испортить, сломать, разрушить, как ворвавшийся в цветочную лавку горячий артанский конь топчет цветы, даже не понимая, что топчет и ломает.

— Придон, — спросила она, он видел, как сильно она страшится это спросить, щеки покрылись жарким румянцем, — и что ты собираешься... теперь?

— Трудно убить в себе зверя, не повредив шкуры, — ответил он с трудом. — Я пришел, чтобы взять тебя. Я... взял. Теперь все будет по-иному. Мне Куявия не нужна. Мне и Артания не нужна, как и весь мир!.. Я, когда скитался и выл от тоски, я понял, что мне нужна только ты. Я остановлю войска, они уже остановились. Мы захватили разве что треть Куявии... ну, я не знаю даже сколько, если честно! Все это отдам обратно.

Она сказала тихонько:

— Разве ты сможешь это сделать?

— Я тцар, — сказал он гордо.

— Но твои люди будут против. Война для них началась так победоносно...

Он покачал головой:

— Итания, ты не понимаешь. Они шли со мной, чтобы взять тебя. Ты была главной и... единственной целью нашего безумного похода. Мы взяли тебя, мы доказали, победили! Теперь пятно с нашей чести смыто. Если хочешь, то — куявской кровью. Мы заставили себя уважать снова. Мы гордо и красиво смотрим всем в глаза. Так что мы вернемся, Итания. Но на этот раз ты будешь в моих объятиях, а я буду в седле своего верного коня. И все войско, вся Куявия и весь мир увидят, что артанин добился своего, что увозит куявскую жемчужину в свою вольную, свободную и бескрайнюю Степь.

В распахнутую дверь часто заглядывали пробегающие мимо люди. Придон перехватил взгляд Итании, хотел встать и закрыть, но подумал, что все пробегающие мимо будут распахивать и врываться уже с оружием в руках.

Послышался топот, Меклен ввалился измученный, усталый, в пыли и грязи, с царапинами на руках и голых плечах.

— Не догнали, — сказал он коротко. Наткнулся на прямой взгляд Придона, добавил нехотя: — Там в самом деле свежий завал. Мышь не пролезет.

Придон кивнул Итании.

— Оставайся здесь, чтобы никто тебя не обидел. Меклен, выставь у дверей охрану. Да не войдет никто без моего позволения... Что я говорю? Да не войдет никто!.. Пойдем, подумаем, что делать дальше.

Они были у двери, когда их догнал усталый голос Итании:

— Я здесь пленница?

В глазах Меклена прочла изумленное: а кто же еще, Придон же ответил нехотя:

— Сперва порядок во дворце. Страшно подумать, если сюда ворвалась и ваша чернь! А они пограбить, как все куявы... Изгоним лишних, поставим охрану... Тогда ты свободна.

Меклен вышел первым, Придон следом, Итания обеими руками зажала рот, чтобы не выпустить крик. На широкой мускулистой спине страшная рана размером в две ладони, как будто ему в спину метнули раскаленный валун и тот выжег мясо на глубину в два пальца. Кровь уже не сочится, но красное живое мясо шевелится при каждом движении, там

блестят желтые, как янтарные бусинки, капельки сукровицы, синими и белыми нитями торчат кончики сосудиков...

Дверь на другой стороне покоев приоткрылась, выглянула женская головка с растрепанными волосами. Глаза круглые от страха, румяные щечки побледнели, а рот приоткрыт, будто готовится издать пронзительный вопль.

— Госпожа... Госпожа! Что будет?

Итания оглянулась, ее все еще трясло, перед глазами стояла спина с этой жуткой раной.

— А, это ты, Гелия. Зайди и закрой дверь. Нет, не на засов. Теперь мы уже не хозяева...

Служанка быстренько, как пугливая мышь, юркнула в помещение, быстро захлопнула дверь, было видно, с каким трудом удержалась от того, чтобы не задвинуть все засовы в петли, повернулась к Итании, все еще бледная, трепещущая.

— И что теперь?

— Будем ждать, — ответила Итания. — Что мы можем? Только ждать.

Она оглянулась на дверь, через которую ушел человек с кровавой раной на спине. Он сказал, что она свободна. Сам не понимает, что говорит. Если простой куяв, в отличие от артанина, может не думать о стране, то тцар или тцарская дочь не могут не думать о ее судьбе.

Они шли по знакомым палатам втроем, как встарь, не гнули спины, как и в тот раз, смотрели гордо, но на этот раз топоры блестели в их руках, а все куявское трепетало и уползало в щели.

Аснерд осматривался, хмурился, наконец убрал топор, но прорычал разозленно:

— Все исчезли, все!.. Тулей, Щажард, Барвник... Я думал, хоть Иргильду оставят. Так нет же, и ее увели. Или раньше их унеслась. Может, она и ход прогрызла? Как только нам Итанию удалось...

Голос стал задумчивым, а шаги замедлились. Придон сказал мужественным голосом:

— Это понятно, мы ж сразу узким клином прямо во дворец! Город еще в руках куявов, а мы уже все здесь разносим!

Война за Итанию, вот и прорубились сразу к ее покоям. А у остальных было время подобрать штаны и — в подземные норы, как крысы...

— Да, — сказал Аснерд, — да, конечно...

Но лицо оставалось встревоженным, в глазах подозрение, хмурился, остановился, рука в нерешительности поднялась, пальцы опустились на рукоять кинжала на поясе. Он прислушивался, словно оказался в лесу, присматривался к вещам. Слишком велик дворец, слишком много такого, что бросится и укусит, боднет, лягнет в спину.

Вяземайт проворчал:

— Да говори уж, говори! Ясно же, что на уме, если он у тебя еще есть. Этого не понял только Придон, ослепленный и оглушенный, как сом на берегу, когда его дубиной, чтобы не копыхался... Похоже, Итанию они сами оставили, это надумал? Понять бы, зачем. Какие-то куявские хитрости.

Аснерд почесал затылок, сказал хмуро:

— От отчаяния? Мол, нате и отвяжитесь?.. Посмотри на Придона, по его роже видно, что Куявия ему теперь ни к чему.

Придон улыбнулся широко, рот до ушей, счастливый и светящийся довольством:

— А что нам еще? С падением Куябы и вся Куявия под нашей пятой!.. А что где-то пара или даже десяток мелких городков, где не простучали копыта наших коней... Мало ли мусорных куч, куда мы ступать побрезговали! Так что здесь трое суток на поток и разграбление, куявам убрать все трупы, замыть кровь на площади и...

Он остановился, впервые не зная, что сказать дальше. Глаза стали большие, как у ребенка, наткнувшегося прямо в собственном дворе на чудо-юдо.

— Ну-ну? — спросил Аснерд с интересом.

— Война закончена! — выдохнул Придон с недоверием.

Резня и грабеж в Куябе длились трое суток, после чего Придон объявил, что казнит всякого, кого застанут за разбоем. Отныне это его город. Вяземайт даже предложил переименовать его, Придон велел подобрать хорошее артанское название. Уцелевших горожан выгнали на улицы убирать

трупы. Женщины все еще из домов не высовывались, отовсюду плач, из окон слышались стенания, крики, жалобы, призывы к богам.

В столице уцелели только простолюдины, беров вырезали на порогах их же домов, когда те пытались защищать свои семьи. Вместо себя Придон оставил Аснерда, а сам ринулся в погоню за остатками тцарского войска, надеясь захватить Тулея. Но едва добрались до гор, с ближайшей башни чародея вылетел большой огненный шар, раздробился на множество мелких. Избегнуть этой жуткой стаи не удалось, огненные капли догнали и обрушились на отряд. Некоторые умерли сразу, колдовская кипящая смола прожигала мясо до кости, другие получили ожоги поменьше, но страдали и мучились, и Придон, скрипя зубами, повернул отряд к завоеванной столице.

Огненные капли жгли и его грудь и плечи, лицо он успел закрыть руками, даже не вскрикнул, артане должны терпеть боль, скакал впереди своего небольшого войска, грудь и плечи усыпаны красными пузырями, там открывались жуткие язвы, солнце жгло красное мясо, но Придон не дрогнул лицом и ни единым стоном не выдал, что его что-то тревожит.

Ральсвик догнал, спросил вполголоса:

— А может, хрен с ним? Пусть бегает?

— Тогда война еще не окончена, — ответил Придон хмуро. — Пока у них есть тцар...

— Но Куявии, считай, уже нет. Все войска разбиты вдрызг. Куда он денется?

Придон в сомнении покачал головой.

— Я тоже сперва было возликовал, что раз Куяба взята, то войне конец. Но если Тулей начнет собирать войско? В прошлом это был отважный воитель! Престол им не по наследству получен, захватил силой!

— Тогда он был молод, — заметил Ральсвик, — а сейчас из сала на его брюхе можно натопить жира на сто тысяч светильников.

— Поиски не прекращать, — распорядился Придон. — Возле башни он не останется, там голые камни, а жрать им что-то да надо. Значит, уйдут в земли, где наших войск либо мало, либо нет вовсе.

— Я разошлю малые отряды, — ответил Ральсвик. — По всей стране! И награду всем, кто укажет, где Тулей скрывается. Наши удальцы всю Куявию перевернут вверх дном, но отыщут, не сомневайся!

Они въехали через все еще распахнутые ворота, из окон выглядывали испуганные жители и, перехватив угрюмый взгляд, поспешно прятались.

Придон хмуро осматривал этот предательский город. Если не считать трети жителей, что вырезаны в первый же день, все остальное уцелело. Жителей хоть всех под нож, тут же из сел набегут новые. Главное — дома, дворцы, даже городские стены и ворота уцелели. Людей не жалко, сами откуда-то берутся, а дома строить долго, да еще такие огромные...

В городе распоряжается Аснерд. Первым делом он умело расставил конные отряды, вроде бы и немного, но все на ключевых местах. Остальные войска располагались за городом, часть нашли неплохой приют в богатейших владениях знатных беров, в пышных храмах куявских богов, а это такое наслаждение — попирать чужие святыни, утверждая свои, ломать и крушить мраморные изваяния, чтобы умалить силу куявских богов и наполнить мощью своих!

Бóльшая часть артан все же стояла лагерем в чистом поле, предварительно пустив на зеленые поля коней. Союзники предпочли расположиться в селах, где сутками напролет стоял шум, гам, слышались пронзительные крики женщин, ревел забиваемый скот.

ГЛАВА 12

Как и в каждой войне, самые храбрые и отважные погибли, а трусы по большей части уцелели. Погибли даже те, не самые отважные, кто не пытался встать с оружием в руках на защиту страны, но воспротивился ворвавшимся в дом насильникам, что с хохотом хватали за волосы его жену и дочерей, срывали с них одежды.

Остались, подумал Придон хмуро, только самые подлые. За возможность уцелеть эти подлые... расподлейшие люди готовы на любое унижение. Так что вовсе дивно, что среди куя-

вов все еще появляются иногда храбрые люди. Неужели в семье труса способны рождаться храбрые дети?

Куяба — город дворцов и великолепных зданий, Придон с той же хмурой удовлетворенностью отмечал, что почти все пышные дома уцелели. Как белая сверкающая гора поднимается в центре сам дворец Тулея, он в центре площади, а дальше высятся великолепные особняки Одера, Вишневича, Щажарда, пышное здание из розового мрамора, что принадлежит князю Бруну, зловеще отсвечивает на солнце темный гранит дворца Иствича, могущественного полководца в прошлой войне, совсем почти не разрушен дворец Долонца, хотя он лютый враг как артан, так и князя Иствича, а тот не просто князь, а правая рука могущественного Щажарда, мог бы, мог... Красиво и величественно самое древнее здание Куябы — дворец-крепость князей, когда-то могущественных, родни древних правителей, но в последние столетия совсем потерявших влияние.

Если и пострадали какие здания серьезно, то это величественные храмы куявских богов да собственный дворец вантийского посланника. Храмы — понятно, поглумиться над чужой верой всегда приятно, да и своих богов заодно ублажить, а вантийцу досталось из-за слухов, что в его покоях хранятся диковинки, волшебные мечи, кольца, браслеты, что выполняют любое желание, скатерть-самобранка да ковер-самолет...

Сейчас перед дворцом вантийца вся улица завалена обломками дымящейся мебели. Ее начали жечь после того, как по улице уже нельзя было ни пройти, ни проехать, но все еще во всех комнатах рубили в щепы даже стулья, надеясь в них найти запрятанные сокровища, срывали ковры со стен, простукивали стены, разбивали статуи.

Конь брезгливо переступал через обломки дорогой мебели. Под копытами трещали черепки драгоценных ваз, их привозили вообще из неведомых стран, где, как говорят, по небу летают огромные огненные великаны, зовомые джиннами, песок раскален, как на сковородке, что на горящих углях, а сами люди черны, как обгорелые головешки.

Из одного окна вывалили целую корзину огромных розо-

вых раковин, таких огромных и красивых Придон никогда не видел. Сейчас они в пыли, разломанные или с отбитыми краями, лишь дивно светится чистое розовое нутро. По улицам уже шныряют вантийцы, собирают все, что вылетает из окон, но в здания заходить не решаются.

В Куябу уже начали съезжаться беры из числа союзников, все заискивали перед знатными артанами, выпрашивали в пользование земли, владения, вотчины, дома в городе, любую добычу, с которой артане расставались охотно и с великим презрением к выпрашивающим.

Странно, о Тулее жалел разве что простой народ, который от тцара ничего доброго и не видел. И еще говорили о разоренной стране, о проклятых артанах, о том, что все равно это ненадолго, надо перетерпеть, дождаться сильного воителя, что поднимет народ на захватчиков. Также поговаривали, что, когда армия была разгромлена и бежала, роняя мечи и срывая с себя доспехи, дабы удирать легче, простолюдины тайком да втихомолку собрали это оружие, доспехи, теперь лишь дожидаются героя, что сумел бы зажечь сердца гневом и воодушевить на борьбу.

Придон поражался, не мог понять, как такая огромная страна, а в Куявии впятеро больше народа, так легко и просто сдалась, покорилась, а теперь с такой униженностью выполняет все приказания захватчиков, над которыми совсем недавно потешалась с таким единодушием. Никто не смеет поднять глаз на проезжающего артанина, все просыпаются в страхе перед артанами, влачат день, страшась высунуть нос на улицу, засыпают в страхе, а потом еще всю ночь артане сажают их на колья, вешают, топят, жгут на медленном огне, сдирают с живых шкуры.

По возвращении из неудавшейся погони за Тулеем Придон отдал приказ готовиться к свадьбе. Сперва хотели свершить ее по артанскому обряду, но Аснерд неожиданно проявил великодушие, настоял, чтобы допустили и куявских жрецов. Вяземайт возражал, Придон наконец сказал кисло:

— Ладно, пусть будут и куявы. Пусть даже в их храме, мне все равно.

Вяземайт ужаснулся:

— Как можно в чужом храме? Ты — артанин! Это оскорбление нашим богам!

— Но там боги Итании, — ответил Придон. — Впрочем, давайте все прообрядим во дворце. Тцар я или не тцар?

Аснерд ухмыльнулся:

— Вот теперь — тцар. В самом деле, кто к кому должен идти?

Внутренности дворца преобразились, в безумной роскоши артане чувствовали некую опасность, словно под коврами сотни ядовитых змей, и потому суровый Вяземайт велел выбросить из покоев, занятых Придоном, все безделушки, а их было огромное множество, а на стены всюду повесить мечи, топоры, щиты и прочее оружие. Сперва вешали все, что попадется, а потом начали менять простое на украшенное золотом и драгоценными камнями, на редкое, отбирали искусную работу самих оружейников, ювелиров.

Итания вздрогнула, когда за дверью послышались тяжелые шаги. Появился огромный воин, полуголый, лицо в шрамах, от него пахнуло свежим степным ветром, словно стены расступились и мир стал шире. Без поклона, нагло глядя ей в лицо, сказал рыкающим голосом:

— Дворец очищен от куявской дряни... пришла было пограбить. Теперь можно выходить из покоев. Я снял стражу.

Итания пролепетала:

— Спасибо!.. Это так неожиданно... А из дворца я могу выходить?

— Пока нет, — ответил артанин таким тоном, что она поняла недосказанное. Он, однако, добавил достаточно мирно, хотя и прежним рыкающим голосом: — В городе все еще неспокойно. Вот когда почистим и улицы...

Он удалился, оставив дверь открытой. Это был знак, что она уже не в заточении, но Гелия, служанка, резво подхватилась и поспешно захлопнула за ним дверь. Она вся тряслась, а когда повернула к Итании белое от ужаса лицо, губы тоже дрожали, а глаза были выпученные, как у большой жабы.

— Какое чудовище! Ваше Высочество, что у них за люди такие страшные?.. Я теперь ночь спать не буду. У нас во двор-

це все были, как один, белые да румяные! Ни одного со шрамами, да еще с такими жуткими. Это что же за народ такой? Я с детства слышала: артане, артане, но что такой ужас...

Итания сказала повелительно:

— Помоги мне одеться.

— Ваше Высочество!

— Не спорь, — сказала она нетерпеливо. — Я должна посмотреть, что делается во дворце..

— Боюсь, это все еще опасно!

— Это мой дворец, — отрезала она. — Это все еще мой дворец!

Гелия торопливо застегивала ей на спине платье, принесла накидку на плечи.

— Дворец захвачен артанами, — напомнила она.

— Нет, — ответила Итания, — я его им еще не сдала.

Дверь распахнулась без скрипа, в большом зале все как и прежде, разве что кое-где передвинуты столы и роскошные кресла, но все так же горят огоньки в светильниках из золота, украшенных самоцветами, но со стен уже рассыпают искры рукояти мечей и кинжалов, где только стальные лезвия свободны от украшений. Зато уцелели все ковры и драгоценные ткани, коими завешивали окна.

Ковры кое-где мокрые, с замытыми кровяными пятнами, во втором зале Итания застала троих слуг, что соскабливали красные потеки с пола и стены. Здесь еще виднелись следы ударов топоров, мечей. Слуги раскрыли глаза в радостном удивлении, бросились на колени, пытаясь поцеловать край ее платья, призывали милость богов на ее голову, но Итания ощутила, что каждый старается, чтобы его запомнили, ибо теперь, когда слуг мало, можно захватить место поближе к принцессе.

— Оставьте госпожу в покое, — сердито сказала Гелия. — Все, что может, она для вас сделает. А может она много.

Когда они вышли за двери, Итания спросила с укором:

— Ты что говоришь?

— Но это же правда, — ответила Гелия беспечно. — Придон... Как будто я не видела, как он смотрит на вас!

Итания с печалью помотала головой. Придон совсем не

тот человек, который добывал для нее... для нее, а не для ее отца!.. этот проклятый меч. Тот был прекраснодушным юношей, удивительно чистым и светлым в таком могучем теле свирепого воина. Даже к его жутким шрамам, которыми он, оказывается, гордился и даже хвастался, она почти привыкла, а этот... этот уже настоящий артанин. По крайней мере, такой, какими их считают.

Гелия шла рядом, ее коричневые глаза пытливо заглядывали в помрачневшее лицо госпожи. Почти у каждой двери попадались артане, высокие, статные, обнаженные до пояса, играющие тугими мышцами. Все останавливались, как окаменев, глаза становились, как у больших лягушек, а нижние челюсти отвисали.

— Госпожа, — сказала Гелия, — вам не о чем беспокоиться...

— Так ли? — ответила Итания горько.

Гелия улыбнулась мудрой улыбкой женщины, у которой есть тайное оружие.

— Вы посмотрите на себя. Каждый из этих головорезов мечтает оказаться у ваших ног. И мечтает служить вам. Служить и выполнять ваши капризы.

Итания на ходу невольно покосилась в большое зеркало из отполированной бронзы. Да, она все еще прекрасный цветок, как ее называли льстецы. Чуть похудела от лишений, но не настолько, чтобы опуститься до уровня простых женщин. У нее все такие же глаза, длинные загнутые ресницы, безукоризненная фигура, а ее грудь все так же упруга, хотя для ее хрупкой фигуры великовата... на ее взгляд, однако мужчинам, судя по их взглядам, так не кажется.

— Артане могут думать иначе.

— Артане тоже мужчины! — возразила Гелия. — И да простят мне наши боги, но они даже больше мужчины, чем наши слюнтяи.

— Гелия!

— А что? — ответила служанка задорно.

— Ты же только что боялась их!

— А уже перестала. Видно же, что они за люди...

— И что же?

— О, это настоящие мужчины...

...В двери последнего зала, даже не в двери, а в распахнутые врата, бил яркий солнечный свет. Видно было, как по площади проносятся всадники, слышен сухой стук неподкованных копыт. Итания невольно ускоряла шаг, сердце стучало все чаще, служанка едва не бежала следом.

До распахнутого солнечного мира оставалось рукой подать, но из полутьмы вышел огромный обнаженный до пояса воин и загородил дорогу.

— Принцесса, — сказал он доброжелательно, — дальше нельзя.

Она остановилась, окаменев, но собралась с силами, гордо вскинула голову.

— Кто приказал?

— Наш вождь Придон, — ответил воин почтительно и с таким благоговением, будто говорил о боге.

— Вождь?

Воин слегка поклонился.

— В походе вождь или походный князь выше племенного вождя, князя или даже тцара. А Придон для нас — и вождь, и брат, и наша душа.

Она произнесла глухо:

— Почему мне дальше нельзя?

— Он сказал... — начал воин с неловкостью, остановился, голова его чуть повернулась, он к чему-то прислушивался, широкая улыбка осветила суровое лицо. — Он сказал...

Внизу простучали частые шаги, в проеме возникла гигантская темная фигура. Солнце било в его широкую спину, Итания не рассмотрела лицо, но голос грянул знакомый до боли и щемящего ужаса:

— Он сам скажет!.. Итания, в городе все еще неспокойно.

Она вскинула голову, чтобы смотреть ему в лицо, а не в обнаженную грудь, больше похожую на выкованные из светлой меди широкие латы.

— Это мой город!

Придон взял ее за плечи, глаза с тоской и нежностью впились в ее лицо. Твердые губы раздвинулись в примирительной усмешке.

— Твоим и останется. Но сейчас еще буянит всякая мразь.

Извини, но это куявы. Ваши озверевшие слуги и скинувшие ярмо рабы. Вообще-то надо бы их всех под нож, но... как-то не поднимается рука резать тех, кто издали встречал нас с таким ликованием! Пойдем.

Обомлевшая служанка видела, с какой нежностью артанский тцар-полководец обнял ее за хрупкие плечи и повел обратно. Оглянулась на стража, тот подмигнул, окинул ее плотоядным взглядом. Она фыркнула негодующе, но подобралась, грудь постаралась выпятить, жалея, что вырез недостаточно глубокий, пусть у этих гадов глаза вылезут, как у раков.

На входе в покои Итании Придон вынужденно выпустил ее плечи, дверь узка, вошел следом, но Итания повернулась к нему, и он уже не решился протянуть к ней руку. Она всмотрелась в его усталое лицо, что медленно наливалось краской, сказала негромко:

— Ты очень беспечен. В такое время везде развешал на стенах оружие!.. Я думала, только в той комнате, что занял сам...

Он пожал плечами:

— Зачем?

— Дворец полон слуг, — напомнила она, — которые вас, артан, ненавидят.

Он кротко усмехнулся. Ей показалась, что в полумраке ее покоев блеснула молния от его белых ровных зубов.

— Они трусы. Для них выжить — главное.

Она опустила взор, он прав, для куявов, ценящих жизнь намного выше, чем в Артании, покажется глупым броситься с оружием на врага и красиво погибнуть. Ни один куяв не вступит в бой, пока не убедится, что у него есть три запасных пути для отступления. И что за участие в бою получит деньги, землю или хотя бы корову.

— Тогда берегись, — сказала она тихо, — вина и нашей еды.

— Отравят?

— Могут попытаться.

Он устало засмеялся:

— Да, это по-куявски! Подмешать яду, чтобы убило через три дня, а за это время убежать как можно дальше... Нет, Ита-

ния, не стану я трястись над жизнью. Я и так достиг всего, о чем мечтал: любимой женщины!

Глаза его сияли любовью и нежностью.

— Я думала, — произнесла она, — ты мечтал о воинской славе... Вот ее ты добился точно. Никто еще и никогда не брал Куябу...

— Знаю, — прервал он, — но это так мало... в сравнении с тем, что я получил тебя. Ведь я сумел завоевать тебя!

Она нахмурилась, в груди защемило.

— Меня ты не завоевал, — напомнила она. — Ты меня завоевал своими песнями, но сейчас... это правда, что ты песни оставил?

Он тоже нахмурился, словно ее отражение.

— Поход — моя песня!.. Ты — моя песня. Что мне еще надо? Я слагал песни, потому что не мог иначе... А сейчас — могу. Я уже ворвался в Куявию, поверг, сейчас я в Куябе и в этом дворце — властелин! Вот моя песня!

Итания отстранилась, чтобы не смотреть чересчур уж снизу вверх. Ноздри Придона хищно раздувались, на скулах выступили красные пятна. Глаза горели яростью.

— И никто тебе не смеет перечить, — сказала она горько.

— Никто! — прорычал он. — Своею волей я привел войско! Сколько раз эти бараны пытались вернуться! Я их заставил идти дальше, пока не узрели белые стены неприступной Куябы! И снова почти все готовы были отступить, мол, уже покрыли себя славой. И снова я...

Он задохнулся, глаза налились кровью, укрупнились, он смотрел на нее почти с яростью.

— И снова ты, — продолжила она горько. — Разорил мою страну, погубил половину своей армии... И все ради себя, любимого! Как ты мог? И ты еще этим горд?

Он закричал:

— Ты не понимаешь!.. Прийти и взять — это достойно.

— А что же недостойно?

— Выпрашивать!

— Взять — это убивая людей, сжигая села и города?

— Это война! — закричал он. — Огонь и кровь... Как ина-

че? Но это — слава, так завоевывают любовь женщин! Это жизнь...

Она воскликнула гневно:

— Жизнь?.. В мой дом ворвались убийцы, это жизнь?.. Ты, убийца, требуешь, чтобы я, твоя жертва и твоя пленница, еще и любила тебя, убийцу? Да лучше я умру!

В его глазах сверкнул огонь, он взревел, как раненый медведь. Она смело смотрела в его налитые кровью глаза. Он ощутил, как его рука взметнулась, послышался хлесткий удар.

Итания отлетела в сторону. Он остановившимися глазами смотрел, как ее тело оказалось на ложе. Итания тут же приподнялась и села, опираясь рукой о подушки. Другой рукой неверяще щупала щеку. На нежнейшей коже красным отпечатались пальцы, а уголок губы вздулся и распух, там показалась алая капелька крови.

Придон застонал. Больше всего хотелось упасть на колени и вымолить у нее прощение, а если нет, то вонзить себе в грудь кинжал и покончить со всей этой нелепостью, но он застыл, как врытый в землю каменный столб.

— Что я наделал... — прошептал он. — Я убил себя... Я убил...

Он весь вздрагивал, мышцы силились заставить ноги сдвинуться с места, унести предателя, вместо этого колени подогнулись, он поспешно сел на край ложа. Итания смотрела, как его крупное тело вздрогнуло, затряслось в конвульсиях. Он закрыл лицо ладонями, из могучей груди вырвался мучительный стон.

Итания не верила глазам, из-под пальцев выкатилась слеза, побежала по щеке, оставляя дымящуюся дорожку. Повисла на подбородке крохотным злым алмазиком, а когда сорвалась на грудь, там вспыхнул короткий огонек. Она слышала, что артане больше всего на свете стыдятся слез, но могучий и свирепый воитель плакал, в самом деле плакал, с трудом сдерживал стоны и рыдания, однако они прорывались, он мычал в нечеловеческой муке, его широкие и такие тяжелые плечи содрогались, это было как землетрясение, как потрясение всех основ...

Никто и никогда ее не бил, не коснулся даже пальцем, да

что там пальцем — не слышала даже резкого слова, только улыбки со всех сторон, сладкая музыка и ласковые люди, но сейчас боль в быстро распухающей щеке отступила под натиском другого чувства, которого она не понимала.

— Ты страдаешь, — прошептала она.

Плечи Придона затряслись сильнее. Она осторожно села рядом, он мычал и раскачивался, сквозь растопыренные пальцы она видела смертельно бледное лицо, искаженное страданием.

— Ты страдаешь, — повторила она и сама заметила в своем голосе удивление.

Пальцы Придона вздрогнули, когда она коснулась его руки и попыталась отнять ладонь от лица. Он лишь прижал сильнее, страшась открыть мокрое лицо.

— Что мы наделали, — произнесла она, после паузы повторила с горечью: — Что мы наделали, Придон...

Его плечи затряслись сильнее, из-под плотно прижатых ладоней вырвался мучительный стон:

— Я все сломал!.. Как я мог...

— Это мы, — вздохнула она, с женской мудростью понимая, что первопричина не в нем, Придоне. Он стал игрушкой в руках могучих стихий, что управляют миром. Как и она, у которой не было ночи, чтобы не думала о Придоне, не мечтала о нем, не желала ему мучительной смерти... от которой спасла бы в последнюю минуту, выхватила из огня, выдернула бы из-под падающего ему на голову меча, чтобы понял, поверил, ощутил. — Это все случилось с нами, Придон...

Она наконец оторвала его ладони от лица, он взглянул на нее с такой страстной надеждой, что сердце ее защемило от сладкой боли. Этот могучий разоритель ее страны — всего лишь большой ребенок, что с неистовой страстью добивался ее... нет, могучий великан с пламенным сердцем и душой ребенка. Он даже не понимает, что на своем беге к ней рушит дома и города, как лесной олень походя разбрасывает купола муравейников. Говорят же, что мир мужчины — его крепость, но только снаружи. Внутри — это чаще всего комната ребенка...

Придон заставил себя посмотреть на то, что сделал, на что

дернул. Сердце тяжелыми ударами разламывало изнутри грудь. Правая щека Итании покраснела и распухла, но сейчас в глазах нет ненависти, только безмерная грусть. Ему страстно захотелось умереть именно сейчас. Но так умереть, чтобы не безобразным трупом, а просто исчезнуть, превратиться в пыль, в воздух, что заполнит ее покои свежестью. Он так долго вскарабкивался на гору за этим редким нежным цветком, что, когда наконец добрался, сразу же... сломал!

Она сидела рядом, глаза в полумраке блестели. Он не видел, что в них, то ли внутренний свет, то ли слезы.

— Что мы наделали, Придон, — прошептала она. — Что мы наделали... Проклятые гордецы!

Он вздохнул, она видела, с каким огромным усилием он берет себя в руки, что значит — прячет свое нежное сердце в каменную скорлупу, лицо твердеет, в нем проступает нечеловеческая гордость. Артанин, во всем артанин. Живут красиво, умирают красиво... Ну, как понимают это.

— Все неважно, — ответил он глухо. — Все эти пожары, разоренные города... Люди все равно мрут, а дома рушатся от ветхости. Ничто не вечно. Я лишь ускорил... Зато — получил тебя.

Она покачала головой.

— Ты всего лишь вошел во дворец и взял меня силой. Так понимают твои люди, и, хуже всего, так считают по всей Куявии. Для твоих людей, как и для тебя, это повод для гордости: ворвались в чужую страну и взяли силой, но не все думают, как артане. Нас не спасет, даже если вдруг объявлю, что сама люблю тебя. Уже давно люблю. Никто не поверит. Ни артане, ни куявы. Все решат, что ты меня заставил сказать такое.

Он нахмурился, в голосе прозвучал металл:

— Я не собираюсь никому ничего объяснять.

— Почему?

— Это будет похоже, что я оправдываюсь!

Она коротко взглянула в его грозное лицо, опустила взор.

— Да, это будешь уже не ты.

Он едва не закричал, было видно, что он едва сдерживается:

— Я не могу оправдываться!

Она сказала тихо:

— Ты устал. Ты измучен. Ты даже со мной срываешься на крик... Что-то стряслось?

— Сегодня погибли Зброяр и Крок, — ответил он нехотя. — Молодые, красивые, чистые... Оба умели слагать песни! А убили их подло в спину. Виновных я не нашел, хотя, конечно, велел спалить ближайшее село. Плохо мне, Итания. Герои не должны погибать так... просто. А оба были героями. Теперь их нет... Я совсем не так все представлял... Но, что поделаешь, пусть теперь все идет, как... надо!

Он поднялся, уже с каменным решительным лицом, от слез ни следа, гордый и с прямой спиной. Длинный лес густых ресниц скрывал ее взор, бросая загадочную тень на бледные щеки, дыхание ее было учащенным, но он не ощутил в ней гнева.

Что-то встревожило, нет, удивило, чего-то недоставало, он растерянно посмотрел по сторонам, подвигал руками, напряг и распустил мышцы. Что-то изменилось, очень изменилось, он наконец догадался запустить руку за спину и пощупать между лопатками. Пальцы скользнули по ровной гладкой коже, вот как будто легкий шрам, даже не шрам, а одно напоминание...

Не веря себе, он повернулся спиной к зеркалу. Спина, широкая и вздутая буграми мышц, снова девственно чистая, здоровая! Нет, не совсем так, это он просто ошалел, все-таки осталось небольшое пятно, совсем крохотное, можно закрыть листком смородины, ерунда, можно не обращать внимания.

Он оглянулся на Итанию. Она спокойно встретила его взгляд, щеки слегка порозовели, дыхание ровное, спокойное.

— Итания, — прошептал он. В глазах защипало, мир помутился, по щекам покатились горячие слезы. — Итания... Неужели ты простила меня... после всего, что я с тобой сделал?

Резко подал плечи назад, при этом движении всегда острая боль пронзала позвоночник, сейчас же он просто ощутил сильные здоровые мышцы. Тело ликовало, за эти полгода настолько привык к ране, что внезапное избавление ошеломи-

ло, каждая жилка ликует и трепыхается, как выпрыгивающая от избытка сил молодая рыба из тихого озера.

— Итания, — повторил он, — Итания... Что ты делаешь со мной?

И что я делаю с тобой, добавил он непроизвольно. Он упал перед ней на колени, опустил голову. Как в чудесных грезах, ощутил ее легкие нежные пальцы на затылке. Она медленно перебирала густые волосы, пропускала между пальцев, трогала его за уши.

В ее голосе прозвучали тоска и горечь:

— А что я делаю с собой?.. Что я вообще делаю?

ГЛАВА 13

Поздно вечером, отпустив служанок, она в растерянности пометалась по роскошным покоям, чересчур огромным, чтобы в них жить, подбежала к окну, но отсюда виден только сад, все такой же роскошный, цветущий, от запахов кружится голова. Это вокруг города во время осады порубили все сады, а здесь все нетронуто.

Пойти в покои отца, что ли, мелькнула мысль. Пошла к двери, но только протянула руку, как услышала по ту сторону тихий смешок, кто-то взвизгнул, и следом прозвучал игривый голосок одной из ее служанок:

— Ах, артанин, вы затронули мою куявскую честь! Ну, потрогайте еще...

И густой басок явно молодого воина, что изо всех сил старается выглядеть большим и солидным:

— Ах, красотка, ты такая отважная! Погоди, хочешь, я тебе вот это колечко подарю?

— Артанин, лучшее украшение для девушки — скромность и прозрачное платьице... А что за колечко? С камушком? Золотое?.. О, как раз на мой палец... Жаль, что второй палец теперь совсем такой бедненький рядом с этим, толстым, важным и таким красивым...

— Ух ты! Ладно, поищу в седле. У меня есть такие, как раз и на другие пальцы. Завтра поищу, сегодня не смогу отлучиться. Да и растянем удовольствие...

— Удовольствие нельзя сильно растягивать. Оторвешь.

Послышался приглушенный смех, тихонько захихикала служанка. Итания задержала дыхание, против воли прислушиваясь. Жизнь во дворце входит в свою колею, а служанкам все равно, кому прислуживать, кому подавать на стол, за кем убирать. Артане даже проще, не капризные, не мелочные и не мстительные, это заметно даже ей.

— А завтра придешь? А то я что-то сомневаюсь в куявских женщинах...

— В женщинах не надо сомневаться! Сомневаться надо до и после... ха-ха!..

Артанин не понимал куявских шуток, уныло бубнил одно и то же:

— Потому и сомневаемся, что ты такая красотка...

— Мне мама говорила, не родись красивой, а родись мужчиной!

— Зачем тебе? С мужчинами воюем, с женщинами... ох, с женщинами... Мы ведь уже друзья, верно?

Служанка ответила почти серьезно:

— А куда денусь? С волками жить — по-волчьи выть, с лошадьми жить — по-лошиному ржать, а с артанами...

— Ну-ну, говори!

— Не скажу, — донесся голосок, снова ставший игривым, — но показать могу... Нет, не сейчас! Пусти, ну пусти же... Ладно, когда все заснут, жди. Правда, приду. Ты такой красивый, сильный и умный, как твой конь — он мне сразу понравился!

Послышался цокот легких башмачков, все стихло. Все налаживается, мелькнула мысль, и стало страшно, как может наладиться после того, что произошло с миром, страной, Куябой, всеми-всеми?

По дворцу словно пронесся чистый освежающий ветер. Правда, ветер в самом деле теперь проникал в помещения, Придон велел снять ставни, а плотные занавеси вообще содрали со стен и выбросили. Деревья, что закрывали тенью окна нижних этажей, артане срубили, теперь яркое солнце смотрит в окна, лучи нагревают пол, выжигают сырость и плесень.

Слуги, приободрившись, что их не убивают и не подверга-

ют пыткам, усердно мыли, чистили, меняли попорченную мебель и вообще приводили дворец в порядок. Артане, хоть и полные хозяева, не требовали, чтобы при их появлении падали на колени, обращались к слугам так же, как и друг к другу, что челяди льстило, и вскоре, как Итания заметила с горечью, новым хозяевам начали служить так же преданно, как и старым. А служанки и те знатные женщины, которые не успели бежать, вскоре уже хихикали с завоевателями, видя в них только здоровых сильных мужчин.

В Куябу продолжали прибывать знатные беры и беричи, спешили принести присягу на верность новому правителю Куявии. Сразу же выпрашивали земли, деревни, а то и целые вотчины, клялись блюсти интересы артан, вовремя взимать подати с черного люда.

Вяземайт ворчал, он таким не верил, с другой стороны — лучше правителями земель оставить куявов, пусть ненависть простого люда будет направлена на них, артане как бы в сторонке. Хорошо бы и храмы куявских богов разломать в щебень, но уж больно красивы, артанам вовек такие не выстроить. А вот перестроить под артанские капища или хотя бы жертвенники...

Аснерд высказывал недовольство, что Придон во дворце куявского властелина велел оставить все как было. И всех людей, которых не зарезали сразу. Таких оказалось много, они попрятались сразу же, едва артане ворвались в город, а выползали на второй-третий день, если их не вытаскивали раньше. И вот теперь весь дворец наполнен этими шныряющими тенями, робкими и угодливыми, застывающими при виде любого артанина, суетливо кланяющимися, кланяющимися...

Очень не нравилось ему такое, куда годится, если на каждого артанина во дворце по десять куявов? И хотя они все трусы, к тому же — челядь, но все-таки бывает тревожно от их присутствия. Даже трус может набраться храбрости и вонзить нож в спину.

Сам он проводил больше времени на площадке во внутреннем дворе. Из Артании прибыл большой отряд молодых воинов, сильных и отважных, но совершенно не обученных войне с куявами, и Аснерд терпеливо объяснял особенности

войны с этими трусами, что прячутся либо за доспехи, либо за спины магов.

Придон однажды вбежал в покои Итании счастливый, сияющий, выпалил с порога:

— Вяземайт и ваши жрецы уже договорились о совместном обряде!

Она не поняла сразу, насторожилась, уж очень у него счастливый вид, спросила опасливо:

— Каком?

Он лишь раздвинул губы в улыбке, упал на колени, обхватил ее ноги, поцеловал быстро и резко и тут же унесся, как на крыльях, страшась остаться чуть дольше, ибо потом не сможет уйти, не сможет думать, не сможеть жить, просто умрет от пронзительного счастья быть рядом.

Во дворец прибывали обозы с награбленными драгоценностями, а также знатные мужи, что будут присутствовать на свадьбе отважного Придона и прекрасной Итании. Этих особо знатных мужей, по-куявски можей, так и называли — вели можи, или вельможи. Их размещали в соседних зданиях, по пышности и богатству мало чем отличающихся от дворца.

Однажды она услышала снизу ликующие крики. Протрубила труба, звонко стучали копыта. Она выглянула из окна, к дворцу подъехали на тонкошеих нервных конях трое воинов. Двое могучих атлетов сопровождали подростка в легкой рубашке и тонких штанах из умело выделанной кожи. Со ступенек сбежал Придон, подросток-воин соскочил с коня, бросился к Придону в объятия. Шапка слетела с его головы, остолбеневшая Итания увидела, как освобожденно хлынули водопадом черные блестящие волосы.

Сердце ее тревожно дрогнуло. Она смутно удивилась уколу ревности, а незнакомая девушка обнимала Придона за шею, целовала в глаза, он тоже обнимал ее счастливо и бережно, хотел подхватить на руки и внести во дворец, но она со смехом отбилась, выскользнула из его объятий, сама взбежала легко и грациозно.

Дверь закрылась за ними, всадники с веселым смехом умчались обратно. Итания долго стояла, опершись о подоконник, ноги отказывались держать ее тело. Сердце стучало час-

то, испуганно, в груди разливался жгучий страх, чувство потери возникло внезапно, ширилось, охватывало ее всю, а потом, казалось, охватило и все в комнате, пропитало воздух ядом.

Полдня в смятении она раздумывала о таинственной незнакомке. Ее дикая красота поражала, в ней чувствовалась сила, необузданность чувств, ярость и безудержность, настоящая артанка, полная жизни, полная жажды все увидеть, все потрогать, везде побывать и, может быть, все сломать, что не понравится.

После обеда она несколько раз видела ее с галереи, откуда раньше Иргильда так любила наблюдать за гостями, оставаясь незамеченной.

Держалась незнакомка по-хозяйски, за что Итания сразу ее возненавидела. И в то же время невольно восхищалась той свободой, которой пользуется эта артанка. Уж ее-то не возьмут, как овцу, не выдадут замуж против воли. Она сама себе хозяйка, это чувствуют все, признают, это видно по тому, как ей уступают дорогу, кланяются, выполняют ее приказания.

Больше всего, судя по всему, она проводила времени с Придоном. Гелия ничего не могла о ней разузнать, хотя сгорала от любопытства. Итания делала вид, что прибывшая артанка ее абсолютно не интересует, абсолютно, даже старалась не слушать, что щебечет Гелия, а та шушукалась с другими служанками, гостье перемывали кости, рассказывали, что она уже прошлась и по всем залам, осмотрела покои Тулея, тронный зал, побывала на верхней галерее, откуда, в свою очередь, понаблюдала за нею, Итанией...

— За мной? — переспросила Итания тревожно. — Что она хотела?

— Только смотрела, — заверила Гелия. — Но ничего не сказала.

— Лучше бы сказала, — воскликнула Итания, — лучше бы сказала!

— Что?

— Да хоть что! Это лучше, чем неизвестность.

Ближе к вечеру за дверью раздались торопливые шаги, дверь распахнулась, оранжевый свет выхватил выкованную

из меди великолепную фигуру. Придон вошел быстро, грудь вздымалась, заставляя двигаться выпуклые щиты грудных мышц, в глазах веселье.

— Итания, — сказал он счастливо. — Я забежал на минутку! Прибыл караван из Вантита!.. Привезли редких зверей и птиц, тебе они понравятся...

Она ощутила, что это мгновение растянется, потом его начнут искать, в дверь начнут заглядывать суровые решительные люди, на которых написано, что они — военачальники.

Она сказала язвительно:

— Зверей? Птиц? Почему ты решил, что мне это понравится?

— Не знаю, — ответил он растерянно. — Не золотые же серьги с алмазами тебе рассматривать! Их у тебя и так горы. Мне показалось, что... Прости, я не знаю, что больше нравится женщине, я мужчина...

— Да, — сказала она еще язвительнее, — ты все-таки не забываешь, что ты — мужчина!

Он вскинул брови, взгляд его смущенных глаз внимательно пробежал по ее лицу.

— Да... я знаю. Но что имеешь в виду ты?

— Ту прекрасную черноволоску, — выпалила она. — Тебе пришлось вызывать ее из Артании? Здешних служанок уже недостаточно?

Он некоторое время всматривался в ее раскрасневшееся лицо. Твердые губы чуть дрогнули, Итания не поверила глазам, он улыбался, даже возле глаз побежали лучики.

— Да, — ответил он покаянным голосом, — ты права... Мне ее очень недоставало.

Он хлопнул в ладоши. В двери ворвались двое воинов, глаза преданные, один сразу уставился в лицо властелина, готовый исполнять любой приказ, другой быстро окинул подозрительным взором все помещение.

— Артанин! — произнесла Итания с отвращением.

Придон сказал властно:

— Огнивец, узнай, хорошо ли отдохнула... наша гостья, что прибыла сегодня из Арсы. Если да, то я хочу ее видеть. Здесь, в покоях Итании.

Воин поклонился, исчез. Итания ахнула:

— Ты... ты мерзавец!.. Как ты можешь?

Придон слабо улыбнулся:

— Ах, Итания...

Вскоре за дверью послышались шаги, стукнуло, на пороге возникла та черноволосая девушка, за нею высилась громадная фигура воина. Девушка в сравнении с ним выглядела крохотной, но Итания сразу определила, что она выше ее, по крайней мере на полголовы. У нее и плечи шире, хотя в поясе удивительно узка, и длинные ноги красивые и сильные, высокая грудь, идет гордо, с достоинством, с радостной улыбкой, но Итания перехватила ее быстрый любопытный взгляд. Странно, черноволосая красавица совсем не смотрела на нее как на противника. Наоборот, в ее взгляде разъяренная Итания прочла глубокое участие.

Придон раскрыл объятия, девушка прижалась к его груди так нежно и трепетно, что у Итании сердце едва не разорвалось от злости. Придон поцеловал в макушку, отстранил и сказал торжественно:

— Итания, позволь показать тебе единственную женщину на свете, которую я всегда любил и буду любить до последнего дня...

Девушка повернулась в его объятиях и приветливо взглянула на Итанию.

— И которая его любит, — сказала она приятным и в то же время сильным голосом. — И будет любить, что бы он ни натворил.

— Эту девушку зовут Блестка, — закончил Придон. — У меня двое братьев, один уже погиб, но сестра у меня одна, я ею очень дорожу!

Итания остановившимися глазами смотрела на них, потом по-новому всмотрелась в девушку. Теперь заметно, что они брат и сестра, в ней та же неукротимая сила, даже ее женственность видна не сразу, чересчур много огня в глазах, в лице дерзкий вызов, во всей фигуре звучит безмолвно, но громко, что это — артанка, гордая дочь степей, сестра ветра и просторов, носительница чести и женского достоинства.

— Вы... — пролепетала Итания, ибо молчание затягивалось, — вы очень похожи...

Блестка фыркнула, Придон с неловкостью развел руками.

— Да, надеюсь... что не очень. По крайней мере, ей не приходится так часто бриться.

Блестка сильно ткнула кулаком в его широкую грудь. Придон сделал вид, что покачнулся.

— Вот так он всегда, — сказала Блестка. — Если он со мной так груб, то что с другими? Ладно, Придон, тебя там уже ждут. Твой конь выбил яму... а здесь не Степь, ты забыл? Он расколотил мраморную плиту, яма с каждой минутой все глубже.

Придон виновато улыбнулся Итании, развел руками. Блестка повернула его лицом к дверям, толкнула в спину. Итания наблюдала с натянутой улыбкой, а Блестка подошла к ней, взяла за плечи и усадила на ложе. Сама огляделась, опустилась рядом.

Глаза ее были полны сочувствия.

— Прежде всего, — сказала она, — спасибо тебе за... за его спину. Ты излечила одним прикосновением то, что не могли вылечить все лекари Артании. Эта весть разнеслась по всем войскам. Думаю, что уже по всей Куявии. Воины утвердились, что они были правы в своем походе на... на твою страну, прости, а что подумали куявы, даже не пытаюсь представить.

Итания прошептала горько:

— Я это могу представить. Еще как могу.

Блестка чуть прижала ее к себе, сказала негромко:

— Я приглашена на свадьбу. На вашу свадьбу. Прости, но я вижу, что эта свадьба для тебя... не совсем уж и радостна.

Итания взглянула на нее почти с неприязнью.

— А ты ждала, что я обрадуюсь?

— Нет, — откровенно ответила Блестка. — Мне и сейчас не нравится эта идея. Я просила брата повременить.

Итания спросила с недоверием:

— Что ты просила?

— Мне не нравится брак, — объяснила Блестка, — когда... когда можно даже просто заподозрить одну из сторон в неискренности! У нас, артан, брак всегда по любви! Не понимаю, зачем Придон так торопится? Или все из-за пророчества?

Итания насторожилась.

— Что за пророчество?

— Ты не слыхала?

— Нет.

— Ну... волхвы прочли по небесным светилам, что Артания возьмет верх над Куявией и даже захватит Куябу. Но только нельзя артанскому войску оставаться в Куявии на зиму.

— Почему?

— Не знаю, — ответила Блестка. — Волхвы всегда говорят так туманно! Что-то о потере артанскости, о нашем духе, стойкости... Я напомнила брату о пророчестве, он обещал скоро вернуться в Арсу. А что будешь делать, уж прости мое любопытство, ты?

Итания пожала плечами:

— Разве меня спрашивают?

Блестка нахмурилась.

— Вот это мне и не нравится, — заявила она. — Может быть, это и есть то, что волхвы называют потерей артанскости? У нас нельзя брать девушку без ее согласия. Это у вас, дикарей... прости, но у вас родители договариваются между собой, а это мерзко!

Итания развела руками:

— В Куявии так привыкли. Таков обычай. Никому не кажется, что это плохо. У родителей опыта больше, мудрости больше. Браки, которые заключают они для детей, крепче, чем... по любви. Хотя сейчас, конечно, мне артанский обычай нравится больше.

Она слабо улыбнулась, смягчая последние слова. Блестка обняла ее за плечи, прижала к себе.

— Что же случилось? — спросила она шепотом. — Я могла бы поклясться, что ты... его вовсе не... ненавидишь. В то же время иногда смотришь так, что разорвала бы на части!

Итания спросила слабо:

— Когда ты успела заметить?

— Я прибыла утром, — ответила Блестка. — А глаза у меня зоркие, заметила здесь многое. Что у вас случилось?

Она обнимала бережно, покачивала ее в объятиях. Итания ощутила ту защищенность, что испытывала только в руках

матери, живущей в Родстане и окружавшей такой любовью и нежностью, что Итания всякий раз ревела, расставаясь, чувствовала себя молодой зеленой веточкой, которую отламывают от дерева.

Сейчас в глазах защипало, а губы искривились помимо воли.

— Не знаю, — прошептала она, едва сдерживая слезы. — Не знаю!.. Наверное, всему виной наша гордыня.

— Ваша? — переспросила Блестка недоверчиво. — Его гордыня — понятно, она у него из ушей брызжет! А где твоя?

— Увы, — ответила Итания грустно, — моей тоже хватает. Почему я сразу не... Или потом, когда он повернул коня, почему я сразу не закричала, не остановила?.. Даже побежала за ним почему не сразу, а все боролась со своим тцарским достоинством? Все могло быть иначе, Блестка!

Она почти выкрикнула ее имя, слезы брызнули и побежали по щекам прозрачными чистыми, как жемчужины, каплями. Блестка прижала ее крепче, баюкала и не знала, что ответить.

Затуманенные сном глаза отыскали на потолке драконов с огромными распахнутыми крыльями. Она лежит на спине, здесь все странно знакомо...

Поспешно осмотрелась, она в огромной спальне отца, а ныне в покоях, принадлежащих грозному Придону. Яркий солнечный свет врывается в окна, по всему потолку двигаются блики, словно отражается поверхность освещенного солнцем пруда. Воздух чист, свеж, за окном счастливо верещат мелкие птицы со звонкими голосами.

Она сладко потянулась, тело сладко ныло. Беспричинно хотелось улыбаться, она едва не запела вслед за птицами. В каждой частице тела гнездилась тихая светлая радость.

Блестка, промелькнула быстрая мысль. Вот почему проснулась такая радостная... Блестка, умная, красивая и сильная, — его сестра, вовсе не та женщина, которую он потащит в свою спальню. Это Блестка, утешая ее, привела сюда, гладила по голове, что-то шептала, пока глубокий сон не нахлы-

нул, не заставил уснуть со счастливой улыбкой на губах, и все это время она видела самые счастливые сны.

Что со мной, сказала вдруг смятенно. Разве можно радоваться, что этот человек, этот враг, разоритель ее страны, сокрушитель их тцарства...

За окном послышались сильные мужские голоса, звонкий стук копыт. Она подбежала неслышными шагами, ко входу во дворец на быстрых конях подъехали четверо. Их кони грозно храпели, глаза красные, как горящие угли, роскошные гривы и хвосты, копыта широкие. Все четверо всадников такие же крепкие и мускулистые, как и кони, но один выделяется и среди них, как сокол выделяется среди хищных ястребов.

Конь под ним был черным, блестящим, как застывшая капля смолы, а когда он вскинул голову, чтобы взглянуть на окно, Итания ахнула и не успела отпрыгнуть. Их взгляды встретились. Придон широко улыбнулся, помахал рукой.

Потом они покинули седла, перед ними распахнули двери, а коней подхватили под уздцы и увели. Итания с сильно бьющимся сердцем хлопнула в ладони.

Из-за портьеры вышла Гелия, щечки и губы красные, глаза блестящие, лукаво стреляют по сторонам, тут же уставилась на Итанию с обожанием.

— Слушаю, Ваше Высочество.

— Ты не знаешь, кто прибыл с Придоном?

Гелия поклонилась.

— Конечно, уже знаю!.. Это знатные люди, походные князья артан. Щецин, Ральсвик, Волин. Другие прибыли еще раньше, ждут в нижнем зале.

Ее сердце похолодело, она спросила тихо:

— Ждут... чего?

Гелия ответила так же тихо, даже запнулась:

— Сегодня же ваша свадьба. Решено провести ее здесь, прямо во дворце. Привезут наших верховных жрецов, от артан будет сам Вяземайт, это их...

— Знаю, — прервала она. — Я знаю Вяземайта. Но не думала, что встретимся как враги.

В спину пахнуло свежим чистым холодом. Даже не оглядываясь, она ощутила приближение Придона. Медленно по-

вернулась, увидела закрывающуюся дверь, а Придон уже шел к ней.

Она со страхом и смятением смотрела на этого рослого мужчину с яростным лицом. Придон явился во всем блеске артанского воина. Даже не воина, а правителя: обнаженная грудь, но с плеч падает, закрывая спину, пурпурный плащ. На ходу он вскинул руки и небрежным жестом расцепил золотую застежку у горла. Плащ свалился с плеч, а Придон шел все так же тцарственно, огромный, несокрушимый. От него пахнуло такой нечеловеческой мощью, как если бы сейчас к ней направлялся крылатый дракон.

Черные волосы вместо стального обруча воина прижимает ко лбу золотой, как и надлежит правителю. Над переносицей зловеще горит красным огнем рубин, камень войны. Она запомнила его широкие стальные браслеты на бицепсах и запястьях, но теперь их тоже заменили браслеты из золота, украшенные алмазами — лучшими из камней. Даже пояс на нем из металлических пластин, покрытых золотыми узорами.

Время как замедлилось для нее, она смотрела на него, на прекрасную бронзовую фигуру героя... что сейчас застыл в движении, со щемом вспомнила, что всегда была мечтательна, и какой бы ни была Куявия, какой бы роскошью ни окружал ее отец, превратив женскую часть дворца в сказку, она в своем воображении строила волшебное тцарство, где все намного прекраснее, чем здесь, где люди и драконы уживаются в одном городе, где на ярмарки безбоязненно приходят подземные рудокопы, лесные чудища и другие звери, а стена вокруг ее владений настолько высока и несокрушима, что все жители всегда уверены в своей безопасности и всегда счастливы, ибо она правит справедливо...

Но вот вторгся этот жестокий варвар... Нет, он вторгся намного раньше. Еще когда ее несли в носилках, а она видела привычно склоненные спины, она ощутила потрясение, словно стены теплого уютного мирка с грохотом рухнули, а она оказалась в другом мире — огромном, полном незнакомых запахов, красочном, немыслимо ярком, где струи пронизывающего холодного ветра, где крики птиц и диких зверей... Он стоял, гордый и красивый, смотрел на нее жадно, она уже

тогда со страхом поняла, что в ее жизнь вошло нечто небывалое. Она слышала о героях, сама мечтала о них, но ее герои были такие же, как и остальные придворные: хорошо одетые, на высоких каблуках, с приятным запахом, только выше, красивее, сильнее, изысканнее... Но когда она увидела Придона, вдруг ощутила с пронизывающей ясностью, что герой — вот он.

Он и был героем... пока добывал меч. И когда явился в последнюю минуту и спас ее, ее отца и всю Куябу от ужасного Янкерда.

Но почему, почему сейчас ее берут, как овцу, когда она совсем недавно сама бежала за его конем, умоляя не бросать, когда ее сердце чуть не разорвалось от горя, когда все подушки промокли от слез?

Оцепенение прервалось, Придон сделал шаг, еще и еще, остановился перед ней, огромный и сильный, она услышала нежный голос, такой непривычный от такого пропахшего гарью и дымом воина:

— Итания... Сегодня день, ради которого все это началось! Позволь, я поведу тебя...

Она покачала головой:

— Шутишь? Посмотри, во что я одета. Мы вчера сидели здесь до поздней ночи. Потом я заснула... даже не знаю как. Мне, конечно, стыдно...

Он широко усмехнулся:

— Узнаю Блестку. Я тоже, когда бывал чем-то огорчен, бежал к сестричке. А она поговорит, погладит по голове, незаметно засыпаешь светлым долгим сном, а утром просыпаешься свеженьким и радостным.

Она слабо улыбнулась:

— Да, что-то похожее.

— Тогда я проведу тебя к твоим покоям, — сказал он. — Надеюсь, все твои наряды уцелели? Если нет, я велю обобрать все дома в этом городе!

— Нет-нет, — ответила она поспешно. — У меня хватает всего.

Он взял ее за руку, ее узкие пальцы полностью утонули в его широкой ладони, и они вышли, провожаемые заинтересованным взглядом притихшей служанки.

ГЛАВА 14

Снизу доносился рев могучих голосов. Придон бережно держал Итанию за руку, они ставили ноги на ступеньки одновременно, он замирал от счастья, победная песня все ближе, громче, наконец при очередном повороте лестницы открылся зал, заставленный длинными столами.

У нее закружилась голова от вида множества крупных сильных мужчин, у артан только такие становятся полководцами и военачальниками, они дружно орали песню, стучали кулаками в такт по столу. Драгоценная посуда подпрыгивала, соскальзывала, к ужасу слуг, на пол, разлеталась дивными брызгами.

Их заметили, заорали громче. Аснерд поднялся с кубком в руке. Довольный, успевший уже перепробовать в подвалах дворца все, что касалось вкусной еды и кумыса, он и сейчас держал в поднятой руке кубок с плакун-травой, в то время как беры и князья союзных земель подняли чаши и чары с вином.

— Пора сказать о славном Придоне и несравненной Итании! — сказал он зычным голосом.

В зале стало несколько тише, его рев был услышан даже за дверью. Военачальники перестали бить кулаками по столу, Итания ощутила на себе десятки, если не сотни, пар внимательных глаз. Придон стиснул зубы, это у всех бывает свадьба как свадьба, но не у него. На других свадьбах счастливы все, как жених с невестой, так и родители, что сумели удачно пристроить детей, а сами породнились, укрепили свою власть, расширили владения, оградили себя от воинственных соседей. Но здесь... артане ликуют, но куявские беры как на похоронах.

Он вскинул руку.

— Веселитесь!.. Сейчас Итания набросит на себя это... как его, свадебный наряд, после чего Вяземайт принесет жертву, вместе с куявскими жрецами испросит благословение богов на долгую и счастливую...

— А когда свадьба? — крикнул кто-то.

— Скоро, — отрубил Придон. — Сразу же, как Итания переоденется.

Итания опустила глаза, в лицо хлынула кровь, обожгла щеки. Она ощутила, как румянец заливает лицо, и уже вся горит, а кончики ушей запылали, как огоньки. Похоже, уже все знают, что она спала на ложе Придона, а сейчас идет в свои покои лишь затем, чтобы переодеться.

Они прошли через зал, слуги поспешно распахивали перед ними двери. Когда оказались перед ее покоями, Придон сам открыл двери, ее сердце невольно затрепетало чаще. Оранжевый свет упал на его могучее сильное тело, она подумала невольно, что вот такое, постоянно открытое ветрам и солнцу, зною и холоду, должно бы выглядеть как старая скала, однако гладкая кожа выглядит чистой, как у ребенка, мышцы упругие, и вообще весь сложен как те статуи, что мастера вытачивают из белого мрамора, добиваясь изображения совершенного мужчины.

Мне должно быть стыдно, напомнила она себе, напомнила строго, но получилось смятенно, а сама невольно залюбовалась шириной сильных плеч и великолепной грудью — в красивых мускулах, с гладкой блестящей кожей. В отличие от исполненной холодной красоты статуй он жив и полон мощи, яростной силы, животной страсти.

— Заходи, — сказал он. Голос его был глубок и нежен. — Итания...

Ее шаги, она сама чувствовала, обычно легкие и даже летящие, сейчас робкие и пугливые, хотя двигается по своим же покоям, толчками приближается огромное ложе, от которого она не может оторвать зачарованного взгляда.

Он вошел следом, дверь захлопнулась мягко, но Итании почудился стук упавшей могильной плиты. Придон изменился в лице, когда в глазах Итании метнулся страх.

— Что-то случилось?

Она молчала, упрятав сердце под внутренние доспехи. Придон перехватил ее за тонкие пальцы, сердце тут же трепыхнулось от нежности.

— Что ты хочешь?

Она с грустью посмотрела в сторону окна, в груди Придо-

на сжалось, ведь Итания в самом деле может чувствовать себя пленницей, хотя это он ее пленник, по-прежнему у нее в плену.

— Ты все равно этого не сделаешь, — ответила она тихим голосом.

— Итания...

— Да, повелитель?

Он сказал с болью:

— Итания, какой я тебе повелитель? Я твой раб. Я захватил Куявию, но не сумел захватить тебя. Я все еще у тебя в плену. Я все еще страшусь, что кто-то обидит тебя, посмотрит на тебя косо, не вознесет хвалу твоей красоте и достоинствам...

Она сказала как можно спокойнее:

— Ты, может, дашь мне переодеться? Или я должна раздеваться при тебе? Как рабыня?

— Все, что угодно, Итания, — сказал он глухо. — Для тебя все, что угодно. Я просто не могу без тебя, Итания. Ты уйдешь — и я умру.

Он сказал это с жуткой простотой, и она с холодком поняла, что так и случится. Она осторожно приблизилась, откинула назад голову, всматриваясь в его лицо. Его рука робко и непривычно нежно привлекла ее, Итания положила голову ему на грудь. Сейчас она ощутила вдруг, насколько огромен этот зал, насколько толстые камни в стенах, как здесь неуютно и какие они двое хрупкие в этом большом жестоком мире.

Со двора через окно донесся стук копыт, сильные мужские голоса. Она ощутила, как напряглась под ее щекой грудная мышца, медленно отстранилась, чувствуя, как рвется тончайшая ниточка, что протянулась между их сердцами.

— Это голос Вяземайта, — сказала она. — Я угадала?

— Он, — подтвердил Придон. Он жалко отводил взгляд. — Он привез ваших куявских жрецов... для свершения обряда.

— Тогда не будем медлить, — сказала она со вздохом. — Все равно уже ни ты, ни я... ничего изменить не можем.

Он повернулся, спина сгорбилась, Итания почти с жалостью смотрела, как он подошел к двери, на спине все еще рана, уменьшившаяся во много раз, но все еще кровоточит. Гелия уже сказала, что артане привыкли видеть огромную кровото-

чащую рану, а когда вдруг стала такой крохотной, приняли этот знак как оправдание их похода: Придон страдал от раны, а взяли Куябу — и рана почти исцелилась! Боги признают их право, небо их поддерживает, их поход — святой.

Придон оглянулся на пороге, виноватый и в то же время готовый драться за то, что считает своим святым правом.

— Я подожду за дверью.

— Хорошо, — ответила она ровным голосом.

Дверь плотно закрылась. Итания продолжала неотрывно смотреть на деревянные створки, словно и за ними видела его... и не узнавала. Сейчас он не тот светлый и чистый, как солнечный эльф, прекрасный витязь, что пробрался в ее спальню и говорил чисто и возвышенно о любви. Не тот восторженный певец, что создавал дивные волшебные песни, от которых сердце начинало стучать чаще, в груди растекалась щемящая сладость, а на глазах выступали чистые легкие слезы.

Она вздрогнула тогда, вздрогнула впервые, когда увидела уже беспощадным завоевателем и разорителем ее страны. Он въехал в Куябу на огромном великолепном коне, за ним покачивались в седлах лучшие герои Артании, однако и среди них выделялся, как орел среди ястребов. Взор был ясен, но это был взор не пламенного певца, а властного завоевателя, настолько могучего и властного, что сам Придон показался ей богом битв и сражений. Похоже, он отныне никого и ничего не боится. Это видно по тому, что почти все уцелевшие слуги остались на местах, даже управители, ибо хозяйство громадное, а сами артане не желают утруждать себя заботами о порядке.

Она отшатнулась, из-за кресла приподнялась фигура. Крепко сложенный человек в сером плаще и с капюшоном на глазах приложил палец к губам. Итания услышала негромкий голос:

— Принцесса, это я, Рипей!

Она воскликнула, дрожа с головы до ног:

— Как ты здесь оказался?

— Так же, как и вы уйдете, — ответил он быстро. — Под-

земный ход!.. Давайте поторопимся. Дворец полон артан, я уже все знаю...

Она дала увлечь себя за руку в дальний угол покоев. Рипей с неожиданной силой отодвинул с дороги роскошный диван, его заносили сюда четверо дюжих мужчин, бросился к дальнему шкафу для одежды. Таких шкафов в ее покоях десятки, Итания никогда в них не заглядывала, это дело служанок, сейчас же Рипей распахнул дверцы и почти втащил ее вовнутрь. Здесь пахло дорогими благовониями, ее роскошные платья висят на серебряных проволочках, вдоль стены полочки для флакончиков и горшочков с мазями, притираниями, душистыми маслами. Пара горшочков оказалась на полу, Рипей сразу же сказал:

— Простите, Ваше Высочество, я очень неловкий, но мне ваш отец велел спешить...

— Как он?

— В надежном месте.

Нагнувшись, он одновременно выдернул из-за пазухи длинный стальной прут с заостренным концом, вставил на стыке с полом в узкую щель и напрягся, лицо побагровело. Итания не верила глазам, стена шкафа начала приподниматься.

— Полезайте, — прохрипел Рипей.

Щель уже превратилась в темный зал, край каменной плиты был на уровне его колен. С бьющимся сердцем она встала на четвереньки, поползла в темноту. Впереди совсем близко блеснул огонек, его просто прикрывали ладонями, мужской голос сказал негромко:

— Все в порядке, принцесса! Мы вам поможем.

Руки подхватили ее с двух сторон. За спиной послышался треск, их догнал сдавленный голос Рипея:

— Все, уходим!

Каменные стены содрогались от бешеного рева, язычки светильников жалко трепетали, гасли, оставляя синие, дурно пахнущие дымки. Придон бросался на стены с голыми кулаками, разбивал в кровь, крик рвался уже не из груди, а из глубины души, глаза застилала красная, трепещущая при каждом ударе сердца пелена.

Наконец его тряхнуло, мир перевернулся, посыпались осколки небесного свода... нет, это Аснерд ухватил за плечи и потряс так, что голова едва не оторвалась, а зубы стучали, будто полгода просидел в проруби.

— Как? — прорычал Аснерд громовым голосом. — Как она могла исчезнуть?.. Вяземайт! Вяземайт, ты где?

— Она оставалась в комнате! — вскричал Придон. — Я ничего не знаю!.. Вяземайт!

Из красного тумана выплыла сухощавая фигура с длинными серебряными волосами.

— Здесь я, — ответил Вяземайт злобно. — Опозорились, как же опозорились... Там в зале уже сидят, ждут, пьют!.. Я посмотрю в магическое зеркало, но сперва надо обряд, жертву... Поздно, вот что я скажу, поздно магией исправлять то, что можно было не допустить... У тебя что, стражи не было?

Придон со злостью грохнул кулаком по стене. Тяжелый светильник из литого золота сдвинулся, закачался и рухнул на пол. Масло разлилось и тут же воспламенилось. Вяземайт с брезгливостью затоптал огонь, а когда одна струйка выскользнула и побежала через всю комнату, поджигая роскошный ковер, поленился идти следом, щелкнул пальцами. Темный ручеек масла превратился в землю, высох и тут же рассыпался.

Придон сказал затравленно:

— Если поставить сторожить целое войско, никто не убежит. Но ставить сторожить войско — глупо. Полвойска — тоже глупо. Отряд? Но только если сторожат множество пленных мужчин. Да и то среди степи... А здесь ее сторожили так, как и положено сторожить в захваченном городе, во дворце, где полно наших воинов!

— То есть, — уточнил Вяземайт язвительно, — двое колченогих ветеранов, которым в бой уже нельзя?

— Черник не колченогий, — сказал Придон затравленно. — У него правая рука не так срослась. Не гнется... Но на всех выходах из дворца стража! Крепкая, надежная. Там не пропустят ни Итанию, ни самого бога войны!

Вяземайт сказал задумчиво:

— Знаю, знаю. Меня самого всякий раз... Тогда она, возможно, прячется здесь?

Лицо Придона вспыхнуло надеждой.

— Думаешь? А я решил было, что кто-то пришел через всякие там подземные ходы, связал ее и похитил!

Вяземайт зябко передернул плечами. Подземные ходы — кошмар всякого артанина. Человек рожден жить в чистой и ровной Степи, он должен чувствовать на себе лучи солнца, а мордой вперед ломиться навстречу ветру или утренней заре. Можно вечерней. Но всякий раз, будь это палящее лето или холодная зима, над головой должен колыхаться огромный купол неба, куда после красивой гибели поднимутся их души и там продолжат скачки на великолепных огненных конях! Хуже и страшнее подземелий для артанина ничего не придумаешь. И даже при возможности выбраться из осажденного города подземным ходом артанин предпочтет броситься на врага и красиво погибнуть.

Придон, не в силах сидеть, метался по комнате от стены к стене, светильники пугливо трепетали при движении огромного тела. Лицо заострилось, странно выдвинулось вперед и стало похоже на морду большой опасной щуки.

— Какие подземные ходы? — буркнул Аснерд. — Туда не всякий мужчина полезет.

Придон резко остановился, сказал осевшим голосом:

— Вот и я говорю. Там же темно, там паутина, пауки... Наверное, с кулак.

— И мыши, — добавил Аснерд язвительно.

Кровь отхлынула от лица Придона. Он вскрикнул:

— Боги! Она же может испугаться!

— Да уж, — сказал Аснерд безжалостно. — Но что-то ее здесь испугало еще больше. Не знаешь, что?

Придон побледнел так, что Аснерду, несмотря на злость и разочарование, стало жаль несчастного. Толкнул в бок, похлопал по плечу, а Вяземайт сказал рассудительно:

— Она не могла уйти сама. Иначе ушла бы раньше. Ясно, что за нею кто-то пришел. Возможно, ты прав, ее увели силой. Я сейчас осмотрю все, найду следы. Но тот, кто пришел, позаботится о ней, так что за нее не трясись!

— Хотя бы, — сказал Придон с жаром. — Только бы с нею ничего не случилось!

Хлопнула дверь, с разбега вбежала Блестка. Лицо ее раскраснелось, в глазах страх и странное облегчение. Придон повернулся к ней, сгорбленный, раздавленный бедой, бледный. Блестка бросилась на шею, обняла, поцеловала и сказала быстро:

— Придон, не надо лбом крушить стены. Это не шелк шатра, это камень. Все, что случается, к лучшему...

— Утешение рабов! — огрызнулся Придон. — Мораль бессильных!.. У сильного должно свершаться по его воле! А кто, как не я, сейчас силен в Троетцарствии?

— Есть и над нами сила, — возразила Блестка. Подумав, поправилась: — Волхвы говорят, она внутри нас, только нам не подчиняется... а сама нас подчиняет.

Придон отмахнулся, слишком умно, прорычал:

— Как она могла улизнуть? Проклятые колдуны!

— Радоваться надо, Придон.

— Радоваться?

От его рева затрепетали огоньки светильников. Блестка бесстрашно смотрела в его налившееся гневом лицо.

— Тебе повезло, Придон.

— В чем? У меня выдрали сердце, я истекаю кровью, а ты говоришь...

Она покачала головой.

— Это раньше в тебе кричало раненое сердце. Теперь орет твоя раненая гордость. Может быть, даже не раненая, а ей только прищемили дверью хвост? Длинный мохнатый хвост?.. Придон, тебе не дали совершить великий грех перед любовью! Если бы ты принудил эту чистую трепетную девушку... разве ты не стал бы плевать в зеркало, завидя свое лицо?

Придон закричал:

— Да пойми ты!.. Я не могу без нее! Гордость это или что еще, я обезумел, я говорю дурь и делаю дурь, потому что у меня перед глазами только ее лицо! Но я уверен... это мне подсказывают боги, что к ее сердцу все же есть дорожка! И что я могу ее найти, если буду...

— ...медленно и бережно, — прервала она. — Запомнил?

Медленно и бережно! Если будешь медленно и бережно ис кать эту дорожку, а найдя, продвигаться так тихо, чтобы н спугнуть даже присевшего на цветок мотылька. Ладно, При дон, об этом можно говорить до бесконечности, и каждый ос танется на своем. Прости, мне надо возвращаться. Ютла что-то совсем мрачный, а Лалешка, жена Горицвета, посл его гибели стала прятаться от людей, что-то бормочет, по но чам встает и бродит с факелом... Скажи, пусть приготовя мне коня. Я выеду завтра утром. И, скажу тебе честно, При дон: я рада, что не присутствую на такой свадьбе! Судьба дал тебе шанс, Придон.

Он вскричал в великом горе и гневе:

— Какой?

— Не знаю, — ответила она честно. — Но тебе не дали со вершить грех. Преступление. Сейчас ты ослеплен, но пото бы сам себя загрыз... У тебя есть время опомниться.

— Нет, — отрезал он. — Я обезумел, Блестка. Я распоря жусь, чтобы тебе приготовили... нет, не коня, а повозку. Н спорь! Я отправлю с тобой подарки. Для тебя, для Лалешки ее детей, для нашего Ютлана. И дам сотню героев. А сам сра зу же пойду искать Итанию. И даже если придется перевер нуть всю Куявию и заглянуть во все мышиные норки, я эт сделаю!

— Несчастный, — произнесла она со вздохом. Встала н цыпочки, поцеловала его в лоб. — Хотя кто знает пути богов Может быть, самый счастливый.

Сотня героев с грохотом промчалась на горячих коня и остановилась перед добротным богатым домом. Придо спрыгнул на землю, поводья подхватил Огнивец, а он быст рыми шагами взбежал по ступенькам. Артанин, что стоял н страже у входной двери, коротко отсалютовал копьем.

Придон сам толкнул дверь, дальше мелькнуло бледное перекошенное от ужаса лицо старого слуги. Возникли жен ские тени, исчезли с легкими испуганными криками.

Деревянными шагами он пересек большое помещение с стульями и креслами вдоль стен, за единственной дверью на против слышались женские голоса. Толкнул створку, с поро

га окинул взглядом небольшую комнату со скромной мебелью.

Женщина с черным платком на пышных пепельных волосах сидела у колыбели. Младенец гулил и улыбался ей беззубым ртом. По ту сторону стояла молоденькая девушка в простом платьице. При виде Придона она тихонько вскрикнула.

Придон неотрывно смотрел на женщину. Она подняла на него покрасневшие от слез глаза. Теперь лицо ее было бледным, осунувшимся.

Он медленно приблизился к ней, опустился на колени.

— Ты помнишь меня? Я — Придон, — сказал он. — Убийца своего брата и твоего мужа, я занимаю его трон не по праву. Вот мой острый нож!.. Вонзи его мне в шею. Твое сердце хоть немного утешится.

Она опустила взор на длинный нож. Артанин наклонил голову к ней, обнажив беззащитно затылок и шею. А лезвие кинжала длинное и острое, как бритва.

Ее пальцы коснулись рукояти, холод металла приятно ожег ладонь. Молоденькая девушка побледнела и прижала ладонь ко рту, когда вдова обеими руками подняла нож и коснулась лезвием шеи артанского воина. Он не шелохнулся, оставался на коленях с покорно склоненной головой.

Острый кончик прорезал кожу, выступила и вздулась алой жемчужиной крупная капля крови. Руки задрожали, женщина в бессилии отбросила кинжал. Он без звука упал на ковер. Ее безжизненный голос прозвучал как дуновение сухого воздуха в мертвой листве:

— Я не могу тебя судить... Не могу даже винить. Так уж... случилось.

Плечи Придона задрожали. Он прижался лицом к ее коленям, обхватил руками и заплакал горько, безутешно. Крупное тело вздрагивало, содрогалось. Служанка, белая как полотно, в страхе и изнеможении прижалась спиной к стене.

Вдова долго смотрела на голову, что вжималась в ее колени, наконец тонкие пальцы коснулись черных как смоль волос. Такие же были у ее Скилла.

Ребенок, оставленный без внимания, протестующее закряхтел. Женщина повернулась, Придон поднял голову, лицо

даже не с мокрыми дорожками, а сплошь мокрое и красное, глаза отыскали служанку.

— Где старший сын?

Она вздрогнула, бросила беспомощный взгляд на хозяйку. Та наклонила голову.

— Приведи Трояна.

Девушка исчезла, как привидение. Женщина перепеленала младенца, дверь приоткрылась, служанка вошла, придерживая впереди себя мальчика пяти лет.

Придон, не поднимаясь, повернулся и протянул к нему руки. Мальчишка оглядел его исподлобья, потом подбежал и обхватил его доверчиво за шею. Придон снова ощутил ком в горле, в глазах защипало, слезы хлынули горячие, но уже не жгучие, слезы освобождения.

— Пойдем, — сказал он, — я тебе кое-что покажу!

Он поднялся, держа его на руках. Женщина смотрела вопросительно, слезы стояли в ее больших прекрасных глазах. Он не мог говорить, рыдания душили, только кивком пригласил идти следом, сам двинулся, как слепой, обратно через дом.

Воины встретили боевым кличем, но голоса тут же умолкли, у Придона на руках мальчишка, лицо бледное и решительное, как перед жестоким сражением.

— Артане! — сказал Придон громко. Голос уже не вздрагивал, перед ним — мужчины, и голос стал сильный и звенящий, как боевая труба, зовущая на схватку. — Артане!.. Вы — лучшие мои военачальники! В вашем лице я говорю со всей Артанией. На руках у меня — сын Скилла, тцара Артании. Сын Скилла, мой племянник... и наследник артанского престола.

Он опустил мальчишку на каменные плиты. За спиной Придона появились встревоженные мать и служанка, а затем все увидели, как сам Придон опустился на одно колено перед мальчишкой, взял крохотную руку в огромную ладонь и прикоснулся губами к его пальчикам.

— Я, Придон, нынешний тцар Артании, — сказал он громовым голосом, — приношу присягу верности Трояну, сыну Скилла и наследнику престола. Мои дети, братья и сестры

также принесут присягу верности будущему правителю Артании и всего Троетцарствия!

Женщина испуганно вскрикнула:

— Нет!.. Только не это!

Придон поднялся, голос прогремел над затихшим городом:

— Он, сын артанского тцара и куявской женщины знатного происхождения, рожден, чтобы править обеими странами!.. Впрочем, он сам решит, как ему править, как распорядиться своей мощью!.. Прости, но вам лучше покинуть этот город, как бы он ни был хорош. Троян здесь не будет в безопасности, а наша Арса — город артанских правителей. Когда Троян взойдет там на трон. Кто знает... возможно, это случится очень скоро.

ГЛАВА 15

Легкий ветерок весело трепал, как молодой щенок тряпку, артанский стяг над дворцом куявских властелинов. Огненный конь в порывах ветерка словно в самом деле бесконечно несется по синему чистому небу. Пророчество исполнено, по всей Артании звенят победные песни, из Куявии потянулись тяжело груженные обозы с богатой добычей, женщины и дети Артании дивятся неслыханным сокровищам, а старики одобрительно подтверждают, что да, еще никто не мог подвергнуть проклятую Куявию такому ужасающему разгрому.

Новые молодые воины садились на коней и неслись, спеша обогнать один другого, в богатые земли врага, где можно убивать и грабить по священному праву войны.

По Куявии пошел слух, что Итании, дочери Тулея, удалось улизнуть из рук кровожадного зверя Придона. Пресытившиеся было убийствами и грабежами артане снова берутся за топоры и выводят из конюшен боевых коней, чтобы отыскать Итанию, где бы ни нашла убежище.

Молодой артанский вождь Черемша быстрым походом достиг дальних земель Шамбрии, обрушился на местный гарнизон как снег на голову, разбил так молниеносно, что в окрестных краях с изумлением и ужасом увидели быстрые отря-

ды полуголых всадников с топорами в руках, уж потом узнали о страшном разгроме соседей.

На пути Черемши, правда, была неприступная крепость Орешек, но Черемша легко обошел ее стороной, велев лишь небольшому отряду дождаться обоза с осадными орудиями и не оставить от города камня на камне, если не сдастся еще в течение двух дней.

Земли Полесья и Междуречья уже были в руках артан. Как половодье, артанские отряды, разбившись на десятки, неслись по равнинной Куявии, жгли, рубили, вселяли ужас, заставляли население сниматься с мест, что усиливало панику и страх перед несокрушимыми степняками. Придон, по слухам, уже принимал послов Славии и Вантита, те поздравили с разгромом ранее несокрушимой Куявии, заверили в своей дружбе и понимании позиции Артании, что не могла дольше сносить насмешки богатого, но слабого духом кичливого соседа.

На самом же деле Придон в первую очередь принимал посланцев от небольших отрядов героев на быстрых, как ветер, конях. Им было поручено искать следы Итании и, конечно, сбежавшего Тулея. Но, конечно, всяк понимал, что искать в первую очередь надо Итанию.

Чуть ли не каждый день приходили сообщения: Тулея или Итанию видели в городах, селах, лесах, среди беженцев. Придон тут же посылал туда отряды побольше, но мудрый Аснерд неизменно останавливал, указывая, что не может Тулей находиться в трех местах сразу, тем более — на разных концах Куявии.

— Это все колдуны, — повторял он. — Проклятые куявские колдуны! Они творят лживые личины, те бродят везде, чтобы обманывать нас, чистых и бесхитростных...

— Но что-то надо делать?

— Погоди. Ни Тулей, ни Итания не прячутся в лесах. Они наверняка нашли приют в каком-то хорошо укрепленном городе. Не настолько же куявы подлые, чтобы вот так враз отвернуться от потерпевшего поражение правителя! Мы разгромили Куявию, но не взяли еще все города. Куявия слиш-

ком велика!.. Вот встанут в каждом городе наши воинские отряды...

На свое несчастье, богатый город Чертомлык захлопнул перед артанами врата, а со стен лучники двумя стрелами поразили неосторожно выехавшего вперед Черемшу, молодого и любимого артанами военачальника, яркого, смелого, самоотверженного. Одна из стрел ударила в глаз, он умер раньше, чем упал с коня.

Осада началась такая яростная, что чертомлыкцы в испуге открыли ворота, но артане, озверевшие от потери своего любимца, тут же вырезали всех беров и беричей, что отвечали за оборону города.

Да и потом артане подвергли город страшному разгрому, убивали всех, кого считали беричем или в родстве с ними, щадили только простолюдинов, считая их закабаленным народом. В восторге, что им не грозит гибель, челядь врывалась в дома своих господ, грабила, ломала, крушила, а когда обнаруживали спрятавшегося берича, поднимали радостный крик.

Артане все задавали только один вопрос: где Итания? И всех предупреждали, что захват новых земель и городов будет до тех пор, пока не отыщут беглянку, что нанесла тягчайшее оскорбление их повелителю.

Сами артане ушли на рассвете дальше, а в городе продолжались бесчинства. Простой люд метался по улицам, разыскивали ростовщиков, арендодателей, хозяев и просто богатых и знатных. Их уже не убивали сразу, а терзали, заставляли прыгать через огонь, ползать с перебитыми ногами, на их глазах насиловали их жен, а убивали только после зверских пыток.

Начались пожары, перепившиеся толпы все еще искали своих врагов, а врагами были все, кто богаче, кто одет лучше, у кого дом краше, затем начали затевать ссоры, начались драки, в ход пошли ножи, на улицах трупов стало намного больше. Дома горели жарко и страшно, а гасить их было некому.

После Чертомлыка артанская конница унеслась, как на крыльях, а на месте большого богатого города остались чернеть обуглившиеся от огня каменные руины домов, остался толстый слой пепла, горячей золы, поднимающиеся всюду

сизые дымки, почерневшие от огня тела изрубленных жителей. Из леса медленно и пугливо выходили редкие уцелевшие, кто успел убежать и затаиться в чаще, воздух наполнился криками, плачем, проклятиями.

Остаток дня по горячему пепелищу ходили несчастные, искали родных, собирали уцелевший скарб. Плач длился недолго, слишком велико горе, оно пригибало к земле, сушило слезы.

Поражение было страшным, ибо все рассчитывали на могучее конное войско, да и пеших воинов в городе оказалось достаточно. Однако сражение длилось недолго, конное войско было уничтожено в считаные мгновения, словно его и не было, пешее продержалось дольше, а потом началось страшное избиение, когда склоны окрестных холмов и вся долина покрылись бегущими в панике людьми, которых топтали остатки своей же конницы. Все неслись в безумном страхе к лесу, а за ними мчались страшные артане на быстрых неподкованных конях, убивали, убивали и убивали в спину бегущих. В сражении погиб разве что каждый пятый из войска, все остальные были убиты во время бегства и резни.

Ходили слухи, что глава города, отважный берич Войдак, спасся, его раненого унесли в лес, куда не рискнули войти конные артане. Его телохранители защищались отчаянно, никто не просил пощады, не старался сдаться в плен. Их командир, раненный в грудь, в шею и дважды в ноги, опустился на колено и продолжал отбиваться, пока его не изрубили на куски. Чувствительные к героической гибели, артане сами его похоронили там же под раскидистым дубом и повесили на его ветки щит, шлем и меч погибшего.

Потом поползли слухи, что Войдак хоть и раненый, но сумел пробраться поближе к горам, где его подобрали разбойники, но он обратился к ним со страстным словом о защите Отечества, разбойники прослезились и обратили свое оружие против захватчиков. Правда, никто такой слащавой басне не верил, разбойники совсем не такой народ, чтобы вот так перемениться, разве что увидели возможность грабить уже под защитой тцарской власти, но все равно пересказывали, повторяли, очень хотелось верить, что в страшную годину и

куявы могут тоже подняться и защищать не только свой кошелек, но и страну совершенно без всякой платы.

Наконец пришла весть, которую Аснерд сперва перепроверил, потом пришел к Придону.

— Есть зацепка, — сказал он осторожно. — Отряд Меклена обнаружил город, что отказался открыть ворота.

Придон встрепенулся.

— Большой город?

— Большой. И очень укрепленный.

— Слава богам, — выдохнул Придон. — Они могут быть только там.

— Могут и не быть, — предостерег Аснерд. — Это не единственный город, где еще нет наших войск.

— Расскажи о нем!

— Я велю позвать тех ребят, — предложил Аснерд. — Они хотели сразу назад, я велел их покормить и дать отдохнуть.

В тех городах, где артане все еще задерживались перед броском дальше в глубь Куявии, они не препятствовали бесчинствам простолюдинов, хотя сами смотрели с гадливостью. Старые бывалые воины охотно показывали на них молодым и объясняли на живом примере, что у куявов нет ни чести, ни достоинства, ни благородства.

А пьяный сброд, охмелев от свободы больше, чем от вина из хозяйских подвалов, с наслаждением громил дома богатых, молотами и кайлами долбили мраморные стены, уродовали статуи, сбивали головы выступающим из стен изображениям богов и героев, а если где-то слышался ликующий крик, что отыскали прячущегося хозяина, то с криками: «Не убивай, пусть помучается!» — мчались туда.

Артане брезгливо морщились, когда по улицам носились эти дикие толпы и били все, что можно было разбить: окна домов, двери, срывали ставни, валили заборы. Многие были в крови с головы до ног, но это была кровь жертв, а свою кровь эти люди проливать не спешили.

Остатки разгромленных войск Одера, Вишневича и даже Дуная рассеялись по лесам, оврагам, балкам. Люди прятались неделями, а потом, когда их начали мучить голод и жажда,

осторожно выходили и пробовали пробираться обратно в глубины Куявии. Оказалось, что артане продвинулись уже далеко вперед, а они все теперь у них за спиной, на захваченных артанами землях.

Но артане стремительно двигались вперед, и уцелевшие воины потихоньку пробирались за ними вслед. Иногда, когда не успевали спрятаться, их догоняли небольшие артанские отряды. В основном ими пренебрегали, это уже не воины, но, если при них оставались длинные мечи, их убивали быстро и безжалостно. Но никогда не гонялись даже за пешими воинами, считая это ниже своего достоинства, а куявы выбрасывали все оружие, снимали и прятали в лесах доспехи, а дальше пробирались под видом погорельцев и странников.

Немногие, кто старался сохранить дорогое оружие и доспехи, днем отсыпались, а пробирались в глубь страны только ночами.

Аснерд, умелый не только в бою, но и в хозяйствовании, роздал вотчины и владения на захваченных землях союзникам, сам лишь безжалостно взыскивал с них на содержание войска. Деньги были небольшие, но в разоренных хозяйствах не осталось людей, половина домов сожжена. Работать некому, но артанам не объяснишь: с виноватыми, как они считали, расправлялись тут же на месте — сажали на кол, вешали, а если торопились, то просто рубили топорами, а право на владение отдавали другому.

Всюду, где Аснерд проезжал и определял сумму налога, полыхали пожары. В день по несколько раз ему приходилось пускать в ход топор, не столько защищая себя, сколько других, когда при нем мародеры или разбойники грабили или поджигали чей-то дом, насиловали женщин. Откуда бы ветер ни подул, отовсюду несет гарью, в воздухе постоянно чувствуется страшный запах горелого человеческого мяса. И хотя человеческое пахнет так же, как и свинина, но никто не оставит кусок свинины в огне, в то время как человечину еще есть не начали... вроде бы.

Он видел шайки разбойников, бродяг, просто беглых, что вроде бы не разбойничали, готовые где-то осесть и мирно работать, если отыщется хорошее место, но по дороге нападали

и грабили всех, кто выглядел слабее. А то и убивали тут же просто так, для потехи.

По всей стране плодились разбойники. Отчаявшиеся крестьяне объединялись и сообща давали отпор мародерам, но, когда человек вместо сохи берет в руки меч, у него появляется соблазн и дальше добывать прокорм мечом, так проще и легче, чем пахать землю. Те из беров, что присягнули на верность артанам и чувствовали их защиту, поспешно расширяли владения, притесняли соседей, сгоняли с земель, захватывали их охотничьи и рыбные угодья.

Он скрипел зубами и хватался за голову, ибо чем больше людей встречал на пути, тем омерзительнее эти куявы ему становились. Страна умирает, а они в преддверии близкой смерти спешат забыться в оргиях и разгуле, выдумывают такие забавы, от которых сами содрогнулись бы в мирное время: не лучше то дурачье, что поверило своим берам, будто они покорились артанам лишь для того, чтобы поглотить артан, а затем на их землях создать единое мощное государство, что затем поглотит и Славию.

По слухам, немало земледельцев, отчаявшись выжить в такой стране, семьями, а то и целыми деревнями уходили на земли Вантита, где всегда потребность в людях. Богатейшая и густонаселенная страна быстро беднела даже людьми, а те, что оставались и прятались в лесах, уже становились непригодны для мирной жизни пахарей, вкус крови забывается плохо, а добытое мечом всегда выглядит ценнее, чем добытое потом и тяжким трудом...

Артанское войско передвигалось длинными переходами, но Придон взял с собой сотню героев на легких быстрых конях, они понеслись между небом и землей, как тень от быстро бегущей по небу тучи.

В отличие от ровной артанской степи здесь очень быстро равнина начала колыхаться, как исполинские волны. Дорога шла то вверх, то вниз, но все происходило плавно, спокойно, величаво. Кони поднимались без усилий, как и спускались, на горизонте маячили горы, настоящие горные хребты.

Придон стискивал челюсти, хмурился. Рядом мчался Огнивец, поглядывал по сторонам, прокричал:

— Зачем Творец создал горы?

Придон зло оскалил зубы. Горы — это подлая мелкая война с выстрелами в спину, с бросками дротиков из-за камней, это погони над бездонной пропастью и — хуже всего — это жуткие драконы, что живут на вершинах гор!

Даже реки здесь злые, быстрые, хоть и катят воды пока что по равнинам. И холоднее, ибо вобрали в себя холод горных недр. Кони преодолевают такую воду с осторожностью, их пугает крупная рыба, что без страха крутится под ногами и щипает за ноги, пугает чистое каменистое дно, когда река должна быть тихой, медленной, вода теплой, а копыта должны погружаться в восхитительную смесь ила и мелкого песка.

Даже на равнине среди садов или вблизи дороги иногда торчали сложенные древними великанами камни: один на другом, а на самом верху, как шляпка гриба, самый огромный, обычно плоский. Под такими каменными столбами широкая тень, но ни один артанин не рискнул бы отдыхать в такой тени.

Куявы не обращали внимания на эти камни, даже не задумывались, что за силы их сотворили, это артане сразу заспорили, и чем больше таких каменных столбов встречали по дороге, тем больше появлялось предположений, начиная от того, что это дети великанов просто ставили камушек на камушек, а потом забыли и пошли играть в другие игры, до идеи, что это не камни вовсе, не камни...

На перекрестках дорог обычно располагался постоялый двор, корчма, подсобное хозяйство со своей хлебопекарней, кузницей, а то и оружейной мастерской. Сперва удавалось захватывать и хозяев, но потом слух о приближении артан опередил их войско, дальше все дома зияли пустыми окнами. Хозяева успевали захватить все ценное, артане злились и требовали, чтобы военачальники вели их быстрее.

Кроме постоялых дворов, попадались и небольшие храмы из черного гранита, чтобы путешественники могли принести жертву богам. На храмы артане внимания не обращали: камень не подожжешь, а сами куявские боги не страшны, ибо известно, что они всего лишь пыль под ногами могучих и грозных богов Артании.

Куявы, как зерновые муравьи, ухитрялись обрабатывать каждый удобный клочок земли: артане дивились ровным квадратикам, из которых одни оставались вспаханными, на других уже дружно поднялись зеленые стебельки, похожие на железную щетину. Не все крестьяне ушли заранее. Иногда удавалось увидеть, как на дальних полях копошатся фигурки. При виде войска они всякий раз пускались бежать, а за ними с веселыми воплями бросались в погоню молодые артане.

Однажды Аснерд резко осадил своего жеребца, а когда Придон пытался проскочить дальше, ухватил его коня за повод. Тот сдуру пытался проскочить, выдернуть повод, но едва не вывихнул шею: вырваться из руки Аснерда было то же самое, что свернуть гору.

Придон проследил за взглядом старого полководца. Впереди на высокой горе зловеще чернела массивная башня. Стена слегка поблескивала, словно башню сложили из угля или же облили смолой, а та застыла, укрыв от зубцов крыши до самого низа. Высоко в небе медленно разрасталась туча, пока что серая, но Придон ощутил, как серость перейдет в черноту, та станет угольной, тяжелой, в недрах тучи начнут посверкивать, пока что слабо, сполохи, а сама туча будет расти, раздвигаться, нависать тяжелой мощью...

— Колдун? — спросил он и кивнул на тучу.

— Туч быть не должно, — ответил Аснерд угрюмо. — На всю неделю волхвы предсказали погоду ясную, а небо чистое.

— Проклятые колдуны!

— Пока что просто пугает, — заметил Аснерд. — Сюда не достанет. Но когда подойдем ближе...

— Ударит?

— От нас один пепел взметнется.

Придон скрипнул зубами. Лицо перекосило холодным бешенством.

— Это нечестно! — сказал он горячо. Опомнился. Сказал еще резко: — Но мы должны пройти!

— Мы пройдем, — сообщил Аснерд. — Если нет других путей, мы пройдем просто, по-артански. Не станем хитрить, строить подкопы, прокрадываться, аки трусливые куявы. Нет лучше и краше гибели, чем в прямой атаке на врага, когда ле-

тишь на горячем коне, в руке поднятый топор, а ты выкрикиваешь навстречу ветру боевой клич...

Придон сразу ухватил мысль, спросил быстро:

— Его молния бьет... не всех?

— У него сильные молнии, — ответил Аснерд угрюмо. — Каждой он способен сразить десять, а то и больше человек. Но он бьет молниями даже реже, чем лучник стрелами. Если сотня ринется вот отсюда на его башню, он, возможно, успеет испепелить их всех. Но если три сотни — его башню разнесут даже топорами.

Придон пробормотал непонимающе:

— Но почему тогда эти башни... неприступны?

— Это куявы так считают, — сказал Аснерд с презрением. — Они цепляются за свои жалкие жизни! Они не хотят погибать даже красиво.

Придон покачал головой:

— Наши тоже не могли миновать эти башни.

— Наши ходили только в набеги, — возразил Аснерд. — Малыми отрядами героев. Сотня артан в состоянии разбить куявское войско в тысячу человек, но такую башню им не взять. Потому и прокладывали для дальних набегов дороги так, чтобы не попадать под удар башен. Но сейчас у нас стотысячное войско! Разницу уловил?

Туча над башней росла, Придон ощутил ее тяжесть, теперь это создание колдуна весит как целая гора, что за мощь у колдуна, что держит на весу такую махину, в недрах тучи негромко погромыхивало. Трепет пробежал по телу Придона. Так негромко и даже довольно похрюкивает лесной вепрь, самый страшный зверь, который, если разъярится, становится неудержим в своей мощи, натиске, ярости, сметает с пути и медведя, и льва, и тура. А в той туче дремлет небесный зверь в сто тысяч раз крупнее и сильнее лесного кабана. Небесный кабан, вызванный или созданный колдуном, способен смести целое войско...

Аснерд, как услышал его мысли или же прочел по смятенному виду, сказал громко:

— Устрашает. На самом деле его мощь хоть и велика, но небезгранична. Артане гибели не страшатся!

Меклен выехал навстречу, перехватив за конный переход до города, сам отвел короткой дорогой через редкий лес к тем мерзавцам, что осмелились держать ворота закрытыми.

— Город называется Старгородом, — объяснил он. — Вот смотрите, какой... красавец! Это уже третий Старгород, что я встречаю... туповатые куявы, даже новое имя придумать не могут! Но городок сам по себе хорош.

Придон остановил коня на пригорке, одним взглядом охватил город и его окрестности. Стоит в излучине реки, как обычно и ставят мудрые строители города-крепости. К тому же берега крутые, обрывистые, скалистые, с той стороны подобраться просто немыслимо. Город защищен рекой с трех сторон, а с четвертой — широкий и глубокий ров, вал с не просто натыканными кое-как остриями копий, а хорошо вбитыми в крепкую спрессованную землю обломками кос, мечей. Кони сразу же рассекут сухожилия, ни один артанин не пустит своих любимцев по такой дороге, он скорее сам туда пойдет...

Но даже если всё это преодолеть, хотя непонятно, как это сделать, нападавшие расшибутся о высокие стены из тяжелых гранитных глыб. Время сплавило их воедино, город будто вдобавок окружен еще и монолитной отвесной скалой.

Придон смотрел в ярости, кулаки в бессилии сжимались до хруста костей. Если этот город штурмовать, о его стены кровавыми брызгами разобьется вся армия.

— Аснерд, — велел он резко. — Зови трубача!

— Хорошо, — ответил Аснерд осторожно. — Кликну, но что ты задумал?

— Предложу выдать убежавших, — отрезал Придон. — И дам слово, что отступлюсь от города.

Аснерд в сомнении покачал головой. Вяземайт сказал мирно:

— Попробовать стоит. Только ты сам, Аснерд... А то у Придона голосишко дрожит.

Придон ощетинился:

— У меня?

Со стен в удивлении смотрели, когда на расстояние выстрела из лука подъехали двое всадников. Один протрубил

звонко и весело, второй поднял коня на дыбы, тогда только на воротах закричали друг другу, что трубит Придон, сам Придон, тот самый Придон, который меч, а теперь — который войско.

Второй вскинул руку, голос его, огромный и рыкающий, раскатился над притихшим, замершим в ожидании миром:

— Горожане! У нас нет вражды к вашему городу. Мы пройдем мимо, не причинив ему вреда, если отдадите сбежавших к вам куявов, что ускользнули от карающей длани артан. Я не думаю, что их так уж много... и не думаю, что вам стоит из-за них складывать головы. К тому же с нами идут куявы, которые вас почему-то не любят, взгляните со стен! В их руках вы не просто умрете, а сперва увидите, как долго умирают ваши жены, дети!

Со стен прокричали задорно:

— А ты нападай! Посмотрим, как обломаешь зубы!

Аснерд снова вскинул руку. Ладонь была шире лопасти весла большого корабля, на стене почтительно умолкли.

— Я сказал. Ждем ответа до захода солнца. А потом не оставим от вашего города камня на камне! Ваших правителей прибьем на городских воротах, а женщин... подумайте, что будет с вашими женщинами!

Он повернул коня, но Придон ухватил коня за повод, удержал.

— Почему ты не потребовал выдачи Итании?

— А вдруг она спрятала свое лицо? — ответил Аснерд вопросом на вопрос. — Вдруг Тулей здесь под видом погорельца... ведь за него я назначил такую награду, что... А ты знаешь, что куяв отца родного продаст за одну монетку!.. Да отпусти коня, это дурачье смотрит со стен!

ГЛАВА 16

Вечером Аснерд придвинул все громадное войско на расстояние выстрела из лука. Со стен смотрели уже со страхом и неуверенностью. Кто знает этих диких артан, могут и своими трупами запрудить ров, вон их сколько, а жизнь человеческую ни во что не ставят, дикари, как есть дикари. Сидят на

конях, неподвижные, как заснули, ждут сигнала. А солнце опускается все ниже...

Придон тоже поглядывал на кровавый закат. Багровое солнце, распухшее, словно усталое сердце, сползало по тверди небосвода к багровой земле. Небо в кроваво-красных тучах, будто уже пропиталось кровью, что только прольется.

— Не откликнутся, — пробормотал Аснерд. — Дураки будут, если откликнутся!

— Нам не взять эту крепость, — подтвердил Вяземайт. — Разве что окружить все так, чтобы муха не пролетела. Не думаю, что у них запасов на многие месяцы.

— Нам и на неделю нельзя задерживаться! — прорычал Придон в бешенстве. — Аснерд, на что ты надеешься?

— На куявскость, — пробормотал Аснерд.

Конь под ним сделал пару шагов вперед, чувствуя, как хозяин жаждет уйти от неприятных вопросов. Аснерд в самом деле чувствовал шаткость своих слов, люди в крепости не выдадут беглецов, просто не могут их выдать, это же преподло...

Со стороны крепости звонко прозвучали трубы. Придон встрепенулся, а Вяземайт буркнул:

— Не ликуй. Скорее всего так пошлют...

Придон поймал себя на том, что и торопит коня и придерживает, чтобы не выглядело, будто так уж обрадовался такой безделице, как сдача очередного города. Может быть, в самом деле решили облаять, оскорбить, пообещать вбить в землю по ноздри, как уже клялись проделать не раз, а сейчас головы тех болтливых храбрецов торчат из земли.

На крепостной стене появились люди в белых одеяниях, важные, осанистые. Придон рассмотрел человека с посохом верховного волхва, у второго на груди блестит толстая золотая цепь, знак наместника края. Их окружают пышно одетые, почти по-зимнему, для важности.

Придон остановил коня. С крепостной стены крикнули:

— Если отдадим беглецов, откуда нам знать, что снимете осаду?

Аснерд оскалил зубы, мол, я этого и ожидал, кивнул Придону, дальше говори ты сам. Придон, сдерживая ликование, ответил с достоинством:

— Посмотрите лучше, кто на этом белом коне?

После паузы тот же голос выкрикнул:

— Придон, который добыл меч Хорса!

— И тот самый Придон, — сказал сильным голосом Придон, — у которого этот меч за спиной!.. Что вам еще надо? Я сказал, а мое слово... дороже всех сокровищ в казне Тулея, ибо эти сокровища уже растащили мои воины на бусы своим женщинам, а мое слово... это мое слово! Оно нерушимее Рипейских гор.

На стене заговорили между собой, спорили, Придон видел, как двое вообще ухватили один другого за грудки. Их разняли, осанистый с жезлом в руках что-то втолковывал рослому воину, и тот, надсаживаясь, как петух перед «кукареку», прокричал зычно:

— Мы принимаем условие доблестного Придона. Мы выдадим ему беглецов, если обещает не трогать город и оставить свободы и привилегии, которыми здесь пользовались при Тулее.

Придон с великим трудом удержался, чтобы не заорать радостно, что да, согласен, любые свободы и привилегии, какая ему разница, помедлил, потом сказал могучим голосом полководца:

— Даю слово!.. А теперь — жду.

Он повернул коня, Аснерд и Вяземайт по взмаху его длани отодвинули войско на два выстрела из лука. Со стен это выглядело впечатляюще, когда вроде бы дикая и неорганизованная армия, не умеющая соблюдать строй, дружно качнулась и, как единый ощетинившийся копьями шерсти зверь, отступила в том же порядке.

Ворота распахнулись, через мост медленно побрели скованные тяжелыми цепями люди. Придон привстал на стременах, звон цепей на руках врага ласкает слух, а этих мерзавцев сковали еще и по ногам. Пленных сопровождали стражи. Выслуживаясь перед грозными артанами, они орали, били по головам и спинам древками копий, кололи остриями.

Придон жадно высматривал среди них Тулея и его приближенных, но с еще большей жадностью выискивал тонкую фигурку Итании. Уже понимал, что ее здесь нет, но глаза

жадно высматривали, а сердце сжималось в безумной тоске и разочаровании.

Люди в цепях выходили и выходили. Аснерд пробормотал:

— Да их тут больше сотни... Если не две!

— Это еще не много, — сказал за их спинами Щецин. — Могло быть и тысячи. Народ предпочитает прятаться в лесах, а не в крепостях.

Вяземайт поинтересовался:

— Что будешь делать с ними?

Придон ответил со злым разочарованием:

— Да пусть катятся на все четыре стороны! И цепи пусть сами снимают.

Едва скованные цепью сошли с моста, стражники пугливо отступили. Для них отворили калитку в воротах, все быстро юркнули в эту щель, быстрые и пугливые, как мыши. Пленники остановились, угрюмые и подавленные.

По взмаху руки Аснерда два десятка конных воинов сразу же на всякий случай отделили их от моста, двинули коней вперед, оттесняя от выдавшей их крепости все дальше.

Придон не двигался, пленных подогнали ближе, тяжелые цепи глухо звенели, загребали землю. Помимо того, что скованы руки и ноги, их еще соединили и общей цепью, прикрепив к железным поясам. Придон со злостью всматривался в склоненные головы беров, беричей, знатных вельмож, лица некоторых помнил еще с первого появления во дворце.

— Ну что, — сказал он победно, — вот теперь мы и... повидались. Что с вами делать?

Пленники упали на колени. Раздались голоса:

— Пощади!

— Мы не воины!

— Мы просто беглецы...

— Мы трусы, доблестный Придон! Разве не противно убивать трусов?

Придон поморщился, властно махнул рукой.

— Я сделаю самое худшее, что мог бы сделать артанин для артанина... Идите куда хотите! Вы свободны. Если правду, то вы мне совершенно неинтересны.

Он отвернул коня. Но Аснерд придержал, указал на росло-

го мужчину, как и все, скованного по рукам и ногам. Если остальные радостно зашевелились, поспешно поднялись и торопливо побрели по дороге подальше от грозных артан, где в ближайшей кузнице удастся сбить цепи, то этот мужчина стоял неподвижно, опустив голову. У ног его лежал обрывок цепи, соединявшей с остальными пленниками. Кончик ее, как показалось Придону, был оплавлен.

Придон спросил резко:

— Эй, а ты кто?

Скованный по рукам и ногам поднял голову. Придон вздрогнул, в глазницах пленника бушевало яркое желтое пламя. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, Придону почудилось, что он узнает нечто знакомое, но тут пленник заговорил, и Придон решил, что обознался, голос совершенно незнаком:

— Я просто беглец, ищущий убежища...

Придон сказал подозрительно:

— Голову даю на отрез, что бежишь не от меня.

— Не от тебя, — согласился пленник, — но я искал убежища. Я искал убежища... но меня выдали. Как, ты полагаешь, надо относиться к тем, кто выдает доверившихся?

Придон сказал сухо:

— Мы, артане, не выдаем.

Пленник спросил негромким, но властным голосом, совсем не голосом человека, у которого на руках и ногах цепи:

— А как, по-твоему, надо поступать с теми, кто выдает врагу на смерть и поругание доверившихся им?

Аснерд, Вяземайт, Щецин и другие полководцы с напряжением следили за странным разговором. Затихло даже войско, прислушивались, не понимая, что происходит.

— Решать тебе, — ответил Придон напряженно, — мы, артане, обычаев войны не нарушаем. Мы потребовали выдачи пленников, и мы их получили. Но сами не выдаем! Ты — не из наших пленников. Ты свободен.

— Значит, — спросил незнакомец, — ты не знаешь, как поступить?

— Знаю, — ответил Придон. И добавил, подчиняясь внут-

реннему голосу: — Поступи, как ты уже поступал раньше. Мир не очень-то изменился.

Странный невольник повернулся к крепости. Солнце уже опустилось, высокие шпили дворцов и храмов на багровом небе казались угольно-черными. Стена из серого гранита тоже казалась вырезанной из тьмы. Город выглядел массивным, мрачным образованием.

— Да будет проклят город, — сказал пленник страшным голосом, — что выдает доверившихся ему!.. Да не оставит он следа, да не послужит деяние его жителей соблазном для слабых духом... ибо слаб человек, слаб.

Он вскинул руки. Цепи со звоном опали и рассыпались в пыль. Он простер освобожденные руки в сторону города. В недрах земли глухо заворчало, она слегка дрогнула. Огромный город колыхнулся, как деревья под порывом ветра. Придон даже провел ладонью по лицу, не веря глазам, весь город начал опускаться, словно растворяясь во тьме, что уже заполонила долины.

— Да послужит, — раздался сильный голос странного пленника, нечеловеческий, огромный и мощный, который отдавался долгим протяжным эхом в толще земли, в облаках, в сердце каждого воина, — деяние жителей этого града... совсем другим примером!

Багровое небо стало страшным, словно небесный ветер быстро раздувал это скопище гигантских углей. Раздался грохот, устрашенные люди видели, как небо вздрогнуло, темно-красные угли неба стали пурпурными. Грохот повторился громче. Кони задрожали и присели на крупы.

Третий раз грохнуло в небе, Придон застыл в страхе: в красном небе разверзлась широкая трещина, с грохотом посыпались красные угли, оставляя за собой светящиеся хвосты пламени. Между небом и землей встал широкий багровый столб, снизу взметнулся ответный огонь, уже ярко-желтый, ударил в стороны длинными струями, будто расплескался жидкий металл.

Донесся треск горящих зданий, камни лопались от внезапного жара. Из огня слышались дикие крики заживо сгоравших людей, рев скота, затем звуки города заглушил и кри-

ки, камни лопались и разлетались на мельчайшие обломки с сухим оглушительным треском.

Аснерд выругался и подал коня назад. Высокая и несокрушимая стена, окружающая город, пошла извилистыми трещинами, медленно рассыпалась. На земле эти камни охватил огонь, словно они из горючей смолы, а не из гранита.

На город все еще рушился огненный ливень из горящих углей заката. Горячий ветер обжигал лица, заставлял людей и коней пятиться. Всадники закрывались ладонями, щитами, кони жалобно ржали и отворачивали морды. Нестерпимый жар заставил все войско отодвинуться, отступить, пока жар не стал терпимым. Город погибал в огне, уже погиб, горела сама земля, камни.

Багровые отблески огня плясали на застывших лицах. Люди казались медными статуями, глаза как прикипели взглядами к бушующему аду.

С неба низвергался тяжелый ревущий огонь, как будто опрокинулась исполинская бочка горящей смолы. Земля вздрагивала под тяжелыми потоками.

Все войско, потрясенное и завороженное таким жутким зрелищем, смотрело неотрывно, многие приподнялись в стременах, вытягивали шеи, но никто не промолвил ни слова, и, лишь когда на месте города осталось огромное багровое пятно, кто-то за спиной Придона шумно вздохнул, Придон ощутил на себе тысячи пар глаз.

Он повернулся к незнакомцу, однако на том месте лежала пара уцелевших колец цепи. Далеко на дороге остановились пленники, потрясенные и с бледными лицами, смотрели на огненное озеро на месте города, откуда они изошли.

— Кто это был? — пролепетал Щецин потрясенно.

Вяземайт открыл и закрыл рот. Он выглядел так же, как и остальные. Аснерд нашелся первым, вскинул руку, прокричал гулко, грохочущее:

— Воины! Кто бы это ни был, он — на нашей стороне! Эта неприступная крепость... да, теперь можно сказать — неприступная!.. волей этого... гм, человека в пепел... Да будет этот пепел вечным, чтобы вдолбить всем поколениям, чего нельзя делать, даже... даже когда у ворот самые страшные из врагов!

Он кивнул Щецину. Тот выехал вперед, прокричал зычно:

— Располагаемся станом!.. Зажечь костры, выставить вартовых! Расседлать коней, накормить, отдохнуть, ибо утром копыта наших коней должны прогреметь по дорогам Верхней Куявии!

Кровавый закат медленно угасал, небо темнело. Проступили первые звезды, луна, оказывается, уже на небе, но скрывалась за нещадными лучами солнца, теперь наливалась яркостью, как спелая груша сладким медом.

Аснерд вошел в шатер вслед за Вяземайтом, сказал укоризненно:

— Что ж ты молчал, как язык в задницу втянул? Это ж твое волхвячье дело! А ты даже не можешь сказать, кто это!.. Ты должен был сразу его узнать!

Вяземайт буркнул:

— Как?

— Ты волхв или не волхв?

— Волхв, — ответил Вяземайт. — А ты знаешь, что такое волхв?

— Ну, тот, кто волхвует, волшбит, кудесничает, толкует волю богов, дурит головы таким простым и наивным, как я... А как можешь толковать, когда самих богов не узнаешь?

Вяземайт поморщился:

— Так то богов... А ты уверен, что то был бог?

Аснерд удивился:

— А кто же еще?

Полог откинулся, вошел мрачный Придон, огонь злого нетерпения плясал в глазах, ноздри раздувались, как у зверя при виде добычи. Вяземайт кивнул в его сторону:

— Спроси у него. Что меня удивляет, так это наш тцар.

Аснерд повернулся к Придону:

— Ты чего это удивляешь нашего волхва?

— Пусть не удивляется, — ответил Придон вяло.

Он сорвал через голову перевязь с мечом, она полетела вслед за тяжелым топором в другой конец шатра. Сам он сел за стол, уронил голову на кулаки, но та же злая сила подбросила, заставила вскочить, он в раздражении зашагал взад-вперед, кулак с силой впечатывался в ладонь с растопырен-

ными пальцами, слышался сочный чмокающий удар, словно огромный валун падал с высокой горы в мокрую глину.

Вяземайт посопел, подвигал бровями, видно было, как сдерживается изо всех сил, но не утерпел, сказал сердито:

— Придон, это же был не бог?

— Не бог, — ответил Придон.

Аснерд непонимающе смотрел то на одного, то на другого.

— Вы что мелете? Как не бог?.. Да ни один человек не сможет...

Вяземайт произнес с холодным удивлением:

— А кто говорил про человека?

Аснерд открыл и закрыл рот. Лицо побагровело, он рявкнул сердито:

— Ты кончай эти волхвячьи загадки! Говори прямо, как вот я. Если не бог и не человек...

— Вот-вот. — Вяземайт оглянулся на Придона. — Не бог и не человек. Придон, что тебе известно?

Сухой жар пронесся сквозь тело Придона. Странные и прекрасные образы ангелов вспыхнули перед внутренним взором, отблеск небесного огня пал из его глаз. Вяземайт отшатнулся, словно увидел тоже, Аснерд напрягся, зрачки его глаз сузились, с его зрением удавалось увидеть многое незримое другим, пальцы стиснули рукоять топора с такой силой, что закапала вода.

— Это из тех, — ответил Придон тихо, он сглотнул ком в горле, — кто создавал этот мир... Кто создавал землю, звезды, свет и тень, зверей и богов, кто создавал законы для людей... и кто все еще создает...

Вяземайт возразил живо:

— Он не создавал, он лишь наказал тех, кто нарушил!

Аснерд прорычал:

— Вы, двое, можете сказать ясно, что это было?

— Аснерд, — проговорил Вяземайт тихим голосом, но у Придона по спине пробежали мурашки, — а тебе надо заглядывать в ту бездну?.. Возможно, для Творца сейчас все еще шестой день? Он все еще создает мир?

Аснерд прорычал злее:

— Как это шестой? Был же и седьмой, когда он огляделся, сказал, ай как все здорово, и пошел спать?

— Да, — ответил Вяземайт с печалью в голосе, — но это для нас так... А для Творца любой день может быть седьмым, шестым, третьим или даже первым!

Утром в стане поднимались раньше обычного, хотя многие не спали всю ночь, толклись рядом с вартовыми, всматривались в темноту. Ночь ясная, звезды высыпали крупные, на мир опустилась призрачная тень, луна зависла над далекими горами, превращая их неживым светом в глыбы льда.

Артане переговаривались стылыми голосами, передергивали плечами, ссылаясь на ночной озноб. Многие видели призрачные тени на месте исчезнувшего града, другие уверяли, что там ходил огромный старик в плаще и с капюшоном на голове, а кто-то усмотрел табун коней, что вырвался из ночи, промчался по тому месту и пропал во тьме.

Еще до восхода солнца целый отряд самых нетерпеливых выметнулся из лагеря. Аснерд покряхтел, но не утерпел, взмахом подозвал оруженосца. Ему подвели коня, и он в сопровождении двух героев тоже съездил, осмотрел, а когда вернулся, даже спал с лица, глаза ввалились, а губы потемнели, будто побывали в огне.

— Зачем он это сделал? — спросил он рассерженно. — Слабые будут ждать... вместо того, чтобы вот так самим!

— Он снова сделал это, — ответил Вяземайт. — Зачем? Может, для того, чтобы напомнить нам, как надо правильно?

На том месте, где вчера высился огромный величественный город, простиралось серое поле ноздреватого шлака. Накаленный воздух струился, переливался, словно прозрачная вода, из глубоких выемок все еще не ушла краснота, но нельзя разобрать, были это умело ограненные камни крепостной стены или же простая земля, попавшая под огонь с небес.

Вяземайт сказал деловито, приподнято:

— Надо будет сообщить по войску, если кто еще не понял, что боги за нас, артан.

Аснерд возразил:

— Все и так увидели!

Придон сказал устало:

— Зачем врать? Богам такое не под силу.

— А кто же это сделал? — спросил Аснерд еще злее. — Как объяснить народу?

— Сделал тот, кто не отличает артан от куявов, — ответил Придон. — Но Вяземайт прав, пусть его волхвы сообщат, что и куявские боги за нас, артан. Так понятнее.

Он был теперь тцаром и полководцем, а не певцом, некогда докапываться, что прячется за решением огненного ангела уничтожить город куявов, повел воодушевленное войско победным маршем дальше, вглубь. С ходу разгромил еще какие-то разрозненные и наспех собранные войска. Те сдались с такой легкостью, что войско на усталых конях прошло втрое больше, чем в обычный день, и, когда остановились на ночь, он уже не думал о погибшем городе, только осталось страшное и жуткое ощущение неземной мощи да загадочно звучали слова Вяземайта, что все боги перед этой мощью не больше чем мокрицы под копытами скачущего коня, эта звездная сила есть и в людях, да только им пока не дано ею пользоваться.

Аснерд пробовал допытываться, удивив Придона своим настырным любопытством, однако Вяземайт отрезал, что он говорит только с богами. Вообще волхвы — посредники между людьми и богами, а с такими вопросами, как у Аснерда, лучше вон к нему, и указал на Придона.

— С этим мы опоздали, — ответил Аснерд с сожалением. — Придон уже не складывает песни.

— Да, — сказал и Вяземайт, в голосе волхва звучало острое сожаление. — Вход туда... к той силе ему уже закрыт.

— Не закрыт, — возразил Аснерд, — просто Придону некогда голову поднять к небу!

— Вот-вот, — согласился Вяземайт с грустью, — к небу...

Придон ответил невпопад:

— Моя звезда сейчас на земле. И я ее отыщу!

Они шли по равнине, широкой и бескрайней, почти Артания, но только раздражающе часто землю приподнимали пологие холмы. И хотя холмы невысокие, заросшие травой, на вершинах которых обычно пасутся козы, артане нервничали,

ярились, ибо холмы загораживают горизонт, а для артанина не видеть горизонт — как будто поймать плевок в глаза.

Реки становились все более шумными, быстрыми. Привычные пологие берега с обеих сторон сменились крутыми. Приходилось сперва искать брод, а потом долго высматривать, как выбраться на противоположный берег, если там отвесная стена в три-четыре человеческих роста. И все чаще такая стена уже не просто из земли, пусть даже глинистой, а из камня.

Только деревья оставались привычными, все те же дубовые рощи, светлые пятна березняка, строгие, как копьеносцы в строю, сосны. Несколько раз с неба обрушивался короткий дождь, в то время как небо блистало синевой, воины запрокидывали головы и ловили открытыми ртами золотые капли, дар богов. Вершины далеких гор манили белизной, артане не могли поверить, что это снег, к тому же так близко к жаркому солнцу, почему не тает, а ночами лунный свет превращал вершины в волшебные зубы исполинского дракона, блестящие и сверкающие. Все посматривали на них со священным трепетом, разговаривали шепотом, словно страшась пробудить чудовище.

Когда Придон ехал во главе войска, пустив впереди малые конные отряды, он каждый раз видел одну и ту же картину: поля вытоптаны, сады вырублены, а на месте домов темнеют почерневшие стены. Куявы в большинстве строят дома из камня, и потому стены уцелевали почти везде. Придон всюду видел зияющие пустотой окна и чернеющие дыры на месте дверей, похожие на раскрытые в безмолвном крике рты.

Конь осторожно ступал между домами. Совсем недавно вот здесь была улица, но сюда выбрасывали из окон всю мебель, сюда вытаскивали за волосы женщин и насиловали, наслаждаясь их криками и мольбами о милости, здесь рубили их мужей, жгли костры, и теперь проще проехать через бывшие сады и огороды, чем по такой улице.

На каждом дереве распяты мужчины, подростки. Связанные женщины лежат у подножия. Кто-то из них уже умер, некоторые — давно. Надо уводить отсюда людей, скоро здесь от трупного смрада нельзя будет дышать, начнутся болезни.

Пусть дохнут люди князя Годлава, что притащились за Ральсвиком, прочие союзники и взбунтовавшаяся против хозяев чернь...

ГЛАВА 17

К середине лета только горная часть Куявии, крохотный островок ее огромных земель, осталась местом, где не ступало копыто артанского коня. Не потому, что степные герои устрашились черных башен, а там их с десяток, после захвата Куябы опьяненные победой артане готовы драться хоть с богами, но в тех редких долинах почти нет жителей, а в бедных горных селах, что живут охотой, что за добыча?

Придон почернел, исхудал, сам рыскал с поисковыми отрядами. Все как один уверяли, что в горы ни Тулей, ни Итания не смогли бы проскочить незамеченными. Предусмотрительный Аснерд еще с начала вторжения велел мудрому и осторожному Норнику, что ни разу не терпел поражений, не ввязываться в бои и сражения, обойти Куябу и перекрыть единственную дорогу в горы. Там Норник нахватал добычи больше, чем Придон в Куябе, ибо очень многие знатные семейства сразу пытались уйти в горную часть и переждать нашествие.

И только когда уже полагали, что придется в самом деле заглядывать в мышиные норки, вдруг открылась скрытая колдунами могучая крепость, словно самой природой защищенная: скалы, кручи, изгиб реки, где она как в гнездышке, да и сами жители подняли такие стены, что коза не перепрыгнет, а лестница переломится.

Вяземайт сообщил хмуро:

— Черный Утес... так это называется. Это последняя крепость, Придон! Больше не осталось ни городов, ни сел, где не ступало бы копыто артанского коня.

Меклен вставил ревниво:

— Есть еще горы. Народу там, правда, почти нет, зато есть гнезда драконов!

Вяземайт отмахнулся:

— Вот и пошлем тебя перебить этих крылатых ящериц. Это займет тебя на недельку. Ну, на две.

— Ни за что! — сказал Меклен испуганно. — А последнюю крепость Куявии возьмут без меня?.. Потом, потом ладно, могу и в горы. Об эту крепость еще обломаем зубы!.. Защищена и скалами, и стенами, да еще и мост через единственную дорогу — подъемный...

Придон пустил коня на вершинку ближайшего к Черному Утесу холма. Сзади прядали ушами кони Вяземайта и Меклена. Отсюда, с высоты, город-крепость был как на ладони. Меклен был прав насчет защищенности, в одном только ошибся: мост через ров не был подъемным. Напротив, массивный каменный мост. По нему могут проехать два всадника стремя в стремя. Даже три. Однако надежность такого моста говорит лишь о силе защитников. Малые крепости защищаются с помощью подъемных мостов, а здесь по ту сторону по обеим сторонам моста высятся две массивные башни. К счастью, не черные. Не только сверху на каждой из них прекрасная площадка для лучников, но над воротами еще и широкий каменный навес, где может расположиться большой отряд, что сметет стрелами все, что покажется на мосту. А там наверняка установлены и такие луки, которые натягивают впятером или же с помощью специальных воротов. Если же тащить что-то наподобие тарана, то сверху сбросят жернов или бревно, что сразу выбьет из рук. А потом попробуй добраться до ворот по трупам своих же смельчаков...

Конное войско могло без устали двигаться до самой крепости, где дали приют Итании, но обоз отставал, Придон, скрипя зубами, взглянул на солнце, что перевалило на западную часть неба, велел им остановиться на отдых.

Правда, осторожнейший Вяземайт на всякий случай пару сильных отрядов отодвинул в тыл, вдруг да куявы сумеют обойти и ударить в спину, но Меклен только посмеивался, а Придон уже с сотней смельчаков выехал вперед, искал врага.

На отдых Меклен расположил стан так, что, появись куявы в самом деле неожиданно, все равно артане не только готовы встретить их лицом к лицу, но и все у них для этого под руками. Справа — отвесные горы, слева озеро, а впереди чистая ровная равнина, только далеко на горизонте горы. Если куявское войско под началом Тулея в самом деле идет на-

встречу, то, даже завидев его, можно успеть отдохнуть, пообедать, снова отдохнуть и лишь потом садиться на коней. Без спешки.

Двое суток рыскали вокруг города, присматривались, наконец подошло большое войско под началом Аснерда. Когда Аснерд увидел Придона, он ужаснулся, Придон был страшен с его серым исхудавшим лицом, красными глазами и толстыми, как седла, распухшими веками. Рот, напротив, будто усох, а губы превратились в тонкую бледную линию.

— Ты что-то запаздываешь, — сказал он подозрительно.

Голос его был сухой, напоминал скрип засохшего дерева, раскачиваемого бурей.

— Мы двигались так, — ответил Аснерд, — что кони будут неделю приходить в себя. А что стряслось особенного?

— Мы стоим перед последним оплотом куявской сволочи, — сказал Придон грубо. — Этот Черный Утес хорошо укреплен, но мы знаем точно, что Итания там, в крепости. Если крепость падет, то война прекратится, ибо Итанию защищает уже даже не Куявия, а черноутесцы...

— Черноутесцы — тоже куявы, — осмелился вставить Меклен.

Придон бросил в его сторону хмурый взгляд.

— Теперь уже нет, — сказал он резко.

Меклен опешил:

— Как это?

— Мы эти земли отрежем у Куявии, — заявил Придон твердо. — Пусть черноутесцы снова станут артанами, как и были раньше.

Меклен видел, как поморщился Вяземайт, отвел взор в сторону Аснерд, словно ему стало неловко за Придона. А Придон, не давая разгореться спору, сказал резко:

— Сейчас мы должны решить, как возьмем этот Черный Утес. В нем ключ к окончанию войны.

Аснерд невольно взглянул на Вяземайта. Тот опустил взгляд. Придон забыл, что это он уже говорил при разгроме войск куявов, при взятии Куябы, при уничтожении башен магов... Но война все еще длится.

Придон бросил на них взгляд исподлобья, что-то учуял,

криво усмехнулся половинкой рта. Оруженосец подбежал, принял повод. Придон спрыгнул, на лице играла жестокость, затем как дуновением ветра ее смахнуло, он взглянул смущенно, а голос прозвучал примирительно:

— Там не только Итания, что так важно для меня, но и сам Тулей. Это важно для окончания... всей этой резни. Сказать по правде, красоту похода здорово подпортила эта взбунтовавшаяся сволочь, а потом еще и союзники... без них бы обошлись!

Вяземайт и Аснерд спешились, и втроем, как встарь, стояли плечом к плечу, помолчали. В пронзительно ярком небе застыли громады облаков, почему-то ярко освещенные сверху, хотя солнце уже опустилось к самому краю земли. Чудилось, что по небу проплывает целый горный хребет.

— Хуже того, — проговорил Вяземайт негромко, — наши воины, глядя на них, тоже начали... уж чересчур. Мы должны быть суровыми и жестокими, но — не зверьем. А если даже и зверьем, то не скотами. Словом, захватываем побыстрее этот Утес, а затем по всей Куявии наводим порядок, даем справедливые законы. Кто нарушит — голову долой! Неважно, куяв или артанин.

— Золотые слова, — сказал Аснерд с облегчением. — Теперь давай о крепости. Как я понимаю, туда стянулся могучий гарнизон. Тулей успел разослать во все стороны гонцов, обещал горы золота, чуть ли не каждого третьего в песиглавцы, каждого десятого — в беричи, а каждого сотого — в беры... Словом, туда стянулось много храбрых и сильных искателей приключений, кто восхотел много и сразу. А я по дороге перехватил сообщение, что сюда идет могучее войско с гор и предгорий...

Вяземайт удивился:

— С гор? Где же они там народу набрали?

— Я же сказал «и предгорий». Там полоса хорошей земли, ее защищают башни колдунов, там всегда народу как муравьев. Говорят, еще наняли вантийцев. Ну, не совсем вантийцев, а тех наемников, что у вантийцев... перекупили... теперь спешно двигаются к Черному Утесу. Боюсь, не успеем захватить до их прихода.

Придон слушал их, все больше мрачнея, в глазах сверкали искры гнева. Сдавленным голосом поинтересовался:

— И когда подойдет та армия?

— Через три-четыре дня.

Придон задержал дыхание, лицо напряглось, как будто получил сильнейший удар в живот.

— Ты бы, — процедил он зло, — еще сказал бы, что завтра. Что ж, начнем готовиться к большой крови! Если думают, что вот так, собирая одно войско за другим, заставят нас дрогнуть, ошибаются! На смену каждому павшему артанину из наших земель прибывают трое молодых удальцов.

Вечером в шатре Меклен начертил карту крепости, окрестностей, умело обозначил реку, обрывистые берега, ров.

— Аснерд, — повторил Придон раздраженно, — ты чаще сталкивался с предательской тактикой куявов. И с их трусливым отсиживанием за крепкими стенами. Что нам нужно, чтобы взять эту чертову крепость?

Аснерд внимательно осматривал карту. Провел пальцем по изгибу реки.

— Черный Утес вообще отделен от нас рекой. Ладно, реку можно пересечь выше по течению. Или ниже, там должен быть брод. Но что это нам даст? Крепость, как видите, стоит в излучине. Река защищает ее с трех сторон. Куявы вообще по своей трусости стараются селиться в излучинах. Чтоб, значит, сама река защищала со спины и с боков. А с этой единственной стороны, откуда можно подступиться, прокопан широкий ров, заполненный водой...

Придон кивнул, глаза сузились.

— Ты в самом деле не видел раньше этот Утес?

— Куявы всегда так защищают крепости, — объяснил Аснерд. — Широкий и глубокий ров, вода, а на дне обязательно острые колья, обломки кос, пик, железные штыри... Дальше — вал, где тоже острое железо. А потом еще и высокие стены, с которых будут лить кипящую смолу, бросать камни и целые бревна... Это хорошая защита, Придон!

Придон сказал с раздражением:

— Ах, для меня это новость!.. Ты скажи, как ее взять. Это вызов всей нашей мощи!

Меклен сказал осторожно:

— Мои передние отряды с ходу попытались... Но первый приступ был отбит с легкостью.

Аснерд поморщился. Меклен сказал поспешно:

— Ну, не совсем приступ. Мы, раз уж наткнулись первыми, сразу же разведку боем! Мост там длинный и очень узкий. Пока его одолеешь, со стен перебьют стрелами. Там у куявов либо лучники богатыри, либо особые луки... У меня убили Зорника, пробили стрелой насквозь, а он был в настоящих железных доспехах, что снял с какого-то очень знатного куява. По реке тоже невозможно, река чересчур быстрая. Хоть и равнинная, но разгон набрала высоко в горах. На лодках к стенам, что торчат прямо из воды, не пристать...

— Там возможен брод, — заметил Вяземайт. — Река слишком широка! Такие не бывают глубокими.

Аснерд покачал головой:

— А как бы ты поступил на месте куява?

Меклен сказал с полным презрения видом, опережая волхва:

— Представить себя куявом — это им стать.

— Дурак, — сказал Аснерд беззлобно. — Действия врага надо предвидеть. Я бы на месте куява тот возможный брод перед нашим нашествием... словом, там не брод, а, напротив, глубокий ров. Голову кладу на заклад, что и берега там обрывистые. Не так ли?

— Вода подрыла, — буркнул Придон. Было видно, что он раздражен словами воеводы. — По-твоему, куявы вовсе не делают ошибок?

— Мало доблести, — ответил Аснерд уклончиво, — победить врага, который поскользнулся. Надо искать пути, чтобы победить и вот таких... сильных, умелых, защищенных. Да не скажут о нас, что побеждаем только по случаю да благодаря промахам врага.

За окном слышался привычный городской гул, скрипели колеса телег, мычали волы, снова звонкий цокот подкованных коней, она его стала замечать после сухого стука копыт

артанских коней — привычный шум большого, как считали жители Черного Утеса, города.

Итания вслушалась в крики за окном, кровь отлила от щек. Почудилось, что прозвучало имя Придон, теперь она везде его слышит в мыслях и наяву, все думают о нем и говорят о нем, но сейчас, к счастью, просто под ее окнами идет разносчик ключевой воды, голос звонкий, совсем не тревожный.

Ей, как знатной гостье, отвели покои в доме самого наместника, Мирошника. Отец и Рипей оставили ее на попечение Мирошника, а сами спешно выехали навстречу собирающемуся войску. Его призывы наконец-то подействовали, дальние беры дали денег, сами собрали и наняли целые отряды уже с их командирами, надо было встретить и собрать в единое могучее войско.

Мирошник любезно предложил ей всех своих слуг, но Итания отказалась, оставив при себе только верную Гелию. Той удалось ускользнуть из дворца беспрепятственно, она сама догнала их, определив верным чутьем служанки, что давно уже больше чем служанка, куда везут ее госпожу.

Гелия шныряла всюду по городу, собирала новости. Однажды она вбежала бледная, с растрепанными волосами, губы вздрагивают, вскрикнула с порога:

— Госпожа!.. Со стен видели артанских всадников!

Итания вздрогнула, повернулась медленно, чувствуя, как холод сковывает все тело.

— Пришло... — едва прошептали ее губы, — войско?

— Нет, только малый отряд! Что будем делать?

Ноги подломились, она села и смотрела на служанку, не зная, что ответить, что вообще сказать. Ужас холодной волной прокатился от макушки до пят, проник в кости, превратился там в крохотные кристаллики льда.

— А что, — шепнули ее губы, — мы можем?.. Отец собирает войско. Нам оказали приют черноутесцы. Мы в их власти.

Служанка сказала сердито:

— Черный Утес — все еще Куявия!..

— Разве? — спросила Итания горько. — Даже когда отец был в Куябе, черноутесцы, как и плотчане или резаньчане,

признавали власть Куябы из-под палки. И всегда напоминали о своих вольностях... А сейчас, когда все рухнуло, отец ни для кого не тцар, а беглец, а я не принцесса. Даже не знаю, кто я теперь... Нам остается только ждать. Отец должен собрать войско! Он был великим воином, отважным и сильным. И талантливым полководцем. Он придет на помощь!

Гелия ответила, как послушное эхо:

— Да, он придет, не может вот так нас оставить... Но что делать сейчас? Меня трясет, я вся уже в гусиной коже!

Итания сказала слабо:

— Ты же сама сказала, что их всего несколько человек?

— Да, но... Артане всегда высылают впереди войска маленькие отряды. Да и не только артане. А если придет большое войско?

Итания вспомнила горящие глаза Придона, яростное до безумия лицо, зябко передернула плечами.

— Оно придет, — молвила она глухо.

Два дня прошло в тревожном ожидании. Итания уже сама посылала Гелию в город слушать новости, та пропадала надолго, но вести приносила невеселые. Горожане встревожены не зря: артане того передового отряда сразу же потребовали отворить ворота, а за отказ даже не пригрозили, просто повернули коней и пропали в утреннем тумане.

В город тянулись телеги с зерном и мукой, осторожный наместник этих земель, бер Мирошник, давно уже в этом полузабытом краю считающий себя удельным князем, готовил припасы на случай долгой осады. Охотники били в окрестных лесах множество дичи и свозили в город. Они и донесли о приближении артанского войска.

Еще через день часовые увидели с городских башен клубы пыли, что медленно двигались в сторону города. Заблестели искорки, выдавая металл, ветер отнес пыль в сторону, стражи тут же затрубили в боевые рога: к городу двигается настоящее войско.

Правда, когда артане остановились от городских врат на расстоянии двух выстрелов из лука, стало видно, что это еще не войско, просто очень большой конный отряд. Город с ходу

не взять, осадных машин тоже нет, просто тысяча всадников на легких горячих конях, очень быстрых и выносливых.

Но тревога взяла всех за горло: артане разбили походный стан, оградили рвом, чего артане никогда не делали, выставили вартовых. Никто не требовал открыть ворота, никто не выкрикивал угроз. В лагере неспешно готовили длинные лестницы, складывали целую гору вязанок с хворостом, которыми в нужный час забросают ров.

Гелия примчалась к Итании в слезах, артане пока что не обложили весь город, можно выскользнуть. Она отыскала верных ребят, помогут перебраться через стену...

— А дальше куда? — спросила Итания в безнадежности. — Их отряды рыщут, как волки, по всей стране.

— Говорят, они еще не добрались до гор, — сказала Гелия и умолкла.

— А что в горах? Там есть жизнь?

— Там смотрители драконов!..

— Артане туда придут, — сказала Итания убежденно. — Они драконов ненавидят! Придут, хоть и не любят гор, но все там сожгут, уничтожат, ни один дракон не выживет! Нет, туда тоже нельзя... Гелия, нам никуда нельзя. Остается надеяться, что отец успеет с большим войском.

Мирошник сам вышел на защищенный от стрел помост над воротами, молча выслушал требование сдачи города. Когда артанин умолк, сказал веско:

— А что заставляет артан думать, что Черный Утес можно взять?

Артанин оглянулся, красивым жестом, показывая свою великолепную фигуру воина, указал на прибывающее войско:

— Это!

Мирошник подумал, острые глаза из-под мохнатых бровей всматривались в хорошо вооруженных всадников. Весь север закрыло пыльное облако, но по краю всюду выныривали эти всадники, спрыгивали на землю, начинали ставить шатры, разводить костры.

— Это немало, — согласился наместник. — Но на конях нашу стену не перепрыгнуть.

Артанин холодно заметил:

— Не думаю, что за стенами этой крепостишки не укрылись бежавшие из крепостей посильнее. Хотя... ты прав, вы могли и не знать. Мы щадим тех, кто сдается, а вырезаем тех, кто сопротивляется.

— Значит, ваши кони умеют прыгать через стены?

Артанин сказал злее:

— Через неделю... даже раньше, прибудут тяжелые катапульты, баллисты и тараны. Сдашь город сейчас — останетесь живы. И даже не ограбленными. Сдашь через неделю, когда увидишь катапульты, — оставим всем жизнь, но город ограбим. Не сдашь — все равно возьмем. Но тогда по ту сторону стен будут убиты даже собаки и кошки. Подумай еще сутки!.. Завтра в это же время жду ответ.

Он повернул коня, Мирошник прокричал в спину:

— Но кто ты, осмелившийся говорить от всего артанского войска?

Всадник молча вытащил из ножен не топор, как ожидал наместник, а, как ему показалось, сверкающую полосу света. Он вскинул эту полосу над головой, и солнечный день померк перед этим чистым незапятнанным светом.

— Этого тебе достаточно? — прогремел страшный голос из пылающего огня.

Когда наместник протер слезящиеся глаза, всадник с мечом в ножнах уже возвращался к своему лагерю.

На городской площади собралась галдящая толпа. На этот раз и народу впятеро больше, чем тогда, когда видели первый небольшой отряд. Страсти накалились так, что мелькали кулаки, палки, слышались крики. То одного, то другого уводили под руки с разбитым в кровь лицом.

Толпа осадила и дом Мирошника. Он задержался с выходом, в окна полетели камни. Стражам пришлось оттеснять разъяренных и встревоженных, он остановился на верхней ступеньке, воздел руки.

— Черноутесцы! — сказал он громко, но со льстивостью в голосе. — Могу ли я решать такие важные вопросы, которые вы доверили избранным вами самым мудрым жителям наше-

го славного града? Я, как и вы, полностью полагаюсь на их мудрость!.. Давайте дождемся их решения!

В толпе недовольно закричали, но возгласы остались одинокими воплями. Наместник смиренно склонил голову и сложил руки на животе. И хотя каждый понимал, что хитрый правитель просто перекладывает трудное решение на другие плечи, но возразить нечего, народ с криками, гвалтом и даже с песнями потек живой рекой к Дому Совета Старейшин.

Итания с трепетом ожидала возвращения служанки. Гелия прибежала в ужасе, выпалила с порога:

— Госпожа!.. Народ все-таки заставил их решать: воевать им с могущественной Артанией или нет?.. Но Мирошник не захотел это решение брать на себя, он просто трусливо увильнул!

Она почти кричала, возмущенная предательством, как она считала. Итания прошептала:

— В чем ты их винишь? Что хотят оставить свой город в стороне от огней и крови войны?

— Боги не прощают тех, — заявила Гелия запальчиво, — кто выдает доверившихся! Если не врут, то город Староград уже наказан за такое деяние...

Итания сказала с досадой:

— Перестань болтать глупости! Боги не вмешиваются в деяния людей, у них свои заботы, страсти, желания. А предают люди друг друга или нет — богам все равно.

Гелия оглянулась по сторонам, прошептала, округлив глаза:

— У городского колодца говорят, что это совершили не боги!

— А кто?

— Те, кто сотворил... все. И богов тоже. Тем не все равно, какими будут люди. Дальше совсем непонятное говорили, а я ж просто ваша служанка, госпожа, зато самая преданная! Одно понятно, что выдавать доверившихся — нехорошо. И те, главные, против.

Итания грустно покачала головой.

— Это все мечты про огонь с небес, что наказывает виновных. А виновными всегда оказываются те, кто обижает имен-

но нас... Слухи и есть слухи. На самом же деле нас не звали в гости, потому не обязаны защищать.

В груди болезненно сжалось, бер Мирошник не в силах идти против воли народа, воевод.

— Но что сказал наместник? — спросила она. — Как он увильнул?

Гелия уронила голову, молчала. Итания взяла ее за подбородок. Пальцы стали мокрыми. Когда служанка подняла голову, лицо было смертельно бледным, на щеках блестели мокрые дорожки, а в глазах был смертельный ужас.

— Госпожа... Я даже боюсь об этом подумать.

— Что он сказал?

— Он сказал... такое сложное дело может решить только Совет Старейшин!

ГЛАВА 18

Мудрецы из Совета Старейшин решили ввиду чрезвычайной важности собраться уже на следующий день. Артан упросили продлить срок решения еще на сутки, объяснив причину.

Хотя все жили в этом же городе, но то ли старцев собирали очень бережно, чтобы не рассыпать по дороге их трухлявые кости, то ли они сами, получив приглашение, тут же о нем забывали, им напоминали снова и снова, а они так же снова забывали, но только еще через два дня запыхавшаяся служанка сообщила Итании, что мудрые старцы уже в доме, там вокруг них лекари, массажисты, старцы отдохнут до обеда, затем вынесут решение: выдать беглую принцессу или же оставить в городе и дать ей все права жительницы города.

Служанка начала всхлипывать, Итания с окаменевшим сердцем сидела, уставившись в точку на стене. В голове пульсировала только одна мысль: скорее бы отец собрал войско! Скорее бы, скорее... Чтобы успел на помощь. Пусть даже в самый последний момент, когда артане будут уже на стенах. Хотя трудно себе представить, как это они смогут там оказаться...

В дверь громко постучали. Гелия испуганно вскрикнула. Итания сказала безжизненным голосом:

— Открой. Ты уже знаешь, кто это. И с чем.

Служанка исчезла, вернулась с Гоглом, знатным бером, могущественным властелином обширных угодий на той стороне реки, помощником наместника. Он поклонился Итании и, стараясь не выказывать на лице никаких эмоций, произнес:

— Госпожа Итания, сейчас заседает Совет Старейшин...

Он остановился, сделал многозначительную паузу. Служанка побледнела, ее пальцы впились в спинку стула. Итания спросила тихо:

— Все еще заседает?

— Мудрость не терпит опрометчивых решений, — ответил Гогл. — Наши старейшины обсуждают все долго и тщательно. Это чернь решает сразу, но у черни нет мудрости, а только животные крики!.. И вот сейчас наши мудрые приняли решение...

Служанка без сил опустилась на стул. Глаза ее закрылись.

— Какое? — спросила Итания.

— Они решили, что не могут вынести правильное решение, не видя, из-за чего, собственно, и грозит городу осада и разорение.

Слышно было, как встрепенулась изумленная служанка, сердце Итании забилось надеждой: чем дольше проволочки, тем больше надежды на подход войск отца.

— И что теперь?

Гогл снова поклонился, теперь в его глазах мелькнул стыд, а щеки покраснели.

— Достопочтенный бер Мирошник распорядился, чтобы они вас увидели. Придется, дорогая Итания, вам... простите... явиться. Это старые, заслуженные люди. К ним на поклон ходит даже наместник. Это не сегодня, нет! Старейшин очень утомил сегодняшний день. Но завтра в это же время вам придется показаться им всем сразу.

— А что говорят артане?

— Одному из них позволили войти в город и убедиться, что это не хитрости и проволочки, а в самом деле наши ста-

рейшины... очень дряхлые. И объяснили, что все важные дела решает не сам наместник, а Совет Старейшин.

Она спросила, едва дыша:

— А что артанин?

Гогл развел руками. На моложавом лице промелькнул стыд.

— Он поверил.

Она опустила голову. Артанин понимает, какое решение вынесут старейшины, потому не стал настаивать на немедленной выдаче беглянки.

Когда он ушел, Гелия торопливо собрала вещи в узелок, Итания следила безучастными глазами. Солнце опустилось за дальние горы, служанка сказала торопливо:

— Госпожа, пора!.. Поднимайтесь.

Итания встала так же безучастно, Гелия ухватила ее за руку. За дверью тихо, но, когда она взялась за дверную ручку, в коридоре послышались шаги, далекие голоса. Потом негромкий звон металла, какой бывает только на хорошо подогнанных доспехах.

Затаившись, они прислушивались к звукам из коридора, шаги становились все громче, вот уже у самой двери, вот вроде бы начинают удаляться... Служанка вздохнула с облегчением, но тут в дверь с той стороны громко стукнуло. Сильный пропитой голос произнес:

— Девушки, просыпайтесь!.. Откройте дверь.

Гелия спросила задиристо:

— А кто говорит?

— Песиглавец Довбир, — донесся голос. — Уж ты-то меня должна помнить, милашка!

— С чего я должна помнить? — фыркнула Гелия. — Подумаешь, рост, усы... А какая бородавка?

— Это не бородавка, — сказал голос сердито, — а родинка — благословение богов. Открывай!

— Зачем? — спросила Гелия. — Вы что, хотите нас обесчестить?

Итания ахнула, а голос Довбира сказал еще сердитее:

— Не болтай глупости!.. Вас решено переселить в более... подходящие апартаменты.

Итания стиснула челюсти и закрыла глаза. Кулаки ее сжались. Да, боги против нее.

— Куда? — спросила Гелия.

— Открывай двери! — сказал Довбир. Он повысил голос. — Или разбуди Итанию, пусть она ответит!

Итания сказала негромко:

— Открой. Мы в их власти, разве не понимаешь?

Гелия ворчала, бурчала, гремела засовами, словно их десяток, наконец приотворила дверь. В щель видно рослого немолодого воина в полных доспехах, за ним еще двое с мечами на поясах. Оба тут же стали смотреть через плечо служанки с жадным восторгом.

Итания выпрямилась, Гелия отстранилась, повинуясь мановению ее руки. Итания вышла в коридор. Довбир молча отступил, воины глазели жадно, он нахмурился и кивком указал путь дальше по коридору.

В новом помещении служанка ахнула, с восторгом рассматривала богатое убранство, а Итания сразу же подбежала к окну. Сердце оборвалось, единственное окно выходит во внутренний двор. Видно, как упражняются воины. А ночью здесь самая строгая охрана, такие места всегда охраняют особенно тщательно, ибо вон то здание явно арсенал, там оружие. А кто владеет оружием, тот владеет крепостью.

— Да, — сказала за ее спиной Гелия, — похоже, они догадались.

— Трудно не догадаться.

Гелия посмотрела на нее печальными, как у коровы, глазами.

— Да, такие, как вы, Ваше Высочество, не смиряются...

Что-то в ее голосе заставило Итанию насторожиться. Она спросила:

— А что бы ты хотела?

— Нет, — ответила Гелия, — ничего. Просто... другие смиряются. И живут счастливо. Ну, почти счастливо, ведь полного счастья нет?

Итания закусила губу. Смириться? Смириться — это попасть в руки Придона. В те самые руки, в которые она сама мечтает попасть, которые преследуют ее по ночам, которые

бережно обнимают, вскидывают на воздух, а она со счастливым визгом прижимается к его широкой груди...

— Не знаю, — ответила она со вздохом. — Я — куявка, меня всю жизнь, как и любую из нас, учили смиряться с обстоятельствами. Но что это за голос внутри меня, который говорит, что это неверно?

— Может быть, — произнесла Гелия устало, — этим старейшинам нужно все-таки что-то сказать?

— Что?

— Например, напомнить о чести, — сказала Гелия безнадежным голосом. — О том, что выдавать беглецов запрещают сами боги!.. Что выдавать беглецов — идти против богов... Может быть, это их испугало бы?

Итания покачала головой:

— Не испугало бы.

— Почему?

— Они прожили долгие жизни. И видели, что боги в такие дела не вмешиваются. И что вообще не вмешиваются.

— Так что же на них могло бы подействовать?

Итания отмахнулась:

— Перестань. Ничто не подействует. К старости люди становятся очень трезвыми, практичными, правильными. Это называется мудростью. Они понимают только такие ценности, которые зримы... Не какие-то честь, достоинство, верность слову, а только золото, драгоценности, украшения, самоцветы... Даже если бы с нами были горы злата, у нас бы их просто отобрали, а нас бы...

Служанка ахнула:

— Выдали?

— Это было бы только правильно, — сказала Итания мертвым голосом. — Ведь Придон жаждет получить только меня, по золоту он ходит, как по грязи. Им — золото, ему — меня... Все довольны! Гелия, этим старейшинам ничего нельзя и не нужно подсказывать. Они видели все, они видят всех насквозь. Они понимают людей и зверей. Они понимают все.

Итания забылась только под утро, а вскочила с первым лучом солнца. Гелия не спала, собиралась в дорогу.

— Может быть, — предложила она, — все же попробовать

улизнуть сразу? Я взяла еды на неделю. Двое из стражи помогут нам перебраться через северную стену... Нам бы только отсюда суметь выскользнуть...

Итания раскрыла рот, но стук в дверь заглушил ее ответ. Гелия по ее знаку отворила дверь, там стояли пятеро знатнейших горожан во главе с Мирошником, наместником.

Мирошник поклонился, острые цепкие глаза сразу охватили быстрым взглядом все в помещении, не упустили и узелки на полу, впились в бледное лицо Итании.

— Принцесса, — сказал он почтительно, — мы счастливы принимать в нашем городе дочь самого Тулея... но сейчас для города очень трудные дни. Я лично, чтобы выразить свое почтение, вместе с этими знатнейшими мужами отведу вас в зал заседаний. Туда сейчас входят старейшины Совета, и я... и мы... гм...

Он смешался, поклонился снова. Знатные мужи тоже поклонились. Итания холодновато наклонила голову.

— Я готова.

Гелия вскрикнула:

— Но как же?.. Надо одеться подобающим образом... Я вам должна причесать волосы!

Итания бросила взгляд на замерших в ожидании наместника и его людей.

— Нет, — сказала она. — Пойдем.

Идти пришлось через площадь, но, к счастью, наместник вызвал около сотни воинов, те раздвинули толпу, образовав широкий коридор, Итания шла с высоко поднятой головой, служанка испуганно щебетала рядом, что-то говорил наместник, за спиной разговаривали знатные можи, она же слышала только грозный ропот испуганной артанским войском толпы. Если бы не острые копья стражи, толпа прямо сейчас потащила бы ее выдавать артанам...

В доме, где на втором этаже совещались старейшины, ее повели через комнаты, Мирошник указал на украшенную магическими знаками дверь:

— Они уже там.

Итания ответила безжизненным голосом:

— Да, я понимаю.

Гелия быстро проскользнула к двери и, пока никто не успел остановить, тихонько приоткрыла. Итания была рядом, и щель оказалась достаточной, чтобы сразу увидеть добрую половину зала. Старцы, белые как голуби, сидят на мягких сиденьях вдоль стен напротив друг друга, ведут негромкую беседу. Все в белых бесформенных одеяниях, скрывавших их высохшие фигуры, все с одинаково длинными серебряными волосами и такими же бородами... Только у одного на голове розовая плешь со старческими коричневыми пятнами, зато борода даже длиннее и гуще... Лица высохшие, сморщенные, как печеные яблоки, дряблые, в глазах почти пустота...

Но именно они — высшее, к кому апеллирует либо народ, либо наместник, когда другим способом достичь соглашения невозможно. С решением Совета Старейшин уже никто спорить не смеет.

Она тихо беззвучно заплакала. Служанка тут же с готовностью заревела тоже. Во весь голос.

— Я не смогу, — сказала Итания. — Я просто не смогу. Пусть меня выдают сразу. Я не перенесу позора, когда меня будут разглядывать и оценивать, как корову на базаре...

С легким стуком отворилась дверь. Вошел Мирошник, стражи за ним захлопнули створки. Принцесса успела перехватить пару недружелюбных взглядов.

— Принцесса, — сказал Мирошник мягко. Он старался смотреть ей в глаза, но взгляд виновато ускользал. — Принцесса, наши мудрейшие уже в зале...

Итания встала, она здесь не принцесса, а беглянка, но ее взгляд был тверд.

— Доблестный бер, — сказала она. — Для моего достоинства будет оскорбительно, если меня будут осматривать, как корову на базаре. Я приняла решение...

Мирошник перебил:

— Погоди! Я не хочу, чтобы вы сказали то, от чего не сможете потом отказаться. Вас не будут осматривать, вы не рабыня. А нашим старцам достаточно одного беглого взгляда... Они видели много, у них на все есть ответы.

Итания переспросила:

— Но они о чем-то будут меня спрашивать? Я должна буду оправдываться? Лгать, изворачиваться?

Мирошник выставил ладони.

— Принцесса, простите, я снова прерву вас... только для того, чтобы не наговорили ничего лишнего. Вас ни о чем не будут спрашивать. Старейшины, как бы это поделикатнее сказать... не настолько высокого мнения о женщинах, чтобы снисходить до разговоров с ними.

Итания вспыхнула, выпрямилась.

— Так что же от меня требуется?

— Вы просто войдете в одну дверь, пройдете через зал и выйдете в другую. Сделайте вид, что там никого нет. И старцы сделают вид, что заняты своими беседами. Понимаете? Никто вас не обидит, не унизит. Только не слишком торопитесь, идите медленно...

Гелия сказала живо:

— Там на стене есть зеркало, я видела! Можно подойти, посмотреться, идти дальше.

Мирошник кивнул, в глазах было сочувствие.

— Да-да, — сказал он торопливо, — хорошее такое зеркало.

Служанка легонько подтолкнула в спину.

— Госпожа, надо идти... Они рассердятся.

— Да, — прошептала Итания, — сейчас в каждом моем жесте видят либо высокомерие, либо дурость... Ты права.

Она вскинула голову, глаза прямо перед собой, она никого не должна замечать, она просто пройдет через тот зал. Вот отсюда даже видны двери...

А по обе стороны — ряд кресел, где сидят старцы!

Отчаяние вонзилось в ее сердце острой болью, она едва не вскрикнула. Шестеро в белых одеждах по одну сторону, шестеро — по другую. Она бы приняла их за горки из снега — все сидят недвижимо, длинные седые волосы опускаются на плечи, сливаются с непомерно длинными седыми бородами. Даже лица старчески бледные, застывшие, почти мертвые...

Мирошник сам распахнул перед нею дверь. Она глубоко вздохнула, выпрямилась, глядя прямо перед собой, переступила порог.

Ей показалось, что одним шагом перенеслась в ледяную

пустыню. Двенадцать неподвижных изваяний из снега вместо людей, полная неподвижность после привычной веселой толкотни двора Мирошника.

Малый зал оказался еще и вытянутым, так что старцы сидели друг напротив друга на расстоянии шагов пяти. Ее никто впрямую не рассматривал, но два-три враждебных взгляда она уловила еще с порога, острых и холодных, как артанские кинжалы.

Она остановилась на миг, словно давая взглянуть на себя издали, на самом же деле просто ноги отказывались нести через этот страшный зал.

Стены раскачивались, пол превратился в лед. Сцепив зубы, она ухватилась взглядом за далекую дверь, заставила себя двигаться к этому спасительному выходу, где можно будет упасть и разрыдаться. Воздух был пронизан холодом и враждебностью, ноги одеревенели, застыли. Она шла как на костылях. Старцы, что решают ее судьбу, возможно, даже не замечают ее вовсе. Они уже давно все решили.

Краем глаза зацепилась за большое зеркало на стене, но лишь с негодованием отвернулась, вскинула подбородок и, хотя ноги из деревянных стали ватными, с огромными усилиями сумела дойти, не упасть, и только там, в коридоре, всхлипнула и в изнеможении привалилась спиной к двери с этой стороны.

Послышался частый топот, из-за поворота выбежала запыхавшаяся Гелия.

— Какие тут переходы неудобные! — выкрикнула она сердито. — Пока обежала... Итания, не ревите! Только не ревите, умоляю. Еще не все потеряно!

— Все, — сказала она убито, — ты же видела их....

— Видела, — сказала служанка со злостью. — Старые пни, что они понимают!.. Но я уже присмотрела, как можно будет ускользнуть через задние комнаты. Мы сегодня же попытаемся бежать.

Она подхватила Итанию и, обняв крепко, повела в комнату, куда их привел Мирошник. Но тот исчез, как и его знатные можи, обратно в ее покои их отвели под эскортом пятерых солдат в полных доспехах, обнаженные мечи в руках, грозные взгляды в прорезях шлемов.

ГЛАВА 19

Слуги принесли обед, тихие и молчаливые. Она ловила их ускользающие взгляды, но, когда сама смотрела в упор, поспешно отводили взгляды, исчезали, словно просачивались сквозь стены.

Мирошник пришел не скоро, от него несло гарью, каленым железом, промасленными кожами. На Итанию пахнуло и ароматом крепкого вина. Выглядел он усталым, но глаза весело блестели, а поприветствовал ее сильным уверенным голосом.

— Какое жулье, — сказал он, однако без всякого гнева в голосе. — Свои же, не чужаки какие-нибудь непонятные, ан нет — стараются обжучить!.. По серебряной монете запросили за каждое копье!.. Виданное ли дело: раньше всегда столько платили за десяток!

Со двора донеслись грубые голоса. Он подбежал, высунулся, погрозил кулаком. Итания приблизилась к другому окну. На площадь выезжали всадники, перед ними носился крепкий приземистый человек, размахивал мечом и орал дурным голосом.

— Предран, — объяснил ей Мирошник. — Только ему по плечу из этой толпы сделать воинов. Может быть, по плечу.

Итания спросила ровным голосом:

— Вас что-то тревожит?

Мирошник фыркнул:

— Вы считаете, что войска артан перед воротами моей крепости не достаточно для тревоги?

— Войска артан? — переспросила она. — Разве с ними не удалось договориться?

— Как? — спросил он. — Как с ними можно договориться, если у них было одно-единственное условие?

Она опустила голову.

— Да, но...

Мирошник повернулся к ней всем корпусом, рассматривал ее так пристально, что она с неудовольствием сдвинула плечами. Он тут же отвел взгляд, сказал быстро:

— Извините, принцесса... Но могу ли я предположить...

— Вы можете все, — ответила она горько. — Вы можете все, наместник...

Он смотрел во все глаза. Лицо его менялось, наконец сказал совсем тихо:

— И все-таки мне кажется, что вы даже не удосужились узнать решение Совета Старейшин.

— Как будто оно было не предрешено, — сказала она с прежней горечью.

С площади донеслась бравая, но нестройная песня. Еще громче звучал гневный голос ветерана, что пытался наскоро создать войско.

— Похоже, — сказал Мирошник медленно, — их решение для вас прозвучит... неожиданностью.

Она устало повела плечом.

— И как же они сказали?

— Они сказали, — произнес он почтительно, — может быть, и несколько неожиданное для вас... ведь женщины не блещут пониманием истинных ценностей, но не для нас, мужчин.

Она замерла, не понимая его, не в состоянии понять, ибо мужское понимание ценностей, да еще истинных, всегда ускользало от понимания женщин, даже самых мудрых женщин.

Не могла и предположить, что старцы все видели и замечали. Отметили даже ее равнодушие к зеркалу. Все двенадцать проводили ее взглядами, переглянулись. Посмотрели на старейшего, Гарольда Корневорота Блистающего. Тот медленно наклонил голову, голос был дряхлый от старости, но достаточно твердый:

— Я вижу, все пришли к одному мнению.

Черный Ястреб, второй по возрасту, теперь уже лет пятьдесят, как не черный и не ястреб, и лет двадцать даже не седой, а с голой, как колено, головой, ответил с поклоном, исполненным достоинства:

— Да.

— Огласи.

Черный Ястреб ответил ровным бесцветным голосом.

— Будем воевать.

...Придон, Аснерд и Вяземайт подъехали к крайним кострам, что огненной дугой окаймляли артанский лагерь. Воины держались беспечно, последняя крепость куявов, страна захвачена, а они — молодые и сильные — хозяева этих просторов, земель, городов. Багровый свет жутко и весело играл на широких пластинах груди, плечах и руках, мускулистых, покрытых здоровой кожей, прокаленной солнцем.

Большинство беспечно спали прямо на земле, немногие сидели на корточках перед огнем, лица казались выкованными из красной меди, слышались смешки, хохот. Настроение приподнятое в ожидании завтрашнего боя, бешеной скачки по чужой земле, когда можно метать стрелы в разбегающихся врагов, бросать горящие факелы в окна домов, догонять и хватать за волосы чужих женщин.

От многих костров неслись песни, Аснерд нахмурился, песни не боевые, не походные, а все о бабах, о чужих женах. Только в одном месте запели о конях, чистые и сильные голоса, от двух соседних костров песню подхватили, и в ночи словно в самом деле пронеслись призрачные кони: быстрые и прекрасные. Самые лучшие существа в мире, а после них самые лучшие — женщины, самое достойное на свете занятие для мужчины — война, а после него — скачки и удалые игрища, где победитель вышибает противника из седла и получает все: награды, женщин, а побежденный кувыркается в пыли, захватывая полные пригоршни земли, и клянется в следующий раз быть сильнее, крепче, умелее...

Чем дальше проезжали по лагерю, тем гуще дым и чад. Многие коротали ночь, поджаривая на углях мясо, даже корочки хлеба. Ветер подул с юга, оттуда несло крепким конским потом, там под охраной пасутся тысячи коней Меклена, он, как обычно, бережет овес и выпускает коней своих головорезов на подножный корм.

По небу непривычно быстро двигались черные, как преступление, тучи. Луна то исчезала, словно это и не тучи, а двигающиеся горы, то выплывала яркая, как ночное солнце, землю сразу заливал беспощадный холодный свет, призрачный и тревожный.

Воинский стан раскинулся широкой дугой, ближе всех в

сторону крепости выдвинулись люди Щецина, отважные и веселые, что всегда шли в бой с песней о своем Гильгаме, герое-прародителе, отважном полубоге, что умел и сражаться, и брюхатить чужих жен, что вызывало особенный восторг у молодых воинов. За кланом Щецина расположились суровые и молчаливые воины Норника, эти степеннее, даже совсем молодые воины выглядят мудрыми мужами, а сражаются без горячности, словно и не артане, но с той стойкой отвагой, что им всегда поражались полководцы: люди Норника всегда умеют драться с сильным противником так, что в своих рядах почти не допускают потерь, а в рядах врага словно пирует пробужденная их руками смерть.

Ядром этого войска стали, понятно, воины клана Белозерца, самые многочисленные, рослые, прекрасно вооруженные, закаленные во множестве битв, сражений, набегов и походов. У них даже кони крупнее, все укрыты одинаковыми красными попонами, так они отличали издали один другого в бою, и хотя их оружие и доспехи проще, чем у людей Норника, зато легче переносят тяготы дальних походов без еды и отдыха, не обращают внимания на холод и зной, а презрение к смерти и жажда воинских подвигов удивляли даже привыкших ко всему ветеранов.

Вяземайт задумчиво смотрел на стан. Внезапно тень омрачила его высокое чело, глаза затуманились.

— Тулей, — сказал он невесело, — Тулей собрал войско и сам ведет в бой. Боюсь, что все остальные битвы, что мы дали, покажутся детскими шалостями...

Аснерд проворчал:

— Я что-то не замечал за Тулеем особых способностей. Насчет вина или баб — да, но как полководец... гм...

— Дело в другом, — обронил Вяземайт. — Раньше полководец мог на что-то сослаться, а теперь с ними сам Тулей. Который все видит, всех оценивает. И каждый будет из кожи лезть, чтобы его заметили, дали пряник.

Он зябко повел плечами. Серебряные волосы мертво блестели в лунном свете, лицо казалось постаревшим, изможденным.

— Что-то тревожит? — спросил Аснерд.

— Да, — ответил Вяземайт невесело. — Какую огромную силу мы привели с собой!.. Костры не сосчитать. Десятки тысяч молодых и сильных героев... Сейчас они живы, но к вечеру, если подойдет Тулей, останется едва ли половина. А то и треть.

Аснерд прогудел красиво и могуче:

— Ручьи крови побегут по земле, реки станут красными на десятки конных переходов... Но что тебя печалит? Мы — победим!

— Победим, — согласился Вяземайт печально. — Просто... жаль. Они все такие молодые, сильные, здоровые!

Аснерд окинул взглядом огромный стан. Насколько захватывал взор, всюду костры, костры, костры. Казалось, тянутся и за край земли. А возле каждого костра по семь-восемь человек.

— А если бы не было этой битвы? — спросил он. — Если бы вообще не было войн? Все равно через сто лет от всего этого громадного войска не осталось бы ни одного человека в живых!.. Так не лучше ли погибать вот так, красиво, на скаку, со вскинутым топором в руке, весело?

Вяземайт снова зябко передернул плечами. Взор его потух, он сказал осевшим голосом:

— Да-да, ты прав. Это я так.... Старею, видать. Ладно, ты в самом деле уверен, что мы победим?

— Конечно, — ответил Аснерд весело.

Вяземайт покачал головой.

— Мне врать не надо. Я и так не дрогну. Сегодня победа, завтра может быть поражение. Аснерд, никогда еще мы не вторгались так глубоко в Куявию. Славу и честь мы и так завоевали. Подумать только, захватили саму Куябу!

— Ты сам это предрекал, — напомнил Аснерд.

— Предрекал, — согласился Вяземайт. Он снова вздрогнул. — Но одно дело предрекать, другое — увидеть своими глазами. Неслыханное дело: мы разгромили Куявию, разгромили! Захватили все города и села. Пара оставшихся крепостей — не в счет, сами сдадутся. Эти вот откроют ворота сразу, если разгромим войско Тулея... Но мне все равно страшно!

— Почему?

Вяземайт покачал головой.

— Куявия слишком огромна, обильна и тяжела, чтобы ее вот так опрокинуть одним прыжком артанского коня. Меня тревожит войско, что собрал Тулей. Пусть даже он не великий полководец, но под его рукой не столько куявы, сколько вантийцы, славы, наемники из дальних стран...

Аснерд прорычал:

— Дай срок, доберемся и до тех стран! Ишь, посмели... Всяк должен опускать взор, заслышав стук копыт наших коней.

Высоко в небе, на миг закрыв луну, проплыл дракон. Широко растопыренные крылья в лунном свете показались сотканными из грязного тумана, но сам дракон был темен и страшен. Он сделал широкий полукруг и пошел над артанским войском. Аснерд рассмотрел на загривке наездника. Он свесил голову и внимательно всматривался в воинский стан.

Артане вскакивали от костров, натягивали луки. Аснерд сказал резко:

— Не стрелять!.. Где Меривой, Франк?

Послышался топот ног. Дракон зашел на третий круг и, осмелев, несся уже почти над головами. Вяземайт сумел рассмотреть в раскрывающейся пасти белые клыки, красное жерло, откуда полыхнет огонь...

Из шатра выбежали сонные Меривой и Франк. Луки уже в руках, натянули быстро, им подали стрелы. Вяземайт изготовился к удару, но ждал, как и Аснерд, смотрел на чудовищно могучие плечи сыновей воеводы, на толстые руки, что взялись за тетивы. Дракон снова шел над воинским станом, уже не по краешку, а над серединой, высматривая шатры полководцев.

— Если у них не выйдет... — начал Аснерд.

Вяземайт перебил:

— Да готов я, готов!.. Смотри на детей!

Меривой отпустил стрелу первым, Франк чуть помедлил, его стрела ударила в грудь дракона, в то время как Меривой попал в голову. Дракон пролетел еще почти половину стана, крылья затрепыхались неровно, дико, он закричал пронзительно, страшно, как кричало бы горящее дерево. Его занесло

боком, ударился о землю, грузное тело подбросило, перевернуло через голову. Послышался треск крыльев, костей, панциря.

От костров разбегались люди, но почти все сразу же с топорами в руках бросились к поверженному дракону.

Вяземайт выдохнул:

— Ну, видишь, какие у тебя ребята?

Аснерд взглянул на огромную тушу, на нее лезли с топорами, блестели лезвия, слышался сухой стук по костяным плитам, сказал ворчливо:

— Для тебя что муху прихлопнуть горящей головешкой, да? Один пепел остается... Эй там! Наездника, если жив, ко мне, а из дракона можете вырубить печень...

— Первый шип из гребня мне, — предупредил Вяземайт.

— Что, тоже поджаришь?

— Дурень, тебе бы только жрать!... Кто выпьет растертый порошок из первого шипа, тот будет зреть, как дракон.

Аснерд разочарованно отмахнулся:

— У меня глаза получше, чем у дракона. А что можно еще?

Подумав, Вяземайт сказал:

— Если съесть сырым кусочек сердца молодого дракона, то станешь таким же сильным...

— И это не по мне. — отмахнулся Аснерд.

— Кто съест хоть ломтик из станового хребта, тот никогда не заболеет...

Аснерд хмыкнул, о болезнях только слышал, и, потеряв интерес к такому дракону, пошел к своему шатру. Вяземайт посмотрел вслед каменному гиганту, под которым прогибалась земля, как молодой лед на озере, вздохнул и поспешил к драконьей туше.

Меривой и Франк уже стояли в кругу артан, их звонко хлопали по плечам, по спине, поздравляли, хвалили, восторгались. Люди с факелами в руках безбоязненно полезли на дракона, хотя тот еще дергался в судорогах, другие со смехом и веселыми воплями начали рубить бок, стараясь добраться до лакомой печенки, отведав которую любой становится героем.

...С первыми лучами солнца Придон был уже в седле, конь резво вынес за пределы воинского стана. Рядом колыхались на спинах рослых быстрых жеребцов Меривой и Франк, теперь они старались держаться повсюду рядом с Придоном, а за спиной Придона обычно мчался на резвой кобыле молодой волхв, невзрачный и неприметный, но, по словам Вяземайта, наделенный огромной силой чародея.

От них побежали длинные тени, солнце только-только озаряет оранжевым огнем зеленую равнину, из-под копыт выпрыгивали зайцы, все как обычно, но глаз зацепился за узкую полоску пыли на горизонте.

Придон привстал на стременах. Впереди клубилась желтая пыль, а поблескивающие металлом искорки не иначе как солнечные блики на железе доспехов. Кто видел это хоть однажды, уже не спутает с иным блеском.

— Куявы! — сказал он хриплым от жажды боя голосом. — Меривой, скачи обратно к войску!

Меривой повернул коня, но оглянулся, крикнул:

— Придон, надо возвращаться.

— Рано, — отрезал Придон.

— Да? — сказал Меривой. — Как знаешь, ты — тцар!

Он хлестнул коня, тот заржал от оскорбления и понесся со стремительностью большой хищной птицы, что догоняет убегающего зайца. Пристыженный Придон молча подал знак остальным поворачивать коней.

Когда они подъехали к лагерю, там уже носились всадники, покрикивали:

— Куявы!.. куявы идут!..

От костров и просто с земли медленно поднимались, потягивались, неспешно брали в руки оружие. На горизонте клубится не просто пыль, ведь не облачком, пусть даже растянутым по всему горизонту, а словно бы всю полоску затянуло туманом. Двигается огромная рать, все понимали, битва будет кровавая, жестокая, возможно — последняя.

Аснерд довольно потер ладони.

— Вот видишь? — сказал он. — А ты мне голову прогрыз: где Тулей, где Тулей?.. На ловца и зверь бежит!

Придон чувствовал радостное возбуждение, но, задавливая счастливый визг, спросил недоверчиво:

— А что, ты слышишь, как они кричат: «С нами Тулей!»?

— А где же он еще будет? — удивился Аснерд. В голосе старого воеводы звучала чуть ли не обида. — Тулей — храбрый воин! Он не станет прятаться по лесам...

Меривой, что, как и его отец, мог рассмотреть волоски на лапе муравья за полет стрелы, всмотрелся, крикнул:

— Вижу стяг Тулея!

— Вот оно, — сказал Аснерд довольно. — Я ж говорю, Тулей для меня — не загадка.

— А кто для тебя загадка? — спросил Придон.

Аснерд оглядел его с головы до ног, раскрыл рот, захлопнул, улыбнулся и сказал уже весело:

— Я, конечно! Кто ж еще?

Пыльное облако приближалось медленно, но вот и оно рассеялось, артане видели, как куявское войско медленно выдвинулось вперед и остановилось настолько ровными рядами, словно передние ряды всадников уперлись в незримую стену. Их кони намного крупнее артанских скакунов, да и сами закованные в железо воины выглядят страшными несокрушимыми великанами.

Аснерд рассматривал их внимательно, усмехнулся:

— Узнаю куявов! В первые ряды выставили вантийцев.

— Все правильно, — холодно сказал Вяземайт. — Наемники, чего их жалеть?.. Но это в самом деле страшные воины, не какие-нибудь куявы. Они живут войной, драться умеют. Будь готов, что они прорвут все передние линии, врубятся в центр. Да не дрогнут и там... В центре будут люди Щецина?

Аснерд покачал головой:

— Нет, поставим новичков. Если выстоят — честь им и слава, если их сомнут, то всему войску известно: молодняк, войны еще не нюхал! А закаленные воины останутся на задних линиях.

Он приложил ладонь козырьком к глазам. Грозные ряды куявского войска в прямых лучах выглядят несокрушимыми. Он различал, если прищуривался, знаки отрядов: головы зверей, птиц, а также мечи, кинжалы и даже топоры. На щитах

знатных воинов тоже видны вычеканенные головы львов, зубров, орлов.

Вяземайт покряхтывал рядом, озабоченным голосом пояснял, будто Аснерд только что из гнезда выполз, где какие войска и отряды стоят: помнил родовые знаки по прошлым войнам. Похоже, сюда стянулись все знатнейшие воины Куявии, самые отважнейшие и неустрашимые воины, кто так и не признал власть артан, но, хуже того, опытный глаз Аснерда различал знаки воинственных родов Славии, Вантита и еще каких-то кланов, явно из заморских стран. Вообще-то это нарушение, Славия или Вантит с ними не воюют, а наемники не имеют права пользоваться знаками своих родов. Если бы сейчас сообщить в Славию, что вот здесь с ее именем идут в бой, то Славия, дотянись она сюда, сама бы раздавила нарушителей, но белый свет такой, что не все в нем правильно...

За спиной нарастал грозный рокот. Артане вскакивали в седла, вскидывали топоры, вскрикивали в злом нетерпении. Старые воины, повидавшие войны, успели объяснить, что сейчас им придется сразиться уже не с куявами, хотя и тех в том войске немало, но главные противники — лучшие воины соседних стран, самые сильные и яростные из славов, вантийцев и еще бог знает из каких стран, что, как мухи на мед, слетелись на призыв богатого соседа о помощи.

У этих лучших воинов и оружие лучшее, в седлах зашиты золото и драгоценные камни, что накоплены за долгие годы службы наемниками, у них лучшие доспехи и лучшие кони, что теперь могут перейти к другим хозяевам. Аснерд видел, как быстро закипала кровь даже у закаленных множеством битв воинов, а молодежь рвалась в бой, как стая лютых псов, что готова от нетерпения перегрызть поводки.

Старые воины останавливали их, те уже готовы были ринуться в бой с нарушением приказа.

Артане медленно, сдерживаемые своими вожаками, выдвигались на свою половину поля. Передовой полк, составленный из молодых воинов, занял позицию и в нетерпении оглядывался на своих старших. Между отрядами оставались свободные дорожки, по ним промчались герои-поединщики, слава и гордость всего войска.

Первым несся знаменитый Колун, конь под ним не уступал в росте самым крупным коням куявов, но был резв и быстр, как лучшие скакуны Артании, за ним ехал на огромном, как слон, коне Уховерт, уже стареющий богатырь, а дальше на красных, как огонь, резвых скакунах мчались Зирка и Овид, герои прошлых войн, ни один из них еще не был за все время сброшен с коня, о них говорили, что на конях они вообще бессмертны, а убить их можно, только сбросив на землю.

Куявское войско стояло настолько могучее, уверенное, что Аснерду на миг показалось, что они сами начнут битву. Меклен, сверкая озорными глазами, говорил рядом Белозерцу:

— Говорят, куявы рождаются бесстрашными, доверчивыми и жадными. И все они, повзрослев, остаются жадными!

— Что куяву хорошо, — ответил Белозерц глубокомысленно, — то свинье смерть. Сегодня умоются кровью те, кто усомнится в нашем миролюбии! Ишь, в железе... Богатые, значит! Все наворовали, гады. А мы бедные, зато честные.

Он все больше выдвигал коня, наконец тот оказался впереди неровного артанского строя настолько, что Белозерц сам удивился, а потом, удивившись, понял, что он как бы сам себя выставил поединщиком. Конь махнул хвостом, заржал довольно, там было тесно, а здесь простор, сделал еще пару шагов вперед.

Белозерц оглянулся, буркнул:

— Живем один раз. А разговоров...

Стегнул коня и послал его легкой рысью в сторону железного строя. Куявы сразу опустили длинные копья. Белозерц разогнал коня, и, когда казалось, сейчас всей тяжестью врежется в эту ощетинившуюся стену, он с силой метнул дротик, повернул коня и, промчавшись по короткой дуге, вернулся обратно.

Меклен сказал завистливо:

— Здоровый ты, бык!.. Ты своим броском троих завалил. Одного насквозь вместе со щитом, а двое так попадали... Наверное, со смеху.

Белозерц предложил мрачно:

— Попробуй бросить лучше.

— Нет, — сказал Меклен, — я бросаю хреново. Топор и щит — да, а лук да дротик — не мое.

— Настоящий артанин должен уметь все, — сурово сказал Белозерц.

Он начал поворачивать коня, в стене куявского войска дырка уже затянулась, как в болоте после брошенного камня ряска сперва разбегается, обнажая черные бездны, потом поспешно смыкается, однако несколько артан, воодушевленные примером Белозерца, вылетали галопом, швыряли дротики. Большинство лишь звякали об щиты и бессильно падали на землю, а самих артан начали обстреливать из дальних рядов куявских лучники. Зато от бросков героев, у которых и дротики выкованы по заказу, куявы падали как подкошенные.

Наконец из железных рядов начали выезжать одиночки, выбирали для себя противников, сшибались, звенело железо, испуганно ржали кони, из-под копыт взлетала желтая пыль. Сперва их было мало, но, когда на куявской стороне убедились, что задирают их какие-то юнцы, а не прославленные герои, многие осмелели, начали выезжать из строя, вступать в схватки.

Придон задыхался от нетерпения, кровь стучала в висках, но Аснерд смотрел укоризненно, покачивал огромной головой, весь огромный, неторопливый, чуть не позевывающий, все знакомо, все известно заранее. Зачем-то бросал взгляд на небо, слюнил палец и проверял направление ветра, что и не ветер вовсе, а так, движение воздуха, буркнул нехотя:

— Не торопись... Пусть раззадорятся. Куявы всегда дерутся одинаково, а наши — когда кровь вскипает. Мы ведь люди, а куявы — жабы.

ГЛАВА 20

За время схваток кровь вскипела и у артан, и у куявов, крик стоял над войсками, воины оглядывались на своих полководцев, но те все не давали сигнала к бою. Передовой полк, что состоял из молодых воинов, начал сам по себе выдвигаться вперед. Заметно было, что задние, стараясь протиснуться в

передние ряды, нажимали с таким напором, прямая линия превратилась в дугу туго натянутого лука.

Аснерд взмахнул рукой:

— Пора!

По всему артанскому войску громко и страшно заревели боевые рога. Передовой полк с готовностью ускорил движение, коней перевели на рысь и тут же пустили в галоп. Куявы, не двигаясь с места, разом выдвинули длинные копья. Широкие наконечники смотрели в сторону скачущих всадников, подобно стальной щетине.

Вяземайт крикнул со злостью:

— Дурачье... Они же все полягут! До единого....

— Если полягут, — прорычал Аснерд, — я их поудавливаю собственными руками.

С холма было хорошо видно, как скачущие всадники все наращивали и наращивали бег. Куявы наклонили головы и укрепились в седлах, готовые к толчку, после которого на их копьях останутся нанизанные трупы. И надо только успевать отдергивать копья, чтобы стряхнуть тяжелые тела, чтобы ударить снова, снова и снова.

Передние всадники, привстав в седлах, взмахнули руками и тут же повернули по широкой дуге. Вся грохочущая копытами лава начала поворачивать, а над головами куявов словно пронеслась стая черных ворон. В куявском войске вскрикивали, валились с седел или падали лицом вперед на конские гривы. Острые топоры артан пробивали железные шлемы, но и тот, кому доставалось не острием, а всего лишь тяжелым обухом, без памяти сползал с коня под копыта, роняя копье, заставляя строй ломаться.

И все-таки десятка два всадников, обезумев от жажды схватки, ринулись на сомкнутые ряды куявов. Возможно, их подстегнул вид раненых куявов, решили, что сомнут, пробьют брешь, но ударили со всей силой и жаждой молодых и жаждущих славы и воинских почестей.

Они погибли сразу же, их пронзили копьями со страшной легкостью, ни один куяв даже не качнулся. Аснерд видел короткое движение руки, держащей длинное древко, и артанский всадник, пронзенный насквозь, хватался за поразившее

его копье. Снова короткое движение руки, уже в другую сторону, и освобожденное тело валится с седла, а кровь хлещет из груди и спины...

Но войско уже неслось мимо, разворачивалось, в стане хватали новые топоры, один для боя, два для метания, и вот уже грозная лавина понеслась на куявское войско снова. То ждало грозное, ощетинившееся длинными копьями, как единый чудовищно огромный зверь.

Когда артане мчались еще на расстоянии двух бросков топора, в куявском войске внезапно раздался странный звук, от которого Аснерд зябко поежился, а Вяземайт часто задышал. Над многоногим ощетинившимся зверем на миг словно бы повис косой дождь, но этот дождь поднимался от земли и по крутой дуге нацелился на скачущих в боевом восторге артан.

— Ящер меня побери! — выругался Аснерд. — Стрелки, откуда в таком войске стрелки?

— Это вантийцы, — предположил Вяземайт без особой убежденности.

— Да, вантийцы, — согласился Аснерд.

На волхва он старался не смотреть, ибо тяжелые стрелы — любимое оружие как раз куявов. Трусы, их вгоняет в поросячий визг возможность встречи грудь в грудь с разъяренным артанином, потому у них лучшие умы трудятся над тем, как защищаться на расстоянии, как убивать или ранить издали, не глядя, не чувствуя сладостной дрожи в теле, когда твой острый топор рассекает врага, кровь хлещет, враг сражен, в тебе кипит кровь, и слышишь довольный голос бога...

Тяжелые стрелы, пройдя верхнюю точку дуги, обрушивались почти вертикально. Немногие из пораженных удерживались в седлах, но весь позор в том, что пригнувшихся к конским гривам воинов стрелы били в спины, затылки, пробивали шеи, а это позор для артан, позор получить удар в спину, ибо там, на Полях Небесной Охоты, будут спрашивать, от кого бежал.

На этот раз бросок топоров выглядел слабым, потрясенные артане заботились больше о том, чтобы не соскользнуть с седла: тяжелые стрелы рассекали обнаженные плечи, ранили

голову, руки, а пораженные стрелами кони прядали и пытались сбросить всадников.

Лишь десятка два всадников сумели бросить топоры метко и прицельно: в рядах куявов повалились воины. По знаку Аснерда гонец сорвался с холма, этих удальцов стоит отметить, назначить десятниками над своими же сверстниками, им поощрение, другим — пример.

— Что теперь? — спросил Вяземайт.

— Они постараются нас обескровить, — буркнул Аснерд, — а это, как видишь, нетрудно.

— Пока воюют молодые?

— У старых та же шкура, — огрызнулся Аснерд.

— Попробуй катапульты, — предложил Вяземайт.

Аснерд оскорбился:

— Ты так остришь?

— Нет, но... я не воин!

— Ты вообще не артанин, — обвинил Аснерд. — Издалека, будто мы куявы? Нет, сейчас я сам поведу своих старых волков, ты увидишь, что останется от этих куявишек!

Вяземайт вскрикнул:

— Смотри, смотри!

Куявское войско дрогнуло, все еще единый ощетинившийся зверь, качнулось и медленно потекло вперед, все так же выставив длинные копья. Огромные тяжелые кони, покрытые кольчугами, двигались привычным для куявских лошадей шагом, потом перешли на рысь, земля загрохотала. Аснерд стиснул челюсти, лицо вытянулось и побелело, а куявское войско уже с рыси перетекло в тяжелый стремительный галоп. Кони несутся, как горная лавина с крутого склона, и все набирают и набирают скорость, все тот же единый ощетинившийся зверь...

Вяземайт чувствовал, как стонет и жалуется под ногами земля, попираемая таким количеством копыт. Грохот отдавался в голове, никогда от артанской конницы не слышалось такого грозного и свирепого гула. Аснерд движением длани послал вперед конные тысячи Ральсвика и Волина.

Красиво и грозно пропел боевой рожок. Артане тронули

коней, две тысячи молодых сильных голосов грянули походную песню, резвые быстрые кони сразу пошли в стремительный галоп. Артанские всадники выглядели низко летящими птицами, в то время как им навстречу катилась темная каменная буря.

Они сшиблись, тяжелая куявская конница даже не замедлила стремительный разбег. Передние ряды артан полегли, как молодая трава под широким взмахом косы умелого жнеца. Рослые всадники на рослых конях, и те и другие закованные в стальные доспехи, что укрывают их с головы до ног, неслись, как по мелководью, что замедляет бег коней, но только замедляет. Топоры звенели о выпуклые стальные пластины, в ответ длинные мечи с легкостью рубили защищенные только крепкой кожей тела. Аснерд не видел, чтобы упал хоть один куяв, но артане исчезают, исчезают, а эти чертовы куявы почти не замедлили натиска...

Бачило, видя неминуемую гибель своего побратима Ральсвика со всем его войском, спешно бросил в бой свои десять тысяч. Те стояли удачно, ударили в левый бок, однако, то ли поторопились, то ли войско куявов в самом деле из одних героев, артане таяли, как снег на раскаленной плите, а куявы по-прежнему неутомимо двигались к холму, где стояли Придон, Аснерд и Вяземайт.

Исчезали и остатки тысяч Ральсвика и Волина, тогда вперед выдвинулись пять тысяч Краснотала, укрепились в седлах. Куявы надвинулись, как единая гора. Копья они давно оставили, рубили мечами, топорами, секирами, их огромные тяжелые кони сшибали артанских коней вместе со всадниками, топтали и двигались дальше.

Аснерд не поверил своим глазам: от пяти тысяч Ральсвика осталась едва ли половина, когда они дрогнули и начали отступать. Еще чуть, и отступление превратится в бегство, а бегущие с поля боя лучше бы не рождались на свет. В Артании.

— Прий! — закричал он страшным голосом, что прокатился над полем битвы, как небесный гром. — Останови Ральсвика!

Десять тысяч под рукой Прия послушно колыхнулись и встали на пути куявов. Теперь куявам заслонили путь к холму

опытные воины, побывавшие в битвах со Славией, отличившиеся в прошлой войне с Куявией. Тяжелая рать куявов замедлила движение. Но все еще упорно косили бойцов Ральсвика, Волина, теснили всадников Бачилы, повергали, рубили, сбрасывали с седел под конские копыта.

Вяземайт громко призывал на головы куявов гнев артанских богов, ибо тысячи Улана, Замги, Полусвета и Радаманта полегли целиком, поле усеяно трупами везде, где прошли куявы. Бачиловцы сражались упорнее, они знали, как драться с тяжеловооруженными всадниками, и хотя гибли сотнями, но почти остановили куявов или хотя бы сильно замедлили их стремительный бег.

Словно отвечая его мыслям, рядом Придон сказал с горечью:

— У куявов просто притомились кони! Они не могут бегать с такой тяжестью.

Он смотрел с яростным непониманием, и, хотя Вяземайт бубнил над ухом, что куявов там горстка, а все остальное — закаленные наемники из Вантита, Славии, а то и вовсе из дальних заморских стран, сердце кричало от бессильной злости, а сам он выл и кусал кулаки. Страшный удар тяжелой конницы уничтожил с разгону все три тысячи, что пытались остановить. Все это красочное войско, веселое и смеющееся, на красивых быстрых конях, стройных и легконогих, с гибкими змеиными шеями и огненными глазами, попросту исчезло, вбитое в землю стальной лавиной. Все случилось чересчур быстро, он едва не заорал, что это опять куявские колдуны, но спохватился: недостойно мужчины все сворачивать на колдунов и волю богов.

Куявы все еще двигались вперед, но уже медленно, кони устали, да и сами всадники в тяжелых доспехах двигались все более неуклюже. И все-таки ломили, как сухую траву, артанскую конницу, и та, вбитая в землю, исчезала бесследно. Тысяча Колесника уже не новички, там опытные воины, там умеющие воевать, сражаться как в одиночку, так и в отрядах, но они просто гибли, как будто против них шли каменные великаны.

Придон бросился к коню.

— Я сам поведу засадный полк!

— Нет, — сказал Вяземайт резко. — Ты тцар!..

— Но я и воин!

— Сейчас ты прежде всего тцар. Воины гибнут, битва продолжается. Но если погибнет тцар, не побегут ли те, кто был близок к победе?

Аснерд поправил громко:

— К последней победе! Мы ведь понимаем, что это их последний вздох.

Придон дернулся, ощутив на плече железную длань Аснерда. Он едва не заплакал от унижения и ярости. Куявы все еще двигаются вперед. Их вроде бы даже не стало меньше, хотя артан перемололи в своих чудовищных жерновах вдвое больше.

Основные силы артан, он не верил глазам, медленно подаются под бешеным напором, теперь полумесяц, выгнутый рогами назад, перевернулся, куявы громят центр и уже приблизились к подножию холма.

Уже не бой, не сражение, даже не битва, а кровавое и жестокое побоище закипело по всему полю. Куявы, как ни устали, но близкая победа прибавила силы, с ликующими криками обрушивали удары длинных мечей, всякий раз повергая артанских воителей, зачастую вместе с их легкими конями. Многие пели, выкрикивали клятвы, у других слезы текли по бледным от ярости лицам.

Артане держались стойко, но их ряды таяли под ударами куявской конницы. Нельзя было сделать шаг, чтобы не наступить на павшего, что в последнем усилии пытался вонзить в тебя нож или хотя бы ухватить и задержать хоть на миг. Земля залита кровью, ноги скользили по вывалившимся внутренностям, спотыкались о срубленные руки, все еще сжимающие оружие, о рассеченные тела.

Невольно отступая под чудовищным натиском, артане сражались яростно, стремясь только поразить врага, никто не пытался убежать от неминуемой смерти. Куявы кричали, пели, молились. Ярость и ощущение победы утроили их силы, они рубили противника, как сочную траву, удары усталых рук становились только сокрушительнее, их кони вздымались на

дыбы, дико ржали и стальными подковами с острыми краями крушили черепа артанских лошадей и даже всадников.

Они вырубили три тысячи из пятитысячного отряда Щецина, вырубили почти всех приевцев, выкосили, как косари смерти, больше половины мекленцев, и даже отборные бачиловцы гнулись и трещали под их ударами. И так было, пока они не прорубились к тысячнику Шульгану, у которого сейчас под рукой была тьма, десять тысяч отборной конницы, и его пора уже звать темником.

С шульгановцами куявы сами словно ударились о каменную стену. И устали от страшной сечи, и шульгановцы встали, как горный хребет, что загораживает путь не только людям, но даже ветрам и птицам. Силой не уступали, кони у них тоже рослые, тяжелые, а по своему племенному обычаю они оставляли голой только спину, зато плечи и груди укрыли прочными и легкими стальными доспехами. Да и шлемы пусть не такие цельные, как у куявов, но берегут голову от слабых ударов.

Когда нашла наконец коса на камень, схватка закипела на равных, шульгановцы не отступали ни на шаг, куявы продолжали натиск, люди в передних рядах задыхались от тесноты и духоты. С двух сторон на куявов ударили могучие отряды Плеска и Меклена. По своему обычаю, они сперва забросали куявов топорами, а те не могли закрыться щитами, а потом ударили со всей силой, яростью и стыдом за едва не опозоренную конную рать несокрушимых и победоносных артан.

Земля гудела и стонала, воздух трещал от звона щитов, грохота топоров и мечей по доспехам. Оружие сталкивалось над головами со страшным леденящим звуком, люди сшибались грудь в грудь и, не имея в тесноте возможности размахнуться, хватали друг друга и стаскивали с коней, где на земле, под конскими копытами, старались дотянуться до горла друг друга.

Артане видели на лицах куявов жестокую радость, глаза горят восторгом, впервые артан бьют, бьют не в похвальбе, а взаправду. Артане пытались сами нажать на куявов, отодвинуть, заставить попятиться, крик и грохот металла по металлу стал звонче, чаще. Все рубили, кололи и снова рубили без ма-

лейшей передышки, пот заливал лица, дыхание было хриплым, но у каждого из обожженного горла вырывался только родовой клич, а руки снова и снова поднимали топор или меч.

По всей линии схватки летели искры от ударов топоров и мечей по стальным панцирям. От грохота глохли люди и кони. Во все стороны брызгали срубленные края щитов, наконечники копий, навершия шлемов, а то и отрубленные кисти рук с зажатым в кулаке оружием. Кони в тесноте поднимались на дыбы и, не в силах опуститься, неистово били передними копытами всех, кто оказывался ниже.

Герои, которые предпочитали воевать в одиночестве, а не водить отряды, озверели от тесноты и давки, где не удавалось показать свою нечеловеческую силу или ловкость. Первым сумел очистить место вокруг себя Меривой, он крушил огромным топором с такой яростью, что наконец-то смог перевести дыхание, а затем его конь сумел сделать первые шаги вперед.

За ним устремились братья Кресал и Улеб, участники всех последних битв, где бы они ни затевались, бесстрашные и умелые воины, они послали коней сзади и чуть по бокам, быстрые и точные удары братьев поражали всех, кто пытался зайти к Меривою со спины. Они постоянно выкрикивали клич своего рода, среди грохота, конского ржанья и диких криков слышали немногие, но люди их крови тут же поспешили к ним, встали сзади и пошли уже сами врубываться в плотное, словно стена из деревьев, куявское воинство.

Дорогу Меривою загородил великан в доспехах темного цвета, щит размером с городские врата, меч как бревно, а конь высился над другими, как бык над козами. Меривой подставил щит под удар, содрогнулся всем телом, крикнул бешено:

— Теперь получи мой!

Лезвие его топора рассекло толстый щит куява, выкованный лучшими кузнецами Вантита, полетели осколки, вторым ударом Меривой достал кончиком лезвия топора куява в переносицу. Шлем не дал себя просечь, но прогнулся, в щели брызнула кровь, а куявский великан пошатнулся в седле.

Меривой закричал победно, вздымая над головой страш-

ный топор, Кресал и Улеб тут же оказались рядом с шатающимся гигантом и обрушили на него частые удары. Тот наконец повалился на конскую гриву, пальцы тщетно хватались за повод, а когда грохнулся наземь, Кресал ухватил коня за уздечку и закричал оруженосцам:

— Этого отвести к шатру Меривоя!..

Меклен выдерживал натиск левого крыла куявского войска, воины там все были рослые. В великолепных стальных доспехах, сильные и уверенные, а переговаривались между собой на вантийском наречии. Им внезапно овладела страшная ярость, только вантийцев здесь не хватало, он закричал, срывая голос, рубился уже с нечеловеческой силой, а когда у него сломался топор, выхватил из седла чужака, в своем железе похожего на железную статую, и, держа его за ногу, вращал им, как исполинской дубиной, и побил так многих сильных воинов.

Ему наконец бросили его собственную дубину, что возил на запасном коне, целиком из молодого дуба, он сметал каждым ударом всадника вместе с конем, опрокидывал тех, кого хотя бы задевал, а если удар приходился сверху, то плющил и коня, и всадника.

За ним с победными криками двигались сильнейшие из богатырей, и так они вклинились в плотные ряды наемников, а затем и отбросили их сперва на длину копья, а потом и на выстрел из лука. Аснерд по приказу Придона послал им тысячу лемков, те ударили с накопленной яростью, и наемники начали отступать шаг за шагом.

Похоже, куявы заметно устали, в центре они были отброшены усилиями сыновей Аснерда, но затем перестроили ряды и сражались молча, без воинственных криков, упорно и яростно. Аснерд окинул взглядом оставшиеся полки, сказал Придону жестко:

— Теперь остаешься ты!.. Будь полководцем, а не мальчишкой!

Придон не успел рта открыть, как Аснерд жестом подозвал оруженосца с конем, жеребец закряхтел под тяжестью

гиганта, Аснерд ухватил одной рукой повод, а другой вскинул над головой огромную секиру:

— Артане, вперед!

Все, кто услышал, с готовностью двинулись за ним следом. Аснерд помолодел, сбросив десятки лет, но сохранил опыт и умение схваток, от его карающей десницы гибли самые сильные, самые прославленные, ибо, завидев самого Аснерда, которого знали все, каждый из героев стремился схватиться именно с ним, принести стране облегчение, а себе неслыханную воинскую славу, почет и завистливое уважение.

Аснерд двигался как могучий тур среди овец, щит его все время звенел и подрагивал от ударов, следом слышался страшный хряск его секиры, которой рассекал любого богатыря вместе с его доспехами. За ним пристроились Меривой, Франк, Шестак, Рагинец, неустрашимый Голота, доблестный Зазибрь, который не страшился ни людей, ни богов, могучий Черновол, который предпочитал всем пирам за столом вот такой кровавый пир, шли Шелепень, Дядило, Хрущ, а вместе с ними шла неумолимая смерть, ибо они никогда не оставляли живых за спиной.

Битва кипела уже по всему полю, только на той стороне вдали у подножия небольшого холма стоял запасной куявский полк, там ветер полоскал стяги Куявии, а на этой остались только два полка недавно прибывших Избора и Свобы.

Вяземайт посматривал с беспокойством, сеча затягивается, такой кровавой артане еще не знали, впервые их звериная ярость кочевников наткнулась на спокойное мужество земледельца, куявы воодушевлены битвой, а среди артан все больше нарастает смятение...

Он подозвал молодого парня, что жадными глазами смотрел на кровавое побоище:

— Пора, Ждан.

Парень кивнул, в глазах вспыхнул огонь, он сделал шаг и... запел. Придон вздрогнул, такого сильного и волшебного голоса он еще не слышал, а песня отозвалась во всем теле сладкой болью, воспламенила кровь, зажгла всю плоть, и он ощутил себя горящим и не сгорающим в огне, что не жжет, ибо и есть то, в чем должен жить человек: в огне, в жаре, в накале, в

бешеной скачке, в крике и бешеных ударах топора, в стонах поверженных врагов, в свирепом ветре навстречу, грохоте копыт...

Вяземайт сказал за спиной:

— Помнишь?

Придон вздрогнул:

— Что?

— Песню. Эту песню помнишь?

— Я сочинил, — пробормотал Придон, — как-то... зачем-то... даже сам не знаю зачем. Мне было худо, я метался, как в жару...

— Да, — согласился Вяземайт, — тогда ты уже сочинял другие песни. Но в тебе сила богов, Придон. Неважно, о чем поешь, сила... она никуда не девается!

Красивый и сильный голос реял над полем, его слышали все, как артане, так и куявы. Придон не поверил глазам: усталые измученные люди, что от изнеможения валились с седел, выпрямились, глаза засверкали, в руках снова появляется мощь, начали сшибаться с врагами с таким громовым треском, что в небесах грохотали громы, а земля отвечала встревоженным гулом.

Певец, чувствуя, как он поднял упавший дух сражающихся, запел еще громче, сильнее. Волшебные слова, исполненные силы, пронзали каждого и наполняли мощью.

ГЛАВА 21

Внезапно как один вздох пронесся над полем битвы. Отовсюду была видна исполинская фигура Аснерда на таком же огромном, как гора, коне. Аснерд неутомимо врубался в ряды врага, а конь топтал павших и теснил грудью коней противника. Внезапно оба зашатались, как одинокое дерево в бурю среди высокой травы, и грохнулись наземь.

В куявском войске радостно закричали. Это был первый из великих героев, что пал под ударами куявского оружия, и не просто первый, а самый известный, самый доблестный и могучий: кто не слышал о знаменитом Аснерде, потомке горных великанов, в чьих жилах течет кровь самых известных ге-

роев прошлых времен? Сейчас артане дрогнут, обратятся в бегство, ибо для людей, сразивших Аснерда, уже нет достойных противников, остальных они выкосят, как умелый косарь сочную траву...

— Пой! — прокричал Вяземайт бешено.

Ему подвели коня, он уже с седла крикнул Придону:

— Помни, ты — полководец!

И с поднятой секирой понесся с холма вниз, с каждым прыжком коня набирая скорость, как набирает ее валун, что сорвался с крутого склона горы. В том месте, где рухнул Аснерд, заклокотало людское море: туда ударили все куявы, стремясь завладеть телом героя и уволочь в свой стан, туда пробивались сильнейшие герои артан, чтобы не допустить еще большего позора, не дать в сердцах простых воинов панике заглушить голос священной ярости, там дрались над телом своего родителя страшные в ярости сыновья Аснерда.

Там снова сшиблись так, что умирали от тесноты, трещали доспехи, кости, черепа, звенели мечи и топоры, скрежетали, щиты разлетались, как из сухой глины, кровь лилась из ран, ноги увязали в кровавой жиже. Удар артанских витязей был страшен, куявы были растоптаны, несмотря на их железо, несмотря на всю их воинскую выучку, отвагу и ярость в схватке. Артане начали с ходу теснить их, рубить, крушить, врываться в их ряды и наносить бешеные удары, и наконец куявы качнулись, их войско начало отступать, уже даже не пытаясь остановить и перестроить ряды.

Придон покачивался, сам того не замечая, оруженосцы боялись смотреть на его страшное, почерневшее от прилива крови лицо. Ему видно было, как перед последним полком куявов, что до сих пор стоял на месте, закрывая дорогу к городу, появился всадник на белом коне. Блеснула искорка на лезвии гордо вскинутого меча. Всадник повернулся в сторону битвы и повелительно указал мечом.

Но прежде, чем он сам пустил коня впереди этого ударного полка, Придон закричал страшным голосом:

— Час настал!

По его знаку бегом подвели коня, он взлетел в седло, в ру-

ке оказался топор. Застоявшийся конь заплясал от счастья, предвкушая скачку. Придон вскинул топор над головой.

— Последний бой!.. За Артанию!

Он вихрем понесся с холма. Оба полка, ведомые Изборомо и Свобой, сдвинулись с места и пошли рысью, а затем и галопом. Придон несся, пригнувшись к конской гриве, сгорая от нетерпения врубиться в передние ряды этих свежих сил, где собраны лучшие и сильнейшие воины куявов и лучшие из наемников. Наконец-то он перестанет сгорать со стыда, что так долго стоял на холме и взирал сверху, как его соотечественники проливают свою и чужую кровь.

За спиной грохотала земля, за ним неслись самые сильные и отважные на горячих быстрых конях. Их кони не уступали куявским в росте, но превосходили в скорости, живости, они умеют драться копытами, хватать врага зубами, а раненого хозяина хоть в зубах, но доставят обратно к своим.

Навстречу неслась такая же гремящая лавина. Земля грохотала, тряслась, стонала. Это были сильнейшие и отважнейшие из куявов, лучшие из лучших, кто все еще не мог смириться с поражением и явился сюда, чтобы дать бой и кровью смыть позор со своего имени.

Придон при всей безумной ярости и нетерпении ощутил подобие страха. Куявы мчатся в бой с тяжелым грохотом, массивные, железные, на закованных в железо рослых конях. Их не измучил тяжкий бой, напротив — ярость поднимается и поднимается грозной волной, и вот теперь стремятся выплеснуть, острые копья распарывают воздух, а под рукой уже наготове мечи, секиры, боевые молоты...

Тулей ободрял и поощрял уставших воинов, кричал и уверял, что еще чуть — и артане обратятся в бегство. Куявы в самом деле дрались жестоко, умело и наносили артанам громадный урон. Придон рубился с красной пеленой в глазах, бешенство удесятерило и без того немалые силы, он шел напролом, опрокидывал всадников вместе с конями, рубил, колол, беспрерывно выкрикивал имя Итании.

В его руках оказывался то куявский меч, то секира, то снова топор, но все ломалось от страшных ударов, наконец он выхватил у великана-куява огромный молот с длинной руко-

ятью из кованого железа и крушил им, слыша только глухие удары, треск и смертельные хрипы. За ним ломились израненные, при каждом замахе разбрызгивающие свою же кровь, отважные и яростные, что дрались из последних сил.

Тулей тоже рубился, под ним убили коня, он вернулся к запасному полку, сменил коня и снова бросился в сечу. От него несло жаром, доспехи накалились, пот катился градом по красному мясистому лицу, стальные латы затрудняли дыхание. Возле него держались лучшие из воинов, половина уже в иссеченных доспехах, с зазубренными мечами, трое смахивают кровь со лба, у всех одинаковые раны, словно нанес один и тот же человек.

Из схватки вырвался Рипей, кровь текла из разрубленного плеча, закричал еще издали:

— Ваше Величество!.. Мы разбиты. Уходите, мы задержим погоню.

— Разбиты, — повторил Тулей с горечью. — Так зачем бежать?

На него смотрели непонимающе. Рипей опомнился первым, вскрикнул:

— У артан не будет полной радости, если вы уцелеете!.. Они будут знать, что у них остался враг...

— Куявия погибла, — сказал Тулей мертвым голосом. — Город падет, Итания окажется в руках захватчика. Я ничего не сумел сделать, чтобы ее спасти... Нет, я останусь с теми, кто сегодня пролил кровь и отдал жизнь.

— Ваше Величество!

— Пора, — сказал Тулей строго, — пора исполнить свой последний долг!

Он поднял коня на дыбы, все видели, как он взметнул руку в прощальном приветствии, взметнулся пурпурный плащ за его спиной. Тулей понесся в гущу битвы, как большой орел, сильный и прекрасный. Воины стегнули коней и понеслись, страшась отстать от своего повелителя, что вдруг выказал странную для куява неправильность в поведении.

Невиданное дело: три куявских отряда отказались сдаться, дрались отчаянно, и сколько им ни кричали, что битва уже кончена, великий Тулей убит, а все полководцы либо в плену,

либо убиты, они отвечали руганью, сами бросались навстречу, рубили и крушили, пока не падали изрубленные так страшно, что ни один человек не мог бы стоять на ногах с такими ранами, а они сражались и даже глумливо запевали песни.

Эти три отряда, а там было по несколько сот человек, взяли в кольцо, пытались смять, но, когда куявы оказались окружены валом из трупов артан, артане пришли в ярость и пробовали забросать врага стрелами, но это показалось слишком медленным, и снова ринулись со всей яростью, рубили топорами, захваченными мечами, по стальным доспехам стучали булавы, молоты, железные наконечники копий, куявы дрались, как древние герои — огромные, свирепые, исполненные дикой силы, умелые, и умирали с достоинством, дрались до последнего, уже падая, все еще дрались, уже с заволакивающимися смертью глазами старались ухватить врага, удержать цепенеющими пальцами...

Рипей с сотней наемников пробился через ряды артан, оглянулся, прокричал:

— Где Тулей? Почему не вижу?

Один из наемников крикнул:

— Он хорошо дрался, но его изранили, как будто на нем рубили свинину. Мы его в беспамятстве положили на телегу. Двое наших увезли в лес...

Рипей просиял:

— Прекрасно! Это испортит дикарям победу!.. Ну, а мы дадим последний бой!.. за мной!

Под Придоном убили третьего коня, дальше рубился уже пешим. Никому опередить себя не позволял, весь забрызганный кровью, с прилипшими на молоте человеческими волосами. Он выглядел как свирепый бог войны. Он не верил своим глазам, никто из куявов не упал на колени и не просил пощады, никто не стремился сдаться в плен и спасти жизнь. Даже те, кто остался в одиночестве, дрались со всей яростью. Им кричали, обещали не только жизнь, но и свободу: ведь победителям надлежит быть великодушными, однако разъяренные куявы отвечали бранью, бросались с поднятым ору-

жием и гибли, пораженные, как и надлежит погибать мужчинам, в грудь и голову.

В числе последних героев сражался Рипей. Он выглядел несокрушимым, вокруг образовался вал из трупов, а когда сделал пару шагов вперед, Придон понял, что такие горы трупов Рипей оставляет за собой с самого начала битвы. Блестящие доспехи потускнели от множества свежих зарубок, огромный меч в зазубринах, но сам Рипей даже не ранен, и всякий, кто вступал с ним в поединок, погибал от первого же удара. На него пробовали бросаться по двое и по трое, что вообще-то гнусно, если не в общем сражении, а сейчас как раз битва уже закончилась, пора следовать совсем другим правилам...

— Эй, — прокричал Придон свирепо, — ты узнал меня, герой?

Рипей повернул к нему голову. Придон подходил медленно, давая Рипею время собраться для схватки с новым противником.

— Ты, — донесся глухой голос из-под шлема, — тот самый... Почему я не убил тебя тогда?

— Ты можешь попытаться сейчас, — сказал Придон зловеще. — Твое имя будет овеяно славой!

— Мне не побить тебя, — ответил Рипей, — и ты знаешь почему. Даже без меча Хорса в руке ты сильнее... Но я дам тебе бой! И мое имя в самом деле будет покрыто славой, а вот твое...

Он не стал ждать, пока подойдет Придон, сам шагнул по залитой кровью земле. Воины вокруг затаили дыхание, тяжелый молот и такой же тяжелый меч замелькали с одинаковой легкостью. Воздух наполнился грохотом, лязгом, треском.

Придон двигался со скоростью, удивившей даже его самого, но в голове вертелись загадочные слова Рипея насчет его имени, что будет покрыто не славой, а... Он пропустил два сотрясших его удара, во рту стало солоно, и, озлившись, двинулся вперед, молот загремел по стальному доспеху. Раздался треск, это лопнул панцирь, но Рипей сражался все так же неистово и стойко. Придон могучим ударом расколол стальной шлем, осколки брызнули во все стороны, как испуганные во-

робьи. Он на миг увидел залитое кровью, искаженное болью лицо, Рипей успел взмахнуть мечом, Придон принял удар на кованую рукоять молота, ухватив двумя руками. Все видели, как их неистовый тцар, быстро перехватив страшное оружие поудобнее, угодил великану прямо в середину груди.

Рипей качнулся, как дерево под ударом катящегося с горы валуна. Изо рта плеснула кровь, меч вывалился из руки, а разбитый щит соскользнул с локтя. Глаза затуманились, но на лице проступила слабая улыбка.

— Я победил, — услышали все его громкий хриплый шепот.

Он повалился с грохотом, как падающая осадная башня.

Придон позволил вылить себе на голову пару кувшинов холодной воды, смывая кровь, и, как тцар и единственный руководитель похода, снова взобрался в седло и уже оттуда обозревал поле битвы. Все покрыто телами павших, трупами коней, блестят обломки мечей, топоров, копий, дротиков, в лужах крови отрубленные руки, головы, ноги, белые плащи полка Белозерца втоптаны в кровавую грязь и стали пурпурными.

Рядовые воины с лекарями бродят по местам ожесточенных схваток, помогают, выносят раненых. Кроме своих раненых, оказалось немало и куявских. Простых ратников дорезали на месте, чтобы не нарушали торжественную тишину воплями и стонами, а героев принесли и положили на краю ратного поля. Среди них были известные артанам люди, даже полководцы, но Тулея, как ни искали, не оказалось.

Неожиданно прискакал на взмыленном коне Вяземайт. Придон насторожился, но Вяземайт прокричал громко:

— Аснерд жив!.. Его просто сильно помяли. Какая-то сволочь снизу вспорола живот его коню!.. А потом почти раскололи его гранитную голову...

Воины радостно закричали, Придон раскинул руки, Вяземайт наклонился к нему, они обнялись. Придон ощутил, как от избытка чувств в глазах защипало, а взор затуманился.

— Слава богам, — шепнул он. — Я пробыл без него всего час, а мне так одиноко и холодно!.. Где он?

— Отнесли к его шатру, — ответил Вяземайт. Он ликующе улыбался. — Но это еще не все хорошие новости...

Придон спросил с радостной надеждой:

— А что еще?

Вяземайт указал на крепость:

— Взгляни.

Над дворцом развевался желто-голубой прапор с огненным конем.

— Как это... — воскликнул Придон. Он не верил глазам, ибо собирался долго осаждать, штурмовать, долго бросать огонь из баллист. — Как удалось?

— Погляди, — ответил Вяземайт с недоброй ухмылкой, — кто сюда скачет...

Наместник допустил ошибку, послав на помощь Тулею весь городской гарнизон, а второй серьезный промах был, когда велел открыть перед отступающими городские врата. Вместе с остатками гарнизона ворвались и артане, завязалась жестокая битва, ворота все-таки сумели закрыть, ворвавшиеся артане полегли, но погибли и все те, кого они преследовали, а самих артан сумели добить стрелами со стены и с башни.

Но Вяземайт, холодно рассчитывая битву, все время помнил о конечной цели: взятии крепости. Когда Мирошник вывел на помощь Тулею весь гарнизон, Вяземайт торопливо сказал Канивцу:

— Пора! Твой час пришел!

Тысяча кавинчан уже стояла в лесу с противоположной стороны крепости. Когда прибыл Канивец с приказом, все помчались к стенам, у каждого пятого в руках лестница. Их даже не заметили, ибо все, кто мог держать в руках оружие, вышли из ворот в помощь сражавшемуся Тулею. Артане быстро приставили лестницы к стенам, глазомер не подвел, хватило даже с запасом, быстро начали взбираться, Канивец придержал у ближайшей башни, пока не взобралась половина, затем с воинским кличем побежали по стене, сметая с пути усталых защитников.

Участь крепости была решена. Мирошник, сам раненный трижды, едва держался на ногах, он первый заслышал артан-

ский клич на стенах его крепости, застонал в страхе и яростном бессилии, закричал изо всех сил:

— Прекратить, прекратить бой!.. мы сдаем крепость!

Люди Канивца зарубили последних защитников ворот, сбили запоры и распахнули ворота. Мирошник сорвал с головы шлем, ветер тут же вздыбил длинные седые волосы, а наместник повесил на острие меча, вскочил на коня и, выскочив из ворот навстречу артанам, поскакал к шатру, где реял стяг Придона.

Придон беседовал с плотным немолодым человеком среднего роста в белой одежде. Длинные седые волосы и бритый подбородок говорили о его высоком ранге волхва, Придон разговаривал с ним почтительно.

Мирошник закричал еще издали:

— Мы сдаемся! Сдаемся!

— Поздно, — ответил Придон с жестокой ухмылкой.

Вяземайт после быстрого подсчета сообщил, что на поле брани вышло около трехсот беров, больше двух тысяч беричей и не меньше чем двадцать тысяч отборного куявского войска. Это было все лучшее, чем располагала Куявия. Это было все, чем располагала Куявия. Кроме того, полегло не меньше чем тридцать тысяч наемников из других стран.

— И хотя труп Тулея все еще не найден, — сказал он, — что странно, однако теперь можно сказать, что Куявии больше не существует!

Щецин сказал с веселой насмешкой:

— Разве превращена в пустыню?

— В Куявии не осталось воинов, — объяснил Вяземайт. — Даже этот последний из городов, Черный Утес, можно сказать, уже без охраны.

Щецин кивнул:

— Он в полном составе вышел с этим войском. Я узнал их стяги.

— Но как мог исчезнуть Тулей?

— У них было много колдунов, — сообщил Щецин. — Мы их посекли всех, но они многих героев сожгли, лишили сил... Могли его под чужой личиной вывести из боя.

Аснерд поморщился, крякнул:

— Непохоже на Тулея. Он был смелым воином. А здесь же осталась его дочь... Почему не стал драться до последнего?

Придон выкрикнул в злом нетерпении:

— Вяземайт!.. Собери сотню крепких ребят, что еще могут держаться в седлах. Я еду в Черный Утес.

— Сейчас? — удивился Вяземайт.

— Почему нет?

— Посмотри на небо.

Огромное красное солнце опускалось к краю земли. Багровое небо стало таким же страшным, как и пропитанная кровью земля, так же темнело, как и кровь, что впитывалась в землю, теряя живой алый цвет

Придон прорычал:

— Я не доживу до утра!.. Едем!

Вяземайт несколько мгновений смотрел неотрывно, брови поползли вверх. Придон отвернулся, оруженосец подвел коня.

— Хорошо, — сказал Вяземайт неохотно. — Но ты себя роняешь, Придон.

— Куда еще? — воскликнул Придон. — Я уже на дне самой глубокой бездны!.. Умоляю тебя, поезжай со мной!

Вяземайт сухо усмехнулся:

— Ты можешь просто приказать.

— Приказать? — переспросил Придон. — Я и так слишком много приказываю! Почему я должен приказывать друзьям?

Он положил ладонь на седло, конь повернул голову и внимательно смотрел на хозяина. Послышался тяжелый вздох, плечи Придона опустились, но в следующее мгновение он вскочил на коня, пальцы его в нетерпении схватили повод.

Люди Канивца, наученные Вяземайтом, сразу выставили охрану у дворца наместника и самых богатых домов, потом же, узнав наверняка, в котором из них Итания, оставили охрану только там. Остальные было разрешено грабить без ограничений. А с жителями — по праву захвативших город, что сопротивлялся до последнего часа.

Придон въехал через центральные врата, распахнутые настежь. Трупы лежат густо, куявы здесь дрались на славу, та-

ких врагов можно уважать, ибо нет чести победить трусов или слабых противников. Трупы и на улицах, кое-где уже вспыхнули пожары, яркое алое пламя рвется из окон и дверей, устремляется к небу, слышен крик сгораемых людей, но это куявы, их не жалко, зато освещена дорога, ради этого стоит поджечь все дома по одной стороне улицы...

Рядом ехали Огнивец и Шестак, донельзя гордые, счастливые, зыркали во все стороны, мечтая, чтобы кто-нибудь бросился на них, на их господина, а они бы тогда врага иссекли на мелкие кусочки...

Канивец выехал навстречу, вскинул руку в салюте, прокричал весело:

— Наша бесценная жемчужина в этом доме!

Придон ревниво поморщился, Итания — только его жемчужина, хотя восторг Канивца понятен: как и все войско, считает, что Итания — достояние всей Артании. Даже больше Артании, чем Куявии, ибо их тцар получил ее, как и уговаривались, но подлые куявы обманули, и теперь артане лишь возвращают себе принадлежащее им по праву.

Он соскочил на землю, кто-то подхватил повод, а Придон толчком распахнул дверь и побежал по ступенькам вверх.

В прихожей кто-то выглянул из-за угла, охнул и скрылся. Огнивец едва не бросился следом, но Придон несся вперед, и оба телохранителя помчались сзади.

Два зала пустые, но перед дверью в третий стояла трепещущая девушка. Она загораживала собой дверь, даже руки разбросала в стороны, дрожащая, перепуганная, все-таки старалась защитить свою госпожу.

— Привет, Гелия, — сказал Придон. — Ты меня узнаешь?

Гелия охнула, колени ее подогнулись. Огнивец мигом оказался рядом, подхватил, а Придон отворил дверь и шагнул через порог.

Итания стояла к нему спиной у окна. В доме напротив начинался пожар, багровые отблески плясали на ее лице и плечах.

— Я здесь, — сказал он. — И если бы тебя спрятали за горами, я разнес бы те горы в пыль! Спрятали бы на дне мо-

рей — вычерпал бы досуха. Никакие стены не укроют тебя от меня, Итания... Это рок, это судьба, мы обречены...

Она медленно обернулась. Придон задохнулся от нестерпимого счастья быть рядом, смотреть в ее ясные строгие глаза, от возможности упасть на колени и обнять ее ноги, принести ей присягу верности. Взгляд ее был холоден, острая льдина вошла в него, распорола до темени и растаяла, оставив острую тоску, ведь ее совершенство недостижимо, она среди чистых звезд, а он пропах потом и железом!

Она произнесла ясным голосом, в котором была чистота горных ручьев и крепость закаленной стали:

— Ты — убийца и разоритель, на твоих руках кровь. Ты думаешь, победил?.. Нет, ты только их убил. Кого-то заковал в цепи, но это не победа. Клянусь всеми богами Куявии, ты горько пожалеешь, что начал эту войну. А я, пока жива, никогда не отдамся тебе по своей воле.

Сердце стучало часто и сильно. Кровь бросилась в голову, а в грудь как будто натолкали горящих угольев. Он шагнул к ней быстро, резко, Итания от неожиданности отступила. Под ноги попался скомканный ковер, она споткнулась и упала.

Перед его глазами стояла красная пелена, он едва рассмотрел ее фигурку на полу. В черепе грохотало, будто исполинская камнедробилка ломала скалы, превращая в песок. Распаленный гневом, грубо ухватил ее за руку, ее пальцы едва не сожгли ему ладонь, как со стороны услышал свой прерывающий от ярости голос:

— Убийца я или нет, но я взял тебя!

— Нет, — прошептала она, устрашенная.

— А что я держу?

— Всего лишь мое тело, — ответила она тем же шепотом. — А это еще не вся я...

— У женщины ничего другого нет, — ответил он люто. Хотел грубо захохотать, как надлежит артанину, но горло сжало, как будто кто-то сцепил на нем пальцы. — Я поклялся взять тебя... и взял!

Она промолчала, и это ударило по нему сильнее, чем самые злые слова.

Часть III

ГЛАВА 1

Даже из Славии и Артании устрашенно смотрели на огненный столб, что острой иглой поднимался из-за горизонта и вонзался в небо. Там, где вонзался в небосвод, расплывалось плоское жаркое облако, ширилось, растекалось огненной кровью.

Горел город, посмевший противиться, когда вся Куявия уже лежала под копытами артанских коней. Придон велел сжечь дотла, пусть расчетливые куявы сравнивают его судьбу с теми, кто сразу распахнул ворота и принес присягу покорности.

На этот раз артане успели унести только золото и драгоценности, все остальное пылало жарко, из окон и дверей вырывались длинные жаркие щупальца огня, с ревом сплетались, возносили вверх шипящие искры.

Придон промчался по стану, раздавал необходимые распоряжения, везде радостное оживление, война окончена, поход окончен, артане наконец-то пресытились войной и пролитой кровью.

Желудок сжался в кулак и тыкался в стенки, как голодный щенок, что ищет вымя. Но последнему щенку достается крайняя сиська возле задницы. Придон примчался к своему шатру, торопливо спрыгнул, ноздри уловили запах жареного мяса. Когда сыт, запахи исчезают, а сейчас он еще за три сотни шагов от шатра мог сказать, что Аснерд и Вяземайт сейчас жрут печеного гуся, щедро поливают клюквенным соком, мясо покрылось коричневой корочкой, хрустящей, похожей на тон-

кую льдинку, только горячей, истекающей сладким пахнущим соком...

Он с разбегу откинул полог, Аснерд как раз, засучив рукава, разламывал огромного гуся. Изнутри вырвалось облако пахнущего ароматного пара. Придон услышал тончайший и нежнейший хруст поджаренной корочки, а затем смачный треск молодых костей, полных изумительного костного мозга. Вяземайт стучал крупной костью о стол, совал в дыру палец, шумно присасывался, как пиявка.

— Изверги, — прорычал Придон. Он рухнул на лавку, руки сами цапнули кусок покрупнее, пальцы обожгло горячим нежным мясом. В лицо пахнуло жарким воздухом, зубы жадно впились в сочную плоть. — Что... вы... с лагерем... делаете...

Аснерд буркнул:

— Что делаем, что делаем... Они уже нажрались. Слышь, песни поют?

— Да, — подтвердил Вяземайт с набитым ртом, — а вот мы еще не скоро... запоем.

Придон жадно хватал сочное мясо, аромат забивал ноздри, по знаку Аснерда внесли еще жаркое коричневое чудо, одуряющий запах ударил Придону в спину. Он повернулся и перехватил с подноса целиком тяжелую горячую тушу, что сразу захрустела под его сильными пальцами. Брызнул обжигающий сок, по запястьям побежали пахучие струйки. Он начал подхватывать их языком, а они все бежали и бежали, в шатре грохотал могучий смех Аснерда, слышалась неторопливая речь Вяземайта, Придон ел, слушал, ел, и наконец одуряющие запахи чуть померкли, в желудке появилась приятная тяжесть.

— Распусти пояс, — посоветовал Аснерд. — Я всегда так делаю.

— А я нет, — сказал Вяземайт. — Если распустить пояс, то и пузо распустишь. А потом и весь распустишься.

— Это у меня пузо? — спросил Аснерд грозно.

— У тебя, — ответил Вяземайт. — У тебя.

— Где у меня пузо? Ну посмотри!

— Втягиваешь, — обвинил Вяземайт. — Ты все еще мальчишка, Аснерд. Даже пузо втягиваешь, стыд какой!

Аснерд сказал сварливо:

— А что, распустить пузо лучше?

— Что с Итанией? — спросил Вяземайт.

Аснерд задержал у рта истекающую соком лапу с клочьями белого мяса, зыркнул на Вяземайта предостерегающе. Вяземайт сделал вид, что ничего не заметил, с интересом смотрел на Придона. Придон помрачнел, над переносицей проступила глубокая складка, а руки, разрывающие гуся, стали двигаться, будто к ним привязали по наковальне.

— Велел собрать повозки, — ответил он хриплым голосом, — там некоторые уцелели. Вернее, их вывезли сразу... Отправим обратно в Куябу вместе с остальными... сокровищами. Под надежной охраной.

— Свадьба все же состоится? — поинтересовался Аснерд.

Придон раздраженно двинул плечом. Странный вопрос от старого надежного соратника. Ради этого дня и начинался великий поход. Ради дня, когда он ворвется и возьмет Итанию. Именно Итанию! А уж с Куябой вместе или без — неважно.

— Тайный ход во дворце нашли, — сообщил он, — и заделали. Колдунов всех на горло. Других ходов нет, а на окнах я велел поставить надежные решетки.

Аснерд кивнул, он уже истреблял мясо, взрыкивал от удовольствия, а когда Придон снова принялся за еду, сказал с набитым ртом:

— Да-а, все правильно. С женщинами только так. За решетки! Ишь, вздумали отвергать нас, когда мы этого не изволим...

Придон стиснул челюсти. Воевода явно насмехается, ему никогда не приходилось добиваться женщин, сами до сих пор вешаются на шею.

Вяземайт медленно цедил сквозь зубы прохладный сок из ягод. Придон перехватил его сочувствующий взгляд.

Гелия то и дело отодвигала занавеску на окне, словно старалась запомнить дорогу, по которой их везут. Сюда пробирались почти одними ночами, Рипей не хотел рисковать, и, хо-

тя с ними тогда было двенадцать воинов, днем все равно загоняли повозку в ближайшие рощи и даже закрывали ветками. Сейчас же пять сотен сильнейших артанских воинов двигаются впереди, еще по пять сотен с каждой стороны, а остальное десятитысячное войско если и приотстало, то самую малость. По слухам, верховный полководец Аснерд поведет его в горы, где не то чтобы остались какие-то города или гарнизоны, но питомник драконов. И хотя драконы не сыграли почти никакой роли в войне, но артане драконов ненавидят, истребляют, где только удается.

Итания слушала ее почти беззаботный щебет, Гелия быстро оправилась от страха, ей льстило, что сам неустрашимый и грозный Придон страдает, вымаливая благосклонный взгляд ее госпожи.

— А какие герои, — сказала она торопливым шепотом. — Клянусь, он отправил сопровождать нас самых красивых!.. Как сидят в седлах, как сидят!.. Нет, у нас даже дворцовая стража так не умеет. Они как будто... это, сами кони. Ну, сверху люди, а дальше уже кони.

Итания сидела напротив, повозка наместника по пышности и удобствам не уступает тцарской, сиденье мягкое, просторное, а подушечек столько, что можно спать всю дорогу, не замечая выбоин.

— Это артане, — напомнила она горько. — Враги. А те, кто остался там, на поле брани, — куявы. Они полегли, защищая нас.

Служанка пробормотала:

— То-то и дивно, что вдруг решились... Ведь старейшины должны были... должны! Я так и не поняла.

— Но ты же ходила потом на площадь, слушала?

— Да, — ответила Гелия возбужденно, глаза ее заблестели, — что там только не толковали! Я не все поняла, что они там говорили, ибо... вы правы, Ваше Высочество, там ни слова о чести, о верности слову, о необходимости защищать беглецов. Они преспокойно выдали бы нас...

Итания спросила вяло, как о давно пережитом:

— Так что же их удержало?

— Они говорили о ценностях, торгаши проклятые!.. О том, что вы, Ваше Величество, — великая ценность.

Итания сказала горько:

— Я? Куявия в руинах, я — беглянка. Все сокровища захвачены и разграблены. А то, что я дочь тцара, — ничего не значит даже для куявов. Трон займет тот, кто... сможет! Как его захватил в свое время мой отец. Так я ничего не стою...

Служанка снова бросила быстрый взгляд в окно, кому-то улыбнулась, ее вырез на платье сам собой стал глубже, а грудь выпятилась.

— А вот, — сказала она живо, — старейшины так не думали! Иначе бы не приняли такое... Они посмотрели на вас и сказали, что да, за вас воевать стоит. Это уже потом на площади всяк толковал так и эдак. Объясняли. Говорили, что вы — сама по себе великая ценность. Что войны за золото, сокровища, земли — всего лишь для того, чтобы бросить к ногам женщин. Что даже самые дорогие драгоценные камни — просто камни, а золото — мягкий и ни к чему не пригодный никчемный металл. Драгоценными камнями они, мужчины, называют лишь те, от которых в глазах женщины появляется ответный блеск... Что они могут быть драгоценными или не быть, это все от того, как мы их назовем... а называем одни драгоценными, а другие булыжниками лишь потому, радуются им женщины или нет. А вот сами женщины — ценность постоянная. За красивых женщин дерутся, за прекрасных — воюют. За прекраснейших — разрушают государства, во имя их возводят в пустынях новые города...

Она запнулась. Итания спросила жадно:

— Что?.. Что они говорили еще?

— Да так... глупости всякие.

— Что?

— Да глупости, я ж говорю. Мне показалось, что они просто оправдываются. Да и вообще нехорошо говорили! О вас, Ваше Высочество, говорили так, будто корову оценивали... Мол, за хорошего коня дают одну серебряную монету, а за племенного — сундук золота и в придачу табун хороших коней! Так, мол, и вы... Даже если вас не удастся оставить здесь и пустить на размножение... чтоб и в их племени были красивые люди, то уже вы своей красотой облагородите их мир. Беременным женщинам надо смотреть на все красивое, так вот

пусть почаще смотрят на вас, чтобы дети родились красивыми. Мужчины пусть смотрят, чтобы их сердца зажигались отвагой, а души очищались... Старики — чтобы видели, какой мир их ждет там, если прожили красиво и достойно здесь, мужчины пусть знают, что погибших с оружием в руках, защищая родной край, встречают такие вот женщины... Словом, черноутесцы тоже хотели бы сохранить вас в своем городе, как самую красивую вещь на всем свете! Потому и артане за вас бьются так яростно...

Она говорила и говорила, голос журчал, но Итания уже не слушала. Ее пальцы, словно сами по себе, слегка отодвинули занавеску. В узкую щелочку блеснул солнечный свет, стук копыт стал намного громче, ощутимее. В сотне шагов от повозки, чтобы ее не достигала пыль, легко и красиво мчатся на красивых быстрых конях артане. Их кони и сами всадники кажутся призрачными, чересчур легки и свободны движения, куявские рядом с ними показались бы скачущими коровами.

— Он с той стороны, — подсказала служанка.

Итания отодвинула занавеску с другого окна, лишь потом сообразила, что служанка чувствует каждое движение ее сердца, застеснялась, но продолжала молча наблюдать за всадниками. Впереди, чуть обогнав остальных, несется на белом как снег коне рослый всадник, по обычаю артан обнаженный до пояса, только золотой обруч на лбу и такие же золотые браслеты на запястьях и предплечьях выдают его высокий ранг.

Он неотрывно смотрел вперед, однако Итания чувствовала, что, если она отодвинет занавеску чуть шире, он тут же повернет голову, а встречаться взглядами ей совсем не хотелось. Получится, что она как будто подсматривает, а это унизительно для тцарской дочери. Тем более что она в самом деле подсматривает, фу, как стыдно...

Но все-таки подсматривала, замечала и его гордую посадку, и властное достоинство, которого полгода назад не было и в помине.

Однажды он все-таки подъехал, сам, никто не звал, да и занавески опущены, Итания услышала его негромкий, но проникающий сквозь все стенки суровый и страстный голос:

— Итания... ты можешь слушать меня или не слушать, но ты услышишь, это выше нас. Это — судьба! Наш рок. Боги не отпустят нас. Так было предопределено еще в момент, когда боги создавали мир. Нам от этого не уйти...

Она ответила холодновато:

— Возможно. Но я попытаюсь.

Сквозь тонкую занавеску она видела только его силуэт, Придон там покачал головой, ей показалось, что он улыбается и что улыбка горькая, страдальческая.

— Не уйти. Нам не уйти, Итания.

Поверх занавески она опустила еще и шторы, совсем отгородившись от мира. Гелия сидела напротив, пятки поставила на сиденье, руки обхватили колени, а сама она смотрела с восторгом и ужасом.

— Как вы с ним говорите, госпожа!.. Я бы умерла со страху, если бы он так на меня своими черными глазищами!

Итания устало усмехнулась:

— Ты же сказала, что артан уже не боишься.

— Артан не боюсь, — призналась Гелия, — но это же не просто мужчина...

— А кто же?

— Не знаю, — ответила она чистосердечно. — Но когда он смотрит, у меня мурашки по коже.

У меня тоже, подумала Итания невесело. У меня, стыдно признаться, тоже мурашки по всему телу. И даже в сердце мурашки. Оно сладко щемит, когда он смотрит, этот разоритель ее страны, этот враг, этот несчастный, что в своем безумии уже не понимает, что творит, и не может остановиться.

Ближе к вечеру, когда он вроде бы невзначай проехал совсем рядом с повозкой, она слегка отодвинула занавеску. Придон ехал, как все артане, выпрямившись, слегка откинувшись назад, так лучше смотрится его широкая и выпуклая грудь, но у него это получалось непринужденно, легко, без нарочитости.

— Сколько нам еще ехать?

Он поклонился с достоинством, но в черных глазах она рассмотрела вину и глубоко запрятанную боль.

— Дня три, — ответил он. — Не больше.

— Впереди прошли дожди, — напомнила она. — Повозка завязнет, это уже не три дня, а шесть или семь...

— Три, — ответил он. Улыбнулся. — Если завязнет, на руках понесем! С той же скоростью. Я имею в виду, понесем прямо в повозке.

Гелия шептала за спиной, боясь высунуться, Итания прислушалась, сказала решительно:

— Тогда нужно остановиться где-нибудь возле озера!

— Зачем?

— Мы уже неделю в дороге, — объяснила она терпеливо. — Мне нужно вымыться. От меня пахнет потом, как от... артанина!

Он нахмурился:

— От артан хорошо пахнет. Твоя кожа пахнет лучшими цветами мира. Видишь, за повозкой спешат, выбиваясь из сил и падая на дорогу, тысячи мотыльков? Они летят на твой запах. Я не хочу пускать тебя в воду. Вдруг превратишься в серебристую рыбку и снова ускользнешь?

Она покачала головой:

— Я могу дать слово, что не ускользну... пока буду купаться.

Он горько усмехнулся:

— Слово куявки... К тому же слово, данное врагу под принуждением, многие считают недействительным.

— Я не считаю, — крикнула она. — Я так не считаю!

Его конь прижал уши, покосился на нее с удивлением. Придон торопливо кивнул. В его черных глазах боролись страх и нежелание ее рассердить.

— Хорошо, я велю сделать привал у ближайшего озера. Там и заночуем.

Западная часть неба уже покрылась кровавой коростой. Огромный багровый шар медленно сдвигался к темному краю земли, а впереди наконец блеснула гладь озера. Едва телега остановилась, Итания выскочила, опасаясь, что скоро наступит ночная тьма и ей не разрешат в воду.

Придон послал конных всадников вокруг всего озера, заодно и уток набьют, а Итания сердито остановилась у самой

кромки воды. Ее лиловые глаза смотрели на Придона исподлобья, а голос прозвучал язвительно:

— В самом деле будешь наблюдать?

Он сказал хмуро:

— Ты уже почти жена мне.

— Почти не считается, — ответила она дерзко. — Боги могут передумать и в последнюю минуту.

— Не передумают, — пообещал он.

— Почему?

Он усмехнулся:

— Со мной меч Хорса. А он сражает и богов!

— Ого, — сказала она так же язвительно, но по телу пробежал трепет. Придон не шутит, по всем легендам, этот меч способен убить бога так же легко, как и простого зверя или человека. — Ты, конечно, силен... но почему тогда так опасаешься?

— Я не опасаюсь, — возразил он. — Я боюсь. Я страшусь, я ужасаюсь, я весь трепещу от одной только мысли, что ты снова... Я не понимаю, как мог прожить эти полгода без тебя? Потому я готов выглядеть дураком, идиотом, трусом... да кем угодно, но только бы не потерять тебя.

Она указала на другую сторону кустов.

— Отойди вон туда. Ты будешь видеть мою голову. Будешь слышать плеск воды. Я никуда не денусь, неужели не понимаешь? Но я должна помыться. Мне все время кажется, что на мне все еще кровь тех благородных людей, что дали мне убежище... и не выдали нас тебе.

Служанка вздрагивала, пригибала голову, страшась его гнева. Придон молча отступил на другую сторону зеленого кустарника.

Вода была прогретая, словно ею наполнили небольшой уютный бассейн, что располагался в ее покоях рядом со спальней. Служанка приняла одежды, Итания вошла чуть глубже, вода, как теплое парное молоко, ласково и бережно принимала ее тело. Красные лучи пронизывают толщу воды наискось, делают ее мрачной и таинственной, но все равно виден чистый крупный песок на дне, зарывшиеся в него го-

ловами мелкие рыбешки, искренне уверенные, что теперь их не видно.

Вода показалась прохладной, когда окунулась с головой, но это ощущение сразу же прошло, она начала торопливо тереть себя платком, подошла служанка, Итания подставила ей спину, выгнув горбиком.

По ту сторону кустов затрещали ветки, послышался встревоженный голос:

— Итания! Ты где?

— Да здесь я, здесь! — ответила она с отчаянием. — Моюсь!

— Почему тебя не видно?

— А что бы ты хотел увидеть? — спросила она с вызовом.

Голос его стал тише, с нотками смущения:

— Итания, я очень боюсь тебя потерять... Пусть я лучше буду казаться глупым трусом, но зато...

Она фыркнула, выпрямилась, услышала его вздох облегчения, он наконец-то увидел ее золотые волосы над зеленью листьев. Служанка начала плескать водой сильнее, пусть слышит, что они здесь, торопливо терла Итанию мокрым платком, соскребала пот и грязь, обливала водой.

Когда выбрались на берег, солнце уже опустилось за темный край, раскаленные облака медленно теряли пурпур, становились темно-багровыми на быстро темнеющем небе.

По ту сторону кустов послышались торопливые шаги. Придон появился весь медный, озаренный светом гаснущих облаков. Брови сдвинуты, лицо оставалось встревоженным. При виде Итании в глазах мелькнули огоньки, такие же красные, как закатное небо.

— Ты неосторожна, — упрекнул он.

— А что могло случиться?

— Как что! — воскликнул он с жаром. — Тебя могла укусить рыба!.. И я не смог бы тебя защитить! Твою нежную кожу могла ущипнуть эта грубая вода, твое лицо целовал этот грубый простой воздух, без нежных благовоний и дорогих масел... Итания, что ты со мной делаешь? Я едва не умер от тревоги!

Она спросила ядовито:

— За меня или за себя, что потеряешь добычу?

— Итания, неужели ты никогда не сжалишься?

Он стоял перед ней, загораживая дорогу к кострам. Она повернулась и пошла к повозке. За спиной был возглас, ей показалось, что Придон застонал, как от сильнейшей боли. Послышались тяжелые шаги. Она почти побежала, дверца открыта, вскочила в повозку, но, когда дернула дверцу, та не поддалась.

Придон стоял снаружи и придерживал дверцу. Он смотрел снизу вверх, глаза горели ярче, чем рубин в его обруче. В черных волосах проскакивали синеватые искорки, брови сдвинуты, а губы сжаты, застыли, словно каменные. За его спиной возникла служанка, беспомощно взглянула на Итанию, сдвинулась в сторону.

— Итания, — сказал он. — У меня нет других слов, которыми можно говорить с богами!.. Итания — этим заклинанием я могу склонить всех богов... почему тебя не могу?

— Придон, — сказала она. — Придон... ты не заметил, что ты уже не тот герой, что искал меч?

Их взгляды сомкнулись, она всем своим видом старалась показать, что он действительно не тот, что он хуже, гаже, подлее и ненавистнее ей, и еще гнала даже мысль, что Придон хоть и не тот герой, но все еще она не может его возненавидеть. Он возмужал за полгода, на лице теперь суровые складки, подбородок тверже, выдвигается надменно и с вызовом, в глазах часто вспыхивает беспричинная ярость, возжигаемая неведомыми ей мыслями. И все же он чересчур резок, раньше в нем этого было меньше, а жестокости не было вовсе. В то же время он огрубел лишь снаружи, она чувствует, что внутри этой медной статуи находится прежний Придон, нежный и чувствительный, страстный и пылкий... И возненавидеть его пока не может.

— Но я тот, — ответил он, — который свою душу бросил тебе под ноги... И который от тебя никогда-никогда не отступится!

ГЛАВА 2

Впереди показался мост, каменный, широкий, выгнутый крутым горбом, как коромысло, из серых камней, настолько серый и погрызенный временем, что вроде даже и не мост, а окаменевшая спина дракона, что застыл вот так на века, врос лапами и мордой в землю, ветры нанесли песка и земли, спрятав и хвост, грозы обломали гребень... хотя нет, весь не обломали, обгрызенные зубцы торчат по самому верху...

Придон, насторожившись, пустил коня поближе к повозке, первым проехал по самому мосту, заглянул и под мост, воды давно нет, даже высохшее русло заросло травой, хотя и угадывается место, где тысячи лет тому текла вода.

Занавеска дважды колыхнулась, у него сердце дрогнуло, но оба раза выглядывала служанка. Наконец, осмелившись, она тихонько поманила его пальцем. Придон со стесненным сердцем подъехал, служанка спросила пугливо, сама страшась своей дерзости:

— Господин, моя госпожа заснула... не могли бы вы посторожить ее сон, пока я... отлучусь на минутку?

Придон опешил, служанка смотрела на него широко расставленными глазами, артанки при всей своей свободе так откровенно не смотрят, наконец он замедленно кивнул, голос сразу стал хриплым и шершавым, когда он сказал:

— Да... да, отлучись!.. Эй, Коломан!.. Останови.

Служанка выскользнула, сказала торопливо:

— Вы не останавливайтесь, не останавливайтесь!.. А то госпожа рассердится, что задерживаемся. За меня не беспокойтесь, меня вон тот довезет!

Придон оглянулся, на служанку смотрел с плотоядной усмёшкой Огнивец.

— А, — сказал Придон, — хорошо...

Он чувствовал себя немного обалделым, прямо с коня ступил в раскрытую дверь. Итания сидела с закрытыми глазами, золотые волосы распущены, щедрым ливнем ниспадают на плечи и грудь, тонкий нос заострился, длинные изогнутые ресницы бросили густую тень на чистые, нежные щеки. Упрямо сжатые губы сейчас растеряли каменность, слегка раз-

двинулись, распухли, вздулись, тугие и красные, как спелые черешни.

Он поймал себя на том, что неотрывно смотрит на эти губы. Сочные девственные губы, нецелованные, но созревшие для поцелуев, а сейчас, когда она заснула и не держит себя, такую хрупкую, в железной перчатке, это заметно, заметно.

Итания ощутила его приближение в тот момент, когда губы артанина почти касались ее губ. Она напряглась, пытаясь вскочить, но было поздно, его огромное лицо нависало, как скала, могучая рука обняла ее хрупкие плечи.

— Не смей...

Горячий рот накрыл ее губы. Она вздрогнула и застыла. Он целовал ее долго и мучительно нежно, непривычно нежно, от него струился жар и перетекал в ее губы, а дальше растекался по всему телу. Она старалась держать свое тело застывшим, подобно камню. Сперва так и было, но предательские волны прокатывались по телу, смешивали мысли, вздымали странные чувства. Она ощутила, что ее губы дрогнули, и... она не знала еще, как целоваться, но сейчас ей показалось, к своему ужасу, что она ответила ему на поцелуй, ответила неумело, коряво, но — ответила!

Поцелуй длился долго, она даже не помнила, когда и как уперлась руками в твердую стену груди, губы разомкнулись, она прошептала:

— Где... Гелия?

— Здесь есть я, — ответил он жарким шепотом, снова потянулся к ее губам.

Итания с силой уперлась обеими руками:

— Где она?

Он сказал, медленно трезвея:

— Думаешь, я уже убил ее? Итания...

— Где она?

— Едет на седле у Огнивца.

— Почему?

— Итания, здесь мы. Ты не видишь?

Ее лицо горело, она дышала часто, грудь вздымалась, в повозке было горячо, жарко, душно, Придон чувствовал, как на

нем накалился металлический пояс, а обруч на лбу сейчас начнет сыпать искрами.

— Нет, — выкрикнула она свистящим шепотом. — Нет, Придон!.. Это сумасшествие. Мы не должны так...

— Я обезумел давно, — ответил он хрипло. — У меня нет ничего, кроме моего безумия... Надо мной смеются, хотя за мной все еще идут. И мне уже поздно становиться просто... простым. Да и не хочу. Я безумно, безумно люблю тебя, Итания. Во мне все сгорело, один пепел, только сердце все еще стучит твоим именем. Я не могу без тебя!

Он снова накрыл ее нежные губы горящим ртом. Она уперлась в его грудь кулаками, но не оттолкнула. Губы артанина, твердые, горячие, коснулись ее стиснутых губ удивительно легко. Она уперлась обеими руками в нависшую над нею гранитную скалу изо всех сил, он держал ее застывшее тело крепко, только сердце колотилось в ее груди отчаянно часто, она поймала себя на том, что безуспешно старается отвернуться, вырваться и в то же время ощутить поцелуй.

А он сам не понимал себя, был уверен, что набросится сразу же, едва увидит, но вот даже сейчас его ладонь на ее затылке становится для нее лишь тяжелее, ее лицо с испуганными глазами приближается, ее губы покраснели, увеличились, ее прерывистое дыхание становится еще чаще, уже слышно, как отчаянно стучит ее сердечко.

Ее взгляд ушел в сторону, кровь гремела в его висках, но он накрыл ее рот бережно, нежно, чувствуя и наслаждаясь формой ее губ, их полнотой, жаром, невыразимой сладостью. Их тела соприкоснулись, он слышал, как трепещет ее сердце, ощутил ее страх и смятение.

Потом он заставил себя оторваться от сладких губ, медленно распахнул ее платье, пальцы вздрагивали от прикосновения даже к ее одежде, а когда открылась белоснежная грудь, он замер, видя изумительные опрокинутые чаши, пышные, с розовыми сосками, с дивными, как пенка на молоке, морщинками. Перед глазами качнулся и сдвинулся в сторону весь мир, даже в самых жарких мечтах не представлял, что ее кожа так бела и нежна, так будет поблескивать в этом полумраке качающейся повозки, от нее такой аромат, что он за-

стонал беззвучно, боги, только не дайте мне умереть сейчас, потом — да, но сейчас все, что угодно, за час моей жизни, я не могу не целовать эти груди, эту кожу...

Итания, потрясенная и едва не теряя сознание от удара неожиданных чувств, смотрела на него оцепенев, в глазах ее отражалось смятение, а он целовал ее грудь, трогал кожу твердыми губами, что уже совсем не твердые, а удивительно нежные, от прикосновения которых все тело пронизывает неведомыми искрами, длинная молния пробегает по коже до самых кончиков пальцев, в глубинах нарастает горячее тепло...

Она чувствовала, как ее мягкая и нежная грудь уперлась в его, похожую на гранитную плиту, только его грудь наверняка жестче, вдруг ощутила, что кончики ее грудей стянулись в тугие комочки, приподнялись острыми кончиками и погрузились в эту каменную плиту его грудных мышц.

Колеса равномерно постукивали, их раскачивало, в окошко время от времени врывался порыв свежего воздуха, охлаждал расгоряченную кожу, и тут же она накалялась от внутреннего жара снова. Итания не чувствовала, что делают его руки, она наконец обхватила его за шею, руки проделали это сами, а ее пальцы ухватили его за волосы, она в странном сладком безумии, не понимая, что делает, но все замечая как будто со стороны, с силой прижала его голову к своей груди.

Треснула материя, Итания поняла, что это шелк ее платья, жар в теле стал невыносимым, она стискивала зубы, чтобы не вырвался странный стон, в котором не будет муки, а если и мука, то совсем не та, от которой страдают, в повозке слышалось их хриплое дыхание, они дышали в унисон, жарко, огненно...

Как в другом мире послышался стук копыт. Неприятный голос прокричал по ту сторону тонкой стенки повозки:

— Придон, нас преследует дракон!

Некоторое время ничего не происходило, только руки на ее теле дрогнули и остановились. Она все еще не выпускала его голову. Пальцы с наслаждением погрузились в густые черные волосы, однако голос повторил нетерпеливо:

— Дракон... Уже два дракона!.. На втором — двое... или трое! Что будем делать?

Придон застонал, она чувствовала, что для него оторваться от ее тела тяжелее, чем разломить горный хребет, но скрипнула дверь, холодный, как зимний, воздух ворвался и ожег ее пылающую кожу, тяжесть на ее теле исчезла, хлопнула дверка.

Итания не шевелилась, трепещущая, не понимающая, что произошло с ее телом, почему в нем такой неожиданный жар, почему такие тяжелые волны крови бьют в голову, в сердце, прокатываются по всему телу, словно это морской прибой или даже разбушевавшееся море?

Придон вскочил на коня, Огнивец придержал повод, взгляд его скользнул по груди Придона, брови его взлетели на середину лба. Две кровоточащие ранки на расстоянии растопыренных пальцев одна от другой, кровь стекает алыми струйками, вот уже застыла... словно кто-то сумел всадить две острые стрелы, хотя известно, что проще пробить стрелами гранитную плиту, чем поцарапать Придона.

Один дракон кружил над повозкой, а второй едва-едва показался, заметил его только Франк, он и кричал, в руках у него уже был лук с наложенной на тетиву стрелой.

— Они искали нас! — прокричал Франк. Глянул на Придона, едва не выронил лук от великого изумления, повторил: — Они искали... Этот, первый, сделал круг на высоте, улетел. Я думал, все, а он вызвал второго...

Придон приложил к глазам ладонь козырьком, всматриваясь в режущую глаз синеву. Дракон, что кружил над ними, производил впечатление стрекозы с сильно вытянутой худой головой, даже крылья почти прозрачные, как и сам наполовину прозрачный, бледный, словно больной. На нем виднелся один наездник, на втором драконе, если остроглазый Франк не ошибся, двое или трое, и сам дракон даже издали производит впечатление сильного свирепого зверя...

— Стреляй, — сказал он жестко. — Это уже наша страна, но нам все равно не нужны соглядатаи!

Франк начал медленно поворачиваться, нацелившись в подлетающего дракона. Придон задержал дыхание. Первый дракон выглядит безобидным, это разведчик, и наездник на нем словно ребенок, видимо, тщедушный маг, он удирает во

все лопатки, а второй — явно боевой дракон, между иглами гребня блещут металлом панцири и шлемы воинов, теперь уже видно — троих.

Звонко щелкнула тетива. Франк тут же выхватил вторую стрелу, наложил, в одно мгновение оттянул до уха и отпустил, тут же рука метнулась за голову, в пальцах мелькнуло белое перо.

Дракон даже не пытался уклониться, привык не страшиться стрел, что выпускают руки человека. Придон видел, как брызнули, словно осколки льда, костяные пластинки на выпуклой широкой груди. Вторая стрела то ли прошла мимо, то ли вонзилась незаметно, Придон не увидел, зато третья догнала и вонзилась в заднюю лапу.

С небес раздался оглушающий рев. Стрела пронзила лапу насквозь, торчала, высунув с одной стороны клюв, а с другой стороны — оперенный хвост. Дракон забил крыльями чаще, закачался, его занесло в сторону, выровнялся с трудом и, неровно ударяя крыльями, торопливо пошел над лесом вдаль. Когда скрылся, Придону почудилось, что при таком полете может задеть верхушки деревьев, а Франк прислушался, заорал ликующе:

— Упал!.. Упал!.. Я сбил этого толстого гуся!

Огнивец завертелся в седле, умоляюще взглянул на Придона.

— Надо бы добить, а?.. Это же гад!.. Надо бы добить, вдруг там уцелели?..

Придон сказал раздраженно:

— И драконьей печени отведать?

— А что плохого? — обиделся Огнивец. Он указал на грудь Придона, где коричневыми комочками бурлилась запекшаяся кровь. — А это что за странные такие раны?.. Словно каленым железом...

— Ладно, — ответил Придон, — езжай проверь, что там... упало. И ты, Франк, езжай, это ж твои стрелы! Если кто-то уцелел из людей, хотя это вряд ли, привези живым.

Огнивец свистнул, крикнул своему десятку, те, как будто уже изготовились, с криком и визгом пустили коней вскачь.

...Итания со смятением ждала, когда Придон, справившись с драконами, а он справляется со всем, вернется к ней. Однако Придон, как будто чуял ее ожесточение и готовность дать отпор, не появлялся, даже не подъезжал к повозке.

Не сказать что он был занят, она украдкой следила за ним, приоткрыв занавеску самую малость, едет либо в одиночестве, либо в сопровождении телохранителей, но беседует с ними редко, весь устремлен вперед, солнце играет на литых плечах, блестит в черных волосах, и никогда не блеснет на зубах, ибо за время поездки ни разу не улыбнулся, черные брови сдвинуты, в лице злое, сжигающее внутренности нетерпение.

Гелия ждала наказания, страшилась, но Итания сперва промолчала, потом заговорила с нею, как будто ничего не случилось. Ничего не изменить, а во всем, что случается, виноваты не пленники, а их пленители.

Наконец далеко на горизонте показались высокие белые стены, туда, подбодрившись, понеслись всадники с сообщением, что великий Придон уже близко. Итания с замиранием сердца посматривала на стены, а потом уже и на ворота, распахнутые широко, охраны никакой, артане чувствуют себя полными хозяевами.

Дорога запружена, повозки и телеги тянутся с товарами в обе стороны. Ей показалось на миг, что не было страшной войны, десятков тысяч убитых, сожженных городов, распятых и повешенных, замученных, что ее родной и прекрасный город никто не захватывал...

В самом городе открыты все лавки, из булочных рядов пахнет свежим хлебом, вот пахнуло благовониями — в город все еще везут эти ненужные артанам драгоценности... Впрочем, для них это просто масло для светильников.

Горожане не узнавали повозку, но, когда та остановилась у ворот дворца, Итания вышла, сразу же зеваки закричали: «Итания, Итания», указывали пальцами, и поглазеть на неё сбежалась целая толпа.

Придон тут же оказался рядом, конь яростно храпел и косился на толпу огненным глазом, Придон сказал зло:

— Я бы разогнал их, но ты опять скажешь, что обижаю твоих подданных.

Она сказала с холодком в голосе:

— Когда ты сравнивал с землей целые города, ты их не обижал, верно?

— Была война, — ответил он скупо. — На войне все иначе.

Она отвернулась, пошла к дверям, которые открыли перед ней услужливо и с низкими поклонами. Ненавижу, подумала она. Ненавижу своих куявов, ненавижу, ненавижу!.. Они уже забыли, что их завоевал враг. Снова живут, как жили. Как будто им все равно!

Гелия торопилась следом, забегала то справа, то слева, сообщила шепотом, что великий тцар Придон для их общей спальни определил лучшую из комнат, но Итания сжалась при одной только мысли, что придется спать в зале Малого Совета, куда ее отец допускал самых признанных полководцев, знатных людей, где общался с советниками, принимал доверенных лиц, награждал вельмож, беседовал с послами и принимал их дары...

В ее покоях за это время не только замыли кровь убитых, но и полностью заменили попорченную топорами и мечами мебель, убрали часть ковров, заменили, никого не спрашивая, на те, которые, по их разумению, красивше. Получилось ярко и глупо, но кто из артан это поймет? Она с ужасом и омерзением слышала из своей спальни, как четверо дюжих мужчин пронесли массивную дубовую кровать, с гоготом и шуточками устраивали ее, то придвигая к очагу, то, напротив, поближе к распахнутому окну.

Служанки молча, со слезами на глазах переодели Итанию. Заледеневшая от внутреннего холода и страха, она неуклюже накинула плед на плечи. Гелия яростно ворошила угли в очаге, подбросила несколько березовых поленьев. Итания ощутила слабую благодарность, Гелия понимает, что вот-вот превратится в комок льда. Да и у остальных девушек на глазах слезы, смотрят сочувствующе, а этих артан ненавидят люто, хотя те им лично не сделали ничего особенно плохого, а то, что почти всех изнасиловали, так это участь всех служанок и без всякого нашествия врага...

Но Гелия долго грустить не в состоянии, весело сообщила, что все вещи Итании целы, ничего не сперли, паразиты, за-

хлопотала, начала переставлять, запела что-то веселое, легкомысленное. Ей можно жить бездумно, сегодняшним днем, ибо все равно нити ее дней в руках хозяев, будь то ее руки, Итании, или железные руки артан. Не она решает, где ей завтра спать, где жить и даже что надеть, но вот ее, Итанию, готовили жить иначе...

Она подошла к окну, чтобы служанка не видела ее лица, но не смотрела во двор, а закрыла глаза и прислонилась виском к холодному камню. Легкий ветерок ласково трепал волосы, приносил снизу цокот подкованных коней и сухой стук копыт, грубые мужские голоса. Так она стояла, как ей казалось, бездумно, без чувств, без желаний, отдавшись странному и в чем-то приятному чувству. Когда не она решает, а решают за нее. Потом чувство стыда кольнуло в сердце, она поспешно открыла глаза.

Со стороны ворот донесся звонкий зов трубы. По широкой улице в сторону дворца неслась конная сотня артан. Все обнажены до пояса, но даже отсюда видно, что не простые воины: заходящее солнце отсвечивает на их широко разнесенных в стороны блестящих плечах, превращая в отполированный металл, сверкает на широких пластинах груди, прыгает по конской упряжи.

Передний всадник, настоящий гигант, держал в вытянутой руке древко стяга, на полотнище трепещет изображение огненного коня, в навершие вделан черный камень. От него во все стороны брызжут красные искры, словно всадник несет пылающий факел.

Артане ворвались во двор, быстрые, легкие, в то же время могучие, как туры, и ловкие, как пардусы. Их кони, с гибкими, как у змей, шеями, тонконогие и трепетные, мгновенно заполнили все пространство без всякой толчеи, суматохи, всадники соскакивают легко, Итания ни одного не увидела, чтобы слезал по-куявски, то есть сползая животом и хватаясь за седло, все держатся весело, празднично, хохочут и звонко шлепают один другого по литым плечам.

Победители, подумала она тускло. У них повадки победителей... Правда, такими были еще до вторжения в Куявию. Сильные, смелые, не щадящие жизней. В любой момент го-

товые умереть так же красиво, как и жили. А для них это очень важно, чтобы умереть именно красиво.

Всадники расступились, во двор въехал на огромном белом коне обнаженный до пояса молодой мужчина с черными волосами, которые придерживал на лбу обруч. Итания попыталась смотреть на него как на молодого мужчину с черными волосами, абсолютно незнакомого, может быть, поймет, что же с нею такое, почему не может без него... За ним держались Меривой и Франк, их Итания уже знала, рослые, как молодые дубы, красивые и молодцеватые. Они настороженно посматривали по сторонам, но Придона, похоже, совершенно не волнует его безопасность, к тому же среди своего отряда героев.

Он спрыгнул, оруженосец перехватил повод, Итания невольно отступила, когда Придон внезапно вскинул голову и остро взглянул на окно.

Сердце стучало часто, она уперлась лбом в камень, снова закрыла глаза, попыталась уйти в свой мир, но не получалось: за спиной Гелия, напевая, взбивала подушки, готовила ложе, а со двора доносились ржание, грубые выкрики, щелканье бича.

— Если бы я могла, — прошептала она, слезы брызнули горячими струями, — если бы могла... Но неизвестно, жив ли отец вообще, могучий Дунай убит, Рипей погиб, убиты или разбежались все, чьи лица я привыкла видеть во дворце из года в год... Что мне делать? Что делать?.. Разве что умереть...

Гелия услышала, вскрикнула в испуге:

— Умереть? Да вы что?.. В вашем возрасте?

Итания вновь приблизилась к окну. Желание выброситься стало таким сильным, что она ухватилась за подоконник и начала перегибаться на ту сторону, но взгляд зацепился за искрящиеся, как алмазы, вершины гор на синем небе, зеленые ели, оранжевый солнечный свет на коричневых скалах. Воздух чистый, резкий, пахнет неземными ароматами. Солнце уже медленно опускается к закату, в оранжевых лучах проступает багровость, скоро весь запад неба станет красным, как кровь, поднимется луна, зажгутся звезды, тоже чудо и неземная красота, а потом снова край неба заалеет, зажгутся обла-

ка, поднимется ясное чистое солнышко... и всего этого она больше не увидит?

Сердечко ее стучало часто и перепуганно.

— Я не могу умереть, — прошептала она. — Я же... куявка. Но как легко расстаются с жизнью артане! Что у них в крови? Как они могут? Почему не могу я?

Гелия с грохотом придвинула поближе к ложу столик с благовониями и притираниями.

— Вот так будет лучше! Верно, госпожа?

Итания, не отвечая, подошла к дверям. Створки распахнулись с легкостью, не заперто, но в коридоре два артанских воина сразу поднялись, напрягли мышцы и подобрали животы. Она видела, с каким восторгом смотрят оба, однако голос старшего из них был тверд и неколебим, как горный хребет:

— Госпожа, мне очень жаль... но остальные помещения еще не проверили...

Она не поняла, удивилась:

— Не проверили? Что это значит? Кто-то запустил сюда ядовитых змей?

— Хуже, — пояснил страж. — Мы не знаем, где могут быть тайные ходы. Здесь стены толстые, колдуны сейчас просматривают их насквозь. Уже нашли две щели!.. Зато восточная часть дворца уже проверена вся, там можно... Хотите, я вас проведу? И еще проверены полностью оба здания по ту сторону сада.

— Нет, — отрезала она. — Не хочу. Я хочу лишь выйти. Из дворца вообще. На улицу. Это ведь мой город?

Страж поклонился:

— Ваш, госпожа. Но вам это лучше решить с нашим повелителем, благородным и богоравным Придоном.

Она поморщилась, сперва победоносный, а теперь еще и богоравный! Правда, после того, как у него за одну ночь зажила рана, все уверились, что Придон сам превратился в бога.

— Хорошо, — ответила она сухо. — Я поинтересуюсь у вашего богоравного.

И даже благородного, добавила про себя, но решила приберечь эту шпильку. Что-то артанские понятия о благородстве все сильнее отличаются от куявских представлений.

ГЛАВА 3

В двери робко вошли девушки, Гелия осмотрела их ревниво и со строгостью.

— Вас артане прислали? Что-то я вас не видела... Будете помогать готовить мою госпожу к свадьбе. Работы много, так что, если кто замешкается, — в порошок сотру!

Она сама выбирала для Итании платье, а все служанки сбивались с ног, стараясь ей услужить. Итания покорно примеряла каждый наряд, осматривала себя в зеркало, уже сама снова и снова перебирала платья, только бы чем-то занять себя до этой страшной минуты, когда ее поведут в храм. Как жертву, мелькнула мысль, которую приковывают к скале и отдают чудовищу. А чудовище, насытившись, на время оставляет жителей в покое.

Гелия, прислушиваясь к песням и крикам снизу, усадила Итанию перед большим зеркалом. Из матовой глубины на нее смотрела бледная женщина с застывшим лицом, словно вылепленным из белой глины. Служанки обряжали, украшали платье, заменили серьги и броши, а в причудливо взбитые волосы воткнули украшенный алмазами гребень из слоновой кости. Даже пальцы неприятно отяжелели от множества золотых колец дивной работы.

На груди теперь позванивали и переливались всеми оттенками самоцветы, амулеты и даже талисманы.

Гелия надела ей на запястье изящный браслет, глаза верной служанки были полны грусти.

— Он безумно любит вас, госпожа, — прошептала она.

Итания спросила равнодушно:

— Ты его защищаешь?

— Нет, госпожа, — ответила Гелия без боязни. — Никто не смеет вас обидеть... и потому он уже виноват. Но из всех мужчин на свете... он все-таки лучший.

Она горько усмехнулась:

— Представляю, какие остальные.

Гелия сказала серьезно:

— Лучше не представляйте, госпожа.

Одна из служанок, немолодая миловидная женщина с добрым лицом и участием в глазах, сказала тихо:

— Вам плохо, госпожа... мы все понимаем, но зато вас не отдали в мужья старому Корнелюку, чтобы скрепить союз с Угамыцем, не отослали в далекий Вантит, чтобы тот смотрел в нашу сторону благосклоннее... У вас — красавец муж! Он молод и силен. Увы, у красивых девушек — горькое счастье. Меня отдали замуж за хорошего человека, но он был одногодком моему деду, а мне исполнилось тогда только четырнадцать весен...

Другая служанка, молодая и хорошенькая, сказала мечтательно:

— А как он силен!..

— И красив, — добавила третья.

Из большого зала раздались пьяные крики, звуки музыки. Дверь резко распахнулась, Итания подумала, что, если бы кто-то стоял близко, дверью его прибило бы, как муху. Артане никак не научатся открывать дверь... как люди.

На пороге вырос громадный мужчина, широкая грудь блестела то ли от пота, то ли на нем испробовали душистые масла, в могучих пластинах грудных мышц отражались оранжевые язычки светильников, длинный узкий шрам выглядел как украшение, еще три шрамика поменьше белели на плечах и один на скуле.

Одна из служанок вздохнула, щеки заалели, она поспешно опустила голову. Мужчина сказал резким металлическим голосом:

— Меня зовут Щецин. Я один из тех, кому Придон доверяет. Напоминаю, что вождь и повелитель изволил спуститься в нижний зал.

Итания вскинула брови, постаралась, чтобы голос прозвучал нейтрально, как если бы опустилась до разговора с самым низким из слуг:

— Ну и что?

Артанин стиснул челюсти, под смуглой кожей вздулись литые желваки. Он взглядом дал понять Итании, что она ему тоже не нравится, но вслух сказал сдержанно:

— Это значит, что никто не смеет заставлять его ждать. Никто!

Гелия из-за ее спины крикнула торопливо:

— Сейчас, сейчас! Скоро выходим.

Артанин кивнул, в глазах блеснула искорка триумфа. На Итанию смотрел свысока и с неприязнью, лицо суровое, весь как вырезан из дерева, тугой, без капли лишнего жира, хоть и немолод. Будь у придворных ее отца такие же фигуры, то и они, возможно, ввели бы обычай появляться... ну, вот так хвастливо.

— Хорошо, — сказал он сдержанно, — заканчивайте.

— Я закончу без вас, — сказала она холодно.

— Но со мной быстрее, — возразил он.

Слышно было, как за дверью протопали, захохотали грубые мужские голоса. Итании уже приходилось слышать такие голоса, хотя и очень редко: обычно они принадлежали крупным, очень сильным мужчинам с обветренными лицами, обожженными морозом и зноем щеками, но такие очень редко появлялись во дворце.

Ей взбивали прическу, она краем глаза видела лицо этого, как он назвался, Щецина, явно не простого воина, по стати видно, что герой, по лицу — военачальник, а по взглядам, что бросает на нее, понятно даже, за что ненавидит: артане — бесхитростный народ, у них все на лице, все в глазах, а говорят именно то, что думают. А ненавидит ее за Придона, за его страдания. Ведь Придона видели все эти полгода, слышали о его страданиях, слушали его песни.

На миг сердца коснулось понимание и даже сочувствие к этому Щецину. Отступило даже то, что она тоже не пела и не плясала эти полгода, как он наверняка думает. А ее рана в сердце не меньше, чем была у Придона на спине...

За дверью снова резво протопали, как будто бежал молодой конь, в щель просунулась голова молодого артанина. Не замечая Щецина, что стоял в сторонке, он объявил весело, глаза стреляли по молоденьким служанкам:

— В главном зале уже все готово. Кстати, там негде яблоку упасть!

Гелия пошутила:

— Если там так тесно, то, может быть, нам не ходить вовсе?

Ее щебечущий голос не разморозил ледяную корку вокруг сердца Итании. Напротив, страх ледяными иглами пронзил все тело, больно кольнул в грудь. Она с трудом поднялась, служанка подала ей руку. Итания кивнула благодарно, в глазах защипало. Она, принцесса, идет к алтарю, опираясь не на руку отца или близких ему людей, а на руку простой служанки!

— Пойдемте, — сказала она обреченно. Она вздрогнула, добавила, словно извинялась перед служанками: — Они в самом деле способны ворваться... и потащить нас силой!

— Госпожа, — запротестовала Гелия, — но мы не должны...

— Теперь мы не дома, — ответила Итания. — Теперь мы в лагере врага.

Глаза остальных расширились. Похоже, до сих пор полагали, что вблизи Итании они в полной безопасности.

Путь из ее покоев через Малый зал к Тронному показался вечностью. Из распахнутых дверей навстречу шли волны перегретого воздуха. Артане велели зажечь все светильники, весь зал полыхал, залит ослепительным, почти солнечным огнем. Тела артан влажно блестели, а приглашенные на церемонию куявы обливались потом, пыхтели, с неловкостью поглядывали на красные распаренные лица друг друга. Почти все в самых дорогих одеждах, приличествующих случаю, многие сверху еще надели и парадные доспехи, пусть легкие, но перегретый воздух остается внутри, и вот уже горячие струйки пота бегут по спине, по животу, а на одежде проступают неприятные мокрые пятна...

Среди знатных куявов она узнала бера Голована, наместника Нижних Земель с центром в Белой Веже, он ее сдал, как говорят, беру Ряске, который вмешался в его оборону, а сам прибыл сюда просить помощи, но за это время крепость была захвачена, сожжена, стала черной. Отдельно стоит, окруженный знатными берами и беричами, известный полководец, князь Брун, удачливый и умелый властелин обширных земель, на которые артане подтвердили его право, а теперь, го-

ворят, он старается оттяпать и земли соседей, увеличивая свою мощь и влияние.

Брун поклонился ей, вышел навстречу и, осторожно взяв под локоть, сказал почтительно:

— Нас не так много здесь осталось!.. Будем держаться друг друга. Артане закатили такую свадьбу, что история Куявии еще не знала. Взгляните, обожаемая Итания, здесь не только наместники, вотчинники, беры и знатнейшие из беричей, но и самые прославленных из артан! А также послы из Вантита, Славии и еще каких-то стран, как будто еще где-то живут люди, врут, поди... Для простых куявов открыты все винные подвалы. Раздают хлеб, мясо, рыбу, сыр, даже дорогое вино, что у вашего батюшки хранилось в особых подвалах... С размахом гуляют артане, с размахом!

— Пусть бы это было последним, что они увидят, — процедила она зло.

Брун рассмеялся:

— Скажите им, обрадуются!

— Почему? — спросила она настороженно.

— По их вере, это же так красиво — умереть в разгар веселого пира!

— Сумасшедшие...

— Это точно.

— Пусть мрут как угодно, — прошептала она, — только бы...

Из зала снизу и навстречу хлынул яркий свет, словно она собиралась выйти на улицу. Воздух был пропитан благовониями, светильники горели дружно, свет шел веселый, праздничный, однако лица куявов были мрачными, лишь немногие пытались улыбаться, но в их глазах Итания уловила сочувствие.

Артане пировали с утра, слышали пьяные выкрики куявов, посматривали в ту сторону зала свысока, перемигивались, вот там пьяные свиньи, сейчас напьются еще чуть и начнут терять достоинство, всегда приятно смотреть, как противник теряет достоинство... Завидев прибывшего Придона, зашумели, прокричали здравицу, но тут же забыли о нем, вер-

нувшись к разговорам, спорам, бахвальству. Придон неспешно двигался вдоль стола, кого-то хлопал по голым спинам, продолжая разговаривать с сопровождающими его немолодыми военачальниками.

Он выглядел веселым, довольным, помолодевшим. Итания остановилась на верхней ступеньке, хотя Брун попробовал увлечь ее вниз, смотрела на весь зал разом и на Придона. Он показался почти таким, как тогда, когда увидел ее впервые. Сейчас в нем не осталось той властности повелителя, что бросал тысячи людей в сражения, позволял жечь города и села, сейчас больше походил на того певца, каким она еще ни разу не видела теперь, в нынешнем жестоком тцаре-полководце.

В зале внезапно стало тихо. Придон увидел, как все повернули головы, и даже Норник, с которым разговаривал, поперхнулся и уставился куда-то вытаращенными глазами. Придон проследил за его взглядом, дыхание остановилось в груди, а сердце мучительно заныло.

Артане смотрели восторженно, юная богиня спускалась по ступенькам медленно, тцарственно. Золотые волосы падали на плечи, спину горящими солнечными кольцами, синее, как небо, платье подчеркивало их красоту. Она смотрела спокойно поверх голов, божественная, артане благоговейно молчали, потрясенные, пораженные, испытывающие в эти мгновения почтительный страх и ощущение, что их коснулась вечность.

Она спускалась по лестнице, артане смотрели снизу вверх, в глазах восторг. Все радостно загалдели, но умолкли, когда поднялся приземистый могучий старик, длинные седые волосы на лбу придавлены серебряным обручем, а сзади заплетены в косу.

За эти полгода он изменился больше, чем Придон, не то чтобы иссох, но стал походить на большого хищного коршуна. Заговорил он резким отрывистым голосом, а раньше, она помнила, его речь была плавной и торжественной:

— Я, великий волхв Вяземайт, призываю богов в свидетели, что властью, данной мне богами и подтвержденной правителями Артании, я могу заключить брак между прекрасной

Итанией, единственной наследницей Куявии, и грозным Придоном, нынешним тцаром победоносной Артании!.. Да будет их союз вечным, да благословят его боги!.. Придон, я разрешаю тебе взять Итанию и подвести к этому жертвенному алтарю.

Застыв, она смотрела, как огромная фигура с темным лицом, ибо свет падал ему в спину, качнулась, двинулась в ее сторону. Теперь свет пал сбоку на его лицо, оно показалось ей худым и желтым.

Придон взял ее за руку, она вздрогнула от прикосновения обжигающих пальцев. Он сделал первый шаг, она ощутила, что он просто потащит ее, если не пойдет сама. Теперь его ничто не остановит, он обезумел, сейчас даже боги не посмеют загородить ему дорогу.

Она шла послушно, покорно, и во взглядах куявов нарастало сочувствие. Она брезговала смотреть на лица людей, что примчались к врагам, обещая собирать для артан налогов даже больше, чем собирали для Тулея.

У жертвенного алтаря ее ожидало еще одно унижение: она считала, что выпустят двух голубей, после чего Придону и ей на руки побрызгают кровью ягненка, на этом обряд и закончится, однако Вяземайт взял большой свернутый рулон пергамента, передал грузному, очень немолодому артанину, тоже с длинными седыми волосами, тот развернул и сказал громко:

— Здесь перечислены земли и области Куявии, что отныне отойдут к Артании. Отойдут навечно, ибо те земли населены артанами... или в далеком прошлом людьми артанского семени. Остальное же — Куявия, однако и эти земли благородная Итания приносит с собой в качестве приданого своему мужу, Придону Победоносному!

В зале артане заорали «слава!», но Итания видела по их лицам, что и они опешили от такого щедрого дара. Она слегка повернула голову, Придон смотрел с жадным и немым восторгом.

— Ты в это веришь? — спросила она чужим голосом.

— Не верю, — шепнул он горячим шепотом. — Я столько мечтал об этом дне, когда вот так рука об руку...

— Я не о нас, — произнесла она холодно. — Ты веришь, что куявы признают такой нелепый договор?

— Нелепый? — ответил он горячо. — Я столько мечтал о тебе...

— Я говорю о приданом...

Он наконец понял, отмахнулся:

— О каких пустяках ты думаешь! Я добился тебя, все остальное — дым, туман, остального просто нет...

Она что-то сказала еще, он не слышал, смотрел неотрывно, это уже не прежняя девушка-мотылек, нежная и хрупкая, а на удивление стойкая, сильная, упрямая, откуда только столько воли в таком хрупком теле.

Вяземайт сказал сильным голосом, что пронесся в зале над столами и головами гостей, как порыв урагана:

— По артанскому обычаю, чтобы заручиться поддержкой богов в битве, им приносят жизни пленных... Чтобы свадьба и все такое... в честь жениха и невесты сажают дерево. Сейчас тысяча человек закладывают такой сад, какого не видели даже куявские тцары!

Итании поморщилась:

— И где же нашли место для сада?

Придон отмахнулся:

— Да там целое поле с какими-то цветами. И кустами. Кони пробовали было есть, только губы накололи.

Над их головами ломали ветки, осыпали зерном, бросали под ноги цветы и золотые монеты, окуривали дымом священных трав, что дают долгую жизнь и богатое потомство.

Придон протянул к ней руку, Итания ощутила на локте железные пальцы. Не пойдет, так потащит, есть ли смысл показывать свой позор и унижение такой толпе врагов, она заставила себя идти, куда ее ведут, почти послушно пошла рядом между столов, все повернулись к ним и приветствовали стоя, она чувствовала себя маленькой и несчастной, все такие высокие, мускулистые, сильные, как напоказ.

В середине зала Придон остановился, глаза весело блестели.

— Ты еще не знаешь моих людей, — сказал он громко. —

Но теперь ты, как моя жена, должна знать тех, кто отныне верен и тебе, уже не принцессе, а...

— Твоей пленнице, — вставила она тихо.

Он поморщился:

— Перестань! Не порть этот замечательный праздник.

Артане с шуточками становились в длинный ряд, толкались, отпихивались, кто-то пытался пролезть поближе к левому краю, его со смехом отпихивали. Становятся, как она догадалась, по знатности или по тому месту, что занимают в войске.

Первыми встали Вяземайт и Аснерд, оба могучие, огромные, только Аснерд почти на голову выше, оба еще больше потемневшие от жгучего солнца, подрастерявшие последние капли дурного мяса, могучие и жилистые. Она хорошо помнила Вяземайта по первому приезду их в Куябу, заключали вечный мир, подумать только — вечный! Для Вяземайта то был, конечно, не первый приезд в их страну и даже в столицу, но она увидела его тогда впервые и сразу попала под странную власть и очарование этого артанского мудреца.

Аснерд, он стоял вторым, улыбнулся ей открыто и чистосердечно, словно все эти войны, убийства и пожары — всего лишь обычные шалости мужчин, не стоит обращать внимания, главное, как он тогда говорил, — любовь, верность, красота...

Третьим стоял артанин, который тогда назвался ей Щецином, Придон указал на него и сказал:

— Первый, кто пошел за мной в поход и кто дал в ядро войска своих сыновей Крока и Верена!..

Щецин коротко поклонился, улыбнулся, но она видела, что улыбка вынужденная, он не перестал ее ненавидеть, как причину страданий Придона.

— Белозерц, — сказал Придон, делая шаг вперед, — прославленный воитель, чьи стремительные набеги держали в страхе Вантит и Куявию уже десяток лет.

Рослый немолодой воин коротко поклонился Итании. На его лице ничего не отразилось, но она ощутила, что он ее ненавидит, как и Меклен. Она вспомнила, что Белозерц и Меклен не то сводные братья, не то родные, но они всегда думают

и поступают одинаково, а когда идут в набег вместе, им всегда сопутствует удача.

— Неустрашимый Плеск, — представил он худощавого воина с острым лицом и близко посаженными глазами. — Нет человека веселее на пиру, но в бою это зверь, даже друзьям лучше держаться в сторонке!.. А это, — он указал на невысокого плотного мужчину, — прославленный Волог... Что о нем еще сказать? Какой бы он ни повел отряд в набег, малый или большой, но добычу всегда пригонит большую!

Волог улыбнулся ей и слегка поклонился. Итания ответила на поклон тоже чуть-чуть, едва наклонив голову, но Волог заметил, улыбка его стала шире, дружелюбнее.

— Это вот Волин и Ральсвик, — продолжал Придон, — они друзья, хотя ходят порознь... Почему? Да терпеть друг друга не могут!

Оба военачальника улыбнулись Итании, глаза их горели восторгом, поклонились, а Придон перешел к следующему, массивному гиганту, ростом почти с Аснерда, но помоложе, лицо грубое, жестокое, однако на Итанию он посмотрел сверху вниз почти с нежностью.

— Прий, — сказал Придон. — Вождь племени шулеев, а также походный вождь лемков и печенгов. Я слышал, что и гуцаги желают выступать под его рукой в военное время, хотя в мирное предпочитают держаться подальше...

Прий отсалютовал вскинутым кверху кулаком, что показался ей размером с человечью голову.

— Краснотал Темная Туча, — представил Придон очень немолодого военачальника с мудрым усталым лицом. — Опытнее его просто нет во всей Артании, а по числу походов в другие страны с ним может равняться только один человек... вот он, это Бачило, удачливый и везучий, он воевал много, часто, никогда не бывал разбит...

Она шла с ним рядом, он называл и называл полководцев, военачальников, прославленных героев, умелых воевод, у нее уже начала кружиться голова от обилия имен, лиц, от бесцеремонных взглядов чесалось все тело, хотелось забраться в ванну и тщательно вымыться, поскоблить кожу травами и трижды потереть очищающей глиной.

Меривой и Франк, братья-стрелки, сыновья Аснерда, чьи стрелы пробивают даже мефриловые панцири гномов, стояли рядом, почти неотличимые один от другого, разве что по узору шрамов. Итания поймала себя на том, что впервые шрамы артан воспринимает не как уродство, а в самом деле как украшение мужчин. Этих мужчин. На изнеженных и ухоженных куявах это выглядело бы в самом деле уродством.

За ними стоял Неман, он холодно смотрел сверху вниз. Когда он сделал шаг вперед, ей показалось, что сдвинулась гора и земля под ногами дрогнула и качнулась, словно они оказались на плывущей льдине. От него пахнуло холодным воздухом, Итания вспомнила слухи и перешептывания служанок, что он из рода инеистых великанов, наполовину из камня, наполовину изо льда. Где-то на севере еще, говорят, сохранилось их племя, но большинство потомков инеистых великанов уже среди людей, постепенно перенимают их обычаи, мельчают, жидкий лед в их жилах превращается в кровь. Скоро их уже от людей не отличишь, как постепенно смешиваются с людьми гномы, эльфы, лешие, мавки и даже чугайстыри.

— Наш сильнейший богатырь в пешем бою, — сказал Придон с теплотой в голосе. — И хотя имя говорит, что он не человек, но каждый здесь скажет, что в нем человечности больше, чем в ста тысячах тех, кто говорит о ней день и ночь!

Он называл их и называл, сильнейших, знатнейших, самых великих и прославленных, самых сильных, у нее от имен и лиц уже потемнело в глазах, и тут все начали смеяться, их окружили, эти огромные сильные мужчины хохотали и звучно шлепали друг друга по плечам. Ей показалось, что все смотрят с ожиданием, прошептала едва слышно:

— Они что же... собираются нас сопровождать?

Он пожал плечами.

— Так принято.

— Дикость! — сказала она холодеющими губами. — Варварство!

— Не совсем, — ответил он, морщась, но вид у него был виноватый. — Вон Вяземайт говорит, такие обычаи возникали как защита от многих хитростей... это еще и защита на-

стоящих браков от... поддельных. Да-да, это в ответ на ваши подлые договоры правителей, когда тцарских дочерей выдавали замуж из соображений политики, а не из-за... Не так разве? Они проверяли, в самом ли деле брак по любви, а не холодный расчет родителей!

Он разгорячился, глаза сверкали, никто не любит оправдываться, потом их глаза встретились, он поперхнулся, умолк. Она покачала головой. Он помолчал, сказал тихо:

— Ты права. В нашем случае никто не усомнится...

— Да, — ответила она ясным голосом. — Да.

— Итания!.. Я не мог иначе!

— Мог, — ответила она тихо, — но ты сделал именно так.

По движению его длани на лестнице появились два гиганта из инеистых великанов, преградили дорогу гостям. Итания слышала разочарованные возгласы, потом в зале снова зазвучали песни, послышался топот множества ног, звон металла.

Она ждала, что он приведет к дверям ее спальни, однако Придон свернул к Малому залу, где Тулей обычно принимал самых доверенных лиц.

— Ты что же, — спросила она неверяще, — устроил здесь... спальню?

С надеждой ждала, что возразит, что-нибудь скажет другое, не спальню, однако Придон лишь пожал плечами.

— А что? Неплохое место. Здесь я впервые просил твоей руки. Здесь тогда, помню, сидели Щажард и Барвник с твоим отцом. Как они смеялись!.. Пусть посмеются! Пусть.

В темных глазах сверкнул мстительный огонь. Итания сжалась, он ногой распахнул дверь. Итания вздрогнула, но мир не содрогнулся от святотатства, створки послушно распахнулись. В зале горит свет, на возвышении, укрытом красным бархатом, трон ее отца, на высокой спинке золотой орел с приподнятыми крыльями. Трон пуст, а внизу, в самом центре, — огромное ложе, накрытое золотистым покрывалом. Ни навеса сверху, ни занавесок со всех четырех сторон — огромное открытое ложе в большом зале...

Она зябко обхватила себя за плечи, словно только что вылезла из холодной воды. Дрожь прошла по телу, челюсти начали подрагивать. Итания перешагнула порог деревянными

ногами. Ужас, в котором так долго пребывала, испарился, оставил холод и пустоту во всем теле.

Она произнесла тихо:

— Повсюду говорят, что ты герой, который добыл меч Хорса... Уже забыто — как быстро! — что ты спас меня и Куявию от Янкерда. Впрочем, народу все равно: Тулей или Янкерд, потому и забыли, как неважное, помнят только про меч. Но я помню, как ты ворвался, яростный и с горящими глазами... Ты был в бешенстве, что кто-то посмел протянуть ко мне руку! Тогда ты спасал меня... тогда ты спасал!

Он опустил глаза, в ее словах укор, которого пока понять не мог.

— А как же иначе? — спросил он глухо. — Ты моя.

Ее глаза медленно угасли.

— Только поэтому? — переспросила она.

— А как иначе?

— Я просто подумала... подумала, что ты спасал. Просто спасал!.. А ты, оказывается, спасал для себя.

Он спросил сердито:

— А какая разница?

Она сказала с невеселой улыбкой:

— Это снижает твой... гм, подвиг. Ты не спасал, выходит, вовсе. Ты просто вырывал из когтей хищника послабее. Да, народ, выходит, прав, что запомнил только твой меч... меч Хорса.

Литые желваки проступили под смуглой кожей, глаза недобро сверкнули. Он сказал коротко:

— Я пришлю женщин, чтобы... А пока сам попрощаюсь с гостями до утра.

Он вышел, тут же явилась Гелия со служанками, натерли ее тело душистыми маслами. Она безучастно принимала их услуги, слышала, как легко скользит по ее золотым волосам гребень, потом ее уложили в постель и накрыли чистой простыней.

За дверью послышались голоса, топот, громкий хохот. Она сжалась в комок, в спальню ввалились эти полуобнаженные гиганты, огромные, брызжущие весельем, Придона везли на плечах. Возле постели его нарочито уронили. Итания задер-

жала дыхание, видя, как он плашмя рушится на пол. Послышался тяжелый удар. Ковер смягчил падение, но Итания ощутила по треску, что мраморные плиты лопнули.

Придон легко вскочил, веселый и хохочущий. От него запахло сухой горячей пылью и степными травами, словно они въелись в его тело и вытряхивались при каждом движении. Глаза горели злым торжеством. За его спиной кто-то заорал весело:

— Невеста уже ждет не дождется, а он медлит?

Придон шутливо отбивался, с него содрали одежду, пояс с ножами полетел в ближайшее кресло, а самого Придона ухватили за плечи и развернули в сторону ложа. Итания, смертельно бледная, лежала на спине. Ее глаза неотрывно смотрели в потолок. Она выглядела как жертва, которую положили на алтарь и она уже видит занесенный над нею нож.

— Все, — услышала она голос, уже строгий, — все! Топайте вниз, а то песню допоют без вас!

— А как же... — заикнулся кто-то, но Придон сказал уже с нотками гнева:

— Вниз, я сказал!

Послышался топот, в дверях дурашливо завопили, захрипели, послышались шлепки, пинки. Дверь с шумом захлопнулась. Итания упорно смотрела в потолок.

Тяжелые шаги прозвучали так, будто к ложу двигалась гора. Итания подавила паническое желание взглянуть в сторону навязанного ей мужа. Придон присел на край ложа. Молчание нависло тяжелое, как грозовые тучи.

Итания наконец чуть скосила глаза. Он не двигался, смотрел на нее сверху вниз. Багровые отблески пламени играли на закаменевшем лице. Глаза странно мерцали. Она видела, как дрогнула его рука, пальцы шевельнулись и медленно потянулись к ее телу.

Итания прошептала:

— Говорим «артанин», понимаем — «насильник».

— Я лишь беру, — сказал он так же тихо, — что принадлежит только мне. Я не понял, при чем тут просто освобождал... или освобождал для себя... я ничего не понимаю и понимать

не хочу, я... я чувствую! Я чувствую, что ты принадлежишь мне.

— Я не принадлежу тебе!

— Отныне ты моя жена, — сказал он все еще тихо, но она уловила в его сдержанном голосе дальние отголоски гнева. — Даже по вашим куявским законам.

Она повернула голову и уже прямо взглянула ему в глаза.

— Да, ритуалы соблюдены... Но кто осмелится противиться, когда к горлу приставлен нож?

Он фыркнул:

— Да любой артанин!

— Артанин, — ответила она тихо, — ну да, гордые артане...

Его пальцы наконец-то коснулись ее золотистой кожи. Итания смутно удивилась, насколько нежным и почти невесомым оказалось это прикосновение. Тут же она заставила себя вспомнить горящие города, разгром Куябы, трупы на улицах, душераздирающие крики женщин, которых насиловали прямо на порогах их домов...

— Чудовище, — сказала она.

Придон застыл. В ее чистых прекрасных глазах горела бешеная ненависть, которую он еще не видел в рыбьих глазах куявов.

— Да, — ответил он, — но я люблю тебя.

— А я тебя ненавижу!

Он горько засмеялся:

— Что это решает? Я разрушил огромное государство, чтобы заполучить тебя. Если понадобится, я разрушу весь мир. Я уже разрушил свою душу, а сейчас готов и буду рушить все, но я пойду до конца.

Он схватил ее в объятия. Итания вскрикнула от боли и отвращения, его пальцы показались железными капканами.

— Отныне ты моя жена...

— Нет, — ответила она твердо, — всего лишь твоя добыча.

Он гневно зарычал, в самом деле став похожим на разъяренного льва, которого лягнул олененок.

— Добыча? Хорошо, пусть по-твоему!

Она вскрикнула, когда его сильные грубые руки сорвали с нее простыню. Горячее дыхание обожгло ее лицо. Он яростно

поцеловал ее, в первое мгновение ей показалось, что он сдерживается, даже пытается быть нежным, но ярость и обида в нем пересилили, он впился в нее жадно и в нетерпеливом бешенстве, а железные пальцы ухватили ее нежные плечи, прижали к постели.

Его горячая кожа обожгла ее нежное тело. Она все еще пыталась вырваться, била его кулачками. Пыталась столкнуть нависшее над ней горячее твердое тело, однако Придон не ощущал ни ее сопротивления, ни ее ярости, не чувствовал ее унижения.

Она извивалась изо всех сил, Придон оторвался от ее губ, дыхание остановилось в груди. От обнаженного тела Итании исходил свет. Она не просто прекрасна — божественная полна чистой и девственной жизни. Ее девственная грудь показалась еще выше, острее, словно выточенная умелым скульптором, тонкая талия, плоский живот с приковывающим взгляд пупком. Придон отстранился еще больше и увидел ее лицо. В широко распахнутых глазах были страх и ненависть, губы распухли и стали ярко-красными.

— Ты моя, — сказал он с болью, нежностью и яростью. — Ты моя! Никому не отнять, даже если все боги попытаются тебя оторвать от моего сердца...

Она вскрикнула, когда он снова накрыл ее губы горячим обжигающим ртом. Его колено раздвинуло ее ноги. Она противилась, как могла. Ей казалось, что мышцы порвутся от напряжения. Потом ее пронзила жестокая боль.

ГЛАВА 4

Придон спал, а Итания, наплакавшись, затихла и лежала на спине. По щекам еще долго бежали слезы, затем высохли, она смотрела в темный потолок сухими воспаленными глазами. Во всем истерзанном теле оставалась недобрая боль, но еще горше саднило в груди, где к унижению и оскорблению добавилось странное разочарование.

Где тот черноволосый герой, который смотрел на нее, распахнув от изумления рот, когда увидел ее впервые?.. Тот самый, который сумел добыть ножны волшебного меча и при-

мчался счастливый и ликующий, мечтающий заслужить благосклонный взмах ее ресниц?.. Тот самый, который своими страстными песнями потряс самые заскорузлые души, заставил рыдать самых черствых, а любящим вложил в руки невиданное по мощи оружие?

Где даже тот, что молча смотрел на нее, спящую в повозке, а потом был так нежен и сумел зажечь в ней огонь, которого стыдится и страшится до сих пор?

Дыхание Придона участилось. Она некоторое время слушала в оцепенении, но Придон захрипел, застонал, и тогда лишь она с усилием скосила глаза в его сторону. Глазные яблоки пересохли, от движения возникла боль, словно под веки насыпали горячего песка.

Тело Придона выгнулось дугой, сквозь сжатые челюсти протиснулся стон. Его веки дергались, силились подняться. По лицу пробежала судорога.

— Итания... — послышался стон. — Итания... Все для тебя, Итания...

Она горько улыбнулась, ощутила боль в застывшем лице, словно кожа лопалась, подобно застывшей глине.

Она потихоньку встала, Придон не ощутил потери, и она, ступая босыми ногами по ковру, подошла к окну. Отчаяние было таким сильным, что если бы не появившаяся после ее побега решетка, то не задумываясь выбросилась бы наружу. И пусть бы завтра утром убедился, что не он властен над ее судьбой, ее жизнью.

Луна чуть сместилась, широкий луч призрачного света упал на ложе. Лицо Придона выглядело смертельно бледным, исхудавшим, измученным. Он выглядел намного старше того восторженного юноши, что всего один год тому отправился искать волшебный меч.

На середине зала сиротливо белела простыня, Придон в неистовстве отшвырнул ее, словно ядовитую змею, Итания подобрала и завернулась в нее, медленно пошла вдоль стены. Слуги любят посплетничать, она сама не раз слышала таинственные рассказы о тайных ходах, подземельях, мертвых стражах, что охраняют сокровища, даже целых залах, выстроенных древними строителями, сейчас самое бы время отыскать

такой ход, скрыться, это тоже нанесет рану этому чудовищу, в которое так внезапно превратился обезумевший от любви певец...

Но не скрыться, на этот раз десятки волхвов во главе с Вяземайтом просмотрели все стены, потолки, полы, выявили тайные ходы и все перекрыли, заложили камнями.

Она проснулась с первым лучом солнца. В теле странная свежесть, словно ночью этот зверь не терзал ее, утоляя свою похоть. Тихо, слышно, как за окном, далеко внизу перекликается стража.

Как можно незаметнее повернула голову, надеясь, что Придон ушел, а она на огромном ложе одна и может лежать бездумно. Увы, ложе настолько огромно, что Придон здесь, хоть и на расстоянии копья. Скомканное одеяло на полу, так и заснул обнаженным, сейчас лето, а в Куявии даже зимы мягкие, теплые.

Лицо его снова болезненно искажено, но дышит почти неслышно. Могучая грудь поднимается и опускается подобно океанским волнам, темные волосы разметались по подушке, округлые, как валуны, плечи блестят. Выпуклые мышцы кажутся выкованными из светлой меди. Вчера она видела на плоском животе выпуклые квадратики мускулов, сейчас живот провалился почти до позвоночника, кажется уязвимым настолько, что ткни пальцем — прорвется.

Мелькнула мысль, что, будь у нее кинжал, смогла бы убить этого тирана. Говорят, раньше дочери богатых вельмож носили в волосах для самозащиты отравленные шпильки. Потом, правда, настали времена поспокойнее, опасная мода ушла.

Губы Придона изогнулись в горькой улыбке. Итания прислушалась, ей показалось, что он произнес ее имя. Веки затрепетали. Она поспешно отвернулась к окну. Ложе за спиной заскрипело, словно по нему перекатывали скалу.

Итания не двигалась, глаза смотрели вдаль поверх крепостной стены. За спиной послышался легкий шум. Воздух колыхнулся, она ощутила приближение сухого жара. Широкие ладони опустились на ее обнаженные плечи.

— Итания, — послышался шепот над самым ухом.

Она не двигалась, мгновение спустя шею ожгли горячие губы. По телу покатились теплые волны, она помимо воли ощутила приятное чувство. Пришлось сцепить зубы и стоять все так же неподвижно, не поворачиваясь, не бросаясь на него с оскорблениями, обидами, обвинениями. Просто не обращая внимания, это задевает мужчин больше, уже знала.

— Итания, — повторил он. Она ощутила жаркое, как из пасти дракона, дыхание. — Я не верю, что не смогу растопить твой лед... Огонь сжигает меня изнутри, его хватит, чтобы растопить все льды на вершинах гор...

— Но не тот лед, — ответила она холодно, — что внутри меня.

Его ладони соскользнули с ее плеч. Она покрепче уцепилась в простыню, удержала. Придон приподнялся, хлопнул в ладоши.

Дверь открылась, двое дюжих слуг внесли металлическую ванну. На ложе старались не смотреть, пугливо поставили и поспешно удалились. Итания, несмотря на измученность во всем теле, ощутила слабый гнев: артане гнушаются работой во дворце, потому и сохранили жизнь слугам, чтобы самим не убирать, не разводить огонь, не готовить еду...

Она поднялась, вошли служанки, Гелия подала Итании руку и помогла переступить через высокий борт. Вторая служанка хлопнула в ладоши, в комнату вереницей начали входить молодые девушки с большими кувшинами на плечах, на голове, в руках. Быстро выливали горячую воду, уходили, а Гелия и вторая служанка, загородив от Придона своими телами прекрасную принцессу, помогали ей отмыться от его рук.

Он наблюдал за ними с интересом, их чувства просты и понятны. Он сам прост... все еще чувствует себя простым, но ему уже ведом язык зверей и ропот волн, он может читать даже по их спинам, как люто и бессильно ненавидят его, простого грубого варвара, что посмел обидеть их прекрасную жемчужину...

Пусть, подумал он тускло. Ведь ненавидят меня за Итанию, а за нее я сам возненавижу всякого, кто только подумает ее обидеть или чем-то огорчить. И себя ненавижу... И только

слабая надежда... нет, не слабая, а страстная, страстнейшая... остается, что когда-то и как-то он сможет... сумеет...

Итания старалась не бросать испуганные и негодующие взгляды на Придона. Ее с детства учили держать лицо надменным и равнодушным, ибо она — тцарская дочь, придворные по ее лицу многое могут понять, узнать и просто догадаться. Она не должна давать пищи для толков, ее лицо в интересах покоя державы должно быть непроницаемым, и сейчас она изо всех сил делала его таким.

Придон, как ей показалось, все же в некотором замешательстве. Его черные, как спелые сливы, глаза не отрываются от нее, она ощущает жар в том месте, куда падает взгляд, но она ясно чувствует его растерянность, его страх, его уязвленную гордость...

Ложе заскрипело, Итания поняла, что этот человек поднимается. Девушки сжались, их ладони терли ей спину невпопад, бедные испуганные мышки, горбились, и тут на них упала тень, резкий голос спросил властно:

— А где ларец, что я велел внести?

Гелия ответила торопливо:

— Он за дверью, господин!

— Почему не здесь?

— Но госпожа... она еще в ванной...

— Внесите, — велел Придон.

Он проследил взглядом, как она метнулась к дверям, нисколько не смущаясь, что голый, затем неторопливо оделся, все так же не обращая внимания на женщин. Дверь распахнулась, Гелия вошла, откинувшись назад всем корпусом и держа перед собой огромный ларец из слоновой кости. Стражи из числа артан неспешно закрыли за ней двери, сперва бросив любопытствующие взгляды на девушек вокруг ванны.

Гелия опустила ларец на стол.

— Господин...

Придон хотел напомнить, что он не просто господин, а отныне тцар всей Куявии, но руки уже с трепетом сорвали замочек. Крышка сухо щелкнула, приподнялась. Изнутри хлынул чистый свет, будто на дне ларца лежала крупинка солнца.

— Великолепно! — вырвалось у него. — Итания, взгляни...

Он поперхнулся, его руки нырнули в ларец, Итания задержала дыхание, а у девушек вырвался единый вопль восторга. Жемчужное ожерелье было верхом совершенства. От крупных жемчужин шел дивный свет.

— Это тебе, — сказал Придон торопливо. Он шагнул к ванне с ожерельем в протянутых руках. — Надень, только оно из всех украшений достойно тебя!.. Это ожерелье, созданное самим Руевитом для богини красоты и любви. Но она рассердила его, и он не подарил ей эту красоту. Зато ты...

Итания подавила крик восторга, ее лицо не дрогнуло, а голос сумела заставить прозвучать холодно и равнодушно:

— Мне что, встать и вот так голой надеть?

Он вскрикнул:

— Итания!

— Как прикажете... господин, — произнесла она мстительно.

Он взревел, как раненый зверь. Никогда не умел разговаривать с женщинами, а сейчас, торопясь подарить сокровище, не заметил, как попал в смешное положение, куда более опасное для воина, чем удар топором по голове.

— Итания, — прошептал он потерянно, — да, я дурак, я не умею ухаживать, не умею говорить сладкие слова... Я многое не умею из того, что говорят! Но я буду учиться и такому никчемнейшему для воина делу, как... говорить красивые слова!

Он выглядел таким растерянным, что ее сердце дрогнуло, она ответила мягче:

— Разве для песен подбирал не самые красивые слова?

— Для песен? — удивился он. — Для них я ничего не подбирал!.. Это все само. А для тебя — буду. Что хочешь — буду!

Она посмотрела на служанок, те молча поклонились и ушли, поспешные, словно бегущие от пожара мыши. Придон смотрел на нее жадно, она заставила себя усмехнуться холодно, между ними стена, и она сделает все, чтобы укрепить ее со своей стороны.

Придон, судя по его изменившемуся лицу, увидел холод в ее глазах, напрягся, готовый встретить удар, отразить и ударить в ответ: это у него в крови, он боец. Он не может иначе.

Он бьет в ответ непроизвольно, даже не глядя, с какой стороны удар и кто его наносит.

Грудь ее поднялась, глаза сердито сверкнули. Она знала, что в этот момент выглядит восхитительно, даже служанки говорили, придворные льстили, да и сама она могла оценить, ибо зеркала в ее покоях висели всюду.

— Хорошо, — ответила она внезапно совсем другим голосом, — в самом деле, почему я должна обращать внимание, кто как подбирает слова?

Она грациозно поднялась, вода неохотно стекала обратно в ванну, крупные капли застывали на ее нежной коже, не в силах расстаться, слиться с другими в безликую массу воды.

Придон задержал дыхание, ее сверкающая красота ударила как молотом, а она таким же грациозным музыкальным движением перенесла ногу через край ванны, лицо ее было невинным и в то же время странно чувственным.

— Итания, — прошептал он, — что ты со мной делаешь...

Волна пробежала по ее телу от головы до колен. Придон не дыша смотрел, как замедленно сделала шаг, так же неспешно подошла к шкафу и потянула на себя дверцы. Все ее тело двигалось, жило, Придон не дыша смотрел, как она достала одежду и начала одеваться. Это донельзя оскорбительно, понимал, она обращает на него внимания меньше, чем на стену, он для нее не мужчина... но все равно не мог оторвать жадного взгляда.

— Застегни, — сказала она холодно.

— Что? — прохрипел пересохшим ртом.

Она повернулась спиной. Там оставались несведенными вместе края платья, крохотные металлические крючки поблескивали, похожие на коготки пауков. Придон качнулся, ноги деревянные. Подошел, в глазах сразу помутилось и защипало, это хлынул едкий пот. Руки тряслись, пальцы вздрагивали, он никак не мог даже поймать эти прыгающие штучки из железа, а уж свести и зацепить друг за друга...

Итания слышала за спиной сдавленное дыхание, а жар его тела обжигал и смешивал мысли. Вдруг захотелось, чтобы он обнял ее... пусть даже просто обхватил, как уже делал, это и

считает объятиями, просто не умеет иначе, но у нее все равно от его рук прокатывается жар по всему телу.

Дыхание за спиной стало жарче, потом оборвалось, она услышала шаги. Судя по шороху и звону металла, одевается, у артан на штанах много железок, а пояса так и вовсе сплошь из металлических блях.

Хлопнула дверь, донесся голос, Итания прислушалась, но слов не расслышала. Затем шаги отдалились и затихли.

Придон сбежал по лестнице в нижний зал, слуги поспешно шарахались в ниши, а кто не успевал, поспешно склонялся в угодливом поклоне.

Аснерд, Вяземайт, Щецин и еще с полдюжины военачальников, как в старые добрые времена, склонились над картой, расстеленной на большом столе Тулея в Тронном зале. Еще подходя к двери, Придон уловил дразнящие ароматы жареного мяса, печеной птицы, призывный запах плакун-травы.

Слуги заходили гуськом, торопливо ставили еду на два соседних стола, исчезали. Когда Придон переступил порог, Аснерд как раз оторвался от карты, шагнул к столу с едой, где выдрал половину жареного гуся, и с ножкой в зубах вернулся к карте.

— А вот если мы назначим... — пробубнил он, оглянулся, перехватив взгляды, просиял: — А, Придон!.. Что такой растерянный? Удивлен, что небо не обрушилось на землю?..

Придон спросил, отводя глаза:

— Какие новости?

— Фриз передал через гонца, что полностью захватил края Предгорья... Вернее, разместил войска, а захвачены были уже давно. Интересно?

— Да-да, — сказал Придон. — Здравствуйте, други. Интересно, интересно! Почему мне вдруг станет неинтересно?

— Да так, — ответил Аснерд многозначительно. — Кто вас, сумасшедших, знает.

Придон подошел к карте, но из-за спины шел дразнящий запах. Оглянулся, перехватил понимающий взгляд Вяземайта, вспыхнул, быстро выдрал и себе толстую жареную лапу, вернулся с нею к карте. Горячее нежное мясо обожгло рот, куявы добавляют слишком много жгучих трав, но сейчас хо-

рошо, тело начало просыпаться, кровь забурлила, пошла горячими струями...

Щецин сказал почтительно:

— Из западной части Куявии пришла весть, что в наших руках Гнезно, Свиденец и Любень — самые укрепленные города тех земель. Князь Клестоярд присягнул нам на верность... нет, он присягнул еще месяц тому, а сейчас сам размещал наши войска в центральных крепостях городов. Так что во всех городах Куявии сейчас наши войска на прокорме!.. Ну, во всех крупных, а вообще-то городов у них больше, чем у нас стоянок.

Придона окружили, хлопали по плечам, поздравляли, славили. Аснерд проревел весело, покрывая шум:

— Не осталось ни одного города, ни одной деревни, где не ступало бы копыто артанского коня!.. Мы свершили это, ребята. Я не верил, только мечтал, надеялся... но — свершили!

Придон переспросил неверяще:

— Неужели... вся? Я сам не могу поверить.

— Мы свершили, — подтвердил Вяземайт. — Мы свершили то, о чем всегда мечтали наши предки. Мы сокрушили Куявию. Я послал по всем землям волхвов, что заканчивают рушить поганские капища, а везде ставят наши артанские храмы. Нет-нет, я не трогаю наших общих богов!.. рушим только те, что куявы занесли из чужих земель. Заодно искореняем последних местных колдунов, чародеев.

Придон покачнулся. В ушах прозвучал звон, ноги ослабели.

— Неужели... — повторил он растерянно, — уже вся Куявия...

Аснерд отмахнулся.

— Если не считать отдаленных горных районов. Правда, там ни городов, ни армий, а только нищие бедные люди, которым все равно, кто внизу: куявы или артане. Они и слов таких не знают.

Придон встрепенулся.

— Но тогда нужно послать туда хорошо вооруженный отряд! Там гнезда драконов, забыли?

Аснерд поморщился, от драконов на самом деле вреда на-

много меньше, чем от волков, что задирают деревенский скот, но про волков умалчивают, это привычно, да и свои это волки, артанские, как будто крестьянам от этого легче, а вот если прилетит дракон и схватит зазевавшуюся коровенку, то крик стоит с неделю...

— Ладно, — ответил он, — пошлю.

— Сегодня же, — сказал Придон резко. — Я же вижу, Аснерд, что ты подумал! Дело не во вреде. Мы, артане, рождены, чтобы очистить мир от скверны, от чудищ, что созданы не Творцом, а... теми, кто осмелился восстать против Него.

Аснерд скривился.

— Ладно-ладно. Только не сегодня, сперва надо маломальски подготовить людей. А лучше — отобрать. По горам лазить — это не по Степи, аки ветер. Но через неделю все будет готово.

Придон сказал сердито:

— Ладно, через неделю! Но ни днем больше. Я же вижу, тебе не хочется заниматься такой мелочью. Но мы должны выжечь все гнезда этой... куявской заразы.

Аснерд небрежно швырнул кость в угол, слуги подберут, обнял другой рукой за плечи, отвел в сторону. Военачальники проводили их заинтересованными взглядами, но Аснерд зыркнул сердито, и все поспешно отвернулись, склонились над картой.

— Как у тебя? — спросил Аснерд тихо.

Придон сжался, все время отгоняет от себя видение, как он... был груб, а ведь в грезах облекал всю ее негой и нежностью, словно облако.

— Стерпится, — ответил он с напускной грубостью, как положено мужественному артанину, — слюбится.

Аснерд покачал головой:

— Я не враг, Придон, зачем говоришь неправду? Твое сердце и сейчас обливается кровью.

— Я ее уже добыл! — возразил Придон горячо.

— Тогда почему весь истекаешь кровью? — спросил Аснерд. — Почему весь кричишь, хоть никто и не слышит... кроме тех, кто сам горел на таком огне? Придон, принужде-

ние и любовь не уживаются вместе, и нельзя любить по заказу.

Он ожидал вспышки ярости, Придон в самом деле сразу побагровел, грудь стала раздуваться, но неожиданно сник, сказал просящим голосом:

— Знаю.

Аснерд спросил тише, сочувствующе:

— Тогда на что надеешься?

— Не знаю, — ответил Придон убито. — Только вижу, что не могу без нее.

Аснерд покачал головой:

— Кого любишь — того оберегаешь. А что делаешь ты? Ты, который клялся, что не дашь упасть на нее листочку с дерева?

Придон вскрикнул:

— Но что мне делать? Я не могу без нее!.. Я просто надеюсь... что-то подсказывает мне изнутри, что она увидит мою верность, мои муки, мои жертвы, мою боль... и это хоть чуть-чуть растопит лед вокруг ее сердца!

Аснерд в сомнении развел руками.

Если бы не решетка, подумала она снова, я бы выбросилась. Отсюда видно, как далеко-далеко небо озаряет зловещее зарево пожаров. Если она правильно оценивает расстояние, то это горят Мысники, Голубники и Сосновцы. Чем они опять не угодили? Снова гибнут сотни человек, артане не разделяют на мирных и немирных. У них, артан, каждый мужчина — воин. Потому и убивают всех, кто может держать в руках оружие.

За дверью послышались тяжелые шаги. Она застыла в ожидании, но шаги удалились и постепенно затихли. Она покосилась на ложе, тут же отдернула голову, но перед глазами остался этот ее позор: смятая постель.

Придон явился поздно вечером, от него пахло дорожной пылью, солнцем и конским потом. Он наскоро помылся, она поняла, что делает для нее, артане вообще-то мыться не любят, хотя прекрасно плавают и любят купаться в озерах, реках и даже в их холодном северном море.

Вытираясь, сказал ей примирительно:

— У меня был тяжелый день.

— Сочувствую, — ответила она холодновато.

— Может быть... ночь будет лучше?

Она скривила губы, ее голос в ответ прозвучал так, словно сперва сотню миль пронесся с северным ветром над вершинами северных гор.

— Здесь все — твои пленники. Что ты хочешь?

Его лицо мгновенно стало растерянным, в глазах метнулся испуг.

— Итания!.. Это мы все твои пленники! Это все — твой мир, твой двор!

Она покачала головой.

— Нет, Придон. Как ни печально, но именно сейчас рушится мой придуманный мир.

Он быстро взглянул ей в лицо, в черных глазах промелькнуло умоляющее выражение.

— Итания... у нас только все начинается.

— А не заканчивается?.. Я перестану мечтать о прекрасном и смелом воине, победителе дивов, чудовищ и даже богов, ибо он превращается в чудовище?

Он усмехнулся горько и недоверчиво:

— А ты мечтала?

— Ты, конечно же, не поверишь?

Он покачал головой:

— Прости...

Она не противилась, бесполезно, когда он обнял ее за плечи, подвел к ложу. Она покорно села, застывшая, безучастная, окаменевшая в своем горе.

— Итания...

— Да, повелитель, — ответила она тихим покорным голосом.

Он вскричал голосом, что больше был похож на рев смертельно раненного зверя:

— Какой я повелитель? Это для других — повелитель, для тебя — раб!.. Это я — твой пленник.

Она покосилась на ложе.

— Пленник?

— Пленник, — повторил он со сдерживаемой яростью. —

Я в плену твоих глаз, твоего голоса, твоей улыбки, твоих волос, запаха твоей кожи!

Она сказала слабо:

— Тогда не прикасайся ко мне.

— Не смогу, — признался он. — Это рок. Да свершится воля богов!.. Это они направили меня тогда на площадь Яфета, чтобы я тебя увидел. Это они помогали мне отыскать части меча, а теперь вот привели нас сюда.

Она сказала беспомощно:

— Меня не боги привели, а ты. И страну залили кровью тоже не боги, а твои воины. Что мы наделали, Придон?

Вместо ответа он привлек ее к себе, горячий твердый рот накрыл ее нежные упругие губы. Когда сбрасывал одежду, ей показалось, что у него дрожат руки. Она отвернулась к окну, откуда с темного неба с укором смотрела очень тонкая, изящно вырезанная сверкающая дуга луны. Мелкие звезды блестели, как крохотные алмазики. По обе стороны окна ярко и сильно горят широкие светильники из червонного золота. Донесся далекий вскрик, то ли веселье, то ли оборвалась чья-то жизнь.

Шелест одежды оборвался, сердце предостерегающе стукнуло, чувствуя по движению воздуха, что он протягивает к ней руку. Она закрыла глаза, широкие ладони обняли ее, она прижалась спиной к его твердой, как дерево, груди. Ладони держали ее нежно, от них шло тепло, ее плечи сами по себе опустились, тепло пошло по всему телу. Он враг, он пришел и взял ее силой, вот сейчас совершит насилие... и все же гнев и страх почему-то покинули ее незаметно, предательски, испарились, и вот она непроизвольно прислушивается к той неге, что идет по всему телу, собирается горячими точками, ее мышцы вздрогнули пару раз, но уже не от страха, что-то непонятное, мощное, древнее проснулось и поднимается из темных глубин, пугая властностью, неотвратимостью...

Возможно, мелькнула смятенная мысль, это и есть то, что Придон называет зовом бога изнутри себя? Тогда противиться такому зову не в силах человека, не по силам слабой девушке, рожденной и жившей среди любви и ласки...

— Придон, — простонала она шепотом, — что ты со мной делаешь...

— Это не мы, — ответил он шепотом, — это боги внутри нас.

Она чувствовала его обжигающее дыхание. Он трепетно касался губами ее волос, отыскал среди взбитых локонов кончики ее ушей.

До прошлой ночи девственница, всячески оберегаемая от грубостей жизни, она сейчас отчетливо знала, что с нею произойдет, как это произойдет, и, прости ее Куявия, не чувствовала ни страха, ни стыда. Если он перестанет трогать губами ее уши, виски, шею, зарываясь лицом в копну волос, она ощутит потерю. Тело наливалось жаром, зов древних богов звучал все громче.

Она повернулась в его объятиях, их взгляды встретились. Он увидел в широко распахнутых лиловых глазах разгорающееся безумие. Платье скользнуло к ее ногам, он схватил ее на руки, и они упали на ложе.

В этот раз это чудовище как будто терзалось раскаянием и сделало все, чтобы не причинить ей боль. Даже удивительно, насколько он может быть нежным и заботливым. Хуже того, на какое-то время как будто потеряла власть над собой, ее руки перестали его отталкивать и... как стыдно даже вспомнить, обхватили за шею, такую толстую, крепкую, горячую, а ее окаменевшие губы растаяли под его горячим ненасытным ртом.

Правда, это длилось только миг, устыдившись, она заставила себя застыть, замереть, к тому же и его объятия ослабели, хотя ее не выпустил, держал, как в колыбели.

Она пошевелилась, сделала вид, что ей это неприятно, и его руки послушно расцепились. Она отодвинулась.

Наконец за спиной щелкнуло, он шумно выдохнул, далекие занавески колыхнулись. Все это время, похоже, он сдерживал дыхание, словно, сцепив зубы, с огромными усилиями нес на себе гору.

— Спасибо, — сказала она как можно более ровным голосом. — Я вижу, что не всегда артане жгут дома, насилуют женщин и бросают младенцев в огонь...

— Вранье, — ответил он сдавленным голосом. — Мы не бросаем младенцев в огонь. А жечь дома и насиловать женщин — право войны! Куявы разве не жгли наши дома и не насиловали женщин?

Она повернулась к нему лицом. Глаза ее смотрели строго, но щеки окрасились румянцем. Губы покраснели и вздулись. Придон уловил в ней некоторое смущение, пальцы ныли от жажды ухватить ее, он жадно сглотнул, переступил с ноги на ногу.

Итания некоторое время смотрела строго, наслаждаясь замешательством такого могучего и ужасного человека. Мелькнула непрошеная мысль, что всю эту ужасную войну в самом деле развязал именно этот человек. Тот самый, что вот сейчас краснеет, что-то мямлит, не знает, куда деть руки, что-то жалко лепечет. А войну начал из-за нее, и об этом уже начинают слагать песни...

А у нее, мелькнула новая мысль, уже есть над ним некоторая власть. Но вот только употреблять ее... в этом что-то от унижения ее достоинства дочери властелина Куявии.

ГЛАВА 5

Он подошел и встал перед ней на колени. В сумраке странно блестели ее глаза с расширенными зрачками, золотые волосы казались светлой пеной, что наполовину укрывала грудь. Он смотрел снизу вверх, внезапно стало страшно коснуться ее, такой небесной, чистой. Она вздохнула прерывисто, он ухватил ее руку, поцеловал пальцы, прижался щекой и замер в нестерпимом счастье.

— Итания...

— Молчи, — ответила она шепотом. — Молчи.

Он снова целовал тонкие пальчики, бледные и почти прозрачные в слабом свете серпика луны. Вторая половинка не исчезла, казалась как бы погруженной в воду, просвечивала едва-едва, от нее тоже свет, но невидимый, странный, однако ощутим, по лицу побежали слезы, но уже не жгучие, а слезы неслыханного счастья, упоения.

Она высвободила руку, но не рывком, не грубо и даже не с

холодным равнодушием, что страшило еще больше, а как бы извиняясь, прошла, ступая босыми ногами, из-за чего казалась совсем маленькой, к окну. Небо черное с синевой, редкие звезды, редкие облака, освещенные сверху лунным светом, а снизу багровым огнем пожаров. Вокруг луны призрачный светящийся круг, даже кольцо, сквозь которое мигают звезды.

Он с радостным изумлением смотрел, как села на подоконник, прислонившись спиной к стене. Лунный свет падал на бледное лицо, делая его задумчивым, печальным и загадочным. Взглянув на него, коротко усмехнулась, забралась на подоконник с ногами, обхватила колени руками.

Страшась ее спугнуть, он приблизился неслышно, проследил за ее взглядом, луна медленно плывет по небу, потом он ощутил внезапно, что луна стоит, и все звезды стоят, а движется под ним пол, поспешно растопырил руки и ухватился за подоконник.

В полутьме услышал ее короткий смешок.

— И с тобой? Я думала, только у меня голова кружится от движения звездного неба.

Он подошел, снова встал на колени и робко прижался лбом к ее обнаженному бедру.

Гости пировали в зале, когда в окна коротко блеснул страшный багровый свет. Вяземайт лишь насторожился, губы задвигались, шепча заклятия, Аснерд вскочил и звучно шлепнул по бедру в поисках рукояти топора.

Свет исчез на короткий миг, затем возник трепещущий, словно сильный ветер старался задуть пламя гигантского факела, из багрового превратился в пурпурный, цвета свежепролитой крови, стал алым, медленно перетек в оранжевый.

Люди вскакивали, расхватывали оружие, выбегали из зала, а самые ловкие прыгали в окна, уже ощетинившиеся, с оскаленными зубами, готовые к бою.

На городской площади, где шел свой пир, все уже повскакивали и смотрели в сторону дворца. Аснерд добежал до вооруженных воинов, оглянулся, волосы встали дыбом.

Из окон верхнего этажа дворца бил ослепляющий желтый свет. Казалось, само солнце зажглось там, испепеляющие лу-

чи вырываются наружу, слепят, превращают ночь в яркий день. Люди стояли потрясенные, Аснерд видел повсюду застывшие лица, вытаращенные глаза, изумление и потрясение непомерной мощью, ибо колдуны всей Куявии такого не сотворят, такое человеку не под силу, разве что богам, но и богам не под силу зажечь новое солнце...

Вяземайт подбежал, волосы растрепались, в глазах страх. Аснерд крикнул:

— Ты можешь сказать, что это?

— Никто не скажет, — ответил Вяземайт. — Такого... еще не было. Никогда... И... ни с кем.

— Но там Придон!.. Что будет с Придоном?

Вяземайт растерянно молчал. Самый яркий свет бил, проникая через каменные стены.

— Вяземайт, — сказал Аснерд требовательно, — что молчишь? Надо туда с топорами... или ты сам?

Вяземайт покачал головой.

— Если и может кто-то вынести тот испепеляющий жар, то это Придон. Подождем. Я видел только свет, разве мы уже горим, как стог сена?

Еще не проснувшись, Придон ощутил, что в зале не осталось приторных запахов душистых масел, притираний, благовоний. Воздух чист, свеж и резок, как после короткой летней грозы, когда сразу дышится легко и свободно.

Он открыл глаза, удивился необычной резкости зрения: мог рассмотреть все шерстинки ковра, что на дальней стене, глубоко вздохнул, тело заполнила ликующая радость. Осторожно повернул голову, Итания рядом, спит, невинный и чистый ребенок.

На бледных щеках густая тень неправдоподобно длинных ресниц, золотые волосы роскошно раскинулись по шелковой подушке.

За дверью послышались тяжелые шаги. Звякнул металл, страж то ли поднялся на ноги, то ли стукнул древком копья о каменные плиты пола, в ответ прогремел тяжелый голос Аснерда. Придону почудилось, что он услышал и дыхание Вяземайта, хотя через весь зал, да еще плотно запертые двери...

Он быстро подошел, распахнул дверь и так же быстро вышел, тут же притворил за собой створки, пусть золотоволосое сокровище спит. Аснерд и Вяземайт смотрели на него, выпучив глаза. Оба показались меньше ростом, словно за ночную пирушку усохли, уменьшились.

— Ну что так рано?

Аснерд смотрел пытливо, на языке вертелись сотни вопросов, но на некоторые ответил, как мог, еще Вяземайт, он же не позволил ринуться в охваченный неистовым светом дворец, однако что с Придоном, как мог не заметить...

— Что-то случилось? — повторил Придон.

В глазах старого полководца он видел изумление. Аснерд старался его скрыть, но глаза выдавали, смотрел на Придона и не мог вымолвить слова. Вяземайт же обошел Придона вокруг, ахнул.

Придон повернулся, с удовольствуем чувствуя в себе нечеловеческую мощь. Вяземайт смотрел с тем же изумлением, как и Аснерд.

— Ты изменился, Придон, — проговорил Аснерд дрогнувшим голосом. — Ты хоть это знаешь?..

— Нет, — признался Придон, — я чувствую себя все тем же, которого ты сажал на коня. Но, правда, что-то произошло. Я чувствую себя способным перевернуть мир.

Вяземайт покачал головой.

— Что-то? Да, конечно, что-то! Аснерд, он не понимает...

Аснерд, все еще глядя с тем же изумлением, посоветовал:

— Придон, подойди к зеркалу.

Придон засмеялся:

— Как скажешь...

И замер, обернувшись к стене, где в ряд бесстрастно отражали мир большие зеркала. Он прежний Придон, но в то же время и как будто он в самом деле выше, крупнее, в глазах свет, на спине совсем другое ощущение, будто выросли крылья. Непроизвольно завел руку за спину, ощупал лопатки. Пальцы везде скользили по гладкой чистой коже, а ранку найти не удавалось.

— Исчезла, — сказал Вяземайт. — Теперь уже полностью исчезла. Что за древние силы... Ладно, не спрашиваю.

— Что с нами делают женщины, — проговорил Аснерд со странной грустью в голосе. — А ты говоришь: магия, магия... Вот магия! В каждой женщине столько магии, что...

— Всех бы их на костер, — проговорил Вяземайт.

— За что?

— За то, — буркнул Вяземайт. — За то, что сами не понимают... Сегодня они из нас делают богов, завтра превращают в пепел.

Придон обнял их за плечи, так и пошли вниз, навстречу уже гудели голоса пирующих, громко и не в лад дудели трубы, стучали бубны. Придона усадили в кресло с высокой спинкой, даже нарочито на помосте, чтобы видел всех и его видели все, он — воин, но в то же время и тцар.

Про дивный свет никто спросить не решился, тайной покрыты деяния богов и магов, когда можно будет, тайны раскроются. Пили, ели, хвастались подвигами, Придон тоже с видимой всем легкостью беседовал с сидящими рядом, но вдруг во всем огромном зале оборвалось пение, застыли пляшущие, а пирующие за столами опустили кубки и повернулись к лестнице. Сверху возник трепещущий свет, чистый и радостный, подобный они видели среди ночи, он тогда из окон спальни осветил весь город, но сейчас свет не ослепляющий, он приближался, разрастался, наконец все увидели, как по лестнице грациозно спускается Итания.

Чистый свет шел от нее, окружал сиянием.

Придон смотрел в ее лицо с высокими, изящно вылепленными скулами, в ее дивные глаза, самые синие в мире, даже лиловые, большие, блестящие, с длинной бахромой загнутых ресниц, и сердце снова рухнуло в пропасть. Как он мог хватать своими грубыми лапами эту недостижимую красоту, смотреть в эти огромные чистейшие глаза, выразительные и говорящие лучше слов? А потом вот так прийти и сесть за стол?

Едва не опрокинув кресло, он вскочил, ринулся к ней, уже не Придон, грозный сотрясатель Куявии, а растерянный слагатель песен с окровавленным сердцем, раскрытым ей навстречу.

Она, когда он еще не смотрел в ее сторону, на краткий миг

успела увидеть свирепость на суровом и жестоком лице, и тут же глаза вспыхнули счастьем, лицо осветилось, он во мгновение ока оказался перед нею, ухватил ее ладонь обеими руками, упал на колено и поцеловал кончики ее пальцев.

Кто-то сказал из зала в благоговейной тишине:

— Да, настоящего мужчину видно по женщине...

Придон поднялся, Итания взглянула снизу вверх в его живое помолодевшее до глупости лицо. Если бы был щенком, а не гороподобным воином, с визгом бы кинулся лизать ей руки, она все поняла и вместо всплеска гнева, с которым шла, спросила негромко:

— Придон, ты решил держать меня в темнице?

Он отшатнулся, чувствуя на себе сотни пар глаз. В зале мертвая тишина, все опустили кубки, смотрят с ожиданием.

— Это твой дворец!

Она сказала с ледком в голосе:

— Мне даже по дворцу не разрешают ходить. Я имею в виду, везде.

В его черных широко расставленных глазах пронеслись, словно стая мелких птиц, смущение, испуг.

— Итания! Дворец... это же не просто дом, это пять домов, а между ними еще сады, фонтаны, зверинец!.. Вяземайт прислал десяток колдунов. Они снимают все чары, а их немало, ломают заклятия, очищают стены, камни, окна, двери. Я знал, что Куявия — страна колдунов, но чтоб столько? Пойдем, что нам этот пир... мне пир везде, где ты...

Она не спорила, когда он взял ее под локоть и провел мимо всех столов по направлению к выходу. Им кричали здравицу, поднимали в их честь кубки, Итания милостиво, хоть и чуть холодновато улыбалась, но грубые артане не замечают разницы, улыбается — значит, рада, и орали все громче, пока за ними не закрылись двери.

Итания спросила сердито:

— И долго будешь затыкать все дыры, чтобы я... не сбежала?

Он развел руками, ими бы деревья ломать, но он жалко переступил с ноги на ногу, снова развел руками, на лице было выражение, словно она ударила в самое уязвимое место.

— А ты... сбежишь?

— Если будет возможность?

Он посмотрел в ее лицо, вздохнул, плечи опустились.

— Да, — сказал он мертвым голосом, — да... Я сам сделал все, чтобы ты мне перестала доверять. Я тебя не виню. Но все равно я не могу... не могу отпустить тебя. Не могу. И не сделаю этого... А зачем тебе покидать дворец?

— Это мой город, — ответила Итания просто. — Похоже, я одна и осталась... из тех, кто может что-то сделать. Ты видишь красивую дурочку, но я с детства привыкла сидеть у отца на коленях и слушать его разговоры с советниками. Потом играла вблизи и тоже слушала, слушала. И всегда понимала, что, почему и как делается. И зачем. Так что знаю, как сохранить остатки города, остатки населения. Что, удивлен?.. Ты — тцар, но ты умеешь только захватывать города и жечь их. И людей истреблять. Я же...

Ее голос дрожал от негодования, сорвался, она умолкла, стиснула кулачки. Придон всматривался в ее раскрасневшееся лицо с удивлением и почти страхом.

— Какие у тебя... — прошептал он, — удивительнейшие глаза!.. Самые страшные грозы не в черных тучах, а в лиловых, как вот глаза у тебя... Они потемнели, в них блещут молнии.

— Придон, я говорю серьезно!

— Я тоже, — ответил он с восторгом. — Я даже не знал, что могут быть такие. Твои ресницы — это лес копий, что пронзили мое сердце. Твои губы...

Она топнула ногой, гнев в ее глазах разгорелся нешуточный, нежные щеки вспыхнули, как маков цвет.

— Ты надо мной смеешься?

— Итания, — ответил он торопливо, — город уже приходит в себя. Открыты все лавки, рынки... Улицы и даже дворы убраны. Ну, трупы убраны давно, еще в первые дни. Всех похоронили, я не хотел, чтобы начался мор. Ничего страшного уже не случится! Многие знатные куявы принесли присягу мне, налаживают прежнюю жизнь. Тебе не надо беспокоиться о таких мелочах...

— Мелочах?

— С ними справляются мужчины, — заверил он.

Она кивнула:

— Да, тут ты прав. Мужчины могут справляться только с мелочами, что плавают на поверхности, заметны.

Она отвернулась, оставив последнее слово за собой, это так важно в их нескончаемом поединке, сделала шаг, а Придон смотрел в ее ровную узкую спину, туго заплетенное золото косы, что-то дрогнуло в нем, он сказал неожиданно, как ему показалось, неожиданно даже для самого себя:

— Но если тебе так хочется выйти... Я сам, как твой раб, проведу тебя по Куябе!

Она резко обернулась, золотая коса описала широкий полукруг.

— Правда?

— Иди одевайся, — ответил он.

Никогда она не переодевалась с такой поспешностью, но, когда с Придоном вышли из дворца в яркий солнечный день, внизу у мраморных ступеней ожидали роскошные носилки, а молодой оруженосец держал под уздцы великолепного белого коня. В сторонке на конях гарцевали поджарые воины. Будь на их месте куявы, ждали бы спокойно и с достоинством, в полной недвижимости, осознающие важность положения, а эти горячили коней, поднимали на дыбы, подбрасывали кверху топоры и с хохотом толкались, мешали друг другу ловить, рискуя тем, что падающий с высоты топор раскроит острием голову.

У Итании сердце забилось чаще: носилки те самые, из которых впервые увидела этих страшных артан, увидела Придона с сияющими, как утренние звезды, восторженными глазами.

При виде Придона и прекрасной Итании всадники дружно выкрикнули «Слава!», а носильщики опустили цветной легкий домик на мраморные плиты и встали на колени.

— Всадники? — переспросил Придон, стараясь понять ее вопросительно вскинутые брови. — Они будут сопровождать нас в отдалении.

— Нет, — ответила она мстительно. — Нет, не эти твои...

Понимаю, ты без них не можешь, важная особа. Но где же мой конь?

Придон в недоумении указал на носилки.

— Тебе не нравятся?.. Мне сказали, что это и есть твои любимые. Скажи, принесут любые. Они все уцелели. Все рубили и жгли, но твои носилки никто тронуть не посмел. Даже без моего приказа!

— А по приказу Аснерда?

Он удивился:

— При чем Аснерд? Просто каждый артанин готов целовать землю, по которой ты ходишь! Как он посмеет что-то тронуть...

Она с победной улыбкой покачала головой:

— Это не те. Похоже, ты снова удивишься...

— Похоже, — ответил он настороженно. — Говори, я сделаю... гм... сделаю все.

— Тогда пусть мне оседлают коня, — сказала она. Окинув взглядом всадников, сказала неожиданно: — Чтобы не искать, пусть один из них уступит мне своего.

Он ахнул:

— Невозможно!.. Ты — и верхом?

— Возможно, — ответила она. — Давай коня, увидишь.

На его лице было недоумение, страх, она же такая хрупкая и нежная, ах-ах, вдруг какая рыба укусит, и в то же время, она видела, ему очень хочется, чтобы эта нелепость оказалась правдой. Это ж разнесется по всему артанскому войску, ею будут не только любоваться, но и гордиться, тоже в копилку победы артанскости.

Вяземайт, возможно, услышал их разговор или уже заранее знал, что случится, у него везде глаза и уши, послал двух людей в конюшни, вскоре бегом привели крупного спокойного коня, прекрасного статью, благородного обликом, даже Придон залюбовался, Вяземайт принял его у конюхов и сам, взяв под уздцы, подвел к Итании.

— Ваше Величество, — сказал он с поклоном. — Разве это не тот конь, на котором вы учились ездить... в ожидании Придона?

Она услышала, как у Придона остановилось дыхание. Она

ожгла Вяземайта негодующим взглядом, выдал, мерзавец, мог бы молчать и дальше, раз уж знал, но изобразила улыбку и ответила медовым голосом:

— Да, это мой конь, на котором я ездила. Здравствуй, мой дорогой Кувшинчик!

Она обняла умную морду коня, поцеловала в теплые бархатные губы. Ей почудилось, что Придон невольно вытянул шею, словно хотел оказаться на месте этого коня. Вяземайт передал коня огромному воину, которого Придон, когда представлял ей военачальников и героев, назвал Меривоем, а тот грузно опустился на одно колено, несказанно удивив ее знанием таких куявских тонкостей.

Она милостиво опустила ладонь на его склоненную голову, поднялась с его помощью в седло, пока Придон стоял, как дерево.

Разобрав повод, она повернула коня и спросила с сияющей улыбкой:

— Ну что, едем?

Придон шумно выдохнул. Он видел, с каким восторгом на нее смотрят воины. В начале войны она была драгоценной и недоступной жемчужиной, потом стала законной добычей Артании, как ее земли и города, а сейчас в мгновение ока превратилась в артанку, в артанскую ценность, да только за это каждый бросится за нее в огонь...

— Итания, — прошептал он, — я даже не думал...

— Да я знаю, — прервала она и пустила коня шагом. — Если бы артане еще и думали!

Придон тут же вырос рядом, а с другой стороны, чуть поотстав, некоторое время ехал Меривой, присматривался к ее посадке, готовый в любой момент подхватить, помочь, спасти, затем она видела, как медленно отстал, присоединился к остальным, те засыпали его вопросами, а он отвечал коротко, все еще не сводя с нее взгляда.

ГЛАВА 6

К ее удивлению, облегчению и даже разочарованию, город жил, казалось, все той же жизнью. Самое обидное, что куявы, казалось, не замечают, что они под властью жестоких захват-

чиков. Всего месяц тому Куябу взяли, подвергли разгрому не менее жестокому, чем другие города, а многие, которые сразу открывали городские врата и признавали власть артан, так ведь и вовсе не трогали, и вот теперь улицы и площади Куябы заполнены народом, все суетятся, спешат, лавки открыты, в кварталах кожевников и оружейников работа днем и ночью, из кузниц сизый дымок, несется перестук молотков, пахнет горящим железом, а из булочных вкусно пахнет свежеиспеченным хлебом...

Они проехали по центральным улицам, народ прижимался к стенам, давая дорогу всадникам, но опять же, к облегчению Итании и смутному разочарованию, никто в ужасе не прятался в дома, не слышно стука задвигаемых засовов, даже ставни открыты, на артан смотрят с вялым любопытством, но не больше, привыкли.

Кто-то узнал ее, закричал:

— Итания!.. Божественная Итания!

Все поворачивались в ее сторону, Итания выпрямилась, кровь бросилась в лицо. Конь выступал ровно, гордо, прямо с артанским достоинством. Она видела недоумение на лицах, улыбнулась им милостиво, даже кивнула, в мозгу промелькнула запоздалая мысль, что ее могли вывезти в город нарочито, чтобы народ увидел, что она, жемчужина Куявии, не только схвачена и завоевана, но и приняла власть артан, сотрудничает с ними...

— Итания! — кричал народ. — Итания!

Кто-то по привычке падал на колени, но таких было мало, и она с потрясением поняла, как быстро артане ввели свои порядки. Перед старшими не только на колени, даже шапки не ломают, разве что дорогу уступят да еще поклон — это все из богатого перечня признаков внимания, уважения и почтительности, что с детства запоминал каждый куяв.

Даже перед нею не падают на колени и не закрывают лица, как было встарь, что значит — здесь уже Артания с ее суровыми и простыми порядками, никаких сложных ритуалов, что не может не нравиться простому люду.

— Итания!

Она выдавила улыбку и помахала рукой, что вызвало но-

вый взрыв ликующих воплей. Но кричат радостно, счастливо, все в самом деле жаждут видеть ее живой и здоровой, любуются, даже матери вон поднимают детей и показывают им ее, Итанию, чтобы и они росли красивыми.

У городских ворот народу было меньше, Придон соскочил, Итания пыталась спрыгнуть с седла сама, но он протянул руки и снял ее, как невесомое перышко.

— Ты когда-нибудь поднималась на стену? — спросил Придон.

— Никогда...

— Пойдем, покажу тебе его сверху. Честно говоря, довольно красивый город. Не Арса, конечно, но кое-что в нем есть, есть...

Он подал руку, Итания довольно легко, едва касаясь тонкими пальцами его широкой ладони, взбежала по крутым ступеням на самый верх стены. Стена, как каменная веревка, восьмиугольником окружает Куябу, а на ней, как узлы на этой веревке, через равные промежутки массивные высокие башни. Их восемнадцать, четыре вздымаются чуть ли не до облаков. Оттуда раньше всего замечали приближение вражеских войск, там обычно селились колдуны, но что от них осталось теперь, Итания старалась не думать.

На стене, к удивлению и облегчению Итании, почти все стражи оказались куявами. Немолодые опытные воины, они все так же несут варту, охраняют город со всех сторон, им платят, и они готовы все так же воевать и принимать удар, кто бы ни напал на город.

Однако в башнях были и артане. Это сразу заметила Итания, как и то, что в башнях их больше, а в четырех, самых крупных, где хранилось оружие, только артане. Придон вывел Итанию на самый верх четвертой башни, Итания огляделась и ахнула.

Город раскрылся весь, огромный, красочный, как игрушечный, и в то же время богатый, наполненный жизнью. Теперь она видела, что он весь кипит, как трудолюбивый муравейник, где муравьи бегают вроде бы беспорядочно, но муравейник исправно снабжается бревнами, кирпичами, глиной,

добычей, водой, зерном и всем необходимым для его муравьиной жизни.

Через северные ворота нескончаемой вереницей въезжали доверху груженные телеги. Возчики настегивали волов, Итания могла рассмотреть плотно уложенные мешки, похожие на муравьиные куколки, на других громоздятся горы забитых оленей, свиные туши, везут также винные бочки, а из города вывозят дорогие ткани, железные изделия, доспехи и оружие.

— Город живет, — сказал за спиной Придон.

Итания уловила в голосе артанина неподдельное сочувствие. Она обернулась, он смотрел виновато.

— Да, — ответила она сумрачно, — но как живет?

— Хорошо живет, — сказал он быстро.

— Ты не видел, как можно жить хорошо, — сказала она. — Сейчас люди просто стараются уцелеть. А чтоб хорошо жить, надо...

Она запнулась, а он после паузы сказал мрачно:

— Понимаю, чтоб все артане передохли.

— Я так не сказала, — возразила она.

— Ты это сказала про себя, — уличил он. — Ладно, Итания, что сделано, то сделано, зачем жалеть? Бесполезно смотреть в прошлое. Куявия разгромлена, Куяба взята, почти все ваши князья и беры уже служат мне. Это не повернешь, а если бы кто и хотел повернуть, я бы такому обрубил руки.

Она спокойно протянула к нему руки.

— Руби.

После той вообще-то пустяковой размолвки черная тень пробежала тихо и незримо, но оставила после себя широкую незримую щель. Итания почему-то замкнулась, в разговоры не вступала, а когда Придон что-нибудь спрашивал, обычно невпопад и ненужное, отвечала коротко, односложно.

Придон растерянно метался между дворцом и воинским станом, что по-прежнему размещался за пределами города. Его лучшие полководцы: Ральсвик, Щецин, Меклен, Бачило, Волик, Белозерц, Плеск, Прий, даже престарелый Канивец — предпочитали жить в полевых шатрах, а не в роскошных дворцах князей и беров Куявии.

Да что Канивец, даже Вяземайт, который в Арсе жил в роскошном каменном доме, где куча слуг одевала и чесала пятки, здесь ест и пьет у походного костра, спит у всех на виду тоже у костра, бросив под голову конское седло, а если и укроется когда от ночного холода, то грубой конской попоной.

Сегодня твердо решил объясниться с Итанией, больше нет сил терпеть эту муку, когда бессонными ночами никак не приходит рассвет, кипящая кровь бьет в голову такими толчками, что, будь перед нею городские ворота, разнесла бы вдрызг, когда сердце стучит часто и больно, будто бежит, бежит, бежит, изнемогая, а воздух душен и жарок, в окна, как в щели тонущего корабля, вливаются мощные струи запахов сада, а он здесь тонет, задыхается, захлебывается, хватается за грудь...

Все заметили, что за время размолвки он похудел, почернел, покрылся густой черной щетиной, а сбривал не раньше, чем настойчиво напоминали по нескольку раз за день.

Возле ее покоев ни души, стражи давно нет, попалась навстречу только служанка, шарахнулась в испуге. Он толкнул двери, в большой комнате полумрак, половина окон забраны плотными занавесями. Итания у окна на подоконнике, обхватив ноги обеими руками, а голову склонила на согнутые колени. Сегодня день тусклый, небо в тучах, но солнечный свет прошлых дней, запутавшись в ее волосах, озарял все вокруг, как будто там остались осколки тысячи крохотных солнц.

Он все чаще заставал ее в таком положении, сейчас видел, как плечи ее слегка дернулись, слышала, даже узнала. Сердце его стиснула железная рука, потому и не оглянулась, что узнала.

— Итания, — произнес он с болью, — что ты делаешь со мной?.. У меня день начинается с твоего имени, у меня все творится твоим именем, я живу только потому, что...

Он запнулся, показалось нехорошо и даже стыдно упоминать, что уже спал бы вечным сном под дерновым одеялом, если бы не надежда увидеть ее снова, надежда и страстное желание увидеть, схватить, взять, завладеть...

Она ответила глухо, в колени, не поднимая головы:

— Придон, что бы тебя ни вело, это не любовь. Ты этого еще не понял?

Он вскрикнул, дрожа всем телом:

— Не любовь?.. Если женщину не любишь, за нее не выйдешь даже на поединок!.. Зачем, убить же могут! Я же прошел полмира, я сражал дивов, я падал в пропасти, я спорил с богами, я убивал драконов... и только для того, чтобы заслужить право смотреть на тебя! А когда мне и в этом было отказано, я двинул в бой всю Артанию!.. Так что же, какое истинное имя моему безумию?

Она начала медленно поднимать голову, и в этот момент в дверь настойчиво постучали. Раздраженный, он гаркнул люто:

— Ну что там еще?

Дверь отворилась, вошел, к его удивлению, Вяземайт. В белом, в руке посох, который Придон видел в руке Вяземайта не больше дюжины раз, брови сдвинуты над переносицей, глаза втянулись в пещеры, взгляд не поймать. Придон ощутил нарастающее раздражение, оглянулся на Итанию. Она уже смотрела на него внимательно и печально, тоже похудела, в глазах боль и страдание.

— Ну что еще? — повторил он нетерпеливо.

Вяземайт коротко поклонился.

— Великий тцар, — сказал он ровным голосом. — Совет военачальников просит тебя почтить присутствием наш сбор.

Придон поморщился:

— Что за сбор?

— Важный сбор, — ответил Вяземайт, он старался не встречаться с Придоном взглядом. — Надо решить, что дальше.

Придон пожал плечами:

— А ничего! Разве что двинуть войска на Славию... так мы с ней давно не ссорились! Да и незачем пока.

Вяземайт покачал головой:

— Нет, великий тцар. Надо решать, что с нашим войском. Скоро осень, а дальше наступит, если ты еще не забыл в этих роскошных покоях, зима. Самые мудрые требуют возвращения.

Придон вспыхнул, жар бросился в лицо. Вяземайт отступил, когда Придон выпрямился, словно вспомнив, что он — тцар, а не тот мальчишка, которого Вяземайт и Аснерд тогда взяли в Куявию. Он обернулся, бросил Итании:

— Я скоро вернусь! И мы сегодня же все решим.

Вяземайт бросил на Итанию взгляд, исполненный легкого неудовольствия. Всего лишь неудовольствия, но она прочла в нем много. Как и то, что Придон вряд ли скоро вернется.

Придон на ходу бросил стражам:

— Быстро оседлать моего коня!

Вяземайт сказал быстро:

— Не стоит. Мы собрались здесь, через два зала. Где Тулей принимал почетных гостей. Не таких, как мы.

— Что случилось? — удивился Придон. — Всегда избегали дворцов, вам-де сладок дым костров и запах конских каштанов...

Вяземайт нахмурился, бросил коротко, но в его голосе Придон уловил грозное предостережение:

— Говоришь, как куяв.

— Но все же?

— Увидишь, — ответил Вяземайт мрачно, — поймешь.

Он переступил порог и остановился в замешательстве. Горят все светильники, артане любят яркий свет не меньше Тулея, сумрак сгущается только под высокими сводами, а весь зал полон плечистых мужчин, все с оружием, все с суровыми лицами военачальников. Никогда еще не видел столько блистательных полководцев Артании в одном месте.

Вокруг большого стола сидят во главе с Аснердом Плеск, Белозерц, Щецин, Волин, Ральсвик, Меклен, Прий, Канивец, Шульган, Норник, Краснотал Темная Туча, Бачило и еще с десяток виднейших полководцев, военачальников, глав крупнейших родов и племен Артании, которые привели с собой надежные войска.

Мало того, в зал внесли еще три длинных стола, за ними разместились многие военачальники, которых Придон знал только в лицо, а некоторых не знал вовсе: привели свои отря-

ды только-только, наслышавшись в Артании о его великих победах.

Аснерд поднялся при виде Придона, быстро встали и другие, воздух колыхнулся от сдержанного «Слава!». Все сели, Придон опустился в кресло рядом с Аснердом, подумал раздраженно, что здесь у всех сиденья на одном уровне, а вот на троне он сидел бы повыше. Ужаснулся, что его заботит такая мелочь, что вообще подумал о таком, к лицу прилила краска, и почти половину пропустил из краткого вступления Аснерда.

— ...и потому полагаю, — закончил Аснерд твердо, — что нам пора возвращаться.

Придон вздрогнул, повторил неверяще:

— Возвращаться? Я не ослышался? Ты сказал, возвращаться?

— Мы выполнили все, — сказал Аснерд твердо, — что было нами задумано.

Придон задохнулся, будто получил удар комлем дерева в солнечное сплетение. В глазах на миг потемнело, он перевел дыхание. Щецин, который первым предложил ему себя и своих сыновей, добавил осторожно:

— Да, Придон! Мы можем смело смотреть в глаза всем встречным в Артании. Это самое важное. У нас и наших детей спины всегда будут прямыми и плечи развернутыми при слове «Куявия».

А Ральсвик добавил:

— А ты увезешь величайшее из сокровищ. И все страны и народы будут знать, что Итания, из-за которой вспыхнула война, у нас.

Придон стиснул челюсти до ломоты в висках. Они начали говорить один за другим, выкладывая доводы, бахвалясь победой, все такие же отважные и удалые, как и пришли... Но почему они остались прежними, будто с ними ничего не произошло?

Он перевел дыхание, опустил ладони на столешницу и сказал как можно спокойнее, но пламя рвалось из него при каждом слове, а голос звенел, как труба, зовущая в бой:

— Мы совершили больше, чем рассчитывали! Да, мы все

горели страстью разгромить эту подлую страну, но, если честно, рассчитывали, что удастся? Нет, полагали, что захватим пару городов, пусть даже десяток, пограбим, вытрясем из Тулея богатый выкуп и — с песнями в свои родные степи!.. Но мы — разгромили, разгромили! Мы захватили все богатства крупнейшей державы, все ее земли! Да что там земли, все куявы — наша добыча! И что — уходить?

Аснерд кивнул. Лицо отвердело, глаза втянулись в каменные пещеры, поблескивали оттуда сухим слюдяным посверком.

— Уходить, — сказал он громыхающее. — Уходить, захватив с собой все золото, все самоцветы, все драгоценности. Я бы еще выломал городские врата Куябы... или парадные двери в покои Тулея. Пусть наши потомки в Артании дивятся нашим подвигам и возносят нас, вот таких отважных и... хаха!.. красивых.

На двух-трех лицах проступили неуверенные улыбки. Придон не двинул бровью, темные глаза наливались бешенством. Он наклонил голову, глядя на воеводу исподлобья.

— И мы, — сказал он громовым шепотом, — удовольствуемся такой малостью?..

— Разве это малость?

— Мы можем больше, — отрезал Придон. — Пока еще все то, что мы сделали, — великолепный набег, небывалый набег!.. Но страна считается захваченной, если победитель продержится в ней полгода! Разве не так?

Все взоры обратились к Вяземайту. Тот закряхтел, развел руками, посмотрел на Аснерда, но тот покачал головой. Вяземайт снова закряхтел, голос упал, стал сиплым:

— Ты помнишь, я первым начал говорить о большом походе... даже — великом походе! Мы вторглись в Куявию, я был счастлив. Мы совершили, Придон... Мы совершили!

В голосе верховного волхва прозвучала нечеловеческая мощь. Под сводами заметалось эхо, из глаз Вяземайта полыхнули молнии. Вокруг него вспыхнул красный свет, затрепетал и втянулся в его тело.

Придон смотрел все так же пристально. Остальные молчали, посматривали тихонько то на Вяземайта, на мгновение

ставшего мощью равным богам, то на Придона, потомка и соперника богов.

— Что, — спросил Придон, — что мы совершили?

— Мы совершили, — повторил Вяземайт торжественно, — мы совершили то... что было важно для самой Артании!

— Что? — повторил Придон.

— Мы прошли по пути Артании, — сказал Вяземайт все так же веско, — и Артания... даже важнее того — артанскость спасена!

Придон выглядел озадаченным. Покосился на военачальников, у всех на лицах недоумение, только Аснерд опустил глаза.

— Артанскость? — повторил Придон. — Хорошо, хоть я этого и не понимаю. Пусть спасена этим походом, но разве рухнет, если останемся?

— Нет, — ответил Вяземайт, — но...

Придон сказал резко:

— Вот и прекрасно! Артанскости это не грозит, нашей Артании — тоже. Так что вас страшит?

Вяземайт подыскивал слова, заговорил Аснерд:

— Дай я скажу. Придон, мы просто выполнили все, что задумывали. Сейчас в наших руках больше, чем можем удержать. Ну скажи мне: что нам здесь делать?.. Остаться здесь жить? Привезти семьи или взять в жены куявок? Каждому артанину стать беричем?.. Это серьезно, я не шучу. Куявов в десять раз больше! А богаче в сотни раз, каждый артанин сразу почувствует себя богачом... И потихоньку-полегоньку восхочет жить по-куявски, стать куявом. Этого ты хочешь?

Говорил он медленно, рассудительно, негромко, но страшная угроза звучала в каждом слове. Военачальники ерзали в креслах. Люди действия, они молниеносно чувствовали, как расставить войска, куда послать лучников, куда легкую конницу в быстро меняющейся обстановке боя, сами могли увлечь за собой усталых людей и переломить ход битвы в свою пользу, но сейчас, Придон отчетливо видел, все чувствуют себя не на месте.

Он вспомнил странный обмен репликами между Щажардом и Барвником, когда были у Тулея на приеме впервые: то-

гда все они явились в своем артанском облике: обнаженные до пояса, грубоватые, громко смеялись, грызли кости и бросали под стол или через плечо, хохотали громко, звучно шлепали один другого по широким потным спинам, хватали кувшины с плакун-травой и пили прямо из горлышка. Барвник тогда сказал Щажарду непонятные слова, косясь на артан: «Это тоже спесь» — и, когда Щажард не понял сразу, Барвник пояснил: «...только другого рода». Он, Придон, тогда вообще не понял и даже не обратил внимания на те слова, но сейчас как молния пронзила мысль: да, они тогда держались нарочито грубо, вызывающе, чтобы эти надутые куявы не подумали, что их поразила эта роскошь, это богатство, это изобилие. И подчеркивали свое презрение к удобствам, к роскоши, и, когда Щажард, вспомнилось, поправил на груди толстую золотую цепь с огромным талисманом, украшенным алмазами, он, Придон, в ответ молча вздул грудь и напряг мускулы.

Вяземайт страшится, что если останутся в Куявии надолго, то даст трещину именно эта спесь, что на самом деле не спесь, а незримые доспехи бедняков...

У него закружилась голова, никогда не задумывался над умными вопросами, а сейчас как раз прикоснулся к чему-то подспудному, тайному, что движет миром.

Он молчал, кровь медленно отлила от лица, плечи приподнялись, словно он набирал в грудь воздуха для крика, затем резко опустились. Все услышали резкий выдох. Лицо Придона посерело.

— Наверное, — выговорил он с трудом, — ты... прав. Я сам начал ощущать этот... этот яд... куявскости. Уже восхотелось вкусно есть и мягко спать, а отсюда далеко ли до трусости? Куявы постоянно говорят, что лучше идти, чем скакать на коне, лучше стоять, чем идти, лучше лежать, чем стоять... А у нас в крови скакать навстречу ветру!.. Наверное, ты прав. Но тогда поступим по старому обычаю.

Кто-то из молодых спросил быстро:

— Какому?

На него шикнули, Придон оглядел всех усталыми глазами.

— Повторяю, страна считается захваченной и побежден-

ной, если войска победителя пробудут там полгода. Мы здесь с квитня... или травня?

— С травня, — сказал Вяземайт. Он кривился, прятал глаза, наконец решился, сказал твердо: — Нет, Придон! Надо уходить сейчас.

Придон прорычал утомленно:

— Почему? Ну почему?.. Прошло уже четыре, даже пять месяцев!.. остался всего один. Через месяц мы выступим обратно. В Артанию. Зато никто уже не посмеет сказать или написать в хрониках, что это был просто большой и удачный набег.

Наступило молчание, причины которого он не понял. Наконец завозился Вяземайт, сказал угрюмо:

— Придон, почему ты не веришь нам? Тем, кто шел за тобой, не задавая вопросов?.. Мы выполнили все. Все выполнили!

Придон спросил с нажимом:

— Но что насчет полугода?

Все отводили взгляды, смотрели на стены, друг на друга, но только не на него. Придон ощутил неладное. Вяземайт зыркнул исподлобья, откашлялся, в беспомощности взглянул на Аснерда. Тот покачал головой, Вяземайт сказал с явным раздражением:

— Придон!.. Все знают, что мы разгромили Куявию вдребезги!.. Кто бы что ни сказал — мы победили. Мы захватили все города. Во всей Куявии не осталось даже малого войска, что рискнуло бы выступить против нас. Что тебе еще надо?

— Чтобы все было записано, — отрезал Придон, — как победа, а не набег! Потому вот вам мое решение: мы — остаемся.

Он встал, оперся руками о столешницу. Военачальники сидели, похожие на серые тяжелые глыбы камня, такие же неподвижные и молчаливые. Аснерд крякнул, сказал с досадой:

— Вяземайт... скажи все. Придон поймет. Поймет правильно.

Вяземайт колебался. Придон спросил напряженным, как тетива лука, голосом:

— Что я должен понять?

Аснерд повторил:

— Вяземайт, скажи. Иначе скажу я сам.

В зале стояла мертвая тишина. Слышно было, как далеко-далеко едва слышно простучали подковы, кто-то мчался на куявском коне. Вяземайт прокашлялся, но голос остался хриплым:

— Придон, были грозные знамения...

Он запнулся, Придон сказал с нажимом:

— Говори. Вон Аснерд говорит, что я хоть и дурак, но пойму.

Аснерд развел руками, он, мол, говорил не совсем так, Вяземайт не принял шутки, лицо потемнело, ответил с большой неохотой:

— Были знамения... Нехорошие.

— Когда-то у тебя все были хорошие, — напомнил Придон. — Любая примета говорила о наших победах, помнишь?.. все сбылось! Но я не дрогну, если что-то окажется не совсем... нам и так слишком долго везло.

Аснерд сказал строго:

— Это было не везение! Мы — лучше, потому и побеждали. Вяземайт, не тяни кота за хвост!

— Придон, — сказал Вяземайт уже решительно, словно бросаясь в холодную воду, — звезды стоят таким образом, что тебе грозит неминуемая гибель, если не покинем Куябу... да и всю Куявию.

Военачальники молчали, никто не вздрогнул, не поежился. Знают, понял Придон, взглянул на Вяземайта. Тот смотрел в стол.

— Звезды, — сказал Придон с тоской. — Две недели небо в тучах, но ты... гм, на то и волхв!.. И сколько мне осталось?

— Месяц, — ответил Вяземайт, — если останешься. Долгая жизнь, если вернемся в течение трех недель. Но не просто долгая жизнь, Придон! Не долгая и спокойная, а полная подвигов, приключений, битв, сражений с чудовищами! Вот что тебя ждет. Ты рожден, чтобы изменить мир! Весь мир, подумай! Здесь и решать нечего.

Аснерд молчал, его медвежьи глазки пытливо смотрели из-под нависших каменных уступов с седыми кустами бровей. Придон задохнулся, как от удара под дых, с трудом сглотнул, перевел дыхание.

— Куявскость подбирается к нам незаметно, — сказал он с тоской. Поправился: — Пробирается в нас!.. Хитреньким таким червячком. Я чуть было не пропустил такую гадость внутрь себя. Долгая жизнь, полная подвигов!.. Разве не сладкая приманка?

— Ну почему приманка, — пробормотал Вяземайт. — Все обещано именно так.

— Потому, что ради нее, — сказал Придон с горькой иронией, — ради будущей долгой жизни, я должен отказаться от подвига сейчас, верно? Отказаться сегодня. То есть, попросту говоря, струсить. Отступить.

— Ради большой победы, — возразил Аснерд строго, — можно отказаться от малой! Или так: можно проиграть сражение, чтобы выиграть войну!.. А мы нигде не проиграли. Мы завоевали, а затем покидаем завоеванную страну сами. По своей воле. Ни один вооруженный куяв не дышит нам в затылок.

Он взглянул на Вяземайта, тот кивнул, сказал торопливо:

— Более того, тебе предназначено завоевать весь мир!.. Но если покинешь Куявию, где тебе грозит гибель, в течение этого месяца. Я не знаю, откуда это исходит, Придон. Я вопрошал богов, но и они не знают. Здесь что-то совсем непонятное!.. Почему даже боги не знают?

Придон взглянул исподлобья. Открыл рот и тут же захлопнул. Рассказать — это Вяземайту придется менять отношение к богам, а зачем?

— Ради великой победы в будущем, — сказал он, — я должен немножко сподличать сегодня? Так?.. Нет, Вяземайт. Нет, Аснерд, и вы, друзья мои. Я — артанин. И вы, надеюсь, все еще артане. Если мне суждена здесь гибель, я приму ее по-артански. И вы, надеюсь, примете с достоинством.

ГЛАВА 7

Ярость бушевала в нем, как ураган в Черных Землях. Перед глазами застилало то красным, то черным, он кое-как добрался до Малого зала, где Тулей принимал самых доверенных, велел стражам никого не пускать, с размаху всадил в се-

редину стола топор и сел, устремив взгляд в исцарапанное лезвие.

Ящер с ними, пусть они называют это спесью, артанской спесью, но ему в самом деле плевать на изнеженность, на уют, на приглушенный свет и томные речи, он презирает жирную еду, от которой мужчины становятся толстыми и ленивыми, презирает трусость и страстное желание спасти шкуру любой ценой!

— Я — артанин, — сказал он вслух. В тусклом лезвии помещался только массивный подбородок, чуть раздвоенный, с ямочкой посредине, настоящей ямочкой, которую принимают за шрам, потому что откуда у него ямочки, а вот шрамы — да, у Придона должны быть шрамы, шрамы... — Я артанин, я должен оставаться артанином. Я им останусь, не дамся куявскости. Не дамся!

На лезвии топора слабо блеснуло лиловым с примесью красного. В помещении потемнело, он вскинул голову, взгляд упал на окно, там по слабому алому закату ползут или вообще застыли на месте грязновато-лиловые облака. Сумрачно блестели железные прутья решетки.

Он поднялся, топор остался торчать, задранной рукоятью гордо указывая на свод. Дверь отворилась без скрипа, он пробежал по лестнице вверх. У дверей Итании в кресле расположилась служанка, вязала. Застыла при виде Придона, сжалась в комок, стараясь превратиться в мелкого червячка и затеряться среди складок, он прошел мимо, не поворотив головы, толкнул дверь.

В просторных покоях пусто, слабый запах благовоний, уже застарелый, никто не добавляет их в масло светильников, вообще запустение.

— Итания, — позвал он негромко. — Итания, ты здесь?

Слабое эхо отозвалось под сводами. Лесенка вела еще выше, уже в спальню, он шумно взбежал по ступенькам, но перед последней дверью приглушил шаги. Почти на цыпочках прокрался к дубовым створкам. Сердце стучало так, будто примчался не на второй этаж, а на вершину горы за рукоятью меча.

Несколько мгновений прислушивался, по ту сторону ти-

хо, неслышно приоткрыл дверь. В щель было видно край ложа, но Итании там не было. В страхе, что она исчезла снова, он распахнул с такой силой, что едва не сорвал с петель. Хорошо подогнанная дверь даже не скрипнула, а Придон запнулся на бегу.

Итания спала, по-детски подложив под щеку ладошку. Колени подтянула к животу, сгорбилась, лицо несчастное, золотые волосы разметались по огромной подушке. Придон в нерешительности приблизился, постоял, чувствуя, как громко стучит сердце, может разбудить. Одна ладонь прикрыла левую половинку груди, заглушая стук, другой тихонько коснулся ложа.

Итания еще не очнулась от тягостного сна, Придон присел на самый краешек. Он даже смотреть страшился пристально, боясь разбудить ее взглядом.

Итания во сне сдвигала брови, подергивала щекой, даже постанывала. Прядь волос упала на лоб, щекотала веко. Придон осторожно отвел ее в сторону, невесомое золото, мягкое и шелковистое, от него через пальцы по всему телу пошла дрожь, затем сладкая истома.

Ее веки затрепетали, он не успел убрать руку, как глаза открылись, синие, как небо. Еще затуманенные сном, они взглянули прямо, без удивления.

— У тебя прибавилось шрамов, — сказала она очень знакомым голосом. Осеклась, взглянула дико, повела глазами по сторонам. Лицо исказилось страданием, затем медленно побледнело, застыло, и лишь тогда проговорила хорошо контролируемым голосом: — Мой господин снова хочет утолить жар своей плоти?

Он встал на колени перед ложем. В его лице, обращенном к ней, были страдание и мука.

— Итания, — прошептал он, — почему по ночам к тебе приходит... другой Придон? Почему с ним ты ласкова?.. Почему унижаешь меня?

Она ответила ровным голосом:

— Унижаю? Ты же сам сказал, что приходишь и берешь. То, что считаешь брать вправе.

— Но разве я не вправе за все, что я...

Она прервала с оскорбительной холодностью:

— Возможно, ты вправе был взять обратно меч. Возможно!.. Меч хранит молчание, а молчание можно истолковать и в свою пользу. Я все сказала, Придон.

Она закрыла глаза, ее тело вытянулось на ложе, она раскинула руки и даже слегка раздвинула ноги. На ее бледном лице проскользнула гримаска отвращения.

Он вскочил, ярость и бешенство сшиблись в груди, и в то же время чувство вины обожгло сердце.

— Я все равно, — прохрипел он обугленным ртом, — все равно... не откажусь от тебя, Итания!.. Ничто не могло меня заставить отказаться раньше, не заставишь и теперь.

Она смолчала, только шире раздвинула ноги, взгляд ее был устремлен в потолок.

Он захрипел, в глазах потемнело от гнева. Метнулась наискось дверь, перепуганные глаза служанок, затем холодный воздух зашипел на его раскаленной коже, льдинки звезд смотрели сочувствующе, но молчали.

День проходил за днем, он горел на медленном огне. Итания не разговаривала с ним, на все вопросы отвечала коротко и односложно. Иногда он замечал, что веки ее припухли, а глаза покраснели, но всякий раз холодно встречал неуклюжие попытки просто разговорить ее, расспросить. И в то же время постоянно помнил, что было же мгновение, когда ледяная корка вокруг ее сердца растаяла, когда ее руки обвились вокруг его шеи, когда ее губы вдруг из каменных и холодных стали мягкими, горячими и в самом деле ответили ему на поцелуй!

И хотя это было всего лишь мгновение, но он помнил, все время помнил, в этом была его надежда, спасение и его страх, ибо слабую искорку можно как раздуть, так и загасить. И потому лишь смотрел на нее робко и умоляюще, а вспышки гнева старался подавить в самом зародыше. В конце концов, он лишь осуществил свое право по отношению к женщине. Тем более к той, которая и была для него предназначена.

В очередной раз, озлившись и потеряв терпение, он заставил себя выйти из дворца. Яркий свет ослепил, но Аснерд тут

же запряг в работу, пришлось целыми днями метаться по городу, улаживать конфликты, однако ночами он несся со всех ног во дворец, как вихрь проносился наверх к ее покоям, а там, уже в виду дверей в ее покои, передвигался на цыпочках.

Однажды ему почудилось, что она смеется, потихоньку открыл дверь, Итания разговаривала с молоденькой служанкой. При его появлении служанка безумно испугалась, а лицо Итании стало холодным и неприятным.

— Что изволит мой господин? — спросила она и поклонилась, словно они обе были его служанками.

Кровь бросилась ему в лицо. Он задышал шумно, шагнул, еще не зная, то ли переломит ее пополам, чтобы закончились его муки, то ли схватит в объятия и вопьется в ее нежные губы жадным поцелуем...

Она стояла спокойно, полная достоинства. Он остановился, а его рука, что уже коснулась ее плеча, бессильно упала. Если посмотреть со стороны, то именно куявка сохранила лицо, а он, гордый артанин, его теряет. На глазах служанки и, хуже того, в собственных глазах.

— Ничего, — прохрипел он, — ничего, ты все делаешь... правильно. Я заслужил то, что получаю.

Он резко повернулся и почти выбежал. Кровь грохотала в черепе, пальцы дергались, он уже чувствовал в них ее мягкое податливое тело. В мозгу проскакивали горячечные картинки, где он не то бьет ее так, что на стене остается только красное пятно, не то падает на колени и вымаливает прощение... а вот еще скачет на горячем коне, а она у него в руках, обхватила тонкими руками и прижалась, прячет лицо от ветра у него на груди...

Снова ушел в Малый зал Тулея, выхватил топор и вонзил в роскошную столешницу. Лезвие вошло легко, мягко, хотя он слыхивал, что это дерево по крепости не уступает граниту.

— Я артанин, — сказал он вслух. Прислушался к своим словам, повторил: — Артанин... Но как должен поступить артанин?

Сел, но усидеть не мог, вскочил, забегал от стены до стены. Если попадалась какая мебель, отшвыривал с такой силой, что разлеталась в щепы.

Наконец снова сел, как учил Вяземайт, поставил локти на стол, глаза неотрывно на лезвие, что погрузилось в дерево почти наполовину.

Так сидел до темноты, вспоминал, говорил мысленно, спорил, доказывал, объяснялся, оправдывался, снова объяснял, почему так, а не по-другому. Воздух в зале затхлый, благовония пахнут тиной, если честно, а все эти ароматные масла — все равно что козий помет, но жены беров никогда коз не видели и помета не нюхали, так что им все сойдет, лишь бы запросили за эти масла подороже...

Сперва он видел только часть своего лица, чаще всего нос или подбородок, потом стали появляться отец, дядя Горицвет, дедушка и старые воины, которых он застал, будучи мальцом. Они смотрели на него благожелательно, но Придон не обольщался, спрашивал, что он сделал правильно, а что нет, выслушивал...

Он слышал, как тихонько приоткрылась дверь. Не оглянулся, в тусклом лезвии появилась тонкая фигурка, в груди сразу заныло, и вспомнил некстати шуточку Аснерда, что любовь — это зубная боль в сердце.

Тихие шаги остановились за спиной. Он сцепил зубы, заставил себя смотреть в металл, не оборачиваться, не вздрогнуть, если вдруг его плеча коснутся ее нежные трепетные пальцы.

— Страж сказал, что ты говоришь... с предками.

— Да, — ответил он, не оборачиваясь. — И еще я велел никого не пускать.

Он сам удивился, что посмел ответить так, ведь только что готов был упасть перед ней и ползать на брюхе, но что-то в нем прищемило ему язык и ответило за него.

Отражение в лезвии топора не сдвинулось, Итания минутку помолчала, тоже удивленная, потом в ее голосе послышался смешок:

— Кто посмеет?.. Но перед тобой топор!

— К тому же в середине стола, — ответил он с иронией. — Дорогого, из редких пород дерева! Купленного в заморских странах за золото, драгоценные камни и рабов...

Не дождавшись, когда Придон повернется, она зашла сбоку. Лицо ее было серьезным, глаза вопрошающими.

— Что случилось?.. Почему топор?

— Потому, — сказал он, — что топор не лжет. Меч может солгать, доспехи предать, но не топор. Именно он достался Артании, когда из вирия были сброшены небесные дары людям. И пока топор в моей руке... или перед глазами...

Он умолк, взгляд ушел в металл, как стрела уходит в зеленую листву. Итания ощутила, что он видит нечто далекое, что не дано узреть ни простым людям, ни даже тем, кто всю жизнь учился мудрости.

Она сдвинулась еще, села на угол стола, не доставая ногами пола, чуть изогнулась, чтобы опереться рукой о столешницу, сквозь тонкую ткань проступили округлые колени. Из окна падал солнечный луч, блестела щека, чистейшим золотом отливали густые крупнолоконные волосы, конец толстой косы лежал на столешнице, между тугими прядями вилась пламенным ручейком красная лента.

Придон задержал взгляд на миг на вороте распахнувшегося платья, белоснежная шея и чуть-чуть открытость груди, на диво крупной для такого хрупкого тела. Она смотрела с непонятным выражением, Придон молчал, артане не должны говорить много, Итания тоже молчала долго, затем он вдруг ощутил, что нечто большое и даже огромное сблизило их рывком, соединило, Итания даже вздрогнула, глаза ее расширились, она вздохнула прерывисто.

— Ты говоришь с топором о том... что было предсказано на вашем совете?

Он пробормотал:

— Уже знаешь?

— Придон, — сказала Итания тихо, — я не понимаю, почему ты решил, что я — овечка? Лишь потому, что ты крупнее? И гораздо сильнее?.. Родители у меня не овцы, с отцом ты уже общался, а мать моя умела отстоять себя... постоять за себя... Да и вообще! Неужели артане наивно думают, что в слабом теле всегда слабый человек?

Он смотрел, несколько опешив, сейчас даже самый честный артанин не сможет вот так, прямо в глаза сказать: да, я

так думал, даже сейчас так думаю. Итания смотрела с вызовом, ждала. Он пробормотал:

— Прости... Да, я знавал здоровяков, что рождались зайцами, и встречал героев в телах слабее стебелька. Но ты... знаешь, о чем говорилось на тайном военном совете?

— Знаю.

Он стиснул кулаки.

— Кто-то поплатится, что выбалтывает все, о чем говорится на военных советах!

Она покачала головой.

— Не спеши. Это же понятно, что проговорились... нарочито.

— Зачем?

— Артанин, все еще не понимаешь... Твои лучшие друзья хотят спасти тебя. Вот и проболтались как бы невзначай, чтобы я...

Он поднял голову, их взгляды встретились. Она не отвела глаз, но щеки чуть-чуть покраснели.

— Чтобы ты, — спросил он, — что?..

— Чтобы я уговорила тебя уехать, — ответила она. — Похоже, они почему-то верят, что если и я присоединюсь к ним...

Он прервал:

— Они знают, что только ты можешь заставить меня изменить решение. Но, Итания, как бы тебе ни хотелось избавиться от меня, ничего не получится. Я — остаюсь.

Она грациозно соскользнула со стола, он напрягся, страшась, что она уйдет и мир снова почернеет, однако она лишь придвинулась так близко, что почти касалась его бедром. Он вскинул голову, она смотрела внимательно, в синих глазах промелькнуло страдание.

— А если я, — проговорила она тихо, с трудом выталкивая слова, — тоже... попрошу тебя?

— Лучше этого не делай, — ответил он.

— А если, — продолжила она, — я... уйду с тобой? В Артанию?

Он покачал головой, лицо оставалось как вырезанное из дерева.

— Я же говорил с богом, — напомнил он.

— И что он ответил?

— Ничего. Он только напомнил, что я — артанин. Наверное, ощутил, что уже начинаю ощущать удовольствие от вкусной еды, приятных запахов, мягкой постели, льстивых слов... И потому я...

Он запнулся. Она спросила напряженно:

— Но это правда... самое главное?

— А что главное?

— Говорят, что, если останешься, — сказала она почти резко, — тебя убьют!

В ее глазах метнулась уже неприкрытая тревога. Придон медленно поднялся, теперь Итании пришлось вскинуть голову и смотреть на него снизу вверх. Он нежно обнял ее, она не противилась, не отстранялась, но и не прижималась к его груди.

— Кто убьет меня? — спросил он. — Я бессмертен, Итания. Я даже не знаю, что должно случиться, чтобы я погиб. Благодаря мечу... благодаря тебе.

— Но почему так говорят? Почему тебе предвещают гибель?

Он с самым беспечным видом пожал плечами.

— Волхвы должны говорить туманно. И ссылаться на звезды.

— А что, звезды разве говорят неправду?

Он засмеялся.

— Я заметил, что звезды только подтверждают то, о чем задолго начинают поговаривать в народе. Итания, тцар я или не тцар, но я буду жить... с достоинством. С достоинством — это... это с достоинством, а не выбирая, что выгоднее. Я выбрал огненный путь, когда увидел тебя... и не отвернулся, как того требовал Черево!

Она прижалась к его груди. Он обнял, гладил по голове. Странно, ссора затихла так, словно ее и не было вовсе, а он держится с нею без прежней подобострастности. Как будто оба сбросили скорлупу с тел и душ, а шелуха слетела сама.

...Ральсвик двигался со скоростью грозовой тучи, что вроде бы неторопливо ползет по небу, но по земле, обгоняя ветер, мчится гремящей стеной ливня и града. Последние села и города закончились еще у подножия гор, а дальше, хоть горы пока еще старые, пологие, даже не горы, уже холмы, поросшие лесом, ни сел, ни деревень, ни весей. За неделю встретили только хижины охотников, хозяев удалось захватить, и все, что сумели сказать, умирая на кольях, что они просто беглые, не возжелавшие платить подати, или же скрывающиеся преступники.

За все время, пока поднимались высоко в горы, где Долина Драконов, встретили только одну мало-мальскую крепостицу, да и то была не по пути, ее обнаружили случайно.

Первый приступ был отбит с уроном для артан, они ярились и послали за Ральсвиком. Ральсвик посмотрел, кулаки сами сжались в ярости и бессилии. Небольшая крепость, даже не крепость, а смех один, расположена на неприступной скале, там за стенами едва ли два-три десятка человек. Но единственная дорожка, по которой можно подняться, обстреливается с высоты, вдобавок разрушен единственный мостик через широкую пропасть, а через эту пропасть нужно пройти обязательно. Есть еще тропка, но по ней надо идти шагов сорок, прижимаясь грудью к стене, ибо за спиной бездна, и все это почти под самыми стенами проклятой крепости. Храбрецов можно бить на выбор не только стрелами, но и просто сбивать в пропасть камнями, цветочными горшками.

Ральсвик свирепел, призывал на головы проклятых трусливых куявов гнев всех богов, а Белозерц, старый и мудрый, утешал, говорил пустые и бесполезные слова, что здесь горы, а они степные герои, они не лазают по камням, как эти бараны, им нужен простор...

— Да знаю я все это! — взорвался Ральсвик. — Но что делать? Это же позор, все-таки нашлась крепость, которую не может взять вся артанская армия!

— Ральсвик, у тебя же не вся...

— Но здесь и вся не сможет, — прокричал он в ярости. — Даже катапульты установить негде!.. Отсюда не достать, а

ближе не подвезти, там уже та проклятая тропка, как только по ней ходят...

— Остается только осада, — сказал Белозерц. Он развел руками. — А что еще? Мы можем пытаться приблизиться по той тропке, сами срываясь в пропасть, остальных они со смехом будут сбивать, играючи. Даже приведут своих женщин, чтобы те швыряли в нас горшки, чтобы наша гибель была еще и позорной!.. там погибнут все, Ральсвик. А куявы даже не поцарапаются.

Ральсвик шатался от горя, его сотники едва услышали, как он прошептал убитым от горя голосом:

— Разбить лагерь. Возьмем их осадой. Не может быть, чтобы у них сусеки ломились от припасов!

— Это же горцы, — согласился Белозерц. — А они все бедные.

— Разбить лагерь! — повторил Ральсвик уже решительнее.

В крепости заметно обеспокоились, когда артане перекрыли все тропки, по которым куявы могли бы ускользнуть или по которым к ним могли бы подвезти еду или прислать подмогу, это было видно по множеству людей, что наблюдали за артанским лагерем, но никто не начинал приступ, и куявы успокоились, на стене осталось два-три наблюдателя.

Прошел день, другой, третий, Ральсвик каждый день сам всматривался в осажденных, не попытаются ли на каких условиях сдаться, на стене появлялись новые люди, по ночам над крепостью полыхало красное небо, доносился стук молотков, кузницы работают день и ночь, куют мечи, пики, топоры. Пастухов и всю челядь явно заставили взять мечи, это было видно по тому, что овцы перебрались через полуразрушенную стену, начали щипать траву, а потом и вовсе побрели в сторону от крепости.

Белозерц затаив дыхание следил, как две овцы вовсе отделились от стада и зашли довольно далеко, так что стрелами со стен не достать, кликнул трех самых ловких, взобрались на стену, начали подкрадываться, прячась за камнями. Из крепости прибежал мальчонка, с криками начал собирать овец.

— Захватить! — крикнул Белозерц.

Они выскочили, мальчонка с воплем убежал, овцы понеслись за ним. Прыгая, как горные бараны, но двух отбившихся овец Белозерц с его героями перехватили и с торжеством сбросили вниз, к ногам ожидавшего Ральсвика. Воины, довольные свежим мясом, принялись сдирать шкуры, свежевать, разожгли костер. Пошли шуточки, рассказывали друг другу, как Белозерц прикидывался бараном, чтобы поближе подобраться к овцам, как бэкал и стучал копытами, бил рогами о камни, доказывая свою баранность. Белозец покрикивал, но без злобы, ходил подбоченясь.

Ральсвик ушел было смотреть на крепость, когда сзади застучали торопливые шаги. Белозерц подошел мрачный, обеими руками держал впереди себя овечий желудок.

— Взгляни, — сказал он.

— Что там? Драгоценные камни?

— Хуже, смотри...

Ральсвик брезгливо раздвинул края окровавленной плоти пальцем. В желудке виднелись непереваренные зерна пшеницы. Крупные, отборные.

— У второй тоже, — сказал Белозерц невесело. — Полон желудок...

Ральсвик простонал сквозь зубы.

— Что же получается? Они кормят паршивых овец пшеницей?

— Это значит, — зло сказал Белозерц, — что они заранее приготовились к осаде. Догадывались, мудрые, что захватим всю равнину, а потом придем и сюда. И загодя набили свои подвалы зерном. Так что наш план взять измором...

Ральсвик круто повернулся, Белозерц заспешил за ним в лагерь. Уже ни шуток, ни песен, все мрачные, озлобленные, все поняли, что означают эти зерна в желудках овец. Ральсвик чувствовал на себе сотни пар вопрошающих взглядов.

— Проклятье! — вырвалось у него гневное. — Неужели какое-то жалкое селение остановит нас?

Он повернулся и пошел быстро к крепости. Белозерц и еще трое сотников пошли следом. Ральсвик остановился на расстоянии, чтобы могли услышать, прокричал:

— Мое имя Ральсвик, я тысячник великого Придона!.. Тре-

бую признать власть великого Придона, и тогда... тогда мы снимем осаду и пойдем дальше. Вы снова сможете свободно выходить, пасти овец, общаться с другими городами.

Сверху после недолгого молчания крикнули:

— Считаешь нас дураками? Да вы сразу вырежете всех!

Ральсвик вскинул обе руки:

— Призываю всех богов, что ни один из нас не войдет в вашу крепость. И даже не попытается. Вы можете не открывать ворот! Нам нужно только, чтобы вы признали власть великого Придона.

На этот раз там наверху совещались долго, спорили, все это время Ральсвик стоял, едва дыша. За ним мрачно сопели его военачальники, уже поняли замысел и, как догадывался Ральсвик, полностью его поддерживают.

Наконец сверху крикнули:

— Ну ладно, признаем!.. И что еще?

— Ничего, — крикнул Ральсвик с огромным облегчением. Он услышал, как за спиной шумно вздохнули, как будто все несли мешки с камнями, а сейчас наконец-то сбрасывали. — Ничего!.. Вы признали власть Придона!.. теперь мы уходим дальше, мы ведь своего добились. Все! Мы уходим.

Сотники помчались обратно, опередив его на половину дороги к лагерю. Когда он пришел, все уже прыгали от радости, седлали коней, прятали в седельные вьюки походные котлы.

А в оставленной крепости защитники со страхом и надеждой смотрели со стены вслед уходящим артанам. Старейшина с трудом перевел дыхание, снял баранью шапку и вытер ею худое вспотевшее лицо.

— Я не верил, — произнес он надтреснутым голосом, — когда Ратша посоветовал нам эту глупость... Ну, остатки пшеницы скормить овцам и дать им убежать, чтобы артане поймали! И так самим есть нечего, а тут еще такую дурь... Но получилось, получилось, не могу поверить, но все получилось!

— Ратша — великий воин, — сказал другой с почтением. — Он в таких битвах бывал, что много всяких воинских хитростей знает.

ГЛАВА 8

Последние жаркие дни уходящего лета, площадь перед дворцом полили водой, удивительный и такой хороший обычай, воздух густой, пряный, с какой бы стороны ни подуло ветром. Если со стороны сада, то нежно и приторно пахнет розами, свежими листьями, если со стороны моря — то солоноватой свежестью.

Народ давно перестал пугаться артан, улицы даже поздними вечерами заполнены куявами. Снова торгуют, спорят, ругаются, сплетничают, перемывают кости соседям. Из окна дворца видно, как через площадь прошли группкой артане: высокие, поджарые, на их обнаженных до поясов телах переливаются жаркие отблески багрового заката. Их лица суровы и надменны, плечи развернуты, а спины прямые. У каждого через могучую грудь идет широкая перевязь со знаменитым артанским топором, из-за которого артан зовут народом Боевых Топоров, у всех на поясах слева висят ножи, которые хороши и в бою, и за столом.

Куявия стара, мелькнула неожиданная мысль. Может быть, стара и Артания, но Артания постоянно молода, как ящерица, что каждый год сбрасывает старую кожу, а Куявия не сбрасывает: вот эта кожа во множестве длинных и кривых улочек, где на каждом шагу лавки, кузницы, оружейные, винные, хлебные, скорняжьи, сапожные, где с трудом пробираются даже пешие, а телеги предпочитают двигаться по новым улицам, которым тоже сотни лет.

В Куябе множество храмов, капищ и простых жертвенников, здесь есть храмы даже чужих богов, не ведомых ни куявам, ни артанам, ни славам: поставили на свои деньги какие-то купцы, а куявы терпимы ко всем, кто их не примучивает к своему языку, привычкам или обычаям. Некоторые храмы даже выше и богаче, чем дворцы беров, но с княжескими даже им не сравняться: это в Артании богам почетное место, а здесь везде люди, везде торгаши, и чем богаче человек, тем богаче у него дом, тем кичливее и заносчивее он сам, тем наглее его челядь и похабнее родня.

Гулко распахнулись двери, Аснерд их всегда отворяет пин-

ком, в зал вошло грохочущее, шумное, пахнуло сухой пылью, железом и свежей кожей. Аснерд еще издали распахнул руки:

— Что-то ты все у окна, аки красна девица!.. Может быть, все же на коня? Да поскачем?

— Куда? — спросил Придон тоскливо.

Аснерд обнял его, пощупал плечи, серые глаза пытливо всмотрелись в исхудавшее лицо.

— Гм... в самом деле, куда? От себя не ускачешь... Да хотя бы вокруг города! Черных башен нет, почему не пронестись, обгоняя ветер?

Придон ответил так же вяло:

— Вокруг города — это все равно на месте. Так не лучше ли вообще не подниматься в седло?

— Становишься куявом, — обвинил Аснерд. — Или как?

— Не знаю, — признался Придон. — Но что-то тревожно мне в этом большом городе. Душат меня эти каменные стены. Думаю, что ты был прав, когда настаивал, чтобы мы ушли из этой страны... Ведь уже доказали ей, что мы лучше!.. А как ты? И что-то я Вяземайта давно не видел...

Аснерд покачал головой, на всегда каменном лице на этот раз проступило осуждение и сочувствие разом. Он посмотрел Придону прямо в глаза.

— Даже не знаю, — произнес он, — хорошо ли, когда на троне тцар-герой...

Придон спросил встревоженно:

— Что случилось?

— Ты, поглощенный своими страстями, даже не замечаешь, что творится. Вяземайт уже давно за сотни верст отсюда, в горах. Сразу же после совета и отправился. Не знаю как, но он умеет, когда захочется, шагнуть сразу за десятки верст. Только мне шепнул на прощанье, что у него есть одна хитрая мысль насчет горного народца... Ну, который в подземельях, на поверхность только в дождливые безлунные ночи, им даже свет звезд выжигает глаза, а кожа так прямо пузырится. Вяземайт откопал, что в давние времена куявы, когда пришли в эти земли, с подземным народцем торговали, даже заискивали, а потом, когда укрепились, стали сами добывать руду и ковать все необходимое, так намного дешевле, а куявы ради

медной монетки удавятся. Вот Вяземайт и хочет сыграть на старой обиде...

Придон буркнул:

— Если даже осторожные куявы не считаются с этим бессильным народцем, то зачем они Вяземайту?

— Куявы — осторожный народ, — согласился Аснерд. — Они в самом деле все прикинули и сто раз посчитали. Верно, подземники им ничем навредить не могли. Так куявы и жили, росли, укреплялись, расширялись, уже совсем забыв про бессильных подземников, строили города, возводили вокруг городов высокие стены, наконец пригласили в свою страну могучих колдунов, а те построили эти ужасающие всех черные башни...

Он умолк, глаза хитро блистали. Придон спросил с недоумением и недоверием:

— И что же, Вяземайт пробует уговорить их подкопаться под башни? Чтобы завалить?

Аснерд кивнул:

— Хорошо мыслишь. В верном направлении. Правда, башни останутся. И колдуны останутся.

— А в чем же помощь?

— Догадайся, — ответил Аснерд. — Подумай. А то у тебя все мысли только об одном.

Он хлопнул его по плечу, посетовал, что обед затягивается, сообщил, что, ежели чего, он внизу на кухне, и ушел.

От тысячи Ральсвика пришли новости. Высоко в горах располагался Город Драконов, знаменитое на всю Куявию место этих крылатых тварей. Подойти невозможно, там, помимо узенькой тропки над пропастью, которую легко защищать против целого войска, еще и три черные башни колдунов. Сунулись только раз — трети войска как не бывало, колдун смел, будто огненным веником. Хотели возвращаться, но появился из ниоткуда Вяземайт, заставил идти снова. И — чудо! — все колдуны как вымерли, ни один даже не высунулся из башни. Поднялись наверх, порубили всех, Вяземайт что-то сказал непонятное про магическую воду, которую спустили вниз подземные рудокопы, но это все пустяки, а главное,

что стремительным рывком удалось быстро захватить весь Город Драконов. Взяли и сожгли высокогорный город смотрителей драконов, перебили всех драконов, старых и малых, разорили их логова. От разбитых яиц ручей разбух и двое суток нес в себе желтую слизь, в которой часто виднелись полупрозрачные тельца неродившихся драконов. Всех уцелевших куявов заставили откалывать глыбы от каменных стен и заваливать ими котлованы. Когда все ямы были засыпаны, всех этих нелюдей, запятнавших свою человеческую честь и достоинство общением с мерзкими порождениями противников Творца, пришлось перерезать и побросать их трупы сверху в назидание тем, кто предаст Творца.

Отныне, сообщал Ральсвик, некому будет приручать драконов, а все секреты их обучения потеряны навеки. Однако выше отыскалась еще одна долина, холодная и негостеприимная, где нашли приют те пастухи драконов, которых не то изгнали, не то они сами ушли по неуживчивости и природной злобности. Руководит ими некий Иггельд, они там основали свою колонию, единственный проход в свою долину перекрыли стеной...

Придон не сразу вспомнил Иггельда, это тот, которого встретили у Антланца, милый и добрый парень, очень простодушный, ни о чем не может ни говорить, ни думать, кроме как о своих драконах. Еще тогда Антланец упомянул, что Иггельд в чем-то рассорился со смотрителями драконов, взял с собой одного детеныша, которого должны были убить как негодного, ушел с ним в дальние пещеры и сумел вырастить из него могучего зверя. Тогда к нему потянулся молодняк, кому осточертела опека старших, они там организовали свой собственный рассадник этой дряни...

— Но Иггельд, — рассказывал гонец, — успел поставить стену. Там в ущелье одно очень узкое место, стоит его перегородить... Иггельд поставил такую высоченную, разве что здесь, в Куябе, выше!

— И что? Не взяли?

— Нет, — признался гонец убито. — Наоборот, потери... У нас же ни катапульт, ни баллист! Даже лестниц нет, а нарезать из чего, из голых скал?

— Послать в помощь Ральсвику еще тысячу, — распорядился он раздраженно. — Стереть с лица земли и ту, последнюю гадость!.. Быстро и жестоко. Это здесь можем щадить этот жалкий народец, но те, кто общается с драконами, уже не люди, а сами чудовища.

Аснерд кивнул, глаза мерцали, как осколки слюды.

— Вряд ли ему понадобятся еще люди. Он и тот большой город захватил без потерь. Им лучше подкинуть теплой одежды... Хотя, конечно, могут все закончить и уже возвращаться, когда встретят высланный к ним обоз...

Перед глазами Придона предстали горные вершины, хрустящий снег, пронизывающий холод, он зябко передернул плечами.

— Да, — сказал он торопливо, — там... жутковато. А что, тысяча Ральсвика пошла как есть?

— А ты забыл, как торопил? Да еще по дороге наткнулись на остатки отрядов Одера, помнишь такого? Погнались за ними, незаметно поднялись в горы. А там до того драконьего града было рукой подать, не стали возвращаться.

Придон проворчал:

— Надеюсь, сняли одежду хотя бы с убитых. И в домах пошарили до того, как сжечь.

— Это вряд ли, — ответил Аснерд. — Сам знаешь наших героев. Сперва жгут, потом ищут в развалинах, что уцелело. Это зовется удалью!

Придон посмотрел подозрительно, у Аснерда не поймешь, когда говорит серьезно.

Вообще-то между ним и Вяземайтом словно черная кошка пробежала после того нехорошего разговора на военном совете, так что даже хорошо, что Вяземайт сразу после военного совета отправился в горы. И хотя да, Вяземайт жаждет сохранить его шкуру, и, возможно, у волхва есть далекие планы и на будущее Придона, потрясателя уже не Троетцарствия, а всего мира... ведь есть же где-то еще дикие страны, там тоже должны прогреметь копыта артанских коней, но все равно, все равно! Как смеет кто-то решать, как ему жить, как умирать?

Вяземайт вернулся неожиданно, без всякого шума, через городские ворота не проходил, а как-то под вечер появился сразу во дворце. Придон принимал беров Нижней Куявии, те привезти подать, доставили скот на прокорм войска и просили разрешения оттяпать у местного князя Долонца лесные угодья между рекой и городом. Они, дескать, в старину принадлежали им, но отец Долонца присвоил, пользуясь захватом власти в Куябе пришельцем Ютиггой и всеобщей смутой, а сейчас как раз время восстановить справедливость, да и самим артанам это в копилку, что блюдут старые правила, обычаи.

Придон слушал, набычившись, куявы говорят чересчур витиевато и многословно, Вяземайт появился в дверях обычный, будничный, обнаженный до пояса, словно и не бывал в промерзлых горах, с красивыми серебряными волосами до плеч, чисто вымытыми и оттого блестящими, с ходу понял, о чем речь, сказал с порога:

— Это слишком простые вопросы, чтобы ими загружать светлого тцара Артании!.. Конечно же, забирайте нашим именем. Не потому, что Долонец в свое время возглавил армию против нас, хоть и не воевал, а потому, что артане всегда за правду, справедливость и восстановление старых обычаев.

Куявы поклонились, вопросительно взглянули на Придона, тот хмуро кивнул, подтверждая, что да, вопрос слишком простой и ничтожный для его вмешательства, любой конюх решит, даже вон волхв и то понимает, и куявы, еще раз поклонившись, осчастливленные, поспешно удалились.

Вяземайт сказал с кривой улыбкой:

— Иные дела государства, кажется, куда проще, чем... личные, да?

Придон спросил хмуро:

— Ты о чем?

— Да брось, понимаешь. Все видят, как терзаешься. Плохо только, что и куявы не совсем слепые. Нехорошо, когда смешки. Хоть от наших, хоть от куявов. От куявов куда хуже. Тцар должен быть грозен и загадочен, а не смешон!..

Придон в раздражении прошелся взад-вперед по комнате, широкие плечи блестели, как начищенная медь, из-за влаж-

ного воздуха, перенасыщенного благовониями, кожа казалась натертой маслом, умащенной, как говорят куявы, и оттого все тугие мышцы выступали особенно красиво, вздувались, перекатывались под исцелованной солнцем кожей.

И только одно всякий раз бросало Вяземайта в дрожь: внимательный к мелочам, он чуть ли не единственный замечал, что под какими бы светильниками Придон ни проходил, никогда тень не бежала ни спереди, ни сбоку, ни сзади. Ее не было вообще.

— Пусть смеются, — прорычал Придон. — Артанский топор перерубил куявский меч, и наши прапора над всеми крышами реют!.. А их Итания в моей постели.

Он запнулся, в глазах метнулось смущение. Глаза Вяземайта двигались за ним, будто их соединяли с шагающим вздвперед Придоном невидимые нити.

— Это ты хорошо сказал, — подбодрил Вяземайт. — Любовь — это не только трели соловья, но и скрип деревянного ложа. Скрип даже чаще, а потом только скрип — такова жизнь, и хорошо, что ты начинаешь это понимать... хотя сперва это горько и кажется чем-то нехорошим. А то, что она пока что с тобой холодна...

Придон сказал торопливо, спеша перебить Вяземайта, пока тот не брякнул что-то грубое, оскорбительное, нехорошее:

— Холодна?.. Да холодна ли жемчужина, попавшая в руки со дна моря, покрыта ли она вообще льдом, я ее не выпущу из ладоней! Я получил ее, получил! Завоевал, она здесь, рядом, всего через две комнаты. Я в любой миг могу пройти эти комнаты... и каких усилий мне стоит, чтобы этого не сделать!.. пусть холодна, но я люблю ее, я счастлив...

Он остановился, набирая в грудь воздуха, Вяземайт спросил негромко:

— А она?

— Что она? — не понял Придон. — Она тоже... счастлива. Ведь одним словом она восстановила мир и спокойствие здесь, во дворце, а потом и в самой Куябе!.. Ее благословляют куявы, ее любят артане. Она была и осталась высшей драгоценностью Куявии. Только теперь она засияла еще ярче.

Старый маг смотрел на него, как показалось Придону, с некоторой жалостью.

— Получил, — повторил он. — Да, ты ее получил... Но ты ее всего лишь получил.

— Получил, — сказал Придон зло, — завоевал! Захватил вместе с Куябой... и всей Куявией.

— Раньше ты говорил, — напомнил Вяземайт, — как сейчас помню, о своей любви.

Придон дернулся, как ужаленный.

— А как же иначе?.. Разве не во имя этой проклятой любви все это... Разве наши страны не трясло, как... Я люблю ее, я люблю ее так же безумно, я сгораю.

Вяземайт долго смотрел на него сочувствующе, потом тихо обронил:

— Нельзя любить ни того, кого боишься, ни того, кто тебя боится.

Отворилась дверь, ввалился отдувающийся Аснерд. Он дожевывал большую кость с лохмотьями мяса, кивнул обоим, вытер масленые губы тыльной стороной ладони, Придон услышал скрип, словно точильным камнем с силой вели по лезвию топора, швырнул кость в дверной проем, там послышался вопль, и захлопнул дверь.

— Ну че у вас веселенького?

Вяземайт бросил на него сердитый взгляд, прошел мимо, дверь отворилась от пинка, Аснерд проводил волхва непонимающим взглядом.

— Че это с ним?

Придон остановился, буркнул:

— Не догадываешься?

Аснерд ответил со скупой усмешкой на огромном лице:

— Все хочет, чтобы ты повзрослел.

— А я что?

Аснерд оглядел его с головы до ног.

— Ну, если для схватки в двобое, то лучше тебя нет бойца во всех трех тцарствах. Может быть, и на всем белом свете нет. А то и на том, что внизу. Но Вяземайту хочется выжать из тебя все, на что годен, чудак!

Придон опять не понял, шутит ли, на всякий случай хмыкнул.

— На что я годен, сам знаю. А он что хочет?

— Сделать тебя тцаром.

— А я кто?

Аснерд удивился:

— Я ж сказал, лучший боец на свете!

— А тцар?

— Ну, тцар... Сам посуди, какой из тебя тцар? Ты даже не знаешь, сколько зерна в этом году продали Вантиту. А это важнее, чем какую армию собрал, сколько городов захватил... К счастью, у нас тцар что-то вроде вожака наемной шайки. Только что не из чужих, а своего выбираем. А у Вяземайта задумка есть... Хитрый он, хитрый! Потихоньку старается раскрыть тебе глаза.

Придон пожал плечами.

— На что? Старается доказать, что я на самом деле не люблю Итанию? А зачем это ему?

Аснерд ответил беспечно:

— А кто их, волхвов, поймет? Может быть, тогда станешь замечать, сколько зерна собрали, какие где новые города заложить... Слушай, а что нам то несчастное гнездо Иггельда? Да пусть там сидит! Пока к нему доберешься, половину конницы потеряешь только при подъеме. Там такие узкие тропки над пропастью, что самые отважные храбрецы бледнеют... Ну не привыкли мы по горам лазить! Степь — вот наше поле! В Степи никто против нас не устоит.

— Это опять шутишь? — спросил Придон недоверчиво. — Да нам обоим Вяземайт голову прогрызет! Опять начнет про артанскость... Да и в самом деле, там же драконы. Последние драконы на свете, у нас в Артании давно истребили, нет их в Славии, Вантите... Нет, Аснерд, с драконами надо довести до конца. Да останутся на земле только те твари, которых создал сам Творец! Мы всего лишь выполняем его волю.

ГЛАВА 9

Со стороны закрытых дверей послышались громкие недовольные голоса. Придон поморщился, Аснерд же сдвинулся, вроде бы неспешно, с медлительной грацией, но вот уже на другом конце зала открывает двери, в руке предостерегающе

блеснул топор. Створки распахнулись, вместе с ярким светом ввалилась шумная пестрая толпа.

Окруженные вооруженными артанами, впереди шли двое куявских воинов. Ветераны, сразу определил Придон, прокаленные нелегкой службой в горах, где перехватывают контрабандистов, ловят разбойников, защищают местные села от набегов воинственных соседей.

Один очень высокий, широкий, в теплом пастушьем плаще с донельзя растопыренными плечами, что служит и одеждой и одеялом, зато голова, и без того вытянутая, острая, казалась совсем крохотной. Он гордо откинул голову, глядя с победным выражением человека, что осчастливил всех. Огромный кадык, похожий на яблоко, которое проглотил прародитель человека и которое застряло в его горле по слову Творца «...а чтоб ты подавился!», дважды дернулся, словно его хозяин пытался проглотить то, что не удалось Адаму, острые глаза выжидающе взглянули на Придона.

Второй рядом с ним такой же прокаленный солнцем, иссушенный ветрами, битый морозом, сухой и жилистый, как будто весь из корней дерева, с короткими курчавыми волосами, серьга в ухе, крупные кольца на пальцах.

Этот, второй, смотрел дерзко и весело, держа мешок из плотной кожи. Первый едва сдерживал торжествующую усмешку, но губы упорно растягивались в стороны. Он, несмотря на рост и вызывающий плащ, показался Придону чуть моложе второго, но шрамы на лице, суровые складки у губ, тяжелый подбородок говорили о стойкости и мужестве.

С ними явились Меклен, Щецин, даже Меривой и Франк, словно ощутили опасность для тцара. Придон сразу заметил на их лицах радость, в то время как Меклен и Щецин вроде бы и радовались, и в то же время чему-то хмурились.

Меривой вышел вперед и остановил куявов повелительным жестом, у обоих на поясах короткие куявские мечи, да не подойдут к повелителю чужаки слишком близко, дабы не осквернить своим нечистым дыханием.

Аснерд выдвинулся вперед, принимая случившееся на себя, чтобы оценить, подумать, переиграть, не делая ошибок. Его сразу заметили по гигантской фигуре, а он, словно плы-

вущая среди шуги ледяная скала, раздвинул толпу, даже под сводами прокатился его строгий рык:

— По какому делу? Почему стража пропустила?

Первый, что в плаще, коротко поклонился, очень сдержанно, что понравилось Придону, сказал гордо:

— Потому, что мы сказали, что у нас в мешке!

Второй выпрямился еще больше, глаза блеснули веселым вызовом.

— А что у вас в мешке? — спросил Аснерд.

Второй сказал с достоинством:

— Мы двое из отборной сотни героев. Только мы сопровождали бежавшего Тулея. Мы... и еще десяток из его свиты. Меня зовут Йован, а это — Цвиркун. Он убил троих из стражи Тулея.

Аснерд не нашелся что ответить, а Придон спросил с сильно бьющимся сердцем:

— А ты?

— Я убил пятерых, — сообщил Йован с достоинством. — Они были сильные воины, тцар! Но их Тулей подбирал не по их силе или мужеству, так что настоящими бойцами показали себя только мы.

Он опустил мешок на пол. Все жадно смотрели, как он опустился на колено, толстые пальцы быстро развязывали тонкий ремешок. Затем он запустил руку в мешок и вытащил за волосы отрубленную голову.

По залу пронесся гул голосов. Пальцы Йована крепко держали бледную обескровленную голову Тулея. Придон сразу узнал это надменное, полное высокомерия лицо, что за время скитаний исхудало до неузнаваемости. Тулей, даже за время бегства и скитаний, похоже, так и не поверил, что все потеряно. Только в широко раскрытых глазах застыл ужас перед блеснувшим лезвием ножа.

— Это твой последний враг, — сказал Йован. — Война окончена!.. Ты победитель.

Второй, который Цвиркун, подбоченился, рука поднялась и залихватским жестом подкрутила усы. Придон не отрывал взгляда от головы последнего тцара Куявии. Не так он наме-

ревался закончить эту войну. И Тулей не так намеревался, и он — Придон.

Придон в упор смотрел на куявских воинов.

— Как погиб Тулей?

Голос его был резкий, требовательный.

Йован вздрогнул, вытянулся.

— Мы ждали, пока он... — начал он, но Придон прервал.

— Это я слышал. Но Тулей все это время умело скрывался. Он проходил, как я теперь знаю, через наши кордоны незамеченным. Он не однажды подсаживался к нашим кострам, делил еду с нашими воинами, но чары укрывали его надежно... Почему он, окруженный верными людьми, все же оставил их?

Йован сказал почтительно, но твердо:

— Не он оставил их, а они оставили. По одному, по двое, но его оставили все верные ему люди. Последние дни он скитался один.

Вяземайт остро смотрел на Придона, на лице волхва было сомнение.

— Он был один, но он мог быть не один...

По лицу Йована промелькнула тень.

— Да, — сказал он неохотно, — у него еще оставалось, чем платить. При нем был дар, из-за которого он и стал правителем Куявии: дар находить золото. Но нас с Цвиркуном он взял сопровождающими потому, что мы были лучшими! Не все те молокососы, что бряцают мечами и клянутся в ненависти к артанам, могут с ними воевать!

Придон спросил внезапно:

— А ты бы мог?

Йован опешил, смешался, потом вскинул голову и смело посмотрел в грозное лицо нового властелина Куявии.

— Я бы мог. Могу драться с двумя артанами, можешь проверить, если не жалко их голов. Но все-таки я — куяв! А это значит, что я не хочу драться на стороне проигравших. Я хочу драться, видя впереди богатую добычу. За голову Тулея я хотел бы получить хорошую жирную вотчину в вечное владение... свое и своего рода, но на этом моя служба не закончится! Я пойду за тобой, когда вздумаешь захватить богатый Ван-

тит... или таинственную Славию, в чьих лесах много сокровищ...

Придон смотрел на него пристально, слушал вполуха, в черепе вертелось чувство, что догадывается, почему Тулей вышел к людям, которые его предадут. Он понимал, что предадут, даже хотел, чтобы предали и поступили вот так ужасно, но сама мысль, почему Тулей так поступил, ужасала, он гнал ее, ибо это в самом деле ужасно, ужасно, ужасно не для куявов, ужасно для артан...

Воины смотрели на него, их повелителя, с ожиданием. Придон нервно сглотнул ком в горле. Надо принимать решение, мудрое решение. От него все ждут, что сейчас вот наградит этих двух. С гибелью тцара война окончена, ибо оставшимся войскам некому хранить верность. Последние башни магов в дальних горах перейдут под его руку, а два-три города, что все еще не сдались, распахнут ворота перед его всадниками...

— Вы убили тцара, — произнес он. Тишина стала вовсе мертвой, никто не двигался, все смотрели неотрывно. — Вы убили тцара... Он был не просто ваш правитель, но и человек, который вам доверился...

Аснерд сказал предостерегающим голосом:

— Придон, мы не жрецы. Доверился или не доверился — не наше дело.

Придон поморщился, старый воевода все чаще бесцеремонно лезет со своими комментариями, но, к сожалению, воины к его мнению прислушиваются, сказал сухо:

— Не наше — да, ты прав. Но Тулей — еще и правитель огромного государства!.. Никто не смеет лишать жизни тцара, помимо другого тцара. Если тцаров будут убивать их подданные — устои мира рухнут. Мы, артане, вовсе не дикий народ.

Воины по его знаку сомкнулись вокруг куявов. Те не успели раскрыть рта, их схватили, завернули руки за спины. Придон брезгливо сделал отбрасывающий жест. Обоих приподняли и бегом понесли к выходу. Куявы наконец закричали.

Придон вскинул руку. Схваченных опустили на пол. Снова Придон ощутил: сотни пар глаз смотрели с ожиданием и непониманием. Он вытянул руку и опустил ладонь большим

пальцем вниз. Йован закричал, увидя, как Аснерд быстро вскинул топор с широким лезвием.

В мертвой тишине послышался звук разрубаемой плоти, как будто мясник расчленял тушу забитой коровы. Затем — еще один. Аснерд поднял за волосы срубленные головы. В глазах куявов были страх и непонимание. Придон видел по глазам своих соратников, что не понимают тоже.

— Мы воюем честно, — заявил он громко. — Нам нужна победа... но не любой ценой!.. Ценой подлости мы не приемлем победу. Да пусть это будет предостережением. И пусть знают: мы воюем не с куявами, а с куявскостью!

Меклен громко икнул, сконфузился, прикрыл рот ладонью, а Щецин спросил непонимающе:

— Кому?

— Всем, — ответил Придон, он чувствовал досаду, сразу мелькнула трусливая мысль, как он эту новость преподнесет Итании, все-таки ее родной отец, — предостережение всем!.. — Мы держим слово, которое даем, но Тулея искали сами, помощи не просили... А искали вовсе не для того, чтобы вот так...

Он чувствовал, что говорит путано, горячо, слова срывались с губ рваные, торопливые, с острыми краями, что царапали язык, а теперь, он видел отчетливо, царапают уши.

Меклен покосился на оставленный посреди зала мешок. Голова остановившимися глазами смотрела в темный свод, лицо было искажено то ли страхом, то ли болью. Губы синие, рот чуть приоткрылся в безмолвном крике.

— Что будем делать... с этим?

Придон напрягся, как же все-таки сказать Итании, повернулся к Аснерду.

— Голову Тулея похоронить, — сказал он резко. — В Куябе есть усыпальница их правителей. Там хоронят всех тцаров. Неважно, кто кого сверг, убил, отравил, зарезал — в смерти все равны. И всем находится место в той гробнице.

Плечи передернулись, перед глазами встали темные своды, длинный ряд каменных гробов с древними правителями внутри. А что, если Тулей когда-то встанет призраком? Что ж,

он не должен гневаться за недостойное погребение. Ну хотя бы потому, что он вообще совершил погребение.

Аснерд смерил его пытливым взглядом, на миг в его глазах промелькнула искорка, но тут же спрятал, ответил почтительно и громко:

— Как повелишь, тцар!.. Меклен, слышал?

— Да, воевода, — ответил Меклен бодро. — Похороним! Лучших мастеров пригоню, чтоб все сделали. И каменный гроб, как тут у них принято, и сотню жен зарежем... Не было сотни? Тогда одну Иргильду с превеликим удовольствием. Отыскать бы ее?! Хитрый он, жену и дочь прятал в разных местах, чтоб, значит, не поубивали друг друга...

Придон нахмурился, при словах Меклена все повеселели, начали улыбаться, перешучиваться. Кто-то сказал недоброе слово в адрес прошлых правителей Куявии. Придон бросил резко:

— О мертвых нехорошо так говорить. Они не могут ответить! Не могут смыть твоей кровью оскорбление. Потому повелеваю: о мертвых либо только хорошо, либо — ничего.

Ему поклонились, разговоры умолкли, потихоньку начали расходиться. Зал пустел, и, хотя уходили люди разгоряченные, потные, жаркие, с ними словно бы ушла свежесть, Придон снова ощутил все липкие благовония в плотном вязком воздухе, со злостью взглянул на окно, открыто, прорубить шире, что ли...

Посреди зала остался сплющенный, но все еще толстый мешок, а сверху, как на постаменте, коричневый ком головы. Запекшаяся кровь стерлась со щек и даже волос, но осталась в ноздрях, в ушных раковинах.

Придон отвернулся, вздрогнул. Двое, Аснерд и Вяземайт, не ушли, тихонько переговаривались. Поймав взгляд Придона, Вяземайт поклонился с преувеличенной почтительностью, в глазах странное выражение, хотел уйти, но Придон окликнул:

— Мудрый волхв, что-то не так?

Вяземайт сказал торопливо:

— Все так, светлый тцар!

Придон поморщился.

— Ты уже забыл, как меня зовут?

— Нет, светлый тцар, — ответил Вяземайт. — Как можно забыть имя светлого тцара? Героя, добывшего волшебный меч Хорса, а затем вообще сокрушившего Куявию?

Придон сказал с досадой:

— Вяземайт, ты говоришь вроде бы все правильно, но почему мне кажется, что ты издеваешься?

— Не знаю, светлый тцар!

— Может быть, потому, что ты в самом деле издеваешься? Говори, Вяземайт. Я же вижу, что и отношение ко мне потихоньку меняется. Что я делаю не так?

Вяземайт в затруднении оглянулся на Аснерда, тот оторвал взгляд от головы Тулея, сделал вид, что любуется расписным потолком. Вяземайт развел руками.

— Светлый тцар все делает... правильно. Придон бы так не делал, ну, тот, прошлый Придон. А сейчас все правильно и мудро. Особенно меня восхитил приказ отрубить головы тем двум мерзавцам! Красивый жест! Все так и запомнят, как благородство молодого тцара. Лишь немногие понимают истинный смысл...

Придон спросил хмуро:

— Какой же? Скажи, чтобы и я знал.

— Ты укрепляешь, — произнес Вяземайт значительно, — неприкосновенность тцарской власти. Никто не смеет коснуться тцара, кроме другого тцара. Думаю, другие тцары это сразу поймут и одобрят. Мол, даже если тебя, Придона, кто-то зарежет и убежит в другую страну за наградой, то его вместо награды казнят. Верно?.. И насчет злословия о мертвых ты тоже хорошо сказал!.. По-державному. Даже об умершем тцаре нельзя злословить! Это в тебе говорит тцар, Придон. Мудрый тцар. Мне это нравится, Придон.

Придон пробормотал:

— Зато мне не нравится, что тебе это нравится... Но все равно менять ничего не стану.

— И не надо, — ответил Вяземайт. — Ты в самом деле сказал и поступил мудро! Серьезно говорю, никаких мекленовских шуточек. Ты взрослеешь очень быстро, Придон. Наде-

юсь, ты успеешь до конца месяца пересмотреть и свое последнее... ребяческое решение.

На этот раз он не стал кланяться, по-дружески посмотрел в глаза, хлопнул по плечу и отбыл. Придон тупо смотрел на закрывшуюся за ним дверь: что за последнее решение? Лицо опалило жаром, защипало даже кончики пальцев, это организм догадался раньше его и устыдился до корней волос.

За спиной Аснерд громко хмыкнул. Раздражение и стыд ударили в голову Придона с такой силой, что захрипел, закашлялся, потом лишь прорычал в бешенстве:

— Что тебе не так?.. Что я делаю не так?

Аснерд смотрел с интересом, глаза воеводы оставались непроницаемы, а лицо недвижимо, словно всматривался в далекую бескрайнюю степь.

— Все так, — ответил он равнодушно. — Ты же видел, никто слова не сказал.

— Почему? — заорал Придон. — Раньше спорили, бурчали, не соглашались.

Аснерд подумал, сдвинул плечами.

— Раньше ты был чист, — ответил он медленно.

— А теперь?

Аснерд усмехнулся:

— А теперь... мудр.

— Мудр? И что, это плохо?

Аснерд подумал, ответил с еще большей неохотой:

— Придон, чего тебе надо? Мы не спорим. Мы идем за тобой.

Он сказал, вроде бы сглаживая возникающий спор, даже голос примирительный, на голову посреди зала и не смотрел вовсе, Придон с силой потер обеими ладонями лицо, почти выкрикнул:

— Прости, я не знаю, что со мной. Но со мной что-то, ты прав, хоть и молчишь! Раньше шли за мной... иначе. Сейчас потому, что таков долг артанина — идти за тцаром. Но я чувствую, что чего-то не хватает. Скажи, разве не прав, что велел зарубить предателей? Предательство поощрять нельзя! Даже у врага.

Аснерд кивнул, но как-то замедленно.

— Конечно, ты прав...

— Но? — потребовал Придон. — Что дальше? Я чувствую в твоих словах брешь размером с тот проход, через который ломились в Черные Земли! Какой-то важный камешек, размером с гору, выпал!

Аснерд замедленно пожал плечами.

— Придон, ты сам не знаешь, чего ты хочешь. Мы все любили тебя. Теперь ты уже тцар, ты повел нас на Куявию. Мы рушим ее, как никогда еще... И говоришь ты и делаешь все правильно.

Придон сказал зло:

— Все равно у тебя это звучит как оскорбление!

— Ты стал слишком подозрительным.

Придон провел ладонью по лбу, сказал упавшим голосом:

— Возможно. Просто... что-то чудится в твоих словах. Или в тоне. И в том, как ты посмотрел на меня. Может быть, все не так, но мне чудится, кажется, я чувствую, что становлюсь не таким.

— Ты стал бессмертным, — сказал Аснерд. — Уже все заметили, что у тебя нет тени и что тебя нельзя убить. Твой брат, прости, был неуязвимым, но не бессмертным, а ты уже и тот и другой. Спасибо Итании...

— Не то, — возразил Придон. — Это все пришло как-то... не так, что ли? Я бы раньше рехнулся от счастья! Ринулся бы завоевывать весь мир! А сейчас... Бессмертный, ну и бессмертный. Для меня гораздо важнее завоевать одного человека, чем весь мир. Скажи, ты не одобряешь, что я сделал?

— С этими ворами? — переспросил Аснерд. — Одобряю. Но... скажи, только честно, только ли благородство артанина говорило в тебе? Ну, когда велел отрубить головы?

Придон сказал рассерженно:

— А что же еще?

Аснерд отвел взгляд в сторону.

— Это хорошо. Прости, у меня просто тень промелькнула перед глазами.

Он ушел, по большой дуге обойдя голову. Придон некоторое время смотрел вслед. В черепе быстро-быстро проносились злые горячие слова, мелькали красочные образы, где

огонь, блеск обнаженного железа, в ушах крики, треск, лязг, хрипы. Он сжал ладонями виски. Надо дотерпеть до конца войны... хотя те воры правы, теперь, когда Тулей погиб, она уже кончилась окончательно. Осталось только завоевать Итанию. Он все это сделает, надо только дожить до этого времени. А для этого надо крепить свою власть вождя, тцара. Да никто не посмеет усомниться, никто не должен перечить. Государство сильно только при сильном правителе. У Куявии был правитель слабый. Потому она и рухнула с такой легкостью под его ударом.

Жар опалил лицо, кончики ушей и даже пальцев защипало. Так вот что имел в виду Аснерд! Он подумал, он решил, что он, Придон, казнил этих двоих только потому, что ему нужно упрочить тцарскую власть вообще, ибо он, Придон, теперь тоже тцар. А тцары должны быть заодно. Даже когда воюют друг с другом, в чем-то заодно.

Шаги Аснерда давно затихли, а он долго сидел с опущенной головой. Теперь сам не был уверен, только ли благородство заставило поступить так.

Он сидел, упершись кулаками в щеки, глаза уставились в столешницу, но не видели ни затейливый узор, ни две глубокие зарубки от его топора. Мысль блуждала вяло, в груди странная пустота, даже опустошение. И сердце почему-то совсем не стучит, будто перестало биться.

В дверь заглянули, вошел смущенный Меклен, следом ввалилась целая толпа военачальников, лица новые, эти еще не видели голову Тулея. На этот раз с ними были Меривой и Франк.

— Прости, — сказал Меклен с раскаянием, — я так ринулся готовить гробницу, что забыл про голову. Или тебе хочется побыть с нею? Поговорить? Тогда я заберу позже...

Придон вяло качнул головой:

— Нет, мы с ним понимали друг друга. И уже обо всем переговорили. Еще тогда. Раньше. Ты только сделай там все, как надо. В нужном месте... ну, в самом конце, они там друг за другом. Этого положишь за Ютиггой, если там есть камен-

ный гроб этого Ютигги. Если нет, узнай, кто правил Куявией до Ютигги.

— Сделаю, — сказал Меклен бодро и в то же время очень серьезно.

Он шагнул к голове Тулея, но наклониться не успел. Распахнулась дверь, за спинами военачальников раздался пронзительный вскрик. Они обернулись, Придон успел только увидеть, как Итания пролетела сквозь его воинов, словно те были из тумана, упала на колени перед головой отца. Все снова вздрогнули от ее отчаянного крика.

Она схватила голову Тулея, прижала к груди. Из прекрасных глаз хлынули потоки прозрачных слез. Лицо перекривилось в плаче. Она закричала жалобно:

— Ты его все-таки нашел и убил!..

Придон опустился на колени рядом с Итанией.

— Прости, — сказал он с глубоким раскаянием, — но это сделали не артане. Я искал его, чтобы пригласить на пир. Потом — на свадьбу...

Она вскочила, голова отца оказалась на полу. Глаза ее были полны бешеной ненависти. Придон встал, перед глазами мелькнула ее белая рука. Звук пощечины разнесся по всему залу. Военачальники замерли от такой дерзости.

— Врешь! — выкрикнула она.

Она ударила его с такой силой, что Меклен вздрогнул, а Меривой и Франк вопросительно посмотрели на Придона. У того на щеке отпечатались тонкие пальцы.

— Итания... — выговорил он сдавленным голосом, — умоляю... Я не вру, поверь...

— Врешь! Пока был жив Тулей, жива и надежда на освобождение!.. А ты... ты пустил по его следу всю свою армию! Ты нашел его и трусливо, подло, вероломно убил тайком...

Меклен вздрогнул и закрыл глаза, когда новая пощечина хлестко ударила по барабанным перепонкам. Под сводами дворца в страхе захлопали крыльями и заметались белые голуби.

— Итания... его убили не артане вовсе!

— Ты все врешь! — выкрикнула она. — Ты страшился Тулея, ибо он был... и оставался великим воином, не тебе чета!..

ты страшился, что он вернется и отберет у тебя все завоевания!..

— Я не хотел его смерти, — сказал Придон отчаянным голосом. — Я даже велел тут же казнить тех двух мерзавцев, что это сделали...

— Врешь!.. А если и убил, то лишь заметая следы!.. Как я могла, как я могла тебе поверить... Ты подлый, жестокий и вероломный...

Слезы бежали по ее лицу, она рыдала, в глазах была не только ярость, но и отчаяние, боль, страх, и Придону страстно хотелось выхватить нож и с размаха вонзить в свое сердце, чтобы все прекратить, прекратить, остановить, сделать случившееся неслучившимся, но ведь не остановишь и вспять не повернешь, Тулей в самом деле убит, этого не изменишь, можно только попытаться изменить ее отношение...

— Итания, поверь...

Она повернулась и, захлебываясь в рыданиях, убежала из зала. Придон стоял как столб, в груди медленно нарастала тяжесть. Военачальники потихоньку начали расходиться. Остались только Меклен, Меривой и Франк, но Придон нетерпеливо мотнул головой:

— Оставьте меня.

Они ушли потихоньку, потом Меклен вернулся и забрал голову бывшего тцара всей Куявии.

ГЛАВА 10

Она по-прежнему не покидала своих покоев, но поймала себя на том, что прислушивается к болтовне служанок, что причесывали ее и помогали с одеждой. Они знали все, что делается во дворце и даже в городе, охотно сплетничали, а она все пропускала мимо ушей... все, кроме упоминаний имени Придона.

О нем говорили много, говорили охотно. Вспоминали тот путь, который он проделал от одинокого искателя меча до грозного потрясателя их земель, пересказывали про удивительный свет, что хлынул из спальни и дивно озарил весь го-

род, говорили, что сейчас он угрюм и мрачен, ему страшатся попадаться под руку даже артане.

Ей было больно, но в сердце поднималось нелепое желание, встать и пойти к нему. Он сам нанес ей рану, он пусть и залечит, ведь он такой могучий, он просто должен ее защитить, спасти, уберечь... Но это у его ног лежала голова ее отца!

В дверь постучали, Итания решила, что кто-то из слуг, но вошел Придон, каким-то образом усвоил это куявский обычай не входить без стука. Служанка сжалась, руки затряслись, она умоляюще взглянула на Итанию.

— Иди, — сказала Итания ровным голосом, — взгляни, готово ли на завтра новое платье.

Она выскользнула, как мышка, Итания запахнула рубашку на груди, выпрямилась. Лицо ее стало бесстрастным. Придон остановился у двери, почерневший, худой, с ввалившимися глазами. На щеках и подбородке чернела густая щетина, губы полопались, как от сильнейшего жара.

— Итания, — сказал он негромко, — я всего лишь зашел поблагодарить тебя...

Она промолчала, его голос звучит хрипло, очень ровно, словно он держится из последних сил, то ли готовый упасть от изнеможения, то ли вообще не помнит, во сне он сейчас или наяву.

— Ты своим теплом переломила отношение дворцовой челяди к нам, артанам. Да и не только во дворце, ибо наших слуг жадно расспрашивают во всем городе. И та мирная жизнь, что ты видела с башни, это благодаря тебе...

Она слушала молча, не шевельнув бровью. Он взглянул на нее просительно, она смотрела мимо, сказал негромко:

— Я велел отозвать все отряды, что разыскивали твою семью. Твоя мачеха пусть не страшится назвать свое имя. Ей стоит только назваться, она... сможет приказывать.

Она посмотрела в его лицо, но смолчала.

— Теперь, — продолжил он совсем уж не своим голосом, — если Иргильда захочет... уйти в Вантит... или в Славию... ей ничего не грозит.

— Да, — сказала она мертвым голосом, — ничего не грозит в этой огромной стране, где на каждом шагу отряды разбой-

ников, мародеров, где всяк грабит и убивает... но нет силы, что остановила бы эти бессмысленные и жестокие убийства мирных людей...

— Ей и ее людям, — ответил он мертвым усталым голосом, — достаточно назваться любому артанскому патрулю, и они будут под надежной защитой. Если хотят, их проводят до любой границы. Если хотят, привезут сюда. Если скажут, оставят на месте.

— Да, — сказала она. — Моего отца тоже... оставили. Только одну голову привезли. Видимо, артане уже перестали верить на слово даже артанам.

Он стиснул зубы, боль пронзила его сердце, на лбу выступила испарина.

— И еще, — выдавил он из перехваченного судорогой горла, — у твоего отца есть три брата, я сам слышал, как отец Тулея ставил их ему в пример... Пусть не опасаются за свои жизни. Они могут жить как хотят, где хотят. Никто не посмеет тронуть их земли, их вещи, их родных.

Она холодно промолчала. Он поклонился, отступил. Он был измучен, она видела отчетливо, но сейчас в нем странное достоинство, словно уже понял, ничто его вины не уменьшит, сам не пытался оправдаться, принял вину и нес, не пытаясь избавиться. Даже поклонился с предельной вежливостью, но по-артански, не забывая ни на миг, что он — артанин, который кланяется только богу и женщинам.

Дверь за ним закрылась, Итания тупо смотрела в толстые дубовые створки. На этот раз Придон не пытался оправдаться, объясниться. И не пытался сбросить с себя ту тяжесть, что она на него взвалила.

Пришла весть, войско Ральсвика потерпело сокрушительное поражение. Вообще-то его тысяча еще не войско, тысяча и есть тысяча, просто большой воинский отряд, и даже с той тысячей, которую послал ему на помощь Придон. Все еще не грозное войско, но уже давно в Куявии шарахались от одного вида артанина, Придон рассвирепел, Аснерд разводил руками, сам не понимал, как мог бесстрашный Ральсвик потерять войско, самого увезли раненого, но по дороге умер, что есть

позор, лучше бы с топором в руке и в красивой кровавой сече...

— Я сам поведу туда отряд, — сказал он. — Сам виноват, мог бы предусмотреть!

— Да что ты мог, — ответил Придон с досадой. — Мы никогда еще не воевали в горах!

— И все-таки, — сказал Аснерд, — мы уже знаем, что надо попасть всего лишь в крохотную долину, что еще выше их хваленого Города Драконов. Сколько там человек? Сто, двести? Пусть даже тысяча! Но если Город Драконов, где жили три тысячи человек и куча драконов, большой город, взяли, сожгли, разрушили, разнесли по камешкам, то что особенного с Долиной Иггельда?

Придон промолчал, сказал, уронив взгляд:

— Да, я понимаю. Но все же береги себя.

— Иггельд не воин, — возразил Аснерд. — Я привезу его в оковах!.. А потом попируем, вспомним старое доброе время и... отпустим, как думаешь?

Придон усмехнулся. Напряженное лицо потеплело.

— Он будет удивлен, когда от нас, его противников, еще и получит почести! Заслуженные, кстати. Шутка ли, бьется... все еще бьется, хотя уже вся Куявия кверху лапами, а он, не воин, в жизни не бравший в руки ни меча, ни боевого топора, все еще отстаивает свой клочок земли от нас, потрясших Вселенную!..

Во всей Куявии, подумал он мрачно, не осталось городов и сел, что не признали бы его власти. Нет клочка земли, где не ступило бы копыто артанского коня. Даже те немногие селения, что в горной части, поспешили прислать гонцов с уверениями в покорности.

И только один Иггельд, помешанный на своих драконах, полусумасшедший от любви к ним, ни о чем другом не умеющий думать и говорить, держится.

Но была еще одна крепость, он с болью признавался только себе, которую взять так и не удалось. Итания замкнулась, жар в ней угас, в глазах поселился холод. Он каждую ночь приходил к ней, целовал ее ступни, розовые пальчики, чего не сделал бы ни один артанин в отношении к женщине, пы-

тался разогреть, сам едва не сгорал, она не противилась, просто терпела.

Он приходил в такое отчаяние, что бросался в свою комнату и ревел там, как раненый зубр, разбивал в кровь кулаки о стены. Слезы прожигали в щеках дымящиеся канавки, он бросался в бассейн и остервенело мылся, но все равно чувствовал себя грязным похотливым скотом.

Более того, она перестала заниматься даже дворцом, безучастно просиживала целые дни в своей спальне. Когда Придон входил в ее покои, она отворачивалась к окну.

Странно, но по Куявии, не только захваченной, но и вроде бы примирившейся с железной властью артан, прокатилась волна внезапного недовольства.

Самыми недовольными оказались как раз не блестящие и прекрасно вооруженные войска, что пока еще в целом оставались с артанами, а простой народ, простонародье, быдло, с ними не считались ни даже самые мелкие беричи, ни артане. Именно простой народ, слушая у домашних очагов рассказы очевидцев, похожие на сказки, про дивных драконов, гордились, что только у них, куявов, живут эти драконы, что именно куявы сумели с ними подружиться и даже подчинить своей воле, что эти огромные ужасные чудовища покорно носят на спине людей, таких же простых, как и они, указывают им скрытые сокровища, клады, россыпи золота, волшебные вещи и тайные пещеры, где хранятся вообще несметные сокровища древних народов и великие чудеса, перед которыми даже скатерть-самобранка и ковер-самолет будут простыми тряпками...

И едва артане двинули войско в горы, чтобы уничтожить эту красоту, эту мечту, население заволновалось. Но когда пошел слух, что люди и драконы выстояли, а потом и дали отпор, во всех деревнях начались праздники, веселье. Если в городах люди друг у друга на виду, там артане чувствуют себя хозяевами, то на бескрайних просторах Куявии, где можно сутки ехать и не встретишь села, только мелкие деревеньки, распаханные поля, там одинокие артане начали исчезать, словно растворялись подобно капле дождя в песке.

Придон повелел нещадно подавлять любое сопротивление, но мудрый Вяземайт уговорил разослать вельможам и берам послания, в которых уверял в дружбе, а все жестокости относятся, мол, только к простонародью, что осмелилось взяться за оружие, в то время как обязанность любого простого народа — кормить благородных, на чьих плечах лежит обязанность начинать войны, вести и заканчивать. Под этим предлогом куявские деревни, где было замечено сопротивление, сжигались, сравнивались с землей, а жителей либо истребляли, либо изгоняли. Уцелевшие уходили в леса, а в соседних деревнях росла и ширилась ненависть к захватчикам. К тому же все деревни кому-то да принадлежали, и нередко оскорбленный берич собирал свою дружину и начинал мстить тем, чьего заступничества от Тулея искал совсем недавно.

Зашел Вяземайт, усталый, осунувшийся, веки покраснели и набрякли, а кровеносные жилки в глазах полопались, там залило кровью. Вид у волхва был жутковатый, но поприветствовался мирно, почти весело, только голос звучал утомленно, с хрипотцой:

— Как себя чувствуешь?

Придон промолчал. Вяземайт прошелся по залу, взгляд умудренного жизнью волхва то и дело прыгал к торчащему из столешницы топору. Придон вогнал его до середины лезвия, как еще не расколол, говорят, разбитую мебель каждый день выносят и заменяют новой.

— Что тебя интересует? — поинтересовался Придон холодно.

— Заканчивается месяц, — напомнил Вяземайт.

— Ну и что?

— Ты знаешь, Придон. Не может быть, чтобы о таком забыл. Осталось три дня. Если покинешь Куябу и направишься в Артанию, тебе предначертана долгая жизнь, полная подвигов, великих деяний, создание могучей державы, перед которой все Троетцарствие покажется крохотным лоскутком земли...

Придон прервал:

— А если останусь, то я лягу в эту землю, как уже лег Ральсвик, Зброяр и Крок, Волин и Герць?.. Вяземайт, я чело-

век, а не флюгер. Я сказал, что останусь! Почему ты решил, что я сегодня думаю иначе?

Вяземайт выставил перед собой ладони:

— Ничего оскорбительного, Придон! Ничего оскорбительного. Кстати, ничего нет в том, что сегодня человек думает иначе, чем вчера. Так и должно быть. Иначе мы остались бы детьми!

— Вяземайт, со мной не хитри. В этом я не дрогну.

Он проснулся в полночь, сердце трепетало, в душе оставалось ощущение чего-то страшного, огромного, что ухватило его в бесконечную длань, стиснуло, а над всем звучал жуткий нечеловеческий голос, и каждая частица в его теле трепетала от ужаса.

В комнате блистал прерывистый свет, Придон жадно хватал широко раскрытым ртом затхлый воздух, не сразу понял, что он уже вынырнул из страшного сна, под ним привычное ложе, но этот жуткий трепещущий свет, всю комнату ежесекундно озаряет пугающе яркое лиловое пламя, все ярче и ярче, ослепительнее, лиловость сменяется смертельной голубизной... и наконец, как прорвало плотину, разом хлынули шелест листвы, треск веток, скрип, донесся далекий гул, но только не слышно грома, жуткие слепящие молнии совершенно без грома!

Он пересилил оцепенение, вскочил, из окна в комнату ворвался сильный холодный ветер, вмиг унес благовония, задул половину светильников. Свежий, почти морозный воздух очистил голову, руки сами ухватили топор, он подбежал к окну, высунулся до пояса.

Деревья раскачивало во все стороны, ветер еще не решил, куда рвануться, ветки терлись одна о другую, трещали, ломались, ветер злобно подхватывал их и швырял то в стену дворца, то в другие деревья. Мир то и дело вспыхивал до жути четко и ярко, можно было различить самые мелкие камешки далеко на дорожке, затем наваливалась такая чернота, что не видно собственных рук.

— Меривой! — крикнул он. — Франк!.. Ящер бы вас побрал, зажгите светильники!

Ветер врывался через распахнутые окна с воем и злобным ревом. Он пробежал к окнам, зачем-то держа топор в готовности для удара, попробовал поймать одной рукой раму с той стороны. Свет ударил по глазам шипящий, зловещий, как будто над головой зашипели сто тысяч огромных, как деревья, змеев, а ветер рванул ставень с такой силой, что едва не выдернул и его через окно наружу в этот кромешный ад.

И наконец-то над головой раздался громовой удар. Даже не гром или его раскаты: сухой страшный треск, словно сто тысяч великанов раздирали простыню размером с небо.

Оглушенный, Придон отшатнулся, перед глазами тьма, только странные голубые огоньки в черноте, похожие на горящие остроконечные ели. Глаза еще не проморгались, но уже понял, что эти огоньки в самом деле полыхают странно и дико на вершинах башен, крышах домов, на остроконечном шпиле храма куявского бога.

— Меривой! — заорал он громче. — Меривой!.. Франк!

А как же Итания, мелькнула устрашенная мысль. Она же может испугаться!..

Мечи и топоры на стенах замелькали с такой скоростью, что слились в серую полосу. Он вылетел через дверной проем, створки вчера вынес в ярости, недостаточно быстро открылись, пронесся через общую, разделяющую их комнату, ударился в дверь...

Створки разлетелись с треском, он ворвался и тут же остановился, словно налетел на стену.

В черепе вспыхнула молния. Он пошатнулся, открыл и закрыл рот, жадно заглатывая воздух. В покоях Итании стояли четверо рослых мужчин с оружием в руках и в доспехах, а Итания... обнимала пятого, обхватив его тонкими руками за бычью шею!

Придон ухватился обеими руками за сердце, топор выскользнул из мертвых пальцев. Четверо смотрели, как Итания обнимает и... целует пятого, а сейчас они медленно, словно двигаясь в воде, повернули головы в сторону ворвавшегося Придона. Пятый взглянул поверх золотой головы Итании, волосы распущены, бесстыдно распущены, в глазах этого пя-

того, огромного и со свирепыми глазами, проступила лютая радость.

Топор все еще падал на ковер, коснулся острием и начал валиться набок, когда этот пятый отбросил Итанию за спину, в руке мгновенно появился длинный меч, Придон даже не видел, когда он выдернул его из ножен и откуда взял вообще. Остальные четверо разом сделали шаг к Придону. Лица перекосились ненавистью, двое как звери оскалили зубы, и Придон ощутил, что они будут рвать его даже зубами...

Бешенство и ослепляющая ярость полыхнули в нем ярче молнии. Он моментально наклонился, пальцы сомкнулись на рукояти раньше, чем топор лег на ковер.

Он прыгнул навстречу, воздух прорезал отчаянный вопль Итании:

— Дядя!.. Не надо! Давайте просто уйдем...

С жутким звоном встретились мечи и топор. Придон, обезумев от ярости, двигался со скоростью молнии, их было пятеро, огромных и сильных, все рубили быстро и умело, но от его могучих ударов разлетались, как сухие листья. Итания застыла от ужаса, когда его страшный топор обрушился на голову Третьяка, ее дяди. Третьяк не успел упасть, как Придон, приняв удары мечей Холода и Ярого, двумя ударами свалил их с ног, тут же развернулся и рубился с Горюном и Ранком, они наступали и наносили ужасные по силе удары.

Она увидела, что Придон упал, сердце остановилось, но это скорее всего просто поскользнулся в чужой крови, тут же вскочил, разбросал их, как медведь разбрасывает разъяренных собак, и следующими ударами поверг наземь обоих, и Ранка и Горюна.

Она отшатнулась, страх и отвращение переполнили сердце, а затем, не помня себя, отвернулась, замелькали стены и колонны, факелы слились в огненные полосы, опомнилась только в его покоях.

— Госпожа! — вскрикнула Гелия. — На вас лица нет!

— Оставь, — прошептала она и рухнула на постель.

Слышно было, как охает и причитает служанка, звенели чаши, потом ее перевернули, приподняли, руки поднесли ко

рту чашу. Итания невольно отхлебнула, горячий ком пробежал по горлу.

— Что там случилось? — спросила Гелия. — Такая гроза, ужас!.. А теперь еще и этот страшный лязг мечей...

— Придон теперь убивает моих родственников, — ответила она горько.

— Родственников?

— Они узнали про гибель Тулея... — прошептала она. — И пришли отомстить... Три брата моего отца и два племянника.

Гелия округлила глаза:

— Они все погибнут!

— Да, Придон сейчас их убивает... всех, — прошептала она.

Горечь переполняла сердце. Перед глазами встала картина схватки, Придон, как бог войны, сражается быстро, яростно, с таким умением, ловкостью и напором, что и сто тысяч братьев и племянников Тулея не смогут выдержать его ярости, мощи и кровожадного натиска.

Сейчас там все залито кровью. Сейчас там, хрипя и зажимая раны, падают ее дяди... Нет, вряд ли. Каждый удар Придона смертелен.

Ей почудилось, что грохот схватки доносится все ближе. Этого не могло быть, это ей кажется, это звучит в ушах, она подошла к двери, в самом деле услышала звон металла, тяжелые вскрики, глухие удары.

Гелия тоже прислушивалась, но она недолго колебалась, выскользнула за дверь. Не появлялась она, как показалось Итании, вечность, но, когда вбежала, волосы ее были распущены, а глаза навыкате.

— Госпожа! — прокричала она. — Госпожа!.. вы должны выйти!

Она покачала головой.

— Нет...

— Вы должны, — сказала Гелия настойчиво. — Вы должны...

— Нет, — ответила она. — Нет, я не стану смотреть, как он устилает трупами моей родни эти залы.

Гелия вскрикнула:

— Да нет же!.. Вы должны выйти! Они его убивают!

— Нет, — сказала она прежде, чем поняла сказанное. — Нет... Что ты сказала?

— Они его убивают! — прокричала Гелия, ее голос был радостный, и одновременно Итания уловила нечто похожее на жалость и сочувствие. — Он почему-то бьет только плашмя... да и то не насмерть, его уже изранили, он истекает кровью!.. Его теснят, он уже... слышите?..

Она распахнула двери, по ушам болезненно ударил грохот железа по железу. Придон пятился к ней спиной, его раскачивало, он весь был залит кровью. Правая рука висела как плеть, топором в левой руке отбивался от наседающих на него Третьяка и Ярого, тоже окровавленных, страшных, с горящими глазами. Их тоже раскачивало, хриплое дыхание наполнило весь зал. Они хрипели и сипели, Придон встряхивал головой, волосы слиплись от крови, по правой стороне бежала алая струйка, залила глаза.

Третьяк рухнул, Итания успела увидеть, что удар Придона пришелся по плечу гиганта. Ярый, хрипя и раскачиваясь, надвигался, словно плывущая скала. Придон стоял, почти ничего не видя и не слыша. В это время из соседнего зала показался, хватаясь за косяк, Горюн. Кровь капала из его головы, стекала по груди.

Итания закричала на бегу:

— Остановитесь!.. Не смейте!..

Ярый вскинул меч, Придон шатался, колени подломились, он рухнул на колени. Меч Ярого был нацелен в голову, Придон даже не пытался уклониться, но рукоять повернулась в скользкой от крови ладони. Меч ударил Придона плашмя, артанин качнулся, но на ногах устоял.

Итания добежала, встала между ними, маленькая, испуганная, разъяренная. Сорвала с шеи платок, бросила между ними, однако оба с залитыми кровью глазами едва ли заметили. Сзади визгливо закричала Гелия:

— Госпожа бросила платок!.. Перестаньте!.. Итания бросила платок!..

Ярый снова начал поднимать меч. Итания затрепетала, за

спиной Ярого возник Горюн, его меч поднялся, но лезвие ударилось о возникшее препятствие.

— Остановись... — прохрипел Ярый.

— Ты... — сипло ответил Горюн, — с ума сошел...

Придон покачнулся, завалился неловко навзничь. Залитые кровью ноги нелепо вывернулись. Он хрипел, кровь заполнила глазные впадины, стекала на пол. Обнаженная грудь вся была искромсана глубокими ранами, лицо и плечи в кровоподтеках, жестоких ссадинах, порезах.

— Все наши живы, — сказал Ярый хрипло. — Итания права... Он никого не убил, хотя... мог.

— Он убил нашего брата, — ответил Горюн с ненавистью. — Он убил отца Итании!

Он снова начал поднимать меч. Итания бесстрашно загородила лежащего в беспамятстве Придона.

— Тогда убей и меня! — крикнула она. — Да, он убил... или убили по его приказу. Но он... не убийца! Он обещал мне никого больше не убивать из моей родни!.. И он... он выполнил.

Придон пытался поднять топор, но рука не слушалась. Грохот в голове превращался в оглушающий гром, тут же стихал до оглушительного комариного писка. Тут он вспомнил, что, когда правая онемела, он успел переложить топор в левую, пальцы и сейчас сжимают рукоять, но топор не удалось даже сдвинуть с места. Затем он сообразил, что лежит на спине, застонал, попробовал приподняться.

Грохот в ушах оглушал, острая боль пронзила плечо и руку, зато удалось перевернуться на бок, а затем и вниз лицом. Затем он уперся здоровой рукой и начал подниматься, но ослепляющая боль в ноге, он застонал, упал, ударившись лицом.

В голове все смешалось, его поднимали, трясли, куда-то тащили. Затем черная тьма нахлынула, зато отступила и боль. Он с наслаждением провалился в небытие.

ГЛАВА 11

Сквозь розовый туман проступало солнце, яркое, желтое, как расплавленное, но не слепящее, а теплое и чистое. Он попробовал разлепить губы, не удалось, из запекшегося рта вы-

рвался сдавленный стон. Во всем теле ломающая кости боль, словно его пропустили через камнедробилку. Мозг одурманен болью, он все старался рассмотреть солнце, наконец туман начал рассеиваться, проступило бесконечно дорогое лицо в обрамлении золотых волос.

По бледному лицу Итании беспрерывно бежали слезы. Придон снова попробовал разлепить губы, но вместо лица вздутый кровоподтек, от усилий лопнула корка, по шее потекло теплое.

— Придон, — сказала Итания со стоном, — Придон...

Она схватила его руку, он не понял, что она делает, а когда понял, дернулся в ужасе, пытаясь встать, воспрепятствовать, не позволить ей, созданию света, целовать его грубую руку. Солнце подсвечивало ее волосы сзади, из-за чего сама была солнцем, а само солнце так, слабый коптящий светильник где-то далеко.

Он повел глазами, череп пронзила острейшая боль, словно от виска к виску пронзили раскаленным железом. Сквозь стиснутые зубы вырвался стон, он едва сумел заставить себя прошептать:

— Итания... ты простила меня?

Она зарыдала, слезы брызнули ручьями. Он закрыл глаза, улыбнулся, теперь можно и умереть, снова провалился в черноту... и тут же вынырнул, уже легко и свободно. Еще под опущенными веками повел глазными яблоками, ожидая взрыва прежней острейшей боли, но ничего не ощутил. Распахнул глаза, Итания по-прежнему сидит рядом, держа его за руку, только побледнела, высокие гордые скулы слегка заострились.

— Я... — проговорил он с трудом и понял, что может говорить, что тело слушается, не отзывается взрывами боли, только осталась быстро испаряющаяся скованность в мышцах, — я... долго вот так?

— Ты цел, — проговорила она с великой нежностью в голосе, — ты цел, Придон...

Он огляделся.

— А где...

— Мои родственники? — спросила она.

— Да.

— Они ушли, — ответила она просто.

— Как?

— Как и пришли, — объяснила она непонятно. — Придон, Барвник был великим магом!.. И сейчас он все еще великий. Без всяких подземных ходов сумел... или все-таки через подземный ход, не знаю, как-то открыв чарами, сумел их сюда... а потом, когда воззвали к нему, так же точно и...

Он собрался с силами, уперся обеими руками в ложе, сел. Все тело трещало, он чувствовал, как внутри болезненно рвутся какие-то жилки, словно за время сна прирос к ложу, да и в самом теле пустило что-то корни.

— Странно, — пробормотал он, — почему меня не... Но это все мелочи, главное — тебя ведь не побоями заставили сидеть возле меня?

Она покачала головой, глаза ее влажно сияли.

— Нет, Придон. Не побоями.

Итания спала, тихо и мирно, он с нежностью смотрел в ее лицо, измученное бессонницей. Куявы показали свою мощь, по крайней мере ее выказал колдун Барвник. Как объяснила Итания, а потом и подтвердили Аснерд и военачальники, началась страшная гроза, а потом во всем дворце разом захлопнулись двери и окна. Более того, их нельзя было ни выбить, ни выломать, никто не знал, что происходит, тогда осатаневший Вяземайт послал людей на крышу, где велел разбирать кладку.

Он оказался прав, закрыть заклятиями еще и потолок Барвник либо не додумался, либо не хватило сил. Скорее всего не хватило сил, ибо только на заклятие, закрывающее двери и окна, по словам Вяземайта, надо было угробить несколько лет.

Сейчас по всему дворцу выламывали эти двери, заменяли окна вместе с оконными рамами, а старые жгли на внутреннем дворе. Младшие волхвы бродили по дворцу, выискивали вещи, от которых несло магией, выносили во двор, а там Вяземайт сам определял, что сжечь, что оставить. На сжигание

отправлял все, что не понимал или с чем не мог справиться, а таких вещей оказывалось намного больше.

А тогда, спустившись по веревкам через пролом в высоком потолке, они ворвались в покои Придона и обнаружили его, залитого кровью, на собственном ложе. Итания сидела рядом и заливалась слезами. Придон был не просто изранен, а изрублен, иссечен. Кости правой руки разбиты мечами так страшно, что рука вообще висела на остатках сухожилий, нога сломана в двух местах, на голове три жестокие раны, живот вскрыт ударом меча, сквозь рану видны внутренности, удерживает лишь тонкая пленка, а справа лезвие разрубило бок так, что за разрубленными обломками ребер видно серую трепещущую ткань легких.

Непонятно, как он все еще жив и как вообще оказался на ложе, если последняя схватка, судя по брызгам крови, была в покоях Итании.

Вяземайт искал по всем стенам следы магии, Аснерд с недоверием выслушивал Итанию, а она говорила торопливо, с отчаянием в глазах, старый воевода не верит, хмыкает, недоверчиво поднимает седые кустистые брови.

— Аснерд, ну правда же!.. Они подняли его и уложили...

— Не добив?

— Я не позволила!

Он хмыкнул:

— Так они бы тебя и послушались!

— Аснерд, — сказала она с отчаянием. — Это я виновата, что Придон... не сражался с ними...

Аснерд спросил еще недоверчивее:

— Не сражался?

Он выразительно оглядел помещение, залитое кровью настолько, словно здесь забили стадо скота, усыпанное обломками щитов, шлемов, панцирей, мечей.

— Не насмерть, — поправилась она торопливо. — Он только отбивался, ибо пообещал мне, что отныне не убьет ни одного из моей родни...

— Даже пообещал?

Она смутилась.

— Ну, не вслух... Но он однажды посмотрел на меня так,

когда поблагодарил за заботу о городе. Я сразу поняла, что он принял какое-то решение.

— Ага, — сказал он, — он только посмотрел, а ты все поняла? Опасная ты женщина, от таких надо подальше. У вас такое понимание, что вам надо либо убить друг друга, либо...

Он поперхнулся, она сказала жалобно:

— Аснерд...

Он нахмурился:

— Итания, я знаю, ты не поверишь и мне, но Придон не убивал Тулея. Его искали, чтобы пригласить на вашу свадьбу. Пригласить, а не привозить под стражей! Убили ваши куявы... надеялись, что-то за такую услугу обломится. И обломилось бы, если бы мы были куявами! Они просто не поняли, что мы — артане. Ладно, теперь понятнее... Хотя нет, непонятно. Почему Придон их не убивал — понятно. А вот почему они...

— Тебе непонятно, — сказала Итания со злостью. — Еще бы, все добродетели могут быть только у артан! Куявы — подлые, бесчестные, гадкие, мерзкие... И то, что могли ответить благородством на благородство, тебе в голову не приходит?

Аснерд покачал головой:

— Странно... Может быть, они в прошлом артане? Переселились в Куявию и стали куявами, но до конца еще не окуявились?.. Ладно-ладно, шучу. Не обижайся. Я встречал и среди куявов немало благородных людей, но все-таки чересчур большой соблазн — убить самого несокрушимого Придона!.. Здесь любое благородство может поколебаться... Гм, в смысле, любое куявское. И еще у меня один вопрос...

Он остановился, заколебавшись.

— Знаю, — ответила она сердито, — лучше не спрашивай, хорошо?

Он развел руками, смотрел в пол, стараясь не встречаться с нею взглядом.

— Как скажешь.

— Никогда, — сказала она с нажимом. — Никогда не спрашивай!

Он поклонился, все так же отводя взгляд, только бы не видеть ее лица, ушел. Она в отчаянии заломила руки. В самом деле, почему она не ушла с родней? Ведь приходили не убить Придона, а спасти ее от него, забрать с собой!

...Вяземайт проводил дни и ночи у магического зеркала, мрачнел, наконец снова отбыл, по своему обыкновению, таинственно и незаметно. Но перед уходом сказал:

— Придон, наши так и не смогли взять Долину Иггельда. Там горстка, но эта горстка дерется! Туда отправился Меклен, отважный Меклен, который ко всему еще и не дурак, воевать умеет. Однако... Нет-нет, я не говорю, что Меклен уже потерпел поражение, но его постоянно бьют, а он только царапает лоб о каменную стену.

Придон нахмурился, ярость пришла неожиданно быстро, он сам удивился, сжал себя в кулак, из-за чего голос самому показался сдавленным, словно выползал из-под рухнувшей скалы:

— И что же? Взяли Куявию, но не в состоянии взять эту крохотную долину?

Вяземайт сказал сердито:

— В ту крохотную долину отправился небольшой отряд, а не войско!.. Есть разница. Мы захватим и тот клочок земли. Драконов перебьем, это понятно. Причем надо сделать это поскорее...

Придон насторожился, развернулся к верховному волхву, тот морщился, словно сидел на иголках.

— Что-то случилось?

— Да, — ответил Вяземайт, — сам догадываешься, разговоры.

— Не догадываюсь, — отрезал Придон.

— Ах да, — ответил Вяземайт, — у тебя другие заботы... Дело в том, что если раньше куявы при встрече осведомлялись в первую очередь о здоровье друг друга, о здоровье близких, о приплоде дома, потом лениво обменивались новостями, то сейчас все, мужчины и женщины, стар и млад, знатные и простолюдины — все при встрече вместо «здравствуйте» жадно спрашивают: ну как там Долина Иггельда, держится?

Придон скрипнул зубами, лицо почернело. Он сел и ухватился за голову. Вяземайт открыл рот и... снова закрыл. Придон страшен, взрывается по каждому поводу, срывается на крик, даже друзья избегают его, и как тут сказать, что в Куявии чуть ли не всяк ликует, слыша радостные вести про эту

проклятую Долину, всяк выпрямляет спину и гордо смотрит на артан, не таких уж и непобедимых, как оказывается, словно это он их бьет! Как сказать Придону, что невозмутимые артане звереют, хватаются за топоры и гневно вращают глазами? Страна начинает вскипать потихоньку, кое-где уже бурлит, как и всегда, но теперь это совсем не мирное кипение: всюду шныряют всякие люди, шепчутся, сговариваются, носят подметные письма, передают шепотком вести, что и такой-то знатный и могущественный бер готов со всем войском явиться на зов того военачальника, что встанет на место Тулея, а то и обещает уйти из стана артан, если все еще на службе у проклятых кочевников, что военачальники куявских войск тайком шлют друг другу гонцов, выясняют, кто до какой поры будет держаться артан, не пора ли поддерживать разбойничающие отряды, которые далеко не все разбойники, а многие просто рядятся под разбойников...

И все всюду говорят тайком и вслух, что, как только объявится герой, готовый принять престол, сразу же возьмутся за мечи и придут в его стан!

— Как всегда, — сказал он как можно спокойнее, чтобы унять гнев Придона, — идут слухи, слухи, слухи...

— Какие?

— Ну, понятно какие... Что Тулей не погиб, что убили другого, а Тулей неузнанно бродит по стране, собирает верных ему людей. Такие слухи всегда идут, как муравьи... И что, мол, едва Тулей объявится, тут же вся страна поднимется, как один человек! Это куявы-то поднимутся, представляешь?.. А те, кто не такой горячий, мудро вроде бы поправляются, дескать, не вся страна, но зато все, у кого в руках оружие, тут же встанут под его державный стяг!

Придон усмехнулся одной половинкой рта.

— Да, герои... Но как быстро умолкают, когда видят наших всадников!

— Все же Долину Иггельда надо стереть с лица земли как можно быстрее, — сказал Вяземайт. — Боюсь, что мне снова придется отбыть туда. Я думал, что, обезвредив башни, сделал достаточно... гм...

Придон оживился, сказал с восторгом:

— Знаешь, неужели мы настолько сильны, что эта небывалая победа... прошла так незамеченно? А ведь это самый страшный кошмар Артании — черные башни колдунов! А ты их так просто, так незаметно, что даже обидно. Как будто тени своей боялись.

Вяземайт покачал головой:

— Башни колдунов могли бы смести в пропасть всю нашу армию, как хозяйка сметает за порог муравьев. Просто я убедил подземный народец продырявить каменные корыта их подземных хранилищ волшебной воды. А если вода уходит, у колдунов нет силы. На самом деле все просто, как видишь... когда кто-то другой сделает. Словом, надо Долину взять как можно быстрее! И надежды этих дураков рухнут, хотя надежды-то дурацкие: Долина с места не сойдет... и даже если бы мы ее не взяли вовсе, что, понятно, дико, все равно ничем помочь не сможет равнинной Куявии!

Придон кивнул, глаза заблестели мрачным огнем.

— Надо взять, — сказал он жестко. — Тогда утихнут слухи и про скрывшегося Тулея. Сейчас дурачье может думать, что он в этой самой Долине... а потом, увы, если Долина будет взята... когда будет взята!.. языки втянут в задницы.

Вяземайт поднялся, обнял, от ладоней волхва в тело Придона потек сухой жар, воспламеняющий кровь и убирающий усталость.

— Языки без костей, — сказал он почти беззлобно, — не понимают, что в Долину Иггельда Тулей мог бы попасть только на драконе, а он их ненавидел похлеще нас, артан! И не помогал пастухам драконов никогда... Ладно, Придон. Не знаю, суждено ли нам еще скакать по Степи на быстрых конях?.. Что-то плохое у меня предчувствие. Ну, ладно, держись.

Он еще раз крепко обнял, Придон ощутил тот же прилив жара, успел увидеть, как Вяземайт повернулся к двери, однако исчез раньше, чем коснулся дверной ручки.

•

Они сидели рядом, их плечи почти касались, но он страшился придвинуться ближе и в самом деле коснуться. С неподвижным лицом, обращенным в сторону стола, он косил

глазом, видел румянец на ее щеке. Ее крупные глаза были то прикрыты длинными копьями ресниц, густыми и слегка загнутыми на кончиках, то вдруг сверкали, как самые яркие звезды.

Аснерд тоже посматривал на Итанию с любовью и беспокойством. В огромном дворце, лишенная материнской ласки, она жила чуть ли не сиротой, жизнь мчалась мимо, а тут вдруг засияла, как драгоценный камень, на который упал луч солнца. Когда ее увидели год назад, она была еще прелестным подростком. Даже в тот первый раз, когда они захватили ее с Куябой вместе, как любит говорить Придон, она все еще оставалась подростком. Но за месяц, пока искали ее и нашли в Черном Утесе, она преобразилась из подростка в молодую девушку, созданную для любви.

Слуги, оставшиеся с прошлых времен, оскорбительно равнодушно подавали на стол. Раньше артане свирепели и хватались за ножи, но им кое-как втолковали, что именно так и надо в высших домах, здесь не выказывают раболепие, его требуют только мелкие люди, а сильные в поклонах слуг не нуждаются.

Придон хватал с блюда все, что перед ним ставили, ел быстро и с удовольствием. Аснерд откровенно смаковал роскошные блюда, прищуривался, закатывал глаза, чмокал, похваливал. Придон хмурился, с этого и начинается потеря артанскости, когда распускаешь тугой пояс, когда превыше всего ценишь уют, удобства, сладкую еду и доступных женщин.

— Что там нового по Долине Иггельда? — спросил он.

Аснерд помрачнел, буркнул:

— Пока ничего нового нет.

— Я же велел через каждые три дня гонца!

— Ничего нового, — повторил Аснерд. — Бьются о стену. Теряют людей. Я им послал катапульты, но эти дурни выставили их чересчур близко. На стене тоже катапульты, даже на гору ухитрились втащить... Или на драконе завезли?

— Разбили?

— Я новые послал, — поспешно сказал Аснерд. — Те они поставили лучше!.. Правда, на ночь оставили на том же месте...

Придон насторожился.

— Неужели куявы осмелились на вылазку?

— Нет-нет, — успокоил Аснерд. — Они другую подлость удумали! Запомнили место, а ночью подняли драконов и в темноте сбросили на то место тяжелые камни. Все катапульты — вдрызг... Конечно, я послал им еще, у нас этого добра хватает. Теперь на ночь перетаскивают под навес!

Итания слушала жадно, ее щеки раскраснелись, а глаза блестели. Придон покосился на нее, спросил хмуро:

— А днем не бросают камни?

Аснерд покачал головой:

— Эх, Придон... ты и не замечаешь, что возле тебя уже нет Меривоя и Франка? Они ж от тебя не отходили!

Придон огляделся, на лице мелькнула виноватость.

— Верно. А куда делись? Я их давно уже отослал в горы. Со стороны Иггельда пробовали драконами и днем, так наши стрелки троих драконов прострелили сразу, как уток!.. Можно сказать, насквозь. С тех пор с той стороны только ночами.

Придон сказал торопливо:

— Да-да, ты прав. Здесь им делать было нечего, только бы томились. Значит, стену скоро разрушат?

— Или перелезут, — ответил Аснерд успокаивающе, — как перелезли здесь, в Куябе. Неважно, но Долина падет скоро. Я туда на всякий случай вслед за Мекленом отправил и Щецина.

Придон вздохнул:

— Ты предупредил, чтобы с Иггельдом обращались как с почетным пленником? А драконов...

Он бросил быстрый взгляд на Итанию, прикусил язык. Аснерд кивнул, поманил пальцем одного из слуг, сказал преувеличенно громко:

— Подать раков! Я говорил, чтобы приготовили раков?.. Говорил!.. Простых речных раков, но самых крупных. Чтоб даже панцири зеленые, понял? Давай неси быстрее, я жду!

Слуги метнулись к дверям, теряя многолетнюю выдержку, тут же вплыл главный повар с огромным подносом впереди себя, на подносе пламенели грудой огромных рубинов свежесваренные раки. И запах от них пошел свежий, пряный, неж-

ный, томный, словно и не раки, которых дерут из нор простолюдины в простолюдинных реках, а дивные заморские лакомства, купленные за слитки золота.

Придон, смеясь, жестом велел все выложить перед Аснердом, а тот, нимало не смутившись, устроил тцарский пир, хрустя панцирями, словно в жестокой битве, белое сочное мясо показывалось на свет стыдливо порозовевшее, нежное, как тела тцарских наложниц, Аснерд забрасывал их в широкую драконью пасть, та смыкалась со звучным стуком, будто огромный пес ловил муху, а руки то неуловимо быстро разламывали следующего панцирника, то так же ловко выуживали ярко-красный обломок, застрявший в поясе.

Итания смотрела смеющимися глазами, всегда приятно видеть, когда твой друг или твой любимый пес хорошо и жадно ест, но, когда заговорила, в ее чистом голосе звучал укор:

— Похоже, вы даже не знаете, что драконы — наши двоюродные, а то и родные братья!.. Ну, как считать. Не знали? Я так и думала. Придон, ты хоть знаешь, что случилось, когда двести ангелов спустились на землю? Или даже об этом не слышал?

Он с трудом вспомнил слышанный в детстве рассказ, что часть ангелов бунтовала против Творца, недовольная тем, как он вел дела с человеком, и тогда тот разрешил им облечься плотью и спуститься на землю. Но дальше то ли заснул, то ли убежал играть, но не мог вспомнить, что дальше.

— Кто не слышал, — ответил он с неловкостью. — Так что там о драконах? А то сразу палкой по голове...

— Тебя надо не только по голове, — ответила Итания. — И не только палкой... Ангелы, как известно, сразу же начали вступать в браки с земными женщинами. Слышал, да? Об этом все слышали. Первыми от них родились великаны. Их нрав сам знаешь, объяснять не буду. Дальше ангелы все больше... скажем, уходили от людского облика. Ведь раньше не имели плоти вовсе, а при нисхождении на землю хоть и обрели ее, но она у них не оставалась неизменной, как у нас, людей, понимаешь? Мы в ней, своей плоти, навечно, потому мы всегда — люди. Один из ангелов, по имени Дагдарион, полюбил жить в воде, все чаще принимал облик рыбы, от него в

море появились чудовища, которых не создавал Творец, что очень важно! Другой, по имени Насира, любил показывать чудеса, которые запретны в сотворенном Родом мире, ибо чудеса — только его власть, но Насира обучил и людей колдовству, от него пошли колдуны, маги, чародеи, волшебники... словом, если у людей была только одна форма, которую вылепил Творец, то ангелы все больше и больше опьянялись властью над ее изменчивостью. Один из них, по имени Аврион, имел цвет грозовых туч, что приносят ужасные грозы, он любил носиться над миром, принимая вид ужасного и грозного зверя, создавал себе крылья, ни на что не похожие, без перьев, голые...

Придон спросил недоверчиво:

— От него и пошли драконы?

Он уже не ел, боясь подавиться, опустил на стол руку с наколотым на острие тонкого ножа ломтем мяса.

— Да, — ответила Итания тихо, — от него и пошли драконы. Кровь этих двухсот ангелов струится и в жилах многих людей. Больше, конечно, на свете людей, кто остался таким, каким создал Творец, но есть среди людей и потомки браков падших ангелов с земными женщинами. Так вот они и есть родственники драконам. Наверняка Иггельд, что спас первого драконыша и выхаживал его в пещерах, уйдя от людей, свое родство с драконами чувствует особенно остро. Но ты, Придон... разве ты не чувствуешь?

Придон добросовестно подумал, буркнул в стол:

— Нет. Извини, но ничего такого не чувствую.

— Говорят, — сказала она, — что звери часто подбирают брошенных детей и воспитывают их вместе со своими детьми...

— Сам видел! — прервал Аснерд, довольный, что может вставить что-то по делу. — Как-то... Извини, что перебил.

Итания наклонила голову.

— Принимаю. Ты можешь подтвердить, что те человеческие дети... тоже звери. Даже говорить не могут, если жили со зверями. Они ведут себя и чувствуют зверями: бегают на четвереньках, рычат и лают, чешутся ногой за ухом...

— Сам видел, — подтвердил Аснерд снова, развел руками с хрустящими панцирями раков. — Извини...

— Принимаю, — сказала Итания тем же чистым голосом. — Вот и ты, Придон, берешься истреблять драконов, а это твои братья. Только ты, живя среди людей, как жили твои отец и мать, даже не представляешь, что можно жить иначе, чем все люди.

Аснерд сказал весело:

— Уже знает.

Итания посмотрела в его беспечное лицо, дышащее сдержанным мужеством человека, прошедшего по жизни, принимая и раздавая удары, не дрогнувшего, не согнувшегося, умеющего защитить и себя, и великое множество друзей и близких, вырастившего уйму таких же крепких и мужественных детей, что будут бдить и защищать, служить щитом семье и стране, опустила глаза.

— Да, — сказала она потерянным голосом, — переубеждают слабых, колеблющихся. А вы, две движущиеся горы, даже не замечаете, что топчете, размазываете в тонкую слизь...

Придон хмурился, с неловкостью отводил глаза. Аснерд жизнерадостно хмыкнул:

— А что, если и двоюродные братья? Или даже родные? Родные еще как бьются насмерть!.. Итания, люди все настолько разные, что если бы ссорились из-за различий, то давно уже перебили бы друг друга. Надо искать что-то общее, уживаться. Моя жена обожает жареную свинину, но в Артании пришлось о таком забыть, но не скажешь, что моя жена бедствует, хотя могла бы пилить и требовать, чтобы переехали в другую страну!.. И что бы это дало? Артанию я бы не покинул, а ссорились бы каждый день. А так мы никогда не вспоминаем свинину... Так что отведайте лучше раков, вот я вам наковырял, а о драконах — забудем!

Итания опустила ресницы. Ладно, попробуем в другой раз. Не говорить о драконах — это не приказ, а совет или даже просьба, а для нее даже прямые приказы ничего не значат, будет жить и говорить то, что считает нужным. Только нужно выбирать время и место, чтобы подействовало лучше. Возможно, удастся добиться, чтобы войска отозвали. Пусть драконы живут, их и так мало, а остались только в одном-единственном местечке в труднодоступных горах.

Придон не отдавал никаких приказов насчет Итании, но само собой получилось, что никто ее больше не останавливал, не спрашивал, куда едет. А все ее приказания выполнялись, как если бы их отдавал сам Придон.

Артане уже властвовали в Куявии целиком и полностью, если не считать этой болезненной занозы — Долины Драконов, но и та заноза царапает только их самолюбие, никакой роли не играет, однако по всей Куявии чувствовалось растущее напряжение. Еще не восстание, не война, но доходили слухи, что то здесь то там убивали одиноких артан. Иногда в глухих уголках страны пропадали целые отряды в пять-десять человек. Никто не объявлялся, что вот, мол, это я такой герой, ибо месть артан будет беспощадной, они и так сжигают целые деревни и убивают всех, кого застигнут вблизи погибшего артанина, но с некоторого времени артане стали ездить по стране только большими отрядами. Видя это и понимая причины, куявы осмелели еще больше.

Да, она с удивлением и радостным чувством видела, что, несмотря на явную дурость, трусость и даже прямое предательство, в ее никчемной Куявии все-таки находились и герои, и силачи, и отважные головы, что не склонялись, а продолжали войну уже на свой страх и риск, создавали из отребья отряды и нападали на артанские войска, убивали одиноких воинов, несколько раз захватывали врасплох и уничтожали мелкие отряды, посланные в села за продовольствием.

Аснерд в отсутствие Вяземайта велел поставить в полуразрушенном куявском храме жертвенник артанского бога войны Перуна, приказал походным волхвам принести богатые жертвы и вопрошать всю ночь высшие силы, почему так изменился этот трусливый народ, все еще трусливый, все еще страшащийся открытой схватки лицом к лицу, но уже смеющий оказывать сопротивление? Что нужно, чтобы сокрушить окончательно этот подлый народ, что бежал с поля боя, бросая оружие и срывая с себя доспехи, что сдавался сразу же при виде артанских коней, отрекался от правителя, от Куявии, от своих богов, только бы не трогали их огороды, их дома, их нажитые жалкие богатства?

Не только Итания, но сами артане, гордые и не желающие слушать предостережения богов, замечают, что Куявия, разгромленная и униженная, поднимается из грязи и пепла, восстает из пожарищ. Снова нашлись и опытные отважные воины, и прекрасные кони, и вооружение, и деньги на быструю закупку оружия и доспехов в Вантите. Главное, трусы и себялюбцы исчезли или затаились, а на их месте бряцают мечами и кричат о мщении сильные мужчины с горящими глазами и бледными от ярости лицами.

Доходят слухи, что отряды горного властителя Антланца двинулись через Канив к Белой Веже. По дороге стремительно обрастают новыми силами, он уже и сам не знает, сколько у него войск, а от Белой Вежи будет прямой путь к Куябе, где собраны основные силы артан, где их отборное войско, где несокрушимые горные великаны, где Волог, Бачило, Прий, где страшный в гневе Аснерд, где сам бессмертный Придон, которому смерть ни от чьей руки не писана.

Если раньше одинокие артане и небольшие отряды пропадали только в Нижней Куявии, то теперь исчезали без следа уже и в Канске, и в Щелепе, и даже в землях Прилесья, которые издавна были враждебны Тулею и вообще центральной власти. А простолюдины, что на первых порах охотно доносили берам и беричам про одиноких артан, безрассудно забредших в их деревню, теперь сами расправлялись с ними умело и жестоко, вымещая прошлые страхи и унижения, подвергая артан таким пыткам, что даже самые стойкие хрипли от собственного дикого крика, их покидал разум, они кричали и пели, уже не понимая, что с ними и где они.

В Нижней Куявии, где сопротивление началось раньше, чем в других землях, артане, осатанев от мелких потерь, уходили из богатых деревень и сосредотачивались в городах, укрываясь за их крепкими стенами. В самих городах стояли хорошо вооруженные куявские войска, что служили артанам, но артане видели злорадные ухмылки этих ненадежных союзников, всегда готовых перейти на сторону сильного.

ГЛАВА 12

Из Артании нескончаемым потоком шли мелкие отряды молодых удальцов, но с недавнего времени стали жаловаться, все чаще попадают в засады, приходилось пробиваться, теряя боевых друзей, что мечтали ворваться в богатую городами землю и грабить всласть, наслаждаясь страхом и унижением богатых и знатных.

Наконец, чтобы не терять людей в дороге, собрались в большое войско и, под командованием Оргоста, старого опытного полководца, перешли границу Куявии.

К такому войску осторожные куявы не решались даже приблизиться, но зато решились на то, что в голову не пришло бы даже жестоким артанам: вывозили, а когда не удавалось, то сжигали все запасы зерна по дорогам, где пройдут артане. Народ уходил из сел и городов, пережидал в густых лесах, пока пройдет огромное артанское войско, что с первых же дней начало ощущать недостаток продовольствия.

Оргост, столкнувшись с новой тактикой, поступил единственно верно: велел набрать телег и, если где встретят зерно, увозить с собой. Тем самым нарушил один из принципов артанского войска: только легкая стремительная конница, молниеносные рейды далеко вперед, в стороны, быстрые обходные движения, внезапные удары в незащищенный тыл...

Как оказалось, это была единственно верная тактика. С тяжелым обозом войско хоть и двигалось медленно, но кони не падали с голоду, а сильно отощавшие люди все же уверенно держали в руках боевые топоры.

Однако припасов все равно не хватало, куявы в бессильной злобе жгли не только склады с зерном, что не успели вывезти, но даже собственные дома, только бы проклятые артане там не переночевали.

Половина дороги, что раньше проскакивали на быстрых конях за неделю, сейчас заняла целый месяц, да и то вместо огромного веселого и жизнерадостного войска, что шло с песнями под звуки боевых труб и рожков, сейчас на тощих, как скелеты, конях едва держались в седлах худые измученные люди. Последние припасы, которые ждали войско под

Канском, небольшим городком на расстоянии недели от Куябы, восставшие куявы успели захватить и вывезти.

Уже не только ночью раздавался дикий крик, бряцание оружием и конский топот, но и днем войско сопровождали в пределах видимости конные отряды куявов. Их тяжелые кони с легкостью уходили от погони, отощавшие артанские скакуны быстро переходили с галопа на шаг, а то и вовсе останавливались, дрожа и покрываясь потом. Оргост запретил горячим головам пускаться в погоню, они почти всегда становились легкой добычей, и теперь куявы, обнаглев, ехали чуть ли не бок о бок, осыпая несокрушимых артан стрелами.

Последние из песиглавцев, через чьи владения проходило его войско, что все еще страшились мести артан, доставали из тайников мечи и присоединялись к войску Цвигуна. А тех, кто мог носить оружие, но предпочел по-куявски отсидеться за спинами тех, кто проливал кровь за Куявию, новые куявские вожди без всякой жалости велели вешать. Даже не лишать голов, как поступали с людьми благородного сословия, а именно вешать, как последних безымянных воров и разбойников.

Многих ошеломила эта жестокость, однако гораздо больше было тех, кого воодушевила эта мера. Не хочешь рискнуть головой за свободу страны, потеряешь ее, как трусливый вор, — что непонятного?

Оргост долго приспосабливался к новой тактике, но вторую половину пути вел войско со всеми предосторожностями, сам устраивал для куявов десятки ловушек, оставлял засады, назначил за головы их полководцев неслыханную награду и велел об этом объявить везде, где проходил с войском, ведь трусливые куявы становятся храбрыми, если впереди маячит ларец с золотом! А куявы, как известно, все до одного продажные. А кто не продажен, то, это известно тоже, в прошлом либо артанин, либо из тех племен, что в давние времена переселились из Артании в Куявию.

К счастью, Придон как чувствовал, что может прийти свежее артанское подкрепление из родных земель, и, не получая никаких известий из Верхней Куявии, отправил тысячу Во-

лога. Они и наткнулись на изнуренных людей Оргоста в окрестностях села Умань.

Но, к несчастью, тысяча Волога двигалась налегке, в седельных сумах был запас на пару суток, потому Оргост решил навязать куявам бой, не дожидаясь прихода в Куябу. Это куявы уверены, что теперь они ринутся под защиту крепких стен, чтобы отдышаться и отоспаться, но увидят, какой бой могут дать измученные и голодные артане!

Тысяча Волога раздала свое съестное, сами встали на страже, давая войску впервые за последние две недели отдохнуть и выспаться.

Победа над Куявией была чересчур легка и стремительна. Один обезумевший Придон полагал, что так и должно быть, что не могло быть иначе, но даже такие горячие головы, как Аснерд или Щецин, поговаривали, что артане откусили слишком большой кусок, чтобы проглотить. Захваченное надо поскорее ограбить, обобрать до нитки да возвращаться. Все захваченное не сохранить, разве что удастся отрезать от Куявии пару областей, куда в старину переселились артанские племена, и до сих пор там вроде бы в ходу мужская честь, верность слову и добродетельность женщин.

Лучший и самый лакомый кусок назывался Нижней Куявией, он начинался сразу за пограничной рекой, там всегда бродят тучные стада, колосятся нивы, а простолюдины живут в большем богатстве, чем в Артании знатные люди. Правда, сейчас и там всюду поднимается восстание, артан истребляют так жестоко и умело, что артане всякий раз говорили, что здесь живут бывшие артане, куявы так умело воевать не могут, эти земли надо отрезать и вернуть Артании.

Придон, узнав от гонцов о войске Оргоста, оставил Щецина с его остатками измученного войска отдыхать, а сам взял добрую половину конников и быстрым маршем вывел из города. Всадники изнывали от безделья, а сейчас неслись, подобно огненному урагану, опережая слухи о своем походе. Потерь не было, к тому же из малых городов и сел к ним стягивались малые артанские отряды, и, увеличиваясь в размерах, его быстрое конное войско не теряло скорости.

За ним, как за катящейся раскаленной горой из железа, вспыхивали пожары, гибло все живое. Когда куявские отряды спешили перехватить его войско, они обнаруживали только черные пятна на месте сел и городов да изредка горячие еще угли.

Он не останавливался для боя, даже не обращал внимания на застигнутые врасплох куявские отряды впереди, просто растаптывал их, а тех, кто успевал сдаться в плен, попросту молча развешивал на радость воронам по ближайшим деревьям.

Куявские полководцы поняли вскоре, что ни одно куявское войско не в состоянии встретить Придона лицом к лицу. Если и можно было с ним грудь в грудь, то лишь в самом начале, когда куявская армия была впятеро больше, вооружена до зубов, а командовали поседевшие в войнах зубры. Сейчас же выбрали единственно верное: идти следом за артанами, идти впереди, идти по бокам, благо с разношерстными отрядами это намного легче, и вредить артанам везде, где можно, кусать всюду, куда дотянутся зубы, то есть разрушать впереди мосты и гати, увозить или истреблять продовольствие, прятать зерно.

Придон скрипел зубами, ибо шел через богатейший край, но казалось, что снова пробирается по горной тропе среди заснеженных и мертвых гор, мертвее которых уже ничего не бывает в вечно заледенелом мире. Доходило до того, что даже коней не удавалось покормить, овес куявы вывозили или прятали, а сено жгли.

Правда, хозяевами страны оставались артане. Понимали это и куявы, и артане. Все крупнейшие города и крепости заняты артанами, там их сильные гарнизоны, а где города, там и дороги, ибо города издавна ставились на перекрестьях самых удобных дорог. Но тропки уже в руках куявских отрядов, села уже под их властью, а земли, где артане чувствовали себя вольно, сужались в размерах, словно тающие льдины.

Уже не только отдельным артанам нельзя было проехать по Куявии, как было совсем недавно, исчезали не только малые группки, но и целые отряды. Куявы охотились на них,

как голодные псы, что преследуют могучего медведя, кусают, тревожат, а затем и вовсе рвут в клочья.

Дороги становились все хуже, пошли дожди, уже холодные, осенние, а мелкие болотца разрослись и преграждали дороги. Придон надеялся, что тяжелым куявским коням придется еще хуже, так и было, но его войску досаждали не столько тяжелая куявская конница, сколько мужицкие отряды. Уже не один из беров объявлял, что отпускает на волю всех рабов, взявшихся за оружие, прощает долги селянам, которые сражаются с артанами, так что по всем деревням крестьяне сбивались в ватаги и охотились за артанами, а потом притаскивали к порогу поместья бера отрубленные головы.

Эти отряды, действуя неумело и неслаженно, представляли ничтожную воинскую силу, однако постоянно держали артанское войско в напряжении, выли и кричали по ночам в кустах, звенели оружием и делали вид, что вот-вот нападут. Деревенские колдуны, глупые и необученные, умело напускали призраки, что рассеивались от одного прикосновения железа, но войско всякий раз трепетало и спешно строилось в боевые порядки, когда видело, как на них несется тяжелая куявская конница.

Куявы, направляемые опытной рукой, вели войско за Придоном, забегали вперед, и он часто находил на пути зверски изуродованные трупы насаженных на колья артан, иные еще жили и сыпали проклятиями, можно было и не спрашивать, кто это сделал: крестьяне воевали жестоко, не делали различия между знатными артанами и простыми ратниками.

Придон с войском засел в устье руки, положение стало тревожное, он посылал во все стороны гонцов, приказывая ближайшим гарнизонам прийти ему на помощь и привезти побольше продовольствия. Но немногие отряды пробивались к нему, запасы истощались, скоро придется есть конину, а какой из артанина воин, если нет коня? Почти куяв, если не хуже...

Все земли, от Полесья до гор, уже полыхали, как сухая трава, охваченная степным пожаром. К Придону пробились только крупные войска Белозерца и Плеска, а мелкие отряды уже не рисковали выйти из крепостей, их, как волки, стереж-

ли мужицкие отряды, добывая себе таким образом свободу, а кое-кто и переходя в песиглавцы или даже в беричи, о чем другие говорили с восторгом и завистью и лезли вон из кожи, чтобы и самим добиться благородного звания.

Артане попробовали вместо жутких казней схваченных повстанцев попросту калечить: отпускали их с отрубленными руками и выколотыми глазами, но это вызвало вопль ярости, таких страдальцев провозглашали героями, их брали на общий прокорм, а те немногие куявские отряды, что все еще служили артанам, ночью перебили оказавшихся рядом артан и ушли.

В самой Куябе в эти дни было беспокойно, часть верных беров, пряча глаза, воспользовались отсутствием Придона и предпочли убраться из города, заодно увели с собой и отряды куявских конных латников.

Итания терзалась из-за отсутствия вестей, она снова оказалась практически в заточении, ее передвижение ограничили собственными покоями, ссылаясь на желание обеспечить ее безопасность, и, мол, иначе Придон всем головы посрывает, приставили к дверям усиленную стражу.

Однажды в дверь громко и требовательно постучали. Итания вскинула брови, но не сдвинулась с места. Гелия взглянула испуганно, съежилась.

— Открыть?

— Не надо, — ответила Итания.

Гелия вобрала голову в плечи. Итания говорила спокойно, но от каждого слова веяло холодом, словно от глыбы льда.

— Все равно войдут, — робко произнесла Гелия. — Они здесь хозяева...

— Вот и пусть входят сами, — ответила Итания. — По праву силы, а не потому, что мы им рады.

В дверь постучали снова. Итания не ответила, тогда стукнули еще, настойчивее, и тут же дверь распахнулась. На пороге стоял Родоп, он смерил Итанию недружелюбным взглядом.

— Принцесса, — сказал он громко, — повелитель Куявии доблестный Придон сейчас с войском далеко от города, но военный совет ждет вас в главном зале.

Она вскинула брови:

— Ждет?

— Да, — ответил Родоп. — Они сказали, что ждут.

Итания всмотрелась в его лицо. Артанину она не нравится, он по-прежнему видит в ней врага. Возможно, теперь еще больше. Он даже не скрывает, что она ему сильно не нравится. Как он выделил слова, что их военный совет только сказал, что ждет, вежливый, значит, а на самом деле велит...

— Я занята, — ответила она с холодком, — и не приду.

Служанка ахнула, ее ладошка испуганно метнулась ко рту, остановившимися глазами смотрела на принцессу. Родоп злобно ухмыльнулся.

— Если военный совет сказал, что ждет, — сказал он громче, — то куявам надо бегом!

— Я не пойду, — ответила она.

Он шагнул к ней, глаза вспыхнули ненавистью.

— Тогда я поволоку тебя за волосы, — сказал он люто. — И никто меня не остановит!

Служанка вскрикнула громче. Итания покосилась на нее, губы тронула улыбка. Пусть дурочка видит, что с артанами нужно только так. Ничего добровольного. Пусть все берут только силой.

— Хорошо, — сказала она неожиданно. — Я пойду. Сила есть сила.

Артанин довольно улыбнулся, сразу растеряв гнев. Итания прошла мимо, Родоп вышел следом, служанка осталась в ее покоях.

В зале, кроме Краснотала, что остался вместо Придона из-за отсутствия Аснерда и Вяземайта, были Прий, Норник, Бачило, Канивец и Шульган. Прий и Канивец склонились над столом. Карта приколота по краям кинжалами, острия глубоко вонзились в драгоценное дерево из волшебных лесов Вантита. Итания заметила тонкие струи крови, что медленно вытекали из ран в столешнице и ползли, застывая, по ножкам стола. А артане даже не обращают внимания, что края карты окрашены свежей кровью.

При ее появлении перестали переговариваться, все шесте-

ро подняли головы и уставились на нее. Она на миг замедлила шаг, но почти сразу уловила, что все смотрят с мрачным восторгом.

Страж за ее спиной закрыл дверь, он свою часть выполнил, дальше пусть ее обламывают сами члены военного совета. Итания сказала ровным голосом:

— Меня доставили сюда по вашему приказу. Что изволите приказать?

На нее смотрели с сильнейшим раздражением, даже привычный восторг отступил, на усталых лицах злость и недоумение, в глазах блещет опасное пламя.

Краснотал нахмурился, она ожидала, что начнет оправдываться или объяснять путано, что вовсе не хотел ее принуждать, что она не так все поняла, но он спросил все так же хмуро:

— Итания, мы понимаем, что это должен бы решать Придон... но он далеко в поле, связи с ним нет, а решать надо немедленно. Вы могли бы сказать раньше, что ваш отец обманул не только Придона, но и этого... как его, Ратшу!

— Ратшу? — переспросила она невольно. — А кто это?.. Впрочем, неважно. В чем мой отец мог обмануть этого Ратшу?

— В том, — прорычал он зло, — что и этому дураку пообещал вашу руку! И теперь этот Ратша потребовал переслать вас к нему!

Ее сердце забилось чаще, вражда ее окружает со всех сторон, даже всегда дружелюбный Бачило смотрит с откровенной неприязнью.

— Ратша, — повторила она. — Кто он все-таки? Разве у него достаточно сил?

Прий бросил из своего угла:

— Когда такая война, то появляются как герои, так и проходимцы, пророки, предсказатели, колдуны, мошенники, полководцы из простолюдья, воры и разбойники объявляют себя чудесно спасшимися тулеями, одерами, щерганами и сыновьями знатнейших князей... Кто этот Ратша, еще не знаем, но он сумел объединить разношерстные отряды этих трусоватых вояк в одну толпу.

Краснотал отмахнулся, как от назойливой мухи, прорычал яростно:

— Так ваша рука была обещана ему или нет?

— А это имеет значение? — ответила она уклончиво.

— Имеет!

Он это слово почти выплюнул, как дракон сгусток огня. В глазах сверкала ярость, лицо исказилось и потемнело.

— Почему?

— Потому что этот дурак... просто дурак!.. Он не понимает своей выгоды, а выгода в том, что надо было сидеть в своей норке тихонько, как мышь. Мы могли бы его и не заметить... И если уж так умен, то подбирал бы потихоньку то, что осталось без хозяев, стал бы богатейшим человеком в стране! Князем мог бы стать, у куявов это просто: чей мешок с золотом перетянет, тот и князь. Так нет же, захотелось и воинской славы, как же... Войско возглавил!

Итания наконец поверила, что все это серьезно, спросила нерешительно:

— Но... зачем? Мою руку мой отец в самом деле обещал... даже не обещал, а как бы обещал... я хочу сказать, что он объявил ее свободной... И кто сумеет доказать, что достоин...

Она смешалась, умолкла. Только один человек доказал, что достоин. Даже дважды доказал. Но как жестоко — во второй!

Прий крякнул, его могучий голос заполнил все помещение, что сразу показалось тесным:

— Дело в другом. Он бы не подал и голоса, если бы... Словом, он не слепой, всякому видно, что мы Куявию захватили, как стог сена, а принцессу Итанию — как заснувшую ворону. Ладно, как райскую птичку. А раз захватили, то он имеет право ее освобождать.

— Он еще прислал вестника, — подал голос Канивец. — Потребовал отпустить принцессу. А чтобы придать вес своим словам, он захватил в плен... угораздило же дуракам как раз ехать мимо!.. весь наш обоз. Да не тот, полный, что отсюда, а уже пустой, из Артании. Все бы ничего, если бы там не было наших жен и детей, которым приспичило посмотреть на покоренную Куявию!

В комнате повисло тяжелое молчание. Итания сказала медленно:

— Но, кажется, есть выход...

Краснотал смотрел хмуро, Прий спросил непривычно живо:

— Какой?

— Если меня отправить к нему, — спросила она, — он отпустит обоз?

Три голоса прозвучали одновременно:

— Конечно!

— Это доказательство!

— Ни за что!

Канивец и Прий посмотрели на Краснотала, на Итанию, разом вздохнули и отвели взоры. Итания стиснула кулачки. Этот дурак будет настаивать на своем, даже если это будет стоить жизни многим женщинам в обозе. Правда, она не очень-то верит, что неведомый Ратша убьет их, но уже то, что захватил обоз с их женщинами, приводит артан в ярость.

Краснотал стукнул кулаком по столу. Карта гневно зашелестела.

— Черт, еще один камень в нашу сторону!.. Ну почему, почему мы не ушли, когда это было легко... и просто?

ГЛАВА 13

Придон поднялся на невысокий холм, мир послушно расширился, а горизонт стыдливо отступил. Отсюда хорошо видно вал: высокий, крутой, похожий на толстую змею, преградившую дорогу муравьям, куявы от трусости становятся очень работящими, а перед валом еще и глубокий ров. Сам вал еще как-то можно одолеть с разгону, но ров...

По ту сторону вала великое множество богатых шатров, масса повозок, телег, кони там сытые, с лоснящимися крупами, толстоногие. Вал ощетинился гребнем гигантского дракона, плечом к плечу в остроконечных шлемах куявы, все с длинными копьями, против конницы самое лучшее оружие. Стоят и смотрят в эту сторону, стерегут каждое движение, страшатся всего, хотя именно артане как раз пренебрегают воинскими хитростями.

Мягко простучали за спиной копыта, по конскому храпу Придон узнал коня Плеска. Старый военачальник встал рядом, ладонь козырьком к глазам, но смотрел недолго, у куявов ничто не меняется, разве что народа все больше и больше с каждым днем.

— Ждут, — сказал он наконец. — Либо сдадимся, как сдались бы они сами, либо помрем с голоду... как сделали бы славы, либо ринемся на верную смерть, чтобы умереть в бою.

Придон буркнул, не отрывая взора от куявского лагеря:

— А что предлагаешь ты?

— Я? — удивился Плеск. — Ты у нас вождь!.. Как скажешь, так и сделаем. Только скажи так, чтобы мы разбили этих поганцев. И чтоб с песнями обратно в Куябу.

— Разобьем, — ответил Придон зло. — А как иначе? Мы — артане! Нам быть вечно. А куявы сгинут, сгинут до единого.

— А мы поможем сгинуть?

Придон кивнул:

— Только выберу, как именно их стереть в порошок.

Плеск оскалил рот в широкой усмешке, браваду и мужество молодого тцара оценил, подал коня назад, сказал на прощанье:

— Река здесь хоть и не очень широкая, но глубокая, сам мерил. И быстрая! Коней унесет, перетопит. А эти трусы держат и на том берегу кучу народа. Достаточно, чтобы не дать строить мост.

Придон даже не посмотрел ему вслед, только ухо привычно ловило стук копыт неподкованного коня. Героям не нужны мосты, они даже брод не ищут, а переправляются хоть на коне, хоть без коня вплавь. Но только нет с ним тех, на кого привык опираться: Тура, Олексы, Крока, Аснерда, Вяземайта, Ральсвика, Щецина, Меривоя, Франка...

Он проехался вокруг своего лагеря, заодно посматривая на небо, пробуя взглядом землю. Осень затягивается, зима все не наступает, но уже подул морозный ветер, за ночь земля твердеет, крохотные лужи сковывает тонкими хрустящими льдинками. Синее небо теперь грязно-серое, облака превратились в тучи, тяжелые и неопрятные, вода в реке стала свин-

цово-серой, зловещей, словно и не вода, а нечто чужеродное этому миру бежит в не выпускающих его берегах.

Он дождался ночи, луна встала крохотная, болезненно-бледная, в пятнах, но тут же зябко нырнула в рваные тучи, показывала изредка светлый бок, потом исчезла вовсе.

— Хорошо, — сказал Придон. — Все готовы?

В полутьме слышалось сдавленное дыхание, блеснули белки глаз. Из-за спин отобранного отряда ответил Плеск:

— Ждем, Придон. Мы горды, что ты выбрал нас.

— Посмотрим, — прорычал Придон, — что ты скажешь в реке...

Река шелестела громко, волны бились о берег, словно не река, а море, однако шли чуть ли не на цыпочках, в воду входили осторожно, крадучись.

Придон зашел первым, холод ворвался в тело с такой же яростью, с какой они готовились ворваться в лагерь на том берегу, сердце в ужасе затрепыхалось, выбросило в тело столько горячей крови, что вода закипела.

Он бесшумно опустился по шею, оглянулся, в темноте смутно виднеются круглые, будто плывущие от берега тыквы, головы. У некоторых выглядывают из воды рукояти топоров, остальные опустили их пониже, так плыть легче.

Вода стремительно уносила вниз по течению, он шел наискось широкими взмахами, волна иной раз перекатывалась через голову, но ошпарила только первая, тут же привык, плыл быстро, но не чересчур, иначе останется один, а других унесет на версту.

Справа начал обгонять Плеск, Придон узнал его по взблескивающему серебряному браслету на левой руке. Плеск наддал, Придон не стал гнаться, пусть старый герой первым выберется на берег, все равно надо затаиться и ждать, пока соберутся все.

Берег ощутил по тому, как вдруг медленно начали исчезать снизу редкие тусклые звезды. Из воды поднималась громада вставшей на дыбы земли, вода здесь не хлюпала, а рычала, подгрызая скрепляющие глину корни.

Придон ухватился за эти древесные сети, тонкие и непрочные, отыскал на ощупь толстый, в руку, корень, подтя-

нулся, выбрался по нему, как кот. Уже наверху прижался к земле и старался различить, где же шатры вождей, уши ловили далекие голоса, это стражи у костра борются с дремотой; фырканье коней, эти чуют пришельцев издали, предупреждают хозяев, как могут, но те беспечные, не слышат, а если и слышат, то не понимают язык коней так, как понимают артане.

За спиной слышалось дыхание, рядом падали все новые тела. Он все лежал, затаиваясь, наконец над ухом голос прошептал:

— Придон, нас уже две сотни!.. Карпат и вторую веревку протянул, скоро здесь будет половина войска!

— Нам столько не надо, — ответил Придон шепотом. — Ножи в руки, пошли!

Стражи у костра упали мертвыми, даже не поняв, что́ их убило. Плеск и Карпат, даже не вытерев ножи, пошли крадучись к следующему сторожевому костру, а Придон во главе отборного десятка начал пробираться к шатру князя Антланца, он его высмотрел при вечернем свете и был уверен, что не промахнется, не пройдет мимо.

Первая сотня быстро разбежалась вокруг лагеря, стараясь не выпустить никого, а вторая, разбившись на малые группки, разделила между собой шатры военачальников и двинулась где ползком, где на четвереньках....

Белозерц вышел на холм, с ним были Ктырь, Гедзь и Кулмей, все настороженно всматривались в ночь, вслушивались. Ночь на диво оказалась ветреной, Белозерц чувствовал, что руки одрябли и наверняка стали синими, лицо стянуло, будто вымазался вишневым клеем, вообще онемело от стужи.

За спиной воинский стан, а дальше удушающая петля реки, впереди же черная стена земляного вала, за которым словно бы встает огромное багровое солнце. Это тысячи куявских костров, там пьют и веселятся, уже празднуют победу над страшными артанами.

Все верно, по всей Куявии артане исчезают, растворяются, как льдины в теплой талой воде, и вот уже сплошное по-

ловодье захлестнуло Куявию. Непотопляемыми островами оставались только захваченная артанами Куяба, где расположились десять тысяч артанской конницы, да само войско Придона, сейчас вот беспомощно застрявшее в излучине...

Белозерц встрепенулся, вроде бы послышался далекий гул. Нет, показалось...

Ктырь вскрикнул за спиной:

— Смотрите, там все горит!

На том берегу, куда ушел с двумя сотнями отважных Придон, сейчас разгорались огни. Уже не костры, так могут гореть в степи если не дома, то шатры, телеги, повозки, весь огромный обоз с его хламом, тряпками, запасами дерева для луков, топорищ, древков копий, мотков тетивы...

— Рано, — сказал Белозерц властно. — Рано!

— Но они уже начали, — не унимался Ктырь.

— Рано, — повторил Белозерц. — Надо, чтобы и здесь все заметили. И чтобы поверили, что все войско переправилось на тот берег.

В темноте колыхалась тяжелая однообразная масса, словно поднималась талая вода, грозя выйти из берегов и захлестнуть весь мир. Белозерц слышал запах тысяч сильных тел, слышал сдержанное дыхание и даже сухое пряданье ушами, похожее на внезапный взлет из травы крупного кузнечика.

На него смотрели с ожиданием, он чувствовал, что смотрят, помимо военачальников, и тысячи пар глаз рядовых воинов, выждал еще, еще, а затем, взмолившись небу, чтобы удалось все рассчитать верно, крикнул:

— Вперед!.. Замостить ров!

Конский топот он услышал намного позже, а сперва кони пронеслись так тихо, словно копыта обмотали тряпками. Первые три сотни всадников проскакивали перед рвом по длинной дуге, швыряли заготовленные вязанки хвороста, а лишь потом Белозерц прокричал:

— На врага!

Вся конная масса ринулась в сторону огромного вала, отделившего их от мира, от жизни, от побед и красивой героической гибели с топором во вскинутой руке.

...Во дворце тревожились, ждали вестей, ибо, по слухам, куявская армия блестяще окружила объединенное войско Придона и Оргоста, загнала их в мешок и даже отрезала от бегства глубоким рвом и высоким валом. Артанам оставалось только броситься на врага и погибнуть, причем половина погибнет еще во рву. Или же умереть с голоду, чтобы не сдаваться. Был еще вариант покончить всем самоубийством, это вполне в духе артан, хотя оставался шанс, что если попрыгают в бурное течение, то не все потонут, кого-то вода выбросит на берег, и если тот не умрет от сильнейшей простуды, уже почти зима, то может и уцелеть... до тех пор, пока не наткнется на шныряющих всюду в поисках артан куявов.

Слуги всерьез обсуждали, что последний вариант самый лучший: не придется закапывать десятки тысяч трупов артан, а закапывать надо, чтобы не было трупных болезней. Им в ответ резонно указывали на время года: за зиму зверье растащит даже кости, гнить весной будет нечему.

Итания не находила себе места, в груди свила гнездо боль, и злые змеи, поселившиеся там, постоянно вонзали отравленные зубы в сердце.

Но однажды далеко за городом звонко пропели трубы. Она услышала из своих высоких палат, встрепенулась. Возвращается человек, которого ненавидит и без которого жить не может. Возвращается с победой, так извещает о себе только победитель... но его победа — это унижение Куявии, разгром ее армий, кровь и разорение ее страны.

Придон поразился, когда Итания вышла навстречу бледная, похудевшая, с большими несмелыми глазами. Она не ждала его в своих покоях, но и не выбежала навстречу, как уже встречают некоторых из его героев, вон у Ктыря уже на седле что-то радостно визжащее и обнимающее за шею, целующее в глаза, щеки, брови, даже в уши, Придон взглянул только мельком, и то осталось впечатление искрящегося нетерпением счастья, а вот Итания смотрит грустно, с неловкой усмешкой. Сердце ее расколото: его победа — новое поражение ее Куявии.

Но и он сам на краткий миг показался ей не тем, который уезжал: стал выше, шире в плечах, пахнет силой и грубостью,

движения стали бесцеремоннее, размашистее, перевязь сдернул через голову и швырнул в угол, не глядя, куда упадет его топор и что разобьет.

— Итания, — сказал он нежно, но голос его наполнил зал, эхо заметалось под сводами в поисках выхода. — Итания, я ни о чем не мог думать, как о тебе... Наверное, я наделал множество ошибок!

Она улыбнулась натянуто, ответила с усилием, чувствуя, что ее голос звучит тоже неестественно:

— Вряд ли, ведь ты малыми силами сумел разгромить огромнейшее войско и привезти в Куябу пополнение!

Ей вдруг почудилось, что они оба избегают смотреть друг другу в глаза, что-то пробежало мимо, какая-то неловкость, натянутость. Он поспешно обнял ее, она несмело прильнула к широкой груди, но так по крайней мере не надо смотреть друг другу в глаза. Ухо уловило стук огромного сердца, на плечи и на спину легли горячие ладони. Она прислушалась, нет, все по-прежнему, от него тот же жар, та же страсть, та же мечта вдвинуть ее в свою грудь, закрыть там, как в створках закрывает жемчужину раковина, и носить в своем сердце, оберегая от холода, зноя, ветра, чужих взглядов.

— Мы оба наделали множество ошибок, — шепнула она.

— Да, — согласился он неожиданно. — Да, Итания...

Он подхватил ее на руки, ее тонкие бледные руки обхватили его крепкую, прокаленную солнцем шею. Мрамор ступеней заискрился, приветствуя, поспешно лег под пыльные сапоги, повел к распахнутым дверям, где застенчиво юркнул под роскошный красный ковер. Стражи стукнули древками копий в пол, широкие улыбки на загорелых лицах, белые зубы, навстречу послушно потекли густые запахи, от которых отвык, но, оказывается, в этом аромате, если прислушаться, что-то есть и приятное...

Немножко изумленный, что воспринимает по-другому и запахи, и красоты дворца, которые раньше казались нелепыми, он гордо и нежно нес ее через весь дворец, и везде их приветствовали радостными криками.

Когда они были на лестнице, она спросила тихо, щекоча губами ухо:

— Как тебе удалось? Я страшилась, что ты погиб...

— Я? — изумился он. — Итания... я же бессмертен!

Она прижалась к его груди, уютно и надежно на этих широких плитах, шепнула:

— Придон... я все хотела спросить, но не решалась, если ты бессмертный, то почему был весь изранен? Если неуязвим...

Он поднялся на пролет, прежде чем ответил тихо:

— Итания, ты заметила, что я избегаю притрагиваться к мечу Хорса?.. Он и так, побывав у меня за спиной, наделил меня нечеловеческой мощью. Или потому, что это я собрал его из обломков? Не знаю. Но если вытащу его из ножен, то обрету всю мощь его... хозяина.

Ей стало страшно, прижалась, спрятала лицо у него на груди. Он нес ее бережно, почти не чувствовала его шагов. Только свет то нарастал, то снова уходил, она понимала, что проходят мимо светильников.

— И потому ты не взял этот меч?

Она услышала над ухом сдержанный смешок:

— Итания!.. Я даже топором, как ты уже заметила, не очень-то... Все твои родственники ушли если и не целы, то живы. А раны заживут.

Она ощутила едва слышный толчок, это Придон ногой открыл двери в ее покои, опередив обалдевших стражей. Дверь за спиной захлопнулась, он прошел через все огромное помещение, Итания цеплялась за его шею, но он опустил ее на ложе, сказал с виноватой улыбкой:

— От меня пахнет потом и кровью.

Она в удивлении вскинула тонкие брови.

— С какой поры ты стал этого стыдиться?

— Не знаю, — признался он, — с того момента, как мне почудилось, что тебе может не понравиться этот чудный запах! И сразу же он перестал нравиться и мне.

Она слушала затаив дыхание. Впервые он признавался так откровенно, что она влияет на него, переделывает, меняет. А ему, мелькнула у нее сочувствующая мысль, это же трудно ужасно, мужчины вообще не хотят меняться, они сами все вокруг себя меняют, переделывают, приспосабливают.

Он пошел к дверям, подмигнув ей, не уходи, я вернусь скоро. Итания сказала умоляюще:

— Мне с каждым днем будет все тревожнее, когда ты выходишь в бой! Я не хочу, чтобы тебя даже ранили. А ведь могут и...

Она запнулась. Он посмотрел серьезно, покачал головой:

— Итания, открою одну тайну...

Она взмолилась:

— Женщине? Не смей!

— Ты у меня не женщина... Итания, меня вообще убить нельзя. Невозможно. Мечи твоей родни для меня, что крылья бабочек, да и то пролетающих далеко-далеко, но я сам тогда, после разговора с тобой, так страстно хотел умереть... Хотел, получал жестокие раны, но умереть не мог, не получалось. Я даже чувствовал пару раз, как их мечи рассекают мне сердце, я сам допустил их туда, но эти раны, причиняя боль, заживали сразу. Я старался тогда умереть... но сейчас, поверь, хочу жить!

Он взялся за дверную ручку, Итания прошептала:

— Хорошо...

Он услышал, уже в дверях оглянулся, с глубокой нежностью смотрел в ее бесконечно милое лицо.

— Правда?

— Да, Придон. Я не хочу, чтобы они... нет, я не хочу, чтобы они даже ранили тебя! Даже чуть-чуть ранили. Я вообще устала от вида крови, убийств, страданий. Я хочу в Зачарованный Мир своего собственного тцарства.

Он сказал серьезно:

— Теперь я не позволю себя даже ранить.

Умылся он быстро, вытерся чистым холщовым полотенцем, стирая остатки пота, бросил его слуге, но, едва шагнул в сторону покоев Итании, в комнату быстрыми шагами вошел Волог. Лицо его было красным, несмотря на холодный осенний воздух, на левой скуле затягивалась свежей кровяной коркой ранка.

В двери заглянули и, убедившись, что Придон там, торопливо вошли Краснотал, Бачило, Канивец и Прий.

Волог сказал могучим гулким голосом, но хмурым, словно ненастное утро:

— Придон, хорошо, что я тебя застал... Придон, сильнейшие богатыри сейчас далеко от Куябы! Аснерд, Вяземайт, Меклен и Меривой в горах осаждают проклятую долину с драконами, Полусвет и Колесник застряли в Белой Веже, Волин вообще неизвестно где сгинул, никаких вестей...

Придон сказал коротко:

— Знаю. Что ты хочешь?

Волог переступил с ноги на ногу, развел руками. Военачальники остановились за его спиной, образовав группу, Волог оказался на ее клине.

— Придон... — сказал Волог, — ты помнишь, меч Хорса в состоянии защитить весь город. Надо вернуть его в храм Хорса и возложить на алтарь. Если надо, то даже принести жертвы всякие, хотя, думаю, Хорсу такие мелочи незамечаемы...

Краснотал, видя, что Придон молчит, сказал настойчиво:

— Они будут гореть, как мухи на раскаленной сковородке, как только попытаются коснуться городских стен!.. А мы посмотрим на их жалкие рожи.

Бачило добавил:

— Посмеемся!

Придон перевел взгляд на Канивца. Тот сдержанно улыбнулся:

— Да, посмотрим, какие у них будут рожи, когда увидят, что меч защищает город от них точно так же, как защищал от артан!

А мудрый Краснотал обронил громко:

— А почему это их меч? Добыл его в дивных странах наш тцар.

— Добыл, теряя друзей, — добавил Канивец.

Холодная волна затопила грудь Придона, как половодье заливает грязной водой поля, принося мусор, выдранные кусты, утонувших зверьков, палые прошлогодние листья, собранные в лесу и по всему пути...

...где Аснерд, взмолился он молча. Где Вяземайт, Щецин, Меклен? Уж они-то не посоветовали бы такое... чисто куявское.

Он вздохнул, проронил глухо:

— Да, мы все устали. Мы совершили великое деяние, пустили своих степных коней вскачь и, промчавшись по равнине, взлетели на вершину сверкающей горы. Здесь холодно, одиноко и даже иногда... страшно. Мы устали, очень устали, отдав все силы. Что теперь? Спускаться, чтобы выжить?..

На него смотрели непонимающе, только мудрый Краснотал все понял, сказал осторожно:

— Разве позволить мечу Хорса защитить город, как было раньше, — это уступка куявскости?

— Мы не возводим высоких стен вокруг наших городов, — напомнил Придон, — чтобы не угасала наша доблесть, чтобы мы всегда были готовы сами встать стеной на защиту своих женщин!.. Мы сжигаем тела своих родителей и развеиваем пепел, чтобы вся земля была им могилой, чтобы мы защищали всю нашу землю, чтобы не давали копытам чужих коней топтать тела наших любимых! Мы совершенствуем себя, а не доспехи... и пока что мы стоим в Куябе, а не куявы в Арсе!

Они опускали головы, пристыженные. Расходились поспешно, теряя достоинство, только Краснотал остановился в дверях, оглянулся. Придон увидел в серых глазах старого военачальника восхищение и в то же время глубокую жалость.

ГЛАВА 14

Он поднялся на высокую башню, рассматривал несметные полчища куявов, что прибывали и прибывали. Все располагались от города, особенно от городских врат, подальше, опасаются внезапной вылазки артан, но даже там трусливо копают рвы, насыпают валы, огораживаясь на ночь ямами-ловушками, вбитыми в землю кольями, множеством костров, что горят вплотную один к другому.

На хмуром зеленоватом небе слабо тлел закат, узкой полосой над темным краем земли, в лагере пламя костров стало ярче. Передовые отряды куявов подъезжали к стенам совсем близко, осматривали деловито, искали уязвимые места. Придон видел их лица: худые, прокаленные солнцем, почти артанские, даже горделивые, и в седлах эти всадники сидят с

достоинством, а не с куявской мешковитостью. На их лицах, плечах, обнаженных руках играют алые блики заката, с заходом солнца кожа потемнеет еще больше, это настоящие воины, все лето в седлах, не отступятся.

И Волог, осторожно поглядывая то на куявов, то на Придона, сказал негромко:

— Эти так просто не уйдут!..

— Но и мы не уйдем, — ответил Придон.

Он всматривался в куявских всадников с жадным интересом. Новых наемников куявы набрать не могли: все золото, все сокровища уже в руках артан. Часть здесь, в Куябе, остальное успели вывезти в Артанию, Вяземайт поспособствовал, чтобы сразу же... чувствовал, что будет вот так.

— Наемники? — предположил Оргост, словно уловив его мысли.

Придон покачал головой:

— Нет, куявы...

— Такие воины?

— Значит, мы их чему-то научили, — сказал Придон с непонятным оттенком в голосе. — Это куявы. Настоящие.

— Настоящие...

— Да. Мы с них сбили позолоту, свинство. Даже трусость сбили!

Волог вскрикнул:

— Что там? Да как же они...

Одного взгляда Придону хватило, чтобы понять, что сейчас случится перед воротами. Один из отрядов артанской молодежи, отправившись из Артании на свой страх и риск, удачно прошел все уже отвоеванные куявами земли, избежал стычек с большими массами войск и вот скачет на усталых конях к граду Куябе, еще не понимая, что костры с четырех сторон города — это вовсе не артанские костры...

— Коня! — закричал Придон страшным голосом.

Волог крикнул ему в спину:

— Их уже не спасти...

Но сам бросился следом. Голова закружилась, пока несся по бесконечной винтовой лестнице, с разбега так часто заде-

вая стену, что стер до крови твердую и толстую, как подошва сапога, кожу на плече.

Выскочил из башни в тот миг, когда Придон вскакивал в седло. К воротам бросились воины, вынимали засовы. Оргост закричал, чтобы подали коня, выхватил топор, ворота распахнулись, Придон пустил коня в бешеный галоп, Оргост ринулся следом, а сзади загрохотали копыта сотни телохранителей.

Куявы тоже заторопились отрезать новоприбывших от города: выехали на тяжелых конях, выбегали и копьеносцы, пешие воины в легких латах, лучники и пращники, все в сумятице, спешке. Толкаясь и мешая друг другу, но их уже десять к одному, а когда соприкоснутся, их будет сто на одного, кровь вскипела от такой чудовищной подлости, Придон заорал дико, выхватил топор и привстал в стременах, привлекая к себе внимание.

Его заметили, поколебались, потом кто-то закричал громко: «Придон! Это сам Придон!» — крики подхватили, и вся ощетинившаяся копьями рать повернула в его сторону.

— Итания! — закричал он. — Итания!..

Этот свирепый крик настолько был похож на боевой клич «Артания!», что Оргост и телохранители грянули мощно, дружно и без задержки, земля дрогнула, куявы замерли в страхе, и в тот же миг герои обрушились на это трусливое стадо.

Придон кричал в ярости, рубил, сек, топтал, разметывал эти ничтожества, с широкого лезвия кровь уже не брызгала, а изливалась реками, со всех сторон падали разрубленные тела, он поворачивался молниеносно, его лезвие успевало рассечь троих, прежде чем четвертый заносил меч, но конь ломился вперед, топтал, бил копытами, дробя черепа, со всех сторон крики и ржанье, рядом взлетало лезвие топора Оргоста, он пробивался вперед и все не мог опередить Придона, а телохранители в ярости рубились, стараясь обойти Придона и закрыть своими телами.

Мир часто становился красным, Придон смахивал кровь, заливающую глаза, и рубился дальше, потом вдруг остановился как вкопанный. Придон в ярости замахнулся, но это был Оргост, он прокричал Придону прямо в лицо:

— Назад!.. Те уже пробились к воротам!

— Я хочу драться, — прохрипел Придон и хотел повернуть коня. Но Оргост закричал люто:

— Дурак, они только пробились к воротам, но не прошли! Им надо помочь, там заслон...

Придон молча повернул коня. Телохранители, заметно поредевшие, тоже спешно поворачивали скакунов, со стороны ворот Куябы слышались крики, звон оружия, а пыльное облако поднялось выше стены.

Когда они уже разогнали коней, готовые ударить в спину окружившим отряд артанского пополнения, распахнулись ворота. Выметнулись конники со вскинутыми над головой топорами. Куявы оказались между молотом и наковальней, начали бросать оружие.

Придон ударил в спину, Оргост и телохранители рубили молча, дыхание вырывалось с хрипами. Сзади нарастал топот, на помощь куявам спешило все войско.

Смяв куявов, новоприбывшие втянулись в распахнутые ворота, Оргост ухватил коня Придона за узду и втащил в ворота. Он что-то кричал, Придон не слышал, навалилась страшная слабость, он ощутил, что задыхается, в глазах снова стало красно, а потом и вовсе потемнело. Он чувствовал, как его подхватили, в ушах противно зазвенело, затем все стихло, он провалился во тьму.

В ушах снова тонко и противно зазвенело, а перед глазами чернота. Рассеивалась медленно, нехотя, проступили встревоженные лица, а комариный звон перешел в человеческие голоса.

Он слабо повел головой, над ним расписанный драконами свод его покоев, он сам на ложе, в комнате поодаль тихо переговариваются Волог и Бачило, за столом Аснерд, а на краешке ложа застыла в скорби Итания, бледная, с заплаканными глазами и мокрыми дорожками на щеках.

— Итания... — прошептал он.

Она вздрогнула, глаза счастливо заблестели. Одна рука метнулась ко рту, удерживая вскрик, а пальцы второй он держал в своей ладони.

— Придон, — прошептала она. — Мы уж думали, что ты...

Военачальники повернули к нему головы. Волог и Бачило подошли быстро, в глазах Волога был страх, что Итании почудилось.

— Что... с людьми? — прошептал Придон.

— Прибыло восемьсот, — сказал Аснерд громко и четко. — Правда, выехало из Артании четыре тысячи. Одну потеряли в боях, а пока пробивались сюда...

Он умолк, в глазах была боль. Аснерд закончил хмуро:

— Ладно, что случилось, то случилось. Если бы Придон не бросился на помощь, погибли бы до одного. А так восемьсот молодых жизней спасено. Правда...

Придон спросил слабым голосом:

— Что?

— Оргост тоже умер. Сразу за воротами. Узду твоего коня пришлось разрезать, он так и не разжал пальцы.

— Моя сотня? — спросил Придон.

Волог сказал тихо:

— Ее больше нет. Ни один... С тобой возвращалось двенадцать, но они остановили коней по ту сторону ворот, иначе мы бы не закрыли ворота. А так куявы, с трудом одолев, успели только поцеловать замок, а их со стен в три ряда...

Умолк, смотрел на Придона исподлобья, хмурый и неподвижный, ожидая распоряжений. Придон прошептал:

— Что... с войском куявов?

Аснерд ответил угрюмо:

— Все еще растет. Всей массой на столицу, как будто где-то в горах озеро прорвало. Если будет идти, как шло, то дня через три этот вал просто перехлестнет наши стены.

Дверь без скрипа отворилась, неслышно вошел Вяземайт. Придон заскрипел зубами. По лбу пробежала крупные капли пота. Веки опустились, Аснерд решил, что тцар впал в забытье, но губы Придона дрогнули, все услышали шепот:

— Меч...

Аснерд насторожился.

— Что? Взять меч? Может быть, топор?

Вяземайт покачал головой:

— Бредит. Он сейчас и перышка не поднимет.

— Меч, — донесся прерывающийся шепот. — Меч Хорса...

Волхв и воевода переглянулись. Вяземайт сказал в сомнении:

— Ты вроде бы не брал его ни разу...

— Боюсь, — ответил Придон сипло, — время пришло.

Итания в страхе смотрела, как они подтащили стол вплотную к ложу. Придон попробовал поднять руку, не смог. Аснерд взял его руку и положил пальцами на рукоять меча. Придон напрягся, лицо исказилось, на лбу вздулись жилы. Пальцы сомкнулись на рифленой рукояти, блеснула узкая полоска выдвигаемой из ножен стали.

Нет, не стали, из ножен выходил отвердевший солнечный свет. Придон, сцепив зубы и почти теряя сознание от чудовищных усилий, тащил и тащил меч из ножен, и уже когда сужающееся острие покинуло ножны, он ощутил, что теряет сознание...

...но вместо черноты в мозг хлынул поток ослепительного света. Он вспомнил каждый день своей жизни. Каждое слово, сказанное или услышанное им, мозг дрожал от жажды все понять и постичь, а тело едва не взорвалось от прилива нечеловеческой мощи. Он закричал, судорога прошла по телу.

Аснерд и Вяземайт невольно попятились, когда Придон одним прыжком оказался на полу, в правой руке полыхает неземным светом меч, кулак левой руки в недоумении сжимал и разжимал перед глазами, нет следа от ран, как все тело свободно не только от ран, но не осталось даже шрамов.

Аснерд с шумом выпустил запертое в груди дыхание:

— Придон... Ты все-таки уцелел!

— А про этот меч такие страсти рассказывали, — добавил Вяземайт. Он с изумлением смотрел на Придона. — Ты... как? Я чую, на тебе не только раны затянулись...

Придон вскинул меч над головой, разгоняя полумрак, глаза расширились, он неотрывно смотрел на противоположную стену. Аснерд быстро оглянулся, сам хватаясь за кинжал, но там было пусто.

— Ты ничего не видишь? — спросил Придон.

— Нет, — ответил Аснерд настороженно. — А что я должен увидеть?

Руки с рукояти кинжала он не убирал, ноздри дергались, пробуя воздух. Придон помедлил, голос его дрогнул:

— Да так... почудилось. Прости, Аснерд, я все еще слаб. Отдохну.

Аснерд все еще таращил глаза, Вяземайт схватил воеводу за локоть.

— Отдыхай, Придон!.. Заглянем попозже.

Когда они вышли, Аснерд спросил настороженно:

— Как думаешь, что он увидел?

Вяземайт оглянулся на дверь, буркнул, понизив голос:

— На голой стене?

— На голой, — ответил Аснерд раздраженно, — на стене! Не виляй.

— То, что видим, — сказал невесело Вяземайт, — когда в руке яркий факел.

— Но мы ж не видели!

— Так и у него был не факел.

После их ухода Придон в задумчивости осмотрел, не щурясь, пылающее лезвие, сунул в ножны. В огромном помещении сразу померкло. Итания прерывисто вздохнула, на Придона смотрела с изумлением и страхом.

— Придон... почему так? Ты же сказал, что отныне ты бессмертен! И что никто даже не может тебя ранить, если ты сам не... Ты сказал, что мои дяди тебя ранили, потому что ты чувствовал вину передо мной и ты сам хотел умереть... Но почему сейчас?

Он скривил губы в горькой усмешке, ножны с мечом держал в обеих руках, словно не зная, отбросить ли в угол или же прицепить к перевязи и перебросить за спину.

— Меч Хорса. Хотя при чем здесь Хорс?.. С этим пылающим мечом Азазель когда-то у ворот райского сада... Азазель... ушел, но в мече его часть... Итания, я сказал правду. Но я еще не знал, что буду чувствовать... где-то глубоко внутри себя, вину и перед куявами! Уж такого бы никогда не подумал. Но вот теперь, клянусь, из этого меча в меня вошла часть души того, кто им обладал первым. И теперь я в самом деле навеки неуязвим и бессмертен.

Он умолк, Итания переспросила:

— У этого меча была душа?

Он кивнул, улыбка стала совсем вымученной.

— Да... хотя он сам что-то вроде души. Крохотной части души Того, Высшего. Я не могу объяснить тебе, Итания. Я сам не могу объяснить даже себе... Слишком сложно, понимаешь? Да и надо ли объяснять?

Она сказала с грустью:

— Но с тобой произошло... что-то, помимо заживления этих страшных ран?

— Увы, — ответил он горько, — да. Это страшно, однако... я бы не хотел, чтобы такое зажило!

Она отшатнулась, он был страшен, глаза невидяще смотрели в пространство. На его лице отразилось смятение, пот выступил на лбу. Придон зашатался, сел, рука его поднялась рывками, а пот стер с таким усилием, будто двигал гору.

— Нет, — выговорил он наконец. — Я не хочу туда заглядывать... сейчас. Я люблю тебя, Итания. У нас мало времени. Я хочу, чтобы оно все было только нашим.

Ночами лужи застывали, подергивались тонкой хрустящей пленкой льда, что звонко лопалась под ногами. Земля окаменела, а блестящие рытвины, словно политые маслом, превратились в камень. Последние жалкие стебли трав пожухли, почернели и прижались к земле, стараясь своим телом укрыть хотя бы корни.

Непрерывно дул несильный, но холодный северный ветер, нагоняя серые тучи, что в конце концов затянули небо от края и до края. По утрам нередко с неба срывался мелкий снег, но чаще всего таял еще в воздухе.

Еще одно мощное куявское войско подошло к городу и расположилось в виду городских стен, но в некотором отдалении, не смешиваясь с остальными частями. И хотя сил вроде бы немало, но в куявском стане витало ощущение, что если артанский гарнизон выведет несокрушимый Придон, то с войском булатногрудого героя не справиться никому. Во все концы Куявии помчались гонцы, созывая на последний, возможно, бой. Если артане потеряют Куябу, то им больше ничего не останется защищать, и Куявия будет освобождена.

Простояли так неделю, за это время куявское войско увеличилось на треть за счет ополчения из простонародья, крестьян и беглых разбойников. Щецин и Меклен сумели прислать гонцов, что подойти к Куябе не могут, войска обескровлены, измучены. В сторону Куябы двигается возникшее прямо на месте крепкое куявское войско, они всеми силами его сдерживают, разрушают перед ним мосты и гати, при каждой возможности дают бой, но куявы продвигаются тупо, упорно, впервые не считаясь с огромными потерями.

Вдали от Куябы застряли с сильными отрядами Радамант и Замча, они пытались открыть дороги, ведущие из Артании: куявы везде разослали быстро растущие полки, стараясь не пропустить свежих сил артанских искателей славы.

Теперь, когда Куяба так близка и соблазнительно доступна, куявы уже в бешенстве смотрели на неприступные стены. Хорошо видно артан, спокойно и уверенно прохаживаются по верху стены, чернеют огромные чаны, кипятят смолу. Можно рассмотреть груды тяжелых булыжников, все это посыплется на головы осаждающих. На вершинах башен суетятся мастера, нацеливают огромные самострелы, способные посылать стрелы с копье размером. Такие летят впятеро дальше и способны пробить вола насквозь, вот еще видно катапульты, эти швыряют каменные глыбы далеко и точно.

Придон редко поднимался на городскую стену, на башни вообще как будто брезговал, помнил, что лучшая защита — доблесть, а не стены, а теперь артане отсиживаются за стенами и не чувствуют в этом ничего зазорного...

Сегодня он поднялся, оставив телохранителей внизу, скрестил руки на груди и вперил неподвижный взгляд в далекую россыпь костров. Вяземайт приблизился, с беспокойством посматривая на юного и так быстро взрослеющего тцара. Придон смотрел в затянутое тучами небо без всякой ненависти, хотя сейчас там, за тучами, прячутся ненавистные отвратительные чудовища, холодные крылатые ящерицы непомерных размеров.

Драконы взлетают поочередно, но тучи им мешают точно так же, как Меривою и Франку, Огнивцу и Верену: одни не

видят, что делается в городе, а другие не успевают прицелиться в изредка мелькающие силуэты.

Вяземайт остановился рядом и, глядя, как и Придон, на красновато-оранжевую россыпь, проронил:

— Здесь осталось только два дракона. Не знаю, сколько еще в Долине Иггельда, с теми справится Аснерд, а здесь... два. Если их убить, драконы перестанут ужасать мир! Одна из задач артан будет выполнена.

Придон ответил, не шевеля лицом и едва двигая губами:

— Творец мог бы их стереть с лица земли одним пальцем.

— Творец, создав нас, — сказал Вяземайт строго, — перестал что-либо делать сам. Теперь все его дела обязаны продолжать мы!.. Даже волки и медведи, что задирают сельский скот, — создания Творца! Но не драконы, не гарпии, не инеистые великаны, не гномы или эльфы

Придон кивнул, но лицо оставалось безразличным, а голос прозвучал вяло:

— Да-да, они — порождения тех изгнанных ангелов, что восстали против Творца.

— Не восстали, — возразил Вяземайт. — Все в мире делается по его воле, так что против его воли восстать нельзя. Но Творец позволил тем, кто был с ним не согласен... понял?

Придон покачал головой:

— Если честно, то — нет. Зачем это было нужно? Ну, облекаться плотью и спускаться на землю?

Вяземайт поморщился:

— Забыл свою молодость? Всегда кажется, что на месте родителей сумел бы умнее и лучше. А эти двести удальцов решили утереть старику нос. Показать, как надо!.. Вот и показали... Старость — прежде всего мудрость. Он знал, что зов плоти чудовищно силен. И обуздывать ее нужно терпеливо. А эти сразу же попались в ловушку, сперва вступив в связь с женщинами, а потом и вовсе...

— Что «вовсе»?

— Понимаешь, ангелы, облекшись плотью, уже не могли из нее выйти, но все-таки умели ее менять. И они пользовались своим умением... Один в облике коня овладел одной красавицей, и у той родился крылатый пегий конь, потом в

облике лебедя овладел другой красавицей, та снесла яйца, из которых родились поочередно сперва самая красивая женщина той страны, затем два брата-близнеца, а потом и вовсе многоногая змея... В облике быка овладел другой красавицей, увез через океан... вернее, повез, но по дороге она утопла. Это от них, падших частиц Творца, пошли среди людей куявские непотребства, как то: мужчина с мужчиной, женщина с женщиной, те и другие с животными... У них не было тех нравственных законов, каких уже придерживались люди... наверное, первыми эти законы все-таки приняли артане, так что и в непотребствах виноваты они, Первые. И от этого на свет появились не просто звери — тех создал Творец, а именно твари. Твари чудовищной мощи, ловкости и даже знающие магию! Их назвали драконами, гарпиями, оборотнями, людьми ночи, духами Леса, Степи, Гор... Ну, а самые долгоживущие из них или даже бессмертные стали богами... Потом те, Первые, ушли...

— Сами?

Вяземайт пожал плечами:

— Никто не знает. Возможно, их истребили набравшие мощи существа, ставшие богами.

Придон подумал, покачал головой:

— Нет.

— Что нет?

— Как не могут нас истребить, скажем, пара жуков, так и богам не равняться с Первыми. Ну, которые восставшие ангелы.

В голове молодого тцара была жуткая убежденность, лицо на мгновение полыхнуло неземным светом, затем застыло, но в глазах еще оставались искры огня, который был еще до создания земли и всего сущего.

Вяземайт сказал осторожно:

— Придон, я никогда тебя не спрашивал... Но ты знаешь о том мире очень много. Однако ты не из тех, кто гнет спину за книгами.

— Верно, Вяземайт, — ответил Придон глухо. — Но мы должны смотреть вперед. Одно хорошо, мы перебили здесь всех магов и колдунов, а по всей Куявии их не так уж и много.

Так что стены Куябы, надеюсь, они не обрушат. Мы красиво сюда пришли! Красиво и уйдем... В небесные чертоги, где нам уже уготованы места.

— Не выполнив предначертания?

Придон сказал непривычно мягко:

— Не выполним мы, выполнят наши внуки. Артания будет вечно!.. По крайней мере — артанскость. Наш артанский дух, наша вера, наша доблесть, наши честь и достоинство.

Вяземайт посмотрел в ночь на далекие бесчисленные костры. Их столько, и уходят за горизонт, что почудилось, будто звездное небо опустилось на землю.

— Что можем выполнить мы, — сказал он сухо, — должны выполнять мы, а не кивать на потомков. Последних на земле драконов уничтожит Аснерд, если уже не уничтожил. Мы уничтожили колдунов, магов и чародеев... но остался еще один город, который мы не взяли... Да-да, Куявия захвачена вся, но в перечне взятых городов нет знаменитого Родстана, второй столицы Куявии! Там собраны самые сильные колдуны. Они укрыли свой город чарами. Наши отряды проходили мимо, не замечая...

Придон посмотрел в его суровое лицо, понял, кивнул.

— Отпускаю, Вяземайт. Не боись, мы справимся. А если нет, то... мы ведь славно жили, верно? Мы не запятнали себя?

Вяземайт крепко-крепко обнял его. Так стояли некоторое время, чувствуя горечь разлуки, возможно, навсегда. Вяземайт отступил на шаг, глаза вспыхнули жарким пламенем. Пошел нестерпимый жар, Придон закрыл лицо ладонью, а когда отнял, на месте Вяземайта кружился маленький смерч.

И только оставалось ощущение его твердых ладоней на плечах.

ГЛАВА 15

Вихрян пугал Антланца, Ратшу и всех выдвинувшихся в последние месяцы военачальников куявского воинства страшным обожженным лицом, но, когда те слышали его скупую взвешенную речь, видели его фигуру, полную достоинства, всегда проникались уважением и трепетом, которые уже дав-

но не испытывали к другим людям. Для Ратши самый страшный удар по уважению к богатым и знатным нанес князь Брун, с тех пор не встречалось достойного человека, которому бы поклонился, как младший старшему, как ученик учителю. В каждом видна червоточинка, и только в Вихряне чувствуется странное внутреннее достоинство, упрятанное глубоко, как жемчужина, что хранится за толстыми и крепкими створками, не допуская вовнутрь даже чужого взгляда.

Сейчас Вихрян взглянул на Антланца ровно, без выражения, готовый к тому, что человек дернется, отшатнется в ужасе при виде куска сырого мяса на месте его лица. Собственно, только правая половина лица обожжена вечным огнем, кожа левой уцелела, но там багровые рубцы шрамов, что так и не зажили, брови и ресницы сожжены вместе с мясом, глаза кажутся нечеловеческими, словно у орла или большой ящерицы.

— Что прикажете, вождь? — спросил он.

Антланец отмахнулся:

— Ты знаешь, кто у нас вождь, а я только командую левым крылом куявской армии. Если это уже армия...

Вихрян покосился на Ратшу, тот засмеялся и развел руками:

— Я командую правым крылом. Но нашего вождя сейчас здесь нет, что ты хотел, Вихрян?

Вихрян проговорил спокойно:

— Не считаете ли, что пора начинать готовить штурмовые лестницы, а также изготовить как можно больше таранов? Катапульты не понадобятся, в городе больше куявов, чем артан, но без таранов не обойтись...

Да, считаю, хотел сказать Антланец, ибо это самое мудрое, что можно сделать, но эта мысль ему и в голову не пришла, все думал тупо ломиться в ворота, и, глядя в полное благородства лицо Вихряна, пошутил:

— Знаешь, Вихрян, ты все делаешь настолько верно, словно не десятником или сотником был в прошлом, а по крайней мере водил полки. И эта твоя идея очень хороша. Жаль, что я сам до нее не додумался раньше.

Вихрян, не шевельнув лицом, с достоинством поклонился:

— Но сейчас-то вы додумались.

Антланец покачал головой:

— Вихрян, не надо меня щадить. Я не настолько слабый, чтобы приписывать себе чужие умные мысли или успехи. Это придумал ты. Придумал прекрасно и вовремя. Возьмешься провести эту осаду?

Вихрян, глядя ему в глаза немигающим взором, проронил:

— Да.

— Вот и прекрасно, — ответил Антланец. — Я уже заметил, что все, за что берешься, у тебя получается.

На миг лицо Вихряна неуловимо изменилось, словно тень саркастической улыбки промелькнула и унеслась, а он сам сдержанно поклонился и вышел из шатра. Антланец смотрел тупо в спину, а Ратша, что скромно стоял в сторонке, заметил ехидно:

— Ну и кто из нас дурак слепой?..

— Да ладно тебе, — буркнул Антланец. — Ну, брякнул, не подумав. Это ж ты у нас... воитель! А я так, больше хозяйственник.

Ратша отмахнулся:

— Воителем я был давно. Последние годы, как и ты, жил почти по-куявски. Жил-поживал, добро наживал. Меч ржавел потихоньку.

Оба коротко смерили друг друга ревнивыми взглядами: оба огромные, тяжелые, высокие и очень сильные, что позволило им быстро завоевать уважение среди мужчин и собрать собственные войска. Правда, Антланец спустился с гор с готовой дружиной, она только обрастала пополнением, а Ратша сперва дрался один, выбирая артан-одиночек, лишь со временем собрал быстро растущее войско.

Оба, скрестив взгляды, как мечи, разом повернули головы в сторону выхода, где исчез Вихрян. Антланец мысленно обругал себя, дурак тупой, как мог такое сказать, ведь что-то же искалечило этого человека так жутко? Не все получается, бестактно напоминать, скотина...

Из-за той неловкости еще некоторое время видел мыслен-

ным взором ровную спину Вихряна, вспоминалось странное достоинство движений, что проступает в Вихряне с каждым днем. Когда он пришел в войско со своей пестрой ватагой, больше похожей на разбойничью, сам выглядел вожаком разбойников, а когда стал сотником, а потом и тысячником, в нем неуловимо проступило благородство движений, речь стала более ровной, сдержанной, утончилась, почти исчезла грубость, но осталась властность и тот напор, что подчиняет толпы и заставляет признать хозяином, вожаком, командиром.

А ты, Вихрян, не так уж прост, мелькнула мысль. Слухи, что ты был беричем, а потом за оскорбление бера разжалован в песиглавцы, не объясняют, почему у тебя такое лицо. Другим этого достаточно, дальше не докапываются, но...

А надо ли это мне, мелькнула другая, более трезвая мысль. Хранит некие тайны, значит — так надо. Это его личные тайны. Их разгадка не поможет быстрее или бескровнее взять Куябу и вышибить оттуда оставшихся артан и бессмертного Придона...

Колдуны сообщили, что удалось договориться с подземными рудокопами. За право владениями двумя горами с богатыми залежами драгоценных камней они обещали обрушить часть стены, но люди за это должны убрать все рудники и копальни от тех двух гор. Антланец пообещал, поклялся, а когда рудокопы усомнились, что слово будет крепким, ведь не он правит Куявией, Антланец похлопал по рукояти меча и сказал кратко:

— Вот что сейчас правит Куявией. Тцар, что не пожертвует двумя горами ради спасения отечества, — не может быть тцаром!

Его спросили:

— И что ты сделаешь?

Антланец ответил, не задумываясь:

— Первым обращу против него свой меч!

Еще неделю готовились к последнему штурму, расставили людей огромными отрядами, всем наметили участки, кто куда ударит. Когда Антланец начал объяснять Вихряну, что тот

сделает и куда нанесет удар, Вихрян сказал очень ровным голосом:

— Я поведу своих людей через дворец князей Бивингов.

Антланец покачал головой:

— Отпадает.

— Почему?

— Их дворец выходит тыльной стороной в нашу сторону. Там ни дверей, ни окон, а сам чуть ли не с версту, захекаешься, пока обойдешь. Ты не видел, а я видел, что это за чудище! Говорят, когда еще самой Куябы не было, то князья Бивинги уже были, понял? Эта стена их дворца служила вообще крепостной стеной. Все тогдашние жители прятались в этом дворце! Так что лучше иди по направлению к...

Вихрян прервал:

— Прости, но если прямо сквозь стену?

Антланец развел руками:

— Как?

— Ко мне попали кое-какие старые документы, — ответил Вихрян ровно и посмотрел Антланцу в глаза. — Есть тайный ход. В одном месте вместо каменных глыб — стена из глины, присыпанная по мокрому каменной крошкой, из-за чего то место не отличить от других, что из каменных блоков.

Антланец смотрел исподлобья.

— Не знаю, откуда у вас такая чушь... но эта стена, как я уже сказал, чуть ли не на версту. Ну на полверсты или на четверть. Пока будете ощупывать стены, вас перебьют сверху камнями и даже ночными горшками!

— Мы не будем ощупывать, — пообещал Вихрян.

Антланец смерил его взглядом, Вихрян уже и не тысячник вроде бы, а по всем повадкам знатный бер или князь. Но что-то он не слышал о князе с таким именем.

— Ладно, — сказал он, морщась, что многие загадки проскальзывают мимо, а он занимается сразу тысячью дел и ни одно не может сделать сам. — Ты командуешь своей тысячей, надеюсь, нас всех проведешь этой дорогой... если в самом деле ее знаешь.

...На другой день Вихрян с мечом в руке повел войска к стене дворца Бивингов. На расстоянии выстрела из лука он вскинул над головой щит и бросился к стене.

— Быстрее!.. И да помогут нам боги!

Раздался грохот, по стене пробежала черная извилистая трещина. Огромные глыбы отламывались от стены. Вихрян с разбега прыгнул в пролом, следом скакали, как козы, дико кричали от восторга, он пронесся по глыбам до выхода, выпрыгнул, ощетинившийся, озверелый, с оскаленными зубами.

Сзади кто-то толкнул, пробежал мимо с диким воплем:

— Мы — в Куябе!.. Мы уже в Куябе!

Впереди прогремела частая дробь копыт, из переулка выметнулся конный отряд. Блеснули топоры, Антланец закричал, нагнетая ярость, его меч взлетел и принял на себя удар топора. Щитом он закрылся от топора другого артанина, рядом кричали и рубились его соратники, из ямы выпрыгивали, как огромные разъяренные муравьи, бросались в сечу, озверелые воины, простолюдины с мечами, косами, рогатинами, простыми дубинами, а то и с оглоблями.

К обеду были захвачены шесть домов, прилегающих к стене. Артане свирепо рубились в каждой комнате, в каждом дверном проеме, в окнах, умело защищали лестницы, все ступени были залиты кровью, куявские ополченцы гибли на каждом шагу, но и артане, не отступая ни на шаг, оставались там же, а куявы ломились дальше, неистовые, яростные, презирающие смерть, забрызганные кровью, с кричащими ртами.

В домах еще шел бой, а самые неистовые выпрыгивали в окна и бросались к следующему дому, откуда по ним стреляли из луков, с крыш бросали камни и даже бревна. Ополченцы, половина из которых впервые в жизни взяли в руки мечи, захватывали дома, взяли оба дворца Дуная, выбили артан из трехэтажного дома-крепости князя Долонца, хотя «выбили» не то слово: артане не отступили ни на шаг, каждый окружил себя валом из трупов куявов, но в конце концов степняки полегли все.

Были захвачены два дома по левой половине улицы, что

шла от городских врат. Песиглавцы, как могли, старались удержать ополченцев, направляли в наиболее слабые места артанской обороны, однако те яростно и самозабвенно ломились напролом, сражались, гибли, но в глазах блистали слезы счастья, это они освобождали от варваров их священный город Куябу, они смогли, они перемогли, осилили, одолели!

На ступенях храма бога Хорса завязался страшный бой, два гиганта, Плеск и Прий, дрались, не сходя с места. Крепкие и несокрушимые, как сами горы. Когда вал трупов поднялся им до пояса, они отступили, потом снова отступили, пока не встали в дверях и рубили всех, кто рисковал оказаться на расстоянии топора. И тогда против них вышел сам бер Ратник, уже старый, поседевший в боях, что мечтал, как артанин, умереть в сражении.

Куявы, трепеща, наблюдали за страшным боем. Грохот разносился такой, что вздрагивали стены.

Антланец, закованный в чешуйчатые доспехи, что делало его похожим на молодого дракона, рубился в переднем ряду, и напрасно великаны Голота и Сиромаха старались закрыть его своими телами или хотя бы щитами от падающих сверху стрел, камней, бревен, Антланец опережал прославленных героев и первым прорвался с малым отрядом к дворцу Тулея.

— Придон! — закричал он наконец. — Придон!..

Его тяжелый меч врубился в створки ворот с силой падающей скалы. Створки тряслись, рядом рубили огромными секирами Голота и Сиромаха, сверху по щитам словно стучал железный град, стрелы от ударов разлетались на сухие лучинки, с грохотом падали камни, лилась кипящая смола. Сотни рук ухватились за прорубленные дыры в воротах, трясли, расшатывали, выламывали толстые доски окровавленными пальцами.

Люди падали, сраженные, но сзади напирали с такой силой, что трупы долго не могли опуститься на пол. От грохота глохли, всюду видно было только разинутые рты. Задние вскарабкивались на плечи передних, цеплялись за решетки, закрывающие окна, вырубывали их, бросали вниз, а сами пролезали в узкие отверстия, падали на головы защитников.

Многие сумели, карабкаясь друг на друга, добраться даже

до третьего этажа, где шла вокруг всего здания широкая терраса.

Антланец ударился в поврежденную створку всем телом, проломил наполовину разрубленные толстые доски, рядом с разбегу шарахнулись десятки грузных тел, обе створки ворот, все еще сцепленные засовом, качнулись и повалились на пол, сорванные с петель.

— Победа!

С громовым ревом песиглавцы и ополченцы ринулись вовнутрь, сшиблись с артанскими богатырями. Антланец рубился, как осатаневший, как бы ни было вокруг тесно, он сразу же очищал место, перешагивал через трупы и двигался дальше. Он чувствовал тяжелые удары, теплая струйка текла со лба, сильно кололо в боку, сердце стучало часто, задыхалось, а жар разламывал череп.

К счастью, во дворец одновременно ворвались через окна, с грозными кличами прыгали вниз, сбегали по лестницам, бросались в самую гущу сражения. В узких местах трупы загораживали путь, приходилось разбирать завалы, снова и снова бросались на измученных и забрызганных кровью артан, что сражались молча, не отступая ни на шаг, сражались яростно, умело, никто не просил пощады, умирали стойко, дрались даже пронзенные мечами, дрались умирая, уже в последней смертной судороге стараясь ухватить врага и увлечь его с собой на пол.

Солнце опустилось, багровое зарево на полнеба медленно угасало. Яркие насыщенные краски тускнели, алая кровь заката покрывалась коричневой корочкой струпьев, в разломы лишь изредка полыхало пурпуром, но закат все еще держался, не угасал, напротив — начал разгораться ярче.

Итания как завороженная смотрела на краснеющее небо, потом багровость сменилась пурпуром, закатная заря стала выглядеть устрашающе прекрасной, зловещей. Итания зябко повела плечами, вскрикнула:

— Придон!.. Придон, это что?

За спиной раздались шаги, на плечи легли огромные горя-

чие ладони. Теплое дыхание коснулось шеи, и ласковые губы тронули ее ухо.

— Они пришли. Это горит город.

Она ахнула:

— А стена?.. Прошли?

— Да.

— Поверить не могу, — прошептала она. — Откуда нашлась сила... Кто их ведет?

Он ласково поцеловал в шею.

— Известно, хотя сам герой о себе молчит, все время выставляет вперед своих полководцев. Скромничает...

— Какой он?

— Единственный, — сказал Придон с заминкой, — на кого мне не хотелось бы поднимать топор или меч. Слишком чист и светел... Но если даже он взял оружие, то...

— Что?

Он ответил тихо и невесело:

— То мы не правы.

Молча смотрели на разгорающееся зловещее зарево. Уже треть неба окрасилась багровым, звезды неохотно гасли под натиском земного огня.

— Если вы сойдетесь в бою... — произнесла она медленно.

— ...я убью его, — закончил он. — Стыдно сказать, но я... несокрушим. И, увы, бессмертен.

Она вздрогнула:

— Но почему стыдно?

— Не знаю, — ответил он несчастным голосом. — Всегда мечтал о таком. Завидовал бессмертным богам! А сейчас гложет.

Она посматривала на него недоверчиво, раньше загорался при малейшей возможности схватки, не мог спокойно слышать зов боевой трубы, но сейчас лишь мазнул взглядом по страшному ширящемуся зареву, повернулся и с глубокой нежностью смотрел в ее лицо.

— Итания, — голос его звучал грустно, — я стал героем, когда был не сильнее, скажем, Аснерда или Скилла. Это не хвастовство, я в самом деле сделал то, чего не мог до меня никто: отыскал меч Хорса, а его искали тысячу лет!.. Но потом...

— Что случилось потом?

— Я стал бессмертным, — ответил он просто. — Ты знаешь, как я пытался и что именно пытался, и знаешь, что получалось... Теперь же никто не сможет меня даже поцарапать! Хоть с мечом Хорса в руке, хоть без него, ибо его частица уже во мне, я чувствую эту огненную мощь. Я сейчас сильнее всех богов, о которых рассказывают жрецы... Но как я стану сражаться, зная, что никакой противник не выстоит? Я артанин, Итания.

Грохот приближался, рос, начал сотрясать стены дворца. Итания расширенными глазами смотрела на Придона. Он стоял у окна, оранжевое зарево бросало на него недобрый отсвет, она видела только темный силуэт.

— Придон, — позвала она дрожащим голосом. — Придон!

Он не поворачивался, она подошла и легко положила ладонь на его твердое плечо. Показалось, что пальцы лежат на округлом валуне. Он обернулся, она отшатнулась в безмерном удивлении. Он улыбался широко и открыто.

— Я жил! — выдохнул он с жаром. — Я прошел огонь и воду, был в горах и в лесах, дрался с дивами и богами!.. Я любил и люблю безумно самую прекрасную женщину на свете... А что может быть выше?

Она вскрикнула:

— Придон!.. Я ничего не понимаю! О чем ты думаешь?

Его рука медленно потащила из ножен меч, мышцы красиво вздулись, он снова стоял перед ней молодой, красивый и беспечный, как в тот первый день. Зал осветился неземным огнем.

На стене появилась гигантская черная фигура, зловеще сдвинулась, страшная и угловатая. Итания замерла, это не ее привычная тень, что таскается за нею всюду, а если вблизи два светильника или больше, то и теней больше, серых и невыразительных. Свет выжег все тени, уже ни стол, ни металлические или мраморные статуи не отбрасывают в этом звездном огне тени, только от ног Придона тень протянулась через зал и застыла на дальней стене, угольно-черная, поглощающая все, даже камни.

Итания вскрикнула в ужасе:

— Придон!.. Что ты задумал?

— Итания, — сказал он любяще. В его глазах влажно заблистало. — Я был не прав... Я обижал, я думал только о себе, полагая, что о тебе! Я был не прав... и в другом, во многом, но теперь уже поздно. Но я — жил. Итания, я так люблю тебя... Я так люблю... Теперь даже в песнях не смог бы, как безмерно!..

Голос его прервался, в нем было столько любви и нежности, что Итания не выдержала, заплакала, бросилась ему на грудь. Он обнял ее одной рукой, другой не выпускал меч. В его глазах заблестели слезы, тяжелый квадратный подбородок вздрогнул. От них двоих во все стороны шел радостный чистейший свет, настоящий, свет первого дня, что заблистал раньше солнца и звезд.

— Что ты задумал? — спросила она беспомощно.

Он отпустил ее и как завороженный пошел к стене, не отводя от стены взгляда. Тень укорачивалась, уменьшалась, а когда он стал напротив стены, тень была уже почти его размеров. Итания неслышно шла рядом и потому услышала, как Придон произнес тихо, однако она уловила в его могучем голосе обвинение и печаль:

— Азазель, ты все знал...

Он повернулся, поцеловал ее крепко-крепко, до боли, она задохнулась, на ее губах солоноватая горечь его слез смешалась с ее слезами, а он молниеносно развернулся, меч превратился в широкий блистающий веер белого пламени.

Послышался легкий хруст, словно проломили корочку свежеиспеченного хлеба. Лезвие светоносного меча погрузилось в стену по самую рукоять. Придон стоял неподвижно, красивый и надменный, а черная тень судорожно дернулась, темные руки взметнулись в жесте отчаяния, черные пальцы ухватились за грудь... за то место в стене, куда в камни вонзился меч.

Он повернулся, лицо смертельно бледное, прошептал:

— Итания... Не о Творце мое последнее слово... Я везде буду любить тебя!..

Глаза его не отрывались от Итании. Смотрел бесконечно долго, вбирая взглядом, чтобы унести в те дали, куда зовет

неведомый Азазель. Итания вскрикнула, хотела обхватить его обеими руками, удержать, однако он уже повалился навзничь. Пол дрогнул, словно обрушилась гора. На стенах затрепетали огоньки светильников. Дверь трещала под ударами, выгибалась, с той стороны доносились крики, звон оружия, тяжелый грохот.

Она села на пол рядом с его телом, в глазах нестерпимо жжет, ладонь опустилась ему на лоб. Пальцы обожгло, Придон все еще накален, смертельный холод придет не скоро. Трепещущий свет померк, горящее лезвие быстро истаяло, по рукояти меча пробежала извилистая молния. Меч исчез, как прежде исчезла тень.

Дверь затрещала громче, вылетели обломки досок. В щели замелькали топоры, мечи, разъяренные бородатые лица. Крики стали ликующими, треск досок, лязг металла, в зал через пролом ворвались люди. От них веяло кровью и смертью, доспехи забрызганы красным, пурпурные капли срываются с лезвий обнаженных мечей.

Впереди бежали люди, лица их знакомы, видела во дворце, но не знала имен. Один, громадный, как медведь, в кольчуге и с непокрытой головой, начал на ходу поднимать длинный меч с красным лезвием. Она сказала мертвым голосом:

— Уберите оружие. Он не ответит.

Запыхавшийся Антланец опустил меч, глаза его метнули взгляд на кинжал в ее руке.

— Это вы его... Ваше Величество?

Итания ответила погасшим голосом:

— Да... Это я.

Вокруг был топот, ее окружили огромные распаленные боем люди, ликующие, что-то кричащие. Она не могла видеть их счастливые лица, склонилась над телом Придона, золотые волосы укрыли его опаленное солнцем лицо, ее губы накрыли его горячий и твердый рот. Она прошептала с болью:

— Не уйдешь... На этот раз... догоню!

За ее спиной ахнули, она уперла рукоять кинжала в грудь Придона.

— Ваше Величество!

К ней метнулись десятки рук, но Итания ухватилась обеи-

ми руками за горячие твердые плечи Придона, с силой прижалась к его телу. Все видели, как на ее спине натянулась ткань, высунулся острый окровавленный клюв.

— Хорошо... — выдохнула она. — Я страшилась... что не смогу... Теперь не разлучить...

Все, кто успел ухватить ее за плечи, поспешно разжали пальцы и отступили. Коман и Болгор выпрямились, рядом застыл богатырь Далич, по его серому испещренному оспой лицу покатились слезы, а его сводный брат Ранк, такой же хмурый и молчаливый силач, туповатый и бесчувственный, застыл, смотрит прямо перед собой, глаза наливаются влажным блеском, а губы начинают кривиться.

На Придоне ни одной царапины, но бессмертный мертв, его пытались поднять и не могли, всем казалось, что поднимают даже не гору, а горный хребет. Антланец кивнул Болгору, тот сделал знак остальным братьям, таким же могучим горным великанам. Только вшестером кое-как оторвали от пола тело героя, положили на ложе и долго стояли, опустив руки и тяжело дыша, покрытые испариной.

В мертвой тишине Антланец поднял легкое, как пушинка, тело Итании и опустил рядом. При этом движении ее рука сдвинулась и обняла его за шею, а голова легла ему на грудь. Все оцепенели. Лицо ее было такое же бледное, как у Придона, но спокойное и даже счастливое. Антланцу показалось, что они чем-то неуловимым похожи: самая прекрасная женщина на свете и этот неистовый герой.

Все долго молча стояли вокруг ложа, никто не двигался, никто не смел нарушить торжественную и скорбную тишину.

Остатки прорубленных дверей с грохотом рухнули, в зал, звонко цокая копытами, въехал на огромном черном, как ночь, коне мальчишка. С конем рядом шел жуткого вида хорт, массивный, под черной кожей переливались тугие мышцы. Глаза хорта полыхали пурпурным огнем. Казалось, череп полон пылающих углей, из глаз шел багровый свет преисподней.

Конь выступал неестественно ровно, в нем чувствовалась сила, превосходящая звериную, глаза с тем же зловещим огнем, без зрачков, сплошное пламя во всю глазницу. Маль-

чишка застыл в седле, глядя через головы на Придона. Лицо побледнело, прикусил губу, а потом, после долгой паузы, слез и начал протискиваться в центр, куда устремлены все взгляды.

Его видел только Антланец, мальчишка шел прямо, могучих вооруженных мужчин просто не замечал, тонкий и худой, однако раздвигал с легкостью быка, бредущего через заросли камыша. Рассерженный Далич, что едва удержался на ногах от толчка, грубо схватил его за плечо. Мальчишка, не останавливаясь, оторвал ему руку, словно травинку, и выронил на пол.

Рядом увидели, раздался крик, а Далич, онемев от боли, шатался и вскидывал брызжущий кровью обрубок. Несколько человек разом ухватили мальчишку за плечи, за руки. Тот лишь дернулся, так это выглядело, вокруг оказались стонущие и кричащие. Ранк, он стоял в одиночестве и смотрел задумчиво на Придона, повернулся на шум, спросил медленно:

— Что за...

Он ухватил железной рукой мальчишку за плечо. Тот, не глядя, с устремленным на лежащее впереди тело взором, отмахнулся, как от мухи. Удар пришелся кистью в грудь Ранка, закрытую его знаменитым двойным панцирем. Лязгнуло сминаемое железо. Ранк согнулся, изо рта с силой плеснула дымящаяся кровь. Он упал ничком и умер сразу с переломанной грудью.

Придон лежал на спине со все еще открытыми глазами. Он выглядел удивленным, но лицо спокойное, гордое, глаза смотрят в темноту свода с интенсивным вниманием, словно видят важное нечто, от всех остальных закрытое.

Несколько человек, выхватив мечи, набросились со спины на подростка. Их фигуры скрыли его со всех сторон, потом один вылетел из кучи, будто им выстрелили из пращи. Тело с металлическим звоном ударилось о потолок, оставив там кровавое пятно. Других разметало по залу, как ветер разбрасывает сухие листья.

Все с ужасом смотрели на невредимого мальчишку. Он обвел всех мрачным взглядом, в глазах медленно разгоралась ярость. В тишине прозвучал чей-то дрожащий голос:

— Кто... ты?

— Ютлан, — ответил мальчишка, голос был звонкий, еще детский. — Я младший сын тцара Осенний Ветер, а Придон мой брат.

— Но ты...

— Да, мне пока нельзя брать в руки оружие взрослых.

Все застыли, Антланец со страхом посмотрел на лица военачальников.

— Но ты убил...

— Защищаясь, — ответил мальчишка с поистине артанским достоинством. — Если надо, обрушу весь курятник.

Антланец пролепетал, не понимая, куда делся его знаменитый медвежий рык, от которого вздрагивали горы:

— Курятник?

В глазах мальчишки опасно полыхало багровое пламя. Судорога прошла по лицу, взметнулась тонкая кисть, удар пришелся ребром ладони по мраморной плите. Страшно треснуло, словно над головами ударил гром. Кусок отколотой плиты мальчишка подхватил ногой и швырнул в другой конец зала. Послышался глухой удар, стена вздрогнула, а мраморный обломок рассыпался с легкостью комьев глины.

Лица военачальников посерели. Антланец видел, что все понимают одно и то же: если мальчишка обрушит стены, то выберется из развалин цел и невредим.

— Ты за Придоном? — спросил он торопливо.

— Да, — ответил мальчишка, голос его становился все злее. — Я заберу его.

Антланец страшился, что военачальники ответят криками негодования, что разъярят мальчишку, а этого ни в коем случае нельзя допускать, но увидел их побелевшие лица, понял, что у самого такое же, сказал торопливо:

— Да-да, мы поможем тебе... Дадим волов, хорошую повозку...

— Я уже взял, — ответил мальчишка.

Антланец на миг закрыл глаза и стиснул челюсти, представив, сколько человек пытались остановить этого странного мальчишку, когда просто вот так взял чью-то повозку перед дворцом Тулея, и сколько трупов сейчас расклевывают воро-

ны по всей длинной дороге, где проехал на чудовищном коне и в сопровождении хорта.

Он сказал торопливо:

— Да, ты прав... Ты можешь забрать!.. Но справедливо ли...

Ютлан молча смотрел на него полыхающими красными глазами.

— Они любили, — сказал Антланец, — Справедливо ли разлучить их сейчас, твоего старшего брата и эту женщину?

Глаза Ютлана медленно из красных становились оранжевыми, из них пошел жар.

— Теперь я — старший брат, — произнёс он ровным голосом.

Трепет прошел по телу Антланца, который раньше не знал, что такое страх. Оглянулся на побледневших Комана, Болгора, своих детей и других героев. Странный мальчишка легко, как пушинку, взял Придона на руки и понес к выходу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 22
Глава 4 32
Глава 5 42
Глава 6 51
Глава 7 63
Глава 8 74
Глава 9 87
Глава 10 98
Глава 11 112
Глава 12 122
Глава 13 133
Глава 14 149
Глава 15 162
Глава 16 167
Глава 17 180
Глава 18 189
Глава 19 200
Глава 20 211
Глава 21 222
Глава 22 234
Глава 23 243
Глава 24 257

Глава 25 269
Глава 26 288
Глава 27 296

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1 306
Глава 2 316
Глава 3 331
Глава 4 342
Глава 5 356
Глава 6 369
Глава 7 381
Глава 8 391
Глава 9 405
Глава 10 415
Глава 11 425
Глава 12 438
Глава 13 451
Глава 14 464
Глава 15 475
Глава 16 486
Глава 17 498
Глава 18 509
Глава 19 518
Глава 20 529
Глава 21 540

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1 552
Глава 2 563
Глава 3 574
Глава 4 589

Глава 5 603
Глава 6 612
Глава 7 625
Глава 8 638
Глава 9 646
Глава 10 658
Глава 11 669
Глава 12 684
Глава 13 693
Глава 14 703
Глава 15 714

Литературно-художественное издание

Никитин Юрий Александрович

ПРИДОН

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Тагирова*
Художественный редактор *Е. Гузнякова*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

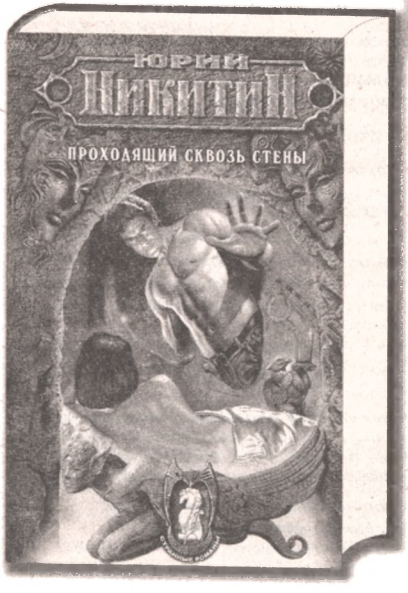
Подписано в печать 08.11.2006.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 38,64.
Тираж 5000 экз. Заказ № 4602615

Отпечатано на ОАО "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская,32.

ЮРИЙ НИКИТИН

НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ



www.nikitin.wm.ru

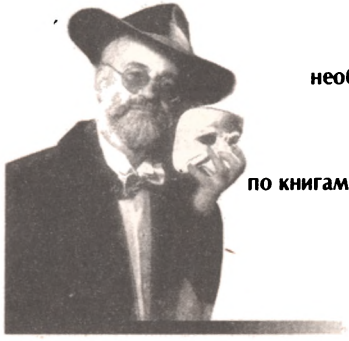
www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Также в 2006 году вышли новые романы мастера:
«Трансчеловек», «Последняя крепость», «Возвращение Томаса»

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР ТОНКОГО ЮМОРА И ГЛУБОКОЙ ИРОНИИ

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ



Миллиарды тонких замечаний,
необыкновенных ситуаций и ни одного
повторения за все время
головокружительного путешествия
по книгам ТЕРРИ ПРАТЧЕТТА!

«Собирая мир, Создатель выдал на-гора массу выдающихся и в высшей степени оригинальных идей. Однако сделать мир понимаемым в его задачу не входило»

Из романа «Мор»

«Кольчуга не слишком защищает от стрелы, особенно если та нацелена вам между глаз».

Из романа «Дамы и Господа»

« – А кто такой философ?
– Тот, у кого хватило ума подыскать себе непыльную работенку, не связанную с подъемом тяжестей».

Из романа «Мелкие боги»

КАЧЕСТВЕННАЯ ПРОЗА
ТОЛЬКО ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ЦЕНИТЕЛЕЙ ЖАНРА

http://pratchett.info

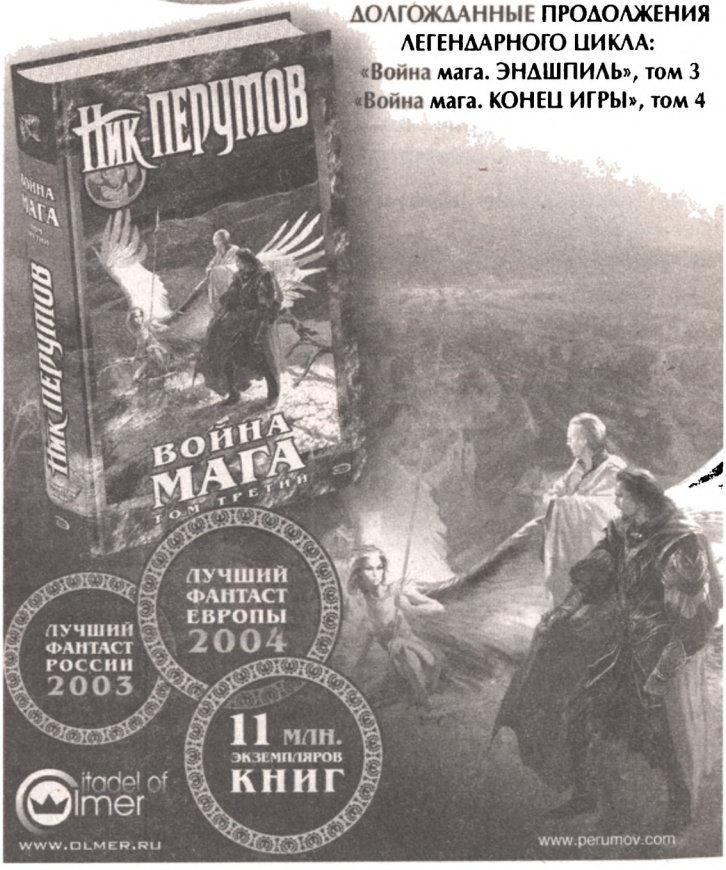
www.eksmo.ru

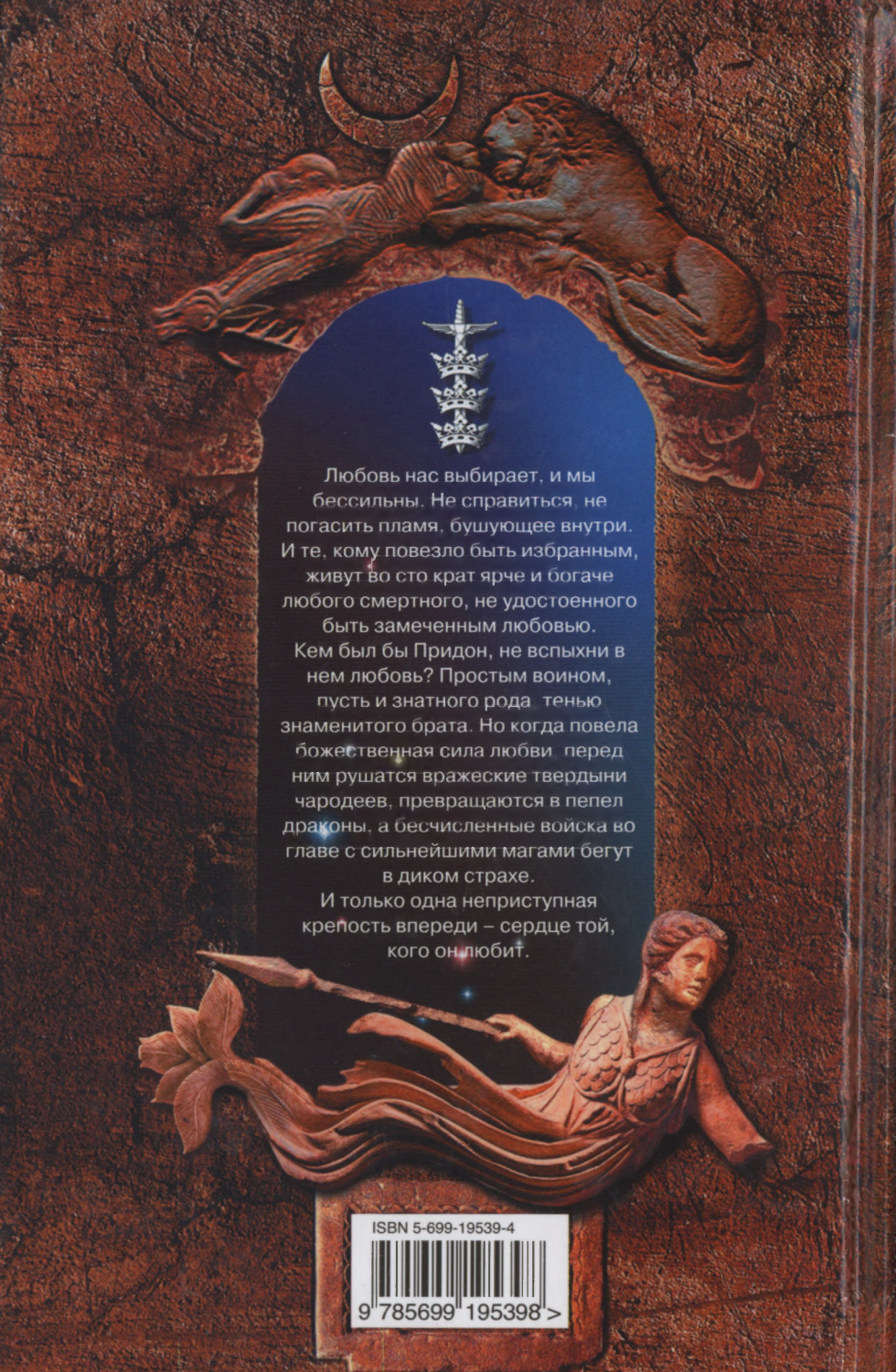
Самый популярный отечественный автор фэнтези

Ник Перумов

Война мага

ДОЛГОЖДАННЫЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ
ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА:
«Война мага. ЭНДШПИЛЬ», том 3
«Война мага. КОНЕЦ ИГРЫ», том 4





Любовь нас выбирает, и мы бессильны. Не справиться, не погасить пламя, бушующее внутри. И те, кому повезло быть избранным, живут во сто крат ярче и богаче любого смертного, не удостоенного быть замеченным любовью.

Кем был бы Придон, не вспыхни в нем любовь? Простым воином, пусть и знатного рода, тенью знаменитого брата. Но когда повела божественная сила любви, перед ним рушатся вражеские твердыни чародеев, превращаются в пепел драконы, а бесчисленные войска во главе с сильнейшими магами бегут в диком страхе.

И только одна неприступная крепость впереди – сердце той, кого он любит.

ISBN 5-699-19539-4